Mil. g. 370^c (1
V3 / Zieu

128 956 n/71

Денисъ Давыдовъ

СОЧИНЕНІЯ

ДЕНИСА ВАСИЛЬЕВИЧА

ДАВЫДОВА.

из книг
А.В. Кокорева

Изданіе четвертое, исправленное и дополненное по рукописямъ автора.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Съ приложеніемъ семи чертежей.

МОСКВА.
Въ типографіи Бахметева.
1860.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 20-го Ноября 1858 года. Цензоръ *В. Бекетовъ.*

17-го Ноября 1858 г. и 18-го Марта, 1859 г. Воен. Цензоръ, Полковникъ *Штюрмеръ.*

Москва, 8-го и 17-го Декабря 1858 года. Цензоръ *Н. Фонъ-Крузе.*

2-го Апрѣля и 12-го Мая, 1859 года. Цензоръ *Д. Наумовъ.*

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Davydov

Fg /79 /98540

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Проникнутый чувствомъ благоговѣйнаго уваженія къ памяти покойнаго родителя моего, Дениса Васильевича Давыдова, я почелъ священною для себя обязанностью собрать въ одно цѣлое всѣ произведенія пера сего даровитаго воина-писателя. Недостатокъ полнаго собранія сочиненій этого автора и найденныя мною новыя рукописи съ весьма значительными измѣненіями и дополненіями, все это побудило меня предпринять новое изданіе сочиненій покойнаго отца моего. Въ составъ новаго изданія входятъ: Извѣстіе о жизни Дениса Васильевича съ портретомъ его, при чемъ обозначены собственныя слова автора, почерпнутыя изъ его сочиненій, Автобіографія его, приписанная покойнымъ родителемъ моимъ сослуживцу его генералу О.Д.О., полный Партизанскій дневникъ съ приложеніемъ многихъ весьма любопытныхъ документовъ, Матеріалы для исторіи современныхъ войнъ съ краткими характеристическими очерками нѣкоторыхъ нашихъ славныхъ военныхъ дѣятелей, стихотворенія автора, равно и стихи, ему посвященные знаменитѣйшими современными писателями, и нѣкоторыя письма его. Прочія статьи, уже помѣщенныя въ прежнихъ изданіяхъ, какъ-то: Встрѣча

съ великимъ Суворовымъ, Встрѣча съ фельдмаршаломъ графомъ Каменскимъ, Урокъ сорванцу, Тильзитъ, Переписка съ Вальтеръ-Скоттомъ, Морозъ ли истребилъ Французскую армію? Сраженіе при Прейсишъ-Эйлау, Занятіе Дрездена, Замѣчанія на некрологію Раевскаго, Разборъ трехъ статей, Воспоминаніе о Кульневѣ и Опытъ теоріи партизанскихъ дѣйствій, также значительно дополнены и измѣнены. Сюда также вошли неоконченныя авторомъ статьи: Воспоминанія о 1826-мъ годѣ и Мысли при извѣстіи о неудачномъ предпріятіи на Константину въ 1836-мъ году.

Я вполнѣ сознаю, что составленный мною опытъ біографіи покойнаго отца моего весьма слабъ и не полонъ; онъ далеко не обрисовываетъ характера нашего Партизана-поэта, который, какъ онъ самъ выразился, при первомъ крикѣ о войнѣ торчитъ на аванпостахъ, какъ казачья пика, а съ наступленіемъ мира обращается къ сохѣ и воспѣваетъ вновь любовь и гусарскую жизнь. Я почитаю при этомъ долгомъ сказать, что для составленнаго мною извѣстія о жизни Д. В. Давыдова много заимствовано изъ біографіи его, помѣщенной въ галлереѣ лицъ 1812 года.

ДНЕВНИКЪ ПАРТИЗАНСКИХЪ ДѢЙСТВІЙ,

1812 ГОДА

Дениса Давыдова.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ. 20 Ноября 1858 года.

Ценсоръ *В. Бекетовъ.*

1812 годъ.

Съ 1807-го по 1812 годъ я былъ адъютантомъ покойнаго князя Петра Ивановича Багратіона въ Пруссіи, въ Финляндіи, въ Турціи, вездѣ близъ стремени сего блистательнаго полководца. Когда противныя обстоятельства отрывали его отъ дѣйствовавшихъ армій, тогда онъ, по желанію моему, оставлялъ меня при нихъ: такъ я прошелъ курсъ аванпостной службы при Кульневѣ въ 1808 году въ сѣверной Финляндіи и при немъ же въ Турціи въ 1810 году, во время командыванія арміей графа Каменскаго.

Въ 1812 г. поздно было учиться. Тучи бѣдствій разразились надъ дорогимъ отечествомъ нашимъ и каждый сынъ его обязанъ былъ платить ему наличными свѣдѣніями и способностями. Я просилъ у князя позволеніе стать въ ряды Ахтырскаго гусарскаго полка. Онъ похвалилъ меня и писалъ о томъ военному министру. Я былъ 8-го апрѣля переименованъ въ подполковники съ назначеніемъ въ Ахтырскій гусарскій полкъ, расположенный тогда близъ Луцка. 18-го мая мы выступили въ походъ къ Бресту-Литовскому.

Около 17-го іюня армія наша расположена была въ окрестностяхъ Волковиска, полкъ нашъ находился въ Заблудовѣ, близъ Бѣлостока.

17-го іюня началось отступленіе. Отъ этого числа, до назначенія меня партизаномъ, я находился при полку; командуя 1-мъ баталіономъ, (*) я былъ въ сраженіяхъ подъ Миромъ, Романовымъ, Дашковкой и во всѣхъ аванпостныхъ сшибкахъ, до самой Гжати.

Видя себя полезнымъ отечеству не болѣе рядоваго гусара, я рѣшился просить себѣ отдѣльную команду, не смотря на слова, произносимыя и превозносимыя посредственностію: *никуда не проситься и не отъ чего не отказываться*. Напротивъ, я всегда былъ увѣренъ, что въ ремеслѣ нашемъ тотъ только выполняетъ свой долгъ, который переступаетъ за черту его, не равняется духомъ, какъ плечами въ шеренгѣ съ товарищами, на все напрашивается и ни отчего не отказывается.

При сихъ мысляхъ я послалъ къ князю Багратіону письмо слѣдующаго содержанія.

«Ваше Сіятельство!

Вамъ извѣстно, что я, оставя мѣсто адъютанта вашего, столь лестное для моего самолюбія, и, вступя въ гусарскій полкъ, имѣлъ предметомъ партизанскую службу и по силамъ лѣтъ моихъ, и по опытности моей, и если смѣю сказать, по отвагѣ моей. Обстоятельства ведутъ меня по сіе время въ рядахъ моихъ товарищей, гдѣ я своей воли не имѣю и, слѣдовательно, не могу ни предпринять, ни исполнить ничего отличнаго. Князь! вы мой единственный благодѣтель; позвольте мнѣ предстать къ вамъ для объясненія моихъ намѣреній; если они будутъ вамъ угодны, употребите меня по желанію моему, и будьте надежны, что тотъ, который носилъ званіе адъютанта Багратіона пять лѣтъ сряду, будетъ умѣть поддержать честь сію со всею ревностью, какую бѣдственное положеніе любезнаго нашего отечества онаго требуетъ.»

Денисъ Давыдовъ.

(*) Въ то время гусарскіе полки состояли изъ двухъ баталіоновъ, каждый баталіонъ въ военное время заключалъ въ себѣ 4 эскадрона.

21-го августа князь позвалъ меня къ себѣ (*); представъ къ нему, я объяснилъ ему выгоды партизанской войны, при обстоятельствахъ того времени: «непріятель идетъ однимъ путемъ» говорилъ я ему, «путь сей протяженіемъ своимъ очень великъ; транспорты съ продовольствіемъ непріятеля покрываютъ пространство отъ Гжати до Смоленска и далѣе. Между тѣмъ обширность части Россіи, лежащей на югѣ Московскаго пути, способствуетъ изворотамъ не только партій, но и цѣлой нашей арміи. Что дѣлаютъ толпы казаковъ при авангардѣ? Оставя достаточное число ихъ для содержанія аванпостовъ, надо раздѣлить остальное на партіи и пустить ихъ въ средину каравана, слѣдующаго за Наполеономъ. Пойдутъ-ли на нихъ сильные отряды? Имъ есть довольно простора, чтобы избѣжать пораженія Оставятъ ли ихъ въ покоѣ? Они истребятъ источникъ жизни и силы непріятельской арміи. Откуда возметъ она заряды и пропитаніе? Наша земля не такъ изобильна, чтобы придорожная часть могла прокормить двѣсти тысячъ войска, а оружейные и пороховые заводы не на Смоленской дорогѣ? Къ тому же, обратное появленіе нашихъ, посреди разсѣянныхъ отъ войны поселянъ, ободритъ ихъ и обратитъ настоящую войну въ народную. Князь! откровенно вамъ скажу: душа болитъ отъ вседневныхъ паралельныхъ позицій! Пора видѣть, что онѣ не закрываютъ нѣдра Россіи; кому не извѣстно, что лучшій способъ защищать предметъ непріятельскаго стремленія состоитъ не въ паралельномъ, а въ перпендикулярномъ или по крайней мѣрѣ, въ косвенномъ положеніи арміи, относительно этого предмета? и потому, если не прекратится избранный Барклаемъ и продолжаемый свѣтлѣйшимъ родъ отступленія, Москва будетъ взята, миръ въ ней подписанъ и мы пойдемъ въ Индію сражаться съ французами! (**) Я теперь обращаюсь къ себѣ собственно: если должно непременно погибнуть, то лучше я лягу здѣсь! въ Индіи я пропаду со

(*) Это было при Колоцкомъ монастырѣ, въ овинѣ, гдѣ была его квартира.
(**) Общее мнѣніе того времени, низложенное твердостію войска, народа и Царя.

ста тысячами моихъ соотечественниковъ, безъ имени и за пользу, чуждую моего отечества, а здѣсь я умру подъ знаменами независимости, около которыхъ столпятся поселяне, ропщущіе на насиліе и безбожіе враговъ нашихъ . . . а кто знаетъ? можетъ быть и армія, опредѣленная дѣйствовать въ Индіи!....»

Князь прервалъ нескромный полетъ моего воображенія; пожавъ мнѣ руку, онъ скалалъ: «нынче же пойду къ свѣтлѣйшему и изложу ему твои мысли.»

Князь Кутузовъ въ то время отдыхалъ; до пробужденія его вошли къ Князю Василій и Дмитрій Сергѣевичи Ланскіе, которымъ онъ читалъ письмо, полученное имъ отъ графа Растопчина и находящееся нынѣ у г-на Старынкевича, въ которомъ сначала было нѣчто похожее на это: «я полагаю, что вы будете драться прежде нежели отдадите столицу; если вы будете побиты и подойдете къ Москвѣ, я выду изъ нея къ вамъ на подпору со 100 тысячами вооруженныхъ жителей; если и тогда неудача, то злодѣямъ вмѣсто Москвы одинъ ея пепелъ достанется.» Это намѣреніе меня восхитило.

Весь тотъ день свѣтлѣйшій былъ занятъ, и потому князь отложилъ говорить ему обо мнѣ до наступающаго дня, а между тѣмъ мы подошли къ Бородину. Эти поля, это село мнѣ были болѣе, нежели другимъ, знакомы. Тамъ я провелъ и безпечныя лѣта моего дѣтства и ощутилъ первые порывы къ любви и славѣ. Но въ какомъ видѣ нашелъ я этотъ пріютъ моей юности! Надъ домомъ отеческимъ носился дымъ биваковъ, ряды штыковъ сверкали среди жатвы, покрывавшей поля, и войска толпились на родимыхъ холмахъ и долинахъ. Тамъ, на пригоркѣ, гдѣ нѣкогда я рѣзвился и мечталъ, гдѣ я съ алчностью читывалъ извѣстія о завоеваніи Италіи Суворовымъ, о перекатахъ грома русскаго оружія на границахъ Франціи—тамъ закладывали редутъ Раевскаго (*). Красивый лѣсокъ передъ

(*) Нѣкоторые военные писатели приняли въ настоящее время за правило искажать событія, въ которыхъ принималъ участіе генералъ Ермоловъ, они умолчиваютъ о заслугахъ сего генерала, коего мужество, способности, безкорыстіе и

пригоркомъ обращался въ засѣку и кипѣлъ егерями, какъ нѣкогда стаею гончихъ собакъ, съ которыми я носился по мхамъ и болотамъ. Все измѣнилось! Завернутый въ бурку и съ трубкою въ зубахъ, я лежалъ подъ кустомъ лѣса за Семеновскимъ, не имѣя угла не только въ собственномъ домѣ, но даже и въ овинахъ, занятыхъ начальниками. Я глядѣлъ какъ шумныя

скромность въ донесеніяхъ слишкомъ всѣмъ извѣстны. Такъ какъ подобныя описанія не могутъ внушить никакого довѣрія, я рѣшился либо опровергать вымыслы этихъ господъ, либо сообщать моимъ читателямъ все то, о чемъ имъ не угодно было говорить. Такъ напримѣръ въ описаніи Бородинскаго сраженія, никто не далъ себѣ труда собрать всѣ свѣдѣнія о взятіи нами редута Раевскаго, уже занятаго непріятелемъ. Почтенный Николай Николаевичъ Раевскій, именемъ котораго названъ этотъ редутъ, описывая это событіе, упоминаетъ слегка о Ермоловѣ, выставляя лишь подвиги Васильчикова и Паскевича. Отдавая должную справедливость блистательному мужеству этихъ двухъ генераловъ, и, основываясь на рапортѣ Барклая и на разсказахъ очевидцевъ и участниковъ этого дѣла, всѣ безпристрастные свидѣтели этого побоища громко признаютъ Ермолова главнымъ героемъ этого дѣла; ему принадлежитъ въ этомъ случаѣ и мысль и исполненіе. Это блистательное дѣло происходило при слѣдующихъ обстоятельствахъ: получивъ извѣстіе о ранѣ князя Багратіона и о томъ, что 2-я армія въ замѣшательствѣ, Кутузовъ послалъ туда Ермолова съ тѣмъ, чтобы, ободривъ войско, привести его въ порядокъ. Ермоловъ приказалъ храброму полковнику Никитину (нынѣ генералъ отъ кавалеріи) взять съ собой три конныя роты и не терять его изъ виду, когда онъ отправится во 2-ю армію. Бывшій начальникъ артиллеріи 1-й арміи графъ Кутайсовъ рѣшился сопровождать его, не смотря на всѣ представленія Ермолова, говорившаго ему: „ты всегда бросаешься туда, куда тебѣ не слѣдуетъ, давно-ли тебѣ былъ выговоръ отъ главнокомандующаго, за то, что тебя нигдѣ отыскать не могли. Я ѣду во 2-ю армію, мнѣ совершенно не знакомую, приказывать тамъ именемъ главнокомандующаго, а ты что тамъ дѣлать будешь.“ Они слѣдовали полемъ, какъ вдругъ замѣтили вправо на редутѣ Раевскаго большое смятеніе: редутомъ овладѣли французы, которые; не найдя на немъ зарядовъ, не могли обратить противу насъ взятыхъ орудій; Ермоловъ разсудилъ весьма основательно: вмѣсто того, чтобы ѣхать во 2-ю армію, гдѣ ему можетъ быть съ незнакомыми войсками не удастся исправить ходъ дѣлъ, не лучше-ли возстановить здѣсь сраженіе и выбить непріятеля изъ редута, господствующаго надъ всѣмъ полемъ сраженія и справедливо названнаго Бенингсеномъ ключемъ позиціи. Онъ потому приказалъ Никитину поворотить вправо къ редуту, гдѣ они уже не нашли Паскевича, а простѣленнаго полковника 26 дивизіи Савоини съ разнородной массой войскъ. Приказавъ ударить сборъ, Ермоловъ мужественно повелъ ихъ на редутъ. Найдя здѣсь баталіонъ Уфимскаго полка послѣдній съ края 1-й арміи, Ер-

толпы солдатъ разбирали избы и заборы Семеновскаго, Бородина и Горокъ, для строенія биваковъ и костровъ. Слезы воспоминанія брызнули изъ глазъ моихъ, но скоро ихъ осушила мысль, что я и оба брата мои были вкладчиками крови и имущества въ сію священную лоттерею.

моловъ приказалъ ему идти въ атаку развернутымъ фронтомъ, чтобы линія казалась длиннѣе и ей легче было бы захватить большее число бѣгущихъ. Для большаго воодушевленія войскъ, Ермоловъ сталъ бросать, по направленію къ редуту, георгіевскіе кресты, случайно находившіеся у него въ карманѣ; вся свита Барклая мужественно пристроилась къ нимъ и въ четверть часа редутъ былъ взятъ. Наши сбрасывали съ вала вмѣстѣ съ непріятелемъ и пушки; пощады не было никому; взятъ былъ въ плѣнъ одинъ генералъ Бонами, получившій 12 ранъ (этотъ генералъ жилъ послѣ долго въ Орлѣ; полюбивъ весьма Ермолова, онъ далъ ему письмо въ южную Францію къ своему семейству, которое онъ просилъ посѣтить. При полученіи извѣстій о побѣдахъ Французовъ, раны его закрывались и онъ былъ добръ и спокоенъ, при малѣйшемъ извѣстіи о неудачахъ ихъ, раны раскрывались и онъ приходилъ въ ярость). Такъ какъ вся масса нашихъ войскъ не могла взойти на редутъ, многіе въ пылу преслѣдованія, устремившись по глубокому оврагу, покрытому лѣсомъ и находящемуся впереди, были встрѣчены войсками Нея. Ермоловъ приказалъ кавалеріи, заскакавъ впередъ, гнать нашихъ обратно на редутъ. Мужественный и хладнокровный до невѣроятія Барклай, на высокомъ челѣ котораго изображалась глубокая скорбь, прибывъ лично сюда, подкрѣплялъ Ермолова войсками и артиллеріей. Въ это время исчезъ графъ Кутайсовъ, который былъ убитъ близъ редута; одна лошадь его возвратилась. Одинъ офицеръ, не будучи въ состояніи вынести тѣла, снялъ съ него знакъ св. Георгія 3 класса и золотую саблю. (Этотъ молодой генералъ будучи полковникомъ гвардіи—15 лѣтъ и генераломъ—24 лѣтъ, былъ одаренъ блистательными и разнообразными способностями. Проведя вечеръ 25 августа съ Ермоловымъ и Кикинымъ, онъ былъ пораженъ словами Ермолова, случайно сказавшаго ему: „мнѣ кажется, что завтра тебя убьютъ.“ Будучи чрезвычайно впечатлителенъ отъ природы, ему въ этихъ словахъ неизвѣстно почему послышался голосъ судьбы). Ермоловъ оставался на редутѣ около 3-хъ часовъ, пока усилившаяся боль, въ слѣдствіе сильной контузіи картечью въ шею, не вынудила его удалиться. Барклай написалъ Кутузову слѣдующій рапортъ о Бородинскомъ сраженіи: “Вскорѣ послѣ овладѣнія непріятелемъ всѣми укрѣпленіями лѣваго фланга, сдѣлалъ онъ, подъ прикрытіемъ сильнѣйшей канонады и перекрестнаго огня многочисленной его артиллеріи, атаку на центральную баттарею прикрываемую 26-ю дивизіею. Ему удалось оную взять и опрокинуть вышесказанную дивизію; но начальникъ главнаго штаба генералъ-маіоръ Ермоловъ съ свойственною ему рѣшительностью, взявъ одинъ только 3-й баталіонъ

Такъ какъ 2-я армія составляла лѣвый флангъ линіи, князь остановился въ Семеновскомъ. Вечеромъ онъ прислалъ за мною адъютанта своего Василья Давыдова. Когда я явился, онъ сказалъ мнѣ: «свѣтлѣйшій согласился послать для пробы одну партію въ тылъ французской арміи, но, полагая успѣхъ предпріятія сего сомнительнымъ, опредѣляетъ на оное только 50 гусаръ и 80 казаковъ; онъ хочетъ, чтобы ты самъ взялся за

Уфимскаго полка, остановилъ бѣгущихъ и толпою, въ образѣ колонны, ударилъ въ штыки. Непріятель защищался жестоко; батареи его дѣлали страшное опустошеніе; но ничто не устояло. 3-й баталіонъ Уфимскаго полка и 18 егерскій полкъ бросились прямо на батарею, 19-й и 40-й егерскіе полки по лѣвую сторону оной и въ четверть часа наказана дерзозть непріятеля; батарея во власти нашей, вся высота и поле около оной покрыты тѣлами непріятельскими. Бригадный генералъ Бонами былъ одинъ изъ снискавшихъ пощаду, а непріятель преслѣдованъ былъ гораздо далѣе батареи. Генералъ-маіоръ Ермоловъ удержалъ оную съ малыми силами до прибытія 24 дивизіи, которой я велѣлъ смѣнить разстроенную атакой 26-ю дивизію.“ Барклай написалъ собственноручное представленіе, въ которомъ просилъ князя Кутузова удостоить Ермолова орденомъ св. Георгія 2 класса; но такъ какъ этотъ орденъ былъ пожалованъ самому Барклаю, то Ермоловъ былъ лишь награжденъ знаками Св. Анны 1-го класса.

Въ Бородинскомъ сраженіи принималъ участіе и графъ Ѳедоръ Ивановичъ Толстый, замѣчательный по своему необыкновенному уму и извѣстный подъ именемъ американца; находясь въ отставкѣ въ чинѣ подполковника, онъ поступилъ рядовымъ въ Московское опоченіе. Находясь въ этотъ день въ числѣ стрѣлковъ при 26 дивизіи, отъ былъ сильно раненъ въ ногу. Ермоловъ, проѣзжая послѣ сраженія мимо раненыхъ, коихъ везли въ большомъ числѣ на подводахъ, услыхалъ знакомый голосъ и свое имя. Обернувшись, онъ, въ грудѣ раненыхъ, съ трудомъ могъ узнать графа Толстаго, который, желая убѣдить его въ полученной имъ ранѣ, сорвалъ бинтъ съ ноги, откуда струями потекла кровь. Ермоловъ исходатайствовалъ ему чинъ полковника.

Послѣ Бородинскаго сраженія, Ермоловъ отправился съ Толемъ и полковниками (Русскимъ, Австрійскимъ и Испанскимъ) Кроссаромъ съ поклонной горы къ Москвѣ отыскивать позицію, удобную для принятія сраженія. Войска были одушевлены желаніемъ вновь сразиться съ непріятелемъ; когда, послѣ Бородинскаго сраженія, адъютантъ Ермолова Граббе объявилъ войскамъ отъ имени Свѣтлѣйшаго о новой битвѣ, это извѣстіе было принято всѣми съ неописаннымъ восторгомъ. Отступленіе нашихъ войскъ началось лишь по полученіи извѣстія съ нашего перваго фланга, котораго непріятель сталъ сильно тѣснить и обходить. Князь Кутузовъ, не желая однако оставить Столицу безъ обороны, имѣлъ одно время въ виду ввѣрить защиту ее со сторо-

это.» Я отвѣчалъ ему: «Я бы стыдился Князь, предложить опасное предпріятіе и уступить исполненіе онаго другому. Вы сами знаете, что я готовъ на все, но для пользы людей мало!» «Онъ болѣе не даетъ!»—«Если такъ, то я иду и съ этимъ числомъ; авось либо, открою путь большимъ отрядамъ!»—«Я этого отъ тебя и ожидалъ» сказалъ князъ; впрочемъ, между

ны Воробьевыхъ горъ—Дохтурову, а со стороны Драгомиловской заставы—Принцу Евгенію Виртембергскому. Графъ Растопчинъ, встрѣтившій Кутузова на поклонной горѣ, увидавъ возвращающагося съ рекогносцировки Ермолова, сказалъ ему: „Алекс. Петровичъ, за чѣмъ усиливаетесь вы убѣждать Князя защищать Москву, изъ которой уже все вывезено; лишь только вы ее оставите, она по моему распоряженію запылаетъ позади васъ.“ Ермоловъ отвѣчалъ ему, что это есть воля Князя, приказавшаго отыскивать позицію для новаго сраженія. Кутузовъ, узнавъ, что посланные не нашли хорошей позиціи, пріостановилъ движеніе корпуса Дохтурова къ Воробьевымъ горамъ. На поклонной горѣ видны доселѣ слѣды укрѣпленій, коихъ надлежало защищать Принцу Виртемберскому. Кутузовъ отправилъ въ другой разъ къ Москвѣ Ермолова, съ Принцомъ Александромъ Виртемберскимъ, Толемъ и Кроссаромъ; Принцъ, отличавшійся большею ученостью сказалъ, „en faisant creneler les murs des couvents, on aurait pu y tenir plusieurs jours“ Возвратившись въ главную квартиру, Ермоловъ доложилъ Князю что можно было бы, не заходя въ столицу, совершить, въ виду непріятельской арміи фланговое движеніе на Тульскую дорогу, что было бы однако не совсѣмъ безопасно. Когда онъ сталъ съ жаромъ доказывать, что не возможно было принять новаго сраженія, Князь, пощупавъ у него пульсъ, сказалъ ему: „здоровъ ли ты голубчикъ.“ „На столько здоровъ, отвѣчалъ онъ, чтобы видѣть невозможность новаго сраженія.“ Хотя на знаменитомъ военномъ совѣтѣ въ Филяхъ, Ермоловъ, какъ видно изъ предыдущаго, былъ убѣжденъ, что новое сраженіе безполезно и невозможно, но, будучи вынужденъ подать свой голосъ однимъ изъ первыхъ, дорожа популярностью, пріобрѣтенною имъ въ арміи, которая приходила въ отчаяніе при мысли о сдачѣ Москвы, и несомнѣваяся въ томъ, что его мнѣніе будетъ отвергнуто большинствомъ, онъ подалъ голосъ въ пользу новой битвы. Бенингсенъ, находившійся въ весьма дурныхъ сношеніяхъ съ Кутузовымъ, постоянно предпочитавшимъ мнѣнія противоположныя тѣмъ, кои были предложены этимъ генераломъ, требовалъ того же самаго; неустрашимый и благородный Коновницынъ, поддержалъ ихъ. Доблестный и величественный Барклай, превосходно изложивъ въ краткихъ словахъ матеріальныя средства Россіи, кои были ему лучше всѣхъ извѣстны, требовалъ, чтобы Москва была отдана безъ боя; съ нимъ согласились гр. Остерманъ, Раевскій и Дохтуровъ. По мнѣнію сего послѣдняго армія, за недостаткомъ генераловъ и офицеровъ, не была въ состояніи вновь сразиться съ непріятелемъ. Графъ Остерманъ,

нами, я не понимаю опасеній свѣтлѣйшаго. Стоитъ ли торговаться изъ за нѣсколькихъ сотенъ человѣкъ, когда дѣло идетъ о томъ, что, въ случаѣ удачи, онъ можетъ лишить непріятеля подвозовъ, столь ему необходимыхъ. въ случаѣ неудачи, онъ лишится только горсти людей. Какъ же быть, война вѣдь не для того, чтобы цѣловаться.» «Вѣрьте Князь, отвѣчалъ я ему, ручаюсь честью, что партія будетъ цѣла; для этого нужны только отважность въ залетахъ, рѣшительность въ крутыхъ случаяхъ и неусыпность на привалахъ и ночлегахъ; за это я берусь. . . . только, повторяю, людей мало, дайте мнѣ 1000 казаковъ и вы увидите, что будетъ»—«Я бы тебѣ далъ съ перваго разу 3000, ибо не люблю ощупью дѣла дѣлать, но объ этомъ нечего и говорить; Князь самъ назначилъ силу партіи; надо повиноваться.»

Тогда князь сѣлъ писать и написалъ мнѣ инструкцію, (*) также письма къ генераламъ Васильчикову и Карпову, одному, чтобы назначилъ мнѣ лучшихъ гусаръ, другому лучшихъ казаковъ; онъ спросилъ меня: имѣю ли я карту Смоленской губерніи? У меня не было этой карты. Онъ далъ мнѣ свою собствен-

питавшій большую непріязнь къ Бенингсену съ самаго 1807 г., спросилъ его: „Кто вамъ поручится въ успѣхѣ боя?“ На это Бенингсенъ, не обращая на него вниманія, отвѣчалъ: „Если бы въ этомъ сомнѣвались, не состоялся бы военный совѣтъ, и вы не были бы приглашены сюда.“ Вернувшись послѣ совѣта на свою квартиру, Ермоловъ нашелъ ожидавшаго его артиллеріи поручика Фигнера, столь знаменитаго въ послѣдствіи по своимъ вполнѣ блистательнымъ подвигамъ. Этотъ офицеръ, уже украшенный знаками св: Георгія 4 класса за смѣлость, съ которою онъ измѣрялъ ширину рва Рущукской крѣпости, просилъ о дозволеніи остаться въ Москвѣ для собранія свѣденій о непріятелѣ, вызываясь даже убить самого Наполеона, если только представится къ тому возможность. Онъ былъ прикомандированъ къ штабу и снабженъ на Боровскомъ перевозѣ подорожною въ Казань. Это было сдѣлано за тѣмъ, чтобы слухъ о его намѣреніяхъ не разгласился бы въ арміи.—

На второмъ переходѣ послѣ выступленія изъ Москвы, армія наша достигла такъ называемаго Боровскаго перевоза. Здѣсь арьергардъ былъ задержанъ столпившимися на мосту въ страшномъ безпорядкѣ обозами и экипажами частныхъ лицъ; тщетны были просьбы и приказанія начальниковъ,

(*) Смотри оправдательныя статьи, стран. 2 N 2.

ную и, перекрестивъ меня. сказалъ: «Ну съ Богомъ! Я на тебя надѣюсь!» Слова эти мнѣ очень памятны.

23-го рано я отнесъ письмо къ генералъ-адъютанту Васильчикову. У него много собралось генераловъ; не знаю, какъ они узнали о моемъ назначенiи, вѣроятно чрезъ окружающихъ свѣтлѣйшаго, слышавшихъ разговоръ его обо мнѣ съ княземъ, или черезъ окружающихъ князя, стоявшихъ предъ овиномъ, въ которомъ онъ мнѣ давалъ наставленiе. Какъ бы то ни было, но господа генералы, встрѣтили меня шуткою: «кланяйся Павлу Тучкову», (*) говорили они, «и скажи ему, чтобы онъ уговорилъ

которые слыша со стороны Москвы пушечные выстрѣлы, и не зная о истинномъ направленiи непрiятеля, торопились продвинуть арьергардъ; но обозы и экипажи, занимая мосты, и не пропуская войскъ, ни сколько сами не подвигались. Въ это время подъѣхалъ къ войскамъ Ермоловъ; онъ тотчасъ приказалъ командиру артиллерiйской роты, здѣсь находившейся, сняться съ передковъ, и обратить дула орудiй на мостъ, причемъ имъ было громко приказано зарядить орудiя картечью, и открыть по его командѣ огонь по обозамъ, Ермоловъ, сказавъ на ухо командиру, чтобы не заряжалъ орудiй, скомандовалъ: *пальба" первая.*" Хотя это приказанiе не было приведено въ исполненiе, но испуганные обозники, бросившись частью въ рѣку, частью на берегъ, вмигъ очистили мостъ, и арьергардъ благополучно присоединился къ главной армiи. Лейбъ-медикъ Вилье, бывшiй свидѣтелемъ всего этого, назвалъ Ермолова: „homme aux grands moyens."

Бывшiй дежурный генералъ 2-й армiи Маринъ, авторъ весьма многихъ комическихъ стихотворенiй, часто посѣщалъ Ермолова, о которомъ онъ говорилъ: „я люблю видѣть сего Ахилла въ гнѣвѣ, изъ устъ котораго никогда не вырывается ничего оскорбительнаго для провинившагося подчиненнаго."

(*) Генералъ-маiоръ Тучковъ былъ израненъ и взятъ въ плѣнъ въ сраженiи подъ Заболотьемъ, что Французы называютъ Валутинскимъ. Это сраженiе, называемое также Лубинскимъ, описано генераломъ Михайловскимъ-Данилевскимъ, который даже не упомянулъ о рапортѣ, поданномъ Ермоловымъ князю Кутузову. Я скажу нѣсколько словъ о тѣхъ обстоятельствахъ боя, которыя извѣстны лишь весьма не многимъ. Распорядившись на счетъ отступленiя армiи изъ-подъ Смоленска, Барклай и Ермоловъ ночевали въ аррiергардѣ близь самаго города. Барклай, предполагая, что прочiе корпуса армiи станутъ между тѣмъ выдвигаться по дорогѣ къ Соловьевой-переправѣ, приказалъ разбудить себя въ полночь для того, чтобы лично приказать аррiергарду начать отступленiе. Когда наступила полночь, онъ съ ужасомъ увидалъ, что 2-й корпусъ еще во-все не трогался съ мѣста; онъ сказалъ Ермолову „nous sommes en grand danger comment cela a-t-il-pu arriver?"

тебя не ходить въ другой разъ партизанить.» Однако, если нѣкоторымъ изъ нихъ гибель моя представлялась въ любезномъ видѣ, то нѣкоторые соболѣзновали о моей участи, а вообще всѣ понимали, что жить посреди непріятельскихъ войскъ съ горстью казаковъ—дѣло не легкое, особенно человѣку, который почитался ими и острякомъ и поэтомъ, слѣдовательнно ни къ чему не способнымъ. Прошу читателя привести себѣ на память этотъ случай, когда я сойдусь съ арміею подъ Смоленскомъ.

къ этому онъ присовокупилъ: „поѣзжайте впередъ, ускоряйте маршъ войскъ, а я пока здѣсь останусь.“ Дурныя дороги задержали корпусъ Остермана, который слѣдовалъ потому весьма медленно. Прибывъ на разсвѣтѣ въ мѣсто, гдѣ корпуса Остермана и Тучкова 1-го располагались на ночлегъ, Ермоловъ именемъ Барклая приказалъ имъ слѣдовать далѣе. Князь Багратіонъ, Ермоловъ и Толь утверждаютъ, что Тучкову 3-му надлежало не только занять перекрестокъ дорогъ, но и придвинуться ближе къ Смоленску на подкрѣпленіе Карпова и смѣну князя Горчакова. Услыхавъ пушечные выстрѣлы, Ермоловъ писалъ отсюда Барклаю: „если выстрѣлы, мною слышанные—съ вашей стороны, мы можемъ много потерять; если же они со стороны Тучкова 3-го, большая часть нашей артиллеріи можетъ сдѣлаться добычей непріятеля; во всякомъ случаѣ прошу ваше высокопревосходительство не безпокоиться, я приму всѣ необходимыя мѣры.“ Въ самомъ дѣлѣ 180 орудій, слѣдуя медленно и по дурнымъ дорогамъ, находились еще въ далекомъ разстояніи отъ Соловьевой переправы. Къ величайшему благополучію нашему, Жюно, находившійся на нашемъ лѣвомъ флангѣ, не трогался съ мѣста; Ермоловъ обнаружилъ здѣсь рѣдкую дѣятельность и замѣчателную предусмотрительность. По его распоряженію, графъ Кутайсовъ и генерелъ Пассекъ поспѣшили къ артиллеріи, которой приказано было слѣдовать какъ можно скорѣе; здѣсь въ первый разъ была употреблена команда: *на орудіе садись*. Ермоловъ, достигнувъ перекрестка, поѣхалъ далѣе по направленію къ Соловьевой-переправѣ и возвращалъ назадъ встрѣчаемыя имъ войска. Принцъ Александръ Виртембергскій, не имѣвшій команды, просилъ Ермолова поручить ему что нибудь; придавъ Принцу свѣдущаго штабъ-офицера съ солдатами, онъ просилъ его заняться улучшеніемъ дорогъ. Возвратившись къ перекрестку, Ермоловъ узналъ здѣсь отъ генерала Всеволжскаго, что Тучковъ 3-й находится лишь въ 300 саженяхъ отсюда, Князь Багратіонъ въ письмѣ своемъ Ермолову, отъ 8-го августа, между прочимъ пишетъ: „надо примѣрно наказать офицера квартирмейстерской части, который велъ Тучкова 3-го; вообрази, что за 8 верстъ вывелъ далѣе, а Горчаковъ дожидался до тѣхъ поръ, пока армія ваша пришла.“ Взявъ въ плѣнъ двухъ Вестфальцевъ корпуса Жюно, Тучковъ 3-й препроводилъ ихъ къ Ермогову, которому они объявили, что у нихъ 16 полковъ одной кавалеріи·

Вышедъ отъ Васильчикова я отправился за гусарами къ Колоцкому монастырю, куда тотъ день отступалъ арьергардъ нашъ, подъ командою генерала Коновницына. Проѣхавъ нѣсколько верстъ за монастырь, мнѣ открылась долина битвы.

Непріятель ломилъ всѣми силами, гулъ орудій не умолкалъ, дымъ ихъ мѣшался съ дымомъ пожаровъ, и вся окрестность была какъ въ туманѣ. Я ночевавъ съ арьергардомъ у мона-

Ермоловъ писалъ отсюда съ капитаномъ квартирмейстерской части Ховеномъ (въ послѣдствіи Тифлисскимъ военнымъ губернаторомъ) Великому князю Константину Павловичу, слѣдовавшему въ колоннѣ Дохтурова, что надо поспѣшить къ Соловьевой переправѣ, перейти тамъ рѣку и, расположившись на позиціи, покровительствовать переправѣ прочихъ войскъ. Приказавъ именемъ Барклая Остерману и Тучкову 1-му подкрѣпить Тучкова 3-го, Ермоловъ направилъ графа Орлова-Денисова къ Заболотью, гдѣ онъ однако не могъ бы выдержать натиска непріятеля, если бы вмѣстѣ съ тѣмъ не велѣно было командиру Екатеринбургскаго полка князю Гуріелю занять рощу; во время нападеній непріятеля на графа Орлова-Денисова, Гуріель поддерживалъ его батальнымъ огнемъ изъ рощи. Получивъ записку Ермолова. Барклай отвѣчалъ: „съ Богомъ начинайте, а я между тѣмъ подъѣду.“ Прибывъ вскорѣ къ колоннѣ Тучкова 3-го, и найдя, что здѣсь уже были приняты всѣ необходимыя мѣры, Барклай дозволилъ Ермолову распоряжаться войсками. Между тѣмъ непріятель, занявъ одну высоту нѣсколькими орудіями, наносилъ намъ большой вредъ; Ермоловъ приказалъ Желтухину съ своими лейбъ-гренадерами овладѣть этой высотой. Желтухинъ, не замѣтивъ, что высота весьма крута, повелъ слишкомъ быстро своихъ гренадеръ, которые, будучи весьма утомлены во время подъема, были опрокинуты непріятелемъ. Непріятель, замѣтивъ, что этотъ храбрый полкъ, здѣсь сильно потерпѣвшій, намѣревается вновь атаковать высоту, свезъ свои орудія. Между тѣмъ Наполеонъ навелъ 5 понтоновъ, чрезъ которые французы могли атаковать наши войска съ фланга и тыла; еслибъ Тучковъ 3-й придвинулся бы ближе къ Смоленску, онъ бы могъ быть отрѣзанъ. Всѣ наши войска и артиллерія, благодаря неутомимой дѣятельности, энергіи и распорядительности Ермолова, но въ особенности бездѣйствію Жюно, достигли благополучно Соловьевой переправы. Барклай, оцѣнивъ вполнѣ заслуги Ермолова, поручилъ ему представить отъ своего имени рапортъ о томъ князю Кутузову.

Однажды Барклай приказалъ Ермолову образовать легкій отрядъ. Шевичъ былъ назначенъ начальникомъ отряда, въ составъ котораго вошли и казаки, подъ начальствомъ генерала Краснова. Хотя атаманъ Платовъ былъ всегда большимъ пріятелемъ Ермолова, съ которымъ онъ находился вмѣстѣ въ ссылкѣ въ Костромѣ въ 1800 году, но онъ написалъ ему оффиціальную

стыря, полагалъ на слѣдующій день отобрать назначенныхъ мнѣ гусаръ и ѣхать за казаками къ Карпову, находившемуся на оконечности лѣваго фланга арміи.

Но 24-го съ разсвѣтомъ началось дѣло съ сильнѣйшею яростью. Какъ оставить пиръ, пока стучатъ стаканами? Я остался. Непріятель усиливался ежеминутно; грозныя тучи кавалеріи его окружали фланги нашего арьергарда; въ тоже время большое число орудій, разставленныхъ предъ густыми пѣхотными громадами, быстро подавались прямо къ намъ, производя безпрерывную пальбу бѣглымъ огнемъ. Бой ужасный! насъ обдавало градомъ пуль и картечи, ядры рыли колонны наши по всѣмъ направленіямъ. Коновницынъ, (*) отославъ назадъ пѣхоту съ тяжелой артиллеріею, требовалъ умноженія кавалеріи.

бумагу, въ которой спрашивалъ, давно ли старшаго отдаютъ подъ команду младшаго, какъ напримѣръ Краснова относительно Шевича, и притомъ въ чужія войска? Ермоловъ отвѣчалъ ему оффиціальною же бумагою, въ которой находилось между прочимъ слѣдующее: „о старшинствѣ Краснова, я знаю не болѣе вашего, потому что въ вашей канцеляріи не доставленъ еще формулярный списокъ этого генерала, недавно къ вамъ переведеннаго изъ Черноморскаго войска; я вмѣстѣ съ тѣмъ вынужденъ заключить изъ словъ вашихъ, что вы почитаете себя лишь союзниками Русскаго Государя, но ни какъ не подданными Его.“ Правитель дѣлъ Атамана Смирной предлагалъ ему возражать Ермолову, но Платовъ отвѣчалъ: „Оставь Ермолова въ покоѣ, ты его не знаешь, онъ въ состояніи сдѣлать съ нами то, что приведетъ нашихъ казаковъ въ сокрушеніе, а меня въ размышленіе.“—

(*) П. П. Коновницынъ былъ въ полномъ смыслѣ слова благородный и неустрашимый человѣкъ, отличавшійся весьма небольшими умственными способностями, и еще меньшими свѣдѣніями. Будучи назначенъ дежурнымъ генераломъ всѣхъ армій, онъ въ началѣ посылалъ бумаги имъ получаемыя къ Ермолову, прося его класть на нихъ резолюціи. Ермоловъ исполнилъ на первый разъ его просьбу, но выведенный изъ терпѣнія частыми присылками большаго количества бумагъ, онъ возвращалъ ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ получалъ съ адъютантомъ своимъ Фонвизиномъ, который будилъ ночью Коновницына и обратно возвращалъ ему бумаги. Коновницынъ, прочитавъ однажды записку Ермолова, въ которой было между прочимъ сказано: „вы напрасно домогаетесь сдѣлать изъ меня вашего секретаря,“ сказалъ Фонъ-визину: „Алексѣй Петровичъ ругается и ворчитъ.“ Онъ пріобрѣлъ отличнаго руководителя и наставника въ квартирмейстерскомъ пол-

А.В. Кокорева

Уваровъ прибылъ съ своею, и поступивъ великодушно подъ его начальство, сказалъ: «Петръ Петровичъ, не то время, чтобы считаться старшинствомъ, вамъ порученъ арьергардъ, я присланъ къ вамъ на помощъ, приказывайте!» Такія высокія черты забываются, за то долго помнятъ каждую ошибку, сдѣланную противъ правилъ французскаго языка истиннымъ Россіяниномъ! Но къ славѣ нашего отечества, это не одинъ примѣръ: Багратіонъ, послѣ блистательнаго отступленія своего, поступилъ безъ ропота подъ начальство Барклая въ Смоленскѣ, Бирклай, подъ начальство Витгенштейна въ Бауценѣ, Витгенштейнъ сново подъ начальство Барклая, во время и послѣ перемирія; и пряжде сего въ Италіи, Милорадовичъ, явился подъ команду младшаго себѣ по службѣ,—Багратіона. Все это представляетъ возвышенность въ униженіи, достойную геройскихъ временъ Рима и Греціи!

Я прерываю описаніе жестокихъ битвъ арміи. Не моя цѣль говорить о сраженіяхъ, представленныхъ уже во многихъ сочиненіяхъ, извѣстныхъ свѣту; я предпринялъ описаніе поисковъ моей партіи, а потому къ нимъ и обращаюсь.

Получивъ 50 гусаръ и 80 казаковъ я взялъ съ собою Ахтырскаго гусарскаго полка штабсъ-ротмистра Бедрягу 3-го, поручиковъ Бекетева и Макарова; захвативъ также съ казачьей командой хорунжихъ Талаева и Григорья Астахова, я вступилъ чрезъ с. Сивково, Борисъ-городокъ въ с. Егорьевско, а оттуда.

На Медынь.

Шанскій Заводъ.

На Азарово.

Въ с. Скугорево.

Село Скугорево расположено на высотѣ, господствующей надъ всѣми окрестносями, такъ что въ ясный день можно

ковникѣ Говардовскомъ, авторѣ знаменитаго письма графа Буксгевдена къ графу Аракчееву. Этотъ даровитый штабъ-офицеръ погибъ въ Бородинскомъ сраженіи. Въ послѣдствіи Толь совершенно овладѣлъ Коновницынымъ.

обозрѣвать оттуда пространство на 7 или на 8 верстъ въ окружности. Высота эта прилегаетъ къ лѣсу, простирающемуся почти до Медыни. Этотъ лѣсъ дозволилъ партіи моей скрывать свои движенія, и, въ случаѣ пораженія, имѣть въ немъ убѣжище. Въ Скугоревѣ я избралъ первый *притонъ* свой.

Между тѣмъ непріятельская армія стремилась къ столицѣ. Огромные обозы, парки и шайки мародеровъ слѣдовали за нею по обѣимъ сторонамъ дороги, на пространствѣ 30 или 40 верстъ. Вся эта сволочь, пользуясь безначаліемъ, преступала всѣ мѣры насилія и неистовства. Пожаръ разливался по этой широкой чертѣ опустошенія, и жители волостей съ остаткомъ своего имущества бѣжали отъ этой всепожирающей лавы. Но, чтобы яснѣе видѣть положеніе моей партіи, надобно начать выше: путь нашъ становился опаснѣе по мѣрѣ удаленія нашего отъ арміи. Даже мѣста, въ которыхъ еще не было непріятеля, представляли намъ не мало препятствій. Общее и добровольное ополченіе поселянъ преграждало намъ путь. Въ каждомъ селеніи ворота были заперты; при нихъ стояли старъ и младъ съ вилами, кольями, топорами, и нѣкоторые изъ нихъ съ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Къ каждому селенію одинъ изъ насъ принужденъ былъ подъѣзжать и говорить жителямъ, что мы Русскіе, что мы пришли къ нимъ на помощь, на защиту православныхъ церквей. Часто отвѣтомъ намъ былъ выстрѣлъ или, пущенный съ размаха, топоръ, отъ ударовъ котораго судьба спасала насъ (*). Мы могли бы обходить селенія, но я хотѣлъ распространить слухъ, что войска возвращаются, и, утвердивъ поселянъ въ намѣреніи защищаться, склонить ихъ къ немедленному извѣщенію насъ о приближеніи къ нимъ

(*) За два дня до моего прихода въ с. Егорьевское, крестьяне ближней волости истребили команду Тептярскаго казачьяго полка, состоявшую изъ 60 казаковъ. Они приняли казаковъ сихъ за непріятеля отъ нечистаго произношенія ими Русскаго языка. Сіи же самые крестьяне напали на отставшую мою телѣгу, на коей лежалъ чемоданъ и больной гусаръ Пучковъ. Пучкова оставили замертво на дорогѣ, телѣгу разрубили топорами, но изъ вещей ничего не взяли, а разорвали ихъ въ куски и разбросали по полю.

непріятеля; потому съ каждымъ селеніемъ долго продолжались переговоры до вступленія въ улицы. Тамъ сцена внезапно измѣнялась; едва сомнѣніе уступало мѣсто увѣренности, что мы Русскіе, какъ хлѣбъ, пиво, пироги были подносимы солдатамъ.

Сколько я разъ спрашивалъ жителей, *по заключеніи между нами мира:* «отъ чего вы полагали насъ французами?» Каждый разъ отвѣчали они мнѣ: «да вишь, родимый (показывая на гусарскій мой ментикъ), «это, баютъ, на ихъ одёжу схожо»— «Да развѣ я не русскимъ языкомъ говорю?»—«Да вѣдь у нихъ всякаго сброда люди!» Тогда я на опытѣ узналъ, что въ народной войнѣ должно не только говорить языкомъ черни, но приноравливаться къ ней, къ ея обычаямъ и ея одеждѣ. Я надѣлъ мужичій кафтанъ, сталъ отпускать бороду, вмѣсто ордена св. Анны повѣсилъ образъ св. Николая (*) и заговорилъ языкомъ вполнѣ народнымъ.

Но эти опасности были ничтожны въ сравненіи съ ожидавшими насъ на пространствѣ, занятомъ непріятельскими отрядами и транспортами, по причинѣ малолюдности партіи въ сравненіи съ каждымъ прикрытіемъ транспорта и даже съ каждой шайкой мародеровъ. При первомъ слухѣ о прибытіи нашемъ въ окрестностяхъ Вязьмы, сильнымъ отрядамъ приказано было насъ искать; обезоруженные и трепетавшіе французовъ жители могли легко быть весьма нескромны, а потому мы постоянно находились въ большой опасности. Дабы легче избѣжать ее, мы, днемъ скрываясь и зорко слѣдя за непріятелемъ, проводили его на высотахъ близъ Скугорева; передъ вечеромъ же мы, въ маломъ разстояніи отъ села, раскладывали огни; слѣдуя гораздо далѣе въ сторону, противоположную отъ мѣста, назначеннаго для ночлега, раскладывали другіе огни,—и наконецъ, войдя въ лѣсъ, проводили ночь безъ нихъ. Если случалось въ семъ послѣднемъ мѣстѣ встрѣтить прохожаго, то брали его

(*) Во время войны 1807 года, командиръ Лейбъ-гренадерскаго полка Мазовскій носилъ на груди большой образъ св. Николая Чудотворца, изъ-за котораго торчало множество маленькихъ образковъ.

и содержали его подъ надзоромъ, до выступленія нашего въ походъ. Когда же онъ успѣвалъ скрыться, мы снова перемѣняли мѣсто. Смотря по разстоянію до предмета, на который намѣревались учинить нападеніе, мы за два или три часа до разсвѣта подымались на поискъ и, сорвавъ въ транспортѣ непріятеля, что было по силѣ,—обращались на другой, гдѣ наносили еще ударъ и возвращались окружными дорогами къ спасительному нашему лѣсу, чрезъ который мало по малу снова пробирались къ Скугореву. Такъ мы сражались и кочевали отъ 29-го августа до 8-го сентября. Никогда не забуду этого ужаснаго времени: и прежде и послѣ я бывалъ въ жестокихъ битвахъ, часто проводилъ ночи стоя, часто засыпалъ на сѣдлѣ, прислонясь къ шеѣ лошади и съ поводьями въ рукахъ, но не десять дней и десять ночей сряду, ибо здѣсь дѣло шло о жизни, а не о чести.

Узнавъ, что въ с. Токаревѣ пришла шайка мародеровъ, мы 2-го на разсвѣтѣ (*) напали на нее и захватили въ плѣнъ 90 человѣкъ, прикрывавшихъ обозъ съ ограбленными у жителей пожитками. Едва казаки и крестьяне занялись раздѣломъ между собою добычи, какъ выставленные за селеніемъ скрытные пикеты дали намъ знать о приближеніи къ Токареву другой шайки мародеровъ. Это селеніе лежитъ на скатѣ возвышенности у берега рѣчки Вори, почему непріятель нисколько не могъ насъ примѣтить и слѣдовалъ безъ малѣйшей предосторожности; мы тотчасъ сѣли на коней, скрылись позади избъ и атаковали его со всѣхъ сторонъ съ крикомъ и стрѣльбою; ворвавшись въ средину, мы еще захватили 70 человѣкъ въ плѣнъ. Тогда я созвалъ *міръ* и объявилъ ему о мнимомъ прибытіи большаго числа нашихъ войскъ на помощь уѣздовъ Юхновскаго и Вяземскаго, роздалъ крестьянамъ взятые у непріятеля ружья и патроны, уговорилъ ихъ защищать свою собственность и далъ имъ наставленіе, какъ поступать съ шайками мародеровъ, числомъ ихъ превышающихъ: «примите ихъ,—гово-

(*) День вступленія французской арміи въ Москву.

рилъ я имъ,—дружелюбно, поднесите съ поклонами (ибо, не зная русскаго языка, поклоны они понимають лучше словъ) все, что у васъ есть съѣстнаго, а особенно питейнаго, уложите спать пьяными, и когда примѣтите, что они точно заснули, бросьтесь всѣ на ихъ оружіе, обыкновенно кучею въ углѣ избы, или на улицѣ поставленное—и совершите то, что Богъ повелѣлъ совершать съ врагами Христовой церкви и вашей родины. Истребивъ ихъ, закопайте тѣла въ хлѣву, въ лѣсу, или въ какомъ нибудь непроходимомъ мѣстѣ. Во всякомъ случаѣ берегитесь, чтобы мѣста, гдѣ тѣла зарыты, не были примѣтны отъ свѣжей, недавно вскопанной земли; для того разбросайте на этомъ мѣстѣ кучу камней, бревенъ; всю добычу военную, какъ мундиры, каски, ремни и прочее, все жгите или зарывайте въ такихъ же мѣстахъ, какъ и тѣла Французовъ. Эта осторожность потому вамъ нужна, что другая шайка бусурмановъ вѣрно будетъ рыться въ свѣжей землѣ, думая найдти въ ней, или деньги, или ваше имущество; но, отрывши вмѣсто того тѣла своихъ товарищей и вещи, имъ принадлежавшія, васъ всѣхъ побьетъ и село сожжетъ. А ты, братъ староста, имѣй надзоръ надъ всѣмъ тѣмъ, о чемъ я приказываю, да прикажи, чтобы на дворѣ у тебя всегда были готовы три или четыре парня, которые, когда завидятъ очень многое число Французовъ, садились бы на лошадей и скакали бы въ разныя стороны искать меня—я приду въ вамъ на помощь. Богъ велитъ православнымъ христіанамъ жить мирно между собою, и не выдавать врагамъ другъ друга, особенно чадамъ антихриста, которыя не щадятъ и храмовъ Божіихъ!—все, что я вамъ сказалъ, перескажите сосѣдямъ вашимъ.»

Я не смѣлъ дать письменнаго наставленія изъ опасенія, чтобы оно не попалось въ руки непріятелю, который могъ быть увѣдомленъ о мѣрахъ, предложенныхъ мною жителямъ для истребленія мародеровъ.

Послѣ сего, перевязавъ плѣнныхъ, я опредѣлилъ къ нимъ одного урядника и девять казаковъ, къ которымъ присоединилъ еще двадцат мужиковъ, и весь этотъ транспортъ отпра-

вилъ я въ Юхновъ, для сдачи подъ росписку городскому начальству (*). Казакамъ этимъ я приказалъ дожидаться партіи въ самомъ Юхновѣ, будучи убѣжденъ, что по малолюдству моей партіи мнѣ нельзя будетъ долго оставаться въ мѣстахъ, гдѣ было много непріятелей; однако мнѣ хотѣлось еще разъ съ горстью моихъ товарищей испытать судьбу, а такъ какъ моя обязанность состояла не въ пораженіи бродягъ, но въ истребленіи транспортовъ жизненнаго и военнаго продовольствія французской арміи, то я, передавъ наставленіе, данное мною Токаревскимъ крестьянамъ, жителямъ прочихъ сосѣднихъ селеній, чрезъ которыя проходила партія моя, взялъ направленіе къ Цареву-Займищу, лежащему на столбовой Смоленской дорогѣ.

Былъ вечеръ ясный и холодный; сильный дождь, шедшій наканунѣ, прибилъ пыль, и мы слѣдовали быстро. Въ шести верстахъ отъ села попался намъ непріятельскій разъѣздъ, который, не видя насъ, беззаботно продолжалъ путь свой. Если бы я не имѣлъ нужды въ вѣрномъ извѣстіи о Царевѣ-Займищѣ, занято ли оно войскомъ и въ большихъ ли силахъ, я бы пропустилъ этотъ разъѣздъ изъ опасенія, въ случаѣ, еслибы одному изъ разъѣздныхъ удалось бы спастись, встревожить весь отрядъ, или прикрытіе транспорта, въ селѣ находившагося. Но мнѣ нуженъ былъ *языкъ*, и потому я отрядилъ урядника Крючкова съ 10-ю доброконными казаками на перерѣзъ вдоль лощины, а другихъ 10 направилъ прямо на разъѣздъ. Видя себя окруженнымъ, онъ остановился и сдался въ плѣнъ безъ боя. Онъ состоялъ изъ 10 рядовыхъ при одномъ унтеръ-офицерѣ. Мы узнали, что въ Царевѣ-Займищѣ днюетъ транспортъ съ снарядами и съ прикрытіемъ двухъ сотъ пятидесяти человѣкъ конницы.

Дабы пасть какъ снѣгъ на голову, мы свернули съ дороги

(*) Я всегда сдавалъ плѣнныхъ подъ росписки: по окончаніи моихъ поисковъ, въ окрестностяхъ Вязьмы, составлена была общая вѣдомость, подписанная Юхновскимъ дворянскимъ предводителемъ Храповицкимъ

и пошли полями, скрываясь опушками лѣсовъ; но за три версты отъ села, при выходѣ на чистое мѣсто, мы встрѣтились съ 40 непріятельскими фуражирами, которые, увидя насъ, быстро поскакали къ своему отряду. Тактическихъ построеній дѣлать было нѣкогда да и некѣмъ. Оставя при плѣнныхъ 30 гусаръ, которые, въ случаѣ нужды, могли служить мнѣ резервомъ,—я съ остальными 20-ю гусарами и 70 казаками помчался въ погоню за французами и почти вмѣстѣ съ ними въѣхалъ въ Царево-Займище, гдѣ засталъ всѣхъ въ расплохъ. У страха глаза велики, а страхъ неразлученъ съ безпорядкомъ. При нашемъ появленіи, всѣ бросились въ разсыпную; иныхъ захватили мы въ плѣнъ, не только невооруженными, но даже неодѣтыми, другихъ вытащили изъ сараевъ; одна только толпа, въ 30 человѣкъ, вздумала было защищаться, но она была разсѣяна и положена на мѣстѣ. Это доставило намъ 119 рядовыхъ, 2 офицеровъ, 10 провіантскихъ фуръ и 1 фуру съ патронами. Остальное прикрытіе спаслось бѣгствомъ.

Добычу нашу мы окружили небольшимъ отрядомъ своимъ и поспѣшно повели чрезъ село Климово и Кожино, въ Скугорево, куда прибыли въ полдень 3-го числа.

Партія моя, послѣ 30-ти часоваго, безпрерывнаго похода и дѣйствія, требовала отдохновенія, почему она до вечера 4 числа оставалась на мѣстѣ. Для облегченія лошадей, я прибѣгнулъ къ способу, замѣченному мною на аванпостахъ генерала Юрковскаго, еще въ 1807 году. Исключивъ 4 казаковъ для двухъ пикетовъ и 20 для резерва (который, хотя долженъ былъ находиться при партіи, но всегда былъ въ готовности дѣйствовать при первомъ выстрѣлѣ съ пикетовъ), остальныхъ 96 человѣкъ я раздѣлилъ на два отдѣленія и приказалъ въ обоихъ разсѣдлывать по двѣ лошади на одинъ часъ для промытія и присыпки ссаденъ и также для облегченія лошадей. Чрезъ часъ эти лошади вновь сѣдлались, а новыя разсѣдлывались; такимъ образомъ, въ 24 часа освѣжались всѣ 96 лошадей. Въ тотъ же день, по просьбѣ моего резерва, я также и ему позволилъ разсѣдлывать по одной лошади на одинъ часъ.

5-го числа мы пошли на село Андреевское, но на пути мы ничего не взяли, лишь 30 мародеровъ.

6-го мы обратились къ Ѳедоровскому (что на столбовой Смоленской дорогѣ), распространяя вездѣ наставленіе, данное мною Токаревскимъ крестьянамъ. На пути встрѣтили мы бѣжавшаго изъ транспорта нашихъ плѣнныхъ, Московскаго пѣхотнаго полка рядоваго, который намъ объявилъ, что транспортъ ихъ, конвоируемый непріятелемъ, изъ двухъ сотъ человѣкъ рядовыхъ, остановился ночевать въ Ѳедоровскомъ, и что прикрытіе къ нему состоитъ лишь изъ 50 французовъ. Мы удвоили шагъ и едва показались близъ села, какъ уже безъ всякой съ нашей стороны помощи все тамъ приняло иной видъ: плѣнные поступили въ прикрытіе, а прикрытіе въ плѣнныхъ.

Вскорѣ послѣ сего я извѣщенъ былъ о пребываніи въ Юхновѣ дворянскаго предводителя, судовъ и земскаго начальства, также и о бродящихъ въ Юхновскомъ уѣздѣ, безъ общей цѣли, двухъ слабыхъ казачьихъ полкахъ. Извѣстіе это немедленно обратило меня къ Юхнову, куда чрезъ Судейки, Луково и Павловское я прибылъ 8 числа.

Пришедъ туда, я бросился къ двумъ привлекавшимъ меня предметамъ: къ образованію поголовнаго ополченія и къ присоединенію къ партіи моей казачьихъ полковъ, о коихъ я уже упоминалъ.

До перваго я достигъ безпрепятственно: дворянскій предводитель Семенъ Яковлевичъ Храповицкій подалъ мнѣ руку помощи со всею ревностью истиннаго сына отечества. Сей почтенный старецъ не только оказалъ большую твердость духа, оставшись съ своимъ семействомъ на аванпостахъ Калужской губерніи, но выказалъ замѣчательную силу воли и неусыпную ревность при подъятіи оружія жителями Юхновскаго уѣзда, коими назначенъ былъ предводительствовать отставной капитанъ Бѣльскій. Къ нему присоединились 22 помѣщика; 120 ружей, отбитыя моею партіею, и одна большая фура съ патронами были употреблены для первоначальнаго вооруженія ополчив-

шихся, которымъ сборное мѣсто я указалъ въ селѣ Знаменскомъ, на рѣкѣ Угрѣ.

Второе требовало съ моей стороны нѣкоторой хитрости: означенные казачьи полки были въ вѣдѣніи начальника Калужскаго ополченія, отставнаго генералъ-лейтенанта Василья Ѳедоровича Шепелева, котораго добродушіе и благородство мнѣ были давно извѣстны; я зналъ однако, что̀ такое начальникъ ополченія, которому попадается въ руки военная команда! Сколь много льститъ самолюбію начальника командываніе чѣмъ бы то ни было! Я на этомъ основалъ мое предпріятіе. Я былъ увѣренъ, что просьба моя о включеніи этихъ полковъ въ составъ моей партіи, если только она останется отъ него независимою, не будетъ имъ уважена, а потому я самъ, повидимому, добровольно поступалъ подъ его начальство. Еще изъ с. Павловскаго я отправилъ къ нему поручика Бекетова съ рапортомъ, въ которомъ было сказано: «избравъ для поисковъ моихъ часть, смежную съ губерніею, находящеюся подъ вѣдѣніемъ его превосходительства относительно военныхъ дѣйствій, я за особенное счастіе поставляю себѣ служить подъ его начальствомъ и имѣю честь донести о всемъ происходящемъ.» Изъ Юхнова я послалъ другаго курьера съ описаніемъ слабыхъ успѣховъ моихъ, при чемъ просилъ его ходатайства объ отличившихся (истинные же рапорты мои всегда посылаемы были прямо къ дежурному генералу всѣхъ россійскихъ а̀рмій Коновницыну). Добрый мой Шепелевъ былъ внѣ себя отъ восхищенія. Онъ уже возмечталъ, что я дѣйствую по плану, имъ заранѣе обдуманному, что и онъ наноситъ сильные удары непріятелю. 9-го числа я послалъ къ нему новаго курьера съ краснорѣчивѣйшимъ описаніемъ пользы *единства въ дѣйствіи* и заключилъ рапортъ свой покорнѣйшею просьбою усилить меня казачьими полками, находящимися, подобно моей партіи, подъ его командою.

Во время веденія сей дипломатической переписки, я разсылалъ, чрезъ земское начальство, предписанія о поголовномъ ополченіи.

Между тѣмъ изъ двухъ сотъ отбитыхъ нами плѣнныхъ я выбралъ 60 не рослыхъ, а доброхотныхъ солдатъ. За неимѣніемъ русскихъ мундировъ, я одѣлъ ихъ во французскіе и вооружилъ французскими ружьями, оставивъ имъ для примѣты русскія фурашки, вмѣсто киверовъ.

Мы были еще въ невѣдѣніи о судьбѣ столицы, какъ 9-го числа прибылъ въ Юхновъ Волынскаго уланскаго полка маіоръ Храповицкій (*), сынъ Юхновскаго дворянскаго предводителя, и объявилъ намъ о занятіи Москвы французами.

Я ожидалъ этого событія и доказывалъ, что оно неминуемо, если только продолжится наше отступленіе по Смоленской дорогѣ; при всемъ томъ вѣсть эта не могла не поразить насъ; я и товарищи мои, при первомъ о томъ извѣстіи, сильно призадумались; такъ какъ однако всѣ мы были неунылаго десятка, то и начали распрашивать Храповицкаго о подробностяхъ взятія Москвы. Онъ намъ сказалъ, что оставилъ армію въ Красной Пахрѣ, откуда она должна была продолжать свое движеніе для заслоненія Калужской дороги, что Москва предана огню (**), но никто въ арміи не помышляетъ о мирѣ.... Я былъ внѣ себя отъ радости, и тутъ же всѣмъ находившимся тогда въ городѣ помѣщикамъ и жителямъ предсказалъ спасеніе отечества, если только Наполеонъ оставитъ въ покоѣ нашу армію между Москвою и Калугою, до тѣхъ поръ, пока

(*) Онъ отряженъ былъ въ Москву для вербованія уланъ. Волынскій уланскій полкъ находился въ западной арміи, подъ командою генерала Тормасова, на Волыни.

(**) Вопреки многимъ, я и тогда полагалъ полезнымъ гибель Москвы; необходимо нужно было открыть россіянамъ высшій предметъ для ихъ усилій, оторвавъ ихъ отъ города и обративъ ихъ къ государству.

Слова: *Москва взята*, заключали въ себѣ какую-то убійственную мысль, что Россія завоевана, и это могло во многихъ охладить рвеніе къ защитѣ того, что̀ тогда только надлежало защищать. Но слова: *Москвы нѣтъ*, пресѣкли разомъ всѣ связи съ нею, и въ ней нельзя уже было зрѣть Россію. Вообще всѣ хулители сей превосходной мѣры цѣнятъ одну гибель капиталовъ московскихъ жителей, а не поэзію подвига, которою нравственная сила народа вознеслась до героизма.

она не усилится слѣдуемыми къ ней резервами. Кто былъ хотя нѣсколько свѣдущъ въ высшей военной наукѣ, тому не могли не бросаться въ глаза послѣдствія превосходнаго движенія свѣтлѣйшаго. Я счелъ однако излишнимъ преподавать стратегію юхновскимъ помѣщикамъ; такъ нѣкогда Колумбъ, предсказывая американцамъ лунное затмѣніе, не заблагоразсудилъ обучать ихъ астрономіи. Я вечеромъ получилъ письмо отъ калужскаго гражданскаго губернатора нижеслѣдующаго содержанія:

«Все свершилось, Москва не наша, она горитъ!
. .
Я, отъ 6 числа изъ Подольска, отъ свѣтлѣйшаго имѣю увѣреніе, что онъ, прикрывая Калужскую дорогу, будетъ дѣйствовать на Смоленскую. Ты не шути, любезный Денисъ Васильевичъ! твоя обязанность велика! прикрывай Юхновъ и тѣмъ спасешь средину нашей губерніи, но не залетай далеко, а держись Медыни и Мосальска; мнѣ бы хотѣлось, чтобы ты дѣйствовалъ такимъ образомъ, чтобы не навлечь на себя непріятеля.» 8-е сентября.

10-го вечеромъ, я получилъ отъ начальника Калужскаго ополченія предписаніе принять въ мою команду требуемые мною казачьи полки и присоединившагося къ моей партіи маіора Храповицкаго.

11-го, мы отслужили молебенъ въ присутствіи гражданскихъ чиновниковъ и народа, и выступили въ походъ, напутствоваемые благословеніями всѣхъ жителей. Съ нами пошли отставной мичманъ Николай Храповицкій, титулярный совѣтникъ Татариновъ, 60-лѣтній старецъ, и землемѣръ Макаревичъ; прочіе же помѣщики остались дома, довольствуясь ношеніемъ охотничьихъ кафтановъ, саблей и пистолетовъ за поясомъ. Къ вечеру мы прибыли въ Знаменское, и соединились съ полками 1-мъ Бугскимъ и Тептярскимъ. Первый состоялъ изъ 60-ти человѣкъ, а второй изъ 110-ти.

Прежде нежели описывать дѣйствія войскъ, коихъ число неожиданно увеличилось и превратилось, такъ сказать, изъ *раз-*

бойничьей шайки въ *наѣздничью партію,* не излишне будетъ познакомить читателя съ частными ея начальниками.

Волынскаго уланскаго полка маіоръ Степанъ Храповицкій (*) былъ одаренъ игривымъ, но основательнымъ умомъ и замѣчательными дарованіями; возвышенными чувствами своими, строгими правилами чести и европейскимъ образованіемъ, онъ заслужилъ полное уваженіе.

Состоявшій по кавалеріи ротмистръ Чеченскій (**), вывезенный младенцемъ изъ Чечни и возмужавшій въ Россіи, обращалъ на себя вниманіе своею необычайною храбростью, рѣдкою предпріимчивостью и смѣтливостью въ важныхъ случаяхъ.

Ахтырскаго гусарскаго полка штабсъ-ротмистръ Николай Бедряга (***) былъ извѣстенъ своей храбростью, и какъ вѣрный и дорогой товарищъ; въ битвахъ же онъ былъ всегда впереди всѣхъ, *горѣлъ тамъ, какъ свѣчка.*

Того же полка, поручикъ Димитрій Бекетовъ (****), весельчакъ и одаренный умомъ образованнымъ; въ дѣлѣ же, онъ былъ весьма храбръ и надеженъ.

Того же полка поручикъ Макаровъ (*****) хотя и не отличался образованіемъ, но имѣлъ умъ весьма положительный. Ягненокъ въ домашнемъ быту, онъ былъ тигромъ на полѣ битвы.

1-го Бугскаго полка сотникъ Ситниковъ, 60-ти-лѣтній старецъ, и Мотылевъ, молодой офицеръ — оба отличной храбрости; они были также замѣчательны своею неутомимой дѣятельностью.

(*) Нынѣ генералъ-маіоръ по кавалеріи.
(**) Нынѣ генералъ-маіоръ по кавалеріи.
(***) Нынѣ полковникомъ въ отставкѣ.
(****) Нынѣ въ отставкѣ.
(*****) Нынѣ въ отставкѣ маіоромъ.

Из книг
А. В. Кокорева

Иловайскаго 10-го полка урядникъ Крючковъ (*), отличный, неутомимый, храбрый ѣздокъ, рѣдкой смѣтливости и хитрости вполнѣ Черкесской.

Шкляревъ (**), старшій гусарскій вахтмистръ моей партіи, исполнялъ прекрасно приказанія, не давая себѣ однако труда размышлять.

Ивановъ, вахтмистръ Ахтырскаго гусарскаго полка; я его нѣсколько разъ за буянство и развратъ разжалывалъ въ рядовые, но за храбрость, нѣсколько разъ вновь производилъ въ вахтмистры.

Скрыпка и Колядка, оба надежные вахтмистры.

Всѣ гусары были отличнаго военнаго поведенія. Назову тѣхъ изъ нихъ, коихъ не забылъ имена: Ѳедоровъ, Зворичь, Мацыпура, Жирко, Форостъ, Гробовой, Мацырюкъ, Пучковъ, Егоровъ, Зола, Шкредовъ, Крутъ, Монцаревъ, Куценко, Приманъ, Осмакъ, Лишаръ.

Урядники Донскаго Войска, кои остались у меня въ памяти, были: Тузовъ, Логиновъ, Лестовъ, казаки: Аѳонинъ, Антифеевъ, Волковъ, Володька. Сожалѣю, что забылъ остальныхъ, ибо большая часть изъ нихъ заслуживаетъ того, чтобы быть извѣстною.

На 12-е, я предпринялъ поискъ къ самой Вязьмѣ. Сердце мое билось отъ радости, при обзорѣ вытягивавшихся полковъ моихъ. Съ 130 человѣками я взялъ 370 человѣкъ и 2-хъ офицеровъ, отбилъ 200 своихъ, и захватилъ кромѣ того 1 фуру съ патронами и 10 провіантскихъ фуръ... Тутъ же я командовалъ тремя стами человѣками. Какая разница! Какая надежда! Къ тому же ревность обывателей, дѣятельность дворянскаго предводителя въ распространеніи воззванія о поголовномъ ополченіи, въ снабженіи продовольствіемъ моей партіи, въ устройствѣ на собственное иждивеніе лазарета въ Юхновѣ, и нако-

(*) Былъ хорунжіемъ и убитъ, 1813 г., во время преслѣдованія непріятеля послѣ побѣды при Лейпцигѣ.

(**) Нынѣ прапорщикъ Екатеринославскаго гарнизоннаго баталіона.

нецъ спасительное движенiе армiи на Калужскую дорогу, все улыбалось моему воображенiю, всегда слишкомъ быстро летящему на встрѣчу всему соблазнительному для моего сердца!

На разсвѣтѣ мы атаковали въ виду города непрiятельскiй отрядъ, прикрывавшiй транспортъ съ провiантомъ и съ артиллерiйскими снарядами. Отпоръ не соотвѣтствовалъ стремительности натиска, и успѣхъ превзошелъ мое ожиданiе: 270 рядовыхъ и 6 офицеровъ положили оружiе, до 100 человѣкъ легло на мѣстѣ, 20 подводъ съ провiантомъ и 12 артиллерiйскихъ палубовъ съ снарядами, достались намъ. Немедленно двѣ фуры съ патронами и 340 ружей поступили въ распоряженiе командовавшаго поголовнымъ ополченiемъ капитана Бѣльскаго; такимъ образомъ, съ первыхъ уже дней, я имѣлъ въ Знаменскомъ готоваго оружiя почти на 500 человѣкъ.

14-го, мы подошли къ селенiю Теплухѣ, что̀ на столбовой Смоленской дорогѣ, и расположились на ночлегѣ, принявъ всѣ мѣры осторожности; тамъ явился ко мнѣ крестьянинъ Ѳедоръ изъ Царева-Займища, изъявившiй желанiе служить въ моей партiи. Этотъ удалецъ, оставя жену и дѣтей, скрывавшихся въ лѣсахъ, находился при мнѣ до изгнанiя непрiятеля изъ Смоленской губернiи и, только по очищенiи губернiи отъ враговъ, возвратился на свое пепелище. По возвращенiи моемъ изъ Парижа, въ 1814 году, я нарочно останавливался въ Царевѣ-Займищѣ, съ тѣмъ, чтобы посѣтить моего храбраго товарища, но мнѣ сказали, что его уже нѣтъ на свѣтѣ; онъ умеръ отъ заразы, погубившей многихъ поселянъ, скрывавшихся въ лѣсахъ. Какое великое поученiе! Тѣ, кои избѣгаютъ смерти, и тѣ, кои бодро ее встрѣчаютъ, испытываютъ одинакую участь; каждому опредѣленъ свой срокъ, коего онъ не преступитъ.... стоитъ ли прятаться и страшиться!

14-го, къ вечеру начали подходить мародеры, а такъ какъ мы были скрыты и соблюдали необходимую предосторожность, то брали ихъ въ плѣнъ, безъ малѣйшаго съ ихъ стороны сопротивленiя, и почти по одиначкѣ. Къ 10-ти часамъ ночи число плѣнныхъ возрасло до 70 человѣкъ при двухъ офицерахъ;

у одного изъ нихъ всѣ карманы были набиты награбленными печатками, ножечками и проч. Надобно однако отдать справедливость, что офицеръ этотъ былъ не французъ, а вестфалецъ.

15-го, около 8 часовъ утра, мои пикетные открыли, слѣдовавшее отъ села Тарбѣева, большое количество фуръ, покрытыхъ бѣлымъ холстомъ. Нѣкоторые изъ насъ сѣли на коней и, проскакавъ нѣсколько шаговъ, увидѣли ихъ подобно флоту, на парусахъ приближающемуся. Немедленно штабсъ-ротмистръ Бедряга 3, поручикъ Бекетовъ и Макаровъ, съ гусарами и казачьими полками, помчались къ нимъ на перерѣзъ. Переднiе ударили на прикрытiе, которое, послѣ нѣсколькихъ пистолетныхъ выстрѣловъ, обратилось въ бѣгство; но, бывъ охвачено Бугскимъ полкомъ, оно бросило оружiе; 260 рядовыхъ разныхъ полковъ, съ лошадьми ихъ, 2 офицера и 20 фуръ, полныхъ хлѣбомъ и овсомъ, со всею упряжью, попались намъ въ руки.

До этого времени всѣ мои поиски были предприняты между Гжатью и Вязьмою. Успѣхъ ихъ обратилъ вниманiе французскаго губернатора города Смоленска (*). Онъ, собравъ всѣ конныя, чрезъ городъ сей слѣдующiя команды, составилъ сильный отрядъ (изъ 2,000 рядовыхъ, при 1 штабъ-офицерѣ и 8 оберъ-офицерахъ); онъ предписалъ начальнику (**) очистить все пространство, между Вязьмою и Гжатью, и, разбивъ мою партiю, привезти меня живаго или мертваго въ Вязьму (***).

(*) Генералъ Бараге-Дилье былъ губернаторомъ Смоленской губернiи и имѣлъ пребыванiе свое въ Вязьмѣ.

(**) Другiе же увѣряли, что на сiе отважился самъ начальникъ отряда, проходившаго тогда изъ Смоленска въ Москву; онъ только испросилъ разрѣшенiе губернатора, для дѣйствiя противъ меня.

(***) По взятiи 22 октября города Вязьмы, генераломъ Милорадовичемъ, адъютантъ его кавалергардскаго полка поручикъ (что нынѣ генералъ-адъютантъ и начальникъ главнаго штаба 2 армiи) Киселевъ отыскалъ, въ разбросанныхъ бумагахъ, одинъ изъ циркуляровъ, разсылаемыхъ тогда генераломъ Бараге-Дильеромъ. Въ семъ циркулярѣ описаны были примѣты мои и изложено строгое повелѣнiе *поймать* и *разстрѣлять* меня.

О таковой неучтивости я былъ извѣщенъ еще 13-го сентября, а 15-го, по взятіи транспорта, узналъ чрезъ коннаго крестьянина, что этотъ отрядъ подошелъ уже къ Ѳедоровскому. Вся моя партія выступила изъ Теплухи и пошла по дорогѣ къ селу Шуйскому. Пройдя нѣкоторое разстояніе, она, лощиной, покрытой лѣсомъ, повернула круто вправо и перешла столбовую дорогу; не будучи видима изъ Теплухи, она отступила чрезъ Румянцово въ Андреевское. Тамъ, проведя ночь, мы усиленнымъ маршемъ направились на село Покровское, находящееся въ 5 верстахъ отъ столбовой дороги.

Перемѣщеніе мое основывалось на трехъ предположеніяхъ: или отрядъ, назначенный дѣйствовать противъ меня, потерявъ меня изъ виду, обратится къ первому назначенію своему, т. е. будетъ продолжать путь свой къ Москвѣ; или, гоняясь за мною отъ Дорогобужа до Гжати, и отъ Гжати къ Дорогобужу, и изнуривъ лошадей своихъ, представитъ мнѣ возможность нанести ему съ малой потерей сильный ударъ; или, раздѣлясь на двое, чтобы легче захватить меня, подвергнется разбитію по частямъ.

18-го вечеромъ по прибытіи нашемъ въ с. Покровское, крестьянинъ, пришедшій съ большой дороги, объявилъ намъ, что онъ видѣлъ пѣхотнаго солдата, бѣжавшаго изъ транспорта нашихъ плѣнныхъ, остановившихся на ночлегъ въ селѣ Юреневѣ, и что этотъ солдатъ ночуетъ въ с. Никольскомъ, между Юреневымъ и Покровскимъ. Я спросилъ крестьянина, можетъ ли онъ привести ко мнѣ этого солдата? Онъ отвѣчалъ, что можетъ; но что такъ какъ одному ему идти туда страшно, то проситъ дать ему казака въ проводники. Я ему далъ извѣстнаго урядника Крючкова, и они вмѣстѣ отправились.

19-го, за два часа передъ разсвѣтомъ, посланные мои возвратились и привели этого солдата. Онъ объявилъ мнѣ, что въ Юреневѣ остановились 1,000 человѣкъ нашихъ плѣнныхъ, изъ которыхъ часть заперта въ церкви, а часть ночуетъ въ избахъ, гдѣ расположена и часть прикрытія, состоявшаго изъ 300 человѣкъ. Я велѣлъ садиться на коней, и пока партія моя

вытягивалась, Крючковъ при крестьянинѣ и солдатѣ разсказалъ мнѣ, что, подъѣхавъ къ Никольскому, они встрѣтили прохожаго, объявившаго имъ, что при немъ вошла въ это село шайка мародеровъ; крестьянинъ, оробѣвъ, не смѣлъ войдти въ село, но Крючковъ, распрося его подробно о мѣстѣ, гдѣ ночуетъ солдатъ, надѣлъ на себя кафтанъ крестьянина и вошелъ въ село, наполненное французами. Онъ прямо пришелъ къ дому, гдѣ, по разсказу крестьянина, долженъ былъ ночевать солдатъ, и, разбудивъ его, вывелъ его изъ деревни. Такой отважный поступокъ снискалъ ему большое уваженіе прочихъ его товарищей, а меня поставилъ въ пріятную обязанность донести о томъ свѣтлѣйшему.

Мы, обойдя Никольское, остановились за четверть версты отъ Юренева, за часъ времени до разсвѣта.

Къ несчастію, пока партія была на маршѣ, транспортъ плѣнныхъ поднялся и пошелъ далѣе по Смоленской дорогѣ, уступивъ свое мѣсто тремъ баталіонамъ польской пѣхоты, шедшимъ отъ Смоленска въ Москву. Одинъ изъ нихъ расположился въ селѣ, а два за церковью, на бивакахъ, причемъ ими не было принято никакихъ мѣръ предосторожности.

Основываясь на разсказѣ солдата и полагая, что въ самомъ селѣ не болѣе половины прикрытія, ибо другую половину я полагалъ около церкви, я, съ разсвѣтомъ, осмотрѣвъ мѣстоположеніе, приказалъ 60-ти человѣкамъ пѣхоты, прокравшись лощиною и ворвавшись въ средину улицы, закричать: *ура! наши сюда!* и на штыкахъ выбить непріятеля.

Въ одно время Бугскій полкъ долженъ былъ объѣхать село и стать на чистомъ мѣстѣ, между деревнею и церковью, дабы отрѣзать дорогу бѣгущимъ. Прежній мой отрядъ и Тептярскій полкъ были оставлены мною въ резервѣ и скрытно расположены около лѣса, съ приказаніемъ открывать разъѣздами столбовую дорогу, ведущую къ Вязьмѣ.

Распоряженія мои были приведены въ исполненіе со всею необходимою точностью. Пѣхота, тихо пробравшись лощиною, бросилась въ село, но вмѣсто плѣнныхъ нашихъ и слабаго

ихъ прикрытія, попалась въ средину, хотя оплошнаго, но сильнаго непріятельскаго батальона. Огонь затрещалъ изъ оконъ и по улицѣ.... Мои герои, опираясь братъ на брата, штыками пробили себѣ путь къ Бугскому полку, который подалъ имъ руку помощи. Въ пять минутъ, изъ 60 человѣкъ, 35 легло на мѣстѣ, или было смертельно ранено.

Между тѣмъ Чеченскій, съ Бугскимъ полкомъ, совершенно пресѣкъ путь атакованному батальону, который, ожидая подкрѣпленія, и, думая удержаться въ селѣ до его прибытія, усилилъ огонь по насъ изъ избъ и огородовъ. Горя мщеніемъ, я вызвалъ охотниковъ и приказалъ имъ зажечь избы, въ коихъ засѣлъ непріятель.... Первыми на то отважились мои 25 героевъ; избы вспыхнули и болѣе двухъ сотъ человѣкъ было охвачено пламенемъ. Поднялся ужасный крикъ, но было поздно. Видя неминуемую гибель свою, баталіонъ сталъ выбѣгать изъ села въ разсыпную. Замѣтивъ это, Чеченскій ударилъ въ тылъ и взялъ 119 рядовыхъ и одного капитана; батальонъ однако построился и, не взирая на многократныя атаки наши, отступилъ съ честью къ двумъ вышеупомянутымъ батальонамъ, которые уже спѣшили къ нему на помощь, со стороны церкви. Когда они показались, я, видя, что намъ ничего не осталось дѣлать, приказалъ своимъ отступать. Огонь, направленный противъ насъ, причинилъ намъ мало вреда, и мы, подобравъ нашихъ раненыхъ, были вскорѣ внѣ выстрѣловъ. Въ это время одинъ изъ посланныхъ мною разъѣздовъ къ сторонѣ Вязьмы, увѣдомилъ меня, что, въ 3-хъ верстахъ отъ мѣста битвы, расположенъ артиллерійскій паркъ. Отправивъ раненыхъ въ Покровское подъ прикрытіемъ Тептярскаго полка, я помчался съ остальными войсками къ парку, которымъ овладѣлъ безъ малѣйшаго сопротивленія. Онъ состоялъ изъ 24-хъ палубъ, съ 144 волами для ихъ перевозки, 23-хъ фурманщиковъ; прочіе же скрылись въ лѣсу. Возвратясь послѣ этого, не совсѣмъ удачнаго набѣга, въ Покровское, я былъ, по крайней мѣрѣ, утѣшенъ тѣмъ, что поиски, произведенные мною съ первой моей командою по Смоленской дорогѣ, обратили вниманіе свѣтлѣй-

шаго, оцѣнившаго наконецъ пользу партизанской войны; по примѣру моему, многіе легкіе отряды получили приказаніе дѣйствовать на путь сообщенія непріятеля (*).

Едва мы успѣли расположиться въ Покровскомъ, какъ извѣстились о новомъ транспортѣ плѣнныхъ нашихъ, въ числѣ 400 человѣкъ, остановившихся близъ насъ. Бывъ уже разъ наказанъ за отвагу штурмовать селеніе, занятое пѣхотою, я отрядилъ впередъ урядника Крючкова, съ 6-ю отборными казаками, и приказалъ, подъѣхавъ къ деревнѣ, выстрѣлить изъ пистолетовъ и поспѣшно скрыться, дабы этимъ, встревожа прикрытіе, принудить его искать себѣ другое мѣсто для привала. Партія моя скрытно слѣдовала за Крючковымъ и остановилась въ засадѣ, ожидая выхода транспорта изъ селенія.

Совершенный успѣхъ увѣнчалъ мое предпріятіе. Едва Крючковъ и казаки его, сдѣлавъ залпъ, удалились отъ деревни, какъ весь транспортъ сталъ выходить изъ нея. Давъ ему отойти на разстояніе около двухъ сотъ саженей, партія моя поднялась на высоту и часть ея бросилась въ атаку. Плѣнные въ этомъ случаѣ помогли атакующимъ, и прикрытіе, состоявшее изъ 166 человѣкъ при 4 офицерахъ, было мгновенно обезоружено. Я съ этой добычею воротился на ночлегъ въ Покровское, откуда 20-го по утру пошелъ въ село Городище, какъ для отдохновенія моей партіи, такъ и для личнаго осмотра поголовнаго ополченія въ Знаменскомъ. Къ тому же меня крайне обременяла захваченная мною добыча. Этотъ поискъ доставилъ мнѣ 908 рядовыхъ, 15 офицеровъ, 36 артиллерійскихъ палубовъ, 40 провіантскихъ фуръ, 144 вола, которыхъ я опредѣлилъ на порціи, и около 200 лошадей, изъ коихъ лучшія были отобраны для худоконныхъ казаковъ, остальныя же розданы крестьянамъ.

Такъ какъ Городище находится въ 50-ти верстахъ отъ столбовой Смоленской дороги и слѣдовательно внѣ опасности отъ

(*) См. Оправдательныя статьи. Стр. 3, N 3.

внезапнаго непріятельскаго нападенія, то партія моя раздѣлилась на двое: Бугскій полкъ занялъ деревню Луги, въ трехъ верстахъ отъ Городища, гдѣ я остался съ другою частью моей команды. Пикеты были выставлены на двухъ главныхъ дорогахъ, а разъѣзды посылаемы не далѣе, какъ за три и четыре версты, каждый день по два раза.

Между тѣмъ изъ 400 отбитыхъ нашихъ плѣнныхъ, я выбралъ 250 человѣкъ и присоединилъ къ ней остатокъ моей пѣхоты, которую назвалъ геройскимъ полувзводомъ (*). Въ этотъ полувзводъ я переводилъ только за особенное отличіе и такимъ образомъ, мало по малу, умножилъ его до двухъ взводовъ. Остальныхъ 150 человѣкъ я отправилъ въ Знаменское и, наименовавъ ихъ *Почетною полуротою*, предписалъ всему поголовному ополченію брать съ нихъ примѣръ.

21-го рано я ѣздилъ въ Знаменское, гдѣ нашелъ уже до 500 человѣкъ подъ ружьемъ; Бѣльскій объявилъ мнѣ, что прочіе 1,500 человѣкъ, вооруженные также непріятельскими ружьями, находятся по деревнямъ и въ готовности при первой повѣсткѣ собраться въ Знаменское. Онъ увѣрялъ, что рвеніе поселянъ такъ велико, что въ случаѣ нужды можно набрать въ самое короткое время до 6,000 человѣкъ, но эти послѣдніе будутъ вооружены лишь копьями и топорами. Прокламація моя возъимѣла свое дѣйствіе, направленіе было указано.... и я былъ тѣмъ совершенно доволенъ.

Къ славѣ нашего народа, во всей той сторонѣ извѣстными и истинными измѣнниками были одни дворовые люди отставнаго маіора Семена Вишнева и нѣсколько крестьянъ. Первые, соединясь съ Французскими мародерами, убили своего помѣщика. Ѳеимъ Никифоровъ убилъ съ ними отставнаго поручика Данилу Иванова, а Сергѣй Мартыновъ, указывая непріятелю

(*) Я въ началѣ намѣренъ былъ каждому изъ нихъ поручить команду изъ 50 человѣкъ поголовнаго ополченія, но они на это сказали: „когда-то еще Богъ приведетъ нимъ подраться, а здѣсь мы всегда на тычку!" Какъ жаль, что въ походѣ я затерялъ записку съ именами сихъ почтенныхъ воиновъ!

на извѣстныхъ ему богатыхъ поселянъ, убилъ управителя села Городища, разграбилъ церковь, вырылъ изъ гробовъ прахъ помѣщицы этого села и стрѣлялъ по казакамъ. При появленіи моей партіи въ этой сторонѣ, всѣ первые разбѣжались и скрылись, но послѣдняго мы захватили 14-го числа. Эта добыча была для меня важнѣе двухъ сотъ Французовъ; я немедленно рапортовалъ о томъ начальнику ополченія и рѣшился его примѣрно наказать.

21-го я получилъ повелѣніе разстрѣлять преступника (*); тотчасъ мною было разослано по всѣмъ сосѣднимъ деревнямъ объявленіе, чтобы крестьяне собирались въ Городище. Четыре священника ближнихъ селъ были туда же приглашены; 22-го по утру преступника исповѣдали, надѣли на него бѣлую рубашку и привели подъ карауломъ къ самой той церкви, которую онъ грабилъ съ врагами отечества. Священники стояли передъ нею лицомъ въ поле, на одной чертѣ съ ними взводъ пѣхоты. Преступникъ былъ поставленъ на колѣни, лицомъ къ священникамъ, за нимъ народъ, а за народомъ вся партія, полукружіемъ. Его заживо отпѣли.... Надѣялся ли онъ на прощеніе? Укоренилось ли въ немъ безбожіе до высшей степени, или имъ овладѣло отчаяніе, но во все время онъ ни разу не перекрестился. Когда служба окончилась, я велѣлъ ему поклониться на четыре стороны, а отряду разступиться, онъ же продолжалъ глядѣть на меня глазами невѣдѣнія; наконецъ я приказалъ отвести его далѣе и завязать глаза; при этомъ онъ затрепеталъ; взводъ подвинулся и выстрѣлилъ разомъ. Тогда моя партія окружила зрителей, въ числѣ коихъ хотя и не было ни одного измѣнника и грабителя, но были однако ослушники начальства. Имѣя списокъ виновныхъ, я сталъ выкликать ихъ по одиночкѣ и наказывать нагайками.

Когда кончилась экзекуція, я читалъ міірянамъ слѣдующее: «такъ караютъ богоотступниковъ, измѣнниковъ отечества и

(*) См. Оправд. стат. Стр. 5, N 4.

ослушниковъ начальства! Вѣдайте, что войско можетъ удалиться на время, но Государь, нашъ Православный Царь, всегда знаетъ, гдѣ творится зло, и при малѣйшемъ ослушаніи или безпорядкѣ, мы снова явимся и накажемъ предателей и безбожниковъ, такъ какъ наказали разбойника, передъ вами лежащаго. Ему и мѣста нѣтъ съ православными на кладбищѣ; заройте его въ разбойничьей долинѣ (*).»

Тогда священникъ Іоаннъ, поднявъ крестъ, сказалъ: «да будетъ проклятъ всякій ослушникъ начальства, врагъ Бога и предатель Царя и отечества! да будетъ проклятъ!»

Послѣ этого я читалъ народу наставленіе, данное мною Токаревскимъ крестьянамъ, и распустилъ всѣхъ по домамъ. Я вечеромъ послалъ курьера съ донесеніемъ, какъ о успѣхѣ моихъ поисковъ, такъ и о наказаніи помянутаго преступника.

23-го по утру, извѣстился я о кончинѣ благодѣтеля моего, знаменитаго героя князя Петра Ивановича Багратіона. Судьба, осчастлививъ меня тѣмъ, что я, служа при немъ, пользовался особою его благосклонностью, доставила мнѣ и то счастіе, что я могъ отдать первую почесть его великому праху пораженіемъ враговъ въ минуту полученія сего горестнаго извѣстія: одинъ пикетъ, стоявшій на проселочной дорогѣ, ведущей изъ Городища къ Дорогобужу, далъ знать, что двѣ большія непріятельскія колонны идутъ къ Городищу. Я, приказавъ кавалеріи поспѣшнѣе сѣдлать и садиться на коней, послалъ ее къ Чеченскому въ Лугу, а самъ бросился съ пѣхотою къ выходу изъ села на Дорогобужскую дорогу. Намѣреніе мое состояло въ томъ, чтобы, удержавъ пѣхотою непріятеля у входа въ деревню, дать тѣмъ время кавалеріи изготовиться, собраться и, объѣхавъ деревню, ударить на непріятеля съ тыла.

До выхода изъ деревни было болѣе версты. Я ѣхалъ рысью и клянусь честью, что пѣхотинцы мои не только не отставали отъ меня, но нѣсколько человѣкъ изъ нихъ даже опе-

(*) Такъ называется и искони называлась долина въ трехъ верстахъ отъ Городища.

редили меня. Такова была жажда ихъ къ битвамъ съ врагами.

Подъѣхавъ къ дальнимъ избамъ, я, остановивъ свою команду, разсыпалъ между избами и огородами 50 стрѣлковъ; остальныхъ 225 человѣкъ построилъ въ двѣ колонны, коихъ головы были видны, а хвосты были скрыты за строеніемъ.

Устроивъ все для защиты села, я поѣхалъ впередъ, чтобы самому увѣриться, заслуживаетъ ли непріятель столь великолѣпнаго пріема. Вскорѣ мнѣ открылась толпа пѣхоты въ 400 человѣкъ. Въ началѣ она направлялась къ Городищу, но, встрѣченная выстрѣлами моихъ стрѣлковъ и увидя мои колонны, она рѣшилась отступать. Увѣрившись, что эта толпа не имѣетъ никакого дерзкаго намѣренія, ибо это была лишь сильная шайка мародеровъ, я велѣлъ стрѣлкамъ напирать на отступавшихъ, а всей пѣхотѣ слѣдовать за стрѣлками. Въ это время мы увидѣли маіора Храповицкаго, приближающагося къ намъ съ кавалеріею. Непріятель бросился въ ближнюю рощу, пѣхота моя послѣдовала за нимъ; гулъ выстрѣловъ и крикъ *ура!* загремѣли и слились вмѣстѣ. Роща примыкала къ рѣкѣ Угрѣ, на которой есть броды; за рѣкою же тянулся сплошной лѣсъ почти до Масальска; добыча, казалось, вырывалась изъ рукъ нашихъ. Храповицкій, уроженецъ и житель Городища (*), соединяя съ отличнѣйшими военными дарованіями основательное знаніе мѣстности, немедленно обскакалъ рощу и сталъ между нею и рѣкою; въ тоже время пѣхота наша ворвалась въ рощу. Непріятель, видя неминуемую гибель свою, сталъ бросать оружіе и сдаваться; я велѣлъ щадить, будучи увѣренъ, что достойнѣйшая почесть праху великаго героя есть великодушное мщеніе врагамъ. Тутъ мы увидѣли Чеченскаго, скачущаго съ полкомъ своимъ къ намъ на помощь; ему донесли, что мы разбиты и приперты къ рѣкѣ. Велики были удивленіе и радость его, когда онъ увидалъ насъ побѣдителями. Это неожиданное дѣло намъ доставило 330 рядовыхъ и 5 офице-

(*) А нынѣ и владѣтель онаго.

ровъ. Отставной мичманъ Николай Храповицкій, командовавшій пѣхотою, особенно отличился въ этомъ дѣлѣ. Возвратясь въ Городище, мы отслужили панихиду по нашемъ героѣ и моемъ благодѣтелѣ, незабвенномъ князѣ Петрѣ Ивановичѣ Багратіонѣ и выступили въ село Андреяны.

Въ это самое время я получилъ повелѣніе отдѣлить отъ себя Тептярскій полкъ къ Рославлю и Брянску, для содѣйствія отряду Калужскаго ополченія, назначенному прикрывать Орловскую губернію. Чувствуя всю важность Рославлева, угрожаемаго отрядами, посылаемыми изъ Смоленска по Орловской дорогѣ, я тотчасъ приказалъ маіору Темирову идти чрезъ Мутищево въ Рославль; 24-го мы узнали, что непріятельскій отрядъ, котораго назначеніе состояло въ томъ, чтобы дѣйствовать противъ моей партіи, отыскивавшей насъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней между Вязьмою и Гжатью, показался между Семлевымъ и Вязьмою, въ селѣ Монинѣ. Не отступая отъ моего намѣренія, я, обратясь къ Ѳедоровскому, прибылъ вечеромъ въ Слукино.

25-го отъ Ѳедоровскаго мы поворотили столбовой дорогой прямо къ Вязьмѣ. Я хотѣлъ сильной перестрѣлкой близь города заманить сюда непріятеля, и лишь тогда обратиться къ Семлеву, гдѣ мѣстоположеніе гораздо удобнѣе для дѣйствія слабымъ партіямъ.

Передовые мои открыли перестрѣлку подъ самой Вязьмою, а партія моя, раздѣлясь на три колонны, выказывала, по обыкновенію своему, лишь головы, скрывая хвосты колонны. Вскорѣ мы услышали барабанный бой и увидѣли непріятельскую пѣхоту, которая, отвѣчая на наши выстрѣлы, не смѣла однако отходить отъ города; я и тѣмъ былъ доволенъ. Простоявъ здѣсь до вечера, мы зажгли бивачные огни и ночью скрытно отступили въ Лосмино, и 26-го въ Андреяны. Прибывъ туда, я послалъ двухъ крестьянъ въ Покровское развѣдать о непріятельскомъ отрядѣ. Чрезъ нѣсколько часовъ прискакали два парня изъ Лосмина, съ донесеніемъ, что непрія-

тельскій отрядъ, слѣдуя между этимъ селомъ и Вязьмою, направляется къ Гжати. Желаніе мое исполнилось. Немедленно партія поднялась и выступила къ Монину. Подъ вечеръ она подошла къ этой деревнѣ и застала въ ней 42 провіантскія фуры и 10 артиллерійскихъ палубъ, подъ прикрытіемъ 126 конныхъ егерей и одного офицера. Эта команда принадлежала отряду, меня преслѣдовавшему до самой Гжати, который былъ въ полной увѣренности найдти меня въ этомъ направленіи. Плѣнный офицеръ объявилъ мнѣ, что противникъ мой, приведенный своей неудачей въ отчаяніе, двинулся къ Гжати и въ случаѣ новаго неуспѣха, онъ намѣревался сдѣлать рѣшительный поискъ вдоль Угры, дабы отрѣзать меня отъ Юхнова и Калуги.

Я знаю, что нѣкоторые партизаны, командуя отдѣльными частями войскъ, думаютъ командовать не партіею, а арміею, почитая себя не партизанами, а полководцами; это происходитъ отъ того, что у нихъ преобладаетъ мысль — *отрѣзавъ* противную партію отъ арміи, къ коей она принадлежитъ, занимать позицію подобно Австрійскимъ методикамъ. Надо сказать одинъ разъ на всегда, что лучшая позиція для партіи есть непрерывное движеніе, не дозволяющее противнику знать мѣсто, гдѣ она находится, причемъ необходима неусыпная бдительность часовыхъ и разъѣздныхъ. *Отрѣзать* партію нѣтъ возможности, но лучше слѣдуетъ придерживаться русской пословицы: *убить да уйдти;* вотъ сущность тактической обязанности партизана. Мой противникъ былъ, повидимому, въ полномъ о томъ невѣдѣніи, а потому мнѣ было легко съ нимъ управиться. Отправивъ добычу въ городъ, мы продолжали путь къ столбовой дорогѣ, около которой проходили до 29-го числа съ малою пользою.

39-го партія прибыла въ Андреяны, гдѣ встрѣтилъ насъ курьеръ, возвратившійся изъ главной квартиры. Онъ привезъ мнѣ разныя бумаги (*) и извѣстилъ меня о слѣдованіи, на

(*) См. Оправд. ст. стр. 7, N 5.

подкрѣпленіе моей партіи, казачьяго Попова 13-го полка, который и прибылъ въ Андреяны 31-го.

Этотъ полкъ, не взирая на усиленные переходы отъ самаго Дона, представился мнѣ въ отличнѣйшемъ положеніи и усилилъ партію мою 500-ми доброконными казаками. Тогда я пересталъ опасаться нападенія преслѣдовавшаго меня отряда и рѣшился, напротивъ, самъ атаковать его. Но прежде всего мнѣ хотѣлось натравить эти новыя войска, составлявшія большую половину моей партіи. Къ тому же, если малочисленнымъ отрядомъ можно было управлять, такъ сказать, разбойнически, безъ предварительнаго устройства, одной лишь крутою строгостью, то этимъ путемъ нельзя было продолжать съ 700 человѣками. Итакъ, до 3-го октября я былъ принужденъ заняться образованіемъ внутренняго управленія партіи, показаніемъ лучшаго, по моему мнѣнію, построенія ея въ боевой порядокъ. Указавъ имъ нѣсколько практическихъ правилъ для нападенія, отступленія и преслѣдованія, я въ первый разъ испыталъ *разсыпное отступленіе,* столь необходимое для партіи, составленной изъ однихъ казаковъ, въ случаѣ нападенія на нее превосходнаго непріятеля. Оно состояло, во 1-хъ, въ томъ, чтобы по первому сигналу вся партія разсыпалась по полю, во 2-хъ, чтобы по второму каждый казакъ скакалъ самъ по себѣ и старался скрыться отъ непріятеля, и въ 3-хъ, чтобы каждый изъ нихъ, проѣхавъ по произвольному направленію нѣсколько верстъ, пробирался къ предварительно назначенному въ 10-ти, а иногда и въ 20-ти верстахъ отъ поля сраженія сборному мѣсту.

3-го мы выступили и пришли въ с. Покровское.

4-го я предпринялъ общій поискъ и раздѣлилъ партію на три части, такъ чтобы въ каждой изъ нихъ находилась часть Попова полка.

Двѣ сотни этого полка и старая команда сборныхъ казаковъ моихъ, подъ начальствомъ Попова, были направлены къ рѣчкѣ Вязьмѣ въ лѣсъ, простиравшійся между столбовой

дорогою и селеніемъ Лузинцовымъ; я самъ находился при ней.

1-й Бугскій полкъ и сотня Попова полка съ ротмистромъ Чеченскимъ,—чрезъ столбовую дорогу, на рѣчку Вязьму, къ селеніямъ Степанкову и Вопкѣ.

Двѣ сотни Попова полка съ Ахтырскими гусарами, подъ командою маіора Храповицкаго—къ Семлеву; пѣхота оставалась въ Покровскомъ. За два часа предъ разсвѣтомъ, всѣ отдѣленія были въ движеніи; 1-й отрядъ остановился въ лѣсу за нѣсколько сажень отъ мостика, лежащаго на рѣчкѣ Вязьмѣ. Два казака взлѣзли на высокое дерево, откуда они могли наблюдать за непріятелемъ.

Не прошло часу, какъ казаки подали знакъ слабымъ свистомъ. Они открыли одного офицера, идущаго пѣшкомъ по дорогѣ съ ружьемъ и собакою; 10 человѣкъ, сѣвъ на коней и бросившись на дорогу, окружили его и привели къ отряду. Это былъ 4-го Иллирійскаго полка полковникъ Гетальсъ, страстный охотникъ стрѣлять *дичь,* опередившій разстроенный свой батальонъ, который шелъ формироваться въ Смоленскъ. Съ нимъ была лягавая собака, а въ сумкѣ убитый тетеревъ. Отчаяніе сего полковника возбуждало въ насъ болѣе смѣхъ, нежели сожалѣніе. Послѣ разныхъ распросовъ, онъ, отойдя въ сторону, ходилъ въ горести большими шагами; каждый разъ, когда попадалась ему на глаза лягавая собака, улегшаяся на казачьей буркѣ, онъ, становясь въ позицію Тальмы въ Эдипѣ, восклицалъ громкимъ голосомъ: malheureuse passion! (пагубная страсть); каждый разъ, когда онъ смотрѣлъ на свое ружье, которое увы! было уже въ рукахъ казаковъ, или на тетерева, повѣшеннаго на пику, что служило вывѣской его приключенія, онъ, повторяя то же самое, снова начиналъ ходить размѣренными шагами.

Между тѣмъ сталъ показываться и батальонъ. Наши приготовились, и, когда онъ достаточно приблизился, весь отрядъ бросился на него; передніе казаки въ разсыпную, а резервъ

въ колоннѣ, построенной въ шесть коней; отпоръ былъ непродолжителенъ: большая часть рядовыхъ побросала оружіе, но многіе, пользуясь лѣсомъ, разсыпались въ немъ и спаслись бѣгствомъ.

Добыча состояла изъ двухъ офицеровъ, при двухъ стахъ нижнихъ чинахъ.

Въ то же время ротмистръ Чеченскій встрѣтилъ фуры съ провіантомъ, ночевавшія въ лѣсу на дорогѣ отъ Вопки къ Вязьмѣ. Непріятель, примѣтивъ казаковъ, торопился построить обозъ полукружіемъ, дабы изъ-за него легче защищаться. Но Чеченскій, не давъ времени исполнить сего построенія, ударилъ и овладѣлъ транспортомъ.

Тогда прикрытіе, состоявшее изъ пѣхоты, бросилось въ средину лѣса, откуда открыло неумолкаемый огонь.... Ярый Чеченскій, спѣшивъ своихъ, бросился въ лѣсъ и ударилъ на непріятеля въ дротики. Сей отважный поступокъ, довершивъ пораженіе, стоилъ намъ 15-ти лучшихъ бургскихъ казаковъ, которые пали, либо тяжело ранеными, либо убитыми.

Съ своей стороны маіоръ Храповицкій, выбравшись на столбовую дорогу, обратился къ Семлеву. Пользуясь родомъ войска, составлявшимъ отрядъ его, онъ приказалъ шедшимъ впереди отряда Ахтырскимъ гусарамъ надѣть флюгера на пики (*), а казакамъ скрываться за ними, взявъ дротики на перевѣсъ. Такимъ образомъ отрядъ сей казался издали Польскою кавалеріею, шедшею отъ непріятельской арміи къ Смоленску.

Долго Храповицкій никого не встрѣчалъ, но около Семлева онъ увидѣлъ многочисленный транспортъ, состоявшій изъ огромныхъ бочекъ, подвигавшихся къ нему на встрѣчу, хотя и съ прикрытіемъ, но безъ малѣйшей предосторожности; они думали видѣть въ отрядѣ Храповицкаго Польскій отрядъ. Наши допустили непріятеля на пистолетный выстрѣлъ и съ крикомъ

(*) Въ то время нѣкоторые гусарскіе полки были вооружены пиками съ флюгерами, какъ уланы. Изъ числа сихъ полковъ былъ и Ахтырскій.

ура! стремительно ударили на него. Большая часть прикрытія разсыпалась, но поручикъ Тилингъ съ горстью своихъ защищался до тѣхъ поръ, пока не былъ раненъ; тутъ онъ былъ оставленъ окружавшими его товарищами.

Съ этимъ транспортомъ были отправлены новыя одежда и обувь на весь 1-й Вестфальскій гусарскій полкъ и (по накладной, найденной у Тилинга) стоилъ 17 тысячъ франковъ, уплаченныхъ въ Варшавѣ.

Возвращаясь съ добычею къ селу Покровскому, Храповицкій былъ атакованъ сильною шайкою мародеровъ, засѣвшею въ лѣсу, чрезъ который надлежало ему проходить. Видя, что нельзя пробиться сквозь непріятеля, столь выгодно расположеннаго, онъ взялъ другое направленіе и благополучно прибылъ къ вечеру въ Покровское, гдѣ соединился съ отрядами Попова 13-го и ротмистра Чеченскаго.

Въ этомъ поискѣ, Попова полкъ не уступалъ ни въ чемъ прочимъ войскамъ моей партіи. Въ немъ оказались казаки весьма отважные и благонадежные. Лучшій офицеръ сего полка, или лучше сказать одинъ изъ отличнѣйшихъ офицеровъ всего донскаго войска, былъ сотникъ Бирюковъ, за нимъ слѣдовали хорунжіе Александровъ и Персіановъ.

Плѣнные (число ихъ простиралось до 496 рядовыхъ, 1 штабъ и 4 оберъ-офицеровъ) были немедленно отправлены въ Юхновъ, также и 41 фура, отбитыя Чеченскимъ. Лошади, взятыя изъ-подъ конвойныхъ, были частью раздѣлены между спѣшенными и худоконными казаками, а частью розданы жителямъ. Въ тотъ же день отправленъ былъ отъ меня курьеръ въ главную квартиру. Я описалъ дежурному генералу сей послѣдній поискъ и просилъ награжденія, какъ отличившимся въ дѣйствіи, такъ и Юхновскому дворянскому предводителю Храповицкому, попеченіями котораго партія моя не терпѣла ни одного дня и ни въ чемъ нужды; благодаря его распоряженіямъ, раненые получали покой и облегченіе.

Предъ отъѣздомъ своимъ вошелъ ко мнѣ поручикъ Тилингъ. Онъ говорилъ мнѣ, что казаки взяли у него часы и деньги,

но что онъ, зная право войны, на это не въ претензіи, а проситъ лишь возвращенія кольца, принадлежавшаго любимой имъ женщинѣ. *Увы!* будучи самъ склоненъ ко всему романическому, сердце мое поняло его сердце, и я обѣщалъ постараться удовлетворить его желаніе. Сердце мое можетъ включить въ каждую кампанію свой собственный журналъ, независимый отъ военныхъ происшествій. *Любовь* и *война* такъ раздѣлили между собою все прошедшее мною поприще; донынѣ я ничѣмъ не повѣряю хронологію моей жизни, какъ соображая эпохи службы съ эпохами любовныхъ ощущеній, стоящими, подобно геодезическимъ вѣхамъ, на пустынной моей молодости. Въ то время я пылалъ страстью къ *невѣрной,* которую полагалъ *вѣрною.* Чувства моего узника отозвались въ душѣ моей, и легко можно вообразить взрывъ моей радости при встрѣчѣ съ человѣкомъ, служащимъ одному божеству и у одного же алтаря. Когда возвратился разъѣздъ, въ которомъ были казаки, взявшіе его въ плѣнъ, я былъ столько счастливъ, что отыскалъ не только кольцо, но и портретъ, волосы и письма, ему принадлежавшіе и немедленно отослалъ ихъ къ нему при сей запискѣ:

«Recevez monsieur les effets, qui vous sont si chers; puissent-ils, en vous rappellant l'objet aimé, vous prouver, que le courage et le malheur sont respectés en Russie, comme partout ailleurs.

Denis Davidoff, Partisan (*).»

Этотъ Тилингъ жилъ до 1814 года въ Орлѣ, гдѣ всегда съ благодарностью, но еще съ большимъ удивленіемъ, разсказывалъ о семъ приключеніи, какъ разсказываютъ о великодушіи нѣкоторыхъ атамановъ-разбойниковъ. Въ послѣдствіи я узналъ, что, утомившись мѣнять съ каждою компаніею предметы любви,

(*) Примите, государь мой, вещи столь для васъ драгоцѣнныя. Пусть онѣ, напоминая о миломъ предметѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ докажутъ вамъ, что храбрость и злополучіе такъ же уважаемы въ Россіи, какъ и въ другихъ земляхъ.

Денисъ Давыдовъ, партизанъ.

онъ, подобно мнѣ, при заключеніи общаго мира, заключилъ союзъ съ навсегда имъ любимою женщиною; онъ промѣнялъ такимъ образомъ кочующую гусарскую жизнь на уединеніе философа, фантасмагорію на дѣйствительность.

5-го числа партія пошла въ Андреяны; здѣсь я узналъ, что непріятельскій отрядъ раздѣлился на двое. Одна часть находилась въ Крутомъ, а другая въ Лосминѣ, что возлѣ Вязьмы. Мы немедленно выступили въ Крутое.

Отрядъ во 100 человѣкъ, съ хорунжимъ Бирюковымъ, былъ отправленъ къ селу Бѣлыщину. Ему было велѣно скрытно остановиться у этого села и посылать разъѣзды вправо и влѣво. Вся же партія поспѣшно двинулась къ Крутому, слѣдуя влѣво, чтобы сохранить сообщеніе съ Бирюковымъ и, въ случаѣ удачи, отбросить непріятеля въ сторону, противную той, гдѣ находилась другая его часть.

Не зная положительно разстоянія отъ Андреянъ до Крутаго, мы вмѣсто того, чтобы прибыть часа за два до вечера, прибыли туда лишь весьма поздно. Надо было рѣшиться: либо отложить нападеніе до утра, либо предпринять ночную атаку, всегда невѣрную, а часто и гибельную для атакующаго; всякое войско сильно взаимнымъ содѣйствіемъ частей, составляющихъ *цѣлое*, а какъ содѣйствовать тому, чего не видишь? Къ тому же, мало такихъ людей, которые бы исполняли свой долгъ, не обращая вниманія на то, что на нихъ *не глядятъ*. Большая часть воиновъ вяло воюетъ безъ зрителей.

Хотя я и зналъ эту истину, но зналъ также и неудобства отлагать атаку до утра; ржаніе лошади, лай собаки и крикъ гуся-спасителя Капитолія, могутъ повредить успѣху предпріятія. Но мы, съ надеждой на Бога, полетѣли въ бой.

Мелкій осенній дождь моросилъ съ самаго утра и умножалъ мракъ ночи.

Мы ударили. При резервномъ полку оставалась пѣхота. Передовая непріятельская стража спокойно спала подъ шалашами. Храповицкій и Чеченскій, вскакавъ въ село, спѣшили нѣ-

сколько казаковъ и съ крикомъ *ура!* открыли огонь по окнамъ. Подкрѣпивъ ихъ сотней человѣкъ изъ пѣхоты и взявъ двѣ сотни казаковъ изъ резерва, я бросился съ ними чрезъ рѣчку Уду, чтобы не допустить непріятеля пробраться окружною дорогою въ Вязьму. Мракъ ночи былъ причиною того, что проводникъ мой сбился съ пути и привелъ меня не на то мѣсто, гдѣ обыкновенно переѣзжаютъ рѣчку. Это принудило насъ спуститься съ довольно значительной крутизны и кое-какъ перебираться на ту сторону. Не зная и не видя мѣстоположенія, я рѣшился, подвигаясь медленно, стрѣлять какъ можно чаще, оглашая воздухъ криками *ура*. Къ счастію, непріятель не пошелъ въ эту сторону, но, обратясь къ Кикину, онъ побѣжалъ въ разстройствѣ по дорогѣ, которая слѣдовала отъ Юхнова къ Гжати. Мы преслѣдовали его со всею партіею версты четыре. Тутъ я отрядилъ сотню казаковъ вслѣдъ за бѣгущими и велѣлъ преслѣдовать ихъ какъ можно далѣе, забирая влѣво, дабы быть ближе къ партіи и потомъ придерживаться дороги между Вязьмою и Царевымъ-Займищемъ, куда я намѣревался прибыть послѣ поиска на Лосмино.

Въ этомъ дѣлѣ, мы взяли въ плѣнъ 1 ротмистра, 1 офицера и 376 рядовыхъ, а такъ какъ по случаю ночной атаки я велѣлъ брать по возможности менѣе плѣнныхъ, то число убитыхъ равнялось числу плѣнныхъ.

Перевязавъ послѣднихъ и отославъ ихъ, по обыкновенію, въ Юхновъ, я далъ отдохнуть лошадямъ и, отправивъ пѣхоту въ Ермаки, выступилъ къ Лосмину. Направленіе мое было на Бѣлыщино, дабы во первыхъ, соединясь съ Бирюковымъ, замѣнить отрядомъ его сотню казаковъ, посланныхъ преслѣдовать непріятеля, во 2-хъ, получить отъ него свѣдѣніе о непріятелѣ, находившемся въ Лосминѣ, и въ 3-хъ, обратясь къ Деревещину и Красному Холму, придти со стороны Вязьмы въ тылъ непріятеля и пасть на него, какъ снѣгъ на голову.

Предположеніе мое было бы во всей точности приведено въ исполненіе, еслибъ непріятельскіе фуражиры, находившіеся въ

с. Сергенковѣ, не примѣтили моей партіи и не бросились бы въ Лосмино, для увѣдомленія своего начальника о моемъ движеніи. Доброконные наѣздники мои погнались за этой сволочью, но такъ какъ мы были 24 часа въ походѣ, изъ коихъ, сражались въ продолженіе 2-хъ часовъ, лошади наши весьма ослабѣли; это дозволило нѣсколькимъ фуражирамъ уйдти и встревожить отрядъ, обреченный на гибель. Между тѣмъ, мы подвигались рысью къ дорогѣ, идущей изъ Вязьмы въ Лосмино. Разсвѣло; дождь не переставалъ идти и дорога сдѣлалась весьма скользкою. Непріятель имѣлъ неосторожность забыть о ковкѣ лошадей своего отряда, котораго половина была не подкована. Однако по приходѣ моемъ къ Лосмину, онъ меня встрѣтилъ *твердою ногою*. Дѣло завязалось. Въ передовыхъ войскахъ произошло нѣсколько схватокъ, но ничего рѣшительнаго. Вся партія построилась въ боевой порядокъ и пустилась на непріятеля, построеннаго въ три линіи, одна позади другой. Первая линія, послѣ перваго удара, была опрокинута на вторую, а вторая на третью. Все обратилось въ бѣгство. Надо было быть свидѣтелемъ этого происшествія, чтобы повѣрить замѣшательству, обнаружившемуся въ рядахъ Французовъ. Сверхъ того лошади, не бывъ подкованы, валялись, какъ будто подбитыя картечью; люди же, не обороняясь, бѣжали пѣшкомъ въ разныя стороны. Два эскадрона, оправившись, двинулись было впередъ, чтобы удержать наше стремленіе, но, замѣтивъ моихъ гусаръ, составлявшихъ голову резерва, обратились немедленно назадъ. Преслѣдованіе продолжалось до полудня; кололи, рубили, стрѣляли и брали въ плѣнъ офицеровъ, солдатъ и лошадей; словомъ, побѣда была совершенная и я былъ внѣ себя отъ радости. Плѣнныхъ было: 403 рядовыхъ и 2 офицера. Полковникъ этого отряда, какъ увѣряли меня, палъ на полѣ битвы, а съ нимъ легло до полутораста рядовыхъ; прочіе разсыпались по полямъ и лѣсамъ, или достались въ добычу обывателямъ. Въ обѣихъ этихъ дѣлахъ, съ нашей стороны убито 4 казака, ранено 15 и 2 гусара. Лошадей убито и ранено до пятидесяти.

Нужно ли, говорить съ какимъ нетерпѣніемъ я спѣшилъ донести фельдмаршалу объ этомъ лучшемъ изъ поисковъ моихъ. Немедленно полетѣлъ курьеръ съ теплымъ еще отъ огня битвы донесеніемъ и я остался въ полной увѣренности, что этотъ двойный успѣхъ будетъ одобренъ самыми строгими знатоками военнаго искусства. Между тѣмъ новые замыслы, новыя тревоги, новыя битвы, заглушили прошедшее. Не освѣдомляясь въ главной квартирѣ о дѣлѣ моемъ, я полагалъ, что ему нельзя было затеряться и что молчаніе штаба есть лишь слѣдствіе его недосуга; мнѣ же не отвѣчали потому, что я не дѣлалъ запросовъ и такое взаимное молчаніе продолжалось до перемирія 1813 года. Тогда только все объяснилось: я узналъ, что курьеръ мой былъ захваченъ мародерами на пути къ Юхнову и погибъ вмѣстѣ съ донесеніемъ. Благодаря этой неудачѣ, это осталось извѣстнымъ только моей партіи, непріятельскому губернатору Вязьмы и оставшимся послѣ пораженія войскамъ французскимъ. Я увѣренъ, что это скрыли и отъ самого Наполеона, изъ опасенія его гнѣва за своевольное употребленіе войскъ, предназначенныхъ для другаго предмета.

Такова бываетъ иногда участь отдѣльныхъ начальниковъ, тогда какъ у линѣйнаго *каждое лыко становится въ строку*. Въ послѣдствіи нѣсколько дѣлъ, подобныхъ этому, осталось въ неизвѣстности по совершенно другимъ причинамъ.

Въ этотъ день и въ слѣдующіе два дня, разъѣзды мои не отходили отъ столбовой дороги между Вязьмою и Ѳедоровскимъ, гдѣ удалось имъ перехватить три курьера. На 8-е число, партія подошла къ послѣднему селенію, гдѣ соединилась съ сотнею, посланною въ погоню изъ Крутаго.

Въ это время французская армія, пробудясь отъ своего продолжительнаго усыпленія въ Москвѣ, двинулась на Ѳоминское. Намѣреніе Наполеона состояло въ томъ, чтобы, обойдя лѣвый флангъ нашей арміи, находившейся при Тарутинѣ, пре-

дупредить ее въ занятіи Боровска и Малоярославца (*) и, достигнувъ прежде ее Калуги, открыть сообщеніе съ городомъ Смоленскомъ чрезъ Мещовскъ и Ельню. Въ слѣдствіе этого, прибывъ въ Ѳоминское 11-го числа, онъ велѣлъ корпусу Жюно, занимавшему Можайскъ, отступить въ Вязьму, отряду генерала Эверса выступить изъ Вязьмы чрезъ Знаменское и Юх-

(*) Въ описаніяхъ знаменитаго тарутинскаго сраженія, многія обстоятельства, предшествовавшія сраженію и во время самаго боя, выпущены изъ виду военными писателями. Главная квартира Кутузова находилась, какъ извѣстно, въ Леташевкѣ, а Ермоловъ съ Платовымъ квартировали въ разстояніи одной версты отъ этого села. Генералъ Шепелевъ далъ 4-го числа большой обѣдъ, всѣ присутствовавшіе были очень веселы и Николай Ивановичъ Депрерадовичъ пустился даже плясать. Возвращаясь въ 9-мъ часу вечера въ свою деревушку, Ермоловъ получилъ чрезъ ординарца князя Кутузова, офицера кавалергардскаго полка, письменное приказаніе собрать къ слѣдующему утру всю армію для наступленія противъ непріятеля. Ермоловъ спросилъ ординарца, почему это приказаніе доставлено ему такъ поздно, на что онъ отозвался незнаніемъ, гдѣ находился начальникъ главнаго штаба. Ермоловъ, прибывъ тотчасъ въ Леташевку, доложилъ князю, что по случаю поздняго доставленія приказанія его свѣтлости, армію невозможно собрать въ столь короткое время. Князь очень разсердился и приказалъ собрать всѣ войска къ 6-му числу вечеромъ; вопреки увѣреніямъ генерала Михайловскаго-Данилевскаго, князь до того времени и не выѣзжалъ изъ Леташевки. Въ назначенный вечеръ, когда уже стало смеркаться, князь прибылъ въ Тарутино. Бенингсену, предложившему весь планъ атаки, была поручена вся колонна, которая была направлена въ обходъ; въ этой колоннѣ находился и 2-й корпусъ. Кутузовъ съ свитой, въ числѣ которой находились Раевскій и Ермоловъ, оставался близъ гвардіи; князь говорилъ при этомъ: „вотъ просятъ „наступленія, предлагаютъ разные проекты, а чуть приступишь къ дѣлу, ни„чего не готово, и предупрежденный непріятель, принявъ свои мѣры, заблаго„временно отступаетъ.“ Ермоловъ, понимая, что эти слова относятся къ нему, толкнулъ колѣномъ Раевскаго, которому сказалъ: „онъ на мой счетъ забавляется.“ Когда стали раздаваться пушечные выстрѣлы, Ермоловъ сказалъ князю: „время не упущено, непріятель не ушелъ, теперь, ваша свѣтлость, намъ надлежитъ съ своей стороны дружно наступать, потому что гвардія отсюда и дыма не увидитъ.“ Кутузовъ скомандовалъ наступленіе, но чрезъ каждые сто шаговъ войска останавливались почти на три четверти часа; князь видимо избѣгалъ участія въ сраженіи. Мѣсто убитаго ядромъ Багговута заступилъ мужественный принцъ Евгеній Виртембергскій, который сталъ у головнаго полка. Ермоловъ послалъ сказать чрезъ капитана квартирмейстерской части Ховена графу Остерману, чтобы онъ слѣдовалъ съ своимъ корпусомъ быстрѣе. Остерманъ выслалъ къ назначенному мѣсту лишь пол-

новъ, а маршалу Виктору съ дивизіями Жирарда и легкою кавалерійскою, идти усиленными маршами изъ Смоленска туда же. Стоитъ взглянуть на карту, чтобы увидѣть, въ какомъ положеніи я вскорѣ долженъ былъ находиться.

Между тѣмъ генералъ Дороховъ, занимая отрядомъ своимъ Котово (*), находящееся близъ дороги, идущей отъ Москвы къ Боровску, намѣревался атаковать вицъ-короля Италіянскаго, прибывшаго 4-го числа въ Ѳоминское; онъ требовалъ на то подкрѣпленіе, не зная, что за этимъ корпусомъ слѣдовала вся французская армія.

Князь Кутузовъ, получивъ извѣстіе чрезъ Дорохова о приближеніи сильной непріятельской колонны, отправилъ изъ Тарутина къ Ѳоминскому корпусъ Дохтурова съ начальникомъ главнаго штаба 1-й арміи Ермоловымъ. Передъ выступленіемъ своимъ, Ермоловъ приказалъ Фигнеру и Сеславину слѣдовать по направленію къ Ѳоминскому съ тѣмъ, чтобы собрать свѣдѣнія о непріятелѣ. Фигнеру не удалось перейдти Лужу, тщательно охраняемую непріятельскими пикетами. Сеславинъ успѣлъ перейдти рѣчку и приблизиться къ Боровской дорогѣ; здѣсь, оставивъ назади свою партію, онъ пѣшкомъ пробрался до Боровской дороги сквозь лѣсъ, на которомъ еще было не

ковыя знамена при ста рядовыхъ. Бенингсенъ, выведя войска къ мѣсту боя, вернулся назадъ; еслибъ князь Кутузовъ сдѣлалъ съ своей стороны рѣшительное наступленіе, отрядъ Мюрата былъ бы весь истребленъ. Фельдмаршалъ, окруженный многими генералами, ѣхавшими верхомъ, возвратился вечеромъ въ коляскѣ въ Леташевку. Онъ сказалъ въ это время Ермолову: „голубчикъ, непріятель понесъ большую потерю, имъ оставлено много орудій въ лѣсу.“ Кутузовъ, не распросивъ о ходѣ дѣла у главнаго виновника побѣды Бенингсена, послалъ Государю донесеніе, въ которомъ, вмѣсто 19 орудій, взятыхъ у непріятеля, показано было 38. Съ этого времени вражда между Бенингсеномъ и Кутузовымъ достигла крайнихъ размѣровъ и уже никогда не прекращалась.

(*) Отрядъ сей состоялъ изъ одного баталіона 19-го егерскаго полка, двухъ баталіоновъ Волоцкаго пѣхотнаго полка, двухъ баталіоновъ Вильманстрандскаго пѣхотнаго полка, изъ Маріупольскаго гусарскаго полка, четырехъ эскадроновъ Елисаветградскаго гусарскаго полка, изъ Донскихъ полковъ Иловайскаго 11-го и осьми орудій.

много листьевъ. Достигнувъ дороги, онъ увидалъ глубокія непріятельскія колонны, слѣдовавшія одна за другою къ Боровску; онъ замѣтилъ самого Наполеона, окруженнаго своими маршалами и гвардіей. Неутомимый и безстрашный Сеславинъ, выхвативъ изъ колонны старой гвардіи унтеръ-офицера, связалъ его, перекинулъ чрезъ сѣдло, и быстро направился къ корпусу Дохтурова. Между тѣмъ Дохтуровъ съ Ермоловымъ, не подозрѣвая выступленія Наполеона изъ Москвы, слѣдовали на Аристово и Ѳоминское. Продолжительный осенній дождь совершенно испортилъ дорогу; большое количество баттарейной артиллеріи, слѣдовавшей съ корпусомъ, замедляло его движеніе. Ермоловъ предложилъ Дохтурову оставить здѣсь эту артиллерію, не доходя верстъ 15 до Аристова; отсюда, находясь въ близкомъ разстояніи отъ Тарутина и Малоярославца, она могла быстро поспѣть къ пункту, гдѣ въ ея дѣйствіи могла встрѣтиться надобность, а между тѣмъ утомленныя лошади успѣли бы отдохнуть. Дохтуровъ не замедлилъ изъявить свое на то согласіе, и корпусъ его къ вечеру прибылъ въ Аристово; самъ Дохтуровъ расположился на ночлегъ въ деревнѣ, а Ермоловъ съ прочими генералами остался на бивакахъ. Уже наступила полночь, и чрезъ нѣсколько часовъ весь отрядъ, исполняя предписаніе Кутузова, долженъ былъ выступить къ Ѳоминскому. Вдругъ послышался конскій топотъ и раздались слова Сеславина: «гдѣ Алексѣй Петровичъ?» Явившись къ Ермолову, Сеславинъ въ сопровожденіи своего плѣнника, разсказалъ все имъ видѣнное; плѣнный подтвердилъ, что Наполеонъ, выступивъ со всею арміею изъ Москвы, долженъ находиться въ довольно близкомъ разстояніи отъ нашего отряда. Это извѣстіе было столь важно, что Ермоловъ, приказавъ тотчасъ отряду подыматься и становиться въ ружье, лично отправился на квартиру Дохтурова. Этотъ безстрашный, но далеко непроницательный и нерѣшительный генералъ, извѣстясь обо всемъ этомъ, пришелъ въ крайнее замѣшательство. Онъ не рѣшался продолжать движеніе къ Ѳоминскому, изъ опасенія наткнуться на всю непріятельскую армію, и вмѣстѣ

съ тѣмъ боялся отступленіемъ изъ Аристова навлечь на себя гнѣвъ Кутузова за неисполненіе его предписанія. Въ этотъ рѣшительный моментъ Ермоловъ, какъ и во многихъ другихъ важныхъ случаяхъ, является ангеломъ хранителемъ русскихъ войскъ. Орлиный взглядъ его превосходно оцѣнилъ всѣ обстоятельства, и онъ, именемъ главнокомандующаго и въ качествѣ начальника главнаго штаба арміи, приказалъ Дохтурову спѣшить къ Малоярославцу. Принявъ на себя всю отвѣтственность за неисполненіе предписаній Кутузова, онъ послалъ къ нему дежурнаго штабъ-офицера корпуса Болховскаго (*), которому было поручено лично объяснить фельдмаршалу причины, побудившія измѣнить направленіе войскъ, и убѣдительно просить его поспѣшить прибытіемъ съ арміей къ Малоярославцу. Ермоловъ совѣтовалъ Дохтурову захватить съ собою, во время движенія своего на Малоярославецъ, всю оставленную баттарейную артиллерію; самъ Ермоловъ съ 1-мъ кавалерійскимъ корпусомъ барона Меллера-Закомельскаго и съ конной ротой полковника Никитина, желая лично удостовѣриться въ справедливости показаній Сеславина, двинулся по направленію къ селу Котову, гдѣ былъ расположенъ отрядъ генерала Дорохова. Услыхавъ перестрѣлку, которую Дороховъ завязалъ съ непріятельскими пикетами, Ермоловъ послалъ ему сказать, чтобы онъ тотчасъ ее прекратилъ. На это Дороховъ отвѣчалъ: «Еслибы Алексѣй Петровичъ находился самъ здѣсь, онъ бы поступилъ точно такъ же, какъ и я.» Опрокинувъ непріятельскіе пикеты, Дороховъ наткнулся на сильные резервы; Ермоловъ, увидавъ это и боясь быть разбитымъ сильнымъ непріятелемъ, придвинулъ конную роту Никитина. Подтвердивъ свое приказаніе Дорохову, онъ, слѣдуя чрезъ небольшой лѣсъ, достигъ обширной поляны, которая простирается отъ Боровска до самаго Малоярославца. Здѣсь онъ увидѣлъ обширный лагерь италіянской арміи и узналъ отъ плѣнныхъ, что Наполеонъ долженъ былъ обѣдать въ тотъ день въ Боров-

(*) Онъ умеръ сенаторомъ.

скѣ. Рѣшившись быстро спѣшить къ Малоярославцу, Ермоловъ приказалъ одному отважному офицеру Сысоева казачьяго полка, слѣдуя по прямому пути къ Малоярославцу, хотя бы въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ съ непріятелемъ, достигнуть города собрать всѣ возможныя свѣдѣнія какъ о немъ, такъ и о непріятелѣ; ему было приказано, по исполненіи порученія, отыскать начальника главнаго штаба по направленію къ Малоярославцу. Этотъ смѣлый офицеръ донесъ вскорѣ Ермолову, что передъ городомъ находились уже 3 баталіона Италіянцевъ, которые были задерживаемы жителями, успѣвшими разобрать мостъ; власти городскія выѣхали весьма недавно изъ города, куда пріѣзжалъ атаманъ Платовъ, который, по отъѣздѣ своемъ оттуда, оставилъ тамъ казаковъ. Ермоловъ прибылъ на разсвѣтѣ къ Малоярославцу, предъ которымъ уже находилась вся армія вице-короля; Дохтуровъ, расположившись лагеремъ позади города, поручилъ защиту его Ермолову, котораго подкрѣпилъ своею пѣхотою. Войска наши были два раза выбиты изъ города, хотя рота храбраго полковника Никитина, дѣйствіями которой руководилъ сидѣвшій на колокольнѣ адъютантъ Ермолова Поздѣевъ, жестоко поражала непріятеля. Между тѣмъ фельдмаршалъ, прійдя съ арміею въ село Спасское, не въ далекомъ разстояніи отъ Малоярославца, приказалъ войскамъ отдохнуть. Ермоловъ отправилъ въ Спасское генералъ-адъютанта графа Орлова-Денисова съ убѣдительнѣйшей просьбой спѣшить къ городу; не получивъ никакого отвѣта, онъ отправилъ туда одного германскаго принца, находившагося въ то время при нашихъ войскахъ съ настоятельнѣйшей просьбой о скорѣйшемъ прибытіи арміи. Фельдмаршалъ, недовольный этою настойчивостью, плюнулъ. Тогда корпусъ Раевскаго выступилъ къ Малоярославцу, и за нимъ тронулась вся армія. Самъ Раевскій, въ качествѣ зрителя, уже давно находился близь Малоярославца, гдѣ наблюдалъ за ходомъ сраженія. Выбитый въ послѣдній разъ изъ города превосходнымъ непріятелемъ, Ермоловъ расположилъ противъ главныхъ его воротъ

40 баттарейныхъ орудій; онъ намѣревался, за неимѣніемъ войска, встрѣтивъ непріятеля жестокой канонадой, начать отступленіе, но прибытіе арміи измѣнило весь ходъ дѣла. Неустрашимый Коновницынъ выбилъ непріятеля изъ города. Князь Кутузовъ, пріобрѣтшій большую опытность въ войнѣ съ Турками, прибѣгнулъ къ весьма странному средству для удержанія непріятеля, еслибы онъ рѣшился продолжать наступленіе. Онъ приказалъ приступить къ возведенію нѣсколькихъ редутовъ въ разстояніи выстрѣла отъ города; но, послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ непріятеля изъ города, 1,500 человѣкъ рабочихъ, бросивъ здѣсь весь свой инструментъ, разсѣялись. Городъ былъ однако оставленъ нашими и занятъ непріятельскими войсками. Послѣ битвы князь Кутузовъ имѣлъ весьма любопытный разговоръ съ Ермоловымъ, который я здѣсь лишь вкратцѣ могу передать: *Князь:* «Голубчикъ, вѣдь надо идти?» *Ермоловъ:* «Конечно, но только на Медынь.» *Князь:* «Какъ можно двигаться въ виду непріятельской арміи?» *Ермоловъ:* «опасности нѣтъ никакой: атаманъ Платовъ захватилъ на той сторонѣ рѣчки нѣсколько орудій, не встрѣтивъ большаго сопротивленія. Послѣ этой битвы, доказавшей, что мы готовы отразить всѣ покушенія непріятеля, намъ его нечего бояться.» Когда князь объявилъ о намѣреніи своемъ отступить къ полотнянымъ заводамъ, Ермоловъ убѣждалъ его оставаться у Малоярославца по крайней мѣрѣ на нѣсколько часовъ, въ продолженіи которыхъ должны были обнаружиться намѣренія непріятеля (*). Но князь остался непреклоннымъ и отступилъ.

Еслибъ Наполеонъ, дойдя до Боровска, поспѣшилъ бы направить всю армію къ Малоярославцу, онъ неминуемо и весьма легко овладѣлъ бы этимъ городомъ; предупредивъ здѣсь нашу армію, онъ безъ сомнѣнія, не встрѣчая большихъ затрудненій, дошелъ бы до Юхнова, откуда безостановочно про-

(*) Весь этотъ разговоръ былъ тотчасъ доведенъ до свѣдѣнія Государя находившимся въ то время при нашей арміи барономъ Анштетомъ.

должалъ бы свое обратное шествіе по краѣ изобильномъ и нераззоренномъ. Ермолову выпалъ завидный жребій оказать своему отечеству величайшую услугу; къ несчастію, этотъ высокій подвигъ, искаженный историками, почти вовсе неизвѣстенъ.

Въ это самое время партизанъ, князь Кудашевъ, находившійся между Лопаснею и Вороновымъ, сталъ преслѣдовать непріятельскій авангардъ, заслонявшій движеніе главной его арміи и двинувшійся уже отъ береговъ Мòчи для присоединенія къ его хвосту.

Всякій военный человѣкъ, знающій свое дѣло, ясно увидитъ, что непріятельская армія, окруженная такъ сказать отрядами Дорохова, Сеславина, Фигнера и князя Кудашева, не могла сдѣлать шагу скрытнымъ образомъ, хотя бы спасеніе ея и зависѣло отъ быстраго и никѣмъ незамѣченнаго движенія мимо лѣваго фланга нашей арміи и внезапнаго появленія ея въ Малоярославцѣ. Чрезъ это Наполеонъ, выпутавшись бы изъ сѣтей, разставленныхъ ему фельдмаршаломъ при Тарутинѣ, открылъ бы себѣ безпрепятственный путь къ Днѣпру, въ богатый и неистощенный еще край; онъ могъ бы, соединясь съ Викторомъ, Жюно и Эверсомъ, возобновить наступательное дѣйствіе безъ малѣйшей опасности, имѣя свои фланги и тылъ обезпеченными. Если перейдемъ отъ слѣдствія къ причинѣ, то удостовѣримся, что извѣщеніемъ Сеславина рѣшилась участь Россіи, но для сего нуженъ былъ проницательный и энергическій Ермоловъ, принявшій на себя отвѣтственность за своевольное измѣненіе въ направленіи корпуса Дохтурова, прозорливый главнокомандующій, оцѣнившій представленіе начальника штаба 1-й арміи и прибывшій съ войсками къ Малоярославцу (*).

(*) Ермоловъ, слѣдуя послѣ Малоярославскаго сраженія съ войсками Милорадовича, отдавалъ именемъ Кутузова приказы по отряду; отправляя его, Кутузовъ сказалъ ему: „Голубчикъ, не все можно писать въ рапортахъ, извѣщай меня о важнѣйшемъ записками.“ Милорадовичъ, имѣя подъ своимъ на-

Ничего не зная о происшествіяхъ въ окрестностяхъ Боровска и Малоярославца, мы 9-го вечеромъ, перехватя еще одного курьера недалеко отъ Ѳедоровскаго, отошли въ Спасское. Подойдя къ этому селу, разъѣздные привели нѣсколько непріятельскихъ солдатъ, грабившихъ въ окружныхъ селеніяхъ. Такъ какъ число ихъ было невелико, то я велѣлъ сдать ихъ старостѣ села Спасскаго для отведенія въ Юхновъ. Въ это время, какъ проводили ихъ мимо меня, въ одномъ изъ плѣнныхъ мы замѣтили черты лица Русскаго, но не Француза. Мы остановили его и спросили, какой онъ націи? Павъ на колѣни, онъ признался, что онъ бывшій гренадеръ Фанагорійскаго гренадерскаго полка, и что уже 3 года служитъ унтеръ-офице-

чальствомъ 2 пѣхотныхъ и 2 кавалерійскихъ корпуса, могъ легко отрѣзать арріергардъ или другую часть французской арміи. Ермоловъ приказалъ потому именемъ Кутузова наблюдать головнымъ войскамъ возможную тишину и порядокъ, дабы не встревожить непріятеля, который могъ бы расположиться вблизи на ночлегъ. Однажды, главныя силы Французовъ оставались для ночлега близъ корпуса принца Евгенія Виртембергскаго у самой дороги, по обѣимъ сторонамъ которой тянулись насыпи. Эта узкая и длинная дорога, значительно испортившаяся вслѣдствіе продолжительныхъ дождей, представляла какъ бы дефиле, чрезъ которое непріятелю и намъ надлежало слѣдовать. Войска безстрашнаго принца Виртембергскаго, всегда находившагося при головныхъ своихъ полкахъ, открыли сильный огонь противу непріятеля, который, снявшись съ позиціи, двинулся поспѣшно далѣе въ ужаснѣйшемъ безпорядкѣ; это лишило насъ возможности, атаковавъ его на разсвѣтѣ, отрѣзать какую либо колонну. Французы, побросавъ на дорогѣ много орудій, значительно задержали тѣмъ наши войска, которыя были вынуждены заняться на другой день въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ расчищеніемъ пути, по коему имъ надлежало продолжать свое дальнѣйшее движеніе. Милорадовичъ ограничился лишь весьма легкимъ замѣчаніемъ принцу, но Ермоловъ объявилъ ему именемъ Кутузова весьма строгій выговоръ. Ермоловъ просилъ не разъ Кутузова спѣшить съ главною арміею къ Вязьмѣ и вступить въ этотъ городъ не позже 22-го ноября; я видѣлъ у него записку, писанную рукою Толя, слѣдующаго содержанія: „Мы бы давно явились въ Вязьму, еслибы получали отъ васъ болѣе частыя увѣдомленія и съ казаками болѣе исправными; мы будемъ 21-го близъ Вязьмы.“ Князь, разсчитывавшій, что онъ можетъ довершить гибель Французовъ, не подвергая пораженію собственныхъ войскъ, подвигался весьма медленно; хотя онъ 21-го находился близъ Вязьмы, но остановившись за 8 верстъ до города, онъ не рѣшался приблизиться къ нему. Желая однако убѣдить Государя въ томъ, что онъ лично находился во время

ромъ во французской арміи. Мы всѣ съ ужасомъ возразили ему: «ты—Русскій и проливаешь кровь своихъ братій!» «Виноватъ!» было отвѣтомъ его; «умилосердитесь! помилуйте!» Я послалъ нѣсколько гусаръ собрать всѣхъ жителей, старыхъ и молодыхъ, бабъ и дѣтей, изъ окружающихъ деревень къ Спасскому. Когда всѣ собрались, я разсказалъ какъ всей партіи моей, такъ и крестьянамъ о поступкѣ сего измѣнника, потомъ спросилъ ихъ, находятъ ли они его виновнымъ? Всѣ единогласно сказали, что онъ виноватъ. Тогда я спросилъ ихъ, какое наказаніе они опредѣляютъ ему? Нѣсколько человѣкъ сказали—засѣчь до смерти, человѣкъ 10—повѣсить, а большая часть—разстрѣлять. Я велѣлъ выдвинуть солдатъ съ ружьями и завязать глаза преступнику. Онъ успѣлъ сказать: «Господи, прости мое согрѣшеніе!» Гусары выстрѣлили, и злодѣй палъ мертвымъ.

битвы подъ Вязьмой, онъ выслалъ къ этому городу гвардейскую кавалерію съ генералъ-адъютантомъ Уваровымъ, который, чтобы не подвергать баттарею Козена напрасной потерѣ, отвелъ ее назадъ, ограничившись ничтожной канонадой по городу чрезъ рѣчку. Өедоръ Петровичъ Уваровъ, отличавшійся рыцарскимъ благородствомъ и мужествомъ, пользовался всегда полнымъ благоволеніемъ Государя, которому онъ не разъ говаривалъ: „выслушайте, Ваше Величество, со вниманіемъ все то, что я вамъ скажу; это принадлежитъ не мнѣ, а людямъ, несравненно меня умнѣйшимъ.“ Ермоловъ, потерявъ весьма много по службѣ въ послѣдніе годы царствованія Императора Павла, былъ даже нѣсколько старѣе въ чинѣ Уварова и князя Багратіона во время штурма Праги въ 1794 году; они были потому въ близкихъ между собою сношеніяхъ, и во время отечественной войны Уваровъ не разъ говаривалъ Ермолову: „мнѣ скучно, ты меня сегодня еще не приласкалъ.“

Прибывъ изъ отряда Милорадовича въ главную квартиру, находившуюся въ Ельнѣ, Ермоловъ засталъ Кутузова и Бенингсена за завтракомъ; онъ долго и тщетно убѣждалъ князя преслѣдовать непріятеля съ большею настойчивостью. При извѣстіи о томъ, что, по донесеніямъ партизановъ, Наполеонъ съ гвардіею уже близъ Краснаго, лицо Кутузова просіяло отъ удовольствія, и онъ сказалъ ему: „голубчикъ, не хочешь ли позавтракать?“ Во время завтрака, Ермоловъ просилъ Бенингсена, на колѣнахъ котораго онъ не разъ въ дѣтствѣ сиживалъ, поддержать его, но этотъ генералъ упорно молчалъ. Когда князь вышелъ изъ комнаты, Бенингсенъ сказалъ ему: „любезный Ермоловъ, еслибъ я тебя не зналъ съ дѣтства, я бы имѣлъ полное право думать, что ты не желаешь наступленія; мои отношенія къ фельдмаршалу таковы, что мнѣ достаточно одобрить твой совѣтъ, чтобы князь никогда бы ему не послѣдовалъ.“

Спустя нѣсколько часовъ послѣ казни преступника, крестьяне окружныхъ селъ привели ко мнѣ шесть Французовъ-бродягъ. Это меня удивило, ибо до того времени они не приводили ко мнѣ ни одного плѣнника, развѣдываясь съ ними посвойски и сами собою. Несчастные эти, скрученные веревками и завлеченные въ ровъ, не избѣгли бы такого же рода смерти, какъ и предшественники ихъ, еслибы топотъ лошадей и многолюдный разговоръ на русскомъ языкѣ не извѣстили крестьянъ о прибытіи моей партіи. Убѣдившись въ безполезности убійства, они рѣшились представить мнѣ узниковъ своихъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что я велѣлъ ихъ включить въ число плѣнныхъ, находившихся при моей партіи, и отослать всѣхъ въ Юхновъ, откуда они были отправлены въ дальнія губерніи и, вѣроятно, погибли на пути или на мѣстѣ съ тысячами своихъ товарищей, которые сдѣлались жертвою равнодушія къ страждущему человѣчеству. Но сколь чудно Провидѣніе въ опредѣленіяхъ своихъ! Между ними находился барабанщикъ молодой гвардіи, именемъ Викентій Бодъ (Vincent Bode,) пятнадцатилѣтній мальчикъ, оторванный отъ родительскаго дома и какъ ранній цвѣтъ перенесенный за три тысячи верстъ подъ русское лезвіе и на русскіе морозы. При видѣ сего интереснаго юноши, сердце мое облилось кровью; я вспомнилъ и домъ родительскій и отца моего, когда онъ меня записывалъ въ военную службу. Какъ предать несчастнаго случайностямъ голоднаго, холоднаго и безпріютнаго странствованія, имѣя всѣ средства къ его спасенію? Оставивъ его при себѣ, я велѣлъ надѣть на него чекмень и фуражку, чтобы избавить его отъ непредвидимаго удара штыкомъ или дротикомъ, и довезъ его такимъ образомъ чрезъ горы и долы, изъ края въ край, до самаго Парижа здоровымъ, веселымъ и почти возмужалымъ, гдѣ передалъ его изъ рукъ въ руки престарѣлому отцу его. Что же вышло? Спустя два дня послѣ этого, являются ко мнѣ отецъ съ сыномъ съ просьбою объ атестатѣ. «Съ радостью», отвѣчалъ я имъ. «Вотъ тебѣ, Викентій, атестатъ въ добромъ твоемъ поведеніи.»—«Нѣтъ» сказалъ отецъ; «вы мнѣ спасли

сына, довершите же ваше благодѣяніе, выдайте ему атестатъ въ томъ, что онъ находился при васъ и поражалъ непріятеля.»—«Да непріятели были ваши соотечественники?»—«Нужды нѣтъ», возразилъ старикъ.—«Какъ нужды нѣтъ? ты чрезъ то погубишь сына, его разстрѣляютъ, и дѣльно. . . .»—«Ныньче другія времена,» отвѣчалъ онъ; по этому атестату онъ загладитъ невольное служеніе свое хищнику престола и получитъ награжденіе за бой противъ людей, служившихъ незаконному монарху.»—«Если это такъ, господинъ Бодъ, жалка мнѣ ваша Франція! Вотъ тебѣ атестатъ, какого ты требуешь.» И подлинно, я въ ономъ налгалъ. Старикъ былъ правъ; чрезъ недѣлю онъ снова пришелъ ко мнѣ съ сыномъ благодарить за новое мое благодѣяніе: Викентій имѣлъ уже въ петлицѣ орденъ Лиліи.

10-го и 11-го мы продолжали ходить по правой сторонѣ Вязьмы, между Ѳедоровскимъ и Теплухой; подъ вечеръ разъѣздные дали знать, что открыли большой транспортъ съ прикрытіемъ, идущій отъ Гжати. Мы немедленно двинулись къ нему на встрѣчу по обѣимъ сторонамъ дороги и, вскакавъ на пригорокъ, увидѣли весь этотъ караванъ, на который тотчасъ ударили. Наши ворвались въ середину обоза и въ короткое время 70 фуръ, 225 рядовыхъ и 6 офицеровъ попались къ намъ въ руки; въ дополненіе къ этому мы отбили 66 человѣкъ нашихъ плѣнныхъ и двухъ раненыхъ кирасирскихъ офицеровъ: Саковнина и Шатилова. Эти послѣдніе сидѣли въ закрытой фурѣ, и, услыхавъ выстрѣлы вокругъ себя, приподняли крышу и дали знать казакамъ, что они русскіе офицеры. Кто не выручалъ своихъ плѣнныхъ изъ-подъ ига непріятельскаго, тотъ не видалъ и не ощущалъ истинной радости!

12-го партія отошла въ Дубраву. Едва мы расположились на ночлегъ, какъ увидѣли приближающихся къ намъ коляску и телѣгу; это былъ юхновскій дворянскій предводитель Храповицкій и обратный курьеръ мой изъ главной квартиры. Привезено было много пакетовъ, изъ которыхъ на одномъ была

печать свѣтлѣйшаго. Хотя всѣ бумаги (*) были отъ 10-го, но въ нихъ не было даже и намека о томъ, что французская армія выступила изъ Москвы уже 7-го числа. При этихъ пакетахъ было много писемъ отъ *старыхъ* и *новыхъ* пріятелей и друзей, которые осыпали меня похвалами, такъ что я едва не могъ возмечтать быть вторымъ Суворовымъ. Но это продолжалось весьма недолго; движеніе генерала Эверса, посланнаго изъ Вязьмы къ Юхнову (**) и непростительная моя оплошность пробудили меня отъ этого усыпленія. Вотъ какъ дѣло было: 13-го мы, пришедъ въ Кикино, раздавали награжденія, привезенныя курьеромъ и слишкомъ рано вздумали отдыхать на недозрѣлыхъ еще лаврахъ. Пикеты слѣдовали примѣру партіи, а разъѣзды доѣзжали лишь до бочки вина, выставленной на срединѣ деревни.

14-го, отправивъ обратно въ Юхновъ дворянскаго предводителя, мы пришли въ село Лосьмино въ томъ же расположеніи духа и *разума* какъ и на канунѣ; но едва успѣли мы сдѣлать привалъ, какъ вчетверо сильнѣйшій непріятель приблизился къ деревни. Будь онъ отважнѣе, пораженіе наше было бы неизбѣжно; но вмѣсто того, чтобы авангарду его ударить съ крикомъ въ деревню, гдѣ всѣ мы были въ разбродѣ, непріятель, открывъ по насъ огонь изъ орудій, сталъ заниматъ позицію. Это подняло насъ всѣхъ на ноги и мы спѣшили исправить послѣдствія нашего непростительнаго усыпленія. Хотя я видѣлъ двѣ густыя колонны, но, будучи увѣренъ, что въ подобныхъ обстоятельствахъ *наглость* полезнѣе *нерѣшительности*, называемой трусами *благоразуміемъ*, я пошелъ въ бой безъ оглядки. Когда же плѣнные, взятые передовыми наѣздниками, удостовѣрили насъ, что отрядъ сей ничто иное, какъ сволочь всякаго рода (***), тогда казаки мои, ободрившись, выказали слиш-

(*) См. оправд. ст. стран. 7 по 16, N N 6, 7, 8, 9, 10. 11, 12, 13, 14 и 15.

(**) См. оправд. ст. стран. 16, N 16.

(***) Отрядъ сей состоялъ изъ 4000 человѣкъ, принадлежащихъ разнымъ полкамъ. Порученіе, данное командиру его, видно выше, а подробности видны въ документѣ, находящемся въ оправдательныхъ статьяхъ подъ N N 16 и 17.

комъ большую отвагу, которая едва не причинила имъ болѣе вреда, нежели пользы.

Авангардъ мой, ударивъ на авангардъ непріятеля, опрокинулъ его, но бывъ въ свою очередь опрокинутъ бросившимися впередъ двумя непріятельскими эскадронами, онъ вмѣсто того, чтобы уходить въ разсыпную на одинъ изъ фланговъ подвигавшейся впередъ моей партіи (какъ всегда у меня водилось), смѣшался съ непріятелемъ и наскакалъ въ разстройствѣ прямо на партію: еслибъ она не приняла круто вправо, то вся эта толпа вторглась бы въ средину ея, и замѣшательство было бы полное. Къ счастію непріятель, гнавшійся за авангардомъ, былъ принятъ одною частью нашей партіи во флангъ и въ свою очередь опрокинутъ. Тогда вся партія, ободрившись, въ надеждѣ на добычу, бросилась преслѣдовать непріятеля. Необходимо было все стараніе, вся дѣятельность моихъ товарищей: Храповицкаго, Чеченскаго, Бедряги, Бекетова, Макарова и казачьихъ офицеровъ, чтобы разомъ обуздать несвоевременный порывъ нашихъ. Видя, что непріятель, не только не смѣшался послѣ отраженія своего авангарда, но, получивъ новое подкрѣпленіе со стороны Вязьмы, двинулся рѣшительно впередъ, я началъ отступать. Вслѣдствіе этого я приказалъ отступать въ разсыпную, назначивъ сборнымъ мѣстомъ село Красное, за рѣкою Угрою, извѣстное всѣмъ казакамъ моимъ. По данному сигналу, все разсыпалось и исчезло; одна сотня, оставленная съ хорунжимъ Александровымъ, для наблюденія за непріятелемъ, продолжала перестрѣливаться и отступать на Ермаки къ Знаменскому, дабы заманить непріятеля въ сторону, противоположную направленію моей партіи. На разсвѣтѣ всѣ уже были въ Красномъ, кромѣ сотни Александрова, которая, соединясь въ Ермакахъ съ моей пѣхотою, отступила съ нею вмѣстѣ въ Знаменское, занимаемое поголовнымъ ополченіемъ.

16-го въ ночь я получилъ извѣстіе отъ начальника сего ополченія капитана Бѣльскаго о томъ, что 16-го по утру непріятель, приблизившись къ этому селу, намѣревался занять его,

но, увидя въ немъ много пѣхоты, открылъ по ней огонь изъ орудій и отступилъ въ Ермаки. Тогда только я узналъ отъ плѣнныхъ, приведенныхъ ко мнѣ со стороны селъ Козельска и Крутаго, что непріятельская армія выступила изъ Москвы, но по какому направленію и съ какимъ предположеніемъ—мнѣ оно было еще неизвѣстно.

17-го я выступилъ на Ермаки, съ намѣреніемъ продолжать свои поиски къ сторонѣ Вязьмы, но всегда находиться на дорогѣ къ Юхнову, откуда я получалъ всѣ извѣстія изъ арміи, что̀ послѣ выступленія непріятеля изъ Москвы, стало для меня совершенно необходимымъ. Я разсчитывалъ слѣдующимъ образомъ: если армія наша одержитъ верхъ надъ непріятелемъ, то онъ минуетъ то пространство земли, на коемъ я нынѣ находился; если же армія наша потерпитъ пораженіе, то она непремѣнно найдется вынужденной отступить къ Калугѣ, вслѣдствіе чего и я отойду къ Юхнову или къ Серпейску.

Перейдя чрезъ Угру, авангардъ мой далъ мнѣ знать, что, будучи атакованъ непріятелемъ подъ Ермаками, онъ поспѣшно отступаетъ, и что сильный непріятель его преслѣдуетъ. Я послалъ къ нему на помощь одну сотню, всю же партію мою переправилъ обратно чрезъ Угру. Едва успѣлъ я перебраться на лѣвый берегъ Угры, какъ увидѣлъ вдали дымъ выстрѣловъ и движеніе кавалеріи. Это была погоня за моимъ авангардомъ. Вскорѣ показались на горизонтѣ двѣ черныя непріятельскія колонны, слѣдовавшія весьма быстро. Авангардъ мой, прибывъ къ берегу, бросился вплавь и соединился съ партіей; непріятельскія же передовыя войска, остановясь на противоположной сторонѣ рѣки, открыли по насъ огонь изъ ружей и пистолетовъ; между тѣмъ прочія войска стали отыскивать бродъ выше мѣста, гдѣ находилась партія моя. Я изъ этого заключилъ, что непріятель не будетъ остановленъ рѣкой, а потому сталъ отступать на Ѳедотково. Я потому немедленно послалъ три разъѣзда, каждый изъ 10 казаковъ: одинъ на Кузнецово къ с. Козельску для открытія непріятеля съ лѣвой стороны, вторый—въ Ѳедотково для открытія дороги, по коей

партія должна была слѣдовать и для приготовленія ей продовольствія, а третій въ Знаменское съ приказаніемъ Бѣльскому поспѣшно отступать изъ этого села по Юхновской дорогѣ, къ с. Слободкѣ. Желая воспользоваться временемъ, пока непріятель будетъ переправляться чрезъ рѣку, я рысью двинулся въ трехъ колоннахъ и въ два коня, чтобы длинной колонной своей устрашить по возможности непріятеля. Сначала все шло удачно: перестрѣлка умолкла, и мы безпрепятственно продолжали слѣдовать по избранному направленію, но едва успѣли мы сдѣлать 7 верстъ, какъ возвратившіеся оба первые разъѣзда извѣстили меня, что другая конная непріятельская колонна идетъ на дорогу, по коей мы слѣдуемъ, и что самое Ѳедотково занято непріятелемъ. Въ самомъ дѣлѣ непріятель сталъ уже показываться съ лѣвой стороны; а прибывшій изъ Ѳедоткова конный крестьянинъ объявилъ мнѣ, что видѣлъ, какъ непріятель вступалъ въ это село, о чемъ онъ поспѣшилъ меня увѣдомить. Обстоятельства представлялись не въ розовомъ цвѣтѣ, долгое размышленіе было неумѣстно; я немедленно, поворотя вправо на Борисенки, и, переправясь чрезъ Угру при Кобелевѣ, прибылъ въ Воскресенское, находящееся на границѣ Медынскаго уѣзда возлѣ дороги изъ Юхнова въ Гжать. На маршѣ моемъ одинъ урядникъ и два казака были посланы къ Бѣльскому съ повелѣніемъ, не останавливаясь уже въ Слободкѣ, отступать къ Климовскому заводу; сему посланному велѣно было также поспѣшно проѣхать въ Юхновъ для извѣщенія дворянскаго предводителя о томъ, что партія отступаетъ въ Воскресенское, и чтобы всѣ бумаги, которыя будутъ адресованы изъ главной квартиры на мое имя, были бы посылаемы прямо въ означенное село.

20-го по утру я получилъ увѣдомленіе отъ дежурнаго генерала объ отступленіи непріятеля изъ Малоярославца и о слѣдованіи его на Гжать и Смоленскъ (*) Этого надлежало ожидать:

(*) Въ то время Наполеонъ самъ находился въ Вязьмѣ, ибо онъ прибылъ туда 19-го, въ 4 часа по полудни. Генералъ Эверсъ не пошелъ далѣе и

внезапное умноженіе непріятельскихъ отрядовъ и обозовъ между Вязьмою и Юхновымъ могло насъ достаточно удостовѣрить въ скоромъ отступленіи всей непріятельской арміи. Не смотря на это, я не могъ бы тронуться съ мѣста, еслибы свѣтлѣйшій не отрядилъ послѣ Малоярославскаго дѣла всю легкую свою конницу на перерѣзъ непріятельскимъ колоннамъ, идущимъ къ Вязьмѣ. Появленіе большаго количества казаковъ съ атаманомъ Платовымъ и съ графомъ Орловымъ Денисовымъ на пространствѣ, гдѣ я шесть недѣль дѣйствовалъ одинъ, и которое въ это время находилось уже во власти непріятеля, принудило его отступить частью къ Вязьмѣ, а частью къ Дорогобужу и дозволило мнѣ выдти изъ Воскресенскаго. Я лично, безъ сомнѣнія, много обязанъ этому спасительному движенію, но еслибы заблаговременно приняли во вниманіе неоднократныя представленія мои о присылкѣ мнѣ бо̀льшаго количества легкихъ войскъ тотчасъ послѣ занятія Тарутина, отряды непріятельскіе, оттѣснившіе меня почти до Юхнова, не смѣли бы показаться на этомъ пространствѣ, для насъ въ послѣдствіи столь необходимомъ. Какъ бы то ни было, поздно было исправлять прошедшее, а слѣдовало пользоваться настоящимъ, и я немедленно послалъ приказаніе Бѣльскому спѣшить въ Знаменское, гдѣ соединился съ нимъ того же числа вечеромъ.

21-го я оставилъ поголовное ополченіе на мѣстѣ и, присоединивъ регулярную пѣхоту къ своей партіи, выступилъ въ два часа утра по Бородинской дорогѣ на с. Никольское, гдѣ, сдѣлавъ большой привалъ, продолжалъ слѣдовать далѣе. Въ слѣдствіе этого движенія, я попался между отрядами двухъ генералъ-адъютантовъ: графа Ожаровскаго и графа Орлова-Денисова (*); первый прислалъ ко мнѣ гвардіи ротмистра (что

вслѣдствіе полученнаго имъ повелѣнія, прибылъ 18-го къ вечеру обратно въ Вязьму.

(*) Отрядъ перваго состоялъ изъ шести казачьихъ полковъ и Нѣжинскаго драгунскаго, а втораго изъ 19 егерскаго, Маріупольскаго гусарскаго, двухъ Донскихъ, двухъ Малороссійскихъ казачьихъ полковъ и шести орудій конной артиллеріи.

нынѣ генералъ-лейтенантъ) Палицына, дабы вывѣдать, нельзя ли меня прибрать къ своимъ рукамъ; послѣдній же еще отъ 19-го числа прислалъ офицера отыскивать меня для объявленія, что если я не имѣю еще никакого повелѣнія отъ свѣтлѣйшаго отъ 20 октября, то чтобы немедленно поступилъ въ его команду. Будучи убѣжденъ, что званіе партизана не освобождаетъ никого отъ чинопослушанія, но съ этимъ вмѣстѣ допускаетъ нѣкотораго рода хитрости, я воспользовался разновременнымъ пріѣздомъ обоихъ присланныхъ, и объявилъ первому о невозможности моей служить подъ командою графа Ожаровскаго въ слѣдствіе полученія повелѣнія графа Орлова-Денисова, а втораго увѣрилъ, что я поступилъ уже подъ начальство графа Ожаровскаго и, на основаніи даннаго имъ мнѣ повелѣнія, спѣшу къ Смоленской дорогѣ.

Между тѣмъ я не счелъ предосудительнымъ просить генерала Коновницына довести до свѣдѣнія свѣтлѣйшаго о непріятномъ положеніи, въ коемъ я нахожусь: «имѣвъ счастіе, писалъ я ему, заслужить вь теченіи шестинедѣльнаго моего дѣйствія особенное вниманіе и благодарность его свѣтлости, я, при всемъ уваженіи моемъ къ графамъ Орлову-Денисову и Ожаровскому, счелъ бы за личное для себя оскорбленіе поступить подъ начальство того или другаго, тѣмъ болѣе, что я самъ получилъ уже нѣкоторый навыкъ къ партизанской войнѣ; въ то же время были поручены команды людямъ, хотя во многихъ отношеніяхъ достойнымъ, но совершеннымъ новичкамъ въ этомъ родѣ дѣйствій.» Я заключилъ письмо мое изложеніемъ выгодъ размноженія партій, а не сосредоточиванія ихъ, что̀ при тогдашнихъ обстоятельствахъ далеко бы не принесло желаемой пользы; съ этимъ послалъ я урядника Крючкова съ 5 казаками въ главную квартиру, находившуюся по извѣстіямъ около Вязьмы. Я приказалъ ему искать меня къ 23-му числу около села Гаврикова, чрезъ которое я намѣренъ былъ слѣдовать послѣ поиска моего къ с. Рыбкамъ. Того же числа, т. е. 21-го, около полуночи мы прибыли за 6 верстъ отъ Смоленской дороги и скрытно остановились въ лѣсу. За два часа

предъ разсвѣтомъ мы двинулись на Ловитву. Не доходя этого села за три версты до большой дороги, намъ начали попадаться несмѣтное число обозовъ и много мародеровъ, которыхъ мы подбирали безъ малѣйшаго съ ихъ стороны сопротивленія. Когда же мы достигли с. Рыбковъ, тогда увидѣли мы слѣдующее: фуры, телѣги, кареты, палубы, конные и пѣшіе солдаты, офицеры, денщики и всякая сволочь,—все двигалось безпорядочными массами; еслибы партія моя была бы вдесятеро сильнѣе и у каждаго казака было бы по десяти рукъ, и тогда было бы невозможно захватить въ плѣнъ десятую часть того, что слѣдовало по большой дорогѣ. Предвидя это, я, еще предъ выступленіемъ на поискъ, предупредилъ казаковъ моихъ и дозволилъ имъ не брать болѣе въ плѣнъ, а какъ говорится, *катить головнею* по всей дорогѣ. Скиѳы мои не требовали на это подтвердительнаго приказанія; за то надо было видѣть, какъ вся сія масса ужаснулась при появленіи этихъ немирныхъ путешественниковъ; надо было быть свидѣтелемъ этого страннаго сочетанія криковъ отчаянія съ возгласами ободрительными, выстрѣловъ защищающихся съ трескомъ взлетавшихъ на воздухъ артиллерійскихъ палубовъ (*); все это покрывалось громогласнымъ *ура* моихъ казаковъ.

Это болѣе или менѣе продолжалось до времени появленія французской кавалеріи, и за нею гвардіи (**); тогда, по данному мною сигналу, вся партія отхлынула отъ дороги и начала строиться. Между тѣмъ гвардія Наполеона, по срединѣ которой онъ самъ находился, стала подвигаться. Вскорѣ часть кавалеріи бросилась съ дороги впередъ и начала строиться, съ намѣреніемъ отогнать насъ далѣе. Я былъ совершенно убѣжденъ, что бой мнѣ далеко не по силѣ, но я горѣлъ желаніемъ

(*) По сочиненію г. Шамбре видно, что при французской арміи шло 605 орудій, 2,455 палубовъ и болѣе 5,000 фуръ, каретъ и колясокъ.

(**) Порядокъ марша непріятеля отъ Вязьмы былъ слѣдующій: корпусъ Жюно, молодая гвардія, 2 и 4 кавалерійскіе корпуса, старая гвардія, корпусъ Поніатовскаго, корпусъ принца Евгенія, корпусъ Даву и корпусъ Нея, который составлялъ арріергардъ арміи.

погарцовать вокругъ Наполеона и съ честью отдать ему прощальный поклонъ за посѣщеніе его. Свиданіе наше было весьма недолговременно; умноженіе непріятельской кавалеріи, которая тогда была еще въ довольно изрядномъ положеніи, принудило меня вскорѣ оставить большую дорогу и отступить предъ громадами, валившими одна за другой. Однако во время этого перехода я успѣлъ взять съ бою въ плѣнъ 180 человѣкъ, при 2 офицерахъ, и до самаго вечера конвоировалъ съ приличнымъ почетомъ Наполеона. Перейдя 23-го рѣчку Осму, я предпринялъ поискъ на Славково, гдѣ снова столкнулся съ старою гвардіею, часть которой была расположена на бивакахъ, а часть въ окрестныхъ деревушкахъ. Внезапное и шумное появленіе наше причинило большую сумятицу въ войскахъ непріятельскихъ. Все бросилось къ ружью; непріятель встрѣтилъ насъ съ почетомъ; онъ открылъ по насъ пальбу изъ орудій. Перестрѣлка продолжалась до вечера безъ значительной съ нашей стороны потери. Вечеромъ прибыло нѣсколько эскадроновъ непріятельской кавалеріи, но съ рѣшительнымъ намѣреніемъ не сражаться, ибо, сдѣлавъ нѣсколько движеній вправо и влѣво, они выстроили фронтъ и, выславъ фланкеровъ, остановились, а мы, взявъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ плѣнъ, отошли въ Гавриково. Поискъ сей доставилъ намъ 146 человѣкъ фуражировъ, 3 офицеровъ и 7 провіантскихъ фуръ съ разною рухлядью; успѣхъ неважный по количеству захваченной добычи, но это побудило Наполеона отказаться отъ намѣренія внезапно атаковать со всею арміею авангардъ нашъ; можно, по крайней мѣрѣ, такъ заключить, основываясь на циркулярѣ, посланномъ отъ Бертье ко всѣмъ корпуснымъ командирамъ и который здѣсь въ концѣ приложенъ (*). Поутру 24-го числа, я получилъ отъ генерала Коновницына разрѣшеніе дѣйствовать отдѣльно и повелѣніе поспѣшно слѣдовать къ Смоленску (**). Посланный мой увѣдомилъ меня о счастливомъ сраженіи при Вязьмѣ

(*) См. оправд. ст. стран. 18, N 18.
(**) См. оправд. ст. стран. 21, N 19.

22 числа и о движеніи вслѣдъ за мной партій Сеславина и Фигнера; въ то же самое время Платовъ двигался по пятамъ арріергарда непріятельскаго. Получивъ это повелѣніе, я не могъ уже брать съ собою храбрую пѣхоту мою, состоявшую еще изъ 177 рядовыхъ при 2 унтеръ-офицерахъ; я потому, разставшись съ нею на дорогѣ отъ Гаврикова, отправилъ ее въ Рославль къ начальнику ополченія Калужской губерніи.

Теперь я коснусь одного случая, навлекающаго проклятіе на одного русскаго гражданина. Но долгъ мой говорить откровенно обо всемъ томъ, что̀ я дѣлалъ, въ чемъ я кому либо содѣйствовалъ, о тѣхъ, которые мнѣ безкорыстно помогали, и о всемъ, чему я былъ свидѣтелемъ. Пусть оцѣнятъ заслуги каждаго.

Около Дорогобужа явился ко мнѣ отставной Московскаго гренадерскаго полка подполковникъ Масленниковъ, въ оборванномъ мужичьемъ кафтанѣ и лаптяхъ. Будучи знакомъ съ самаго дѣтства съ Храповицкимъ, свиданіе ихъ было дружеское; вопросы, относящіеся къ современнымъ обстоятельствамъ, слѣдовали одинъ за другимъ. Онъ разсказывалъ о своемъ несчастіи: не успѣвъ выѣхать изъ своего села, онъ былъ захваченъ и ограбленъ непріятелемъ и только тѣмъ успѣлъ спасти последнее свое имущество, что досталъ себѣ отъ губернатора города Вязьмы охранный листъ. Зная изъ многихъ опытовъ малую пользу, доставляемую подобными охранными листами, мы однако полюбопытствовали видѣть этотъ листъ. Каково было наше удивленіе, когда мы изъ него увидѣли, что г. Маслениковъ освобождается даже отъ всякаго постоя и реквизиціи въ уваженіе обязанности, принятой имъ добровольно на себя, продовольствовать Французовъ, какъ находящихся въ Вязьмѣ, такъ и проходившихъ чрезъ нее. Замѣтивъ наше удивленіе, онъ не безъ замѣшательства спѣшилъ увѣрить насъ, что эта статья клонится лишь къ вѣрнѣйшему охраненію его отъ грабительства, и что онъ никогда и ни чѣмъ не снабжалъ Французовъ.

Сердца наши готовы были его извинить: хотя русскій родомъ, онъ могъ быть слабѣе духомъ, болѣе привязанъ къ своей собственности и потому охотнѣе расположенъ ухватиться за всякія средства, могшія спасти его имущество. Мы замолчали; онъ же, пригласивъ насъ на слѣдующій день къ себѣ на завтракъ, самъ отправился въ село свое, чрезъ которое намъ надлежало проходить. На разсвѣтѣ избу мою окружили просители; болѣе двухъ сотъ окрестныхъ крестьянъ пали къ ногамъ моимъ съ жалобой на Масленикова, говоря: «ты увидишь, кормилецъ, его село, ни одинъ Хранцъ (то есть Францъ или Французъ) до него не дотронулся, потому что онъ съ Хранцами же грабилъ насъ и посылалъ все въ Вязьму—всѣхъ разорилъ, ни синь пороху не оставилъ.»

Это насъ всѣхъ взорвало. Но опасаясь, чтобы просители не учинили расправы сами собою и чрезъ то не подали бы дурнаго примѣра сосѣднимъ деревнямъ, я убѣждалъ ихъ терпѣть и уповать на милость Божію; я, словомъ, употреблялъ всѣ въ такомъ случаѣ употребляемыя успокоительныя средства, столь мало успокоивающія! Но нѣтъ логики для оправданія похищенія собственности; голодный сытаго не разумѣетъ.

Пріѣхавъ къ Масленикову, намъ казалось, что мы вступили на благословенный островъ, до котораго не коснулся общій потопъ. Церковь, домъ, избы и крестьяне, все было въ цвѣтущемъ положеніи; доносъ казался справедливымъ, но я, желая еще болѣе удостовѣриться въ томъ, рѣшился переступить за порогъ сего гостепріимнаго грабителя.

Между тѣмъ товарищи мои сѣли за сытный завтракъ; я же не ѣлъ, молчалъ и даже отворачивался при малѣйшихъ учтивостяхъ хозяина, который, чувствуя свою вину и видя меня сумрачнымъ и безмолвнымъ, истощался во вниманіяхъ ко мнѣ. Послѣ завтрака, разсказывая намъ о грабительствѣ Французовъ, онъ повторилъ, сколько онъ пострадалъ во время ихъ пребыванія, и въ доказательство этого показалъ намъ одну горницу, вѣроятно приготовленную для того, чтобы хотя нѣ-

сколько оправдать себя. Въ ней всѣ мебели были разломаны, обои оборваны и пухъ разбросанъ по полу. «Вотъ, говорилъ онъ, «вотъ что злодѣи надѣлали!» Мы всѣ молчали и, поклонясь ему, вышли на улицу съ тѣмъ, чтобы сѣсть на коней и слѣдовать далѣе. Масловиковъ провожалъ насъ, благодарилъ за посѣщеніе и пенялъ мнѣ за то, что я не принялъ его хлѣба и соли. Въ это самое время снова показалась на улицѣ та же толпа просителей и бросилась къ ногамъ моимъ, повторяя жалобы, мнѣ уже прежде принесенныя. Я велѣлъ Масленикову оправдываться; но онъ не могъ ничего другаго представить, какъ то, что крестьяне эти—измѣнники, бунтовщики, разбойники, мошенники и проч.; всѣ эти прозвища не были ими заслужены и не могли оправдать его самого. Я, возвыся голосъ, сказалъ: «гласъ Божій, гласъ народа!» При этомъ разругавъ его въ выраженіяхъ весьма сильныхъ, я избавилъ его лишь отъ заслуженнаго имъ тѣлеснаго наказанія.

Выговоривъ все то, что было у меня на сердцѣ, я хотѣлъ садиться на коня, но передній изъ крестьянъ началъ требовать возврата всего похищеннаго. Дабы разомъ кончить со всѣми этими жалобами, которыхъ разбирать мнѣ было некогда, я обратился къ другому роду логики: взявъ его за бороду, я сердито и грозно сказалъ ему: «врешь, этого быть не можетъ. Вы знаете сами, что похищенное все уже израсходовано Французами, — гдѣ его взять? мы все потерпѣли отъ нашествія враговъ,—но что Богъ взялъ, то Богъ и отдаетъ. Ступайте по домамъ, будьте довольны тѣмъ, что этотъ негодяй, за недостаткомъ документовъ, разруганъ какъ никогда никого не ругали, и чтобы я ни жалобъ, ни шуму, ни отъ одного изъ васъ не слыхалъ—не то приду на расправу; пошелъ!»—Совѣсть меня упрекала въ томъ, что я не наказалъ строго Масленикова, но признаюсь, не имѣя вѣрныхъ документовъ, я не смѣлъ въ одно и то же время брать на себя роль и судьи и палача, хотя руки у меня сильно чесались.

Теперь обратимся къ военнымъ дѣйствіямъ.

Размѣщеніе отдѣльныхъ отрядовъ около 24 и 25 числъ, то есть во время нахожденія главной квартиры французской арміи въ Дорогобужѣ, было слѣдующее:

Князь Яшвиль, командовавшій отрядомъ Калужскаго ополченія, занялъ Ельню на обратномъ маршѣ въ Рославль. Генералъ-лейтенантъ Шепелевъ съ Калужскимъ ополченіемъ, при 6-ти орудіяхъ и 3 казачьихъ полкахъ, находился также въ Рославлѣ.

Отрядъ графа Орлова-Денисова былъ на маршѣ отъ Вязьмы къ Колпитку и Волочекъ къ Соловьевой переправѣ. Партія моя вслѣдъ за ней на маршѣ изъ Гаврикова чрезъ Богородицкое и Дубосищево къ Смоленску.

Отрядъ графа Ожаровскаго отъ Юхнова и Знаменскаго на маршѣ чрезъ Балтутино въ Вердебяки. Партіи Фигнера и Сеславина отъ Вязьмы къ Смоленску вслѣдъ за моей партіею, но ближе къ главнымъ колоннамъ непріятельской арміи. Отрядъ атамана Платова вслѣдъ за арріергардомъ непріятеля около Семлева.

Отрядъ генерала Кутузова (*) между Гжатью и Сычевкой, въ направленіи къ Николѣ-Погорѣлову и къ Духовщинѣ. По тому же направленію, но ближе къ непріятелю находилась партія Ефремова.

Пока я покушался занять большую дорогу у с. Рыбковъ и производилъ поискъ на Славково, графъ Орловъ-Денисовъ опередилъ меня, такъ что я едва усиленными переходами могъ догнать его 25-го числа въ селѣ Богородицкомъ и то уже въ минуту выступленія его къ Соловьевой переправѣ. Оставя мою партію на маршѣ, я явился къ графу съ рапортомъ. Онъ меня принялъ, хотя и ласково, но при всемъ томъ было весьма замѣтно, сколь непріятенъ былъ для него видъ подполковника, ускользнувшаго отъ владычества генералъ-адъютанта и поль-

(*) Этотъ генералъ поступилъ на мѣсто генерала Винцингероде, взятаго въ плѣнъ посреди Москвы, во время выступленія изъ сей столицы французской арміи.

зовавшагося одинакими съ нимъ правами. Онъ приглашалъ меня ѣхать вмѣстѣ съ нимъ къ Соловьевой переправѣ, предсказывая и обѣщая мнѣ, если я не послѣдую за нимъ, несчастные успѣхи. Но я, зная лѣсистыя мѣста около Соловьева и бывъ убѣжденъ въ безполезности сего поиска, отказался, представивъ ему полученное мною повелѣніе идти къ Смоленску. Къ тому же, прибавилъ я, изнуреніе лошадей принуждаетъ меня дать, по крайней мѣрѣ, 4-хъ-часовый отдыхъ. На сіе графъ, усмѣхнувшись, сказалъ: «желаю вамъ спокойно *отдыхать*», и поскакалъ къ своему отряду, который уже вытягивался по дорогѣ.

Я разсчелъ весьма вѣрно; покушеніе графа Орлова-Денисова было безуспѣшно, и онъ нашелся вынужденнымъ обратиться къ прежнему своему пути. Будь моя партія сильнѣе, онъ бы дорого заплатилъ за свою насмѣшку и долго бы помнилъ движеніе свое къ Соловьеву, ибо въ продолженіи этого времени я открылъ отрядъ генерала Ожеро въ Ляховѣ и могъ бы не раздѣлить съ нимъ славы въ побѣдѣ надъ непріятелемъ.

Слѣдуя 26-го къ Дубосищамъ, я примѣтилъ, что авангардъ мой бросился въ погоню за конными Французами. Вечернее время и туманная погода не позволили ясно разсмотрѣть силу непріятеля, почему я, стянувъ полки, велѣлъ взять дротики на перевѣсъ и двинулся рысью вслѣдъ за авангардомъ. Но едва вступилъ я въ маленькую деревушку, имя которой я забылъ, какъ увидалъ нѣсколько авангардныхъ казаковъ моихъ, ведущихъ ко мнѣ лейбъ-жандармовъ французскихъ (Gendarmes d'elite). Они объявили мнѣ, что принадлежатъ къ корпусу Бараге Дилье, расположенному между Смоленскомъ и Ельнею, и требовали свободы, поставляя на видъ, что ихъ обязанность не сражаться, а сохранять лишь порядокъ въ арміи. Я отвѣчалъ имъ: «вы вооружены, Французы, и находитесь въ Россіи, слѣдовательно молчите и повинуйтесь.»

Обезоруживъ ихъ и приставивъ къ нимъ караулъ, я приказалъ, при первомъ удобномъ случаѣ, отослать ихъ въ глав-

ную квартиру, а такъ какъ было уже поздно, то мы разставивъ посты, расположились на ночлегъ.

Спустя часъ времени, соединились съ нами Сеславинъ и Фигнеръ (*)

Я давно слыхалъ о варварскихъ поступкахъ Фигнера, но не могъ вѣрить, чтобы жестокосердіе его доходило до убійства враговъ обезоруженныхъ, особенно въ такое время, когда обстоятельства наши стали видимо измѣняться къ лучшему. Казалось, никакое злобное чувство, еще менѣе чувство мщенія, не должно было имѣть мѣста въ сердцахъ нашихъ солдатъ, исполненныхъ священною радостью. Едва узналъ онъ о моихъ плѣнныхъ, какъ поспѣшилъ ко мнѣ съ просьбой дозволить растерзать ихъ какимъ-то новымъ казакамъ, еще, по его мнѣнію, *ненатравленнымъ*. Не могу выразить того, чтò я почувствовалъ при этихъ словахъ; красивыя черты лица и доброе, пріятное выраженіе глазъ Фигнера, казалось, говорили противное. Вспомнивъ его превосходныя военныя дарованія, отважность, предпріимчивость, дѣятельность, знаніе многихъ иностранныхъ языковъ, всѣ эти качества необыкновеннаго воина, я съ сожалѣніемъ сказалъ ему: «не выводи меня, Ал. Самойловичъ, изъ заблужденія, оставь мнѣ думать, что героизмъ есть душа твоихъ славныхъ подвиговъ, безъ него они мертвый капиталъ; я, какъ Русскій, желалъ бы, чтобы у насъ

(*) Фигнеръ и Сеславинъ, какъ артиллеристы, были безгранично преданы А. П. Ермолову, къ которому въ арміи, а особенно въ артиллеріи, питали глубокое уваженіе и любовь за его замѣчательный умъ, постоянно веселый нравъ и ласковое со всѣми обращеніе. На записку Ермолова, заключавшую въ себѣ: *смерть врагамъ, преступившимъ рубежъ Россіи*, Фигнеръ отвѣчалъ: „*я не стану обременять плѣнными.*“ Фигнеръ и Сеславинъ, пріѣзжая въ главную квартиру, останавливались у Ермолова, который, шутя, не разъ говорилъ: „вы, право, обращаете мою квартиру въ вертепъ разбойниковъ.“ Въ самомъ дѣлѣ, близь его квартиры часто находились партіи этихъ партизановъ въ самыхъ фантастическихъ костюмахъ. При Тарутинѣ Фигнеръ не разъ показывалъ ту точку въ срединѣ непріятельскаго лагеря, гдѣ онъ намѣревался находиться на слѣдующій день. Въ самомъ дѣлѣ, на другой день онъ, переодѣтый во Французскій мундиръ, находился въ срединѣ непріятельскаго лагеря и обозрѣвалъ его расположеніе. Это повторялось не разъ.

было бы побольше славныхъ, но великодушныхъ воиновъ.» На это онъ мнѣ отвѣчалъ: «развѣ ты не разстрѣливаешь?» «Да,» сказалъ я, «разстрѣлялъ двухъ измѣнниковъ отечеству, изъ которыхъ одинъ былъ грабитель храма Божія.» «Вѣдь ты разстрѣливалъ плѣнныхъ?» сказалъ онъ. Я отвѣчалъ: «никогда, вели хоть тайно распросить о томъ моихъ казаковъ.» «Ну, такъ походимъ вмѣстѣ,» сказалъ онъ, «и ты вѣрно бросишь эти предразсудки.» «Если солдатская честь и состраданіе къ несчастію суть предразсудки,» сказалъ я, «то я съ ними умру.» Мы замолчали. Опасаясь однако, чтобы онъ не велѣлъ тайно ночью похитить плѣнныхъ, я, подъ предлогомъ отдачи приказаній, вышелъ изъ избы и секретно приказалъ удвоить стражу, поручивъ надзоръ за ними уряднику, а послѣ поспѣшно отослалъ ихъ въ главную квартиру.

Въ ночь возвратились мои разъѣздные, посланные къ селу Ляхову, и увѣдомили меня, что какъ въ немъ, такъ и въ Язвинѣ, находятся два сильныхъ непріятельскихъ отряда, что̀ мнѣ подтвердилъ и приведенный ими плѣнный, увѣряя, что въ первомъ селѣ стоитъ генералъ Ожеро съ 2,000 человѣкъ пѣхоты и частью кавалеріи.

Мы рѣшились атаковать Ляхово. Но такъ какъ всѣ три партіи не составляли болѣе 1,200 человѣкъ разнаго сбора конницы, 80 егерей 20 егерскаго полка и 4 орудій, то я предложилъ пригласить, для нанесенія вѣрнѣйшаго удара, графа Орлова-Денисова, котораго партія состояла изъ шести полковъ казачьихъ и Нѣжинскаго драгунскаго полка, хотя слабаго, но еще годнаго для занятія какого нибудь возвышенія.

Немедленно я послалъ къ графу слѣдующее письмо:

«Изъ встрѣчи и разлуки нашей, я примѣтилъ графъ, что вы считаете меня непримиримымъ врагомъ всякаго начальства; кто безъ честолюбія и самолюбія? Я, при малыхъ дарованіяхъ своихъ, предпочитаю быть первымъ, а не вторымъ; но честолюбіе мое простирается до черты общей пользы. Вотъ вамъ примѣръ: я открылъ въ селѣ Ляховѣ непріятеля. Сесла-

винъ, Фигнеръ и я соединились Мы готовы драться, но дѣло не въ дракѣ, а въ успѣхѣ. У насъ не болѣе 1,200 человѣкъ конницы, а у Французовъ 2,000 пѣхоты и еще свѣжей. Поспѣшите къ намъ въ Бѣлкино, возьмите насъ подъ свое начальство—и ура! съ Богомъ!»

27 числа мы были на маршѣ, и я вечеромъ получилъ отъ графа отвѣтъ. Онъ писалъ:

«Увѣдомленіе о движеніи вашемъ на Бѣлкино я получилъ. Вслѣдъ за симъ, и я слѣдую для нападенія на непріятеля; но кажется мнѣ, что атака наша, безъ присоединенія ко мнѣ командированныхъ мною трехъ полковъ (которые прибыть должны черезъ два часа) будетъ не навѣрная, а потому не худо бы намъ дождаться и дѣйствовать всѣми силами.»

28-го поутру, Фигнеръ, Сеславинъ и я пріѣхали въ одну деревушку, занимаемую полкомъ Чеченскаго, верстахъ въ двухъ отъ Бѣлкина. Вдали было видно Ляхово, вокругъ села биваки; нѣсколько пѣшихъ и конныхъ солдатъ показывались между избами и шалашами, болѣе ничего нельзя было замѣтить. Спустя полчаса времени, мы увидѣли непріятельскихъ фуражировъ въ числѣ 40 человѣкъ, ѣхавшихъ безъ малѣйшей предосторожности по направленію къ Таращинѣ. Чеченскій послалъ лощиною и въ тылъ имъ сотню казаковъ своихъ; фуражиры примѣтили ихъ, когда уже было поздно. Нѣкоторые спаслись бѣгствомъ, большая же часть, вмѣстѣ съ офицеромъ (адъютантомъ генерала Ожеро), сдалась въ плѣнъ. Они подтвердили намъ извѣстіе о корпусѣ Бараге Дилье и объ отрядѣ генерала Ожеро, которые, не взирая на слѣдованіе отряда графа Ожаровскаго чрезъ Балтутино на Рославскую дорогу остались неподвижными, хотя Болтутино отъ Ляхова не болѣе какъ въ 17, а отъ Язвина въ 9 верстахъ.

Вскорѣ изъ Бѣлкина подошла ко мнѣ вся моя партія, и графъ Орловъ-Денисовъ явился на лихомъ конѣ съ вѣстовымъ изъ гвардейскихъ казаковъ. Онъ извѣстилъ насъ, что командированные имъ три полка прибыли, и что вся его партія

приближается. Поговоря со мною о томъ, какъ и съ которой стороны будетъ направлена атака, онъ повернулся къ Фигнеру и Сеславину, которыхъ партіи еще не прибыли на мѣсто, и сказалъ: «я надѣюсь, господа, что вы насъ поддержите.» Я предупредилъ отвѣтъ ихъ: «я за нихъ отвѣчаю, графъ, Русскіе не выдаютъ Русскихъ.» Сеславинъ согласился отъ всего сердца, но Фигнеръ противъ воли, ибо любилъ одинъ подвергаться опасностямъ, которыя для него были родной стихіею; онъ всегда презиралъ опасности, но любилъ извлекать изъ нихъ собственную пользу. Спустя часъ времени, всѣ партіи наши соединились, кромѣ 80 егерей Сеславина; а такъ какъ мнѣ была поручена честь вести передовыя войска, то я, до прибытія егерей, велѣлъ выбрать въ стрѣлки казаковъ, снабженныхъ ружьями, и двинулся къ Ляхову; за мною слѣдовали всѣ прочія партіи.

Направленіе наше было на перерѣзъ Смоленской дороги, дабы совершенно преградить отступленіе отряду Ожеро, который хотѣлъ идти на соединеніе съ Бараге Дилье, занимавшимъ Долгомостье. Едва начали мы вытягиваться и подвигаться къ Ляхову, все пришло тамъ въ смятеніе. Мы услышали барабаны и ясно видѣли, какъ отрядъ становился въ ружье; стрѣлки, отдѣлясь отъ своихъ колоннъ, выбѣгали изъ избъ къ намъ на встрѣчу. Я немедленно спѣшилъ казаковъ моихъ и завязалъ дѣло. Полкъ Попова 13-го и партизанскую мою команду я развернулъ на лѣвомъ флангѣ спѣшенныхъ казаковъ, чтобы закрыть этимъ движеніе подвигавшихся войскъ нашихъ, а Чеченскаго съ его полкомъ послалъ на Ельнскую дорогу, чтобы пресѣчь сообщеніе съ Ясминымъ, гдѣ находился другой отрядъ непріятеля. Послѣдствія оправдали эту мѣру.

Сеславинъ, прискакавъ къ моимъ стрѣлкамъ съ орудіями, открылъ изъ нихъ огонь по непріятельскимъ колоннамъ, выходившимъ изъ Ляхова; онъ придвинулъ гусаръ своихъ для прикрытія стрѣлковъ и орудій; партіи его и Фигнера построи-

лись позади этого прикрытія. Графъ Орловъ-Денисовъ расположилъ отрядъ свой на правомъ флангѣ партіи Фигнера и Сеславина и послалъ разъѣзды по дорогѣ въ Долгомостье.

Непріятель, не взирая на пушечные выстрѣлы, выходя изъ села, усиливалъ стрѣлковъ, занимавшихъ болотистый лѣсъ, примыкающій къ селу, и атаковалъ главными силами своими нашъ правый флангъ. Сеславинъ смѣнилъ пѣшихъ казаковъ прибывшими егерями своими, и въ то же самое время приказалъ ахтырскимъ гусарамъ, находившимся подъ командою ротмистра Горскина, ударить на непріятельскую конницу, намѣревавшуюся атаковать нашихъ стрѣлковъ. Горскинъ, опрокинувъ эту конницу, вогналъ ее въ болото. Стрѣлки наши бросились за Горскинымъ и начали занимать лѣсъ; стрѣлки же непріятельскіе стали очищать его и стягиваться въ чистомъ полѣ близь праваго фланга своего. Тогда Литовскаго уланскаго полка поручикъ Лизогубъ, воспользовавшись удобнымъ моментомъ, разсыпалъ своихъ уланъ и ударилъ на нихъ. Проѣзжая въ то время вдоль по линіи съ праваго фланга на лѣвый, я былъ свидѣтелемъ слѣдующаго случая:

Одинъ изъ уланъ, съ саблею въ рукѣ, гнался за французскимъ егеремъ. Каждый разъ: какъ егерь прицѣливался, уланъ отъѣзжалъ въ сторону и вновь начиналъ преслѣдовать, когда егерь обращался въ бѣгство. Замѣтивъ это, я закричалъ улану: «Уланъ, стыдно!» Не отвѣтивъ ни слова, онъ поворотилъ лошадь, выдержалъ выстрѣлъ французскаго егеря, бросился на него и разсѣкъ ему голову.

Послѣ сего, подъѣхавъ ко мнѣ, онъ спросилъ меня: «теперь довольны ли, ваше высокоблагородіе?» и въ эту минуту охнулъ: какая-то бѣшеная пуля перебила ему правую ногу.

Весьма странно то, что сей уланъ, получивъ за этотъ подвигъ георгіевскій знакъ, не могъ носить его... Онъ былъ бердичевскій еврей, завербованный въ уланы. Этотъ случай оправдываетъ то мнѣніе, что нѣтъ такого рода людей, которые

бы не увлекались честолюбіемъ и, слѣдовательно, не были бы способны къ военной службѣ.

Пріѣхавъ на лѣвый флангъ, мнѣ представили взятаго Чеченскимъ въ плѣнъ криваго гусарскаго ротмистра, посланнаго въ Ясмино съ увѣдомленіемъ, что Ляховскій отрядъ атакованъ, и просьбой спѣшить къ нему на помощь. Между тѣмъ Чеченскій донесъ мнѣ, что онъ, прогнавъ обратно въ село выходившую противъ него непріятельскую кавалерію, пресѣкъ совершенно путь къ Ясмину; онъ вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ приказанія на счетъ сотни человѣкъ непріятельской пѣхоты, засѣвшей въ отдѣльныхъ отъ села сараяхъ. Я велѣлъ жечь сараи,— исчадье Чингисханово сожигаетъ сараи съ Французами!

Между тѣмъ графъ Орловъ-Денисовъ былъ увѣдомленъ, что двухтысячная колонна спѣшитъ по дорогѣ отъ Долгомостья въ тылъ нашимъ отрядамъ, и что наблюдательныя его войска, выставленныя на этой дорогѣ, поспѣшно отступаютъ. Графъ, оставя насъ довершить пораженіе Ожеро, немедленно обратился съ своимъ отрядомъ на непріятельскихъ кирасиръ, которыхъ недалеко отъ насъ атаковалъ и разсѣялъ; отрядивъ полковника Быхалова съ частію отряда своего, для преслѣдованія ихъ къ Долгомостью, онъ самъ возвратился къ намъ подъ Ляхово. Наступилъ уже вечеръ. Ляхово въ разныхъ мѣстахъ горѣло, перестрѣлка же все еще продолжалась...

Я увѣренъ, что еслибы при наступленіи ночи генералъ Ожеро свернулъ войска свои въ одну колонну, въ срединѣ которой онъ помѣстилъ бы всѣ тяжести отряда своего, и двинулся въ такомъ порядкѣ большою дорогою къ Долгомостью и къ Смоленску, всѣ наши покушенія остались бы, вѣроятно, тщетными. Намъ оставалось бы лишь конвоировать его до корпуса Бараге-Дилье и послѣ ихъ соединенія откланяться имъ. Вмѣсто того мы услыхали барабанный бой впереди стрѣлковой линіи и увидали подвигавшагося къ намъ парламентера. Въ это время я устанавливалъ на лѣвомъ моемъ флангѣ между отдѣльными избами присланное мнѣ отъ Сеславина орудіе и

готовился стрѣлять картечью. Графъ Орловъ-Денисовъ прислалъ мнѣ сказать, чтобы я прекратилъ дѣйствіе и далъ бы о томъ знать Чеченскому, потому что Фигнеръ отправился уже парламентеромъ въ Ляхово къ Ожеро.

Переговоры продолжались не болѣе часа. Послѣдствіемъ ихъ было сдача 2,000 рядовыхъ, 60 офицеровъ и одного генерала военнопленными.

Наступила ночь, морозъ усилился, Ляхово пылало; войска наши, не слѣзая съ коней, стояли по обѣимъ сторонамъ дороги, по которой проходили обезоруженныя французскія войска, освѣщаемыя заревомъ пожара. Болтовня Французовъ не умолкала: они ругали морозъ, своего генерала, Россію, насъ; но слова Фигнера: filez, filez, (пошелъ, пошелъ), покрывали ихъ нескромные разговоры. Наконецъ Ляхово очистилось, плѣнные отведены были въ ближнюю деревеньку, которой я забылъ имя, и мы прибыли туда же вслѣдъ за ними.

При этомъ случаѣ мы забыли слова Цезаря: «*что не додѣлано, то не сдѣлано.*» Мы должны были немедленно идти къ Долгомостью противъ Бараге-Дилье, встревоженнаго разбитіемъ своихъ кирасиръ, или обратиться на отрядъ, стоявшій въ Ясминѣ; утомившись до крайности, мы всѣ легли спать и, проснувшись въ четыре часа утра, вздумали писать реляцію, которая, какъ будто въ наказаніе за нашу лѣнь, не послужила намъ въ пользу. Фигнеръ былъ отправленъ къ Государю Императору съ извѣстіемъ объ этомъ дѣлѣ, о которомъ самъ свѣтлѣйшій своеручно прибавилъ: «побѣда сія тѣмъ болѣе знаменита, что въ первый разъ въ продолженіи нынѣшней компаніи непріятельскій корпусъ положилъ предъ нами оружіе.»

29-го партія моя прибыла въ Долгомостье и тотъ же день пошла къ Смоленску.

Я дѣлалъ поиски между дорогами Ельнской и Мстиславской, т. е. между корпусами Жюно и Понятовскаго, которые

на другой день должны были выступить въ Манчино и Червонное. Этотъ поискъ доставилъ намъ 6 офицеровъ, 196 артиллеристовъ безъ орудій и до двухъ сотъ штукъ скота, употребляемыхъ для возки палубъ; но дѣло шло не о добычѣ, а намѣреніе мое переступало за черту обыкновенныхъ партизанскихъ замысловъ: я предпринялъ это движеніе единственно съ тѣмъ, чтобы собственными глазами обозрѣть расположеніе непріятельской арміи и убѣдиться въ избранномъ ею направленіи. Я всегда былъ того мнѣнія, что она пойдетъ правымъ берегомъ Днѣпра на Катань, а не лѣвымъ на Красный; посмотрѣвъ на карту, можно сейчасъ замѣтить выгоду одного пути и опасность другаго, при движеніи нашей арміи къ Красному.

Корпуса Жюно и Понятовскаго, хотя весьма слабые, были однако для меня камнемъ преткновенія; еслибъ я могъ безпрепятственно достигнуть Красненской дороги и тогда бы мнѣ нельзя было открыть болѣе того, что уже я открылъ на дорогѣ Ельненской и Мстиславской, ибо въ послѣдствіи я узналъ, что большая часть непріятельской арміи находилась въ то время между Соловьевой-переправой, Духовщиной и Смоленскомъ на правомъ берегу Днѣпра. На эту сторону прибыли только старая и молодая гвардіи, занявшія Смоленскъ, четыре кавалерійскіе корпуса, слитые въ одинъ и расположенные за Красненской дорогой у селенія Вельковичахъ, и два корпуса, между которыми я произвелъ свой поискъ.

Такъ какъ оружіе было уже безполезно, я, обратившись къ дипломаціи, старался всѣми возможными изворотами вывѣдать отъ плѣнныхъ офицеровъ объ истинномъ намѣреніи Наполеона; но дипломація измѣнила мнѣ, ибо по отвѣтамъ, сдѣланнымъ мнѣ, оказалось, что всѣ эти офицеры были лишь безмолвные исполнители повелѣній главнаго начальства, и потому ничего не знали о главнѣйшихъ его предначертаніяхъ... Соименный мнѣ покоритель Индіи (Вакхъ, иначе Діонисій) подалъ мнѣ въ этомъ случаѣ руку помощи. Чарка за чаркой, влитыя въ глотки моихъ уз-

никовъ, возбудили ихъ къ многоглаголанію. Одинъ изъ нихъ, находясь въ должности адъютанта при какомъ-то генералѣ, только что возвратился изъ Смоленска, куда онъ ѣздилъ за приказаніями, онъ потому слышалъ о распоряженіяхъ къ выступленію гвардіи изъ Краснаго. Что у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ, говоритъ пословица; откровенность хлынула чрезъ край, и я все узналъ, что̀ мнѣ нужно было, даже много лишняго. Онъ не могъ къ столь любопытному извѣстію не припутать разсказовъ о своихъ любовныхъ приключеніяхъ, которыя я принужденъ былъ выслушать до тѣхъ поръ, пока мой витія не упалъ съ лошади.

Это извѣстіе было слишкомъ важно, чтобы не поспѣшить увѣдомленіемъ о томъ главнокомандующему. Я потому въ ту же минуту послалъ курьера съ достаточнымъ прикрытіемъ по Мстиславской дорогѣ, близь которой я полагалъ тогда найти главную квартиру.

Оставшись одинъ противъ подходившихъ непріятельскихъ войскъ, я отвѣчалъ на стрѣльбу ихъ до тѣхъ поръ, пока превосходство непріятеля не принудило меня отступить по Мстиславской дорогѣ и провести ночь верстахъ въ 15 отъ Смоленска. Въ этотъ день мы прошли по крайней мѣрѣ 50 верстъ.

Неожиданная встрѣча и отпоръ, встрѣченный мною во время движенія къ Смоленску, внушили мнѣ мысль достигнуть Краснаго (*); къ тому же, бывъ обремененъ плѣнными и двумя

(*) Сраженіе подъ Краснымъ, носящее у нѣкоторыхъ военныхъ писателей пышное наименованіе трехдневнаго боя, можетъ быть по всей справедливости названо лишь трехдневнымъ поискомъ на голодныхъ, полунагихъ Французовъ; подобными трофеями могли гордиться ничтожные отряды въ родѣ моего, но не главная армія. Цѣлыя толпы Французовъ, при одномъ появленіи небольшихъ нашихъ отрядовъ на большой дорогѣ, поспѣшно бросали оружіе. Въ самомъ Красномъ имѣлъ пребываніе Милорадовичъ, у котораго квартировалъ лейбъ-гусарскаго полка полковникъ Александръ Львовичъ Давыдовъ. Толпа голодныхъ Французовъ, въ числѣ почти 1,000 человѣкъ, подъ предводительствомъ одного единоплеменника своего, служившаго нѣкогда у Давыдова въ должности повара, подступила къ квартирѣ Милорадовича. Появленіе этой толпы, умолявшей лишь о хлѣбѣ и одеждѣ, не мало всѣхъ сначала встревожило. Храбрый командиръ Московскаго драгунскаго полка полковникъ

стами штуками скота, я хотѣлъ, сдавъ первыхъ, не оставит безъ употребленія послѣднихъ, особенно въ такое время, когда войска наши такъ сильно нуждались въ провіантѣ. Въ слѣдствіе этого, я рѣшился приблизиться къ главной арміи и потомъ продолжать путь мой къ Красному. Это была съ моей стороны грубая ошибка. И подлинно, взявъ направленіе на Червонное и Манчино, гдѣ еще не было непріятеля, я могъ быть у Краснаго 1-го ноября, въ самый тотъ день, какъ дивизія Клапареда, прикрывавшая транспортъ трофеевъ, казну и обозы главной квартиры Наполеона, выступила изъ Смоленска по этому направленію. Правда, что извѣстіе о томъ дошло до меня весьма поздно; къ тому же, не взирая на слабость этой дивизіи, она однако же была значительно сильнѣе моей партіи. Это впрочемъ не отговорка. Господствующая мысль партизановъ этой эпохи должна была состоять въ томъ, чтобы тѣснить, безпокоить, утомлять и, такъ сказать, жечь непрерывно и малымъ огнемъ непріятеля. Пройдя нѣсколько верстъ по Мстиславской дорогѣ, я встрѣтилъ лейбъ-гусарскій эскадронъ, командуемый штабъ-ротмистромъ Акинфьевымъ, а въ 8-ми верстахъ далѣе нашелъ нѣсколько пѣхотныхъ корпусовъ, расположенныхъ для дневки. Какъ корсаръ, который послѣ долговременнаго крейсированія, открываетъ курящіеся берега родины, такъ и я съ великою радостью увидѣлъ биваки товарищей, такъ давно мною оставленныхъ. Берегъ! берегъ! подумалъ я и бросился во всю прыть къ избѣ генерала Раев-

Ник. Влад. Давыдовъ, называемый torse по причинѣ большаго количества полученныхъ имъ ранъ, ворвался въ средину французскаго батальона, которому приказалъ положить оружіе. Утомленная лошадь его упала отъ истощенія среди батальона, который тотчасъ исполнилъ его требованіе. Близь Краснаго адъютантъ Ермолова Граббе взялъ въ плѣнъ мужественнаго и ученаго артиллерійскаго полковника Marion, который очень полюбилъ Ермолова. Когда въ 1815 году Ермолову было приказано обезоружить гарнизонъ Меца или въ случаѣ его сопротивленія овладѣть штурмомъ этой крѣпостью, комендантомъ былъ Marion. Почитая безполезнымъ обороняться, когда уже вся Франція была занята союзниками, онъ сдалъ Мецъ, гдѣ, принимая Ермолова какъ стараго пріятеля, онъ познакомилъ его съ своимъ семействомъ.

скаго. Пріемъ сего съ дѣтства мною уважаемаго человѣка, былъ таковъ, какого я ожидалъ, но посѣтители его встрѣтили меня иначе; нѣкоторые изъ нихъ были тѣ самые, которые при вступленіи моемъ въ партизаны увѣряли меня, что я берусь не за свое дѣло, полагая его слишкомъ опаснымъ и не соотвѣтствующимъ моимъ способностямъ. Едва я поздоровался съ Раевскимъ и нѣкоторыми пріятелями моими, какъ начались улыбки, полунасмѣшливые взгляды и вопросы на счетъ двухмѣсячныхъ трудовъ моихъ. Боже мой! какъ высоко цѣнили они свои переѣзды отъ одного обѣда на другой по Тарутинской позиціи! Иные давали мнѣ чувствовать, что нѣтъ никакой опасности дѣйствовать въ тылу непріятеля, другіе, что донесенія мои подвержены сомнѣнію; одни безмѣрно хвалили партизановъ прошедшихъ войнъ съ явнымъ намѣреніемъ хулить мои дѣйствія, нѣкоторые осуждали свѣтлѣйшаго за то, что даетъ мѣсто въ реляціяхъ дѣламъ недостойнымъ вниманія; словомъ, видно было, что имя мое, выставленное въ нѣкоторыхъ объявленіяхъ того времени, сильно кололо глаза людямъ, искавшимъ въ тѣхъ же объявленіяхъ своихъ именъ. Огражденный чистой совѣстью и росписками на 3560 рядовыхъ и 43 штабъ и оберъ-офицера, взятыхъ мною отъ 2 сентября до 23 октября (*), я самъ съ своей стороны смѣялся надъ моими недоброжелателями. Я желалъ лишь пользы Россіи, и чтобы каждый изъ нихъ могъ выручить имя свое изъ забвенія полученіемъ подобныхъ росписокъ.

(*) Атаманъ Платовъ прогремѣлъ въ Европѣ за подвиги, совершенные во время кампаніи 1807 года; предводительствуя отрядомъ, составленнымъ изъ полковъ: десяти казачьихъ, 1-го егерскаго, Павлоградскаго гусарскаго и 12 орудій Донской конной артиллеріи, онъ въ теченіи всей вышеозначенной кампаніи взялъ въ плѣнъ 139 штабъ и оберъ офицеровъ и 4,196 рядовыхъ. Соразмѣряя силу его отряда съ моею партіею, мнѣ слѣдовало бы взять лишь 700 рядовыхъ и 23 офицера. Отчего же число плѣнныхъ, взятыхъ моими двумя полками, почти равняется числу плѣнныхъ, взятыхъ двѣнадцатью полками атамана? Это потому только, что два полка мои дѣйствовали на сообщеніе непріятеля, а двѣнадцать полковъ атамана на фронтъ боевой его линіи.

Надѣливъ находившіяся тамъ голодныя войска отбитыми мною двумя стами штуками скота, я ночевалъ, не помню въ какой-то деревушкѣ, у генерала Раевскаго и передъ разсвѣтомъ выступилъ по направленію къ Красному

Я догналъ 1-го ноября на походѣ колонну генерала Дохтурова и графа Маркова, которые въ то время заѣзжали въ какой-то господскій домъ для привала. Намѣреваясь дать вскорѣ отдыхъ партіи моей, я указалъ Храповицкому на ближнюю деревню и приказалъ ему остановиться въ ней часа на два; я самъ заѣхалъ къ генералу Дохтурову, пригласившему меня на походный завтракъ.

Не прошло четверти часа времени, какъ Храповицкій прислалъ мнѣ казака съ извѣстіемъ, что свѣтлѣйшій меня требуетъ къ себѣ.

Я никакъ не полагалъ столкнуться съ главною квартирою въ этомъ направленіи, но такъ какъ заняться туалетомъ было нѣкогда, я сѣлъ на коня и явился немедленно къ фельдмаршалу.

Я нашелъ его въ избѣ. Передъ нимъ стояли Храповицкій и князь Кудашевъ. Увидя меня, свѣтлѣйшій подозвалъ къ себѣ и сказалъ: «я еще лично не знакомъ съ тобою, но прежде знакомства хочу поблагодарить тебя за твою службу.» Онъ обнялъ меня и прибавилъ: «удачные опыты твои доказали мнѣ пользу партизанской войны, которая нанесла, наноситъ и нанесетъ непріятелю много вреда.»

Я, пользуясь ласковымъ его пріемомъ, просилъ извиненія въ томъ, что осмѣлился предстать предъ нимъ въ мужицкой моей одеждѣ. Онъ отвѣчалъ мнѣ: «въ народной войнѣ это необходимо, дѣйствуй, какъ ты дѣйствуешь головою и сердцемъ; мнѣ нужды нѣтъ, что одна покрыта шапкой, а не киверомъ, а другое бьется подъ армякомъ, а не подъ мундиромъ. Всему есть время, и ты будешь въ башмакахъ на придворныхъ балахъ.»

Еще свѣтлѣйшій полчаса говорилъ со мною, распрашивалъ меня о способахъ, мною употребленныхъ для образованія сельскаго ополченія, объ опасностяхъ, въ какихъ я находился,

о мнѣніи моемъ на счетъ партизанскаго дѣйствія и пр., но въ это время вошелъ полковникъ Толь съ картою и бумагами и мы вышли изъ избы.

Я думалъ, что все кончено, и пошелъ обѣдать къ флигель-адъютанту графу Потоцкому—первѣйшему обжорѣ россійской арміи. Но едва успѣли мы сѣсть за столъ, какъ вошелъ въ избу лакей фельдмаршала и объявилъ мнѣ, что свѣтлѣйшій ожидаетъ меня къ столу. Я немедленно явился, и мы сѣли за столъ. Насъ было шесть человѣкъ: самъ свѣтлѣйшій (*), Коновницынъ, князь Кудашевъ, Толь, я недостойный и одинъ какой-то генералъ, котораго имя и лицо я забылъ. За обѣдомъ свѣтлѣйшій осыпалъ меня ласками, говорилъ о моихъ поискахъ, о стихахъ моихъ, о литературѣ вообще, о письмѣ, которое онъ въ тотъ день писалъ къ г-жѣ Сталь въ Петербургъ, спросилъ о моемъ отцѣ и о моей матери; отца онъ зналъ по его замѣчательному остроумію и разсказалъ нѣкоторыя остроты его, мнѣ даже неизвѣстныя; мать мою онъ не зналъ, но много говорилъ объ отцѣ ея, генералъ-поручикѣ Щербининѣ, который былъ намѣстникомъ трехъ губерній при Екатеринѣ. Послѣ обѣда я напомнилъ ему о моихъ подчиненныхъ; онъ отвѣчалъ мнѣ: «Богъ меня забудетъ, если я васъ забуду.» Онъ велѣлъ подать о нихъ записку. Я ковалъ желѣзо, пока горячо, и представилъ каждаго офицера къ двумъ награжденіямъ. Свѣтлѣйшій безпрекословно все подписалъ, и я, откланявшись ему, поѣхалъ въ корчму сего села, гдѣ ожидали меня партія моя и братъ мой Евдокимъ, котораго я не видалъ съ самаго Бородина.

Спустя два часа времени мы выступили въ Волково. Извѣщенный мною изъ-подъ Смоленска о рѣшительномъ направленіи всей французской арміи къ Красному, свѣтлѣйшій думалъ атаковать ее на маршѣ и направилъ армію къ окрестностямъ сего города.

(*) Князь Кутузовъ, отличавшійся необыкновеннымъ даромъ слова, не умѣлъ однако хорошо излагать на бумагѣ свои мысли.

Между 1-мъ и 4-мъ ноября расположеніе партизановъ было слѣдующее:

2-го графъ Орловъ-Денисовъ, соединясь со мною, коснулся корпуса Раевскаго въ Толстякахъ; мы продолжали путь въ Хилтичи, куда прибыли къ ночи. Отдохнувъ три часа, мы пошли къ Мерлину.

3-го отрядъ графа Ожаровскаго подошелъ къ Куткову, а партія Сеславина, усиленнная партіею Фигнера (*), къ Звѣровичамъ.

Сего числа, на разсвѣтѣ, разъѣзды наши дали знать, что пѣхотныя непріятельскія колонны тянутся между Никулинымъ и Стеснами. Мы помчались къ большой дорогѣ и покрыли нашею ордою все пространство отъ Аносова до Мерлина. Непріятель остановился, дабы дождаться хвоста колонны, спѣшившаго на соединеніе съ нимъ. Замѣтивъ сіе, графъ Орловъ-Денисовъ приказалъ намъ атаковать ихъ. Разстройство этой части непріятельской колонны было таково, что мы весьма скоро разбили ее, захвативъ въ плѣнъ генераловъ Альмераса и Бюрта, до двухъ сотъ нижнихъ чиновъ, 4 орудія и множество обоза. Наконецъ подошла старая гвардія, посреди коей находился самъ Наполеонъ. Это было уже за полдень. Мы вскочили на коней и снова явились у большой дороги. Непріятель, увидя шумныя толпы наши, взялъ ружье подъ курокъ и гордо продолжалъ путь, не прибавляя шагу. Сколько ни покушались мы оторвать хотя одного рядоваго отъ этихъ сомкнутыхъ колоннъ, но онѣ, какъ гранитныя, пренебрегая всѣми усиліями нашими, оставались невредимы. . . . я никогда не забуду свободную поступь и грозную осанку сихъ, всѣми родами смерти испытанныхъ, воиновъ. Осѣненные высокими медвѣжьими шапками, въ синихъ мундирахъ, бѣлыхъ ремняхъ, съ красными султанами и эполетами, они казались маковымъ цвѣтомъ среди снѣжнаго поля. Будь съ нами нѣсколько ротъ

(*) Фигнеръ еще не прибылъ въ то время изъ Петербурга, куда, какъ уже я сказалъ, онъ посланъ былъ курьеромъ съ донесеніемъ о дѣлѣ при Ляховѣ.

конной артиллеріи и вся регулярная кавалерія, Богъ знаетъ для чего при главной арміи слѣдовавшая, то врядъ ли эти колонны отошли бы съ столь малымъ урономъ, каковой они въ этотъ день потерпѣли.

Командуя одними казаками, мы жужжали вокругъ смѣнявшихся колоннъ непріятельскихъ, у коихъ отбивали отстававшіе обозы и орудія, иногда отрывали разсыпанные или растянутые по дорогѣ взводы, но колонны оставались невредимыми.

Видя, что всѣ наши азіятскія атаки не оказываютъ никакого дѣйствія противу сомкнутаго европейскаго строя, я рѣшился подъ вечеръ послать полкъ Чеченскаго впередъ, чтобы ломать мостики, находящіеся на пути къ Красному, завалівать дорогу и стараться затруднить по возможности движеніе непріятеля.

Я какъ теперь вижу графа Орлова-Денисова, гарцующаго у самой колонны на рыжемъ конѣ своемъ, окруженнаго моими ахтырскими гусарами и ординарцами лейбъ-гвардіи казачьяго полка. Полковники, офицеры, урядники, многіе простые казаки устремлялись на непріятеля, но все было тщетно. Колонны двигались одна за другою, отгоняя насъ ружейными выстрѣлами и издѣваясь надъ нашимъ вокругъ нихъ безполезнымъ наѣздничествомъ.

Въ теченіи этого дня мы еще взяли одного генерала (Мартушевича), множество обозовъ (*) и до 700 плѣнныхъ, но гвардія съ Наполеономъ прошла посреди толпы казаковъ нашихъ, какъ стопушечный корабль между рыбачьими лодками.

(*) Въ числѣ оныхъ взята была моими казаками карета г-на Феня съ картами топографическаго кабинета Наполеона, съ рукописями и съ бумагами. Къ несчастью, я узналъ о томъ вечеромъ; подошедъ къ бивачному огню, я увидѣлъ, что всѣ эти сокровища пылали въ кострѣ. Все, что я могъ спасти—это карта Россіи г. Самсона на бѣлой веленевой бумагѣ и визитныя карточки, съ которыми г. Фенъ намѣревался разъѣзжать по Москвѣ; я потому узналъ, что все сіе принадлежитъ ему.

Вечеромъ Храповицкій едва не попался въ плѣнъ двигавшейся близь дороги непріятельской кавалеріи, которую онъ принялъ за нашу; будучи весьма близорукъ, онъ подъѣхалъ къ самому фронту непріятельскому такъ близко, что могъ уже замѣтить мѣдные одноглавые орлы на киверахъ солдатъ и офицеровъ, и услыхать шопотъ ихъ. Онъ быстро бросился въ сторону; офицеры же стрѣляли по немъ изъ пистолетовъ, при чемъ ранили лошадь его, но такъ легко, что онъ успѣлъ невредимо перескочить, такъ сказать, чрезъ яръ, въ этомъ мѣстѣ находящійся, и присоединиться къ намъ. Здѣсь у Бекетова была убита лошадь и было ранено нѣсколько казаковъ.

Послѣ этого поиска мы отошли въ Хиличи, гдѣ графъ Орловъ Денисовъ сдалъ отрядъ свой присланному на его мѣсто генералъ-маіору Бороздину. Изъ Хиличи я пошелъ въ Палкино и послалъ сильный разъѣздъ къ Горкамъ съ повелѣніемъ пробираться въ Ланники, куда я направился. Въ самый день нашего дѣла подъ Мирлинымъ, Сеславинъ напалъ на Боево и Ляды, гдѣ отбилъ два магазина и взялъ многихъ въ плѣнъ, но въ ту же ночь Ожаровскій былъ разбитъ въ с. Кутковѣ. Это было справедливое наказаніе за безполезное удовольствіе глядѣть на двигавшіяся непріятельскія войска и послѣ этого ночевать въ верстѣ отъ Краснаго: генералъ Роге, командовавшій молодою гвардіею, подошелъ къ Куткову въ то самое время, когда отрядъ Ожаровскаго предавался невинному сну, и разбудилъ его сильными со всѣхъ сторонъ ружейными выстрѣлами. Можно вообразить себѣ сумятицу, которая произведена была этимъ внезапнымъ пробужденіемъ! Всѣ усилія самаго Ожаровскаго и полковника Вуича привести въ порядокъ дрогнувшія отъ страха и столпившіяся въ деревнѣ войска ихъ, были тщетны; къ счастію, Роге не имѣлъ съ собою кавалеріи, что̀ дозволило Ожаровскому, отступивъ въ Кутково, собрать отрядъ свой и привести его въ порядокъ, съ потерей половины людей.

А. В. Кокорева

Въ ночь на 4-е онъ прибылъ въ Палкино, откуда я выступилъ чрезъ Боево къ Лядамъ.

Около этого мѣста моя партія снова столкнулась съ Французами. Тогда подходилъ къ Лядамъ корпусъ вице-короля Италіянскаго. Потеря, понесенная имъ между Смоленскомъ и Краснымъ, дозволила намъ отбить большое число обозовъ и взять 475 плѣнныхъ, между коими находилось нѣсколько офицеровъ. Ночью на 6-е число, явились ко мнѣ въ Боево Вильманстрандскаго пѣхотнаго полка маіоръ Вансловъ и капитанъ Тарелкинъ, убѣжавшіе изъ плѣна, которые объявили мнѣ, что Наполеонъ при нихъ въѣхалъ въ Дубровну. Я отослалъ ихъ въ главную квартиру и въ три часа по полуночи выступилъ въ Ланники.

Отъ самой Вязьмы образъ нашей жизни совершенно измѣнился. Мы вставали въ полночь, обѣдали въ два часа по полуночи такъ плотно, какъ горожане обѣдаютъ въ два часа по полудни, и въ три часа выступали въ походъ.

Партія шла всегда вмѣстѣ, имѣя авангардъ, арріергардъ и еще одинъ отрядъ со стороны большой дороги, но всѣ сіи отдѣленія слѣдовали въ весьма близкомъ другъ отъ друга разстояніи. Я ѣхалъ между обоими полками иногда верхомъ, иногда въ пошевняхъ, которыя служили мнѣ ночью вмѣсто квартиры и кровати.

Когда непріятель не былъ виденъ, то за полчаса до наступленія темноты оба полка спѣшивались и отъ того приходили на ночлегъ съ выгулявшимися лошадьми, коихъ немедленно становили къ корму. По принятіи всѣхъ мѣръ предосторожности, мы немедленно ложились спать и во второмъ часу садились снова за трапезу, потомъ на конь и снова пускались въ погоню.

Кочевье на соломѣ подъ крышею неба! вседневная встрѣча со смертью, неугомонная жизнь партизанская! вспоминаю о васъ съ любовью и теперь, когда въ кругу семьи своей, пользуюсь полнымъ спокойствіемъ, наслаждаюсь всѣми удовольствіями жизни и весьма счастливъ! но отче-

го по временамъ я тоскую о той эпохѣ, когда голова кипѣла отважными замыслами и грудь, полная надеждъ, трепетала честолюбіемъ изящнымъ и поэтическимъ? . . .

По отступленіи непріятеля отъ Краснаго, размѣщеніе партизановъ было слѣдующее: отрядъ Бороздина, занявъ Ляды 7-го и Дубровну 8-го, шелъ къ Оршѣ. Отрядъ графа Ожаровскаго, пройдя возлѣ большой дороги отъ Нейкова до Казяковъ, обратился къ Горкамъ.

9-го Сеславинъ изъ селенія Грѣхова, что̀ около Корытни, шелъ по направленію къ Копысу. Какъ тотъ, такъ и другой, имѣли намѣреніе атаковать кавалерійское депо, о которомъ я узналъ только въ Ланникахъ чрезъ разъѣздныхъ, посланныхъ мною изъ Палкина въ Горки.

Въ ночь на 6-е число, разъѣздные мои, посланные въ селеніе Сыву, перехватили рапортъ на имя маршала Бертье отъ начальника означеннаго депо маіора Бланкара. Узнавъ о числѣ войскъ его изъ вѣдомости, приложенной при рапортѣ (*), я разсудилъ, что поиски, предпринимаемые партизанами противъ отступающихъ колоннъ главной арміи, не могутъ быть всегда удачны; нападеніе же на отдѣльную какую либо часть французской арміи, каково кавалерійское депо, надлежитъ произвести съ полною увѣренностью въ успѣхѣ, дабы тѣмъ лишить непріятельскую кавалерію лучшихъ всадниковъ, а генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ арміи—ихъ имущества.

Это понудило меня, во 1-хъ, отсрочить нападеніе на депо, которое было вчетверо сильнѣе моей партіи, во 2-хъ, отослать тотчасъ перехваченныя мною бумаги въ главную квартиру, подходившую тогда къ Раманову (въ 16 верстахъ отъ Ланниковъ), въ 3-хъ, просить у свѣтлѣйшаго одного полка пѣхоты и двухъ орудій на подкрѣпленіе и наконецъ, въ 4-хъ, употребить всѣ способы до прибытія требуемыхъ мною войскъ, дабы не потерять изъ виду означенное депо, и въ случаѣ

(*) Смот. Оправдат. стат. стран. 22, N 21.

движенія его за Днѣпръ, напасть на него съ тѣми средствами, какими я могъ располагать.

Въ ночь на 8-е число, расположенная мною по дорогѣ изъ Орши въ Горки засада, перехватила курьера и жида (*), посланныхъ отъ маршала Бертье къ Бланкару съ повелѣніемъ поспѣшно слѣдовать за Днѣпръ (**). Въ ту же минуту дали мнѣ знать, что одинъ изъ разъѣздовъ моихъ, слѣдовавшій изъ Савы къ Горкамъ, вступивъ безпрепятственно въ это мѣстечко, встрѣтилъ лишь здѣсь отрядъ графа Ожаровскаго; по извѣстіямъ, сообщеннымъ жителями, непріятель двинулся къ Копысу. Мы немедленно пустились, чрезъ Горяны и Бабиники, къ сему же городу.

На походѣ узналъ я, что депо прибыло въ Копысъ и заняло его, съ соблюденіемъ всей воинской предосторожности, половиннымъ числомъ пѣшихъ кавалеристовъ, дабы на слѣдующій день прикрыть ими переправу тягостей, охраняемыхъ другою половиною отряда. Это обстоятельство понудило меня скрытно остановиться въ 6 верстахъ отъ Копыса, при селѣ Сметанкѣ, съ намѣреніемъ предпринять нападеніе лишь по переправѣ половины депо чрезъ рѣку и тогда разбить по частямъ оба отдѣленія отряда. Днѣпръ не былъ еще покрытъ льдомъ, одни края его начинали слегка замерзать.

9-го по утру мы помчались къ Копысу. Почти половина депо была уже на противоположномъ берегу; другая же половина, остававшаяся на этой сторонѣ рѣки, намѣревалась сначала защищаться противъ вскакавшихъ въ главную улицу моихъ гусаръ и донскаго Попова 13 полка; но едва Чеченскій съ Бугскимъ полкомъ, пробравшись вдоль берега, явился въ тылу ея, среди города и у переправы, все поспѣшило бросать оружіе, рѣзать пристяжки у повозочныхъ лошадей и переправляться вплавь, гдѣ попало. Рѣка мгновенно покрылась плы-

(*) Этотъ жидъ имѣлъ на себѣ дубликатъ, ибо такое же повелѣніе несъ на себѣ другой жидъ, котораго перехватилъ Сеславинъ.

(**) См. Оправд. ст. стран. 24, N 22 и 23.

вущими и утопающими людьми и лошадьми; берега ея и самая рѣка были завалены фурами, каретами и колясками, въ улицахъ началась сильная рѣзня и погоня, а съ противнаго берега открыли по насъ сильный ружейный огонь. Желая дать время разсыпавшимся по городу казакамъ моимъ окончательно очистить улицы отъ непріятеля, я остановился съ резервомъ на площади у самаго берега и велѣлъ привести къ себѣ французскаго мера. По дошедшимъ до меня слухамъ, онъ, желая угодить Полякамъ, притѣснялъ и даже убивалъ нашихъ плѣнныхъ. Ко мнѣ привели какого-то рябаго и средняго роста человѣка; онъ чистымъ русскимъ языкомъ просилъ позволенія объясниться со мною; въ то же время жена его съ престарѣлой матерью своей, бросившись къ моимъ ногамъ, просила о его помилованіи. Такъ какъ пули осыпали насъ, я имъ сказалъ, что тутъ не ихъ мѣсто; я просилъ ихъ удалиться, давъ честное слово, что г. Поповъ (такъ звали сего мнимаго мера) ни мало не пострадаетъ, если будетъ обнаружена его невинность, но между тѣмъ до окончанія дѣла я приставилъ къ нему караулъ.

Вскорѣ наѣздники мои очистили городъ отъ непріятеля. Собравъ свои полки, я, не взирая на огонь съ противоположнаго берега, пустился двумя колоннами вплавь чрезъ Днѣпръ, стараясь при этомъ охватить справа и слѣва линію стрѣлковъ, защищавшихъ переправу. Мы еще не достигли берега, какъ большая часть изъ нихъ стала бросать оружіе и кричать, что они сдаются. Переправившись, я отрядилъ сотню казаковъ для забранія плѣнныхъ и тѣхъ, которые, скрывшись въ Александріи (*), бѣжали въ безпорядкѣ по столбовой Бѣлорусской дорогѣ. Вся партія моя пустилась въ погоню за депо, направленіе котораго указывали намъ брошенныя фуры, повозки и пѣшеходы, отставшіе отъ главной массы, заключавшей въ себѣ уже не болѣе двухъ сотъ пятидесяти рядовыхъ и офицеровъ; все прочее разбѣжалось по лѣсамъ и погибло въ

(*) Село, отдѣленное Днѣпромъ отъ Копыса.

рѣкѣ, будучи частью убито казаками, частью захвачено ими въ плѣнъ; этихъ послѣднихъ было до 600 рядовыхъ при 10 офицерахъ.

Прекративъ преслѣдованіе за нѣсколько верстъ отъ берега, я послалъ поручика Макарова съ 10 казаками по дорогѣ къ Толочину, а подполковника Храповицкаго съ 150-ю казаками къ Шклову; возвратившись съ остальною частью партіи въ Копысъ, я удостовѣрился, что г. Поповъ не только не исполнялъ должности мера, но даже во время пребыванія здѣсь непріятеля скрывался съ семьею своею въ лѣсахъ. Видя невинность сего чиновника, я поручилъ ему временное завѣдываніе городомъ и приказалъ ему по прежнему открыть магистратъ; я вскорѣ отыскалъ истиннаго мера, котораго отослалъ въ главную квартиру съ описаніемъ неистовствъ, какія онъ себѣ дозволялъ относительно русскихъ плѣнныхъ.

Чрезъ 2 часа прибылъ въ Копысъ казачій Шамшева полкъ съ 150 маріупольскими гусарами, подъ командою подполковника Павла Ржевскаго. Этотъ офицеръ извѣстилъ меня, что графъ Ожаровскій, не заставъ непріятеля въ Горкахъ и видя невозможность догнать его съ цѣлымъ отрядомъ, направилъ его къ Копысу; онъ самъ обратился къ Шклову, занимаемому, по дошедшимъ до него слухамъ, сильнымъ непріятельскимъ отрядомъ. Хотя я зналъ достовѣрно, что въ Шкловѣ было не болѣе 60 человѣкъ непріятеля, я не могъ чрезъ Ржевскаго не послать гр. Ожаровскому новыхъ желаній побѣдъ и славы, и тѣмъ чистосердечнѣе, что результатъ сраженія съ 60 человѣками не могъ быть сомнителенъ. Но увы! Ожаровскому не удалось пожать новыхъ лавровъ, ибо, когда 10 числа отрядъ его готовился уже переправляться черезъ Днѣпръ для того, чтобы атаковать Шкловъ, Храповицкій явился къ нему и объявилъ, что онъ еще наканунѣ занялъ это мѣстечко своими казаками, не встрѣтивъ никакого сопротивленія.

Спустя нѣсколько часовъ послѣ прибытія Ржевскаго въ Копысъ, прибылъ туда же и Сеславинъ. Онъ немедленно пере-

правился через Днѣпр и, простояв в Александріи до 11 числа, выступил оттуда чрез Староселье, Круглое и Кучу, вслѣд за французскою арміею.

Ожидая присоединенія отряда, посланнаго с поручиком Макаровым к Толочину, я был принужден пробыть в Копысѣ лишній день. Здѣсь мы разстались с мичманом Храповицким, титулярным совѣтником Татариновым, землемѣром Макаровичем и Өедором, приставшим ко мнѣ из Царева-Займища. Исполнив священный свой долг, они обратно пошли к себѣ на родину, на защиту которой столь славно вооружались. Исключая Храповицкаго, оба послѣдніе были бѣдные дворяне, а Өедор был лишь крестьянин; как много возвышаются они над потомками тѣх древних бояр, которые, прорыскав два мѣсяца по московскому бульвару с гремучими шпорами и с густыми усами, бѣжали из Москвы в отдаленныя губерніи! Пока достойные и незабвенные их соотчичи подставляли грудь свою штыку врагов отчизны, они, опрыскиваясь лишь духами, плясали там на могилѣ отечества и спокойно ожидали извѣстія о исходѣ войны! Нѣкоторые из этих безславных бѣглецов до сих пор воспоминают об этой ужасной эпохѣ, как о счастливѣйшем времени их жизни. Иначе оно и быть не может. Ка̀к дѣйствительному статскому совѣтнику забыть генеральскіе эполеты, а регистратору—усы и шпоры?

12-го я получил повелѣніе оставить прикомандированный ко мнѣ 11 егерскій полк на переправѣ при Копысѣ (*); я только из этой бумаги узнал, что, в слѣдствіе моей просьбы, полк этот был прикомандирован к моей партіи. Я с сожалѣніем передал ему полученное мною повелѣніе. Мы подходили к лѣсистым берегам Березины, гдѣ пѣхота была необходима, но ее у меня отняли, что̀ было дѣлать? Я прибѣгнул к прибывшему в город генералу Милорадовичу, который снабдил меня на время двумя

(*) См. Оправд. ст. стран. 25, N 24.

Bayerische Staatsbibliothek München

орудіями конной артиллеріи, чѣмъ мое положеніе нѣсколько поправилось.

Съ вышеупомянутой бумагой получилъ я другую слѣдующаго содержанія:

«Полагая генералъ-адъютанта Ожаровскаго весьма слабымъ, чтобы одному предпринять поиски на Могилевъ безъ генералъ-лейтенанта Шепелева, имѣете, ваше высокоблагородіе, немедленно присоединиться къ нему и состоять въ командѣ его до овладѣнія Могилевымъ. По овладѣніи же имъ, отдѣлясь отъ него, идти форсированными маршами къ мѣстечку Березинѣ, гдѣ остановиться, ибо вѣроятно около этого мѣста удастся вамъ многое перехватить и для того, прибывъ туда, отрядить партію въ сторону Бобра и Игумна.»

«Генералъ-лейтенантъ Коновницынъ.»

«11 ноября.»

«На маршѣ къ дер. Лещи.»

Эта бумага была мнѣ въ высшей степени непріятна. Я всегда былъ готовъ поступить подъ начальство всякаго, кого высшее начальство опредѣлило бы мнѣ въ начальники; скажу болѣе: подъ Ляховымъ и Мерлиномъ я самъ добровольно поступилъ въ команду къ графу Орлову-Денисову, ибо я видѣлъ въ томъ пользу службы, но тутъ обстоятельства были другаго рода; отрядъ графа Ожаровскаго былъ довольно силенъ для овладѣнія Могилевымъ, если бы даже этотъ городъ и не былъ оставленъ 9-го числа непріятельскимъ отрядомъ, состоявшимъ лишь изъ 1,200 человѣкъ польскихъ войскъ (*). Я ясно видѣлъ, что направленіе, данное мнѣ къ мѣстечку Нижнему Березину, и предписаніе наблюдать за непріятельскою арміею къ Бобру и Игумнамъ основывались на предположеніи, что она двинется къ Нижнему Березину и чрезъ это совершенно пре-

(*) Дивизіонный генералъ маркизъ Илорно или Алорно, Португалецъ родомъ, былъ губернаторомъ въ Могилевѣ, который онъ оставилъ 9-го ноября и отошелъ въ Бобръ.

кратится наше фланговое преслѣдованіе, принесшее намъ столько пользы; я, конечно, не въ состояніи былъ съ слабымъ моимъ отрядомъ преградить путь этой арміи. Рѣшась идти прямо на Шкловъ, Головино и Бѣлыничи, я объ этомъ заблаговременно извѣстилъ какъ графа Ожаровскаго, такъ и Коновницына, принявъ на себя отвѣтственность за ослушаніе.

13-го, къ ночи, партія моя прибыла въ Головнино, гдѣ мы узнали, что м. Бѣлыничи занято отрядомъ Польскихъ войскъ, прикрывающимъ госпиталь, прибывшій туда изъ Нижняго Березина, по случаю появленія близь этого мѣстечка отряда графа Орурка, отдѣленнаго отъ арміи Чичагова.

Мы 14-го, рано утромъ, выступили къ Бѣлыничамъ. На походѣ встрѣтили мы Ахтырскаго гусарскаго полка поручика Казановича, который, полагая край сей очищеннымъ отъ непріятеля, ѣздилъ изъ полка къ родителямъ своимъ для свиданія съ ними, и, во время двухдневнаго пребыванія своего у нихъ, видѣлъ, какъ въ домъ родительскій являлся нѣсколько разъ непріятель изъ Бѣлынича. Узнавъ о моемъ приближеніи къ этому мѣстечку, онъ сѣлъ на коня и поскакалъ ко мнѣ на встрѣчу, чтобы извѣстить о пребываніи непріятеля въ мѣстечкѣ.

Мѣстечко Бѣлыничи, принадлежащее князю Ксаверію Огинскому, лежитъ на возвышенномъ берегу Друцы, протекающей съ сѣвера къ югу. По дорогѣ отъ Шклова открывается плоское и обширное поле. За мѣстечкомъ существуетъ черезъ Друцу одинъ довольно длинный мостъ по той причинѣ, что берега ея болотисты. За мостомъ, на пути къ мѣстечку Есмонамъ, частые холмы, покрытые лѣсомъ; отъ Есмоновъ до Березины почти непрерывный лѣсъ.

Мы подвигались рысью; непріятельская кавалерія, выѣхавшая изъ Бѣлыничъ, была немедленно опрокинута подполковникомъ Храповицкимъ и маіоромъ Ченскимъ, вогнавшими ее въ мѣстечко, занятое двумя сильными батальонами пѣхоты. Увлекшись преслѣдованіемъ, они доскакали до мѣстечка, гдѣ

ихъ встрѣтили, какъ слѣдуетъ встрѣчать враговъ, когда имѣешь намѣреніе честно исполнить свой долгъ. Видя невозможность пробиться сквозь мѣстечко, я думалъ, что можно обойти его справа со стороны фольварка Фойны, но вскорѣ убѣдился, что, по причинѣ оттепели и болотистыхъ береговъ рѣки, мы встрѣтимъ здѣсь еще болѣе препятствій. Это побудило меня ворваться въ главную улицу. Чтобы облегчить это предпріятіе, я приказалъ открыть огонь изъ орудій вдоль по главной улицѣ. Непріятельская колонна разступилась на право и на лѣво, но, пользуясь искусно мѣстностію, она не переставала преграждать намъ путь частымъ ружейнымъ огнемъ, направленнымъ изъ-за избъ, плетней и заборовъ. Я, хотя и не легко прихожу въ отчаяніе, но тутъ не могъ не упасть духомъ. Тщетно старался я вытѣснить непріятеля изъ избранной имъ засады; люди и лошади наши, не будучи въ состояніи подвигаться, падали подъ смертоноснымъ огнемъ непріятеля. Я увидалъ предъ собой свой собственный аркольскій мостъ! Однако медлить было некогда; съ часу на часъ графъ Ожаровскій могъ прибыть изъ Могилева, и, при помощи своей пѣхоты, похитить у меня лавровый листокъ, за который уже я хватался рукой! Братъ мой Левъ (*), будучи моложе всѣхъ, былъ менѣе другихъ способенъ покориться необходимости. Онъ съ отборными казаками пустился вдоль улицы, и, не взирая на градъ пуль, осыпавшихъ его и казаковъ, съ нимъ скакавшихъ, ударилъ на резервъ, показавшійся въ срединѣ улицы, и погналъ его къ мосту. Но и это ни къ чему не послужило! Такъ какъ лошадь его была ранена двумя пулями, онъ нашелся вынужденнымъ возвратиться къ партіи, которой я съ трудомъ удерживалъ стремленіе; ибо ея обязанность состояла въ томъ, чтобы вытѣснить непріятеля изъ мѣстечка, а не проскакивать чрезъ село, сильно занятое непріятельскою пѣхотою.

(*) Онъ былъ тогда подпоручикомъ 26 егерскаго полка и адъютантомъ генерала Бахметева. Когда генералъ сей лишился ноги въ Бородинскомъ сраженіи, онъ присталъ къ генералу Раевскому, а потомъ служилъ въ моей партіи.

Между тѣмъ подполковникъ Храповицкій съ отрядомъ гусаръ и казаковъ, занявъ съ боя госпиталь и магазинъ, ожидалъ дальнѣйшаго приказанія. Я, къ счастію, по исполненіи даннаго ему порученія, не отозвалъ его назадъ, ибо прибывшій изъ отряда графа Ожаровскаго казачій полковникъ Шамшевъ, желая участвовать въ дѣлѣ, сталъ было уже занимать госпиталь и магазинъ отъ имени своего начальника. Храповицкій прогналъ его, какъ похитителя чужой добычи; покинувъ ихъ, Шамшевъ расположился съ своимъ полкомъ въ полѣ, не желая нисколько помогать намъ и содѣйствовать къ овладѣнію мѣстечкомъ.

Непріятель продолжалъ упорно защищаться въ главной улицѣ; я не могъ не отдать должной справедливости храбрости его. Горя желаніемъ истребить его до прибытія всего отряда графа Ожаровскаго,— полкъ Шамшева былъ его авангардомъ,— я рѣшился зажечь избы брандкугелями. Въ это время непріятель началъ собирать стрѣлковъ своихъ и выстраиваться въ колонну на улицѣ, чтобы начать отступленіе. Отказавшись отъ намѣренія зажечь избы, я немедленно приказалъ осыпать его картечью, что побудило его поспѣшить отступленіемъ изъ мѣстечка; онъ направился чрезъ мостъ по дорогѣ къ Эсмонамъ.

Давъ этой колоннѣ выйти въ поле, мы открыли по ней пальбу изъ орудій и обскакали ее со всѣхъ сторонъ. Командующій артиллеріею моею поручикъ Павловъ стрѣлялъ изъ одного орудія картечью, а изъ другаго ядрами и гранатами. Хвостъ непріятельской колонны сильно страдалъ отъ этой пальбы; но она, смыкаясь и отстрѣливаясь, мужественно продолжала свое отступленіе. Наконецъ, желая воспользоваться пересѣченнымъ мѣстоположеніемъ и отдѣлаться навсегда отъ насъ, хотя бы съ большимъ пожертвованіемъ, начальникъ колонны вывелъ въ цѣпь половину ея. Едва успѣли новые застрѣльщики выйти въ цѣпь, какъ командовавшій отборными казаками братъ мой Левъ ударилъ на нихъ изъ-за лѣса, и, обративъ ихъ въ бѣгство, взялъ въ плѣнъ подполковника, двухъ капитановъ и 96 рядовыхъ, остальныхъ же частью покололь,

а частью вогналъ обратно въ колонну, при чемъ запечатлѣлъ кровью своею этотъ отважный подвигъ (*). Какъ ни прискорбно было мнѣ видѣть брата моего жестоко раненымъ на полѣ битвы, но, побѣдивъ въ себѣ чувство родства и дружбы болѣе возвышеннымъ чувствомъ, я продолжалъ преслѣдованіе. Еще изъ с. Мокровичей я отрядилъ сотню казаковъ къ Эсмонамъ съ повелѣніемъ разобрать мостъ на рѣкѣ Осминѣ, сколько дозволитъ время, и потомъ, увидавъ приближеніе непріятеля, скрыться въ засадѣ, близь самой переправы. Я намѣревался сдѣлать рѣшительный натискъ у этого пункта и тѣмъ окончить бой, стоившій уже мнѣ весьма дорого. И подлинно, непріятель, подойдя къ Эсмонамъ, встрѣтилъ неожиданное для себя препятствіе; ружейный огонь засѣвшихъ у моста казаковъ послужилъ сигналомъ для нашего нападенія: мы со всѣхъ сторонъ атаковали непріятельскую колонну, изъ которой одна половина стала бросать оружіе, другая же, отстрѣливаясь изъза перилъ моста и изъ-за ивъ, растущихъ вокругъ него, успѣла перебросить нѣсколько досокъ, и, быстро переправившись чрезъ рѣку, отступила лѣсами къ Нижней Березинѣ.

Въ этомъ дѣлѣ мы овладѣли магазиномъ и госпиталемъ въ Бѣлыничахъ; въ первомъ найдено 400 четвертей ржи, 40 четвертей пшеницы, 200 четвертей гречи и 50 четвертей конопляника, а въ послѣднемъ взяли 290 человѣкъ больныхъ и 15 лекарей. Взятъ былъ и подполковникъ, 4 капитана и 192 рядовыхъ, весь обозъ и 180 ружей.

Я отдаю полную справедливость брату моему Льву, который былъ истиннымъ героемъ этого дѣла.

Возвратясь въ с. Мокровичи, я немедленно послалъ выбрать лучшихъ двухъ хирурговъ изъ 15 плѣненныхъ лекарей, и, приставивъ одного изъ нихъ къ брату, другаго къ раненымъ казакамъ, отправилъ 15-го весь этотъ караванъ въ Шкловъ.

(*) Онъ былъ раненъ въ лѣвую ляшку пулею, отъ которой освободился только въ 1818 году, что однако же не помѣшало ему участвовать съ честью въ компаніи 1813 и 1814 годовъ. Онъ умеръ генералъ-маіоромъ.

Грустно было мнѣ разставаться съ страдавшимъ братомъ и отпускать его въ край, разоренный и населенный Поляками, никогда не питавшими сожалѣнія ко всему тому, что̀ носило имя Русское! Къ тому же, еслибъ урядникъ Крючковъ не одолжилъ меня заимообразно 25 червонными, я былъ бы вынужденъ отказать брату и въ денежномъ пособіи, ибо казна моя и Храповицкаго никогда не превышала двухъ червонныхъ во все время нашихъ *разбоевъ*, потому что вся захваченная добыча обыкновенно дѣлилась между нижними чинами.

Я велѣлъ въ тотъ же день сдать подъ росписку пана Лепинскаго, управлявшаго имѣніемъ графа Огинскаго, отбитые нами у непріятеля магазинъ, госпиталь, ружья, обозъ и плѣнныхъ, и, пославъ рапортъ объ этомъ дѣлѣ въ главную квартиру, находившуюся въ Кругломъ, я выступилъ самъ по указанному мнѣ направленію.

Между тѣмъ на берегахъ Березины совершались громадныя событія. Наполеону, въ первый разъ испытавшему неудачу, угрожала здѣсь, по видимому, неизбѣжная гибель. Въ то время, какъ обломки нѣкогда грозной его арміи быстро слѣдовали къ Березинѣ, чрезъ которую имъ надлежало переправиться, сюда стремились съ разныхъ сторонъ три Русскія арміи и многіе отдѣльные отряды. Казалось, конечная гибель Французовъ была неминуема, казалось Наполеону суждено было здѣсь либо погибнуть съ своею арміею, либо попасться въ плѣнъ. Но судьбѣ угодно было здѣсь еще разъ улыбнуться своему прежнему баловню, котораго присутствіе духа и рѣшительность возрастали по мѣрѣ увеличенія опасности. Съ трехъ сторонъ спѣшили къ Березинѣ Чичаговъ, Виттенштейнъ, Кутузовъ, и отряды Платова, Ермолова, Милорадовича, Розена и другіе. Армія Чичагова, которую Кутузовъ полагалъ силою въ 60,000 человѣкъ, заключала въ себѣ лишь 31,000 чел., изъ которыхъ около 7,000 кавалеріи; она была ослаблена отдѣленіемъ Сакена съ 27,000 челов. противъ Шварценберга и неприбытіемъ Эртеля съ 15,000 чел., отговаривавшагося незнаніемъ, слѣдовать

ли ему съ одной пѣхотой или вмѣстѣ съ кавалеріею. Грустно думать, что, въ столь тяжкое для Россіи время, могли въ ней встрѣчаться генералы, столь легко забывающіе священныя обязанности свои относительно отечества. Чичаговъ, занимая правый берегъ Березины, господствующій надъ лѣвымъ, долженъ былъ наблюдать большое пространство по теченію рѣки, близь которой мѣстность была весьма пересѣчена и болотиста. Армія Витгенштейна слѣдовала также по направленію къ Березинѣ; утомленная, по видимому, одержанными успѣхами, она подвигалась медленно и нерѣшительно. Мужественный, но недальновидный защитникъ Петрополя, гордившійся одержаніемъ побѣды въ какихъ-то 10-ти генеральныхъ сраженіяхъ, былъ совершенно обманутъ Французскимъ генераломъ Legrand. Въ одномъ изъ донесеній Витгенштейна сказано, что противъ него находилась дивизія стрѣлковъ; это были лишь стрѣлки, вызванные изъ пѣхотной дивизіи. Генералъ Legrand, ослабленный отдѣленіемъ значительныхъ силъ, соединившихся съ Наполеономъ, отступилъ весьма искусно отъ Чашниковъ и Череи. Если бы Витгенштейнъ преслѣдовалъ его дѣятельно и тѣснилъ бы Французовъ не ощупью и не такъ слабо, Legrand, имѣя лишь весьма мало пѣхоты, могъ бы быть совершенно истребленъ или, по крайней мѣрѣ, значительно ослабленъ. Витгенштейнъ долженъ былъ понять, что развязка кровавой драмы должна была воспослѣдовать на берегахъ Березины, а потому онъ долженъ былъ, уничтоживъ, или, по крайней мѣрѣ, значительно ослабивъ войска Legrand, быстро двинуться къ этой рѣкѣ. Въ послѣдствіи Витгенштейнъ увѣрялъ, что онъ лишь потому не соединился съ войсками адмирала, что ему надлежало преслѣдовать Баварцевъ, которые, какъ извѣстно, выступили изъ окрестностей Полоцка (*). Прибывъ весьма поздно съ однимъ своимъ шта-

(*) Графъ Витгенштейнъ обязанъ былъ взятіемъ Полоцка ополченію, коимъ предводительствовалъ Д. Ст. Совѣтн. Мордвиновъ, которому здѣсь непріятельское ядро раздробило ногу. Уже было послано войскамъ приказаніе отступать, но ратники воспротивились и Витгенштейнъ, вынужденный ихъ поддержать, овладѣлъ городомъ.

бомъ въ Борисовъ, Витгенштейнъ обнаружилъ въ послѣдствіи большую нерѣшительность относительно войскъ Виктора, которыя, послѣ переправы Наполеона чрезъ Березину, могли быть легко уничтожены. Между тѣмъ, князь Кутузовъ писалъ адмиралу изъ Копыса отъ 13 ноября за № 562: «если Борисовъ занятъ непріятелемъ, то вѣроятно, что оный, переправясь чрезъ Березину, пойдетъ прямѣйшимъ путемъ къ Вильнѣ, идущимъ чрезъ Зембино, Плещеницы и Вилейку. Для предупрежденія сего необходимо, чтобы ваше высокопревосходительство заняли отрядомъ дефилею при Зембинѣ, въ коей удобно удержать можно гораздо превосходнѣйшаго непріятеля. Главная наша армія отъ Копыса пойдетъ чрезъ Староселье, Цегержинъ, къ мѣстечку Березинѣ, во 1-хъ для того, чтобы найти лучше для себя продовольствіе, а во 2-хъ, чтобы упредить онаго, если бы пошелъ отъ Бобра чрезъ Березино на Игуменъ, чему многія извѣстія даютъ поводъ къ заключеніямъ.» Кутузовъ съ своей стороны, избѣгая встрѣчи съ Наполеономъ и его гвардіей, не только не преслѣдовалъ настойчиво непріятеля, но, оставаясь почти на мѣстѣ, находился во все время значительно позади. Это не помѣшало ему однако извѣщать Чичагова о появленіи своемъ на хвостѣ непріятельскихъ войскъ. Предписанія его, означенныя задними числами, были потому поздно доставляемы адмиралу; Чичаговъ дѣлалъ не разъ весьма строгіе выговоры курьерамъ, отвѣчавшимъ ему, что они, будучи посланы изъ главной квартиры гораздо позднѣе чиселъ, выставленныхъ на предписаніяхъ, прибывали къ нему въ свое время. Пока князь Кутузовъ оставался въ Копысѣ и его окрестностяхъ, Наполеонъ, усиленный войсками Виктора, Удино и остатками отряда Домбровскаго, подошелъ къ Березинѣ. Множество примѣровъ изъ исторіи убѣждаютъ насъ въ невозможности открытою силою воспрепятствовать непріятелю совершить переправу чрезъ рѣку, но затруднить ее по возможности всегда во власти военачальника противной арміи. Чичаговъ, которому приходилось наблюдать оп теченію Березины на разстояніи 80 верстъ отъ Веселова

до Нижней Березины, былъ введенъ въ заблужденіе слѣдующими обстоятельствами: дѣйствіемъ Удино, расположившаго свои посты на 30-ти верстномъ пространствѣ выше и ниже Борисова и занявшаго отрядомъ Ухолоды, гдѣ дѣлались приготовленія для переправы, извѣстіями о приближеніи Австрійцевъ со стороны Сморгони и, наконецъ, намеками Кутузова, убѣжденнаго, что Наполеонъ направится къ Нижней Березинѣ. Все это побудило Чичагова двинуться къ Шабашевичамъ. Между тѣмъ Наполеонъ подъ прикрытіемъ сорока пушечной батареи, устроенной близь Студенокъ въ узкомъ мѣстѣ рѣки, благополучно переправился чрезъ нее. Слабый авангардъ Чаплица, не будучи въ состояніи оказать сопротивленія непріятелю, отступилъ къ Стахову; двинувшись одинъ къ Зембину, этотъ авангардъ отдѣлился бы отъ прочихъ частей арміи и былъ бы неминуемо истребленъ.

Удино, переправившись во главѣ французской арміи и расположившись между Брилемъ и Стаховымъ, занялъ небольшимъ отрядомъ Зембинское дефиле. Чаплицъ, слабо подкрѣпленный Чичаговымъ, котораго 6 гренадерскихъ батальоновъ остались далеко назади, не могъ даже развернуть всѣхъ силъ своихъ, такъ что одна артиллерійская рота стрѣляла чрезъ головы другихъ. Чичаговъ, выславъ Сабанѣева съ войсками къ Стахову, приказалъ изнуреннымъ отрядамъ Ермолова и Платова стать тамъ же въ резервѣ. Завязался въ лѣсу кровопролитный, но безполезный бой; французская кавалерія яростно атаковала нашу пѣхоту, при чемъ мужественный князь Щербатовъ едва не былъ взятъ въ плѣнъ. Вмѣсто ошибочнаго движенія на Игуменъ, Чичагову надлежало, занявъ центральный пунктъ, выслать вверхъ и внизъ по рѣкѣ отряды для открытія непріятеля; движеніе на Игуменъ ни чѣмъ не можетъ быть оправдано. Что касается другихъ обвиненій, такъ на примѣръ, относительно порчи частей въ Зембинскомъ дефиле, Чичаговъ (*) въ этомъ мало виноватъ; имъ былъ посланъ съ

(*) Адмиралъ Чичаговъ, названный Наполеономъ cet imbecile d'amiral, былъ весьма уменъ, остеръ и изъяснялся весьма хорошо и чисто на французскомъ

атаманскимъ казачьимъ полкомъ Кайсаровъ, которому было строго предписано испортить всѣ гати этого дефиле. Кайсаровъ поднялся вверхъ по рѣкѣ Гайнѣ на разстояніи около 20

и англійскомъ языкахъ. Управленіе его морскимъ министерствомъ было ознаменовано тремя подвигами: истребленіемъ части Балтійскаго флота (по мнѣнію нѣкоторыхъ была уничтожена лишь самая гнилая и негодная часть флота) какъ безполезнаго для Россіи, потому что Зундъ принадлежитъ Даніи, испрошеніемъ адмиралу Сенявину ордена св. Александра Невскаго вмѣсто св. Георгія 2 класса за побѣду при Тенедосѣ, гдѣ имъ было выказано болѣе мужества, чѣмъ искусства, и перемѣною покроя морскаго мундира. Оставивъ министерство, онъ долго жилъ за границей, и по возвращеніи своемъ, онъ былъ посланъ въ Молдавію; негодуя на свѣтлѣйшаго, лишившаго его чести подписать миръ съ Турками, онъ обнаружилъ нѣкоторыя злоупотребленія князя во время командованія его Молдавскою арміею. Онъ вознамѣрился (по мнѣнію нѣкоторыхъ въ слѣдствіе особаго приказанія) сдѣлать диверсію 500,000-й арміи Наполеона, подступавшей уже къ Москвѣ, движеніемъ своимъ чрезъ Кроацію и Боснію въ Италію; онъ для этой цѣли остановился въ Яссахъ, гдѣ, какъ говорятъ, приказалъ убить нѣсколько тысячъ воловъ, изъ которыхъ ему хотѣлось сдѣлать бульонъ на армію. Въ арміи Чичагова господствовала строгая дисциплина, далеко превосходящая ту, которая существовала въ арміи Витгенштейна. Во время обѣда, даннаго Чичаговымъ въ Борисовѣ, авангардъ его подъ начальствомъ графа Павла Палена, выставленный въ Нѣманицѣ, былъ опрокинутъ войсками Домбровскаго, которыя преслѣдовали нашихъ до самаго города; всѣ устремились къ единственному мосту, гдѣ столпились въ страшномъ безпорядкѣ. Къ счастію непріятель, пришедшій самъ въ разстройство, не могъ довершить пораженія; однако нѣсколько орудій, много обозовъ, и серебряный сервизъ адмирала достались ему въ руки. Когда Чичаговъ вернувшись изъ Игумена, рѣшился атаковать Французовъ, онъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, обратясь къ своему начальнику штаба Ивану Васильевичу Сабанѣеву (отлично-способному генералу, котораго Ермолову удалось въ послѣдствіи оправдать въ глазахъ Императора Александра, почитавшаго его пьяницей), сказалъ ему: „Иванъ Васильевичъ, я во время сраженія не умѣю распоряжаться войсками, примите команду и атакуйте непріятеля." Сабанѣевъ атаковалъ Французовъ, но былъ ими разбитъ по причинѣ несоразмѣрности въ силахъ.

Военный писатель, генералъ Водонкуръ, человѣкъ весьма умный, но не храбрый, знавшій отлично теорію военнаго искусства до перваго выстрѣла и пользовавшійся долго гостепріимствомъ Чичагова, написалъ ему похвальное слово. Генералъ Гильемино, человѣкъ глубокихъ свѣдѣній, яснаго ума и блистательной храбрости, бывшій начальникомъ штаба 4 италіанскаго корпуса, артиллеріею котораго командовалъ Водонкуръ, говорилъ мнѣ, что онъ во время сраженія никогда не могъ отыскать Водонкура для передачи ему приказаній.

верстъ, съ намѣреніемъ приступить къ порчѣ гатей съ тыла; глубокія и топкія мѣста, окружающія Гайну, никогда въ самую суровую зиму не замерзающія, не дозволили ему привести это предпріятіе въ исполненіе. Еслибъ оно удалось, Наполеонъ нашелся бы вынужденнымъ обратиться на Минскъ, которымъ бы вскорѣ неминуемо овладѣлъ. Обладаніе этимъ городомъ было для насъ и для Французовъ дѣломъ первостепенной важности; здѣсь были найдены нами богатые магазины съ запасами, привезенными изъ Франціи, которыми наша армія воспользовалась. Наполеонъ, овладѣвъ Минскомъ, могъ бы здѣсь остановиться и дать время своимъ войскамъ сосредоточиться и отдохнуть. Князь Кутузовъ, не желая, вѣроятно, подвергать случайностямъ исходъ кампаніи, принявшей для насъ столь благопр'ятный оборотъ, и постоянно опасавшійся даже близкаго сосѣдства съ Наполеономъ и его гвардіею, не р'шился бы, безъ сомнѣнія, его здѣсь атаковать. Неизвѣстно, какой бы въ этомъ случаѣ оборотъ приняли дѣла? Хотя я врагъ правила, предписывающаго строить золотой мостъ отступающему непріятелю; но здѣсь обстоятельства вынуждали насъ не затруднять Наполеону движенія чрезъ Зембинское дефиле по слѣдующимъ причинамъ: во 1-хъ, арміи, которымъ надлежало соединиться на Березинѣ для совокупной атаки, были весьма разобщены, и притомъ онѣ не были, по видимому, расположены оказать дѣятельное содѣйствіе одна другой, въ слѣдствіе непріязни и зависти, существовавшей между военачальниками; Витгенштейнъ не хотѣлъ подчиниться Чичагову, котораго въ свою очередь ненавидѣлъ Кутузовъ за то, что адмиралъ обнаружилъ злоупотребленія князя во время его командованія Молдавской арміей. Во 2-хъ, Наполеонъ, занимая центральный пунктъ относительно нашихъ армій, имѣлъ подъ руками 80,000 человѣкъ; онъ могъ легко раздавить любую армію, которая, не будучи поддержана другими, рѣшилась бы преградить ему дорогу. Наконецъ, Французы, сознавая вполнѣ свое гибельное положеніе и не взирая на понесенныя страшныя потери, обнаружили здѣсь отчаянное мужество. Отрядъ Ермолова пере-

шелъ, вопреки приказанію Кутузова, Днѣпръ близъ Дубровны, по сожженному мосту, на полуобгорѣвшія сваи котораго были набросаны доски, которыя были перевязаны веревками. Спутанныя лошади перетаскивались съ величайшимъ затрудненіемъ по этому мосту съ помощью веревокъ, привязанныхъ за хвосты. Переправившись чрезъ Днѣпръ, Ермоловъ встрѣтилъ жида съ донесеніемъ Витгенштейна свѣтлѣйшему; прочитавъ его, Ермоловъ писалъ отсюда Кутузову: «Я изъ этого донесенія заключаю, что непріятель кругомъ обманулъ графа Витгенштейна, который потому отстанетъ отъ него, по крайней мѣрѣ, на $1^1/_2$ марша.» Прибывъ въ Лошницы, Ермоловъ чрезъ адъютанта Чичагова Лисаневича получилъ приказаніе поспѣшить къ Березинѣ. Совершивъ почти два перехода въ одни сутки, онъ прибылъ въ Борисовъ, гдѣ представлялся графу Витгенштейну, который съ гордостью говорилъ ему о выигранныхъ имъ 10 сраженіяхъ. Этотъ разсказъ мужественнаго защитника Петрополя былъ прерванъ неумѣстными апплодисментами гвардіи поручика О., извѣстнаго въ послѣдствіи по своимъ военнымъ сочиненіямъ. Это можетъ служить мѣриломъ той дисциплины, которая господствовала въ войскахъ этого генерала. Умный, благородный и почтенный генералъ И. М. Бѣгичевъ, бывшій начальникомъ артиллеріи при взятіи Праги въ 1794 г., и называвшій графа Аракчеева въ эпоху его могущества графомъ Огорчеевымъ, увидавъ здѣсь Ермолова, закричалъ ему, не взирая на присутствіе Витгенштейна и его штаба: «Мы ведемъ себя, какъ дѣти, которыхъ надлежитъ сѣчь; мы со штабомъ здѣсь, и то гораздо позднѣе, чѣмъ слѣдовало, а армія наша двигается, Богъ знаетъ гдѣ, какими то линіями.» Ермоловъ, явившись къ Чичагову, рѣшился подать ему совѣтъ не портить Зембинскаго дефиле; онъ говорилъ, что по свойству мѣстности, ему смолоду хорошо извѣстной, это почти неудобоисполнимо, по причинѣ болотъ и топей, окружающихъ рѣчку Гайну, но, еслибъ и удалось испортить нѣкоторыя, болѣе доступныя гати, то онѣ отъ дѣйствія мороза не могли бы затруднить движеніе непріятеля, который, не будучи обремененъ тяжестями, могъ

легко по нимъ слѣдовать; во вторыхъ, адмиралу, котораго армія была вдвое слабѣе того, чѣмъ ее полагалъ князь Кутузовъ, не возможно было одному, безъ содѣйствія арміи князя и Витгенштейна, бывшихъ еще далеко позади, преградить путь Наполеону. Чичагову пришлось бы выдержать напоръ 80,000-й непріятельской арміи на мѣстности лѣсистой, болотистой и весьма невыгодной для принятія боя. На этой мѣстности, въ особенности совершенно неудобной для дѣйствія кавалеріи, онъ могъ противопоставить Наполеону лишь 20,000 чел. пѣхоты; французы же, понимая, что залогъ спасенія заключался для нихъ лишь въ отчаянномъ мужествѣ, стали бы сражаться, какъ львы. Наконецъ, присовокупилъ онъ, если даже удастся испортить дефиле, Наполеонъ будетъ вынужденъ обратиться на Минскъ, магазины котораго были для нашей арміи необходимы. Наполеону, сохранявшему присутствіе духа въ самыхъ трудныхъ случаяхъ, удалось, послѣ переправы чрезъ Березину, благополучно пройти чрезъ дефиле; лишь слѣдовавшія позади французскія войска были застигнуты нашими. Взятіе этихъ войскъ, входившихъ въ составъ Полоцкаго корпуса, свидѣтельствовало не въ пользу графа Витгенштейна; это ясно доказывало, что они своимъ присутствіемъ здѣсь обязаны лишь слабому преслѣдованію этого генерала. Еслибъ Витгенштейнъ былъ проницательнѣе и преслѣдовалъ непріятеля съ большею настойчивостью, если бы Кутузовъ обнаружилъ болѣе предпріимчивости и рѣшительности, и оба они, соображаясь съ присланнымъ изъ Петербурга планомъ, направили поспѣшнѣе свои войска къ Березинѣ, еслибъ Чичаговъ не совершилъ своего движенія на Игуменъ, былъ въ свое время усиленъ войсками Эртеля и поспѣшилъ къ Студенцу, не ожидая дальнѣйшихъ извѣстій со стороны Нижней Березины; — количество плѣнныхъ могло быть несравненно значительнѣе; быть можетъ, берега Березины содѣлались бы гробницей Наполеоновой армады, быть можетъ, въ числѣ плѣнныхъ находился бы онъ самъ. . . . Какая слава озарила бы насъ Русскихъ? Она была бы достояніемъ одной

Россіи, но уже не цѣлой Европы. Впрочемъ, хвала Провидѣнію и за то, что оно, благословивъ усилія наши, видимо содѣйствовало намъ въ изгнаніи изъ нѣдръ Россіи новѣйшихъ Ксерксовыхъ полчищь, предводимыхъ величайшимъ полководцевъ всѣхъ временъ. Мы, современники этихъ великихъ событій, справедливо гордящіеся своимъ участіемъ въ оныхъ, мы, болѣе чѣмъ кто либо, должны воскликнуть: «не намъ, не намъ, а имени Твоему!» Ермоловъ, очевидецъ Березинскихъ событій, представилъ свѣтлѣйшему записку, въ которой имъ были рѣзко изложены истинныя, по его мнѣнію, причины благополучнаго отступленія Наполеона. Онъ поднесъ ее во время пріѣзда въ Вильну князя, сказавшаго ему при этомъ случаѣ: «голубчикъ, подай мнѣ ее, когда у меня никого не будетъ.» Эта записка, переданная князю вскорѣ послѣ того и значительно оправдывавшая Чичагова, была, вѣроятно, умышленно затеряна свѣтлѣйшимъ. Всѣ въ арміи и въ Россіи порицали и порицаютъ Чичагова, обвиняя его одного въ чудесномъ спасеніи Наполеона. Онъ безспорно сдѣлалъ непростительную ошибку, двинувшись на Игуменъ; но здѣсь его оправдываетъ: 1.) отчасти предписаніе Кутузова, указавшаго на Игуменъ, какъ на пунктъ, чрезъ который Наполеонъ будто бы намѣревался непремѣнно слѣдовать; 2.) если бы даже его армія не покидала позиціи, на которой оставался Чаплицъ, несоразмѣрность его силъ относительно французовъ не позволяла ему рѣшительно хотя нѣсколько задержать превосходнаго во всѣхъ отношеніяхъ непріятеля, покровительствуемаго огнемъ сильныхъ батарей, устроенныхъ на лѣвомъ берегу рѣки; къ тому же, въ составъ арміи Чичагова, ослабленной отдѣленіемъ наблюдательныхъ отрядовъ по теченію Березины, входили 7,000 человѣкъ кавалеріи, по свойству мѣстности ему совершенно здѣсь безполезной; въ 3.) если Чаплицъ, не будучи въ состояніи развернуть всѣхъ своихъ силъ, не могъ извлечь пользы изъ своей артиллеріи, то тѣмъ болѣе армія Чичагова не могла, при этихъ мѣстныхъ условіяхъ, помышлять о серьозномъ сопротивленіи Наполеону, одно имя ко-

тораго, производившее обаятельное на всѣхъ его современниковъ дѣйствіе, стоило цѣлой арміи. Относительно порчи гатей въ Зембинскомъ дефиле, онъ виноватъ тѣмъ, что поручилъ это дѣло Кайсарову, а не офицеру болѣе предпріимчивому и болѣе знакомому съ свойствами мѣстности; но такъ какъ это предпріятіе могло имѣть невыгодныя для насъ послѣдствія, оно потому не можетъ служить къ обвиненію адмирала, который, будучи морякомъ, не имѣлъ достаточной опытности для командованія сухопутными войсками. Изъ всего этого я вывожу слѣдующее заключеніе: еслибъ Чичаговъ, испортивъ гати Зембинскаго дефиле, остался съ главною массою своихъ войскъ на позиціи, насупротивъ которой Наполеонъ совершилъ свою переправу, онъ не возбудилъ бы противу себя незаслуженныхъ нареканій и неосновательныхъ воплей своихъ соратниковъ, соотчичей и потомковъ, незнакомыхъ съ сущностью дѣла; но присутствіе его здѣсь не могло принести никакой пользы общему дѣлу, ибо, по всѣмъ вышеизложеннымъ причинамъ, Чичагову невозможно было избѣжать полнаго пораженія или совершеннаго истребленія своей арміи, что̀ было бы для насъ, по обстоятельствамъ того времени, вполнѣ невыгодно̀ и весьма опасно. Наполеонъ понесъ бы, безъ сомнѣнія, въ этомъ случаѣ несравненно большую потерю; но она была бы, во всякомъ случаѣ, ничтожна въ сравненіи съ тою, которой Россія была въ правѣ ожидать отъ своевременнаго прибытія трехъ армій къ берегамъ Березины. Хотя Наполеонъ, съ остатками своего нѣкогда грознаго полчища, поспѣшно отступалъ предъ нашими войсками, однако могущество этого гиганта было далеко еще не потрясено. Вѣра въ его непобѣдимость, слегка поколебленная описанными событіями, существовала еще во всей западной Европѣ, не дерзавшей еще возстать противъ него. Наша армія, послѣ понесенныхъ ею трудовъ и потерь, была весьма изнурена и слаба; ей были необходимы сильныя подкрѣпленія для того, чтобы съ успѣхомъ предпринять великое дѣло освобожденія Европы, главное бремя котораго должно было пасть на Россію. Намъ потому, ни въ какомъ случаѣ, не

слѣдовало жертвовать арміей Чичагова для цѣли гадательной и, по стеченію обстоятельствъ, не обѣщавшей даже никакой пользы. Въ то время и даже донынѣ всѣ и во всемъ безусловно обвиняли злополучнаго Чичагова, который, будучи весьма умнымъ человѣкомъ, никогда не обнаруживалъ большихъ военныхъ способностей; одинъ Ермоловъ съ свойственною ему рѣшительностью, къ крайнему неудовольствію всемогущаго въ то время Кутузова и графа Витгенштейна, смѣло оправдывалъ его, говоря, что отвѣтственность за чудное спасеніе Наполеона должна пасть не на одного Чичагова, а и на прочихъ главныхъ вождей, коихъ дѣйствія далеко не безупречны. Чичаговъ поручилъ генералу Чаплицу благодарить Ермолова за то, что онъ, вопреки общему мнѣнію, рѣшился его оправдывать. Хотя Наполеонъ, благодаря своему необыкновенному присутствію духа и стеченію многихъ благопріятныхъ обстоятельствъ, избѣжалъ окончательнаго пораженія, а можетъ быть, и плѣна, но тѣмъ не менѣе нельзя не удивляться превосходно соображенному плану, на основаніи котораго 3 арміи должны были, соединившись одновременно на Березинѣ, довершить здѣсь гибель непріятеля. Хотя успѣхъ и не увѣнчалъ этого достойнаго удивленія плана, однакожъ не увѣнчалъ по обстоятельствамъ, совершенно независившимъ отъ сочинителей, которые, при составленіи его, обнаружили необыкновенную дальновидность и прозорливость. Они могли утѣшить себя мыслію, что исторія представляетъ не мало примѣровъ тому, что самыя превосходныя предначертанія не были приведены въ исполненіе лишь въ слѣдствіе ничтожнѣйшихъ обстоятельствъ.

16-го числа дошелъ до меня первый слухъ о переходѣ непріятеля чрезъ Березину (*) и я, извѣстивъ немедленно о томъ

(*) Такъ какъ переправа совершилась 16 числа, то можетъ казаться сверхъестественнымъ, чтобы я могъ узнать объ ней въ тотъ же день, тѣмъ болѣе, что я находился во 100 верстахъ отъ Французской арміи. Я другой на это причины не полагаю, какъ то, что переправа началась 14-го въ 8 часовъ утра, а какъ извѣстіе о томъ дошло до меня чрезъ жителей, которые, увидѣвъ мостъ и десять человѣкъ уже на противуположномъ берегу, заключили, что переправа совершена была Французами съ успѣхомъ; они распространили слухъ о переходѣ всей непріятельской арміи, что̀ и дошло до меня.

фельдмаршала, остановился въ ожиданіи дальнѣйшихъ отъ него повелѣній. Я полагалъ, что хотя бы дошедшее до меня извѣстіе о переправѣ и было бы несправедливо, это, по крайней мѣрѣ, ясно доказывало, что непріятель обратился уже не на Нижнее Березино, чего сначала ожидали, а прямо на Борисовъ, потому направленіе мое къ Нижнему Березину ни къ чему болѣе служить не могло. Разсчетъ мой былъ вѣренъ, ибо 16-го къ вечеру я получилъ отъ генералъ-квартирмейстера полковника Толя письмо слѣдующаго содержанія.

«Нужно увѣдомить васъ о взаимномъ положеніи обѣихъ армій: Чичаговъ 9-го числа въ Борисовѣ, авангардъ его подъ командою графа Ламберта разбилъ на голову Домбровскаго. Витгенштейнъ послѣ пораженія Виктора, который шелъ на соединеніе съ Бонапартомъ, находится въ Баранахъ, что на дорогѣ отъ Лепеля къ Баркову, авангардъ нашъ подъ командою Милорадовича въ Бобрахъ, а Платовъ въ Крупкахъ. Главная наша армія сегодня выступаетъ въ Сомры (на картѣ Хомры), малый авангардъ оной подъ командой Васильчикова въ Ухвалы. Съ своей стороны вся французская армія на походѣ къ Борисову. Вы очень хорошо сдѣлаете, если немедленно, какъ можно поспѣшнѣе, займете Озятичи и откроете лѣсную дорогу отъ сего селенія къ Борисову. Желательно, чтобы сей пунктъ былъ занятъ тщательнѣе, такъ какъ и селеніе Чернявка, изъ коей пошлите разъѣздъ на большую Борисовскую дорогу.»

«Орловъ посланъ со стапятидесятью казаками къ Чичагову; постарайтесь открыть съ нимъ сообщеніе; вы тѣмъ угодите фельдмаршалу. Всѣ ваши храбрые будутъ награждены.»

«Карлъ Толь.» (*)

«На походѣ въ Сомры 16 ноября.»

(*) Полковникъ Толь, добрымъ расположеніемъ котораго я всегда пользовался, былъ человѣкъ съ замѣчательными способностями и большими свѣдѣніями. Онъ получилъ воспитаніе въ одномъ изъ кадетскихъ корпусовъ во время командованія ими Михаила Иларіоновича Кутузова, покровительствомъ котораго онъ всегда пользовался. Во время отечественной войны онъ былъ

Я увидѣлъ изъ этого письма, какъ разобщены были Витгенштейнъ и Чичаговъ, между коими протекала Березина и находилась непріятельская армія, простиравшаяся по крайней мѣрѣ до 80 тысячъ человѣкъ. Хотя я несовсѣмъ вѣрилъ извѣстію о переправѣ, однако не сомнѣвался болѣе въ томъ, ибо Наполеонъ, пользуясь малочисленностью войскъ Чичагова, могъ перейти рѣку въ какомъ нибудь пунктѣ, либо открытой силой, либо тайно; по переходѣ же Березины, я предполагалъ, непріятель направится изъ Борисова къ Минску, потому что путь этотъ былъ самый кратчайшій изъ всѣхъ, идущихъ къ

еще молодъ и мало опытенъ, а потому онъ нерѣдко дѣлалъ довольно значительныя ошибки. Такъ, на примѣръ, во время отступленія нашихъ армій къ Дорогобужу, онъ за нѣсколько верстъ до этого города нашелъ для нихъ позицію близъ деревни Усвятья. Во время осмотра этой позиціи, которая была весьма неудобна, потому что правый флангъ отдѣлялся отъ прочихъ частей арміи болотомъ и озеромъ, князь Багратіонъ, въ присутствіи многихъ генераловъ, сказалъ Толю: „вы, г. полковникъ, своего дѣла еще не знаете, благодарите Бога, что я здѣсь не старшій, а то я надѣлъ бы на васъ лямку и выслалъ бы вонъ изъ арміи.“ Не дождавшись непріятеля, обѣ арміи вопреки увѣреніямъ Барклая, отошли къ Дорогобужу, гдѣ Толемъ была найдена другая позиція, которою князь Багратіонъ также не могъ остаться довольнымъ. Во время осмотра новой позиціи Ермоловымъ, графъ Павелъ Строгоновъ указалъ ему на слѣдующую ошибку Толя: его дивизія была обращена затылкомъ къ тылу стоящей позади ее другой дивизіи. Трудно объяснить себѣ, какимъ образомъ столь искусный и смѣтливый офицеръ, каковъ былъ Толь, могъ дѣлать столь грубыя ошибки; почитая, вѣроятно, невозможнымъ принять здѣсь сраженіе, онъ не обратилъ должнаго вниманія на выборъ позиціи. Не смотря на записку, поданную Барклаю Ермоловымъ, всегда отдававшимъ полную справедливость способностямъ и дѣятельности Толя, онъ былъ высланъ изъ арміи. Князь Кутузовъ, проѣзжая въ армію и найдя Толя въ Москвѣ, взялъ его съ собой. Въ послѣдствіи онъ пріобрѣлъ большую опытность и заслужилъ репутацію искуснаго генерала. Онъ, въ качествѣ начальника главнаго штаба, принималъ участіе въ войнахъ 1828, 1829, 1831 годовъ; эти войны, въ особенности первая половина войны 1831 года, богаты немаловажными ошибками. Зная недружелюбныя отношенія графа Дибича и Толя между собою, невозможно положительно сказать, въ какой степени каждый изъ нихъ здѣсь виноватъ; во всякомъ случаѣ Толь, по званію своему во время веденія этихъ войнъ, не можетъ не принять на себя отвѣтственности за многое, совершенное въ эту эпоху. Но вѣнецъ его славы—это взятіе Варшавы; здѣсь дѣятельность, мужество и въ особенности вполнѣ замѣчательная рѣшительность Толя достойны величайшихъ похвалъ.

Варшавѣ; слѣдуя по нему, Наполеонъ могъ соединиться съ корпусомъ Шварценберга и Ренье, отчего армія его могла снова возвыситься до 130 тысячъ человѣкъ. Двигаясь этимъ путемъ, непріятель могъ избѣжать фланговаго преслѣдованія нашего, столь для него пагубнаго до самой Березины, и продолжать свой маршъ чрезъ край, несравненно менѣе опустошенный, чѣмъ Виленскій, гдѣ проходили обѣ воюющія арміи и ихъ обозы. Въ слѣдствіе этого, я рѣшился, не взирая на предложеніе полковника Толя, переправиться немедленно чрезъ Березину и идти на Смолевичи, что̀ между Игумномъ и Минскомъ.

За таковое ослушаніе я былъ достоинъ весьма строгаго наказанія. Партизанъ необходимо долженъ умствовать, но не перепускать, какъ говорится, умъ за разумъ. Событія доказали, что мнѣ ни къ чему не послужило преждевременное и отдаленное движеніе мое къ Смолевичамъ, гдѣ я всегда бы успѣлъ предупредить непріятеля; въ случаѣ переправы Наполеона при Борисовѣ, я бы могъ сдѣлать то же самое, двинувшись изъ Озятичей.

Стоило только внимательнѣе прочесть письмо полковника Толя и взглянуть на карту, чтобы оцѣнить благоразумное его распоряженіе.

Полагая непріятеля между селеніемъ Начею и Борисовымъ, извѣщенный о прибытіи Витгенштейна въ Бараны, а Чичагова къ мостовому Борисовскому укрѣпленію, онъ предполагалъ, что непріятелю оставалось поступить слѣдующимъ образомъ: прикрываясь со стороны главной арміи рѣчкой Начей и, спустившись вдоль по ней къ Озятичамъ, совершить переправу въ углу, описываемомъ означенной рѣчкой и Березиной. Вотъ почему Толь посылалъ меня въ Озятичи. При всемъ томъ, я пошелъ на Смолевичи, какъ будто бы для дѣйствія не въ тылъ непріятелю, а арміи Чичагова!!

Однако, достигнувъ Козлова Берега, я получилъ изъ главной квартиры увѣдомленіе, что такъ какъ французская армія не

имѣетъ никакого средства переправиться чрезъ эту рѣку при Борисовѣ, то, чтобы я спѣшилъ исполненіемъ даннаго мнѣ Толемъ предписанія. Эта бумага, равно и письмо послѣдняго, были отъ 16-го поутру. Такъ какъ мнѣ во второй разъ предписывалось то же самое, я рѣшился отказаться отъ своего безразсуднаго предпріятія, которое я считалъ столь выгоднымъ, что не могъ не увѣдомить генералъ-квартирмейстера, что, исполняя его предписаніе, я почитаю однако невыгоднымъ данное мнѣ направленіе (*). Съ кѣмъ не случается грѣха или бѣды? Право, я до сихъ поръ не нашелъ еще достойнаго себѣ укора за столь глупое съ моей стороны упрямство.

Мы были уже на половинѣ дороги къ Озятичамъ, какъ нагнали насъ посланные ко мнѣ въ Козловъ Берегъ курьеры съ другими письмами (**) отъ полковника Толя, по которымъ онъ, извѣщая меня о переправѣ французской арміи чрезъ Березину, увѣдомлялъ, что главная армія идетъ на Жуковецъ, Жодинъ и Логойскъ, все на лѣвой сторонѣ непріятеля; онъ совершенно соглашался со мною въ выборѣ направленія партіи моей на Смолевичи. Да проститъ мнѣ генералъ-квартирмейстеръ! Въ этомъ случаѣ ошибка уже не съ моей стороны: важность Смолевичевскаго пункта обнаружилась бы лишь въ случаѣ движенія непріятеля на Минскъ; при слѣдованіи же его къ Вильнѣ этотъ пунктъ терялъ уже все свое значеніе и годился лишь для ночлега или привала. Я долженъ былъ направиться на Борисовское мостовое укрѣпленіе, Логейскъ и Молодечну; но такъ какъ поворотъ непріятеля съ Минской дороги на Виленскую удалялъ меня отъ него на 130 верстъ, то и по означенному направленію я не могъ уже догнать его прежде Ковно или по крайней мѣрѣ прежде Вильны. Чтобы удостовѣриться въ томъ, надо знать, что 20-го ноября, когда, послѣ переправы моей чрезъ Березину, я ночевалъ въ Ушѣ, французская армія находилась уже въ Иліѣ. Кто взглянетъ на карту,

(*) См. Оправд. ст. стран. 25, N 25.

(**) См. Оправд. ст. стран. 26 по 29, N 26, 27 и 28.

тотъ увидитъ пространство, раздѣлявшее меня отъ непріятеля; не смотря на то, я рѣшился дѣйствовать на основаніи предписанія.

Не доходя 15-ти верстъ до Шеверницъ, я узналъ, что туда прибыла главная квартира. Оставивъ партію на маршѣ, я поскакалъ одинъ прямою дорогою въ Шеверницы. Свѣтлѣйшій въ то время обѣдалъ. Входя въ ворота, я встрѣтилъ англійской службы полковника Сэръ-Роберта-Вильсона, бродившаго около двора; онъ не смѣлъ войти въ квартиру свѣтлѣйшаго, вслѣдствіе какого-то между ими взаимнаго дипломатическаго неудовольствія. Будучи коротко знакомъ съ нимъ съ самой 1807 года кампаніи, я спросилъ его, что онъ тутъ дѣлаетъ?— «Любезный другъ!» отвѣчалъ онъ мнѣ: «жду извѣстія о рѣшительномъ направленіи арміи послѣ того несчастія, которое я давно предвидѣлъ, но которое при всемъ томъ не можетъ не терзать каждое истинно Англійское и Русское сердце!» Я вошелъ въ сѣни и велѣлъ вызвать полковника Толя, чтобы лично отъ него удостовѣриться въ извѣстіи о переправѣ непріятельской арміи чрезъ Березину и узнать, не будетъ ли мнѣ дано другаго направленія? Толь и князь Кудашевъ вышли ко мнѣ въ сѣни и звали меня въ избу, но я, не любя никогда бросаться въ глаза начальникамъ, отказался; тогда они объявили самому свѣтлѣйшему о моемъ прибытіи. Онъ велѣлъ меня позвать, чрезвычайно обласкалъ, и, посадивъ за столъ, угощалъ, какъ сына.

Послѣ обѣда свѣтлѣйшій разспрашивалъ меня о дѣлахъ при Копысѣ и при Бѣлыничахъ, хвалилъ осторожность мою передъ нападеніемъ на депо и мою настойчивость при овладѣніи Бѣлыничами, но, выговаривая мнѣ за излишнюю строгость съ Поповымъ (котораго я принялъ за мера Копыса), прибавилъ въ видѣ шутки: «какъ у тебя духа стало пугать такъ его? у него такая хорошенькая жена!» Я отвѣчалъ ему: «полагаю, что у Могилевскаго еще болѣе женъ, которыя, можетъ быть, еще красивѣе жены Попова, но я желалъ бы, чтобъ сія неоцѣненная особа попалась мнѣ въ руки, я бы съ

нею разсчитался по пріятельски.»—«За что?» спросилъ свѣтлѣйшій. «За присягу Французамъ,» отвѣчалъ я, «къ которой онъ приводилъ Могилевскихъ жителей и за поминанія на эктеньяхъ Наполеона. Чтобы въ томъ удостовѣриться, продолжалъ я, прикажите нарядить слѣдствіе.—Ваша свѣтлость, не награждайте почестями истинныхъ сыновъ Россіи, ибо какая награда можетъ сравниться съ спокойной совѣстью послѣ исполненія своего долга? но щадить измѣнниковъ столько же опасно и вредно, какъ истреблять карантины въ чумное время.» Съ этимъ словомъ я подалъ ему списокъ чиновниковъ, кои присягали и помогали непріятелю (*). Свѣтлѣйшій, взявъ его, прочиталъ и сказалъ: «погодимъ до поры до времени.» Я узналъ послѣ, что архіерей Могилевскій былъ разжалованъ въ монахи, но не знаю, по моему ли представленію, или по представленію другаго.

На счетъ направленія моей партіи я получилъ лишь повелѣніе догонять Французовъ чрезъ Ушу, Борисовское мостовое укрѣпленіе, Логойскъ, Илію и Молодечно. А такъ какъ партія моя, обремененная двумя орудіями, не могла слѣдовать за мною прямою дорогою къ Шеверницамъ, то я нашелся вынужденнымъ ожидать здѣсь до полуночи ея прибытія.

Между тѣмъ флигель-адъютантъ Мишо (что нынѣ генералъ-адъютантъ и графъ) просилъ меня дозволить ему, пристроившись къ моей партіи, догнать Чичагова, къ арміи котораго онъ былъ командированъ. Оставивъ орудія наши, какъ обузу слишкомъ тягостную для усиленныхъ переходовъ, мы выступили къ Жуковцу, въ 4 часа по полуночи. Переправа совершилась по тонкому льду; мы прибыли въ Ушу къ ночи.

20-го партія выступила въ походъ и ночевала у Борисовскаго мостоваго укрѣпленія. Въ эту ночь полковникъ князь Кудашевъ, проѣздомъ къ Чичагову, пробылъ у меня два часа; онъ взялъ съ собой Мишо и въ проводники одного урядника и двухъ казаковъ; изъ числа проводниковъ одинъ только воз-

(*) См. Оправд. ст., N 29.

вратился, прочіе два были убиты поселянами. Это служило лучшимъ доказательствомъ того, что мы находились на истинномъ рубежѣ Россіи съ Польшею, и совѣтомъ быть намъ осторожнѣе и бдительнѣе.

Около этого времени морозы, послѣ временной оттепели, усилились и продолжались уже непрерывно. 20-го я получилъ повелѣніе слѣдовать прямо на Ковно (*), чтобы истребить здѣсь всѣ непріятельскіе запасы (**). Такое же приказаніе было послано и Сеславину; но ни онъ, ни я не могли исполнить означеннаго предписанія: я, по причинѣ движенія моего къ Нижнему Березину, отчего отсталъ отъ непріятеля на 130 верстъ; а Сеславинъ, будучи удаленъ отъ главной квартиры, могъ получить это повелѣніе лишь по занятіи Вильны, гдѣ былъ раненъ.

Пока я шелъ отъ Днѣпра къ Березинѣ, всѣ отряды, кромѣ графа Ожаровскаго, и всѣ партизаны, кромѣ меня, слѣдовали за главною непріятельскою арміею.

Армія эта находилась 11-го въ Бобрахъ, имѣя авангардъ въ с. Ничѣ, 12-го въ Неменицѣ, оставя арьергардъ въ Лошницѣ; 14-го въ 8 часовъ утра авангардъ ея началъ переправляться чрезъ Березину у Веселова и 16-го къ вечеру всѣ силы были уже на противномъ берегу. Съ нашей стороны отрядъ генерала Ермолова, состоявшій изъ 14 баталіоновъ пѣхоты при нѣсколькихъ полкахъ линейной кавалеріи и двухъ ротахъ артиллеріи, преслѣдовалъ непріятеля отъ Орши къ Борисову, куда прибылъ 16-го числа.

Большой авангардъ генерала Милорадовича прибылъ изъ Копыса въ Глинъ 15-го, а въ Негновище 17-го числа.

15-го генералъ Бороздинъ сдалъ отрядъ свой графу Орлову-Денисову, который 17-го поступилъ съ нимъ въ составъ ма-

(*) Ковно заключало въ себѣ огромные магазины и казну въ два съ половиною милліона франковъ. Это мѣстечко было занято 1,500 человѣками новобранныхъ нѣмецкихъ войскъ при 42 орудіяхъ, изъ нихъ 25 имѣли полную упряжь.

(**) См. Оправд. ст. стран. 32, N 30.

лаго авангарда, порученнаго генералу Васильчикову. Этотъ авангардъ былъ въ Ухвалѣ 16-го и въ Вилятичахъ 17-го числа.

15-го отрядъ атамана Платова находился въ Колпеницѣ, а 16-го у самой Березины въ 15 верстахъ выше Борисова.

15-го подъ Кричею Сеславинъ напалъ съ успѣхомъ на польскія войска графа Тишкевича, изъ которыхъ многіе были побиты, другіе взяты въ плѣнъ; продолжая свое движеніе къ Лошницѣ, онъ снова имѣлъ здѣсь жаркую схватку съ непріятелемъ.

16-го сей отважный и неутомимый партизанъ, открывъ сообщеніе съ графомъ Витгенштейномъ, получилъ отъ него повелѣніе, во чтобы то ни стало, открыть сообщеніе съ адмираломъ Чичаговымъ чрезъ Борисовъ. Исполненіе послѣдовало немедленно по полученіи повелѣнія. Борисовъ былъ занятъ Сеславинымъ, при чемъ имъ было взято 3,000 человѣкъ въ плѣнъ, и сообщеніе съ Чичаговымъ открыто (*). 17-го французская армія двинулась къ Зембину, Наполеонъ же прибылъ въ Камень. Генералъ Ланской, занимавшій Бѣлорусскимъ гусарскимъ полкомъ и казаками село Юрово на рѣкѣ Гайнѣ, выступилъ 16-го числа чрезъ Антополье и Словогощь къ Плещеницѣ, куда прибылъ 17-го въ полдень. Онъ имѣлъ прекрас-

(*) Когда, по совершеніи сего блистательнаго подвига, Сеславинъ кормилъ лошадей и отдыхалъ за Березиной, казачій генералъ Денисовъ, съ партіею изъ отряда Платова пройдя чрезъ пустой городъ, донесъ атаману, что занялъ городъ онъ, а не Сеславинъ. Платовъ, на основаніи этого донесенія, приказалъ послѣднему возвратить Денисову плѣнныхъ и, относя къ себѣ славу занятія Борисова и открытія сообщенія съ Чичаговымъ, донесъ въ этомъ смыслѣ главнокомандующему. Такая наглая несправедливость вынудила Сеславина написать генералу Коновницыну слѣдующее: „Платовъ отнимаетъ у моего отряда, усиленнаго пѣхотою адмирала Чичагова, заслуженную имъ славу. Неужели надо быть генераломъ, чтобы быть правымъ? Спросите сами обо всемъ у адмирала, я врать не стану.“

19-го былъ сдѣланъ запросъ отъ свѣтлѣйшаго Чичагову: справедливо ли, что Сеславинъ, усиленный его пѣхотою, занялъ первый Борисовъ и, открывъ тѣмъ сообщеніе графа Витгенштейна съ его арміею, взялъ при этомъ нѣсколько тысячъ плѣнныхъ?

Вотъ отвѣтъ Чичагова.

ное намѣреніе слѣдовать впереди непріятеля къ Вильнѣ и затруднять, по возможности, движеніе головныхъ его колоннъ, что̀ могъ исполнить безпрепятственно, ибо въ этотъ день Плещеницы были заняты одною только придворною свитою Наполеона и конвоемъ раненаго маршала Удино. Но въ то время еще такъ мало понимали истинныя обязанности партизана, что этотъ, извѣстный по своей неустрашимости и отважнссти, генералъ, бывъ атакованъ подходившими со стороны Камена войсками, вмѣсто того, чтобы, обратясь на Молодечну, истреблять магазины и заваливать дорогу, отступилъ обратно къ авангарду арміи Чичагова, слѣдовавшей на Зембинъ по пятамъ непріятельской арміи; онъ удовольствовался взятіемъ генерала Каминскаго, 30 штабъ и оберъ-офицеровъ и трехъ сотъ рядовыхъ.

Между тѣмъ графъ Ожаровскій получилъ повелѣніе наблюдать за арміею князя Шварценберга, находившагося въ Слонимѣ. Въ слѣдствіе чего, онъ выступилъ на Воложинъ, 26-го прибылъ въ Вишневъ и въ тотъ же день пошелъ чрезъ Трабы, Деневишки и Бенякони въ Лиды, куда вступилъ 1-го декабря. Отрядъ генерала Кутузова шелъ отъ Лепеля на Вышнее Березино и Докшицы, для наблюденія за Баварскимъ корпусомъ,

„Имѣя честь получить предписаніе вашей свѣтлости отъ 19 сего мѣсяца подъ N 553, обязанностію поставляю донести, что гвардіи капитанъ Сеславинъ дѣйствительно первый занялъ городъ и открылъ сообщеніе со мною генерала отъ кавалеріи графа Витгенштейна, доставя отъ него въ то же время письменное ко мнѣ увѣдомленіе о его движеніи и предположеніяхъ, равнымъ образомъ и сдача въ плѣнъ нѣсколькихъ тысячъ непріятелей, была слѣдствіемъ занятія имъ этого города и соединеннаго дѣйствія съ ввѣренною мнѣ арміею корпуса графа Витгенштейна.“

„Чичаговъ.“

„N 1944. Ноября 22 дня 1812 года.“

„М. Илія.“

Надобно говорить объ этомъ случаѣ для того только, чтобы показать сколько можетъ быть доступенъ чувству зависти и воинъ, совершившій рядъ блистательныхъ подвиговъ, коего имя гремѣло славой въ Европѣ и которому желать, кажется, ничего не оставалось!

находившимся въ послѣднемъ мѣстечкѣ, и для преслѣдованія главной непріятельской арміи по сѣверной сторонѣ Виленской дороги.

Партизанъ Сеславинъ шелъ на мѣстечко Забрежъ, которое было имъ занято съ боя 22-го ноября; на другой день самъ Наполеонъ едва не попался ему въ руки. Во второй разъ въ теченіи настоящей кампаніи судьба спасла его отъ покушенія казаковъ, которые вездѣ и повсюду его преслѣдовали, какъ неотразимые вампиры.

20-го партія моя обошла отрядъ графа Ожаровскаго около *Антополья,* 23-го обошла кавалерію Уварова въ *Логойскѣ,* 22 прибыла въ *Гайну,* 23-го въ *Илію* и 24 въ *Молодечну,* гдѣ догнала хвостъ арміи Чичагова, то есть часть Павлоградскихъ гусаръ и казаковъ подъ командою полковника Сталя. Въ слѣдствіе повелѣнія идти прямо на Ковно, мы свернули 25-го на *Лебеду,* 26 пришли въ *Лоскъ,* 27-го въ *Ольшаны,* 28 въ *Малыя Солешки,* 29-го въ *Парадоминъ* и 30-го въ *Новыя Троки.* Тамъ я получилъ повелѣніе остановиться и ожидать новаго приказанія.

Во время этого долговременнаго странствованія, отряды и партіи наши ворвались въ Вильну, заваленную несмѣтнымъ числомъ обозовъ, артиллеріи, больныхъ, раненыхъ, усталыхъ и лѣнивыхъ.

Въ послѣдствіи каждый отрядный начальникъ приписалъ себѣ честь занятія сей *столицы Литовскаго государства*; но вотъ истина: пока Чаплицъ жевалъ и прибиралъ періоды воинственной рѣчи своей къ жителямъ; пока Бенкендорфъ франтилъ и холился съ намѣреніемъ нравиться женщинамъ, Кайсаровъ оставался близъ непріятельскихъ обозовъ, Тетенборнъ съ обнаженной саблею приказалъ редактору Виленскихъ газетъ *объявить свѣту,* что онъ первый покорилъ городъ и въ послѣдствіи отвѣчалъ смѣхомъ на возраженія своихъ соперниковъ.

Сеславинъ поступилъ иначе. Чтобы изобразить, какъ слѣдуетъ, геройскій его подвигъ, я представляю на судъ читателямъ

его донесеніе, и пусть всякій благомыслящій, видя самохвальство иноземца, отдастъ должную справедливость высокой душѣ сего истиннаго и вполнѣ знаменитаго Россіянина, который въ описаніи дѣяній своихъ сотрудниковъ, едва упомянулъ о жестокой ранѣ, имъ полученной. Вотъ его донесеніе:

«Генералу Коновницыну.»

«Съ Божіею помощью я хотѣлъ атаковать *Вильну*, но встрѣтилъ на дорогѣ идущаго туда непріятеля. Орудія мои разсѣяли толпившуюся колонну близъ воротъ города. Въ сію минуту непріятель выставилъ противъ меня нѣсколько эскадроновъ; мы предупредили атаку сію своею и вогнали кавалерію его въ улицы; пѣхота поддержала конницу и посунула насъ назадъ; тогда я послалъ парламентера съ предложеніемъ о сдачѣ Вильны, и, по полученіи отрицательнаго отвѣта, предпринялъ вторичный натискъ, который доставилъ мнѣ 6 орудій и одного орла. Между тѣмъ подошелъ ко мнѣ генералъ-маіоръ Ланской, съ коимъ мы тѣснили непріятеля до самыхъ городскихъ стѣнъ. Пѣхота французская, засѣвшая въ домахъ, стрѣляла изъ оконъ и дверей и удерживала насъ на каждомъ шагу. Я отважился на послѣднюю атаку, кою не могъ привести къ окончанію, бывъ жестоко раненъ въ лѣвую руку; пуля раздробила кость и прошла на вылетъ (*). Сумскаго гусарскаго полка поручикъ Орловъ такъ же раненъ въ руку на вылетъ.

«Генералъ Ланской былъ свидѣтелемъ сего дѣла. Спросите у него, самъ боюсь расхвастаться, но вамъ и его свѣтлости рекомендую весь мой отрядъ, который во всѣхъ дѣлахъ отъ Москвы до Вильны, окрылялся рвеніемъ къ общей пользѣ и не жалѣлъ крови за отечество.»

«Полковникъ Сеславинъ.»

»Ноября 27-го.»

(*) Въ 1810 году Сеславинъ, идя на штурмъ Рущука съ охотниками впереди колонны, получилъ жестокую рану въ *правую руку*; пуля раздробила кость и прошла на вылетъ.

По прибытіи моемъ въ Новыя Троки, я получилъ повелѣніе генерала Коновницына слѣдовать на *Олиту* и *Меречь* къ Гроднѣ, рапорты же мои продолжать писать въ главную квартиру, а между тѣмъ постоянно увѣдомлять обо всемъ адмирала Чичагова, двигающагося въ *Гѣзну* и генерала Тормазова, слѣдующаго къ *Новому Свержену*, что на Нѣманѣ (*).

Съ симъ повелѣніемъ получилъ я письмо отъ генералъ-квартирмейстера, въ которомъ онъ объявлялъ о желаніи свѣтлѣйшаго, дабы войска наши всегда дружелюбно встрѣчали Австрійцевъ; эти бумаги были отъ 30-го ноября. Мы уже были на коняхъ, какъ вслѣдъ за этими повелѣніями получилъ я другое, по которому я долженъ былъ, не оставляя Новыхъ Трокъ, прибыть своею особою въ *Вильну* для свиданія съ свѣтлѣйшимъ. Я потому тотчасъ туда отправился.

Отъ Новыхъ Трокъ до с. *Понари* мы слѣдовали весьма покойно. У послѣдняго селенія, тамъ, гдѣ дорога раздѣляется на двѣ, идущія одна на *Новыя Троки,* другая на Ковно, груды труповъ человѣческихъ и лошадиныхъ, множество повозокъ, лафетовъ и палубовъ едва давали мнѣ возможность слѣдовать по этому пути; множество раненыхъ непріятелей валялось на снѣгу или, спрятавшись въ повозкахъ, ожидало смерти отъ дѣйствія холода и голода. Путь мой былъ освѣщенъ заревомъ пылавшихъ двухъ корчемъ, въ которыхъ горѣло много несчастныхъ. Сани мои ударялись объ головы, руки и ноги замерзшихъ или почти замерзающихъ; это продолжалось во все время движенія нашего отъ *Понарей* до *Вильны*. Сердце мое разрывалось отъ стоновъ, воплей разнородныхъ страдальцевъ. То былъ страшный гимнъ избавленія моей родины!

1-го декабря явился я къ свѣтлѣйшему. Какъ главная квартира видимо измѣнилась! Вмѣсто разоренной деревушки и курной избы, окруженной караульными, выходившими и входившими въ нее должностными людьми и проходившими ми-

(*) См. Оправд. ст. стран. 33, N 31.

мо войсками, вмѣсто тѣсной горницы, куда прямо входили изъ сѣней и гдѣ видали мы свѣтлѣйшаго на складныхъ креслахъ, разсматривавшаго планы во время борьбы своей съ геніемъ величайшаго завоевателя всѣхъ вѣковъ, я увидалъ улицу и дворъ, уставленные великолѣпными каретами, колясками и санями. Толпы подобострастныхъ польскихъ вельможъ въ *русскихъ* мундирахъ, множество нашихъ и непріятельскихъ плѣнныхъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, изъ которыхъ многіе съ костылями, изувѣченные, другіе же бодрые и веселые,—все, тѣснясь, стремилось къ крыльцу, въ переднюю и въ залы человѣка, за два года предъ этимъ въ этомъ же городѣ завѣдывавшаго лишь однимъ гарнизоннымъ полкомъ, нѣсколькими гражданскими чиновниками, а нынѣ предводительствующаго всѣми русскими силами и спасителя своего отечества!

Когда я вошелъ къ нему, одежда моя обратила на меня всеобщее вниманіе. Среди облитыхъ золотомъ генераловъ, красиво одѣтыхъ офицеровъ и Литовскихъ гражданъ, я явился въ черномъ чекменѣ, красныхъ шароварахъ, съ круглою курчавою бородою и черкесскою шапкою. Поляки шопотомъ расрашивали обо мнѣ; нѣкоторые изъ нашихъ отвѣчали: «партизанъ Давыдовъ;» самолюбіе мое было живо затронуто, когда я услыхалъ нѣсколько прилагательныхъ, обратившихъ вниманіе этой толпы.

Чрезъ двѣ минуты я былъ позванъ въ кабинетъ свѣтлѣйшаго, который сказалъ мнѣ, что графъ Ожаровскій идетъ на ***Лиду***, Австрійцы прикрываютъ ***Гродно***, и что онъ весьма доволенъ мирнымъ поведеніемъ Ожаровскаго, относительно ихъ; желая совершенно изгнать непріятеля изъ предѣловъ Россіи, онъ посылаетъ меня на ***Меречь*** и ***Слиту***, прямо къ Гродно, для занятія этого города и очищенія окрестностей его отъ непріятелей; онъ при этомъ приказалъ дѣйствовать болѣе дружелюбными переговорами, чѣмъ оружіемъ. Если же найду первый способъ недостаточнымъ, то онъ позволилъ мнѣ прибѣгнуть къ оружію, съ тѣмъ только, чтобы отсылать плѣнныхъ

немедленно въ непріятельскій корпусъ, не только не обижая, но стараясь обласкать и удовлетворять всѣмъ возможнымъ. Свѣтлѣйшій окончилъ тѣмъ, что сказалъ слѣдующее: «я ожидаю рапорта отъ графа Ожаровскаго о дальнѣйшемъ его движеніи, и полагаю нужнымъ, чтобы ты дождался этого рапорта въ *Вильнѣ,* дабы не предпринимать напрасно движенія къ *Гродно.* Въ случаѣ же, если графъ Ожаровскій не двинется по какимъ либо причинамъ изъ *Лиды,* тогда только ты долженъ поспѣшнѣе слѣдовать къ назначенному тебѣ пункту.»

Ожидаемый рапортъ былъ полученъ 3-го вечеромъ. Графъ Ожаровскій писалъ, что, занявъ 2-го числа Лиду, онъ послалъ немедленно два полка для занятія *Бѣлицы,* самъ же остановился въ Лидахъ. Прочитавъ донесеніе, я поскакалъ въ *Новыя Троки.* Сборы мои никогда не были продолжительны: *взнуздай, садись, пошелъ,* и на разсвѣтѣ партія моя была уже на половинѣ дороги къ Меречу (*). Въ этомъ мѣстечкѣ мы успѣли захватить огромный магазинъ съ съѣстными припасами, который я сдалъ подъ росписку прибывшему туда мужественному командиру Московскаго драгунскаго полка полковнику Давыдо-

(*) Кажется, что намѣреніе Кутузова состояло въ томъ, чтобы, подстрекнувъ графа Ожаровскаго къ скорѣйшему движенію его къ Гродно, облегчить тѣмъ моей партіи покушеніе на этотъ городъ; 4-го числа послана была къ нему бумага слѣдующаго содержанія: „весьма пріятны были свѣтлѣйшему данныя вашимъ сіятельствомъ извѣстія; а какъ непріятель, вѣроятно, отступаетъ за границу нашу, то его свѣтлость приказалъ по близости вашей къ Шварценбергу, наблюдать за его движеніями и предоставляетъ вамъ случай завладѣть Гродно.“

„Генералъ Лейтенантъ Коновницынъ.“

Означенная бумага разъѣхалась съ рапортомъ графа Ожаровскаго, въ которомъ онъ писалъ: „въ Бѣлицѣ и въ окрестностяхъ ея совершенный недостатокъ въ провіантѣ, а особливо въ фуражѣ, по долговременному пребыванію тамъ Австрійскихъ войскъ, почему, занявъ донскими казаками Бѣлицу и Ищолку, прошу ваше превосходительство позволить мнѣ съ остальною частію ввѣреннаго мнѣ отряда остаться въ Лидѣ, *для удобнѣйшаго продовольствія и поправленія кавалеріи.* Генералъ-адъютантъ графъ Ожаровскій.“ 8 числа декабря было приказано распустить его отрядъ.

ву и продолжалъ путь вдоль Нѣмана, поручивъ авангардъ мой маіору Чеченскому.

8-го числа Чеченскій, столкнувшись съ аванпостами Австрійскими, подъ Гродно, взялъ въ плѣнъ двухъ гусаръ и, въ слѣдствіе даннаго приказанія, немедленно отослалъ ихъ къ генералу Фрейлиху, командовавшему въ Гродно отрядомъ, состоявшимъ изъ 4,000 человѣкъ конницы и пѣхоты при 30 орудіяхъ. Фрейлихъ прислалъ чрезъ парламентера благодарить Чеченскаго за его любезный поступокъ, а Чеченскій, воспользовавшись этимъ, вступилъ съ нимъ въ переговоры.

Австрійскій генералъ объявилъ сперва, что онъ неиначе сдастъ городъ, какъ предавъ огню всѣ провіантскіе и коммиссаріатскіе магазины, въ которыхъ было запасовъ на цѣну, превышавшую милліонъ рублей. На это Чеченскій отвѣчалъ, что доставка ляжетъ на жителей этой губерніи и чрезъ это онъ докажетъ лишь свое недоброжелательство къ Русскимъ въ такое время, когда каждое дружеское изъявленіе Австрійцевъ къ намъ есть смертельная рана бичу всѣхъ народовъ. Послѣ нѣскольких преній, Фрейлихъ рѣшился оставить городъ со всѣми запасами, въ немъ находившимися, и отступилъ съ отрядомъ своимъ за границу. Вслѣдъ за нимъ Чеченскій вступилъ въ Гродно и, остановившись на площади, занялъ своими постами улицы, къ ней прилегающія, и поставилъ караулы при магазинахъ и госпиталяхъ. Онъ не преминулъ также увѣдомить меня о духѣ польскихъ жителей города, весьма для насъ неблагопріятномъ. Иначе и быть не могло; городъ Гродно ближе всѣхъ большихъ Литовскихъ городовъ граничилъ съ Варшавскимъ герцогствомъ, и потому въ немъ было болѣе враждебныхъ намъ лицъ: связи родства и дружбы, удобство въ сношеніяхъ съ обывателями лѣваго берега Нѣмана и города Варшавы, съ этимъ горниломъ козней, вражды и ненависти противъ Россіи, все подстрекало Гродненскихъ Поляковъ стараться наносить намъ наибольшее зло. Напротивъ того всѣ вообще Евреи, обитавшіе въ Польшѣ, были столь преданы намъ,

что при всей своей алчности къ пріобрѣтенію, во все время не хотѣли служить непріятелю въ качествѣ лазутчиковъ и весьма часто сообщали намъ важнѣйшія свѣдѣнія о немъ.

Надо было наказать первыхъ и поблагодарить послѣднихъ.

9-го числа я со всей моей партіей вступилъ въ городъ, у въѣздовъ котораго меня ожидалъ весь кагалъ.

Желая изъявить Евреямъ мою благодарность за преданность ихъ Русскимъ, я, не улыбаясь, выслушавъ рѣчь главнаго изъ нихъ, сказалъ ему нѣсколько благосклонныхъ привѣтствій; увлекшись веселымъ расположеніемъ духа, я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи сыграть фарсъ на манеръ извѣстнаго балагура и милаго друга моего Кульнева: *я въѣхалъ въ Гродно подъ жидовскимъ балдахиномъ*. Я знаю, что многіе не рѣшились бы на это изъ опасенія насмѣшекъ Поляковъ, но я ихъ вовсе не боялся. Изступленная отъ радости толпа Евреевъ съ визгами и непрерывными *ура* провожала меня до площади; между нами не было ни одного Поляка, не по причинѣ особой твердости ихъ духа и національной гордости, ибо къ вечеру они всѣ явились ко мнѣ, но по совершенному невѣдѣнію о событіяхъ того времени, хотя извѣстіе о выступленіи Французовъ изъ Москвы дошло до нихъ нѣсколькими днями прежде занятія мною Гродно. При всемъ томъ, они все еще полагали, что армія наша въ окрестностяхъ Смоленска, а партію мою считали отрядомъ корпуса Сакена.

Остановившись на площади и сойдя съ лошади, я велѣлъ ударить въ барабанъ городской полиціи. Когда стеченіе народа сдѣлалось довольно значительно, я приказалъ барабанамъ умолкнуть и велѣлъ читать заранѣе приготовленную мною бумагу, съ коей копіи, переведенныя на польскій языкъ, были немедленно распространены по городу.

«По пріему, сдѣланному Русскому войску польскими жителями Гродно, я вижу, что до нихъ не дошелъ еще слухъ о совершившихся великихъ событіяхъ; вотъ онѣ: Россія побѣдила Наполеона. Всѣ наши силы вступили въ Вильну 1-го де-

кабря. Теперь онѣ за Нѣманомъ. Изъ четырехъ-сотъ-тысячной непріятельской арміи и при ней тысячи орудій лишь пятнадцать тысячъ человѣкъ съ четырьмя пушками перешли обратно за Нѣманъ. Господа Поляки. . . облекитесь въ черное платье! рѣдкій изъ васъ не имѣлъ ближняго, родственника или друга: изъ осьмидесяти тысячъ вашихъ войскъ, дерзнувшихъ вступить въ наши предѣлы, лишь пятьсотъ явятся къ вамъ; прочіе же, обезображенные холодомъ, голодомъ, засыпаны снѣгомъ по большой дорогѣ.»

«Я вошелъ въ городъ на основаніи мирнаго договора, хотя я бы могъ сдѣлать тоже самое оружіемъ, но я пожертвовалъ военной славою отряда моего для спасенія города, принадлежащаго Россіи, ибо вамъ извѣстно, что бой въ улицахъ кончится грабежемъ въ домахъ, а грабежъ—пожарами и всеобщимъ разореніемъ.»

«И что же? я хочу васъ спасать, а вы сами себя губите. Я читаю на лицахъ собравшихся здѣсь Поляковъ коварные противу насъ замыслы. Я вижу наглую надменность въ осанкѣ и взглядахъ вашихъ; ружья и сабли у васъ еще въ рукахъ, а пистолеты и кинжалы за поясами. . . За чѣмъ все это? Вы бы должны напротивъ со всею искренностью вспомнить тѣ обязанности, которыхъ вамъ никогда не надлежало бы забывать?»

«И такъ, вопреки вашего собственнаго побужденія, я вынужденъ взять необходимыя для вашего спасенія мѣры, ибо однимъ выстрѣломъ вы накликните бѣдствія на весь городъ! невинные пострадали бы вмѣстѣ съ виноватыми, и тогда все будетъ обращено въ прахъ и пепелъ!»

«Дабы охранить васъ отъ разныхъ бѣдствій и, имѣя въ виду лишь пользу города, я измѣняю управленіе онаго.»

«Подполковникъ Храповицкій назначается начальникомъ города.»

«На полиціймейстера и подчиненныхъ его, которые всѣ поляки, я положиться не могу, и потому приказываю всѣмъ и во всемъ относиться къ Еврейскому кагалу.»

«Зная преданность Евреевъ къ Русскимъ, я избираю кагальнаго въ начальники высшей полиціи и возлагаю на него отвѣтственность за всякаго рода безпорядки, могущіе возникнуть въ городѣ, такъ какъ и за всѣ тайныя совѣщанія, о коихъ начальникъ города не будетъ извѣщенъ; дѣло кагальнаго выбрать себѣ изъ Евреевъ помощниковъ для надзора какъ за полиціею, такъ и за всѣми Польскими обывателями города. Кагальный долженъ помнить и гордиться властью, которою я облекаю его и Евреевъ и знать, что ревность и усердіе ихъ будутъ извѣстны высшему начальству.

«Предписывается жителямъ города, чтобы чрезъ два часа все огнестрѣльное оружіе, имъ принадлежащее, было снесено на квартиру подполковника Храповицкаго. У кого отыщется таковое пять минутъ послѣ истеченія назначеннаго мною срока, тотъ будетъ разстрѣленъ на площади. Увѣряю, что я шутитъ не люблю и слово свое умѣю держать, награждая и наказывая.»

—«Это что за столбъ?» спросилъ я, увидя высокій столбъ посреди площади. Кагальный объявилъ, что этотъ столбъ поставленъ Польскими обывателями въ честь взятія Москвы. Въ это время г-нъ А (шуринъ генерала Бенингсена) подошелъ ко мнѣ и, унизительно кланяясь, сказалъ: „Cela se nomme mat de cocagne, mon colonel, les circonstances. . .“ . . . ; бросивъ на него взглядъ презрительный, я заставилъ его отступить въ толпу, изъ которой онъ только что выступилъ.

«Кагальный, топоры! и долой столпъ! столпъ мгновенно рухнулъ на землю. . . .

«Что за картины вижу я на балконахъ и окнахъ каждаго дома?»

«Это прозрачныя картины,» отвѣчалъ кагальный, «выставлены, какъ и столпъ, для празднованія взятія Москвы.»

«Долой и въ огонь на площади!» Когда нѣкоторыя изъ картинъ пронесли мимо меня, я примѣтилъ разныя аллегорическія ругательства на счетъ Россіи. Самая замѣчательная находилась на балконѣ аптекаря; на ней изображались орелъ Французскій и бѣлый орелъ Польскій, раздирающіе на части двуглаваго орла Россіи. Я велѣлъ позвать къ себѣ аптекаря и приказалъ ему къ 12-му числу написать картину совершенно противуположнаго содержанія, присовокупивъ къ орламъ Франціи и Польши еще двухъ особыхъ орловъ, улетающихъ отъ одного орла Русскаго.

Между тѣмъ, я не забылъ жителей, съ домовъ которыхъ сорваны были эти аллегорическія изображенія. Имъ было велѣно къ 12-му же числу выставить изображенія, соотвѣтствующія настоящимъ обстоятельствамъ, и прославляющія Россію за освобожденіе отъ нашествія *просвѣщенныхъ варваровъ*. Всѣ безпрекословно повиновались; одинъ лишь аптекарь не хотѣлъ повиноваться, отговариваясь многосложнымъ содержаніемъ заказанной ему картины; онъ утверждалъ, что не успѣетъ исполнить приказанія въ столь короткій срокъ. Этого было довольно. До сей поры на лицѣ и въ словахъ моихъ изображалась одна холодная строгость; я искалъ лишь повода, чтобы придти въ ярость, и тѣмъ окончательно сразить надменность польскую; этотъ случай представился, и, по словамъ моихъ товарищей, гнѣвъ мой казался ужаснымъ.... Я крикнулъ, и электрическая искра пробѣжала по всей толпѣ Поляковъ; аптекарь, вытянувшись, страшно поблѣднѣлъ. Я приказалъ приставить караулъ къ дому его, съ тѣмъ, чтобы во весь день, назначенный для торжества, не было у него огня не только въ домѣ, но даже и на кухнѣ, а 13-го вечеромъ, когда нигдѣ уже не будетъ видна иллюминація, велѣлъ ему освѣтить всѣ окна, выставивъ на балконѣ означенную прозрачную картину. Это было исполнено.

Къ довершенію всѣхъ неистовствъ, какъ называли Поляки мои дѣйствія, я отыскалъ ксенза, говорившаго похвальное сло-

во Наполеону при вступленіи непріятеля въ предѣлы Россіи, и приказалъ ему сочинить и говорить въ Россійской церкви слово, въ которомъ онъ долженъ былъ предать проклятію Наполеона съ его войскомъ и союзниками, и восхвалять нашего Императора, Кутузова, нашъ народъ и войско; но такъ какъ я не зналъ Польскаго языка, то ему было велѣно 11-го числа, вечеромъ, представить рукопись свою на разсмотрѣніе Храповицкому.

Сверхъ этого я назначилъ сотню казаковъ, всегда готовыхъ для Храповицкаго, когда нужно было бы ему прибѣгнуть къ силѣ для исполненія данныхъ ему повелѣній. Эти казаки были также посылаемы денно и нощно патрулями по городу и разгоняли сборища свыше пяти человѣкъ.

Я предписалъ запечатать магазины и оставить при нихъ поставленные маіоромъ Чеченскимъ караулы.

Я также приказалъ открыть Грекороссійскую церковь и возстановить въ ней богослуженіе; 12 числа въ день рожденія Государя Императора я приказалъ, чтобы всѣ городскіе чиновники явились ко мнѣ съ поздравленіемъ, чтобы городъ былъ освѣщенъ и чтобы во весь день звонили во всѣ колокола.

Я наконецъ приказалъ кагалу подать списокъ всѣмъ чиновникамъ и обывателямъ, записавшимся въ службу Варшавскаго герцогства.

Такимъ образомъ, окончивъ, такъ сказать, площадныя дѣла мои, я пошелъ на квартиру, откуда немедленно отправилъ курьера въ главную квартиру съ донесеніемъ о благополучномъ исполненіи возложеннаго на меня порученія.

Чрезъ часъ всѣ важнѣйшія лица города явились ко мнѣ съ почтительными визитами. Всѣмъ произнесенъ былъ швейцаромъ моимъ,—казакомъ, вооруженнымъ пикой,—отрывистый отказъ. Нѣкоторые однакожъ были приняты: А..........., о которомъ я выше упомянулъ, и съ которымъ Храповицкій долженъ былъ имѣть сношенія относительно продовольствія партіи, старикъ графъ В , который отъ старости

и трусости не принималъ участія въ военныхъ предпріятіяхъ, а отъ скупости не помогалъ деньгами, и г-нъ Ротъ, Венгерскій выходецъ, почтенный старецъ, издавна въ городѣ поселившійся, чуждый всѣхъ политическихъ переворотовъ и имѣвшій въ нашей службѣ 5 сыновей, всегда храбро служившихъ. Первому было однажды отказано Храповицкимъ, въ слѣдствіе возникшаго между ними спора на счетъ фуража и провіанта, необходимыхъ для партіи; а когда же впустили втораго, онъ въ голубой польской лентѣ, въ башмачкахъ и со шляпою подъ мышкой, самымъ смиреннымъ образомъ явился предо мною въ комнатѣ. Причина посѣщенія его состояла не въ безплодномъ униженіи, подобно нѣкоторымъ его соотечественникамъ; онъ пріѣхалъ съ тѣмъ, чтобы умолять меня о помилованіи, дабы казаки не разорили его, въ чемъ онъ не сомнѣвался, услыша, что я ношу бороду и командую казаками; два эти обстоятельства были, повидимому, вовсе неутѣшительны для него. Владѣя большимъ движимымъ имѣніемъ, пріобрѣтеннымъ имъ въ теченіи 40-лѣтняго, достохвальнаго упражненія на зеленой равнинѣ ломбернаго стола, онъ дрожалъ при мысли, что его мгновенно могутъ лишить всего того, что онъ пріобрѣлъ долговременными и искусными подвигами. Я втайнѣ смѣялся надъ нимъ, видя его извороты, которыми онъ желалъ убѣдить меня въ понесенныхъ имъ убыткахъ. Я признаюсь довольно долго наслаждался его страхомъ и послѣ всякаго разсказа отвѣчалъ ему: «однако, графъ, если бы можно было пошарить у васъ, то, вѣрно, еще можно кое что найдти!» и онъ на всякій такой отвѣтъ повторялъ: «дали Бугъ! ницъ не ма!» Онъ крестился и подымалъ глаза къ небу. А такъ какъ онъ крестился по католически, то каждый разъ я заставлялъ его снова креститься по нашему, что онъ даже, по видимому, съ радостью самъ собою уже дѣлалъ.

Измучивъ его болѣе часу, я заключилъ наше свиданіе просьбою, чтобы онъ ничего не опасался, что хотя я въ бородѣ и командую казаками, но что ни я, ни они не грабители. Безъ сомнѣнія, слова мои мало его успокоили; но безукоризненное

поведеніе партіи моей въ теченіи сутокъ удостовѣрило его въ истинѣ словъ моихъ.

Такъ какъ во время проѣзда моего въ 1807 году изъ Тильзита, я провелъ нѣсколько дней въ Гродно, то многіе изъ жителей сего города меня знали, и потому немедленно осыпали меня приглашеніями всякаго рода: одни звали меня на чай, другіе на ужинъ, нѣкоторые разобрали между собою слѣдующіе дни, для угощенія меня и моихъ товарищей; но мы рѣшительно отъ всего отказались и раздѣляли время между собою и обязанностями службы.

12-го числа, поутру, господинъ Ротъ, войдя ко мнѣ, объявилъ о пріѣздѣ чиновниковъ и всѣхъ почетныхъ особъ города для поздравленія. Занимаемый мною домъ былъ на городской площади противъ ратуши; я и Храповицкій жили въ двухъ маленькихъ горницахъ, примыкавшихъ къ обширной, сырой залѣ, не топленной съ самаго начала зимы.

Тамъ, для приданія себѣ важности, что̀ было необходимо относительно Поляковъ, я заставилъ ждать цѣлый часъ всѣхъ моихъ посѣтителей, одѣтыхъ уже въ губернскіе мундиры, явившихся съ повинными головами и дрожавшихъ отъ страха и холода. Наконецъ, я предсталъ предъ ними въ моей наѣздничеcкой одеждѣ. Я говорилъ имъ рѣзко, хотя весьма вѣжливо, и заключилъ монологъ свой приказаніемъ слѣдовать за мною въ церковь, дабы молиться за Русскаго Царя и благодарить Бога за избавленіе Россіи.

Все, что я приказалъ Храповицкому, онъ передалъ кагалу, а кагалъ обывателямъ, и все было въ точности приведено въ исполненіе; это весьма не нравилось Полякамъ, принужденнымъ противъ воли прославлять и Царя и народъ Русскій. Они быстро перешли отъ надменной походки *вооруженныхъ рыцарей* къ національному *ихъ паденію въ ноги*, и, вмѣсто владычества надъ Россіею, были принуждены исполнять предписанія жидовскаго кагала.

13-го вечеромъ, я получилъ повелѣніе идти на Ганьондзъ (*). Партія моя немедленно туда выступила; но я по болѣзни нашелся вынужденнымъ остаться лишнихъ пять дней въ Гродно.

Сего числа прибыла въ Гродно кавалерія генералъ-лейтенанта Корфа, а на другой день и пѣхота генерала отъ инфантеріи Милорадовича. Первому изъ нихъ я сдалъ магазины и госпитали, находившіеся въ этомъ городѣ, и, переѣхавъ къ нему на квартиру, остался въ ней до моего выздоровленія.

Не могу умолчать о генералѣ Милорадовичѣ. По пріѣздѣ его въ Гродно, всѣ Поляки, оставивъ меня, пали къ его стопамъ; но онъ былъ занятъ другимъ, ибо въ то время онъ получилъ письмо съ драгоцѣнною саблей (**) отъ графини Орловой-Чес-

(*) См. Оправд. ст. стран. 159, N 32.

(**) Сабля эта, осыпанная драгоцѣнными алмазами, была пожалована ея отцу Императрицей Екатериной во время каруселя. Письмо графини Орловой было доставлено Милорадовичу чрезъ адъютанта его Окулова; Милорадовичъ въ присутствіи своего штаба нѣсколько разъ спрашивалъ у Окулова: „что говорила графиня, передавая тебѣ письмо?“ и, къ крайнему прискорбію своему, получалъ нѣсколько разъ въ отвѣтъ: „*ничего*.“ Милорадовичъ возненавидѣлъ его и сталъ его преслѣдовать. Окуловъ погибъ скоро въ аванпостной сшибкѣ.

Графъ Милорадовичъ былъ извѣстенъ въ нашей арміи по своему необыкновенному мужеству и невозмутимому хладнокровію во время боя. Не будучи одаренъ большими способностями, онъ былъ необразованный и мало свѣдущій генералъ; отличался расточительностію, большою влюбчивостью, страстью изъясняться на незнакомомъ ему французскомъ языкѣ и танцовать мазурку. Онъ получилъ нѣсколько богатыхъ наслѣдствъ; но все было имъ издержано весьма скоро и онъ былъ не разъ вынуждаемъ прибѣгать къ щедротамъ Государя. Безпорядокъ въ командуемыхъ имъ войскахъ былъ всегда очень великъ; онъ никогда не ночевалъ въ заблаговременно назначаемыхъ ночлегахъ, что̀ вынуждало адъютантовъ подчиненныхъ ему генераловъ, присылаемыхъ за приказаніями, отыскивать его по цѣлымъ ночамъ. Онъ говаривалъ имъ: „что̀ я скажу вашимъ начальникамъ, они лучше меня знаютъ, что̀ имъ слѣдуетъ дѣлать.“ Послѣ Малоярославскаго сраженія, Ермоловъ, котораго онъ всегда называлъ sa passion, слѣдуя при его отрядѣ, отдавалъ приказанія именемъ Кутузова. Въ послѣдствіи, будучи С.Петербургскимъ генералъ-губернаторомъ, Милорадовичъ, выдѣлывая прыжки передъ богатымъ зеркаломъ своего дома, приблизился къ нему такъ, что разбилъ его ударомъ головы своей; это вынудило его носить довольно долго повязку на головѣ. Онъ былъ

менской. Письмо это заключало въ себѣ нѣкоторыя выраженія, дававшія ему надежду на руку этой богатой женщины. Милорадовичъ запылалъ *восторгомъ неодолимой страсти!* Онъ не находилъ словъ къ изъявленію благодарности своей, писалъ ей цѣлые дни отвѣты, покрылъ стопы бумагъ своими гіероглифами: каждое письмо, имъ самимъ вчернѣ написанное, было крайне смѣшно и глупо! Никому не позволено было входить въ его кабинетъ, кромѣ его адъютанта Киселева, меня и взятаго въ плѣнъ доктора Бартелеми. Мы одни были его совѣтниками: Киселевъ, какъ умный человѣкъ, отлично знавшій большой свѣтъ, я, въ качествѣ литератора, Бартелеми, какъ Французъ, ибо письма были сочиняемы на французскомъ языкѣ. Давній пріятель Милорадовича, генералъ-маіоръ П..... жаловался на него всякому, подходившему къ запертой для всѣхъ двери его, близь которой онъ расположился подобно лягавой собакѣ въ своемъ логовищѣ. Комендантъ города и чиновники корпуса также подходили къ ней по нѣскольку разъ въ сутки и уходили домой, не получивъ никакого отвѣта. Отъ этого корпусное и городское управленіе пришли въ хаотическое состояніе, госпиталь обратился въ складъ, наполненный хлѣбомъ, сукномъ и кожами, магазины упразднились, словомъ, безпорядокъ дошелъ до крайняго предѣла. Наконецъ Милорадовичъ, подписавъ свою эпистолу, отверзъ двери, и всѣ въ нихъ устремились.... Но увы! кабинетъ былъ уже пустъ: великій полководецъ ускользнулъ въ потаенныя двери и ускакалъ на балъ плясать мазурку; я же сѣлъ въ сани, и явился 18 числа въ Тикочинъ, гдѣ ожидала меня моя партія.

Переступивъ за границу Россіи, и, видя каждаго подчиненнаго моего украшеннаго тремя награжденіями, а себя —

обожаемъ солдатами, и, не взирая на то, что не только не избѣгалъ опасности, но отыскивалъ ее всегда съ жадностью, онъ никогда не былъ раненъ на войнѣ. Умирая, Милорадовичъ сказалъ: „я счастливъ тѣмъ, что не умираю отъ солдатской пули.“ Онъ былъ влюбленъ въ г-жу Дюръ; когда она занемогла жабой въ горлѣ, онъ всюду разсказывалъ: „elle a l'équinoxe à la gorge.“

всѣми забытаго, по той лишь причинѣ, что, относясь во всю кампанію прямо къ свѣтлѣйшему, либо къ Коновницыну, я не имѣлъ ни одного посредника, который могъ бы представлять меня къ какому либо награжденію; а потому я не счелъ за преступленіе напомнить о себѣ свѣтлѣйшему, которому написалъ письмо въ слѣдующихъ словахъ:

«Ваша свѣтлость!»

«Во все время отечественной войны, я почиталъ грѣхомъ думать о томъ, что̀ не относилось къ истребленію враговъ отечества; нынѣ мы переступили рубежъ дорогаго отечества и, желая имѣть какое нибудь вещественное воспоминаніе о великомъ минувшемъ годѣ, я осмѣливаюсь просить вашу свѣтлость удостоить меня знаками св. Георгія 4 класса, къ которому я не разъ былъ представленъ, что̀, впрочемъ, можетъ быть лучше оцѣнено вашею свѣтлостью, удостоивавшею меня неразъ въ теченіе кампаніи знаками своего благоволенія и поздравленіями съ полученіемъ военнаго ордена.»

Въ отвѣтъ я получилъ (въ с. *Соколахъ* 22 числа) пакетъ съ обоими крестами и съ слѣдующимъ письмомъ отъ Коновницына: «получа письмо ваше къ его свѣтлости, я имѣлъ счастіе всеподданнѣйше докладывать Государю Императору объ оказанныхъ вами подвигахъ и трудахъ въ теченіи нынѣшней кампаніи. Его Императорское Величество соизволилъ повелѣть наградить васъ орденами: 4 класса св. Георгія и 3 степени св. Владиміра. Съ пріятностью увѣдомляю васъ о семъ и проч.»

«Декабря 20 дня, 1812 года. Вильна.»

Меня увѣряли, что если бы я тогда сказалъ хотя два слова о Георгіѣ 3 класса, то, безъ сомнѣнія, получилъ бы его весьма легко; но я былъ слишкомъ высокаго мнѣнія объ этомъ орденѣ, и притомъ слишкомъ убѣжденъ, что далеко его не заслужилъ.

Въ Соколахъ я принужденъ былъ остановиться въ слѣдствіе повелѣнія генералъ-адъютанта Васильчикова. Вскорѣ послѣ того получилъ я повелѣніе генерала Коновницына слѣдовать въ *Ганьондзъ,* для соединенія съ корпусомъ генерала отъ инфантеріи Дохтурова и поступить въ команду принца Евгенія Виртембергскаго. Вскорѣ потомъ дошло до меня повелѣніе отъ новаго дежурнаго генерала князя Волконскаго (*) относительно того же предмета.

24-го, въ слѣдствіе новаго распредѣленія, партія моя поступила въ составъ главнаго авангарда арміи, порученнаго генералу Винценгероде.

Авангардъ сей состоялъ изъ слѣдующихъ войскъ:

Корпусъ генералъ-маіора Тучкова 2-го.		Чис.	людей.
Пѣхота	Запасныхъ батальоновъ	20	5.961
	Рекрутскихъ	4	
	Корабельный экипажъ	»	
Кавалерія	Запасныхъ эскадроновъ	20	1.582
	Донскихъ казачьихъ полковъ	6	1.123
Артиллерія	Батарейная рота	12 орудій	486
	Легкихъ орудій	8 —	
	Цесарская	1 —	

2-й пѣхотный корпусъ.

4-я дивизія 4 полка по 2 батальона		2.500
3-я дивизія 4 полка по 2 батальона		
Батарейная рота	12 орудій	400
Двѣ легкихъ роты	24 орудія	
Конная рота	12 орудій	

Два донскихъ полка изъ авангарда Милорадовича.

Отрядъ генерала Ланскаго.

20 эскадроновъ гусаръ	1.527
Полкъ Уральскій казачій	1.812
Два Уральскіе казачьи полка	

(*) См. въ Оправд. ст. стран. 160. NN 33, 34 и 35.

Отрядъ мой.

Два полка казачьихъ: Попова 13-го и 1-й Бугскій. Команда гусаръ и сборныхъ казаковъ. . . .	550
Итого. . .	16.041 ч.

Такимъ образомъ, поступивъ въ начальники передоваго отдѣленія главнаго авангарда арміи, я сошелъ съ партизанскаго поприща.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ

ПАРТИЗАНСКОМУ ДНЕВНИКУ.

Отъ Издателя. Разсматривая эти приложенія, читатель можетъ иногда остановиться съ недоумѣніемъ надъ нѣкоторыми выраженіями, которыя могутъ ему показаться темными, а иногда даже просто не имѣющими смысла. Просимъ не принимать этого за неисправность изданія; мы напечатали эти документы и письма со всевозможною дипломатическою точностію. Означенные же недостатки надобно приписать обстоятельствамъ того времени, — поспѣшности, безграмотности и недосмотру переписчиковъ и т. под.

ОПРАВДАТЕЛЬНЫЯ СТАТЬИ.

(1) Адъютантъ мой лейбъ-гвардіи гусарскаго полка ротмистръ Давыдовъ, желая предстоящую кампанію служить во фронтѣ, проситъ о переводѣ въ Ахтырскій гусарскій полкъ. Уважая желаніе его, основанное на весьма похвальномъ чувствѣ, покорнѣйше прошу вашего высокопревосходительства испросить на перемѣщеніе Давыдова Высочайшаго соизволенія.

При семъ случаѣ, вмѣняя въ обязанность свидѣтельствовать о достоинствахъ сего офицера, служившаго нѣсколько кампаній при мнѣ и при другихъ начальникахъ съ отличною честію, я покорнѣйше прошу вашего Высокопревосходительства довести до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества признательность мою къ отличнымъ заслугамъ Давыдова и исходатайствовать Высочайшее воззрѣніе на службу его при перемѣщеніи въ полкъ, испросить старшинство настоящаго чина.

Генералъ отъ инфантеріи Багратіонъ.

(2) Инструкція.

Ахтырскаго гусарскаго полка господину подполковнику Давыдову.

По полученіи сего извольте взять сто пятьдесятъ казаковъ отъ генералъ-маіора Карпова и пятьдесятъ гусаръ Ахтырскаго гусарскаго полка. Предписываю вамъ взять всѣ мѣры, дабы безпокоить непріятеля со стороны *нашего лѣваго фланга,*

и стараться забирать ихъ фуражировъ не съ фланга его, а въ рединѣ и въ тылу, разстроивать обозы и парки, ломать переправы и отнимать всѣ способы. Словомъ сказать, я увѣренъ, что сдѣлавъ вамъ такую важную довѣренность, вы потщитесь доказать вашу расторопность и усердіе и тѣмъ оправдаете мой выборъ. Впрочемъ, какъ и на словахъ я вамъ дѣлалъ мои приказанія, *вамъ должно только мнѣ обо всемъ рапортовать и болѣе никому*. Рапорты же ваши присылать ко мнѣ тогда, когда будете удобный имѣть случай; о движеніяхъ вашихъ никому не должно вѣдать и старайтесь имѣть ихъ въ самой непроницаемой тайности. Что же касается до продовольствія команды вашей, вы должны сами имѣть о томъ попеченіе.

Генералъ отъ инфантеріи князь Багратіонъ.
22 Августа,
1812 года.
На позиціи (*).

(3) Въ слѣдствіе рапорта вашего высокоблагородія отъ 12 сентября за № 11, васъ извѣщаю 1-е, что армія расположена на калужской дорогѣ, отъ Москвы въ 30 верстахъ при селѣ *Красной Пахрѣ*, и ежели обстоятельства того востребуютъ, возьметъ направленіе по дорогамъ въ Калугу и Тулу.

2-е, Генералъ-лейтенантъ Винценгероде въ рапортѣ своемъ отъ 6 сего мѣсяца изъ деревни Пяшки въ 50 верстахъ отъ Москвы по большой Петербургской дорогѣ, доноситъ, что оттуда посланъ отрядъ подъ начальствомъ маіора Брентеля къ *Черной Грязи* (первой почтовой станціи отъ Москвы) равно партіи къ городамъ *Воскресенску* и *Волоколамску*.

Сего же числа генералъ-маіоръ Дороховъ отправился съ сильнымъ кавалерійскимъ отрядомъ къ сторонѣ Можайской дороги въ направленіи къ селу *Перхушкову* въ 27 верстахъ отъ

(*) Я ни слова не перемѣнилъ въ сей инструкціи. Это послѣдняя бумага князя Багратіона.

Москвы, имѣя въ предметѣ истребленіе транспортовъ и запасовъ непріятельскихъ. Когда же имъ узнано будетъ, что непріятель начнетъ собираться въ большихъ силахъ противъ главной арміи, то ему предписано съ оною соединиться.

Я уповаю, что вы, продолжая похвальные успѣхи ваши, безъ дальнихъ затрудненій съ однимъ изъ помянутыхъ корпусовъ доставите себѣ сношеніе, съ коими, въ случаѣ нужды, можете соединиться или испросить себѣ подкрѣпленія.

Генералъ-лейтенантъ Коновницынъ.
№ 1.
Сентября 9,
1812 года.

(4) Отъ генералъ-лейтенанта Шепелева.

Силою данной мнѣ власти предписываю вашему высокоблагородію тотчась крестьянъ, въ рапортѣ поименованныхъ: Ефима Никифорова и Сергѣя Мартынова разстрѣлять.

Генералъ-лейтенантъ Шепелевъ.

(5) Поиски ваши и поверхность въ разныхъ случаяхъ надъ непріятелемъ по Смоленской дорогѣ обратили къ вамъ совершенную признательность его свѣтлости; при семъ случаѣ увѣдомляю васъ, что вы представлены въ полковники, а прочіе отличившіеся и вами въ рапортѣ упоминаемые будутъ награждены немедленно.

Въ слѣдъ за симъ посылаются на подкрѣпленіе ваше два изъ новоприбывшихъ донскихъ полковъ Попова 13-го и Кутейникова (*).

Генералъ-лейтенантъ Коновницынъ.
№ 87.
Сентября 25,
1812 года.
Дер. Леташевка.

(*) Послѣдній изъ сихъ полковъ не былъ присланъ ко мнѣ.

(6) Его свѣтлость, отдавая должную справедливость и похвалу успѣхамъ вашимъ, приказалъ мнѣ сообщить вамъ слѣдующее:

1-е, Посланный съ отрядомъ довольно значущимъ къ сторонѣ Можайской дороги Маріупольскаго гусарскаго полка полковникъ князь Вадбольскій, послѣ истребленія довольно большаго числа мародеровъ и взятія курьера на Можайской дорогѣ, находился 23 въ г. *Верeѣ*.

2-е, Съ таковою же партіею отправленъ по Боровской дорогѣ къ сторонѣ Москвы гвардіи поручикъ Фонъ-Визинъ.

3-е, Курьеръ, перехваченный нами, имѣлъ повелѣніе остановить всѣ транспорты, идущіе со стороны Смоленска, Вязьмы въ Москву, и, сложивъ провіантъ, отправить на тѣхъ фурахъ раненыхъ и больныхъ (въ селеніяхъ на большой дорогѣ находящихся) къ Вязьмѣ и далѣе къ Смоленску.

Армія расположена на старой Калужской дорогѣ у села Тарутина; ежели же воспослѣдуетъ какое либо движеніе, то вы о томъ будете извѣщены.

Своеручно:

О подвигахъ вашихъ генералъ-фельдмаршалъ велѣлъ отдать въ приказѣ; всѣ же рекомендованные вами безъ должнаго награжденія не останутся, о семъ онъ поручилъ мнѣ васъ увѣдомить.

Генералъ-лейтенантъ Коновницынъ.

№ 83.

Сентября 24 дня, 1812 г.

Главная квартира дер. Леташевка.

(7) Сего октября 6 дня главная армія атаковала непріятеля при рѣчкѣ Чернышнѣ и разбила онаго. Въ теченіи 4 часовъ времени, легкія войска наши гнали ее болѣе 25 верстъ за село Вороново. Потеря его въ семъ движеніи простирается до 2,500 человѣкъ убитыми, 2,000 плѣнными и 36 орудій разнаго калибра, 40 зарядныхъ ящиковъ и весь обозъ, между коимъ находится и обозъ Неаполитанскаго короля. Послѣ та-

кого неудачнаго для непріятеля сраженія можно предположить два случая: 1-е, что онъ соединитъ всѣ силы, чтобы дать главной арміи генеральное сраженіе, которая спокойно ожидаетъ его въ позиціи при Тарутинѣ; въ семъ случаѣ надобно вамъ всячески стараться узнавать о движеніяхъ непріятельскихъ, и буде замѣтите, что онъ соединяетъ силы, тогда въ близости наблюдать его и, по мѣрѣ приближенія главной арміи, сближаться и вамъ къ оной, стараясь всегда угрожать тылъ и фланги оной (*); 2-е, непріятель, не имѣя способовъ продовольствія, можетъ предпринять отступный маршъ за Днѣпръ, гдѣ собраны у него въ большомъ количествѣ разнаго рода запасы. Если замѣчено будетъ сіе движеніе, въ такомъ случаѣ стараться его предупредить въ маршѣ и всѣ селенія, фуражъ и всякаго рода запасы предавать огню. Сіе можетъ его привести въ крайность и лишить его всей кавалеріи и артиллерійскихъ лошадей.

Генералъ-лейтенантъ Коновницынъ.
№ 170.
Октября 8 дня,
1812 года.
Деревня Леташевка.

(8) Непріятель при *Малоярославцѣ* 12 числа былъ разбитъ, потерпѣлъ великій уронъ въ людяхъ и потерялъ 16 орудій. Графъ Тишкевичъ взятъ въ плѣнъ.

Армія непріятельская отъ вчерашняго дня отступаетъ, по дошедшимъ извѣстіямъ, чрезъ Боровскъ, Гжать и Смоленскъ; наша кавалерія его преслѣдуетъ. Дѣйствія вашего отряда теперь могутъ быть весьма значительны, для чего его свѣтлость приказалъ немедленно отправить два полка отъ генерала Ше-

(*) Я находился около Вязьмы, а непріятельская армія между Тарутинымъ и Москвою. Какимъ же образомъ могъ я наблюдать за оною и, по мѣрѣ ея сближенія съ нашей арміей, содѣйствовать сей послѣдней? Пусть взглянутъ изъ любопытства на карту.

пелева къ вамъ (*) въ полномъ увѣреніи, что вы употребите всѣ средства на уничтоженіе непріятельскихъ обозовъ и нанесете ему всевозможный вредъ. Генералъ-адъютантъ графъ Орловъ-Денисовъ идетъ съ шестью полками казаковъ въ Гжать. Армія наша расположена при слободѣ *Полотняныхъ Заводовъ*, имѣя сильный отрядъ пѣхоты и кавалеріи въ г. Мединѣ.

Генералъ-адъютантъ Коновницынъ.

№ 250.

Октября 16 дня, 1812 г. Полотн. Заводы.

(9) Не удивляюсь твоимъ подвигамъ, я такъ давно тебя знаю .
я сего дня, благословясь, пускаюсь самъ отсюда въ Преево, по Серпуховской дорогѣ, въ намѣреніи дѣйствовать въ тылъ непріятельскаго авангарда. Прощай, любезный другъ! Въ журналахъ имя твое гремитъ, надо постараться и мнѣ.

Князь Николай Кудашевъ (**).

(10) Милостивый государь мой Денисъ Васильевичъ,

Дежурный генералъ доводилъ до свѣдѣнія моего рапортъ вашъ о послѣднихъ одержанныхъ вами успѣхахъ надъ непріятельскими отрядами между Вязьмою и Семлевымъ, а также письмо ваше къ нему, въ коемъ, между прочимъ, съ удовольствіемъ видѣлъ я, какое усердіе оказываетъ Юхновскій предводитель дворянства господинъ Храповицкій къ пользѣ общей. Желая изъявить предъ всѣми мою къ нему признательность, я, по мѣрѣ власти, Всемилостивѣйше мнѣ предоставленной, препровождаю у сего къ вамъ назначенный для него орденъ св.

(*) Оныхъ полковъ я въ глаза не видалъ.

(**) Этотъ отлично храбрый и благородный человѣкъ, столь несправедливо оклеветанный Барклаемъ въ его запискахъ, совершилъ еще въ 1812 году отличные партизанскіе набѣги, обратившіе на него вниманіе цѣлой арміи. Въ 1813 году онъ съ тремя стами казаковъ прошелъ отъ Теплица къ *Берлину* и отъ Берлина къ *Теплицу* между корпусами Французской арміи, и оба раза вплавь Эльбу. Послѣ перваго изъ этихъ переходовъ наслѣдный принцъ Шведскій (Бернадотъ) сказалъ ему: „Князь! возвратитесь чрезъ армію Блюхера, таковой подвигъ два раза въ жизни невозможенъ.“

Анны 2 класса, который и прошу васъ доставить къ нему, при особомъ моемъ отношеніи на его имя. Буде же онъ прежними заслугами пріобрѣлъ уже таковой знакъ сего ордена, то возвратите мнѣ оный для украшенія его другою наградою, въ воздаяніе похвальныхъ дѣяній, имъ чинимыхъ, о коихъ не оставлю я сдѣлать и всеподданнѣйшее донесеніе мое Государю Императору. Волынскаго Уланскаго полка маіора Храповицкаго поздравляю подполковникомъ. О удостоеніи военнымъ орденомъ командующаго 1-мъ Бугскимъ полкомъ ротмистра Чеченскаго сообщилъ я учрежденному изъ кавалеровъ онаго ордена Совѣту, прочіе рекомендуемые вами господа офицеры не останутся безъ наградъ, соразмѣрно ихъ заслугамъ. Отличившимся нижнимъ чинамъ, по представленнымъ отъ васъ спискамъ, назначаю орденскіе серебряные знаки, а за симъ остаюсь въ полномъ увѣреніи, что вы, продолжая дѣйствовать къ вящему вреду непріятеля, истребляя его конвои, сдѣлаете себѣ прочную репутацію отмѣннаго партизана и достойно заслужите милость и вниманіе Августѣйшаго государя нашего. Между тѣмъ примите совершенную мою признательность.

Съ истиннымъ къ вамъ почтеніемъ имѣю честь быть

Милостивый государь
Вашъ покорный слуга
князь Г. Кутузовъ.

Октября 10 дня,
1812 года.
Д. Леташево.

(11) Господинъ Юхновскій Дворянскій предводитель Храповицкій.

Съ особливымъ удовольствіемъ читалъ я донесеніе командующаго отдѣльнымъ отрядомъ Ахтырскаго гусарскаго полка подполковника Давыдова, что вы, ревнуя къ отечественной пользѣ, дѣлаете всевозможныя пособія къ продовольствію войскъ его отряда, устроили на собственномъ иждивеніи для больныхъ и раненыхъ солдатъ лазаретъ, вспомоществуете ему

состоящею въ вѣденіи вашемъ милиціею и сверхъ того, при занятіи непріятелемъ Юхновскаго округа, дѣятельностію своею и примѣромъ содѣйствовали въ составленіи ополченія и въ отраженіи непріятеля изъ Юхнова и окрестностей. Въ засвидѣтельствованіе моей искренней признательности къ столь отличнымъ дѣяніямъ вашимъ, по силѣ Высочайше мнѣ данной власти, препровождаю у сего вамъ знакъ ордена св. Анны 2 класса, о чемъ донесено будетъ мною и Государю Императору. Пріятно мнѣ надѣяться, что награда сія послужитъ вамъ дальнѣйшимъ поощреніемъ къ употребленію себя на пользу любезнаго отечества, а ко вреду и бѣдствію враговъ онаго.

Генералъ-фельдмаршалъ князь Голенищевъ-Кутузовъ.

Октября 10 дня, 1812 года.

Д. Леташево.

(12) Своеручно:

Крайне вы насъ обрадовали своими подвигами; продолжайте дѣлать то чаще, будьте увѣрены, что начальство умѣетъ цѣнить заслуги, родинѣ оказываемыя.

Главнокомандующій самъ къ вамъ пишетъ и надѣюсь извѣститъ васъ о награжденіяхъ по вашей рекомендаціи. Просимъ не пропускать ничего по дорогамъ комуникаціоннымъ, все бить и истреблять, такъ же извѣщать насъ заблаговременно о приходѣ непріятельскихъ сикурсовъ.

Скоро покажется вамъ туча казаковъ съ Платовымъ.

Все, благодаря Бога, беретъ другой видъ, дай Богъ, въ добрый часъ!

И наши партизаны: Фигнеръ, Сеславинъ и князь Кудашевъ творятъ довольно такъ же чудесъ! Будьте здоровы и вѣрьте искренности и уваженію покорнаго и вѣрнаго слуги Петра Коновницына.

10 октября, 1812 года.

Д. Леташево.

(13) Пріятельское увѣдомленіе ваше, чрезъ урядника Тузова, я получилъ. Радуюсь очень успѣхамъ вашимъ надъ непріятелемъ, они славны весьма и я не могу довольно выхва-

лить ихъ. .
Своеручно: бей, и воюй, достойный Денисъ Васильевичъ, и умножай славу оружія Россійскаго и свою собственную!

Матвѣй Платовъ.

Октября 10 дня, 1812 года.
Д. Леташево.

(14) Пріятнѣйшій рапортъ вашъ, наполненный геройскими подвигами, отъ 6 числа за № 52-мъ, я удовольственнѣйше получилъ и съ нарочнымъ сей день отправилъ къ его свѣтлости. Я не распространился въ рапортѣ моемъ подробнымъ изъясненіемъ достохвальнаго дѣйствія вашего, предполагая, что когда вы доставите списокъ отличившихся ко мнѣ, тогда я въ обязанность поставлю подробно засвидѣтельствовать рвеніе и храбрость вашу. При семъ извѣщаю васъ, что я занимаю съ корпусомъ Рославль и Ельню; изъ сего послѣдняго въ право пикеты Донскихъ казаковъ занимаютъ *Песошню* и *Покровское*, производя разъѣзды до *Городка*, а въ *Ельнѣ* начальникомъ генералъ-маіоръ князь Яшвиль съ пѣхотою и орудіями находится, съ которымъ вы въ случаѣ нужды можете имѣть сношеніе. Извѣстно мнѣ, что нельзя вамъ отлучиться для нужнаго со мною свиданія въ Рославль, потому не оставте отъ себя выслать ко мнѣ изъ чиновниковъ своихъ одного изъ таковыхъ штабъ-офицеровъ, на котораго бы вы полное положили довѣріе, для наставленій о предпріятіяхъ нужныхъ. Если же вы можете сами отбыть на короткое время, хотя въ Ельню, то увѣдомте, дабы я могъ самъ на одинъ день отбыть изъ Рославля туда же въ Ельню.

Генералъ-лейтенантъ Шепелевъ.

№ 1014.
Октября 10 дня,
1812 года.

(15) Посылаю къ вамъ казака изъ главной квартиры съ конвертомъ. Увѣдомляю васъ, что я стою съ коннымъ корпу-

сомъ между Можайскомъ и Боровской дороги и селенія *Перхушково*. Если сей казакъ застанетъ васъ въ Боровскѣ, то я нахожу нужнымъ очистить вамъ дорогу до меня отъ французскихъ мародеровъ, если же вы въ Калугѣ, то нужно дойти вамъ до Боровска и по занятіи онаго сдѣлать со мною сношеніе. Гжатскую же дорогу имѣть въ наблюдательномъ замѣчаніи и посылать на нее дѣйствовать.

Генералъ-маіоръ Дороховъ (*).

11 октября, 1812 года.

(16) Au duc d'Abrantes (Junot). Fominsckoë, le 23 Octobre 5 h. du matin.

Monsieur le duc.

Faites connaître à Gjat l'évacuation de Moscou et le mouvement de l'armée sur Kalouga. Faites le connaître aussi au gouverneur de Wiasma. Il faut que le commandant de Gjat envoie à Wiasma tout ce qu'il a à évacuer; l'intention de l'Empereur étant, qu'aussitot que vous en recevrez l'ordre, vous vous portiez sur Wiasma en reployant tous les postes et toutes les estafettes et en communiquant avec S. M. par Wiasma et Jukhnoff.

Donnez l'ordre à cet effet à Wiasma pour qu'un des généraux de brigade qui s'y trouve (**), porte avec 4 ou 5 mille hommes d'infanterie et de cavalerie pour ouvrir la communication avec l'armée par Jukhnoff. Il sera nécessaire, que le général ou commandant établisse à chaque poste de Wiasma à Jukhnoff cent hommes retranchès avec les couriers d'estafettes. La communication avec Smolensk se fera par Wiasma après qu'on aura abandonné celle de Mojaïsk....

(*) Какъ по сей такъ и по предъидущей бумагѣ видны виды Шепелева и Дорохова на мою партію; одинъ манилъ ее къ *Ельнѣ*, а другой къ *Боровску*; но эта новая Сусанна отбилась безмолвіемъ отъ этихъ задорныхъ стариковъ.

(**) Ce fut le général Ewers qui partit.

Si l'armée ennemie prétend couvrir Kalouga, l'Empereur veut lui livrer bataille.

Vous me renverrez promptement l'officier d'état major que je vous expédie. Nous n'avons pas d'estafettes depuis celles arrivées le 19, 20, 21 et 22. Il parait qu'il y a quelque chose sur nos derrières.

Alexandre (Berthier).

(17) De Napoléon à Berthier.

Borowsk, 24 Octobre 1812.

Mon cousin. Ecrivez au duc de Bellune en chiffres, puisqu'il ne recevra pas cette lettre avant le 26 et qu'alors il aura vu le général Nansouty. Faites lui connaitre, qu'étant toujours sans estafettes, je ne sais pas le dernier état des choses de son coté, que j'ignore si les évènemens l'ont forcé à quelque mouvement, mais que dans le cas où il n'en aurait fait aucun, et que la division Girard serait encore disponible, ainsi que la brigade de cavalerie legère, je désire qu'il se mette en marche sur le champ avec ces troupes pour venir à Elnia et de là passer sur la route de Kalouga pour se rencontrer avec l'armée. S'il peut se mettre en marche le 26, il pourrait être le 30 à cinq marches de Kalouga; que j'établis ma ligne d'opération d'abord par Wiasma, Jukhnow et Znamenskoé, jusqu'à ce que notre jonction soit faite avec lui, et qu'alors je l'établirai par Smolensk et Jelnia....

(18) De la part du major général de Neufchâtel aux chefs de corps.

La volonté de S. M. est, si l'infanterie ennemie suit l'armée dans son mouvement, de l'attaquer, de la culbuter et de la faire en partie prisonnière. A cet effet S. M. a fait choix d'une position intermédiaire entre le poste de Slawkowo et Dorogobouj. L'Empereur sera à cette position demain à la pointe du jour, avec sa garde. Sa Majesté designera l'emplacement des troupes qui doivent se

masser et se cacher de manière à être couvertes par l'arrière-garde commandée par le duc d'Elchingen et être en mesure de déboucher sur l'ennemi avec toute l'artillerie, lorsque celui-ci croira n'avoir à faire qu'à l'arrière-garde et aller à sa rencontre.

M. M. les Maréchaux prendront les mesures pour que les soldats absens rejoignent les drapeaux, que chaque division ait son artillerie, que les bagages filent sur Dorogobouj et Smolensk; des gendarmes d'élite et de la ligne seront placés à Dorogobouj pour faire rejoindre les hommes isolés, excepté les malades. Le Duc d'Abrantés se tiendra prêt à partir avec son corps, infanterie, cavalerie et artillerie au premier ordre et enverra à cet effet un officier de cavalerie près du Major-général.

Tous les hommes de troupe à cheval qui sont à pied et qui forment des regimens aux ordres du général Charrier, seront réunis et reformés à Dorogobouj, de manière à ce que ces régimens soient prêts à avoir l'honneur de marcher avec les grenadiers, formant une brigade particulière sous les ordres du général Charrier. Les parcs d'artillerie et du génie et notamment celui de la garde aux ordres du général Sorbier, se tiendront en mesuse de pouvoir se porter sur la position désignée ci dessus. Les commandants de l'artillerie et du génie s'y trouveront, ainsi que le général Eblé, les sapeurs, marins et pontonniers. Les généraux tiendront la main à ce que les armes soient en bon état, et à ce que les soldats aient leurs cartouches. S. M. le Roi de Naples se rendra demain de bonne heure sur la position pour l'étudier et recevoir les ordres de l'Empereur. Le duc d'Elchingen, faisant l'arrière-garde, manoeuvrera d'après les dispositions ci-dessus, de manière que l'infanterie ennemie puisse être attirée demain matin sur la position et que nous puissions la surprendre par une attaque générale, faite à l'improviste. Le sécretaire d'état Comte Daru fera les fonctions d'intendant général de l'armée en l'absence du général Comte Dumas, malade. Il fera les dispositions et prendra toutes les mesures né-

cessaires pour pourvoir au service de santé, et d'ambulance et que tout soit rendu et préparé sur la position; en conséquence du présent ordre chacun, sans autre ordre, fera toutes les dispositions en ce qui peut le concerner.

L'Empereur attend le rapport de ce qui s'est passé hier pour fixer son opinion: comment le corps ennemi, qui s'est hasardé à vouloir couper la communication entre les divisions françaises, n'a-t-il pas été pris?

Prince de Neufchatel, Major-général.

Slawkowo, le 4 Novembre, 1812.

P. S. Les Maréchaux et généraux de différentes armes auront soin d'envoyer demain à midi un officier près du Major-général avec la situation des corps d'armée.

(19) Главная армія наша по прибытіи сего числа къ Вязьмѣ продолжать будетъ свой маршъ далѣе къ Дорогобужу по лѣвой сторонѣ большой дороги, почему вашему отряду слѣдуетъ какъ можно болѣе приблизиться къ Смоленску, куда съ сильнымъ отрядомъ направляется такъ же графъ Орловъ Денисовъ.

Генералъ-лейтенантъ Коновницынъ.

22 октября, 1812 года.

(20) Изъ предписанія моего отъ вчерашняго числа усмотрите, ваше высокоблагородіе, что вамъ дѣйствовать должно, какъ можно, ближе къ Смоленску; почему, соглашаясь съ желаніемъ вашимъ, сего числа дано знать господину генералъ-адъютанту графу Орлову-Денисову, что вы съ отрядомъ вашимъ будете дѣйствовать отдѣльно.

Генералъ-лейтенантъ Коновницынъ.

№ 323.

23 октября, 1812 года.

(21) Ghorki, le 18 Novembre 1812.

A Son Altesse Sérénissime Monseigneur le Prince de Neufchatel, Major-général.

Monseigneur.

J'ai l'honneur de rendre compte à V. A. S., que le 16 de ce mois, un de mes cantonnemens, celui du dépôt du 5-me de hussards à été attaqué à 6 heures du soir par une troupe de cosaques et obligé de se replier. La position des dépôts devient de jour en jour plus critique; isolés et ayant une retraite très longue à faire, avant de pouvoir être secourus; embarrassés d'équipages, de malades et d'hommes des armés, ils ne feraient probablement qu'une faible résistance et perdraient dans tous les cas beaucoup de monde, s'ils étaient attaqués. Voyant qu'il ne m'etait pas possible de les rassembler, j'ai voulu faire entrer dans ces dépôts les hommes des bataillons formés à Moscou qui se trouvent ici, quelques uns ont obéi et d'autres se sont retirés pour leur compte sur Orcha. D'ailleurs les hommes de ces bataillons, qui devaient nous défendre, désorganisés et demoralisés, ne feraient que nous gèner; la plupart a jeté non seulement leurs fusils ou carabines, mais encore leurs sabres. Plussieurs de leurs officiers (dont quelques uns sont aussi pour leur compte à Orcha) sont d'une insouciance, je dirai même d'une mauvaise volonté très coupable. La route de Krasnoî, étant interceptée, je supplie V. A. S. d'envoyer ses ordres sur Dubrowno et Orcha. Si les commandants de ces deux places sont exactes à me les faire passer, je les recevrai peut etre avant d'etre forcé à une retraite, qui, si j'étais un peu pressé, deviendrait très dangereuse.

J'ai l'honneur d'etre, etc. etc.

Blancard.

Situation du dépôt à l'époque du 18 Novembre 1812.

Chevaux de troupes malades et blessés. . . .	684
Disponibles.	48
effectif. . . .	732

Major.	2
Chefs d'escadrons.	3
Capitaines.	48
Lieutenant.	48
Sous-lieutenants.	72
Effectif. . . .	173 officiers.

Sous-officiers et cavaliers malades et blessés.	816
Disponibles.	2283
Effectif.	3099

(22) Orcha, 19 Novembre 1812.

A Monsieur le Commandant de dépôt de cavalerie à Ghorki.

Ne perdez pas un moment pour vous retirer avec votre dépôt derrière le Dnieper, soit en vous rendant ici, si vous le pouvez, soit en vous dirigeant par Kopiss ou par Schkloff. Vous prendrez la direction, que vous jugerez la plus convenable, mais accélérez votre mouvement, de manière à être rendu le plus promptement possible avec votre dépôt derrière le Dnieper. Renvoyez moi le porteur de ma lettre avec de vos nouvelles.

Prince de Neufchatel, Major-général,

Alexandre.

(23) A Monsieur le Major-Blancard.

J'envoie un Juif au devant de vous; je vous ai ordonné plusieurs fois de vous rendre avec votre dépôt sur le Dnieper, accélerez votre marche le plus qu'il vous sera possible.

Le Prince de Neufchatel Alexandre.

Orcha, le 19 Novembre à 10 h. du matin.

(24) Состоящему при отрядѣ вашемъ 11-му егерскому полку прикажите оставаться на переправѣ при Копысѣ, гдѣ долженъ ожидать прибытія 6-го корпуса, буде сей полкъ находится при васъ.

Генералъ-лейтенантъ Коновницынъ.

№ 484.
10 ноября, 1812.
Деревня Ланники.

(25) Письмо полковнику Толю.

И такъ, кажется, любезный Карлъ Өедоровичъ, исторія о переправѣ есть лишь басня и тѣмъ лучше; но мнѣ приказали измѣнить направленіе, о это тѣмъ хуже! рано или поздно я предвижу, что переправа совершится, и непріятель непремѣнно обратится къ Минску; не смотря на то я, на основаніи вторичнаго повелѣнія, иду на *Чернявку* и *Озятичи*, откуда въ случаѣ переправы и движенія непріятеля къ Минску, брошусь вплавь и, во что̀ бы то ни стало, обращусь къ предположенному мною направленію.

Повторяю мою покорную просьбу о присылкѣ мнѣ карты Минской губерніи, ибо, благодаря свѣтлѣйшаго, я уже на концѣ той, по которой слѣдовалъ.

Партизанъ Денисъ Давыдовъ.

17 ноября, въ 4 часа вечера.
Козловъ Берегъ.

(26) Письмо полковника Толя. 16-го, 10 час. вечера.

Извѣстіе, данное намъ графомъ Ожаровскимъ, привело въ отчаяніе всѣхъ истинно русскихъ! узнать, что ушелъ извергъ, котораго гибель готовились довершить!...

Если извѣстіе сіе подтвердится, то я совершенно вашего мнѣнія, что идти вамъ на *Смолевичи*. Между тѣмъ армія продолжаетъ слѣдовать по тому же направленію. Въ *Жуковцѣ* она переходитъ рѣку и идетъ на *Жодинъ* и *Логойскъ* все на лѣвой сторонѣ непріятеля. Не смотря на видимое счастье

Бонапарта, нужно только жестоко напирать на его армію, чтобы уничтожить оную совершенно, а такъ какъ у Чичагова 120 свѣжихъ эскадроновъ, то ему стоитъ только, обогнавши ими непріятеля, повелѣть имъ ломать мосты и заваливать путь, и лишать его всѣхъ способовъ продовольствія.

Я увѣренъ, что и вы также ускорите движеніе ваше для сего же предмета и пр.

Карлъ Толь.

Хомри.

(27) Отъ полковника Толя. 22 ноября.

Le quartier général passe à l'armée de Schitchgoff.

Mon colonel.

Apparement vous n'avez pas reçu l'ordre ci-joint, qui vous est envoyé en duplicata. Séslavine a la même destination, tâchez de rompre les ponts sur le Niemen et donnez nous des renseignemens sur tous les renforts, que l'armée ennemie pourra recevoir. Je vous envoie enfin la carte du gouvernement de Wilna. Attrappez nous Bonaparte et l'affaire est finie.

Charles de Toll.

(28) Отъ полковника Толя. Вильна, 30-го ноября.

Mon colonel.

Wilna est occupé par les notres, cela rapelle les Polonais à leurs devoirs. De combien de bassesses j'ai été témoin aujourd'hui, quand tous ces Polonais venaient se jetter aux pieds du Maréchal. Quoi que vous ayez pris la direction de Grodno, il faut que je vous prévienne, que le conseil aulique Autrichien se trouve dans cette ville. La volonté du maréchal est que l'on traite les Autrichiens avec ménagement, ce qu'a fait Ожаровскій, après avoir fait prisonniers 2 hussards Hongrois, qu'il a renvoyés.

Un régiment de cosaques du détachement de Séslawine va joindre le votre et le reste des troupes rentrera dans leurs régimens.

Tout à vous

Charles de Toll.

P. S. Le régiment, qui vous était destiné, escorte 8000 prisonniers faits à Wilna.

(29) Присягали и помогали непріятелю:

Смоленскій помѣщикъ, Московскаго гренадерскаго полка отставной подполковникъ Маслениковъ.

Живущій около Копыса, во владѣніи генерала Мелиссино, 1-го егерскаго полка отставной поручикъ Глотовъ.

Житель города Вязьмы Треіеръ.

Оршанскій *префектъ* Василевскій.

— — помѣщикъ Ортишевскій.

— — коммиссаръ Стаховскій.

— — —— Сербіевскій.

Романовскій —— Кроновичъ.

Главные управители княгини Любомірской Заронокъ и Шебекъ.

Писаржъ Либскій.

—— Резарскій.

—— Гитеръ.

(30) Подполковнику Давыдову.

Непріятель, переправившійся чрезъ Березину и идущій по дорогѣ чрезъ *Плещеницу, Илію, Молодечно, Сморгони* на Вильну преслѣдуемъ многочисленною кавалеріею адмирала Чичагова (*), и потому его свѣтлость находитъ нужнымъ,

(*) Нельзя невольно не усмѣхнуться: *кавалеріею адмирала!* Это напоминаетъ Маскариля commandant la cavalerie sur les galères de Malte! (precieuses ridicules).

чтобы ваше высокоблагородіе, не обращаясь на отступающаго непріятеля, шли бы прямо на Ковно, съ тѣмъ чтобы истребить въ семъ мѣстѣ всякаго рода непріятельскіе запасы. Господину капитану Сеславину предписано дѣйствовать въ семъ же направленіи, и потому старайтесь быть съ нимъ въ сношеніи. Его свѣтлость, избирая васъ и капитана Сеславина на сіе предпріятіе, остается въ полномъ увѣреніи, что возлагаемая на васъ столь важная поручительность будетъ исполнена съ совершеннымъ успѣхомъ.

Генералъ-лейтенантъ Коновницынъ.

№ 561.
19 ноября, 1812 года.
Деревня Уша.

(31) Подполковнику Давыдову.

Сходно общаго операціоннаго плана имѣете, ваше высокоблагородіе, слѣдовать отъ м. *Новыхъ Трокъ* чрезъ *Олиту* и *Меречь* къ Гроднѣ, гдѣ остановитесь впредь до повелѣнія; обо всемъ происходящемъ рапортовать вамъ адмиралу Чичагову, идущему въ направленіи чрезъ Новыя Троки въ Гёзну, гдѣ переправится чрезъ Нѣманъ, генералу Тормасову, берущему на время команду надъ корпусомъ генералъ-маіора Тучкова, слѣдующему къ *Новому Свержену*, что на Нѣманѣ, и главнокомандующему всѣхъ армій. Влѣво отъ васъ при мостахъ остановится отрядъ генералъ-адъютанта Васильчикова.

Генералъ-лейтенантъ Коновницынъ.

№ 630.
Вильно, ноября 30 дня.

(32) Подполковнику Давыдову.

Его свѣтлость весьма обрадовался извѣстію о взятіи города Гродно, а какъ Шварценбергъ слѣдуетъ къ Бѣлостоку, то и нужно, чтобы ваше высокоблагородіе слѣдовали бы въ направленіи чрезъ Гоніондзъ въ герцогство Варшавское, ста-

раясь сколь возможно болѣе угрожать лѣвое крыло Шварценберга и чрезъ то заставить его отойти къ Люблину. О семъ предписано и генералъ-адъютанту Васильчикову, идущему на *Тикочинъ* и *Бѣлостокъ*.

Генералъ-лейтенантъ Коновницынъ.

№ 715.

10 декабря. Вильно.

(33) Тому же.

Получивъ рапортъ вашъ, я по нѣкоторымъ обстоятельствамъ прошу васъ остановиться въ селеніи *Соколахъ*, куда вы сего дня приняли свое направленіе. Я дамъ знать о томъ, когда вамъ дѣйствовать.

Генералъ-адъютантъ Васильчиковъ.

№ 260. Декабря 21.

М. Менженинъ.

(34) Дубликатъ тому же.

Ваше высокоблагородіе съ ввѣреннымъ вамъ отрядомъ имѣете немедленно слѣдовать въ мѣстечко Ганіондзъ на соединеніе съ корпусомъ генерала Дохтурова и 2-мъ пѣхотнымъ, гдѣ явитесь въ команду принца Евгенія Виртембергскаго.

Генералъ-лейтенантъ Коновницынъ.

№ 772.

20 декабря.

(35) Не имѣя отъ васъ съ 14 декабря никакого донесенія, неизвѣстно, получили ли вы предписаніе, отъ 20 декабря № 772, которое при семъ въ копіи для самоскорѣйшаго исполненія во второй разъ къ вамъ препровождаю.

Генералъ-адъютантъ К. Волконскій.

№ 818.

Декабря 30 дня. М. Меречь.

ПРИБАВЛЕНІЯ.

Подполковнику Храповицкому.

Любезный Степанъ, начальникъ развратныхъ казаковъ.

Во первыхъ поздравляю тебя съ полученіемъ чина и съ бородою, кланяйся отъ меня Давыдову, и попроси его отъ меня, дабы онъ приказалъ своей командѣ не притѣснять генерала Барановскаго; податель сего письма пріѣзжалъ къ Ефиму Игнатьевичу Чаплицу и просилъ его покровительства. Прощай, будь здоровъ и пріѣзжай скорѣе въ полкъ.

Твой другъ Орурк҃ъ.

1812 года.
Мѣс. Гезна.

Надпись на имя подполковника Давыдова.

О разграбленномъ домѣ Барановскаго сдѣлай, пожалуста, розыскъ и вели отдать все отобранное отъ него казаками твоими, прощай, будь здоровъ, твой другъ и братъ

А. Храповицкій.

Господину подполковнику Давыдову.

Изъ полученныхъ извѣстій видно, что князь Шварценбергъ отступаетъ отъ Слонима въ направленіи къ герцогству Варшавскому. Въ слѣдствіе сего ваше высокоблагородіе имѣете отъ Гродны слѣдовать на Тыкочинъ, или ежели сіе невозможно, то по крайней мѣрѣ на Гоніондзъ, стараясь угрожать лѣвый флангъ и тылъ князя Шварценберга, и обо всемъ происходящемъ рапортовать генералу Дохтурову, идущему съ корпусомъ генералъ-маіора Тучкова на Слонимъ, генералу

Милорадовичу, находящемуся въ Лидахъ, и главнокомандующему всѣхъ армій.

Генералъ-лейтенантъ Коновницынъ.

№ 678.

6 декабря, 1812 года. Г. Вильно.

Господину подполковнику Давыдову.

Спѣшу увѣдомить васъ, что изъ полученныхъ извѣстій, въ м. Рожанъ, что̀ на рѣкѣ Наревѣ, заготовленъ непріятелемъ магазинъ, въ которомъ сарачинскаго пшена до 36 тыс. центнеровъ и въ Гоніондзахъ 76 тыс. центнеровъ овса. По мѣрѣ приближенія вашего къ симъ мѣстечкамъ, прошу васъ отрядить туда команду для охраненія сихъ запасовъ и содержанія при оныхъ карауловъ.

Генералъ-адъютантъ Коновницынъ.

№ 695.

8 декабря, 1812.

Г. Вильна.

Господину подполковнику Давыдову.

Его свѣтлость желаетъ, чтобы ваше высокоблагородіе всевозможное стараніе употребили посредствомъ жидовъ или другихъ вѣрныхъ людей узнать о дальнѣйшихъ движеніяхъ австрійцевъ и о образѣ ихъ мыслей противу насъ; обо всемъ какъ генерала Милорадовича, такъ и свѣтлѣйшаго князя, какъ можно чаще извѣщать.

Генералъ-лейтенантъ Коновницынъ.

№ 725.

12 декабря, 1812 года.

Г. Вильна.

Записка генералу Коновницыну.

Нынѣ въ полдень между большею арміею и авангардомъ, побью и возьму нѣсколько плѣнныхъ, не малая часть кавале-

ріи непріятельской, находящейся въ авангардѣ, будетъ обращена противъ меня; увѣдомляю для того, что можетъ быть наша армія симъ воспользуется.

Артиллеріи капитанъ Фигнеръ.

Генералу Коновницыну.

Ваше превосходительство

Петръ Петровичъ,

Вчера я узналъ, что заботились узнать о силахъ и движеніи непріятеля, чего ради я вчера же былъ у Французовъ одинъ, а сегодня посѣщалъ ихъ вооруженною рукою, послѣ чего опять имѣлъ съ ними переговоры о всемъ случившемся; посланный мною къ вамъ г. ротмистръ Алексѣевъ лучше разскажетъ, ибо я боюсь расхвастаться.

Александръ Фигнеръ.

Деревни Воловой, погоста Шубинки, Бронницкаго уѣзда, на Коломенской дорогѣ, въ сторону въ 15-ти верстахъ, крестьянинъ Андрея Ключарева, Никита Макаровъ, пришелъ объявить въ главную квартиру, что господинъ ихъ, деревня котораго состоитъ изъ 80 душъ, принимаетъ Французовъ, запрещаетъ имъ оныхъ брать и обороняться противъ ихъ, заставляетъ кормить непріятеля какъ можно лучше; казакамъ же, которые въ оной деревни находятся, запрещаетъ давать имъ хлѣба, и стращаетъ мужиковъ, что если они малѣйшую обиду сдѣлаютъ Французамъ, то онъ всю деревню отдастъ непріятелю; онъ же, Ключаревъ, по объявленіи онаго крестьянина, имѣетъ какой-то билетъ отъ Французовъ, полученный въ Москвѣ, чтобъ такого-то Ключарева Французскія войска не трогали и чтобъ имѣли всякое уваженіе къ нему и получилъ провожатаго изъ Москвы, дабы по дорогѣ его Французскія войска не трогали.

Александръ Фигнеръ.

Ваше превосходительство

Петръ Петровичъ,

Преступилъ повелѣніе его свѣтлости и исполнилъ его волю; преступилъ, побывавъ въ непріятельской арміи, но гдѣ провѣдалъ сколько могъ и сколько полагалъ нужнымъ: армія непріятельская стоитъ на прежнемъ мѣстѣ въ 15 верстахъ отъ Воронова къ Калугѣ, въ Москву недавно пошелъ отрядъ, который долженъ будетъ прикрывать большой транспортъ съ провизіею; въ Москвѣ еще и теперь находится вся гвардія, въ Вороновѣ стоятъ два пѣхотные полка, которые могутъ быть въ два часа истреблены отрядомъ генерала Дорохова и моимъ; за истребленіе ихъ ручаюсь головою, коль скоро отрядъ пойдетъ такъ, какъ я его поведу. Французы терпятъ крайній недостатокъ въ хлѣбѣ, котораго ищутъ съ величайшею дерзостію; но я за оное ихъ строго наказываю; вчера въ четверть часа я лишилъ ихъ 40 отмѣнныхъ артиллеристовъ и двухъ офицеровъ; посланный мною къ вамъ съ симъ донесеніемъ поручикъ Лизогубъ увѣдомитъ васъ о всемъ съ надлежащею точностію. Съ неограниченнымъ почтеніемъ честь имѣю пребыть навсегда вашего превосходительства покорнѣйшій слуга,

Александръ Фигнеръ.

Ваше превосходительство

Петръ Петровичъ,

Надѣюсь, что воля свѣтлѣйшаго чрезъ два дни будетъ исполнена, съ вѣрнѣйшимъ донесеніемъ присланъ будетъ мною въ воскресенье лучшій офицеръ, который отправленъ будетъ въ субботу.

Александръ Фигнеръ.

Подателю сего письма прошу ваше превосходительство за вѣрное доставленіе дать отпускъ въ деревню близъ Боровска, до излеченія раны.

Милостивый государь

Петръ Петровичъ,

По извѣстіямъ отъ гвардіи капитана Сеславина, что непріятель занялъ селеніе Ѳоминское, и что сія часть слѣдуетъ для формированія въ Саксонію, и имѣетъ множество обозу; вчерашняго числа обще съ отрядомъ капитана Фигнера мною непріятель открытъ при селеніи Мальцовѣ и при нападеніи моемъ кавалеріею, порублено и взято нѣсколько въ плѣнъ, коими объявлено, что оная часть послана для открытія новой коммуникаціонной дороги между арміею и можайскою дорогою и для прикрытія фуражировъ, которая дѣйствительно состоитъ изъ двухъ французскихъ пѣхотныхъ комплектныхъ полковъ и 4 кавалерійскихъ, изъ коихъ два французскихъ, кои оба составляютъ не болѣе 600 человѣкъ, но послѣдніе комплектны, артиллеріи 6 орудій; сей отрядъ я почитаю въ силахъ меня превосходнѣе, ибо изъ моей пѣхоты третья часть ратниковъ, кои еще не бывали въ дѣлѣ, во-вторыхъ, если бы я непріятеля побилъ, коего долженъ атаковать всѣми силами безъ резервовъ, то я его преслѣдую не далѣе версты по причинѣ находящагося въ тылу его лѣса; если же я буду принужденъ отступить, то я ретируюсь болѣе 25 верстъ открытыми мѣстами, и онъ мнѣ можетъ вредить. Если вы найдете сіи причины достаточными къ оправданію, что я его не атаковалъ, то пособите мнѣ, ваше превосходительство, и пришлите *два полка пѣхоты,* что я почитаю возможнымъ, ибо они сдѣлаютъ переходъ не далѣе 30 верстъ чрезъ селеніе *Новоселки, Добрино, Татарки въ Котовѣ, гдѣ я теперь съ моимъ отрядомъ,* тогда завѣряю васъ, что я сей отрядъ съ помощію Божіею убью. Непремѣнно онъ подъ командою генерала Орнаное. Я же въ ожиданіи буду держать на виду и постараюся не дать ему шагу изъ сего мѣста. Какъ Русскій, поздравляю его свѣтлость и васъ со вчерашней побѣдой; Всевышній Боже, продолжи на насъ Свою милость, отъ атаки побѣда несомнѣн-

на. Если я васъ не обременю, прикажите меня извѣстить сколько побито, и какое число взято. Имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ навсегда

Вашего превосходительства
Милостивый государь
покорнѣйшій слуга
Иванъ Дороховъ.

1812 года.
Село Котово.

№ 127. Г. генералъ-лейтенанту и кавалеру Коновницыну

Артиллеріи капитана Фигнера

Рапортъ.

Въ нынѣшнюю экспедицію взято въ плѣнъ 315 и убито до 360 рядовыхъ. Офицеровъ убито 6 и взято 5. Первые 125 рядовыхъ и 4 офицера положили оружіе при селѣ Каменскомъ, вторые 63 при рекогносцировкѣ авангарда, наконецъ послѣдніе 159 и одинъ офицеръ въ селѣ Плюсновѣ, гдѣ непріятель въ числѣ 300 человѣкъ прикрывалъ большія заготовленія провіанта немолотаго и три тысячи четвертей муки, тамошнею мельницею сдѣланной; все сіе сожжено вмѣстѣ съ мельницею, равно какъ и множество ржи и фуража въ окрестныхъ деревняхъ, куда фуражиры изъ арміи, не взирая на голодъ, въ оной свирѣпствующій, допускаемы не были; ибо, по мѣрѣ наполненія большаго количества муки, отправлялась оная вся въ Москву; непріятель, предпріявшій защищаться, потерялъ половину убитыми, въ числѣ коихъ 5 офицеровъ, наиболѣе упрямившихся. Отъ крайняго голода непріятель разсѣялся большими партіями, ищетъ скрывающихся въ лѣсахъ мужиковъ и лишаетъ ихъ сначала послѣдняго имущества, а потомъ и жизни; всѣ таковые изверги, попадавшіеся мнѣ весьма часто, предаваемы были ожесточеннымъ жителямъ или разстрѣливаемы на мѣстѣ. Уронъ съ нашей стороны во всю экспедицію: 2 убитыхъ, раненъ штабъ-ротмистръ Ковалевскій

и 5 рядовыхъ; лошадей хотя и было убитыхъ до 30, но всѣ онѣ замѣнены взятыми у непріятеля.

Артиллеріи капитанъ Фигнеръ.

Его свѣтлости

Высокоповелительному г. генералъ-фельдмаршалу главнокомандующему всѣми арміями, князю Голенищеву-Кутузову

Начальника главнаго штаба, 1-й арміи генералъ-маіора Ермолова

Рапортъ.

Вчерашній день я имѣлъ честь предупредить г. дежурнаго генерала всѣхъ армій для доклада вашей свѣтлости о дѣйствіяхъ отряженной съ артиллеріи штабсъ-капитаномъ Фигнеромъ партіи, нынѣ рапортъ его въ подлинникѣ имѣю честь представить вашей свѣтлости.

Сей офицеръ, извѣстный своею предпріимчивостью и прежними отличными дѣйствіями, былъ употребленъ мною въ полной увѣренности, что онъ воспользуется первымъ случаемъ, чтобы доказать свое рвеніе къ пользамъ службы. Дѣйствіе его, но лучше свидѣтельство самыхъ плѣнныхъ, вполнѣ оправдали сдѣланный мною выборъ и выказали всѣ его способности.

Благоволите, ваша свѣтлость, вознаградить труды сего офицера, имѣющаго единымъ предметомъ пользу службы своего Государя, и обратить благосклонное вниманіе свое на его усердіе, заслуживающее величайшихъ похвалъ. Простите также смѣлость моего предложенія о томъ, что надо отрядить сего отличнаго офицера съ большею партіею, избравъ ему предпріимчивыхъ офицеровъ, дабы малочисленность конницы его не ослабила бы его дѣятельности и не вынудила бы его часто по необходимости скрываться въ лѣсахъ.

Генералъ-маіоръ Ермоловъ.

№ 490.

Сентября 25, 1812.

Г. начальнику главнаго штаба 1-й западной арміи генералъ-маіору и кавалеру Ермолову

Артиллеріи штабсъ-капитана Фигнера

Рапортъ.

Ввѣреннымъ мнѣ отрядомъ о причиненіи непріятелю вреда донести честь имѣю слѣдующее: 1) въ окрестностяхъ Москвы истреблены всѣ продовольствія; 2) въ селахъ, лежащихъ между Тульскою и Звенигородскою дорогою, побито до 400 человѣкъ; 3) на Можайской дорогѣ взорванъ паркъ, шесть батарейныхъ орудій приведены въ совершенную негодность, а 18 ящиковъ, симъ орудіямъ принадлежащихъ, взорваны. При орудіяхъ взяты полковникъ, 4 офицера и рядовыхъ 58, убито офицеровъ три и великое число рядовыхъ.

Не взирая на чрезвычайную трудность путей, офицеры наблюдали въ своихъ командахъ совершенный порядокъ. Отъ чего въ самыя мрачныя ночи въ лѣсахъ, едва днемъ сквозящихъ, марши были быстры, а слѣдствія оныхъ непріятелю гибельны. Перенося равнодушно холодъ и стужу, презирая опасность среди многочисленнѣйшаго непріятеля, они поселяли твердость и надежду въ солдатахъ. Уронъ, понесенный симъ отрядомъ, состоитъ въ одномъ убитомъ и двухъ легко раненыхъ.

Артиллеріи штабсъ-капитанъ Фигнеръ.

(?) дня,
1812 года.

Генералу Коновницыну,

Ваше превосходительство

Петръ Петровичъ,

Спѣшу извѣстить васъ, что французская гвардія и спѣшенная кавалерія уже семь дней, какъ вошли въ Смоленскъ, который укрѣпляется съ самаго туда ихъ вшествія, войска останавливаются тамъ, а обозы, слабые и плѣнные идутъ на Крас-

ный, продовольствіе заготовлено тамъ въ большомъ количествѣ, а около самаго города строятъ непріятельскія батареи. О направленіи непріятеля изъ Краснаго не примину чрезъ два дня увѣдомить; съ неограниченнымъ почтеніемъ честь имѣю пребыть по гробъ свой

Вашего превосходительства
усерднѣйшій слуга
Александръ Фигнеръ.

№ 406. Изъ всѣхъ извѣстій, которыя вамъ уже отъ насъ доставлены, что непріятель вступилъ уже въ Смоленскъ, который укрѣпленъ наилучшимъ образомъ, снабженъ провіантомъ, что обозы слѣдуютъ на Красное, заключить можно, что непріятель на Могилевъ нейдетъ, а на Минскъ; поспѣшайте ваше превосходительство съ арміею къ Красному, симъ перерѣжите ему отступленіе сею дорогою и прикроете нѣкоторыя губерніи; онъ долженъ погибнуть, ежели будетъ упрежденъ. Боже дай, чтобы не было ошибки подобной. Я съ Фигнеромъ иду въ Красное. Будемъ васъ извѣщать обо всемъ немедля. Ежели возможно, то откроемъ коммуникацію съ Витгенштейномъ. Прошу извѣстить насъ, что́ армія посему намѣрена дѣлать и маршрутъ прислать вашего движенія.

Капитанъ Сеславинъ.

Господину генералъ-лейтенанту, дежурному арміи генералу и кавалеру Коновницыну

Гвардіи капитана Сеславина и артиллеріи капитана Фигнера

Рапортъ.

Со дня содѣйствія нашего подъ Вязьмою г. генералу Милорадовичу, шли мы по лѣвую сторону большой дороги и препятствовали непріятелю съ сей стороны искать себѣ продовольствія; 27-го сего мѣсяца соединились мы съ отрядомъ

подполковника Давыдова въ селѣ Дубасищахъ, гдѣ узнали, что непріятельскіе отряды подъ командою генераловъ Бараге-д'Илье, Ожеро и Шарпантье находятся въ селахъ Язвинѣ, Ляховѣ и Долгомостьѣ; сильнѣйшій изъ нихъ подъ командою генерала Ожеро рѣшились мы атаковать; о семъ дали знать поспѣшавшему съ своимъ отрядомъ господину генералъ-адъютанту графу Орлову-Денисову, который, раздѣливъ свой отрядъ на двое, сталъ между Язвинымъ и Ляховымъ, и между Ляховымъ и Долгомостьемъ. Непріятель, усмотрѣвшій насъ къ своему несчастью поздно, въ безпорядкѣ торопился занимать высоту, съ которой былъ сбитъ нашими орудіями, занявшими мгновенно возвышеніе. Въ первомъ страхѣ ретировался непріятель въ деревню, но, поражаемый нашею артиллеріею, почувствовалъ сколь бѣдственна ему высота, намъ уступленная; онъ рѣшился возвратить оную двумя колоннами пѣхоты, коимъ мы, попустивъ перейти мостъ, отрѣзали ихъ отъ онаго скрытою за горою кавалеріею; весьма малое число изъ сихъ двухъ колоннъ проползло подъ топтавшими ихъ гусарами. Послѣ сего артиллерія наша, не будучи угрожаема стрѣлками, дѣйствовала свободно по стѣснившейся въ деревнѣ пѣхотѣ и конницѣ, наконецъ взорвала вдругъ всѣ ихъ патронные ящики; усмотрѣвъ, сколь разстроился непріятель послѣднею потерею, потребовали мы сдачи именемъ графа Орлова-Денисова; хотя мы окружали его токмо двумя тысячами, непріятель повѣрилъ, что насъ 15,000 и, по нѣкоторомъ колебаніи, сдался въ числѣ: одного генерала, шестидесяти штабъ и оберъ-офицеровъ и двухъ тысячъ пѣхоты и конницы на слѣдующихъ условіяхъ: 1) генералъ и офицеры удержатъ свои шпаги, 2) всѣ чины удержатъ свою собственность, 3) раненые отведутся въ ближайшій госпиталь. Пункты подписаны генераломъ барономъ Ожеро и артиллеріи капитаномъ Фигнеромъ. Между тѣмъ какъ наши отряды и отрядъ подполковника Давыдова дѣйствовали противъ генерала Ожеро, войска генералъ-адъютанта графа Орлова, подкрѣпленныя казачьимъ полкомъ изъ отряда гвардіи капитана Сеславина опрокинули шедшую

изъ Долгомостья къ Ляхову непріятельскую кавалерію и истребили оную совершенно.

О отличившихся офицерахъ будемъ имѣть честь представить списокъ, а особенно о артиллеріи и двухъ эскандронахъ: Ахтырскомъ и Маріупольскомъ, которые истребили двѣ пѣхотныя колонны.

Капитанъ Фигнеръ.
Капитанъ Сеславинъ.

№ 457. Ваше превосходительство,

У селенія Волкова напалъ я на небольшую колонну арріергарда генерала Заіончика. Ему назначено было идти на Красное; взявъ четырехъ офицеровъ въ плѣнъ, я узналъ отъ нихъ, что армія ихъ идетъ двумя колоннами на зимнія квартиры: одна на Красное, другая на Витебскъ, при коей самъ Наполеонъ съ гвардіей пойдетъ. Говорятъ, что заложены магазины въ Оршѣ, Красномъ, Дубровнѣ, Шкловѣ и въ Смоленскѣ, гдѣ, говорятъ, заготовлено провіанту на 10 дней для всей арміи. Викторъ соединился съ Сенсиромъ, и пошли на Витгенштейна, а куда—неизвѣстно, по словамъ плѣнныхъ. При семъ честь имѣю препроводить четырехъ офицеровъ и до 50 человѣкъ плѣнныхъ, оставшихся отъ разбитой колонны.

Гвардіи капитанъ Сеславинъ.

№ 474. Французская армія расположена по ту сторону Смоленска къ Дорогобужу, гвардія же съ Наполеономъ въ самомъ Смоленскѣ. Они имѣютъ намѣреніе идти въ Вильну, а оттуда чрезъ герцогство Варшавское въ Германію; нѣкоторыя части начали уже выступать на Рудню и на Витебскъ; пятый корпусъ изъ Поляковъ, подъ командою Заіончика, пошелъ на Красное; нѣкоторая часть шла чрезъ Кобычево, Волково въ Красное; сегодня Наполеонъ еще въ Смоленскѣ, я

напалъ на арріергардъ Заіончика въ Волковѣ; пѣхотная колонна, будучи окружена, не сдавалась, почему я гусарамъ приказалъ на нее напасть съ быстротою, это было исполнено и колонна посѣчена. Въ плѣнъ взято офицеровъ и рядовыхъ 70.

№ 506. Сенсиръ былъ разбитъ совершенно; Викторъ половину своего корпуса отправилъ прежде въ Мстиславль, другую въ Витебскъ, послѣ разбитія Сенсира получилъ повелѣніе соединить свой корпусъ и идти противъ Витгенштейна. Въ сторонѣ отъ Сенно въ 15 верстахъ на Красной горѣ былъ разбитъ Витгенштейномъ и отретировался въ Чашники, и остановился по сю сторону рѣки. Витгенштейнъ же стоялъ по другую; это происходило въ субботу, девять дней только сталъ слухъ носиться, что казаки отбили въ Борисовѣ нѣсколько фургоновъ, а котораго корпуса отбили, того не знаютъ; думаютъ, что Витгенштейнъ идетъ къ Борисову по ту сторону Березины; въ Бабиновичахъ же, говорятъ, находится часть нашего войска, Витебскъ занятъ нашими, тамъ взятъ губернаторъ, комендантъ, 400 человѣкъ рядовыхъ и двѣ пушки изъ Орши. Обозамъ приказано было прежде идти къ Виктору въ Сенно, а потомъ отмѣнено, а послали ихъ прямо въ Чашники; Французская армія идетъ частію чрезъ Дубровну, почему и останавливаетъ меня перебраться за Днѣпръ, надѣюсь, что скоро представится случай въ другомъ мѣстѣ.

Вѣрныхъ извѣстій объ Витгенштейнѣ, гдѣ онъ находится, еще не имѣю; коль скоро получу, немедля пойдя къ нему.

Капитанъ Сеславинъ.

№ 54. Богъ вамъ судья, ваше превосходительство; въ Красномъ тоже бѣдствіе, таже нерѣшительность, что и въ Вязьмѣ, третій день какъ Смоленскъ непріятелемъ оставленъ; они вышли оттуда, 2-го ноября отдыхали въ Красномъ, и гвардія съ Наполеономъ пришли сего же дня въ Ляды. По показанію плѣнныхъ Наполеонъ, ѣхавши по дорогѣ, былъ ата-

кованъ казаками, но уплелся невредимъ; изъ Лядовъ назначенъ завтра походъ по большой дорогѣ къ Оршѣ; въ Парижѣ и въ старой Пруссіи революція. Пошлите войска въ Горки, тамъ 2000 кавалеріи и сильная часть пѣхоты. Въ Оршѣ до 10,000 войска съ тетъ депономъ. Теперь изъ Краснаго вы можете, я думаю, открыть сообщенія съ Витгенштейномъ. Варшава окружена нашими, утверждаютъ, что и занята, теперь нужно вамъ насѣсть на отступающихъ. Витебскъ занятъ нашими; въ Бобрѣ, Борисовѣ и Сенно находятся наши передовые посты изъ войскъ, находящихся подъ Витебскомъ; подъ чьимъ начальствомъ сіи войска, того еще неизвѣстно.

Капитанъ Сеславинъ.

1812.

Милостивый государь

Петръ Петровичъ,

Сейчасъ прибылъ ко мнѣ Вильмастранскаго полка маіоръ Ванеловъ, недавно освободившійся изъ плѣна; онъ лишь вчера вечеромъ изъ Лядова и видѣлъ гвардію въ великой разстройкѣ, видѣлъ самаго Наполеона, а потому извольте его сами расспросить и онъ вамъ сообщитъ весьма интересныя новости. Между тѣмъ всепокорнѣйше прошу вашего превосходительства исходатайствовать сему маіору отпускъ въ г. Бѣлый, для излеченія раны, такъ какъ и прибывшему съ нимъ того же полка капитану Тарелкину, чѣмъ крайне одолжите того, который съ истиннымъ почтеніемъ и сердечною преданностію имѣетъ честь быть

Вашего превосходительства

покорный слуга

Денисъ Давыдовъ.

Въ 2 часа по полуночи.

№ 524. Ваше превосходительство,

Подтверждаю вамъ навѣрное, что Смоленскъ непріятелемъ оставленъ. Въ Красномъ находятся два корпуса Французскіе 4-й и 5-й; первымъ командуетъ генералъ Удино, а о послѣднемъ не имѣю вѣрнаго свѣдѣнія. Наполеонъ съ гвардіею пришелъ вчера въ Ляды. Говорятъ, будто бы имъ сегодня назначенъ былъ маршъ. Я въ ночь ихъ потревожилъ; окружилъ Ляды, стрѣлялъ и заставилъ кричать, чѣмъ не далъ спать Наполеону; потому и заставилъ ихъ быть въ готовности и страхѣ; они дали сигналъ, зажегши во многихъ мѣстахъ городъ. Викторъ соединился съ главной арміей и составляетъ ея резервъ, онъ уже въ Дубровнѣ и можетъ быть далѣе. Италіанская армія идетъ правѣе отъ большой дороги, подъ командою вице-короля Евгенія. Генералъ Мортіе вмѣстѣ съ Наполеономъ переправляются сегодня или завтра въ Лядахъ или Дубровнѣ, о семъ вѣрнаго извѣстія дать не могу. Гвардейская артиллерія ихъ идетъ часомъ прежде Наполеона, впереди гвардіи, потомъ 400 человѣкъ конныхъ егерей, тамъ Наполеонъ, сзади пѣхота, а потомъ и кавалерія. При семъ препровождаю вамъ человѣка, который конвоировалъ Наполеона и потому онъ вамъ дастъ нужныя свѣдѣнія. Онъ просился къ намъ въ службу и клялся первый врубиться въ конвой Французскаго императора; стадо плѣнныхъ сегодня вамъ будетъ доставлено, поспѣшайте, ваше превосходительство; армія наша успѣетъ застать ихъ на переправахъ; впрочемъ воля ваша.

Капитанъ Сеславинъ.

7 часовъ.

Нѣкоторая часть войска съ артиллеріею и кавалеріею выступили было изъ Дубровны въ Оршу.

Прошедъ нѣкоторое разстояніе, возвратилась опять въ Дубровну и переправилась тамъ черезъ Днѣпръ. Кавалерія, пришедшая изъ Лядъ, переправилась тамъ же. Жители Дубровны говорятъ, что воины сіи тянутся чрезъ Бабиновичи къ Ви-

тебску, чему едва можно вѣрить. Я послалъ Еврея къ самому Витгенштейну, котораго онъ долженъ отыскать, гдѣ бы онъ ни былъ, и, узнавъ о мѣстѣ пребыванія его по направленію французской арміи, возвратиться ко мнѣ; онъ имѣетъ отъ Французовъ письменный видъ коммиссіонера ихъ. Что еще узнаю, не замедлю увѣдомить.

Капитанъ Сеславинъ.

1812.

№ 530. Ваше превосходительство,

Не худо, ежели бы, во время атаки на Красное, нѣкоторые корпуса двинулись форсированно чрезъ Звѣровичи, Боево, Черино къ Дубровнѣ, тамъ застанутъ на переправѣ непріятеля; Французскія войска, находящіяся въ Красномъ, будучи задержаны атакой нашихъ войскъ, должны будутъ пропасть на здѣшней сторонѣ Днѣпра. Послѣ разбитія Французовъ, думаю, надо будетъ преслѣдовать ихъ къ Лядамъ малою частію, а прочимъ идти также на Звѣровичи, Боево, Черино и къ Дубровнѣ; дорога хороша и мѣста открытыя, кавалеріи нашей есть гдѣ разгуляться; впрочемъ вы свѣдущѣе, умнѣе меня. Ежели я заврался, то это происходитъ отъ пылкости и сильнаго стремленія губить врага; я сегодня въ ночь иду напасть на Дубровну со всѣхъ сторонъ, а отнюдь не давать покою Наполеону и его арміи.

Капитанъ Сеславинъ.

1812.

Ежели въ Горки не послали, то поспѣшите послать туда. Тамъ находится непріятель 2000 кавалеріи и весьма малое число пѣхоты, болѣе мародеровъ; я перехватилъ письмо изъ Краснаго въ Горки, тамъ не знаютъ о направленіи французской арміи.

№ 540. Ваше превосходительство,

Вчерашняго числа въ одно время приказалъ я напасть на непріятеля въ мѣстечкахъ: Лядахъ и Боевѣ. Въ первомъ поручикъ Реткинъ окружилъ построившихся жандармовъ и всѣхъ переколоъ; а въ послѣднемъ поручикъ Орловъ переколоъ нѣсколько, овладѣлъ небольшимъ магазиномъ, который я употребилъ для своего отряда.

Въ Романовѣ есть еще магазейнъ. Прикажите послать туда пріемщиковъ. Около ста воловъ, отбитыхъ у непріятеля, при семъ препровождаю.

Капитанъ Сеславинъ.

Если мои движенія не скоры, то сіе потому, что я послалъ Евреевъ въ Сенно и ожидаю отъ нихъ извѣстія; притомъ и непріятель задерживаетъ меня, котораго я всюду разсѣваю.

№ 576. Милостивый государь

Петръ Петровичъ,

Имѣю честь представить вашему превосходительству бумаги, перехваченныя мною отъ командующаго депо въ Горкахъ, писанныя къ генералу Бертье. Я бы рѣшился одинъ атаковать ихъ, но, не имѣя болѣе 760 казаковъ на конѣ, смѣю прибѣгнуть къ вашему превосходительству и просить въ секурсъ два баталіона егерей и два орудія. Я слишкомъ надѣюсь на доброе ко мнѣ расположеніе вашего превосходительства, чтобы думать, что вы откажите въ просьбѣ моей. Нельзя ли, ваше превосходительство, приказать слѣдовать ко мнѣ войскамъ и орудіямъ изъ ближайшихъ войскъ, дабы они могли поспѣшнѣе прибыть ко мнѣ; при семъ прилагаю оставшійся послѣ раздачи на отрядъ мой разнаго рода хлѣбъ, я его отбилъ въ

селеніи Горянахъ, гдѣ приставилъ къ магазину караулъ; съ истиннымъ почтеніемъ и сердечною преданностію имѣю честь быть

Вашего превосходительства

покорный слуга

Денисъ Давыдовъ.

2 часа и 40 минутъ.

Селеніе Ланники.

№ 580. За вѣрное могу сказать, что войска наши находятся въ Борисовѣ; носятся слухи, что передовыя войска въ Бобрѣ. Я перехватилъ жида изъ Соловьинской, ему маршрутъ корпуса генерала Заіончика былъ извѣстенъ, они шли сперва на Шкловъ, Головино, Бѣлыничи и Тогостъ. Теперь ихъ воротили всѣхъ на Оршу. Далѣе же о направленіи ихъ сказать не могу, но употребляю къ тому всевозможныя старанія; посылаю безпрестанно жидовъ для доставленія мнѣ изъ Орши вѣрныхъ свѣдѣній, доселѣ оныхъ еще не имѣю. Французская армія вся собралась въ Оршѣ. Обозы и продовольствіе вокругъ оной.

Увѣдомляю въ третій разъ, ваше превосходительство, что непріятельской депо, подъ начальствомъ маіора Бланкара, находится еще въ горкахъ. Препровождаю вамъ письмо, перехваченное изъ Орши въ Горки. Имъ велятъ переправляться за Днѣпръ, пришлите пѣхоты и кавалеріи и конной артиллеріи и депо сей въ нашихъ рукахъ. Дайте мнѣ знать, когда пошлете, и я буду также помощникъ тѣмъ; если получу извѣстіе изъ Орши, то явлюсь къ вамъ самъ для лучшаго объясненія.

Прошедшую ночь я напалъ съ казаками на деревню Крапивну, что̀ на большой дорогѣ, и непріятель, встревоженъ будучи, зажегъ селеніе и поспѣшно отступилъ къ Оршѣ, при семъ случаѣ поколото немалое число. 8 ноября 1812 года.

Капитанъ Сеславинъ.

№ 593. Милостивый государь

Петръ Петровичъ,

Перехватя еще курьера, посланнаго отъ генераля Бертье съ повелѣніемъ слѣдовать немедленно въ Копысъ, я полагаю, что повелѣніе сіе послано трипликатомъ или, по крайней мѣрѣ, дупликатомъ. Я рѣшился съ слабымъ своимъ отрядомъ слѣдовать къ Копысу и атаковать сильнаго напріятеля. Въ слѣдствіе чего 8-го вечеромъ я выступилъ и прибылъ того же числа въ 7 верстахъ къ Копысу, гдѣ и ночевалъ; но 9-го поутру я, атаковавъ непріятеля близъ сего города и въ срединѣ его находящагося, взялъ 285 человѣкъ въ плѣнъ, убилъ нѣсколько десятковъ и отбилъ большой обозъ. Не довольствуясь симъ пораженіемъ, я перешелъ вплавь Днѣпръ подъ Копысомъ и послалъ по дорогамъ къ Шклову, Староселью и Оршѣ партіи, которыя по сіе время еще не прибыли; о дѣйствіяхъ ихъ я буду имѣть честь донесть вашему превосходительству. Между тѣмъ я долгомъ поставляю увѣдомить васъ, что здѣшніе жители очень дурно къ намъ расположены. Я вынужденнымъ нашелся нѣкоторыхъ предать тѣлесному наказанію; но исправлявшаго должность мера въ гор. Копысѣ имѣю честь лично представить вамъ; на него всѣ жалуются и бумаги его доказываютъ, что онъ вполнѣ преданъ Французамъ. Пока я разбойничалъ въ срединѣ Россіи, я довольствовался прежде 130, а потомъ 500 человѣками; но теперь съ 760 человѣкъ въ непріятельской землѣ, гдѣ все намъ враждебно, я нахожусь слишкомъ слабъ и потому прошу ваше превосходительство исходатайствовать мнѣ у его свѣтлости повелѣніе прикомандированный къ моему отряду 11-й егерскій полкъ съ двумя орудіями оставить при мнѣ впредь до особаго повелѣнія, чѣмъ меня крайне одолжите. Я также долженъ увѣдомить ваше превосходительство, что я приказалъ спѣшить дѣланіемъ нѣсколькихъ паромовъ въ Коплѣ, на что имѣю не совсѣмъ вѣрное извѣстіе, что Могилевъ очищенъ Французами; всѣ они потянулись къ Толочину, котора-

го они обратили въ городъ и гдѣ учреждены ими всѣ присутственныя мѣста.

Съ истиннымъ почтеніемъ и сердечною преданностію имѣю честь быть

вашего превосходительства

покорный слуга

Въ 2 часа по полуночи. Денисъ Давыдовъ.

Копысъ.

№ 615. Милостивый государь

Петръ Петровичъ,

Я иду по приказанію вашего превосходительства форсированно къ Березину и убѣдительно прошу усилить меня двумя баталіонами или хотя однимъ баталіономъ пѣхоты, принявъ въ уваженіе, что я послѣ перваго марша углублюсь въ большія лѣса. Такъ же всепокорнѣйше прошу ваше превосходительство увѣдомить меня о направленіи главной квартиры. Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть

Вашего превосходительства

покорный слуга

Въ 3 часа по полудни. Денисъ Давыдовъ.

№ 645. Ваше превосходительство!

По словесному моему соглашенію съ генералъ-адъютантомъ графомъ Ожаровскимъ, я намѣренъ былъ наблюдать дорогу, идущую изъ Бобра на Есмены; графъ Ожаровскій, находясь нынѣшнее число въ Орѣховкѣ, прикроетъ дорогу, отъ Бобра къ Березину идущую. По дошедшимъ до меня извѣстіямъ непріятель направился въ Веселовѣ чрезъ Бобръ. Я намѣревался направиться на Борисовъ въ ожиданіи повелѣнія отъ вашего превосходительства; между тѣмъ я долгомъ поставляю увѣдомить васъ, милостивый государь, что лѣсистыя мѣста около Минска и Борисова будутъ чрезвычайно затруднительны для

прохода моей малой партіи, а потому я всепокорнѣйше прошу васъ усилить меня, если не егерскимъ, то, по крайней мѣрѣ, казачьимъ полкомъ, дабы я могъ къ сторонѣ Минска и далѣе распространить ужасъ въ непріятелѣ. Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть

вашего превосходительства

покорнѣйшій слуга

Денисъ Давыдовъ.

№ 665. Непріятель переправляется въ Студенкахъ между Быкъ и Веселова. Графъ Витгенштейнъ думаетъ, что онъ пойдетъ на Вильну; сего полагать не должно; онъ пойдетъ, думаю, на Антополье и на Минскъ. Графъ Витгенштейнъ атакуетъ хвостъ, а Чичаговъ-голову сегодня по утру въ 8 часовъ. Ежели армія наша поспѣшитъ, то можетъ перерѣзать непріятелю дорогу за Минскомъ. Послѣ ужасной сѣчи, которую я произвелъ въ городѣ, однако изъ 1,000 человѣкъ много сдалось съ генераломъ. Мои офицеры приняли парламантера въ то время, когда я старался по приказанію графа Витгенштейна открыть коммуникацію съ Чичаговымъ, для сообщенія ему всѣхъ мыслей графа Витгенштейна, касательно атаки.

Капитанъ Сеславинъ.

№ 666. 15-го подъ Причею я напалъ на корпусъ графа Тишкевича, одной колоннѣ приказалъ сдаться, она повиновалась, другая за упорство посѣчена. 16 подъ Лошницей я казакамъ приказалъ напасть на Бибачи.

18-го же по приказанію графа Витгенштейна во что бы то ни стало занять городъ Борисовъ (sic); за симъ я открылъ коммуникацію съ арміею адмирала Чичагова; послѣ невѣроятныхъ усилій со стороны непріятеля я городъ Борисовъ занялъ и открылъ сообщеніе съ адмираломъ Чичаговымъ; послѣдствіемъ сего дѣла было взятіе болѣе 3,000 человѣкъ.

Ваше превосходительство, я занялъ городъ, открылъ сообщеніе съ Чичаговымъ, который давалъ въ мое распоряженіе пѣхоту и когда я за городомъ кормилъ лошадей Денисовъ съ казаками отъ Платова прошелъ стороною мимо города и донесъ Платову, что онъ занялъ городъ. Всѣхъ плѣнныхъ Платовъ приказалъ прислать къ себѣ и беретъ на себя занятіе города, за что отымаетъ славу дѣла нашего отряда; чтобы не уступать надо быть самому генераломъ—спросите обо всемъ у Чичагова, я врать не стану.

Капитанъ Сеславинъ.

Я переправлюсь чрезъ Березину въ Борисовѣ и буду идти съ лѣвой стороны непріятеля.

Сеславинъ.

Г. Борисовъ.

Сенаторъ Калужскій гражданскій губернаторъ Каверинъ мысленно обнимаетъ Дениса Васильевича со всеобщимъ вооруженіемъ поселянъ Медынскихъ во славу Святыя и Нераздѣльныя Троицы. Прошу бить до смерти французовъ, осмѣлившихся нарушить спокойствіе ввѣренной мнѣ губерніи. Я за старостью и по слѣпотѣ своей при свѣчахъ ужъ писать не могу, а чужою рукою увѣряю васъ въ истинныхъ чувствахъ моего почтенія, присовокупляя, что у меня въ Мосальскомъ округѣ дьячекъ Сахаровъ убилъ до смерти 30 человѣкъ разныхъ непріятельскихъ и болѣе 190 привелъ ко мнѣ въ плѣнъ.

Письмо А. П. Ермолова М. А. Милорадовичу, вскорѣ послѣ отступленія изъ Витебска.

Милостивый государь

Михаилъ Андрѣевичъ,

Естьли обстоятельства удерживали ваше высокопревосходительство нѣкоторое время далеко отъ насъ, то судьба насъ нынѣ съ вами сблизила. Въ подобномъ положеніи можно было бы и не желать съ вами видѣться. Вотъ случаи, которыхъ

ни предвидѣть не возможно, ни вѣритъ ихъ событію нельзя. Спѣшите почтеннѣйшій Михайло Андрѣевичъ къ намъ и, ежели войска ваши не приспѣютъ раздѣлить славу нашу, пріѣзжайте вы одни. Я знаю, что вы здѣсь нужны. Пріѣзжайте всѣми любимый начальникъ; будьте свидѣтелемъ сраженія, которому конечно равнаго долго не будетъ. Мы будемъ драться какъ львы, ибо знаемъ, что въ насъ—надежда, въ насъ—защита любезнаго отечества. Мы можемъ быть несчастливы, но мы Русскіе, мы будемъ умѣть умереть и побѣда достанется врагамъ нашимъ плачевною. Солдаты наши остервенены ужасно. Надо показаться впереди и ничто конечно устоять не можетъ. Здѣсь нѣтъ почти полка, который бы не служилъ подъ начальствомъ вашимъ. Впереди васъ никто не бываетъ, покажитесь—и все противустоящее намъ останется истребленнымъ.

Письма А. П. Ермолова къ кн. Багратіону.

Почтеннѣйшій Благодѣтель!

Я говорилъ министру о вашемъ желаніи, что арміи, имѣющей честь служить подъ вашими повелѣніями, угрожаетъ несчастіе, что вы хотите сдать команду; это ему очень не понравилось; подобное произшествіе трудно было бы ему растолковать въ свою пользу. Нельзя скрыть, что вы не оставили бы арміи, если бы не было несогласія; но каждый долженъ вразумиться, что частныя неудовольствія не должны имѣть мѣста въ дѣлѣ, которое требуетъ усилій и стараній общихъ. Я замѣтилъ, что это даже его испугало, ибо въ послѣдствіи надо будетъ дать отчетъ Россіи въ своемъ поведеніи. Конечно, мы счастливы подъ кроткимъ правленіемъ Государя милосердаго; но нынѣшнія обстоятельства и состояніе Россіи, выходя изъ порядка обыкновеннаго, налагаютъ на всѣхъ насъ обязанность и соотношенія необыкновенныя. Не одному Государю надо будетъ дать отчетъ въ дѣйствіяхъ своихъ отечеству, но также людямъ каковы вы (sic), ваше сіятельство, и воен-

ный министръ. Вамъ, какъ человѣку, боготворимому подчиненными, тому, на коего возложена надежда многихъ и всей Россіи, я обязанъ говорить истину: да будетъ стыдно вамъ принимать частныя неудовольствія къ сердцу, когда стремленія всѣхъ должны быть къ пользѣ общей, что одно можетъ спасти погибающее наше отечество. Пишите обо всемъ Государю; если мой голосъ не достигаетъ до его престола, вашъ не можетъ быть не услышанъ.

Письмо, полученное княземъ 2 августа.

Несправедливо вините вы меня, благодѣтель мой, будто бы я началъ писать дипломатическимъ штилемъ. Я вамъ говорю какъ человѣку, имя котораго извѣстно всѣмъ и всюду, даже въ самыхъ отдаленныхъ областяхъ Россіи, тому, на котораго не безъ основанія отечество полагаетъ надежду свою, человѣку, высокоуважаемому Государемъ и пользующемуся его довѣріемъ. Вы *соглашаетесь* на предложеніе военнаго министра; не хочу сказать, чтобы вы ему повиновались, но пусть будетъ такъ. Въ обстоятельствахъ, въ какихъ мы находимся, я на колѣнахъ умоляю васъ, *ради Бога,* ради отечества, писать Государю и объясниться съ нимъ откровенно. Вы этимъ исполните обязанность свою относительно Е. В. и оправдаете себя передъ Россіею. Я молодъ, мнѣ не станутъ вѣрить; если же буду писать—не заслужу вниманія, буду говорить—почтутъ недовольнымъ и охуждающимъ все, но вѣрьте ваше сіятельство, это меня не устрашаетъ. Когда гибнетъ все, когда отечеству грозитъ не только срамъ, но и величайшая опасность, тамъ нѣтъ ни боязни частной, ни выгодъ личныхъ, я не боюсь и не скрою отъ васъ, что писалъ, но молчаніе, слишкомъ долго продолжающееся, служитъ уже доказательствомъ, что мнѣніе мое почитается мнѣніемъ молодаго человѣка. Однако я не робѣю, буду еще писать, изображу все, что вы сдѣлали и въ чемъ встрѣчены вами препятствія. Я люблю васъ слишкомъ горячо, вы всегда благодѣтельствовали

мнѣ, а потому я спрошу у Е. В. писали ли вы къ нему или хранили виновное молчаніе; въ послѣднемъ случаѣ, достойнѣйшій начальникъ, вы будете кругомъ виноваты.

Если вы уже не хотите какъ человѣкъ, постигающій ужасное положеніе, въ которомъ мы теперь находимся, продолжать командованіе арміею, я, при всемъ уваженіи моемъ къ вамъ, буду называть и считать васъ не великодушнымъ. Принесите ваше самолюбіе въ жертву погибающему отечеству нашему, уступите другому и ожидайте, пока не назначится человѣкъ, какого требуютъ обстоятельства.

Пишите ваше сіятельство, или молчаніе ваше будетъ ужасно обвинять васъ.

Письмо, полученное княземъ 6 августа на маршѣ отъ Смоленска къ Дорогобужу.

Ваше сіятельство!

Имѣете все право насъ бранить, но только не за оставленіе Смоленска. Послѣ мы вели себя героями, правда не совсѣмъ благоразумно, однако же геройски. Когда буду имѣть счастіе васъ видѣть, разскажу вещи невѣроятныя. Смоленскъ надо было защищать; но замѣтьте, что непріятеля нѣтъ доселѣ въ Ельнѣ, слѣдовательно всѣ силы его были у Смоленска, а мы не были такъ сильны послѣ суточной города обороны.

Наконецъ, благодаря Бога, хотя разъ мы предупредили ваше желаніе. Вамъ угодно было, чтобы мы остановились и дрались; прежде полученія письма вашего, я получилъ уже о томъ приказаніе. Теперь, почтеннѣйшій благодѣтель, надлежитъ вамъ оказать намъ помощь. Пусть доброе согласіе будетъ залогомъ успѣха; если Богъ защищаетъ правую сторону, то онъ благословитъ наше предпріятіе и будетъ намъ помощникомъ. Представьте себѣ, ваше сіятельство, что два дни рѣшатъ участь сильнѣйшей въ Европѣ Имперіи, и вамъ судьба предоставляетъ эту славу. Самая неудача не должна отнять у

насъ надежды; надо противустоять до послѣдней минуты страшнымъ усиліямъ могущественнаго соперника; одно продолженіе войны представляетъ вѣрнѣйшій способъ восторжествовать надъ злодѣями нашего отечества. Боюсь, чтобы опасность, угрожая древней нашей столицѣ, не заставила бы прибѣгнуть къ миру, но это—мѣра малодушныхъ и робкихъ. Все надо съ радостью принести въ жертву, когда подъ дымящимися развалинами жилищъ нашихъ можно погребсти враговъ, ищущихъ гибели нашего отечества. Благословитъ Богъ. Умереть долженъ Россіянинъ со славой.

Письмо графа Растопчина князю Багратіону отъ 12 августа 1812 года.

Милостивый государь

Князь Петръ Ивановичъ,

Ежели вы отступите къ Вязьмѣ, я примусь за отправленіе всѣхъ государственныхъ бумагъ Народъ здѣшній по вѣрности къ Царю своему и любви къ отечеству рѣшился умереть у стѣнъ Московскихъ; ежели Богъ ему не поможетъ въ его благомъ предпріятіи, то, слѣдуя русскому правилу: *не отдавайся злодѣю,* онъ обратитъ городъ въ пепелъ, и, вмѣсто богатой добычи, Наполеонъ найдетъ одно пепелище древней Русской столицы. Объ этомъ не худо дать ему знать, дабы онъ не щиталъ на милліоны и большіе хлѣбные магазейны, потому что онъ найдетъ здѣсь только уголь и золу. Обнимаю васъ дружески и по русски отъ души, остаюсь хладнокровно, но съ сокрушеніемъ отъ происшествій.

Почтеннѣйшій братъ

Алексѣй Петровичъ (Ермоловъ).

Ради Бога употребите стараніе ваше къ умноженію партій въ окрестностяхъ Вязьмы и Дорогобужа или къ усиленію моего отряда. Орда казаковъ, прибывшая къ арміи болѣе затрудняетъ ее, нежели приноситъ ей пользу. Дабы не изнурить

нашихъ регулярныхъ такъ сказать *легкихъ войскъ*, довольно будетъ оставить нѣсколько казачьихъ полковъ на аванпостахъ, прочіе же должно употребить на большую Смоленскую дорогу къ Вязьмѣ и Дорогобужу.

Я не о себѣ хлопочу, теперь о себѣ хлопотать не время, но, ей-ей, я ходатайствую о томъ, имѣя лишь въ виду общую пользу. Если не находятъ меня способнымъ къ исполненію всего мною предлагаемаго, то пусть пришлютъ партизана съ лучшими способностями и съ сильнѣйшимъ отрядомъ, и я съ удовольствіемъ пойду къ нему подъ начальство, хотя бы онъ былъ моложе меня по службѣ.

Денисъ Давыдовъ.

Любезнѣйшій братъ!

Ты не худо дѣлаешь, что иногда пишешь ко мнѣ, ибо я о заслугахъ другихъ всегда кричать умѣю. . . . Мы ожидаемъ непріятеля; войска будутъ драться съ ожесточеніемъ и будутъ умѣть мстить за взятіе Москвы. Озлобленіе ужасное! если непріятель будетъ маневрировать, то мы его непремѣнно атакуемъ, такъ по крайней мѣрѣ говорятъ старшіе! Партизаны наши открыли партію плѣнныхъ нашихъ, слѣдующую по Смоленской дорогѣ, въ числѣ 1500 человѣкъ, ихъ прикрываютъ два орудія и 200 человѣкъ несчастныхъ Вестфальцовъ; надѣемся, что ты ее не пропустишь. Дерзни, любезный братъ, въ этомъ случаѣ плѣнные помогутъ тебѣ! Партизаны распространили ужасъ по Смоленской дорогѣ, непріятель дрожитъ за свои сообщенія! Прощай!

Твой вѣрный братъ Алексѣй Ермоловъ.

Милостивый государь
Петръ Петровичъ (Коновницынъ),

Благодарю, покорнѣйше благодарю, ваше превосходительство, за пріятнѣйшую для меня вѣсть, что свѣтлѣйшій оцѣнилъ наконецъ пользу партизанской войны, столь необходимой въ

нашемъ положеніи и за извѣщеніе меня о мѣстѣ пребыванія арміи и всѣхъ отрядовъ. Я однако при всемъ томъ не престаю предлагать вамъ умножить партіи въ окрестностяхъ Вязьмы и Дорогобужа. Это тѣмъ легче нынѣ можно исполнить, что нѣсколько тысячъ казаковъ, прибывшихъ съ Дона, обременяютъ армію излишнею своею легкостію.

Между тѣмъ прошу Васъ повелѣть собрать казаковъ 1 Бугскаго полка, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ по главной квартирѣ въ *должности деньщиковъ,* и переслать ихъ въ полкъ съ нарочно для сего отправляемымъ урядникомъ, также не преставать увѣдомлять меня объ успѣхахъ Вашихъ и дѣйствіи арміи.

Что касается до меня, то увидите изъ рапорта моего, что *Пиратъ* вашъ благополучно крейсируетъ и готовъ крейсировать между Каридбою и Сциллою.

Денисъ Давыдовъ.

Партизану господину подполковнику и кавалеру Денису Давыдову.

Непріятельская армія отступаетъ къ г. Оршѣ, почему отряду вашему непремѣнно туда слѣдовать безъ потери времени. Для свѣдѣнія вашего высокоблагородія увѣдомляю, что, по извѣстіямъ отъ плѣнныхъ, императоръ Французовъ ѣздитъ подъ прикрытіемъ только бывшихъ голландскихъ гусаръ въ красныхъ платьяхъ, коихъ число не болѣе 300. Прошу ваше высокоблагородіе доставлять о себѣ какъ можно чаще извѣстія, означивъ непремѣнно мѣсто, гдѣ находитесь и часъ отправленія донесеній. Отрядъ графа Ожаровскаго дѣйствовать будетъ между Краснымъ и Ляды.

Приложенныя прокламаціи не оставьте доставить въ непріятельскую армію.

Генералъ-лейтенантъ Коновницынъ.

На рапортъ вашъ за № 24 не могу болѣе ничего сказать, какъ пріемля оный съ полною благодарностію; ясно вижу, что вы, усматривая вездѣ непріятеля, всюду поражаете его геройски.

Генералъ-лейтенантъ Шепелевъ.

Изъ книгъ
А. В. Кокорева

ОПЫТЪ

ТЕОРІИ ПАРТИЗАНСКИХЪ ДѢЙСТВІЙ

ДЛЯ

РУССКИХЪ ВОЙСКЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 8 Декабря 1858 г.

Цензоръ *Н. Фонъ-Крузе.*

Занимаясь словесностью на конѣ и въ куреняхъ солдатскихъ, я всегда сознавалъ, сколько совѣты и указанія писателей были для меня необходимы; я также видѣлъ, что многія изъ предложеній моихъ требовали дополненія, развитія, а можетъ быть и совершеннаго измѣненія. Издавъ въ свѣтъ сей плодъ боевой моей жизни, я просилъ всякаго, кто не равнодушенъ къ пользѣ службы, чистосердечно обнародывать свои замѣчанія и возраженія въ журналахъ или въ письмахъ. Это не осталось безъ успѣха: нѣкоторые военные люди прислали мнѣ разсужденія свои, исполненныя глубокой истины, и я не замедлилъ воспользоваться ихъ замѣчаніями.

Приступивъ къ новому изданію, я поставляю пріятнѣйшимъ для себя долгомъ изъявить гг. критикамъ мою истинную признательность, и вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдительно прошу ихъ о продолженіи сотрудничества въ изслѣдованіи и развитіи одной изъ немаловажныхъ отраслей военнаго искусства, болѣе свойственной легкимъ войскамъ Россіи, нежели другихъ государствъ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Je ne suis qu'un soldat et je n'ai que du zèle.

Упорство военныхъ писателей разсматривать предметъ не вполнѣ, или судить о немъ лишь поверхностно, часто съ предубѣжденіемъ, есть причина мнѣнія о партизанской войнѣ, господствующаго до сихъ поръ. *Схватить языка,* предать пламени нѣсколько непріятельскихъ магазиновъ, сорвать внезапно передовую стражу, или въ увеличеніи числа партій видѣть лишь пагубную систему раздробленія войскъ,—суть обыкновенныя сужденія о сей войнѣ. И то и другое ложно! Истинная партизанская война состоитъ въ предпріятіяхъ ни въ весьма мелкихъ, ни весьма значительныхъ; она занимается не сорваніемъ пикетовъ, не нанесеніемъ прямыхъ ударовъ главнымъ силамъ непріятеля; она объемлетъ все пространство отъ тыла противной арміи до естественнаго ея основанія, поражая непріятеля въ слабѣйшія мѣста. Она вырываетъ корень его существованія, лишаетъ его пищи и зарядовъ и затрудняетъ его отступленіе. Вотъ партизанская война въ полномъ смыслѣ слова!

Это достаточно объясняетъ, что таковая война была бы совершенно безполезна, если бы арміи, будучи малосильны, не нуждались бы въ магазинахъ и не заботились бы о сохраненіи взаимныхъ сообщеній съ государствами, къ коимъ онѣ принадлежатъ; но, съ увеличеніемъ своего состава, арміи начали сознавать необходимость сохранять неразрывную связь съ источникомъ военныхъ и жизненныхъ средствъ и запасовъ, и съ этого лишь времени польза партизанскихъ партій вполнѣ обнаружилась.

И дѣйствительно, нельзя не замѣтить, сколько усовершенствовалась система военныхъ дѣйствій, особенно движеніе войскъ и порядокъ ихъ въ сраженіи; съ другой стороны, въ слѣдствіе затрудненія прокормить расположенныя на тѣсномъ пространствѣ массы войскъ, мы, будучи вынуждены искать средства для ихъ продовольствія внѣ круга боевыхъ произшествій, раздѣлили театръ войны на два поля: на *боевое* и на поле *запасовъ*.

Отъ этого произошло, что арміи, отдѣливъ всѣ жизненныя и военныя потребности, подчинили свои дѣйствія той части, которая исключительно обладаетъ этими потребностями, такъ что самыя побѣды, умножая разстояніе побѣдоносной арміи отъ ея основанія, подвергаютъ ее гораздо значительнѣйшимъ опасностямъ въ сравненіи съ тѣми, кои угрожаютъ побѣжденной арміи, безпрепятственно сближающейся съ магазинами и источниками своихъ *запасовъ;* сообщеніе съ означеннымъ полемъ сдѣлалось еще сомнительнѣе съ тѣхъ поръ, какъ партизанская война вступила въ составъ предначертаній военачальниковъ; тотъ изъ нихъ, который употребитъ болѣе усилій и искусства къ истребленію необходимыхъ для войны предметовъ своего противника, одержитъ неоспоримо надъ нимъ побѣду, не прибѣгая къ генеральному сраженію.

Партизанская война представляетъ въ нравственномъ отношеніи весьма много выгодъ: страхъ, наведенный на жителей, близкое и непрестанное наблюденіе за непріятелемъ, поощреніе лазутчикамъ, поставщикамъ всякаго рода продовольствія: все сіе можетъ значительно возвысить воинственный духъ въ народѣ, и если будутъ умѣть дать общему броженію умовъ народа хорошее направленіе, то вся занимаемая непріятелемъ область будетъ даже охотно снабжать армію его военными потребностями и даже усиливать ее своими ратниками. Пусть предпріимчивые партизаны ознаменуютъ первый шагъ свой отбитіемъ транспортовъ съ хлѣбомъ, одеждою и часто казною, что̀ несравненно привлекательнѣе безполезнаго убійства мародеровъ, тогда многіе предпріимчивые люди этой страны, присоединясь къ непріятельскимъ наѣздникамъ, увеличатъ число ихъ. Нельзя сомнѣваться въ успѣхѣ при внезапномъ нападеніи на тылъ непріятеля, обыкновенно слабо охраняемый? Какихъ послѣдствій не имѣемъ ли мы права ожидать при раззореніи непріятельскихъ госпиталей, лабораторій, магазиновъ, истребленіи транспортовъ, взятіи курьеровъ, раненыхъ и больныхъ, слѣдующихъ въ больницы и возвращающихся оттуда въ армію; словомъ: когда ужасъ, посѣянный на пути сообщенія, отзовется въ противной арміи? Когда мысль, что *нѣтъ ни прохода, ни проѣзда отъ партій*, лишитъ каждаго воина надежды найти во время болѣзни безопасное убѣжище, а въ рядахъ достаточныхъ средствъ къ пропитанію; въ первомъ случаѣ это возбудитъ въ немъ робкую предусмотрительность, а въ послѣднемъ понудитъ его предаться грабительству,—что̀ окончательно развратитъ духъ арміи?

Я постараюсь указать на эпохи постепеннаго усовершенствованія партизанства въ Германіи, Венгріи и Испаніи, и

остановлюсь на Россіи, которая въ 1812 году болѣе всѣхъ достигла совершенства; развивъ этотъ образъ дѣйствій въ обширнѣйшемъ размѣрѣ сравнительно съ другими государствами, мы смѣло двинули легкія войска свои на путь сообщенія непріятеля. Но этого было бы недостаточно, если бы благодѣтельная судьба не надѣлила бы наше государство просторомъ, необходимымъ для этого рода дѣйствія, и врожденными наѣздниками, тогда какъ другія арміи были принуждены маневрировать въ тѣсныхъ предѣлахъ своихъ государствъ и употреблять на эти предпріятія либо строевыя войска, либо войска одинаковаго свойства съ тѣми, изъ коихъ были образованы линейные полки.

Наконецъ, независимо отъ опытности и наблюденій моихъ, я недовольствуюсь примѣрами прошедшей войны, но иду далѣе. Всѣ по сіе время военные писатели, занимавшіеся сочиненіями о *малой войнѣ*, указывали намъ на правила, коимъ можетъ выучить насъ лишь одинъ опытъ; но положительныя правила, какимъ образомъ принoровлять нападеніе партій ко взаимному направленію, или положенію двухъ воюющихъ армій, нигдѣ еще не были изложены: я рѣшаюсь изложить ихъ. Я потому раздѣляю партіи на наступательныя и оборонительныя; опредѣливъ силу ихъ, я коснусь правилъ ихъ образованія и дѣйствія.

Читатель рѣшитъ, въ какой мѣрѣ я достигъ своей цѣли.

Часть первая.

Постепенное усовершенствованiе партизанства въ Германiи, Венгрiи, Испанiи и Россiи.

Партизаны 1618 года.

Въ началѣ тридцатилѣтней войны, Богемiя, угнетенная Фердинандомъ II и возбужденная властолюбивымъ графомъ Турномъ, развернула знамена бунта, требуя отъ австрiйскаго императора возвращенiя правъ своихъ, утвержденныхъ Пассаускимъ трактатомъ. Когда Австрiя вмѣстѣ съ Испанiею, Баварiею и Саксонiею рѣшилась потушить едва возгорѣвшiйся мятежъ, тогда явились на защиту Богемiи четыре человѣка, обладавшiе малыми способами, но великими дарованiями. То были:

Георгъ, маркграфъ баденскiй, герцогъ Iоаннъ бранденбургскiй, Христiанъ, герцогъ брауншвейгскiй и Эрнестъ графъ Мансфельдъ; неравные въ способностяхъ, разнообразные характерами, они, слѣдуя одной стезею, дѣйствуя одинакими средствами, и не имѣя ни казны, ни подданныхъ, воевали на счетъ друзей и враговъ своихъ, уважая лишь святость своего права и не заботясь о правахъ, войною установленныхъ.

Маркграфъ баденскiй, одинъ изъ первыхъ участниковъ въ возмущенiи Богемiи, отказался отъ державной власти въ своемъ отечествѣ, дабы исключительно посвятить себя военному поприщу, гдѣ онъ обнаружилъ болѣе храбрости, нежели искусства, болѣе запальчивости, нежели благоразумiя.

Іоаннъ, герцогъ бранденбургскій, былъ нѣкогда заочно объявленъ преступникомъ имперіи и лишенъ покровительства законовъ; сей жестокій поступокъ, возбудивъ въ немъ вражду и ненависть къ Фердинанду, обратилъ его къ воинскимъ случайностямъ и онъ возвратилъ себѣ права, несправедливо похищенныя.

Христіанъ, герцогъ брауншвейгскій, племянникъ владѣтельнаго принца Ульриха и правитель Гальберштата, далеко превзошелъ обоихъ вышесказанныхъ воиновъ. Его неусыпная дѣятельность, его презрѣніе нѣги и роскоши, давали ему неоспоримое преимущество надъ противниками; но невоздержность, несправедливость, безчеловѣчіе, омрачили высокія достоинства и блескъ его успѣховъ. Будучи ниже Мансфельда по дарованію и великодушію, и не уступая ему въ дѣятельности и отважности, Христіанъ брауншвейгскій раздѣлилъ съ нимъ славу того времени.

Эрнестъ, графъ Мансфельдъ, первый предложилъ себя и войско въ помощь угнетеннымъ Богемцамъ. Этотъ необыкновенный человѣкъ, одаренный крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, терпѣніемъ и настойчивостью, не любилъ роскоши и нѣги; его пламенная душа жаждала лишь отважныхъ предпріятій. Не имѣя, кромѣ лезвія меча, другаго родоваго наслѣдства, онъ почиталъ войну не средствомъ для какого либо выгоднаго пріобрѣтенія, но цѣлью своего существованія. При другихъ обстоятельствахъ, Мансфельдъ заслужилъ бы имя великаго полководца, но въ началѣ слабость его корпуса (*), а потомъ сосѣдство съ Тилли и Валленштейномъ, поставили его только на ряду знаменитыхъ искателей приключеній.

Но къ чему служила эта безполезная дѣятельность? Въ то время военная наука находилась еще въ состояніи младенчества; арміи бродили, такъ сказать, по Европѣ, не подчиняясь

(*) Въ началѣ онъ не превышалъ 4,000, а въ послѣдствіи доходилъ до 20,000 человѣкъ.

никакому общему плану, не заботясь о сообщеніяхъ своихъ съ государствами, коимъ они принадлежали, и не постигая еще правильной системы продовольствія посредствомъ магазиновъ и транспортовъ; предметомъ дѣйствія ихъ было — достиженіе непріятельской арміи, гдѣ бы она ни находилась, а средствомъ къ прокормленію — опустошеніе областей, гдѣ происходили военныя дѣйствія. Вотъ почему успѣхи упомянутыхъ воиновъ не имѣли рѣшительнаго вліянія на событія войны; ибо я не перестаю утверждать, что долгъ начальника небольшаго отряда состоитъ въ истребленіи военныхъ и съѣстныхъ запасовъ, въ тылу непріятельской арміи находящихся, а не въ нападеніи на сильную армію.

Читая лѣтописи тридцатилѣтней войны, мы съ прискорбіемъ видимъ въ нихъ безполезную трату неутомимой дѣятельности и отважной предпріимчивости Мансфельда и Христіана браун-швейгскаго, которые омрачали подвиги свои необузданною жестокостью. Они внезапно появлялись въ Богеміи, въ Верхнемъ Палатинатѣ, въ Остъ-Фризѣ, въ Кельнскомъ курфиршествѣ, въ верхней Саксоніи, въ Силезіи и даже въ Венгріи; они иногда дѣйствовали соединенно, были часто побѣждаемы порознь, но не были никогда покорены. Возраждаясь послѣ пораженія, они вновь появлялись въ то время, какъ ихъ полагали безъ возврата погибшими. Лишая собственности одного, они передавали ее другому; приводя въ трепетъ друзей и враговъ, они пріучали народъ ко всякаго рода пожертвованіямъ. Они даже появились въ Голландіи, но временно; мѣстность этой страны, изрѣзанной каналами, не соотвѣтствуя ихъ нуждамъ и привычкамъ, стѣсняла и затрудняла быстроту ихъ дѣйствій. Вскорѣ они снова возвратились въ Германію и новыя опустошенія, новые, неожиданные удары ознаменовали ихъ прибытіе. Такимъ образомъ восемь лѣтъ сряду земля сія была театромъ опустошеній Мансфельда и герцога браун-швейгскаго; помощь, ими оказанная протестантскимъ принцамъ и Христіану IV датскому, нѣсколько заглушала всеобщій ропотъ. Успѣхи ихъ возрасли до того, что нужны были всѣ

усилія Тилли и Валленштейна, всѣ силы Австріи, чтобы положить предѣлы ихъ неистовой отважности. Наконецъ въ 1626 году городъ Дессау былъ первымъ свидѣтелемъ пораженія Мансфельда славнымъ Валленштейномъ; но Мансфельдъ съ остаткомъ своего войска, перейдя въ Силезію, успѣлъ около *Оппельна* одержать новую побѣду надъ Австрійцами. Онъ удалился въ Венгрію, гдѣ намѣревался соединиться съ княземъ Бетлемомъ-Габоромъ владѣтелемъ Трансильваніи. Невѣрный Габоръ призналъ власть сильнѣйшаго, а Мансфельдъ распустилъ войска свои; проѣзжая чрезъ Боснію, въ *Венецію,* онъ думалъ вновь возвратиться въ Германію, но къ счастію — онъ окончилъ жизнь въ неизвѣстномъ селеніи близъ *Зары* и *Палатры*. Этотъ необыкновенный человѣкъ, прозванный Аттилою христіанства, страшась умереть на постелѣ, велѣлъ одѣть себя въ броню, и, стоя съ мечемъ на бедрѣ, умеръ, опираясь на своихъ сотоварищей. Въ этотъ годъ Австрія избавилась и отъ другаго врага своего, герцога брауншвейгскаго, сотоварища и друга Мансфельда.

Партизаны 1742 года.

Военное искусство по многосложности своей, касаясь всѣхъ наукъ и художествъ, значительно усовершенствовалось по мѣрѣ распространенія просвѣщенія. Мы видѣли въ теченіи 30-лѣтней войны великаго Густава, Тиллія, Валленштейна и Торстенсона, водящихъ сильныя арміи безъ магазиновъ и не заботящихся о магазинахъ и сообщеніяхъ. Въ 1674 и 75 годахъ, Тюрень и Монтекукули, опредѣливъ нѣкоторыя правила, ввели нѣкоторый порядокъ среди хаоса нестройныхъ движеній. Въ слѣдующіе года принцъ Евгеній и Мальборугъ своими подвигами способствовали развитію сей науки. Хотя около 1740 года, Фридрихъ великій не явился еще на степень наставника въ системѣ военнаго искусства, имъ созданной, но уже главныя черты ея были постигнуты современными полко-

водцами; движеніе арміи подчинилось общему плану, и существованіе ихъ обезпечивалось не опустошеніемъ земель и раззореніемъ народовъ, а заблаговременно устроенными магазинами, наполняемыми жителями соразмѣрно ихъ средствамъ. Хотя области, опредѣленныя служить театромъ войны, почувствовали облегченіе, въ слѣдствіе этого изобрѣтенія и человѣчество возблагодарило изобрѣтателей: но быстрота военныхъ дѣйствій значительно тѣмъ уменьшилась, самое содержаніе арміи подвергнулось чрезъ то случайностямъ. Партизанская война, представляя вѣрнѣйшіе способы затруднять доставленіе припасовъ и снарядовъ, стала потому полезнѣе и необходимѣе. По смерти Карла VI, императора австрійскаго, возгорѣлась въ 1740 году война въ Европѣ; Пруссія, Франція и Саксонія возстали на защиту курфирста баварскаго, объявившаго права свои на тронъ имперіи, оспориваемый Маріею Терезіею.

Во время переговоровъ, Фридрихъ, не дождавшись своихъ союзниковъ, овладѣлъ въ 1741 году Силезіею.

Въ началѣ 1742 года французская армія подъ начальствомъ маршаловъ Брогліо и Белиля, перейдя Рейнъ, должна была соединиться съ баварскою арміею и слѣдовать вдоль Дуная къ Вѣнѣ; Саксонцы должны были направиться чрезъ Богемію, а Фридрихъ чрезъ Моравію, и обоимъ надлежало подступить къ этой же столицѣ. Но французская армія, овладѣвъ *Линцомъ,* обратилась къ *Прагѣ.* Саксонцы отступили къ *Лейтмерицу,* а Фридрихъ, находившійся уже близъ Вѣны, видя робость и несогласіе союзниковъ, нашелся вынужденнымъ расположиться близъ *Кёнигсграца.*

Между тѣмъ Марія Терезія возбудила въ подданныхъ своихъ тотъ восторгъ и то мужество, которые суть главные защитники независимости и единственная опора погибающимъ народамъ. Въ исходѣ 1741 года, при вступленіи Фридриха въ Силезію, первымъ дѣломъ этой необыкновенной женщины было удалиться въ Венгрію, въ нѣдра того народа, который возсталъ противъ отца ея. Еще въ теченіе турецкой войны

эта страна была въ сильномъ волненіи, что̀ уже предвѣщало скорый мятежъ. Все успокоилось, когда королева явилась въ сеймъ, держа на рукахъ полугодоваго ребенка (*). Рѣчь, произнесенная ею магнатамъ націи, возбудила неимовѣрный восторгъ и слова: «*moriatur pro Rege nostro Maria Therèsia*» загремѣли въ устахъ юношей и старцевъ; буйные, неукротимые Венгерцы возстали на защиту невинности и злополучія, ввѣряющихъ судьбу свою ихъ великодушію и мужеству; все бросилось къ оружію; но къ сожалѣнію, хотя источникомъ этого народнаго воодушевленія была благородная и возвышенная причина, оно, какъ почти всегда, сопровождалось свирѣпымъ своеволіемъ. Явились новые партизаны, кои распространили ужасъ въ средину Баваріи, а наконецъ до самой границы Франціи. Менцель, Тренкъ, Морацъ, Надасти и Франкини были отважнѣйшими изъ нихъ. Начальствуя отрядами, составленными изъ Венгровъ, Хорватовъ, Сербовъ и другихъ племенъ Славянскихъ, они двигались, какъ Божій гнѣвъ, оставляя за собою одни груды мертвыхъ тѣлъ и дымящіяся развалины жилищъ. Генералъ графъ Кивенгиллеръ, замѣчательный по своимъ дарованіямъ, слѣдуя за ними, подкрѣплялъ ихъ регулярными войсками; но онъ не имѣлъ никакого вліянія на предпріятія, ознаменованныя лишь грабительствомъ и безчеловѣчными поступками.

Такъ прорвались партизаны въ Баварію и перешли Рейнъ. Менцель занялъ *Аугсбургъ*, гдѣ обнародовалъ о лишеніи права на австрійскій престолъ курфирста Карла; въ то же время Карлъ, потерявшій свое курфиршество, короновался и принялъ титулъ императора во *Франкфуртѣ*. Вскорѣ король Англійскій вмѣстѣ съ корпусомъ Кивенгиллера побѣдилъ маршала Ноаля подъ *Детингеномъ*, принцъ лотарингскій перешелъ Рейнъ; Надасти съ Тренкомъ вторгнулись въ *Вейсенбургскія* линіи; Менцель, увлеченный буйной запальчивостію, проникъ въ нѣдра Франціи, но, вскочивъ во время приступа *Сар-*

(*) Царствующаго въ послѣдствіи подъ именемъ Іосифа II.

брика первый на стѣну города, лишился жизни. Между тѣмъ партизаны, оставшіеся въ Богеміи, не преставали одерживать успѣхи при отступленіи арміи маршаловъ Брогліо и Белиля. Сей послѣдній имѣлъ въ началѣ блокады Праги 22,000 наличнаго войска, изъ которыхъ лишь 9000 достигло города *Эгры*, отстоящаго отъ *Праги* не болѣе 18-ти миль.

Въ то время, какъ обстоятельства Маріи Терезіи принимали выгоднѣйшій для нея оборотъ, Фридрихъ, заключивъ новый союзъ съ Франціею, вступилъ въ Богемію, обложилъ *Прагу* и, по взятіи ея, слѣдовалъ до Будвейса. Тогда генералъ Батіани, командовавшій передовымъ Австрійскимъ корпусомъ, отрядилъ 10,000 легкаго войска отъ *Берауна* на *Кёнигзалъ* и пресѣкъ прусской арміи сообщенія; вотъ что самъ Фридрихъ Великій пишетъ въ *Исторіи моего времени:* «легкія войска дѣйствовали столь дѣятельно, что продовольствіе доставляемое съ низменныхъ мѣстъ, совершенно прекратилось, и сверхъ того Прусская армія, въ продолженіи четырехъ недѣль, находилась безъ малѣйшаго извѣстія о *Прагѣ* и обо всемъ, что дѣлалось въ Европѣ, двѣ сумы съ депешами на имя короля, будучи перехвачены непріятелемъ, довершили невѣденіе его не только о движеніи Саксонцевъ, но даже и о мѣстѣ пребыванія арміи принца лотарингскаго.» Далѣе онъ пишетъ слѣдующее: «правительство повелѣло жителямъ, при появленіи Прусаковъ, оставлять свои избы, зарывать хлѣбъ и удаляться въ лѣса, обѣщавъ при этомъ удовлетворить за понесенные убытки. Вотъ почему армія находила одни пустыни, никто не представлялъ на продажу ничего съѣстнаго, нельзя было никакими деньгами соблазнить жителей и убѣдить ихъ доставлять свѣдѣнія о непріятелѣ. Эти затрудненія умножились еще прибытіемъ десятитысячнаго венгерскаго корпуса, посредствомъ коего прерваны были всѣ сообщенія прусской арміи. Таковымъ превосходствомъ въ числѣ легкихъ войскъ непріятель имѣлъ способы узнавать о всемъ, что происходило въ королевскомъ лагерѣ; Прусаки же напротивъ не смѣли подвергать свои разъѣзды опасности, а если и посылали ихъ, то почти

всегда на вѣрную гибель. Наконецъ королевская армія, заключенная въ срединѣ своего лагеря, и, потерявъ продовольствіе, была принуждена возвратиться тѣмъ же путемъ, которымъ вступила въ Богемію (*)». По отступленіи Фридриха въ Силезію, Австрійцы слѣдовали за Прусскою арміею, окружая ее безчисленными партіями, что̀ принудило короля образовать съ своей стороны партизановъ; Гольцъ и Винтерфельдъ (поступившіе въ продолженіи войны на черту знаменитѣйшихъ полководцевъ и сотрудниковъ сего великаго человѣка) первые явились на это поприще; Надасти былъ разбитъ послѣднимъ подъ *Ландсгутомъ*, а Гольцъ вмѣстѣ съ Винтерфельдомъ разсѣялъ въ окрестностяхъ Оппельна сильную венгерскую партію, находившуюся подъ начальствомъ Эстергази. Таковые успѣхи возымѣли большое вліяніе на Прусскія легкія войска, и съ того времени, они болѣе и болѣе стали привыкать къ сему роду дѣйствія.

Между тѣмъ король, побѣдивъ принца Лотарингскаго подъ *Гогенфридбергомъ*, вступилъ снова въ Богемію; армія его расположилась подъ *Клумомъ* противъ *Кенигсграца*; но австрійскій партизанъ Франкини занялъ, такъ называемый, лѣсъ *Царство Сильвы*, находившійся въ тылу прусской арміи и имѣющій сообщеніе съ *Бронаускою, Скардатскою* и *Тротенаускою* дорогами. Въ то время какъ Тренкъ и Морацъ, простирая набѣги свои отъ *Козеля* до *Швейдница* и даже *Бреслава*, снова пресѣкли путь продовольствія прусской арміи. Въ слѣдствіе этого Фридрихъ, перемѣнивъ мѣсто своего лагеря, выступилъ къ *Стауденцу*; однако при переходѣ черезъ лѣсъ *Царство Сильвы*, вторая колонна его арміи подверглась атакѣ Франкини, засѣвшаго у деревни *Либенталь* и соединилась съ арміею лишь среди глубокой ночи, потерпѣвъ чувствительное пораженіе.

Перемѣна лагеря не уменьшила затрудненій въ продовольствіи прусской арміи. Вотъ еще слова Фридриха: «Дабы, во

(*) Не напоминаетъ ли оно описаніе кампаніи 1812 года.

время фуражировки, войска не потерпѣли пораженія по одиначкѣ, то были принуждены употреблять для прикрытія фуражировъ отряды силою въ 3,000 человѣкъ конницы, и отъ 7 до 8,000 человѣкъ пѣхоты. Всякій пукъ соломы стоилъ крови. Морацъ, Тренкъ, Надасти и Франкини не сходили съ поля и, можно сказать, давали уроки въ поискахъ (*)».

Наконецъ во время Соорскаго сраженія, означенные партизаны напали на лагерь побѣдительной арміи. Самъ король и большая часть прусскихъ генераловъ и офицеровъ лишились своего имущества, въ лагерѣ оставленнаго, и всѣ больные нестроевые чины и секретари короля попались въ руки непріятеля.

Я этимъ оканчиваю описаніе дѣяній сихъ отважныхъ воиновъ, прославившихся смѣлыми и удачными ударами.

Я имѣлъ лишь въ виду изобразить сіи двѣ эпохи, какъ основаніе системы дѣйствія партизановъ.

Если во время семилѣтней войны иногда появлялись партизаны, то удары ихъ были частные и время поисковъ весьма ограниченно. Сія эпоха, столь обильная событіями всякаго рода, представляетъ намъ только три поиска, которые можно въ полномъ смыслѣ слова назвать партизанскими дѣйствіями. Лаудонъ, графъ Чернышевъ (**) и Бергъ суть блистательные исполнители оныхъ. Послѣдній тѣмъ болѣе знаменитъ, что съ отличнымъ дарованіемъ имѣлъ счастіе быть первымъ наставникомъ великаго нашего Суворова. (***)

(*) Не излишне будетъ замѣтить, что въ школѣ этой образовались славные австрійскіе фельдмаршалы Лаудонъ и Ласси; наставникомъ перваго былъ Тренкъ, а втораго Франкини.

(**) Иностранцы, приписывая славные подвиги однимъ соотчичамъ своимъ, относятъ подвигъ сей Тотлебену; но генералъ-маіоръ Тотлебенъ командовалъ тогда авангардомъ въ корпусѣ генералъ-поручика графа Чернышева, который вмѣстѣ съ нимъ вступилъ въ Берлинъ: слѣдовательно честь этого подвига принадлежитъ послѣднему, а не первому. Это напоминаетъ намъ знаменитый кавалерійскій натискъ подъ Кунерсдорфомъ. Онъ былъ приписанъ тѣми же иностранцами одному Лаудону, тогда какъ Лаудонъ съ австрійскою, а Румянцовъ съ россійскою конницами въ одно время, рука объ руку, ударили на прусскую пѣхоту праваго крыла и, уничтоживъ ее, рѣшили сраженіе.

(***) Я полагалъ, что соотчичи мои не безъ удовольствія познакомятся съ

После этого партизанская война если не вовсе исчезла, то, по крайней мѣрѣ, совершенно измѣнилась; одно фланкированіе, или личная ловкость и искусство при перестрѣлкахъ, назывались партизанскимъ дѣйствіемъ. Наѣздники,—изъ нихъ Ельчининовъ, Гейкенъ и Любимовъ, а потомъ два брата Горичи, слывшіе у насъ отличнѣйшими, довольствовались рыцарскими сшибками съ непріятельскими всадниками въ виду обѣихъ армій и пользовались наименованіемъ партизановъ, не имѣя ни малѣйшаго на это права. Я скажу болѣе: самые успѣхи

зародышемъ, такъ сказать, неразрывныхъ и безсмертныхъ успѣховъ сего чудеснаго человѣка, достойнаго представителя всей славы россійскаго оружія.

Въ 1761 году Суворовъ находился въ чинѣ подполковника въ легкихъ войскахъ генерала Берга, составлявшихъ авангардъ арміи фельдмаршала Бутурлина. Цѣль всей кампаніи состояла въ томъ, чтобы соединить россійскую армію съ австрійскою Лаудона; но едва союзныя арміи успѣли соединиться при Вальштадтѣ за Одеромъ, какъ снова другъ отъ друга отдѣлились. Лаудонъ, подкрѣпленный корпусомъ генерала Чернышева, остался въ Силезіи, а Бутурлинъ обратился къ Кольбергу, осажденному корпусомъ Румянцова.

При первомъ извѣстіи объ обратномъ движеніи Русскихъ къ Одеру, Фридрихъ, опасаясь нападенія на Берлинъ, немедленно отрядилъ генерала Платена съ 14-ю баталіонами и 25 эскадронами чрезъ Бреслау на Познань и указалъ ему на два предмета: 1.) раззореніе магазиновъ русской арміи между Вартою и Одеромъ, въ слѣдствіе чего она нашлась бы вынужденною отступить къ Вислѣ, къ главнымъ магазинамъ своимъ; 2.) соединеніе съ принцемъ виртембергскимъ, начальствовавшимъ надъ наблюдательнымъ корпусомъ подъ Кольбергомъ, что̀ принудило бы Румянцова снять осаду этой крѣпости. Съ своей стороны Бутурлинъ отрядилъ корпусъ князя Долгорукаго на подкрѣпленіе Румянцова, генерала Берга и для защиты магазиновъ, угрожаемыхъ Платеномъ.

Медленное отправленіе сего послѣдняго отряда было причиною того, что Платенъ успѣлъ раззорить магазины въ Кобылинѣ и огромный вагенбургъ въ Гостинѣ до прибытія Берга къ нимъ на помощь. Однако Бергъ вскорѣ настигъ Прусаковъ при Чемпинѣ и преслѣдовалъ ихъ до нижней Варты.

Дабы обезпечить лѣвое крыло, какъ собственнаго своего отряда, такъ и арміи, за нимъ слѣдовавшей, сей генералъ отрядилъ изъ Дризена двѣ партіи къ Ландсбергу.

Вотъ выписка изъ журнала военныхъ дѣйствій того времени: „генералъ-маіоръ Бергъ увѣдомилъ, что непріятель сдѣлалъ движеніе къ Ландсбергу, почему онъ, генералъ-маіоръ, отправилъ туда, для раззоренія на рѣкѣ Вартѣ моста и для препятствія непріятелю въ переходѣ, полковника Туроверова и подполковника Суворова съ командами, которые, прибывъ туда и, по разломаніи воротъ, вступя въ городъ, взяли въ полонъ гусарскаго ротмистра одно-

Суворова въ 1770 и 1771 годахъ противъ конфедератскихъ войскъ,—успѣхи больше поучительные, какъ частные удары,—ничтожны въ отношеніи истинной цѣли партизанской войны: ибо поиски сего великаго человѣка могли быть направлены лишь на одни отряды непріятеля, а не на путь сообщенія

го, подпоручика одного жъ, рядовыхъ 24 человѣка, одного вахмистра и одногожъ трубача; и потомъ, когда они мостъ портить стали, то непріятель, приближась съ большею силою, нашихъ казаковъ оттуда отбилъ и въ городъ вступилъ, при чемъ полковникъ Туроверовъ и подполковникъ Суворовъ съ ихъ командами безъ всякаго урона, кромѣ одного раненаго сотника и одного казака, въ добромъ порядкѣ отступили.“

Опасаясь потерять сообщеніе съ Кольбергомъ, по случаю движенія Берга чрезъ Дризенъ къ Фридебергу, Платенъ отступилъ по Штаргардской дорогѣ къ Берлинхену и Бернштейну.

Выписка изъ того же журнала: „генералъ-маіоръ Бергъ увѣдомилъ, что посланные отъ него полковникъ Зоричъ и подполковникъ Суворовъ съ командами на непріятельскіе при Бернштейнѣ три эскадрона, оные совершенно разбили, взяли притомъ въ полонъ одного офицера, рядовыхъ драгунъ и гусаръ семдесятъ и столько жъ лошадей; убитыхъ сочтено на мѣстѣ болѣе ста человѣкъ; прочіе же даже до фронта непріятельскаго преслѣдованы. Съ нашей стороны ранено пять казаковъ, нѣсколько гусаръ и лошадей.“

Послѣ сего Платенъ отступилъ къ Кольбергу и соединился съ принцемъ виртембергскимъ. Но какъ сей корпусъ, такъ и гарнизонъ Кольберга, давно нуждаясь въ военныхъ и съѣстныхъ потребностяхъ, ожидали огромнаго транспорта отъ Штетина чрезъ Голнау, то генералъ Бергъ разсудилъ пресѣчь сообщеніе Штетина съ Кольбергомъ и подвинулся къ Наугартену.

Съ своей стороны принцъ виртембергскій послалъ полковника Клейста въ Голнау съ тѣмъ, чтобы подать руку означенному транспорту; онъ подвинулъ Платена къ Грейфенбергу съ повелѣніемъ занять сильнымъ отрядомъ Вюсентинъ для поддержки Клейста и направилъ Кноблоха въ Трентау, для помощи Платену. Между тѣмъ транспортъ, прійдя въ Голнау, былъ выгнанъ оттуда полковникомъ Текеліемъ и обращенъ къ Штетину. Тогда Бергъ двинулся въ Вюсентинъ и атаковалъ отрядъ, его занимавшій, такъ удачно, что ни одинъ человѣкъ не спасся. Но пока производилась сія атака, Платенъ, услыхавъ пушечную пальбу въ Вюсентинѣ, отправилъ туда другой отрядъ, который, подошедъ къ мѣсту сраженія и увидя пораженіе Вюсентинскаго отряда, „начался отступать къ Грейфенбергу, куда для преслѣдованія онаго посланъ съ легкими войсками подполковникъ Суворовъ, который немалый вредъ непріятелю причинилъ и, напавъ съ однимъ эскадрономъ желтыхъ гусаръ подъ командою поручика Карпа и нѣсколькими казаками на арьергардію помянутаго сикурса, многихъ побилъ; одного офицера и 40 человѣкъ рядовыхъ въ полонъ взялъ. Такъ преслѣдовавъ непріятеля около мили, къ командѣ возвратился.“ (Изъ того же журнала).

или продовольствія его арміи, разсѣянной тогда по всему пространству Польскаго государства. Словомъ, эти дѣйствія соотвѣтствовали только тому, что̀ во время Наполеона называлось подвижными колоннами (colonnes mobiles).

—

Послѣ сего Бергъ занялъ Грейфенбергъ, а Платенъ взялъ направленіе на Бельцъ къ Камину, гдѣ, извѣстясь объ обратномъ прибытіи транспорта къ Голнау, немедленно поворотилъ на Голновскую дорогу и остановился въ Швантесгагенѣ, оставивъ въ деревняхъ Цонгловѣ и Баумгартенѣ славнаго партизана Курбьера съ 2 баталіонами и однимъ гусарскимъ полкомъ. На другой день Курбьеръ былъ окруженъ Бергомъ и взятъ въ плѣнъ со всѣмъ отрядомъ своимъ, и Платенъ, преслѣдуемый нашими войсками, отступилъ къ Голнау.

Тогда главнокомандующій отрядилъ корпусъ Фермора для содѣйствія Бергу въ нападеніи на Голнау. Ферморъ, встрѣтивъ затрудненія, остановился у города и открылъ по немъ канонаду; но Бергъ, съ однимъ баталіономъ гренадеръ при нѣсколькихъ орудіяхъ, овладѣлъ мѣстечкомъ послѣ штурма и выгналъ оттуда непріятеля, „при чемъ подполковникъ Суворовъ въ преслѣдованіи непріятеля чрезъ мѣстечко и по мосту съ отличною храбростію поступилъ.“ (Изъ того же журнала).

Нельзя подумать, чтобы въ теченіи сей кампаніи Суворовъ ограничился одними вышепредставленными подвигами, хотя въ журналѣ имя его болѣе уже не появляется; впрочемъ, если дѣйствія его не были столь блистательны, чтобы быть упомянутыми въ донесеніяхъ, то по крайней мѣрѣ онъ находился въ весьма поучительной школѣ. Поиски генерала Берга въ теченіи этой кампаніи могутъ служить во всѣхъ отношеніяхъ примѣромъ партизанской войны. Отважность, неутомимость и искусство его имѣли послѣдствіемъ то, что транспортъ, столь необходимый гарнизону и войскамъ принца виртембергскаго, не могъ достигнуть Кольберга отъ 4-го октября до 5-го декабря, то есть, до дня сдачи сей крѣпости въ слѣдствіе недостатка въ съѣстныхъ и боевыхъ потребностяхъ.

Въ конфедератскую войну Суворовъ имѣлъ обширнѣе поле для ознаменованія своихъ способностей; онъ командовалъ уже особою, ни отъ кого независимою партіею, состоявшею изъ 900 человѣкъ. Прискакавъ въ 1769 году на подводахъ изъ Минска подъ Брестъ, онъ внезапно захватилъ два уланскіе полка Бѣляка и Коржицкаго и принудилъ ихъ сдаться плѣнными. У селенія Орчахобы онъ разбилъ обоихъ Пулавскихъ, которые были втрое сильнѣе его. Въ 1770 и 1771 годахъ онъ дѣйствовалъ съ тою же партіею по обѣимъ сторонамъ Верхней Вислы въ австрійской Галиціи и разбилъ два раза полковника Мошинскаго и другія конфедератскія партіи. Подъ Ландскроною онъ побѣдилъ войска маршаловъ Орзешки и Сапеги, которые совѣто-

Партизаны 1809 года.

Въ 1792 году Кюстинъ у Французовъ и 1809 году Шиль у Прусаковъ обратили на себя взоры современниковъ. Движеніе перваго отъ Ландау по долинѣ Рейна къ Майнцу, и занятіе этой крѣпости въ то время, какъ союзная армія отступала изъ Шампаніи предъ арміею Дюмурье и Келлермана, достойно величайшихъ похвалъ. Впрочемъ корпусъ Кюстина заключалъ въ себѣ достаточное количество пѣхоты и артиллеріи, а потому подвигъ этого генерала долженъ быть выключенъ изъ разряда партизанскихъ дѣйствій. Я упоминаю о немъ лишь потому, что дѣйствія его были совершены въ духѣ и смыслѣ партизанской войны. Взятіе Неемъ Мангейма въ 1799-мъ году болѣе подходило къ партизанскому дѣйствію, но только по исполненію, а не по пункту, на который были направлены его усилія: ибо ударъ разразился на фронтъ, а не на тылъ или сообщеніе непріятеля съ его полемъ запасовъ. Дѣйствія герцога браунштвейгскаго и Шиля представляются въ иномъ видѣ; на нихъ надо смотрѣть съ двухъ точекъ зрѣнія: съ политической и собственной партизанской. Въ Германіи возникли общества съ цѣлью освободиться изъ-подъ ига Наполеона; духъ обществъ проникъ болѣе въ сѣверную часть, чѣмъ въ южную, а потому они оба, въ надеждѣ на ихъ содѣйствіе,

вались передъ тѣмъ съ извѣстнымъ генераломъ Дюмурье. Подъ Замостьемъ онъ снова разбилъ Пулавскаго; узнавъ о прибытіи въ Литву гетмана Огинскаго, онъ быстро двинулся изъ Люблина къ Слониму и подъ Столовичемъ разбилъ его на голову, захвативъ въ плѣнъ 1000 человѣкъ рядовыхъ, 30 офицеровъ, 12 орудій, нѣсколько знаменъ и гетманскую булаву. Въ 1742 гогу онъ взялъ Краковъ, защищаемый конфедератами и французскими бригадирами Галибертомъ и Шуазье.

Предѣлы сего сочиненія не позволяютъ мнѣ подробно распространиться о всѣхъ партизанскихъ подвигахъ сего великаго полководца. Впрочемъ, все, что я представилъ, достаточно свидѣтельствуетъ, что Суворовъ почерпнулъ въ семъ родѣ войны ту быстроту въ дѣйствіяхъ, ту ловкость въ изворотахъ, ту внезапность въ нападеніяхъ, то единство въ натискѣ, коихъ тайна и искусство и по нынѣ непостижима многим методикам.

обратились къ сѣверу. Но въ другомъ отношеніи они впали въ великую ошибку, тѣмъ, что избрали для своихъ поисковъ направленіе совершенно противное духу партизанской войны. Отдавая должную справедливость отважности и рѣшительности, съ которыми онъ бросился на защиту Германіи, мы видимъ съ прискорбіемъ, что при совершенной свободѣ въ выборѣ удобнѣйшаго пункта атаки, исполненіе не соотвѣтствовало обширности и смѣлости этого плана. Если бы онъ быстро двинулся чрезъ Богемію и, занявъ единственный *путь сообщенія* Наполеона, проходившій чрезъ Линцъ, Браунау и Мюнхенъ, истреблялъ всѣ запасы французской арміи, онъ бы нанесъ несравненно болѣе вреда непріятелю, нежели дѣйствіемъ своимъ около сѣвернаго моря и отдаленіемъ отъ круга рѣшительныхъ происшествій. Я знаю, что будутъ опровергать это мнѣніе тѣмъ, что *таковый дальній переходъ былъ бы слишкомъ смѣлъ; онъ этимъ удалялся отъ моря, занятаго англійскимъ флотомъ, единственнымъ его убѣжищемъ въ случаѣ неудачи.* Слабое оправданіе! Нѣтъ излишней отважности для человѣка, который обрекъ себя на опасную службу партизана. Онъ часто долженъ отказаться отъ надежды вкусить, по совершеніи подвига, плоды геройскаго вдохновенія; не ожидая рукоплесканій, похвалъ и наградъ, онъ долженъ смѣло двигаться для нанесенія чувствительныхъ ударовъ непріятелю; ему не рѣдко приходится погибнуть съ пользою, хотя бы позорною смертію!

Въ апрѣлѣ 1809-го года командиръ бранденбургскаго гусарскаго полка Шиль, выступивъ изъ Берлина съ 500 гусарами своего полка и 300 егерей, приблизился къ Дессау и Галле. Узнавъ о цѣли ихъ дѣйствій, Наполеонъ приказалъ герцогу Вальми (Келлерману) принять въ свое начальство наблюдательный корпусъ на Эльбѣ. Въ маѣ Шиль, преслѣдуемый генераломъ Грассіяномъ съ 3,000 голландскихъ войскъ, обратился на Люнебургъ, Любекъ и Висмаръ; отсюда Шиль поспѣшилъ къ Роштоку и Стральзунду, которымъ овладѣлъ приступомъ. Но вскорѣ Шиль былъ убитъ и отрядъ его

былъ разсѣянъ. Около того же времени герцогъ брауншвейгскій и генералъ Аменди принудили своими дѣйствіями близъ Дрездена и Лейпцига короля саксонскаго удалиться въ Франкфуртъ; между тѣмъ Дарнбергъ атаковалъ Кассель, и Тирольцы дошли да Зальцбурга и Кемпена.

Австрійскіе партизаны, прорвавшись въ Баварію, простерли свои поиски до Нюренберга и возбудили мятежъ до Моргенгейма. Если бы въ это время Шиль появился въ окрестностяхъ Браунау или Мюнхена, и оказалъ бы содѣйствіе австрійскимъ партизанамъ, то послѣдствія этихъ движеній могли быть неисчислимы для всей Германіи. Хотя, къ несчастію, не существовало между ними никакого согласія, при всемъ томъ появленіе этихъ партизановъ въ сѣверной Германіи до того встревожило Наполеона, что онъ тотчасъ для противодѣйствія имъ отрядилъ колонны подъ начальствомъ генерала Грассіена, Келлермана, короля Вестфалскаго и генерала Жюно. Чтобы произошло, еслибъ партизаны вмѣсто того, чтобы избирать для своего дѣйствія сѣверную Германію, двинулись бы на путь сообщенія французской арміи съ Баваріей и Франціей и если бы въ это время Австрійцы воспользовались побѣдой своей при Эслингенѣ?

Испанскихъ партизановъ или гверильясовъ въ 1809 году нельзя упрекнуть въ столь робкихъ и нерѣшительныхъ дѣйствіяхъ. Ихъ подвиги будутъ всегда служить примѣромъ для начальника партій; онъ увидитъ, какъ должно пользоваться мѣстностью той земли, на которой ведется брань, и гнѣвомъ народа, возставшаго для мщенія.

При начатіи войны 1808 года Испанская армія потерпѣла рядъ пораженій, силы ея истощились, и уже Французы, по изгнаніи за предѣлы Испаніи англійскихъ войскъ генерала Мура, хотѣли покорить Португалію. Прибытіе Веллингтона, приступившаго къ возведенію укрѣпленій въ Торресъ-Ведресѣ, и духъ независимости, вспыхнувшій въ сѣверной Испаніи и разлившійся по всему государству, заставили Французовъ

отступить. Перенесеніемъ театра войны въ Андалузію, они окончательно лишились всѣхъ выгодъ, пріобрѣтенныхъ побѣдами.

По причинѣ разсѣянія испанской арміи и овладенія Французами главными узлами дорогъ, областныя юнты, не имѣя никакого сношенія съ главною юнтою, занялись каждая особо составленіемъ народной стражи для мѣстной защиты областей, ими управляемыхъ; а народъ, переставъ ожидать успѣховъ отъ главной арміи и убѣдясь въ необходимости общаго ополченія, бросился къ оружію и сталъ подъ знамена независимости. Ненависть къ Французамъ, дотолѣ окованная и подавляемая насиліемъ, вдругъ ниспровергла всѣ преграды и дала единство своевольному стремленію каждаго гражданина. Тогда систематическія движенія регулярной арміи замѣнились, такъ сказать, *устроеннымъ безпорядкомъ* вооруженныхъ поселянъ; этотъ родъ войны былъ болѣе всякаго другаго свойственъ неукротимому нраву Испанцевъ и мѣстному положенію страны.

Мало по малу провинціи, занимаемыя Французами, покрылись партіями, составленными изъ линѣйныхъ солдатъ, разсѣянныхъ прежними пораженіями, и изъ людей всякаго званія, защищавшихъ свою собственность. Извѣстія о первыхъ успѣхахъ сихъ многочисленныхъ партій были съ восторгомъ принимаемы народомъ, и молва о нихъ украсилась всѣми вымыслами пламеннаго воображенія южной націи. Сіе самое воображеніе и это неограниченное стремленіе къ независимости, столь много вредившія дѣйствію регулярныхъ войскъ Испаніи, были истинною причиною успѣховъ общаго ополченія, доказавшаго свѣту, что побѣды, одерживаемыя надъ арміями великодушнаго народа, болѣе ожесточаютъ, нежели порабощаютъ его игу чужеземнаго властителя. Въ Испаніи всѣ начальники партій поступили на поприще воиновъ изъ званій чуждыхъ военному, и почти всѣ достигли своего сана, начавъ съ низшихъ степеней гражданскихъ.

Въ числѣ отличнѣйшихъ наименую *Донъ-Жуанъ-Мартына*, (*) извѣстнаго подъ именемъ *Ель-Емпетинадо*, лишившаго-

(*) Выписка изъ Эдинбургскаго годоваго регистра.

ся большей части родни своей при вступленіи Французовъ въ Испанію; поклявшись своимъ соотчичамъ не щадить враговъ отечества доколѣ они не оставятъ страны, онъ, начальствуя малою частью *гверильясовъ* (испанской милиціи), нанесъ болѣе вреда французской арміи своими частными успѣхами, нежели главная армія кровопролитнѣйшими генеральными сраженіями. Жестокость, относительно измѣнниковъ, превышала даже наказанія, опредѣленныя Французамъ. Такъ погибли извѣстные Риго, Бригюега и проч,, схваченные посреди французской арміи. Едва такимъ же образомъ не попался ему въ руки и самъ Іосифъ Бонапарте, на котораго онъ напалъ во время обѣденнаго стола, даннаго имъ генералу Бельяру. Одно поспѣшное бѣгство его въ столицу спасло его отъ плѣна гверильясовъ.

Въ другой разъ 27-го сентября 1809 года, когда Іосифъ переѣзжалъ изъ Гулдараксары въ Сугуензу, *Ель-Емпетинадо* атаковалъ его въ дефилеи *Коголуды* и преслѣдовалъ его снова до воротъ Мадрита, въ виду которыхъ онъ истребилъ большую часть окружавшей его гвардіи.

Фамилія Мины доставила Испаніи двухъ героевъ, которыхъ слава не уступаетъ славѣ *Ель-Емпетинадо*. Первый Мина былъ студентомъ въ Наваррѣ, при вступленіи Французовъ въ Испанію; онъ еще на 20-мъ году отъ рожденія успѣлъ обратить на себя вниманіе соотчичей своею отважностію и благоразуміемъ. Когда онъ былъ взятъ французами въ плѣнъ, дядя его *Франциско-Эльпосъ-и-Мина,* воспользовавшись общимъ уваженіемъ, заслуженнымъ его племянникомъ, сосредоточилъ разсѣянныя его войска, и принялъ начальство въ наварской провинціи, что̀ было въ послѣдствіи подтверждено самою юнтою. Французы прозвали его королемъ наварскимъ, ибо онъ дѣйствительно царствовалъ въ сей области, не смотря на занятіе ея Французами.

Обыкновеннымъ убѣжищемъ его были ущелья горъ, гдѣ онъ основалъ пороховую фабрику и госпиталь для своего отряда; онъ предпринималъ оттуда свои набѣги въ низменныя

мѣста и не разъ совершенно пресѣкалъ сообщеніе француз-скои арміи съ ея отечествомъ.

Начальники городовъ и деревень, на этомъ пути находив-шихся, имѣли повелѣніе извѣщать его обо всемъ происходя-щемъ, и въ случаѣ неисполненія этого приказанія были не-медленно и безпощадно казнены; поощряя между тѣмъ жи-телей къ торговлѣ съ непріятелемъ, онъ этимъ получалъ са-мыя нужныя о немъ свѣдѣнія, равно какъ и оружіе, одежду и часто порохъ. Взимая пошлины за выдаваемые купцамъ паспорты, онъ этимъ способомъ составилъ общественную казну, съ помощью коей онъ давалъ жалованье своему войску и щедро награждалъ лазутчиковъ; когда же попадались ему та-коваго рода люди, посланные Французами, онъ накладывалъ на ихъ лбы клейма съ словами: *viva Mina*, ио тсылалъ ихъ обратно къ непріятелю; между тѣмъ Мина наблюдалъ въ сво-емъ отрядѣ совершенное чинопослушаніе и подавалъ собою примѣръ наистрожайшей добродѣтели; хотя онъ могъ увели-чить корпусъ свой до 12,000 человѣкъ, но онъ довольство-вался только 5,000-ми. Онъ былъ съ этимъ числомъ подвиж-нѣе и способнѣе для избраннаго имъ рода дѣйствія. Всѣмъ извѣстно, сколько этотъ отважный партизанъ нанесъ вреда Французамъ, сколь много онъ содѣйствовалъ возстановленію независимости своего отечества. Въ награду за цѣлый рядъ подвиговъ онъ пользовался постояннымъ неблаговоленіемъ ко-роля Фердинанда VII-го. Не было дороги, не было тропинки, по коимъ бы можно было избѣгнуть встрѣчи съ гверильясами. Тѣснины Пиренеевъ, Сіерра-Морены, обѣ Кастиліи, Навар-ское и Аррагонское королевства сокрывали въ нѣдрахъ сво-ихъ этихъ зоркихъ, безстрашныхъ и неутомимыхъ воиновъ ко-ихъ слава неизгладима во всѣхъ лѣтописяхъ, во всѣхъ серд-цахъ, біющихся для отечества.

Партизаны 1812 года.

Пробѣгая изображенныя мною три эпохи появленія партизановъ, нельзя не замѣтить, что искусство давать партіямъ вѣрное направленіе подвигалось, такъ сказать, ощупью. Въ первой эпохѣ мы видимъ однѣ толпы странствующихъ воиновъ; въ послѣдующей—вторженія и первый шагъ къ истинной цѣли партизанскихъ поисковъ; въ третьей видимъ партизановъ, возставшихъ на отмщеніе; но здѣсь обнаруживаются постоянныя, хотя еще слабыя, усилія къ *истребленію у непріятеля способовъ пропитанія и боя.*

Грозная эпоха 1812 года, ознаменованная столь необыкновенными событіями, значительно способствовала къ измѣненію въ Россіи этой важной части военнаго искусства; системы Бюлова и подобныхъ ему мечтателей пали, и партизанская война поступила въ составъ предначертаній общаго дѣйствія армій.

При вторженіи въ предѣлы Россіи и при разобщеніи нашихъ двухъ армій, Наполеонъ устремился къ Смоленску, стараясь воспрепятствовать соединенію ихъ. Когда же, не взирая на усилія его, арміи наши соединились подъ Смоленскомъ, тогда онъ слѣдовалъ за нами до Москвы и, вступивъ въ нее, дозволилъ князю Кутузову, почти въ глазахъ своихъ, совершить спасительный переходъ къ Тарутину. Занятіемъ Тарутина были прикрыты южныя губерніи наши, и сообщенія непріятеля подверглись случайности пресѣченія. Тутъ начинается четвертое появленіе партизановъ. Выславъ партію изъ Бородина къ Вязьмѣ для испытанія дѣйствія партизанскихъ набѣговъ, Кутузовъ убѣдился въ великой пользѣ ихъ. Тогда свѣтлѣйшій, раздѣливъ при Тарутинѣ большую часть казачьяго войска на отряды и давъ имъ различныя направленія, двинулъ ихъ на путь сообщенія непріятеля. Время, проведенное близъ Тарутина на вещественное и нравственное усиленіе арміи, не было потеряно партизанами: въ продолженіе шести недѣль сряду путь сообщенія Французовъ чрезъ Можайскъ, Вязьму и Смоленскъ подвергался безпрерывнымъ ихъ набѣгамъ. Ни-

когда, съ самаго начала войны, не было видно въ лагерѣ нашемъ такого большаго количества плѣнныхъ, какъ въ теченіе этой эпохи. Казалось, что отважность и дѣятельность партизановъ возрастали по мѣрѣ усиленія предосторожности въ непріятельскихъ войскахъ, почти осажденныхъ партіями и вооруженными поселянами. Фигнеръ рыскалъ между авангардомъ непріятеля и главною его арміею, простирая кровавые свои поиски до заставъ столицы. Неутомимый Сеславинъ разилъ непріятеля къ сторонѣ Ѳоминскаго и былъ единственнымъ вѣстникомъ движенія французской арміи къ Малоярославцу; быстрымъ и внезапнымъ занятіемъ этого города непріятель могъ избѣжать всѣхъ испытанныхъ имъ въ послѣдствіи бѣдствій. Кудашевъ наблюдалъ за движеніемъ непріятеля по тульской дорогѣ, весьма важной для насъ, потому что по ней доставляли продовольствіе нашей арміи и потому что здѣсь находился тульскій ружейный заводъ. Князь Кудашевъ преграждалъ путь непріятельскимъ подвозамъ и, прорываясь нерѣдко до главной квартиры короля Неаполитанскаго, распространялъ ужасъ отъ Винкова до Подольска. Чернышевъ, приведя въ трепетъ главное гнѣздо враговъ нашихъ, Варшаву, летѣлъ на перерѣзъ всего непріятельскаго основанія отъ самаго герцогства Варшавскаго къ Полоцку; онъ привезъ извѣстіе о движеніи дунайской арміи къ берегамъ Березины. Прочіе партизаны, истребляя транспорты и отряды непріятеля, наносили ему чувствительные удары, и всѣ вмѣстѣ, предшествуя французской арміи и окружая ее во время отступленія отъ Москвы до береговъ Нѣмана, бились денно и ночно; затрудняя переправы, портивъ тѣснины, производя безпрерывныя тревоги, они лишали непріятеля отдохновенія, столь для него необходимаго, тѣмъ болѣе, что онъ былъ изнеможенъ голодомъ, стужею и усиленными переходами.

Боже меня сохрани приписать всѣ успѣхи 1812 года однимъ легкимъ войскамъ! Французы, коихъ самолюбіе было глубоко оскорблено послѣ двадцати двухъ лѣтнихъ побѣдъ, приписываютъ ихъ единственно суровому климату нашему;

недоброжелатели же партизановъ относятъ успѣхи однимъ линейнымъ войскамъ. Будемъ справедливѣе: уступимъ и врагамъ и состязателямъ нашимъ; не отвергая вполнѣ вліянія стужи, мы однако не можемъ не упомянуть о геройскихъ подвигахъ безстрашныхъ нашихъ соотчичей въ теченіи этого достопамятнаго года; мы сами видѣли костры съ замерзшими трупами непріятельскими и кровопролитныя битвы нашего линейнаго войска. Но усомнимся въ томъ, чтобы одна стужа могла сокрушить того, который мужественно переносилъ зной Египта, переходилъ чрезъ снѣжныя вершины Альповъ, также и въ томъ, что истребленіе сего непобѣдимаго дотолѣ воинства исключительно принадлежало линейному войску!

Если одни морозы причиною успѣховъ нашихъ, то развѣ нельзя отыскать убѣжища противъ стужи, когда она не сопровождается бѣдствіями другаго рода? Если бы непріятелю угрожалъ одинъ морозъ, то не могъ ли онъ расположиться на зимнія квартиры въ окрестностяхъ Москвы или Твери, и возобновить лишь весною военныя дѣйствія. Мнѣ отвѣтятъ что кромѣ убѣжища противъ стужи необходимо продовольствіе. Безспорно: для этого надлежало только, расположивъ просторнѣе армію, учредить въ тылу ея линію магазиновъ. Но исполнить этого было невозможно, возразятъ мнѣ, потому что россійская армія, будучи сосредоточена въ близкомъ разстояніи отъ зимнихъ квартиръ непріятеля, могла, воспользовавшись разсѣяніемъ Французовъ, нанести по частямъ и внезапно пораженіе ихъ войскамъ, не готовымъ къ отпору. Къ тому же, занятіемъ тарутинской позиціи, русская армія, заслонивъ хлѣбороднѣйшія губерніи свои, лишила непріятеля способовъ продовольствія въ теченіи зимы въ краѣ, болѣе изобильномъ ремесленниками, нежели хлѣбопашцами. И такъ, непріятелю оставалось лишь два способа избѣжать угрожавшей ему опасности: занявъ Москву, ему надлежало немедленно выступить противъ нашей арміи и, оттѣснивъ ее за Орелъ и далѣе, ожидать въ изобильнѣйшемъ краю Россіи возвращенія весны; или, быстрымъ движеніемъ мимо нашего лѣваго флан-

га, достигнуть чрезъ Юхновъ, Мосальскъ и Рославль неприкосновенной для обѣихъ армій полосы Россіи. Но онъ перваго не предпринялъ въ надеждѣ на миръ, которымъ князь Кутузовъ усыплялъ его легковѣріе до наступленія стужи и возрожденія русской арміи; второе не исполнилось въ слѣдствіе преграждения калужской дороги при Малоярославцѣ. Надо быть совершеннымъ невѣждой въ военномъ искусствѣ, чтобы не видать, что это движеніе, бывъ слѣдствіемъ тарутинской позиціи, есть главная причина всѣхъ злополучій французской арміи. Россійская армія, прикрывъ путь въ край, никѣмъ еще не раззоренный, заставила непріятеля обратиться на путь, имъ самимъ опустошенный; голодъ и морозы въ одно время съ занятіемъ тарутинской позиціи и нашимъ фланговымъ движеніемъ, довершили злополучіе непріятеля. Холодъ и голодъ, истребляя непріятельскія войска, не могли въ то же самое время щадить русскія. Безъ сомнѣнія, сѣверные народы способнѣе переносить стужу, чѣмъ жители юга. Однако всему есть предѣлъ: морозъ въ двадцать градусовъ, сопровождаемый вьюгою, равно смертоносенъ Лапландцу и Французу, если первый не прибѣгаетъ къ пищѣ и крѣпкимъ напиткамъ. Надо положительно сказать, что Французы избѣгли бы злополучій, ихъ постигшихъ, еслибъ могли освободиться отъ фланговаго движенія нашего и предупредить насъ въ занятіи обильнаго края, коимъ мы слѣдовали. Это принудило бы насъ либо остановиться въ Калужской губерніи и преслѣдовать непріятеля по опустошенному имъ краю, либо предпринять новый фланговый маршъ чрезъ Орловскую и Черниговскую губерніи. Но люди, не умѣющіе восходить отъ слѣдствія къ первоначальной причинѣ, повторяютъ слова, вымышленныя врагами нашего оружія, которые, распространяя ихъ сколь возможно, присовокупляютъ, что послѣ морозовъ *одни линейныя войска помогли намъ одержать успѣхи!* Нельзя оспоривать пользы, принесенной этимъ войскомъ, приведшимъ въ исполненіе высокія предначертанія Кутузова; дѣйствительно, непріятель былъ вынужденъ обратиться на гибельный и раззоренный путь тѣмъ войскомъ, котораго рядъ

подвиговъ сокрушилъ французскую армію при Вязьмѣ и Красномъ! Но если вникнемъ съ большимъ вниманіемъ въ предначертанія свѣтлѣйшаго, то убѣдимся, что главная цѣль его состояла въ истребленіи Французовъ болѣе голодомъ и стужею, нежели силою оружія. И подлинно, отъ самаго Малоярославца до береговъ Березины, главная армія только два раза сближалась съ непріятелемъ, тогда какъ на всемъ пространствѣ отъ Москвы до Нѣмана непріятель былъ окруженъ легкими войсками, тѣснившими его, какъ въ ящикѣ; они не дозволяли ни одному французскому солдату отлучаться отъ своей части, для отысканія себѣ пищи или крова противъ стужи. Конечно, партизаны, безъ содѣйствія линейныхъ войскъ, не были бы въ состояніи преградить непріятелю путь къ Калугѣ, и обратить его къ Вязьмѣ и на путь, столь для него въ послѣдствіи гибельный; но нельзя также не согласиться въ томъ, что регулярная армія безъ содѣйствія партизановъ никогда бы не могла утомить и изнурить непріятеля, лишивъ его самыхъ необходимыхъ для жизни потребностей. Къ несчастію, всякое *новое* или усовершенствованное изобрѣтеніе встрѣчаетъ болѣе порицанія, нежели одобренія, и потому усердіе, выказанное партизанами въ эту войну, навлекло на нихъ лишь негодованіе многихъ чиновниковъ. Оскорбленное ихъ самолюбіе не могло простить *смѣльчакамъ* одержанныхъ ими успѣховъ безъ ихъ содѣйствія и почетное мѣсто, занятое ими въ объявленіяхъ того времени. Я сожалѣю, что недостатокъ матеріаловъ, а еще болѣе близость событій, не дозволяютъ мнѣ отвѣчать на всѣ обвиненія и украсить эту статью описаніемъ подвиговъ нашихъ партизановъ, обогатившихъ партизанскій родъ войны весьма поучительными примѣрами. Но если современникъ вынужденъ молчать о многомъ, рѣзецъ безпристрастнаго историка не отдѣлитъ именъ Фигнера, Сеславина, Чернышева и Кудашева отъ великихъ воспоминаній 1812 года, поставя ихъ имена на ряду съ именами славнѣйшихъ защитниковъ отечества.

Часть вторая.

Изложеніе системы партизанскаго дѣйствія.

Превосходство Россіи надъ Европейскими государствами относительно легкихъ войскъ и соразмѣрность широты съ глубиною ея пространства.

Военное устройство каждаго государства должно согласоваться съ обычаями, нравами народа: иначе полководцы не мало обманутся въ своихъ разсчетахъ. Природа непобѣдима; дорого заплатятъ тѣ, кои для успѣха оружія своего дерзнутъ преобразовать Турокъ въ кирасиръ, подчинивъ ихъ тактическимъ построеніямъ;—тѣ, кои будутъ почитать себя безопасными въ лагерѣ, охраняемомъ Азіатцами, одѣтыми въ европейское платье! Всѣ арміи одинаковы между собою въ томъ отношеніи, что составлены изъ людей; но учрежденія, коими руководствуется каждая изъ нихъ, опредѣляютъ степень доброты войска, которая зависитъ отъ большаго или меньшаго согласованія этого учрежденія съ коренными обычаями народа, изъ котораго набрано войско. Все сказанное мною объ арміяхъ и націяхъ можно примѣнить и къ частямъ свѣта.

Въ Европѣ просвѣщеніе, смягченіе нравовъ, познаніе правъ собственности, торговля, роскошь и другія обстоятельства пре-

пятствуютъ введенію легкихъ войскъ въ европейскія арміи. Народъ, такъ сказать, *наѣздническій*, передаетъ изъ рода въ родъ наклонность свою къ набѣгамъ; онъ развивается, поддерживается не земледѣліемъ, художествами, торговлей, а безпрерывными поисками за добычей среди общирныхъ пустынь, горныхъ ущелій, или въ сосѣдствѣ съ враждебными горными и степными жителями. Самый родъ войны, о коемъ мы разсуждаемъ, носитъ отпечатокъ чего-то дикаго, необразованнаго, и свойственъ лишь дикимъ и непросвѣщеннымъ народамъ.

Въ такомъ положеніи находится почти вся Азія. Суевѣріе и фанатизмъ, ограждая ее отъ просвѣщенія, поддерживаетъ и донынѣ въ народахъ, ее населяющихъ, то безпокойное свойство, ту алчность къ овладѣнію чужимъ достояніемъ и страсть къ смѣлымъ подвигамъ и случайностямъ. Всѣ войны, предпринимаемыя азіятскими народами, заключаются во внезапныхъ ударахъ, въ неутомимой подвижности и въ дерзкихъ предпріятіяхъ многочисленныхъ полчищъ наѣздниковъ. Вызовъ къ бою, натискъ, все у нихъ нестройно, но за то быстро, нагло и свирѣпо! Какое правильное устройство въ состояніи нравиться воинамъ, свободно дышущимъ лишь на полѣ брани? Кто въ порывѣ ихъ своеволія дерзнетъ сковать дисциплиною эти кипящія толпы? Алъ-коранъ, воспрещающій подражаніе христіанамъ, булатъ, пустыни и быстрые кони возстанутъ противъ всякаго нововведенія!

Высшая степень совершенства военнаго благоустройства должна бы заключаться въ соединеніи войскъ, имѣющихъ европейскій характеръ съ войсками азіатскихъ свойствъ. Первыя вступили бы въ бой по принятымъ въ тактикѣ правиламъ; послѣднія же могли бы служить къ отнятію у непріятеля способовъ къ прокормленію и къ бою. Но какъ согласить дикую необузданность Азіатцевъ съ правильнымъ дѣйствіемъ регулярной арміи? Одной Россіи, объемлющей треть Европы и знатную часть Азіи, предоставлено обладать превосходно устроенной арміею и владычествовать надъ народами одинакихъ съ

Азіатцами свойствъ; эти народы, подобно европейскимъ войскамъ, легко подчиняются установленнымъ начальникамъ: я говорю о *казакахъ*.

Вѣковыя вторженія племенъ восточныхъ въ нѣдра Россіи чрезъ Украйну берегами Днѣпра, Дона и Урала способствовали къ образованію въ южной части нашего отечества особаго народа или сословія, заимствовавшаго нравы, обычаи и образъ веденія войны у племенъ, съ ними враждовавшихъ. Въ странѣ, лежащей между южными берегами Днѣпра до береговъ Урала, живутъ казаки различныхъ наименованій; это служитъ доказательствомъ справедливости всего вышесказаннаго. Хотя по мѣрѣ покоренія и разсѣянія сопредѣльныхъ имъ хищныхъ народовъ, казаки утратили пылкость въ натискахъ и личную ловкость (*), но не вполнѣ, а потому они наводятъ ужасъ на всю европейскую легкую конницу. Они дѣйствуютъ по указанію просвѣщенныхъ начальниковъ, направляющихъ ихъ на слабѣйшія части непріятельской арміи. Вотъ истинное войско наѣздниковъ не по одной одеждѣ или названію, но по преданіямъ, воинственнымъ обычаямъ предковъ, которые постоянно защищали наши предѣлы противъ хищныхъ народовъ, съ ними граничившихъ. Обладая подобнымъ войскомъ, исключительно намъ принадлежащимъ, возможно ли было намъ оставить это обстоятельство безъ вниманія, потому только, что легкія войска прочихъ европейскихъ государствъ образованы изъ одного брака пѣхоты, артиллеріи и тяжелой конницы и пото-

(*) Примѣръ сему видимъ мы въ Украинскихъ казакахъ, которые менѣе способны къ наѣздничеству, чѣмъ Донскіе и Черноморскіе; а эти уступаютъ во многомъ Семейнымъ и прочимъ казакамъ, поселеннымъ по Кавказской линіи. Генералъ Ермоловъ образовалъ изъ Татарскихъ народовъ, обитающихъ въ Грузіи, войско, которое, если не превышаетъ, то конечно не уступаетъ этимъ послѣднимъ въ отважности и ловкости. Надо надѣяться, что начальство сей страны образуетъ со временемъ особую область, простирающуюся отъ Азовскаго моря до *Кизляра*, которой главнымъ городомъ будетъ *Ставрополь*. Чрезъ это откроется новое поле для новаго разсадника легкихъ войскъ, кои далеко превосходятъ самое Донское войско.

му лишены тѣхъ важныхъ свойствъ, коими обладаютъ наши казаки. Какой изъ военачальниковъ нашихъ при европейской войнѣ не воспользуется своей легкой конницей и этимъ не усилитъ себя лишнимъ противъ непріятеля орудіемъ? Польза этого будетъ тѣмъ ощутительнѣе, что превосходство Россіи надъ прочими государствами въ оборонительномъ отношеніи (*) ограничивается не однимъ соединеніемъ легкихъ войскъ съ сильною регулярною арміею: оно увеличивается въ слѣдствіе ея обширности. Вторгшійся въ Россію непріятель принужденъ удалиться отъ источника средствъ своихъ, и дабы не увеличить еще болѣе разстоянія, онъ при движеніи своемъ долженъ сообразоваться съ прямѣйшимъ путемъ, исходящимъ отъ означеннаго средоточія. Эта обширность представляется въ различномъ видѣ нашей арміи и легкимъ войскамъ нашимъ, дѣйствующимъ въ самыхъ нѣдрахъ *широкаго* и *глубокаго* своего основанія, гдѣ они свободно могутъ двигаться во всѣ стороны; они искусными и отважными движеніями не могутъ потерять свободнаго сообщенія съ тою частію земли, удобнѣйшею для военныхъ дѣйствій, къ тому же они не могутъ опасаться быть изгнанными за предѣлы отечества, или притѣсненными ко дну или боковымъ границамъ его.

Конечно, сія необычайная обширность причиною великаго протяженія западной границы нашей,—протяженія, по словамъ нѣкоторыхъ писателей, много подвергающаго Россію опасности. Но долго ли намъ благоговѣть предъ обветшалыми предразсудками и не убѣдиться, что это неудобство ничтожно въ землѣ, которой *глубина* и *широта* соотвѣтсвуютъ протяженію границы? Война начинается въ смежныхъ между собою предѣлахъ враждующихъ державъ. Нѣтъ примѣра, чтобы она когда нибудь здѣсь кончилась. Спорныя дѣла государствъ рѣшаются нынѣ не боемъ Горацiевъ и Куріяцiевъ, не

(*) Я не говорю о наступательной войнѣ. Разсужденія о семъ родѣ дѣйствія, будучи сопряжены съ политическими разсужденіями, не касаются моего сочиненія.

поединками полководцевъ, не овладѣніемъ какою либо пограничною крѣпостью и не безконечными боковыми движеніями двухъ сражающихся корпусовъ, носящихъ названіе армій. Нынѣ народъ или народы возстаютъ противъ народа, границы потопляются приливомъ несмѣтныхъ ополченій, и военныя дѣйствія немедленно переносятся въ нѣдро того или другаго враждующаго государства. Какое же можетъ быть вліяніе тѣсной или пространной границы на военныя дѣйствія? Средина государства служитъ тогда единственною основою всѣмъ наступательнымъ и оборонительнымъ предначертаніямъ. И подлинно, если бы Рейнъ, котораго берега усѣяны первоклассными крѣпостями, не преграждалъ бы болѣе другихъ рѣкъ вторженія нѣмецкихъ войскъ во Францію и французскихъ войскъ въ Германію; если судьба сихъ воюющихъ государствъ рѣшилась въ Вѣнѣ, Берлинѣ и Парижѣ, а не на границѣ; наконецъ, если, съ другой стороны, Россія и Испанія, послѣ великодушной и искусной борьбы, изгнали изъ нѣдръ своихъ безъ помощи кого либо огромныя французскія арміи: то что̀ можетъ быть очевиднѣе и убѣдительнѣе этихъ доказательствъ?

Однакожъ надо сказать, что не всякому государству удобно допускать военныя дѣйствія въ собственные предѣлы. Прибавляю къ вышесказанному: область, подвергающаяся вторженію, требуетъ не только великаго мѣстнаго простора, но и *глубины,* соразмѣрной съ широтою ея *поперечника.* Иначе вторженіе обратится въ пользу наступательной арміи и въ гибель оборонительной. Примѣръ тому у насъ въ памяти.

Въ 1806 году прусская армія, потерпѣвъ пораженіе близъ своей границы и потерявъ сообщенія съ нѣдрами государства, была приперта къ морю и положила оружіе, потому что *глубина* Пруссіи, въ отношеніи къ непріятелю, дѣйствующему съ юга, несравненно короче *протяженія* ея *поперечника.* Въ томъ же и въ послѣдующемъ годахъ армія наша, дѣйствовавшая въ Восточной Пруссіи, едва не подверглась два раза подобной участи: въ первый разъ въ слѣдствіе натиска французской арміи со стороны истоковъ рѣки Вкры, съ намѣреніемъ приперет

насъ къ такъ называемой тогда Австрійской Галиціи; другой разъ движеніемъ непріятеля отъ Наревы къ Кёнигсбергу, для того, чтобы насъ приперетъ къ Фришъ-Гафу. Что было тому причиною? тѣснота поперечника театра войны сравнительно съ его глубиною.

Оба эти неудобства не существуютъ въ коренной Россіи, и я твердо увѣренъ, что хотя бы непріятель овладѣлъ въ продолженіи войны либо Нижнимъ, либо Орломъ, либо Тверью, и тогда бы независимость Россіи не подверглась бы опасности: ибо Арзамасъ, или другіе города замѣнили бы Тарутино, и французская армія потерпѣла бы бѣдствія, не меньшія тѣхъ, кои потерпѣла она въ слѣдствіе занятія нашею арміею этого превосходнаго стратегическаго пункта.

И дѣйствительно, какимъ способомъ непріятель можетъ достигнуть этой цѣли, безъ которой война есть лишь рыцарское странствованіе? Эта цѣль состоитъ не въ повсемѣстномъ, можетъ быть, умышленномъ преслѣдованіи отступающей арміи, не во временномъ занятіи нѣсколькихъ губерній, а въ совершенномъ истребленіи военныхъ силъ противника и прочномъ покореніи всего государства. Что̀ предприметъ онъ для достиженія сей недостижимой цѣли? Прибѣгнетъ ли онъ ко вторженію въ полномъ смыслѣ слова, то есть, къ быстрому, рѣшительному, совокупному движенію, чтобы изумить народъ и армію? Но такой родъ нашествія полезенъ лишь тогда, когда бываетъ употребляемъ такимъ образомъ, чтобы разомъ загнать противника ко дну области, имъ защищаемой, или приперетъ его къ какой нибудь естественной преградѣ, находящейся въ одномъ изъ боковыхъ предѣловъ театра войны. Я, кажется, доказалъ, и 1708 и 1812 годы въ томъ порукою, что этотъ родъ войны противъ Россіи неудобенъ. Быть можетъ, непріятель обратится къ методическому дѣйствію? Но тутъ встрѣчаются такія же препятствія. Сколько для этого нужно времени, столь драгоцѣннаго въ войнѣ противъ государства, коего нѣдра сами по себѣ неприступны во время зимнихъ вьюгъ, осенней слякоти и весенней ростополи? Въ

этихъ обоихъ родахъ дѣйствія, содержаніе войскъ представляетъ главныя затрудненія; оно производится только двумя способами: или армія питается тѣмъ, что находитъ въ городахъ и въ селеніяхъ, на пути ея лежащихъ; или она продовольствуется магазинами и транспортами, наполняемыми произведеніями обывателей той области, въ коей происходитъ дѣйствіе. Но слабое населеніе Россіи, преданіе огню своей собственности и удаленіе жителей въ лѣса и дальнія губерніи не дозволяютъ употребить первый способъ; смѣлые и неутомимые набѣги легкихъ войскъ на пути сообщеній, по коимъ можетъ быть провезено продовольствіе, не допускаютъ послѣдняго. Здѣсь обнаруживается вся сила и высокое ихъ значеніе. Летучія партіи зорко и неусыпно снуютъ по всему непріятельскому пути сообщенія, пробираясь въ промежутки корпусовъ, нападая на парки и врываясь въ караваны съѣстныхъ транспортовъ; приноравливая извороты свои къ движенію своей главной арміи, они облегчаютъ ея усилія и довершаютъ успѣхи. Набѣги ихъ столь гибельны, что непріятель, раздѣляя вниманіе и силы, которыя должны были бы стремиться одною струею къ одной цѣли, вынужденъ дѣйствовать, вопреки свойству войны наступательной, ощупью; потерявъ надежду отразить сихъ неотразимыхъ наѣздниковъ, коихъ не могутъ ни догнать, ни отрѣзать его войска, непріятель лишается зарядовъ и запасовъ, безъ которыхъ ему остается либо просить пощады, либо отступать по чрезмѣрному протяженію,—предшествуемый и окружаемый партіями, тѣснимый и поражаемый линейными его войсками.

Безъ сомнѣнія, это средство весьма тягостное; но полумѣры и вялый родъ войны, употребляемый европейскими арміями, еще ужаснѣе по своимъ послѣдствіямъ! Воспользуемся же духомъ войска и народа, необъятною обширностью и глубиною государства, въ пучинѣ котораго теряются безчисленныя непріятельскія арміи, и подобно тому, какъ въ 1812 году, предпочтемъ всегда гибель капиталовъ гибели чести и независимости.

Изложеніе сущности всякаго вообще военнаго дѣйствія.

Изобразивъ эти два важныя преимущества Россіи, относительно всякаго непріятельскаго вторженія со стороны западной границы нашей, обратимся теперь къ сущности всякаго вообще военнаго дѣйствія, и опредѣлимъ основанія для направленія и дѣйствія партій.

Воюющія арміи раздѣляются на *наступательную и оборонительную* (*).

Всякая наступательная армія имѣетъ:

Основаніе.

Отдаленный и ближній предметы дѣйствія.

Путь дѣйствія.

Путь сообщенія.

Путь продовольствія

И боевую линію.

Основаніе есть пространство земли, снабжающее армію всѣми необходимыми военными и жизненными потребностями. Оно раздѣляется на *коренное* и *временное*.

Коренное основаніе есть собственное государство.

Временное, или поле запасовъ, опредѣляется въ теченіи войны въ непріятельской области, или въ союзномъ государствѣ, которое граничитъ съ этой областью. Хотя оно замѣняетъ первое, но вполнѣ отъ него зависитъ. Аннибалъ, отдѣленный моремъ отъ *кореннаго* основанія, не смотря на свои побѣды, не могъ удержаться на временныхъ основаніяхъ своихъ въ Италіи. Хотя бы армія Меласа, говоритъ Жомини, имѣла въ Александріи продовольствія на десять лѣтъ, она не менѣе того была бы отрѣзана отъ кореннаго своего основанія французскою арміею, овладѣвшею теченіемъ рѣки По и имѣвшею чрезъ Сенъ-Готаръ и Симплонъ свободное сообщеніе съ Швейцаріею.

Изъ книгъ Д. В. Кокорева

(*) Не должно терять изъ виду, что первую я полагаю дѣйствующею въ землѣ непріятельской, а послѣднюю въ своемъ собственномъ государствѣ.

Отдаленный предметъ дѣйствія заключаетъ въ себѣ сердце непріятельскаго государства, то есть, самый центръ, въ коемъ сосредоточиваются гражданское и военное управленіе и торговля.

Если бы непріятель не встрѣчалъ противудѣйствія, тогда надлежало бы ему только двигаться впередъ, для скорѣйшаго достиженія этого предмета. Но само собою разумѣется, что сіе стремленіе непріятеля значительно замедляется сопротивленіемъ оборонительной арміи; и потому первая можетъ овладѣть *отдаленнымъ* предметомъ только послѣ пораженія послѣдней; это потому называется *ближнимъ предметомъ дѣйствія*.

Путь дѣйствія есть въ сущности путь, избранный наступательною арміею для скорѣйшаго достиженія *отдаленнаго* предмета дѣйствія.

Путь сообщенія есть путь исходящій изъ тыла арміи, разсѣкающій ту часть земли, по которой эта армія слѣдовала; онъ падаетъ отвѣсно на средину ея *кореннаго* основанія.

Пути продовольствія суть пути, по коимъ армія получаетъ съѣстныя и боевыя потребности: они выходятъ изъ всего протяженія *временнаго* основанія и, соединясь у арміи, образуютъ треугольникъ.

Боевая линія есть протяженіе арміи отъ праваго до лѣваго ея фланга.

Оборонительная армія отличается отъ наступательной тѣмъ, что дѣйствуетъ въ срединѣ своего кореннаго основанія, тогда какъ послѣдняя отъ него удаляется.

Казалось бы потому, что первая не должна имѣть *путей сообщенія;* такъ какъ самое коренное основаніе заключаетъ въ себѣ части болѣе и менѣе выгодныя для дѣйствія, то и оборонительная армія должна имѣть *путь сообщенія* съ тою частью своего кореннаго основанія, которая представляетъ болѣе удобства для ея дѣйствія.

Прибавимъ къ этому слѣдующее: такъ какъ усилія оборонительной арміи клонятся къ отраженію непріятеля, а не къ

завоеванію, то и *отдаленный предметъ ея дѣйствія* состоитъ не въ достиженіи сердца противнаго государства, а въ занятіи выгоднѣйшей стратегической точки, находящейся въ своемъ собственномъ коренномъ основаніи, дабы этимъ она могла дѣйствовать совокупными силами на сообщенія непріятеля, заслоняя притомъ свое собственное.

Если бы оборонительная армія преградила движеніе наступательной на *пути ея дѣйствія* такимъ образомъ, чтобы обѣ *боевыя линіи* воюющихъ армій, разсѣкая его отвѣсно, лежали бы параллельно одна противъ другой, не принимая во вниманіе превосходства въ числѣ войскъ, безъ котораго дальнѣйшее наступательное дѣйствіе невозможно,—наступательная армія стала бы постепенно тѣснить *ближній* предметъ къ *отдаленному*, и не встрѣтивъ рѣшительнаго сопротивленія, достигла бы вмѣстѣ съ нимъ послѣдняго.

Но это не всегда случается. Мы видимъ, что когда оборонительная армія дѣйствуетъ въ срединѣ своего *кореннаго*, глубокаго и обширнаго основанія, или когда она въ союзѣ съ государствомъ, лежащимъ на одномъ изъ боковъ непріятельскаго *пути дѣйствія*, она, оставивъ свое параллельное положеніе, перемѣщается на такой *путь дѣйствія*, который падаетъ не только косвенно, но часто и отвѣсно на путь *дѣйствія* непріятеля.

Тутъ обстоятельства совершенно измѣняются: оба *предмета дѣйствія* наступательной арміи находятся уже не на одномъ, а на разобщенныхъ путяхъ; и съ этимъ вмѣстѣ невозможно слѣдовать мимо *ближняго* предмета къ *отдаленному*, не подвергая себя нападенію во флангъ и тылъ.

Что же остается ей дѣлать? Надо обратить свою *боевую* линію лицемъ къ *боевой* линіи непріятеля, съ которой бы стороны онъ ни появился. Такимъ образомъ, избравъ направленіе соотвѣтственно движенію противника, она бываетъ иногда принуждена разсѣкать косвенно собственный *путь дѣйствія* боевою линіею: тогда *путь* ея *сообщенія* неудобенъ.

При расположеніи боевой линіи своей вдоль *пути дѣйствія*, *путь* ея *сообщенія* подвергается большей опасности.

Но этимъ въ состояніи ли мы вывести эту армію изъ затруднительнаго положенія?—Нѣтъ. Во-первыхъ, армія эта, теряя изъ виду *отдаленный* предметъ, измѣняетъ свое наступательное дѣйствіе въ оборонительное; въ случаѣ если она будетъ настойчиво продолжать наступленіе противъ *ближняго* предмета, то не по направленію, избранному при начатіи войны. Во-вторыхъ, пространство, отдѣляющее ее отъ кореннаго основанія, находясь, такъ сказать, подъ рукою непріятеля, можетъ быть имъ занято; въ случаѣ пораженія, или сильнаго непріятельскаго натиска на тотъ флангъ *боевой линіи*, который лежитъ къ сторонѣ кореннаго основанія, она лишается подвозовъ и пути отступленія. Въ случаѣ успѣха, она можетъ воспользоваться лишь полемъ сраженія, ибо непріятель, заслонивъ свой *путь сообщенія* своею *боевою линіею*, свободно отступаетъ по немъ до той точки, на коей, соединившись съ вспомогательными войсками, или, опираясь на выгодную и сильную позицію, онъ можетъ возобновить нападеніе.

Само собою разумѣется, что наступательная армія можетъ предпринять подобный образъ дѣйствія противъ оборонительной, когда эта послѣдняя занимаетъ отвѣсную линію прямоугольныхъ треугольниковъ. Стоитъ только первой расположиться въ теченіи войны на *гипотенузѣ* одного изъ треугольниковъ, чтобы обратить дѣйствіе свое на флангъ напріятеля. Но тутъ представляются слѣдующія двѣ невыгоды: 1) дѣйствіе по *гипотенузѣ* продолжительнѣе, нежели дѣйствіе по отвѣсной линіи; 2) наступательная армія, потерявъ сраженіе на *гипотенузѣ* противъ арміи, напирающей на нее по отвѣсной линіи, должна неминуемо либо лишиться единственнаго своего *пути сообщенія*, либо отступить по немъ на одну изъ оконечностей кореннаго своего основанія; чрезъ это все протяженіе его можетъ легко подвергаться нападенію отрядовъ или резервной арміи непріятеля.

Дабы охватить оба крыла *боевой линіи* обороняющагося и чрезъ это не допустить его перемѣститься, иногда наступательная армія направляется по двумъ *путямъ* отъ двухъ оконечностей своего кореннаго основанія. Но этотъ способъ представляетъ обѣимъ частямъ этой арміи самые долгіе *пути дѣйствія* для достиженія *отдаленнаго* предмета; оборонительная армія, занимая отвѣсную линію прямоугольныхъ треугольниковъ, можетъ устремиться совокупными силами на разобщенныя части наступательной арміи и разбить ихъ по одиночкѣ. Само собою разумѣется, что и оборонительная армія, дѣйствуя такимъ же образомъ, то есть, съ обѣихъ оконечностей своего *временнаго основанія*, на оба крыла арміи, находящейся на отвѣсной линіи, подвергается той же участи (черт., №№ 1, 2, 3 и 4.).

Вотъ коренныя дѣйствія арміи. Обратимся теперь къ партіямъ.

Изложеніе направленія партій согласно съ направленіями арміи.

Положимъ, что обороняющаяся армія дѣйствуетъ параллельно непріятельской; мы видѣли подобныя дѣйствія въ 1812 году послѣ занятія Французами Смоленска, и въ 1813 году при расположеніи силезской арміи на Кацбахѣ и Бобрѣ противъ Макдональда. Въ такомъ случаѣ партизанамъ, дѣйствующимъ отдѣльно и самостоятельно, весьма трудно доставлять главнокомандующему свѣдѣнія о непріятелѣ; слѣдовательно одинъ изъ главныхъ предметовъ партизанской войны не можетъ быть хорошо выполненъ. Сверхъ того чрезмѣрное удаленіе партизановъ отъ арміи не дозволяетъ имъ согласовать свои дѣйствія съ движеніями арміи и нельзя ожидать ничего рѣшительнаго.

Примѣръ арміи дѣйствующей на отвѣсной линіи противъ непріятеля, дѣйствующаго по *гипотенузамъ*, видимъ мы въ 1814 году; такимъ образомъ дѣйствовала французская армія противъ нашей главной и силезской арміи. Въ этомъ случаѣ

партизаны арміи, дѣйствующей по отвѣсной линіи, встрѣчаютъ не мало затрудненій. Будучи тѣснимы непріятелемъ съ двухъ сторонъ, они, по недостатку пространства для изворотовъ противъ высылаемыхъ непріятельскихъ отрядовъ, нерѣдко бываютъ вынуждены искать убѣжища въ собственной арміи и прекратить набѣги и наблюденія свои, кои должны быть непрерывными. И подлинно, какимъ образомъ (если даже допустить въ французскихъ легкихъ войскахъ способность къ партизанской войнѣ) партіи ихъ могли бы дѣйствовать отъ Парижа и даже отъ Сезана на сообщенія наши съ Базелемъ и Майнцомъ, когда главная наша армія подвигалась отъ Лангра къ Труа, а силезская шла берегомъ Марны? Скажемъ однако, что партизанская война снова становится полезною, когда армія, дѣйствующая на отвѣсной линіи, обойдетъ фланги непріятельскихъ разобщенныхъ армій и совершенно пресѣчетъ взаимныя между ними сношенія. Но это не можетъ долго продолжаться; будучи атакована съ обѣихъ сторонъ, она найдется вынужденной отступить подобно тому, какъ французская армія отступила отъ Лейпцига; или искусно пользуясь своимъ центральнымъ положеніемъ, она можетъ обратиться на флангъ непріятельской арміи, дѣйствующей по другой *гипотенузѣ,* и чрезъ то измѣнить *внутреннее* свое дѣйствіе на *фланговое*. Въ обоихъ этихъ случаяхъ я почитаю необходимымъ прекратить общую партизанскую войну и ограничиться одними частыми, кратковременными поисками малыхъ партій, для доставленія лишь свѣдѣній о непріятелѣ, но никакъ не для пресѣченія его сообщенія.

Примѣръ арміи дѣйствующей по *гипотенузамъ* противъ непріятеля, дѣйствующаго по отвѣсной линіи, видимъ мы въ 1814 году: таково было дѣйствіе нашей главной и силезской арміи противъ французской во внутренности Франціи. Полагаю излишнимъ доказывать здѣсь, что этотъ образъ дѣйствія столько же противенъ выгодамъ арміи дѣйствующей разобщеннымъ образомъ, сколько полезенъ поискамъ ея партизановъ, и онъ потому не достигаетъ истинной своей цѣли.

Примѣръ арміи, дѣйствующей на пути, падающемъ косвенно или отвѣсно на путь дѣйствія непріятеля, видимъ мы въ 1812 и 1813 годахъ; такъ дѣйствовала наша армія при занятіи тарутинской позиціи и по прибытіи въ часть Богеміи, простирающейся отъ Эльбы до Баваріи. Въ этомъ случаѣ, выгоды арміи, совпадая съ выгодами партизанскихъ партій, бываютъ безчисленны, особенно если непріятель дѣйствуетъ вдоль какой либо естественной преграды, какъ на примѣръ: моря, широкой рѣки, непроходимой цѣпи горъ, пространнаго болота и даже сильнаго нейтральнаго государства. Замѣтимъ здѣсь, что чѣмъ болѣе путь сообщенія непріятеля склоняется на сторону, избранную для дѣйствія партизановъ, тѣмъ безопаснѣе ихъ поиски; угрожая его сообщенію, они менѣе опасаются потерять свое собственное, и находятся съ своею арміею въ тѣснѣйшей *связи*, нежели тогда, когда непріятельскія сообщенія отклоняются въ сторону, противоположную избранной партіею для своего дѣйствія. По моему мнѣнію, никогда мѣстное и случайное положеніе непріятельскаго пути сообщенія не было столь выгодно для набѣговъ партизановъ, какъ въ вышеозначенныхъ двухъ эпохахъ. Въ первую изъ нихъ, партизаны двигались по всему пространству той части Россіи, которая лежитъ на югѣ большой московской дороги, и, имѣя возможность пресѣчь единственный путь сообщенія французской арміи (круто склонявшейся отъ Гжати на Вязьму и Смоленскъ), могли легко истреблять транспорты, двигавшіеся по этому большому протяженію, сохраняя вмѣстѣ съ тѣмъ свободное и безопасное сношеніе чрезъ Калугу съ главною арміею, расположенною при Тарутинѣ. Во вторую, линіи непріятельскаго сообщенія, направляясь отъ Дрездена на Лейпцигъ и Эрфуртъ, не могли быть легко отрѣзаны; превосходное положеніе главной арміи при Теплицѣ на отвѣсномъ пути относительно движенія непріятеля, и тѣсныя ущелья Богемскихъ горъ, отъ Пирны до Гофа, вполнѣ охраняемыя нашими военачальниками, не мало способствовали поискамъ партизановъ къ Лейпцигу и Эрфурту.

Я полагаю, что армія наша, избравъ предметомъ дѣйствія одинъ изъ фланговъ непріятельской арміи, переносится на тотъ изъ оныхъ, на которомъ можетъ найти болѣе пространства, то есть, болѣе *глубины* и *широты* для своихъ изворотовъ, а не на тотъ, который находится въ близкомъ разстояніи отъ какой либо преграды; въ такомъ случаѣ партизанскіе поиски становятся полезнѣе и безопаснѣе. Въ противномъ случаѣ, дѣйствія партизановъ и самой арміи значительно бы стѣснились. На примѣръ, положеніе нашей арміи въ 1812 году подъ Тарутинымъ и въ 1813 году подъ Теплицомъ представляли, какъ я уже говорилъ, всѣ выгоды для партизазановъ; напротивъ того, при наступательномъ движеніи французской арміи въ 1813 году отъ Лютцена къ Бауцену и далѣе, партизаны, находившіеся между непріятельскимъ правымъ флангомъ и цѣпью горъ, отдѣляющихъ Лузацію отъ Богеміи (земли тогда нейтральной, относительно которой они должны были быть весьма осторожны), подвергались большой опасности въ то время, какъ набѣги, предпринятые партизанами нашего праваго фланга, то есть, отъ стороны Магдебурга и Дессау, были безопаснѣе и вмѣстѣ полезнѣе.

Для постояннаго и вѣрнѣйшаго отрѣзанія всего непріятельскаго сообщенія, обыкновенно партіи, исключая экстренныхъ, раздѣляются на три разряда.

Партіи *перваго* разряда располагаются близъ главной арміи непріятеля.

Партіи *втораго* разряда дѣйствуютъ въ той части непріятельскаго сообщенія, простирающейся отъ поля дѣйствія партій 1-го разряда до временнаго основанія непріятельской арміи.

Партіи *третьяго* разряда производятъ поиски на выгоднѣйшихъ частяхъ того непріятельскаго сообщенія, которое простирается отъ временнаго основанія непріятеля до кореннаго его основанія.

Экстренныя партіи находятся при авангардѣ арміи для непредвидимыхъ предпріятій.

Число партій 1-го разряда не ограничивается: имъ вмѣстѣ съ симъ дается полная воля двигаться во всѣ стороны по общеопредѣленному для нихъ пространству, съ тѣмъ только, чтобы онѣ не преступали за его рубежъ.

Для опредѣленія числа партій 2-го разряда и выгоднѣйшаго размѣщенія ихъ слѣдуетъ, во-первыхъ: предварительно обозрѣть на картѣ длину поперечника того пространства, на коемъ назначено дѣйствовать партіямъ этого разряда. Во-вторыхъ: раздѣлить этотъ поперечникъ на столько частей, сколько онъ заключаетъ въ себѣ сотенъ верстъ (*). Въ-третьихъ: вникнуть въ число поперечныхъ путей, разсѣкающихъ это пространство и, наконецъ, соображаясь со всѣмъ означеннымъ, размѣщать партіи по слѣдующимъ правиламъ:

1-е. Если длина поперечника не болѣе ста верстъ и онъ разсѣченъ однимъ только поперечнымъ путемъ, тогда надлежитъ помѣстить на этомъ пути одну партію (черт. 2, № 1.).

2-е. Если длина поперечника около двухъ сотъ верстъ и онъ также разсѣченъ однимъ поперечнымъ путемъ, тогда надлежитъ помѣстить на этомъ пути двѣ партіи, и такъ далѣе (черт. 2, № 2.).

3-е. Если длина поперечника не болѣе ста верстъ и разсѣчена нѣсколькими поперечными путями, *нигдѣ наономъ не соединяющимися*, тогда надлежитъ помѣстить на каждомъ изъ нихъ по особой партіи (черт. 2, № 3.).

4-е. Если длина поперечника въ двѣсти или триста верстъ и онъ разсѣченъ нѣсколькими поперечными путями, *нигдѣ на ономъ не соединяющимися*, то, для избѣжанія большаго умноженія партій, надлежитъ помѣстить двѣ или три партіи на важнѣйшемъ изъ означенныхъ путей, а на прочихъ по одной партіи (черт. 2, № 4.). Наконецъ

(*) Разумѣется, что послѣднее условіе не должно быть соблюдаемо во всей строгости, потому что искусный партизанъ будетъ быстро двигаться на 80-ти, въ то время, какъ другой не найдетъ возможнымъ сдѣлать этого на 90 или на 100 верстахъ.

5-е. Если пути, исходящіе во множествѣ изъ временнаго основанія, *соединяются между собою* прежде достиженія участка, принадлежащаго партіямъ 1-го разряда, и сходятся къ одному пути; тогда, соображаясь лишь съ длиною пути, простирающагося отъ точки соединенія путей до участка 1-го разряда, надлежитъ помѣстить на немъ столько партій, сколько заключаетъ онъ въ своемъ протяженіи сотенъ верстъ (черт. 2, № 5.).

Польза, происходящая отъ пресѣченія пути, составленнаго изъ многихъ другихъ, столь велика, что если бы этотъ путь не представлялъ довольно простора для изворотовъ партіи, то есть, если бы онъ былъ не менѣе 25 верстъ, и тогда надлежитъ всѣмъ пренебречь для того, чтобы пресѣчь его.

Обратимся теперь къ примѣрамъ. Въ 1812 году партизаны Фигнеръ и князь Кудашевъ состояли въ первомъ разрядѣ. Первый изъ нихъ находился въ селѣ Астафьевѣ, въ 22-хъ верстахъ отъ Москвы на серпуховской дорогѣ, а послѣдній производилъ поиски между означенною дорогою и с. Винковымъ.

2-й разрядъ. Генералъ Дороховъ около Вереи. Партизанъ Сеславинъ около Ѳоминскаго. Партизанъ Давыдовъ около Вязьмы.

3-й разрядъ. Полковникъ Чернышевъ въ Варшавскомъ герцогствѣ..

Предполагая, что временное основаніе непріятеля находится въ Гжати, и что всѣ подвозы его производятся по одному только пути, мы перемѣняемъ сіе размѣщеніе слѣдующимъ образомъ:

1-й *разрядъ*. Партизановъ Фигнера и князя Кудашева оставляемъ на пространствѣ, заключенномъ между можайской и коломенской дорогами, соединяя дороги сіи чертою отъ Кубинскаго на Ѳоминское, Хотунь и Коломну.

Потомъ, принявъ въ уваженіе 108-верстное разстояніе отъ Кубинскаго до Гжати, разсѣченное однимъ только путемъ, мы

уменьшаемъ число партіи 2-го разряда, прибавивъ къ партіи 1-го разряда партію Сеславина.

2-й *разрядъ*. Генералъ Дороховъ между Кубинскаго и Гжати.

3-й *разрядъ*. Партизанъ Давыдовъ между Семлевымъ и Соловьевой-переправой. Полковникъ Чернышевъ между Оршею и Борисовымъ (черт. 3.).

Примѣръ для *втораго* правила:

Представимъ себѣ, что непріятельская армія, занимая Москву, опредѣлила временное основаніе не въ Гжати, а въ Смоленскѣ, какъ то было въ 1812 году. При обзорѣ карты, мы видимъ, что пространство отъ Смоленска до участка партизановъ 1-го разряда разсѣчено лишь однимъ путемъ, и что поперечникъ этого пространства заключаетъ въ себѣ 290 верстъ (*). И такъ раздѣлимъ поперечникъ сей на три части и сдѣлаемъ слѣдующую перемѣну въ размѣщеніи:

Оставивъ партіи 1-го разряда на указанномъ имъ пространствѣ, мы отдѣляемъ отсюда во 2-й разрядъ партію Сеславина и помѣщаемъ ее между Кубинскимъ и Гжатью; генерала Дорохова располагаемъ мы между Гжатью и Семлевымъ, а Давыдова—между Семлевымъ и Соловьевой-переправой; 3-й разрядъ полковника Чернышева оставляемъ на мѣстѣ, избранномъ нами въ первомъ примѣрѣ (черт. 3.).

Примѣръ для *третьяго* правила:

Разсматривая подробнѣе карту московской губерніи, мы видимъ, что непріятель, занимая столицу, можетъ опредѣлить временное основаніе свое отъ Старицы на Зубцовъ до Гжати, и получать подвозы изъ перваго города чрезъ Волоколамскъ и Воскресенскъ, изъ втораго чрезъ Рузу и Звенигородъ, а изъ послѣдняго столбовою дорогою.

(*) Мы исключаемъ изъ сего 40 верстъ, т. е. разстояніе отъ Соловьевой-переправы до Смоленска; этотъ путь, будучи загражденъ съ юга Днѣпромъ, не можетъ быть легко пресѣченъ.

Соображаясь съ тѣснотою разстоянія, коего поперечникъ не много болѣе ста верстъ, и съ направленіемъ трехъ путей, по всему сему разстоянію *нигдѣ между собою не соединяющихся*, мы располагаемъ партію Сеславина между Кубинскимъ и Гжатью, генерала Дорохова между Рузою и Зубцовымъ, а партизана Давыдова между Волоколамскомъ и Старицею.

Надлежитъ замѣтить, что если въ подобномъ обстоятельствѣ третій путъ чрезмѣрно отдаленъ отъ втораго, или непріятель имѣетъ далѣе особые пути, которые необходимо пресѣчь, то для того, чтобы не подвергать излишней опасности партизановъ, наблюдающихъ дальніе пути, слѣдуетъ перемѣнить ихъ фронтъ дѣйствія, не располагая уже ихъ тыломъ къ собственной арміи; надо перенесть ихъ дѣйствіе за черты означенныхъ путей и обратить лицемъ къ арміи, какъ то было съ отрядомъ генерала Винценгероде 1812 года *въ окрестностяхъ Клина*, когда армія занимала Тарутино. Обязанность сихъ отдѣльныхъ партизановъ остается та же, какая и дѣйствующихъ, на *пути сообщенія* и на первомъ *пути продовольствія*, съ тою разницею, что отступленіе ихъ дѣлается не на черту, занимаемую арміею, а въ противную сторону; по причинѣ отдаленности, всѣ ихъ донесенія доставляются къ главнокомандующему, хотя отъ ихъ лица и съ ихъ посланными, но не прямымъ путемъ, а чрезъ партизана, дѣйствующаго на второмъ пути продовольствія.

3-й *разрядъ*. Оставивъ полковника Чернышева между Оршею и Борисовымъ, надлежитъ прибавить къ оному разряду еще одну партію и поставить ее между Семлевымъ и Соловьевой-переправою (черт. 3.).

Примѣръ для *четвертаго* правила:

При томъ же положеніи воюющихъ армій и на той же части Россіи, представимъ себѣ, что непріятельская армія опредѣлила временное основаніе свое отъ Велижа на Порѣчье до Смоленска. Къ сему надобно допустить то, что Велижъ имѣетъ прямое сообщеніе съ Москвою чрезъ Бѣлый, Зубцовъ и

Волоколамскъ; Порѣчье чрезъ Духовщину, Сычевку и Рузу, а Смоленскъ столбовою дорогою. Къ сему предположенію надо прибавить и то, что всѣ сіи пути не имѣютъ между собою сообщенія до самаго впаденія своего въ Москву. Въ слѣдствіе чего вотъ какъ мы размѣстимъ партіи:

2-й разрядъ. Партизанъ Сеславинъ между Кубинскаго и Гжати. Генералъ Дороховъ въ окрестностяхъ Сычевки. Партизанъ Давыдовъ въ окрестностяхъ Бѣлаго за чертою Велижскаго пути, обративъ фронтъ своего дѣйствія къ югу. Особый партизанъ между Семлевымъ и Соловьевой- переправою.

3-й разрядъ. Какъ въ предыдущемъ примѣрѣ (черт. 3.).

Примѣръ для *пятаго* правила:

Для примѣра этому правилу перенесемся въ Саксонію, во время эпохи 1813 года (черт. 4.).

Мы помнимъ, что главная непріятельская армія занимала Дрезденъ противъ нашей главной арміи, занимавшей Теплицъ; что корпусъ Макдональда находился на Бобрѣ противъ нашей силезской арміи, а корпусъ Удино противъ сѣверной арміи, между Эльбою и Берлиномъ.

Теперь представляются два предположенія: или временное основаніе непріятеля лежитъ отъ Лейпцига чрезъ Геру до Плауэна, или лежитъ оно отъ Нордгаузена, чрезъ Эрфуртъ и Кобургъ до Баррейта.

Въ обоихъ предположеніяхъ партіи 1-го разряда размѣщаются отъ Таранта до Бауцена, а черта, соединяющая эти города между собою, идетъ на Диппольдисвальду, Готлебе, Шандау и Румбургъ.

Потомъ бросивъ взоръ на карту, мы видимъ, что, по первому предположенію, разстояніе отъ пространства, опредѣленнаго партіямъ 1-го разряда, до временнаго основанія не болѣе 80 верстъ, и что шесть путей разсѣкаютъ его, а именно:

1-й идетъ отъ Лейпцига на Торгау
2-й оттуда же на Вюрценъ
} и Мейсенъ, гдѣ соединяются и составляютъ одинъ путь.

3-й оттуда на Колдицъ и Носсенъ.

4-й оттуда же на Борну, Пенигъ, Хемницъ и Фрейбергъ.

Одинъ путь выходитъ изъ Геры; онъ разсѣкаетъ 4-й лейпцигскій путь и Фробурга и, соединясь съ третьимъ путемъ при Вальдгеймѣ, составляетъ одинъ путь.

Наконецъ, одинъ путь, выходя изъ Плауэна и соединясь съ 4-мъ лейпцигскимъ путемъ при Хемницѣ, идетъ чрезъ Фрейбергъ. И такъ, поставивъ первую партію у деревни Церхне, что̀ возлѣ Мейсена, мы въ одно время отрѣжемъ 1-й и 2-й лейпцигскіе пути. Помѣстивъ 2-ю партію у Вальдгейма, мы въ одно время пресѣчемъ 3-й лейпцигскій путь и путь, идущій отъ Геры; и наконецъ, помѣстивъ 3-ю партію у Хемница, мы въ одно время пресѣчемъ 4-й лейпцигскій путь и путь, идущій отъ Плауэна.

3-й разрядъ. 1-я партія между Кверфуртомъ и Нордгаузеномъ, 2-я у Готы, а 3-я у Вюрцбурга.

Размѣщеніе по второму предположенію: партіи перваго разряда, какъ выше сказано.

Что же касается до партій 2-го разряда, то, принявъ въ уваженіе раздѣленіе на четыре рукава эрфуртскаго пути при Лейпцигѣ, стоитъ только помѣстить одну партію между Кезенскаго дефиле и Лейпцигомъ, чтобы преградить движеніе всѣхъ подвозовъ, которые должны слѣдовать означенными рукавами въ Дрезденъ.

Для пресѣченія же въ одно время пути, идущаго отъ Кобурга, и 2-го эрфуртскаго пути, идущаго на Веймаръ и Геру, надлежитъ поставить 2-ю партію между Герой и Вальдгеймомъ.

Для пресѣченія пути, идущаго отъ Баррейта, слѣдуетъ поставить 3-ю партію между Хемницемъ и Фрейбергомъ.

3-й разрядъ. 1-ю партію надлежитъ поставить при Готѣ, а 2-ю при Вюрцбургѣ.

Наконецъ, коренныя обязанности всѣхъ вообще партизановъ

состоятъ, во-первыхъ: куда бы воюющія арміи не перемѣщались, какое направленіе или положеніе онѣ бы не избирали, партизанамъ надлежитъ отрѣзывать сообщеніе непріятеля и вмѣстѣ съ симъ сохранять непрерывное сношеніе съ арміею, къ коей они принадлежатъ.

Во-вторыхъ, по мѣрѣ движенія этой арміи, имъ надлежитъ, не ожидая повелѣнія и рукводствуясь лишь вышеизложенными правилами, избирать мгновенно выгоднѣйшія части затыльныхъ путей непріятеля и бросаться стремглавъ на нихъ.

Въ-третьихъ, сохранять тотъ порядокъ нумеровъ одинъ относительно другаго, по которымъ они были разставлены въ началѣ кампаніи.

Точное соблюденіе этихъ трехъ коренныхъ обязанностей удержитъ партіи какъ отъ отдаленныхъ залетовъ за кругъ боевыхъ происшествій, такъ и отъ запутанности при направленіяхъ и дѣйствіяхъ.

Я ожидаю, что многіе возстанутъ противъ сего ограниченія свободы партизанскому дѣйствію; они почитаютъ полную волю душею всѣхъ подвиговъ партизана, который долженъ обнаружить отважность, быстроту и рѣшительность. Эти преграды были бы не только неудобными, но даже вредными, если бы они стѣсняли дѣйствія во время частныхъ предпріятій партизановъ. Но такое ограниченіе свободы партіи, относясь только къ избранію и перемѣнѣ театра дѣйствій, нимало не касается ихъ боевыхъ предначертаній и самыхъ набѣговъ. И въ самомъ дѣлѣ, возможно ли отрѣзать сообщеніе непріятеля, когда каждый изъ партизановъ, двигаясь своевольно, можетъ иногда дѣйствовать на одной чертѣ съ своимъ товарищемъ: это причинитъ безполезное сосредоточеніе партій, которыя будутъ мѣшать одна другой. Иногда слишкомъ отважное и дальнее движеніе откроетъ обширный путь непріятельскимъ отрядамъ, паркамъ и подвозамъ, слѣдующимъ къ своей арміи. Наконецъ, какъ поддержать согласіе между партизанами, одинъ отъ другаго независящими,—это согласіе необходимо, безъ не-

го партизанская война доставитъ лишь статью газетчикамъ, личную славу партизанамъ и добычу нижнимъ чинамъ отряда.

О выборѣ начальника партіи.

Начальникъ партіи избирается заблаговременно, за нѣсколько времени до ея образованія. Онъ никогда не назначается по очереди, либо противъ своего желанія; назначеніе *методика*, слишкомъ осторожнаго, разсчетливаго и мало предпріимчиваго, хотя бы онъ изъявилъ на то свое согласіе, вреднѣе для службы, нежели выборъ по очереди и вопреки желанію избираемаго. Это поприще, исполненное поэзіи, требуетъ игриваго и пламеннаго воображенія, врожденной страсти къ смѣлымъ предпріятіямъ и не довольствуется лишь однимъ хладнокровнымъ мужествомъ. Пусть неустрашимый начальникъ, трепещущій при мысли объ *отвѣтственности*, остается всегда подъ наблюденіемъ у своихъ начальниковъ: нѣмой исполнитель полезнѣе въ рядахъ арміи буйнаго и яраго своевольца, который отъ избытка предпріимчивости увлекается за предѣлъ своихъ обязанностей; за то этотъ послѣдній полезнѣе перваго въ дѣлѣ, требующемъ часто безропотнаго и полнаго принесенія въ жертву своей репутаціи и всей будущности!—Но одна предпріимчивость недостаточна: прозорливость, строгость, безкорыстіе, несуетливость, гибкій умъ и настойчивость въ достиженіи цѣли,—вотъ необходимыя стихіи партизана, который кромѣ того долженъ умѣть сочетать въ себѣ неустрашимость, бодрость юноши, съ опытностью старца. Время, развивая въ насъ послѣднее, лишаетъ насъ той тѣлесной подвижности и дѣятельности, которыя необходимы партизану; безъ нихъ всѣ природныя дарованія и пріобрѣтенныя качества суть лишь мертвый капиталъ (*). Жела-

(*) Я думаю, что двѣ кампаніи, одна, проведенная на аванпостахъ арміи, а другая подъ начальствомъ искуснаго партизана, достаточны для образованія начальника партіи, если природа одарила его вышеозначенными качествами.

тельно, чтобы начальникъ партіи не былъ чуждъ и правилъ стратегіи, дабы, умѣя предузнавать взаимныя движенія воюющихъ силъ, онъ могъ бы принаровлять къ нимъ движенія своей партіи; онъ этимъ не только нанесетъ болѣе вреда непріятелю, избѣгая собственнаго пораженія, но, пріобрѣтя болѣе и болѣе опытности, онъ можетъ приготовить себя къ высшимъ воинскимъ степенямъ. Пусть помнитъ каждый партизанъ, что Лаудонъ былъ поручикомъ у Тренка, Ласси волонтеромъ при Франкини, а великій Суворовъ, Прозоровскій, Гольцъ, Цейдлицъ, Винтерфельдъ, Надасти и Ней, вступя на боевое поприще, были начальниками слабыхъ партій.

Спѣшу прибавить: начальникъ партіи долженъ быть избираемъ изъ среды дѣйствующихъ войскъ, а не изъ числа чиновниковъ главной квартиры; я говорю о тѣхъ, коимъ она необходима, и которые ей безполезны.

О силѣ и составѣ партіи.

Мнѣнія о силѣ и составѣ партіи различны; одни предлагаютъ малосильныя партіи, другіе такъ называемые *летучіе корпуса*, составленные изъ всѣхъ родовъ регулярныхъ и иррегулярныхъ войскъ. Первые утверждаютъ, что малые отряды, силою отъ двухъ до трехъ сотъ казаковъ, не нуждаясь нигдѣ въ пропитаніи, могутъ безпрерывно двигаться вдоль непріятельскаго пути сообщенія, либо въ промежуткахъ разобщенныхъ частей его арміи, и чаще встрѣчаться съ транспортами, нерѣдко ускользающими отъ сильныхъ партій, которыя не могутъ имѣть большой подвижности. Послѣдніе, желая согласить сверхъестественную подвижность огромныхъ отрядовъ съ алчностью начальствовать надъ ними, полагаютъ, что достаточно отдѣлить отъ громадъ своихъ небольшіе отряды на сообщеніе непріятеля; главнымъ же силамъ надлежитъ двигаться лишь въ чрезвычайныхъ случаяхъ, или для подкрѣпленія атакованнаго отряда своего, или для отпора приближающейся сильной непріятельской партіи.

Не трудно изложить неудобства и того и другаго способа. Соглашаясь съ тѣмъ, что малосильныя партіи весьма подвижны, я спрашиваю, къ чему послужитъ эта подвижность, если онѣ безсильны для нанесенія вреда прикрытіямъ транспортовъ армій, столь огромныхъ по нынѣшней системѣ, при чемъ каждый отдѣлъ этихъ транспортовъ также соразмѣрно великъ? Какую пользу принесутъ эти гарцующіе рыцари близъ пути слѣдованія непріятеля, доступнаго въ пустыхъ мѣстахъ, но недоступнаго въ мѣстахъ прохожденія транспортовъ, то есть тамъ, гдѣ преимущественно слѣдуетъ партизану наноситъ удары непріятелю?

Что касается до *летучихъ корпусовъ*, то употребленіе ихъ не менѣе безполезно, какъ и малосильныхъ партій: 1) *летучій корпусъ*, обремененный регулярною кавалеріею, артиллеріею, часто пѣхотою и пользуясь лишь наименованіемъ *летучаго*, теряетъ по своему образованію свое отличительное свойство: *легкость* и *подвижность;* кромѣ того онъ приводитъ въ разстройство регулярную конницу, лишая ее лучшихъ полковъ или эскадроновъ. 2.) Подобный корпусъ, затрудняясь часто въ добываніи себѣ продовольствія, бываетъ принужденъ либо учреждать для себя, подобно главной арміи, магазины, отъ коихъ уже не рѣшается слишкомъ отдалиться, либо, въ случаѣ далекаго поиска, изнурять область, гдѣ онъ совершаетъ свои набѣги и, раззоряя жителей, возстановлять ихъ противу себя. Наконецъ 3) въ слѣдствіе *неподвижности* этого *летучаго* корпуса, непріятель рано или поздно извѣстится о его мѣстопребываніи и числительности его войскъ. Не будучи въ состояніи, по причинѣ своей малой подвижности, избѣжать нападенія, а по своей слабости отразить его, этотъ корпусъ долженъ или погибнуть безъ всякой пользы, или, потерявъ свои магазины, искать убѣжища въ главной арміи.

Не имѣя повода отдавать преимущество какъ малосильнымъ партіямъ надъ большими, такъ и послѣднимъ надъ первыми, я съ своей стороны предлагаю составить каждую партію изъ трехъ казачьихъ полковъ, Донскаго, Черноморскаго или Ураль-

скаго войска (но предпочтительнѣе изъ Донскаго). Таковая партія, не лишая армію ни регулярныхъ кавалерійскихъ полковъ, ни эскадроновъ, необходимыхъ въ правильномъ сраженіи, будетъ достаточно сильна для нанесенія удара и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма подвижна (*).

Сверхъ того сюда должны быть назначены нѣсколько надежныхъ и расторопныхъ офицеровъ для различныхъ порученій: офицеръ по квартирмейстерской части, два медицинскіе чиновника, одинъ старшій, другой младшій, нѣсколько трубачей и конныхъ барабанщиковъ.

Частныя обязанности начальниковъ партій всѣхъ трехъ отдѣленій.

Частныя обязанности каждаго начальника состоятъ въ слѣдующемъ:

Въ истребленіи непріятельскихъ транспортовъ, парковъ и проходящихъ войскъ; въ поимкѣ почтъ, курьеровъ и освобожденіи плѣнныхъ своей арміи, въ преданіи огню магазиновъ, лабораторій, госпиталей и всякаго рода заведеній, въ тылу непріятеля учрежденныхъ.

Въ немедленномъ извѣщеніи объ общемъ и частномъ отступленіи непріятеля; о слѣдующихъ къ нему подкрѣпленіяхъ; о мѣстахъ, гдѣ учреждены главныя хранилища запасовъ; о мѣстахъ, избранныхъ для переформированія потерпѣвшихъ въ сраженіяхъ непріятельскихъ корпусовъ, дивизій, бригадъ и полковъ; о новыхъ, учреждаемыхъ магазинахъ, и наконецъ о возведеніи новыхъ укрѣпленій для перемѣны позиціи.

Въ умноженіи непріятелю препятствій въ случаѣ его отступленія.

Въ избѣжаніи непріятельскихъ нападеній и въ нанесеніи ударовъ тамъ, гдѣ ихъ менѣе всего ожидаютъ.

(*) Равенство въ силахъ каждой партіи необходимо для того, чтобы равенствомъ въ способахъ содержать духъ соревнованія въ честолюбцахъ; это дастъ главнокомандующему возможность справедливо оцѣнить службу каждаго начальника партіи.

Распоряженія начальника партіи прежде выступленія въ походъ.

Вступивъ въ командованіе партіею, начальникъ повѣряетъ число доброконныхъ нижнихъ чиновъ и собираетъ свѣдѣніе о расторопнѣйшихъ казакахъ, урядникахъ и офицерахъ. Онъ уменьшаетъ на половину противъ положенія кашѝ (*), то есть, опредѣляетъ по одной вьючной лошади на 20-ть человѣкъ; подавая собою примѣръ умѣренности, онъ наистрожайше воспрещаетъ обременять партію излишними лошадьми въ *кашàхъ*, гдѣ назначается по одному худоконному казаку на двѣ лошади.

Кашѝ слѣдуютъ за полками, а во время дѣла становятся на высотахъ, внѣ выстрѣла; они устроиваются такимъ образомъ, чтобы казаться не кашàми, а резервомъ партіи, и при нихъ оставляется половинное число конныхъ барабанщиковъ.

Часто случается, что худоконные казаки присвоиваютъ себѣ обывательскихъ лошадей; своихъ же они (подъ предлогомъ, что жаль бросить донскую лошадь единственно за изнуреніемъ отъ гоньбы, за легкою раною, или за болѣзнію) отправляютъ въ *кашѝ*, гдѣ, навьючивъ ихъ награбленными вещами, умножаютъ чрезъ то лишь тягости отряда, въ то же время совершаемыя грабительства возбуждаютъ ихъ на новые подобные подвиги (**).

Для предупрежденія этого зла, начальникъ партіи, имѣя необходимость въ доброконныхъ казакахъ, и зная силу и легкость донскихъ лошадей, дополняетъ комплектъ лошадей не

(*) Такъ называются казачьи обозы, составляемые изъ однихъ вьючныхъ лошадей безъ повозокъ.

(**) Въ казачьихъ полкахъ иногда приходится одному казаку вести за собою по пяти лошадей, привязанныхъ къ хвосту одна другой; не смотря на то, полковые *кашѝ* бываютъ столь огромны, что часто занимаютъ треть полка веденіемъ заводныхъ лошадей. Я думаю, что, уменьшивъ вполовину противъ положенія *кашѝ*, начальникъ долженъ опредѣлить по одному казаку на двѣ лошади; строгій и безкорыстный партизанъ, придавъ *кашàмъ* болѣе подвижности, прекратитъ грабительства и уменьшитъ безполезный расходъ казакамъ.

иначе, какъ посредствомъ реквизиціи, и только въ такомъ случаѣ, когда самъ удостовѣрится во временной неспособности представленныхъ ему казаками лошадей. Сіи лошади отправляются въ *кашù*, съ тѣмъ однако, чтобы, кромѣ попоны, ничего на нихъ положено не было, и чтобы, по выздоровленіи, они поступали бы на службу казакамъ, потерявшимъ въ бою собственныхъ лошадей. Хозяевамъ же предоставляется пользоваться либо ими, либо реквизиціонными лошадьми; но во всякомъ случаѣ надлежитъ, чтобы какъ тѣ, такъ и другія съ пользою поступали бы на службу спѣшившимъ казакамъ. Если заболѣвшія лошади совершенно неспособны, то замѣняютъ ихъ реквизиціонными и оставляютъ на мѣстѣ.

Избѣгая одного неудобства, можно впасть въ другое: ибо если не казаки, то самъ начальникъ партіи легко можетъ употребить во зло данную ему власть при реквизиціи; вмѣсто того, чтобы употребить на службу всѣхъ реквизиціонныхъ лошадей, онъ самъ можетъ часто пользоваться ими. Имѣя достаточно лошадей, онъ можетъ налагать реквизицію единственно изъ своекорыстныхъ видовъ. Но если партіи, удаленной отъ источника своихъ средствъ и пособій, необходимо нужно замѣнить убитыхъ и изувѣченныхъ лошадей обывательскими лошадьми, то неужели изъ опасенія, чтобы казаки или начальникъ партіи не воспользовались нѣсколькими клячами, принадлежащими жителямъ, мы оставимъ въ бездѣйствіи сотни храбрыхъ воиновъ? Почему изъ двухъ золъ не избрать того, которое удобнѣе миновать? Чтò препятствуетъ намъ, воспретивъ казакамъ своевольныя реквизиціи, дозволить ихъ одному начальнику партіи, извѣстному своими дарованіями и неукоризненною честностію въ арміи?

Заболѣвшіе казаки, по освидѣтельствованіи ихъ старшимъ медицинскимъ чиновникомъ, остаются при арміи, а слабые слѣдуютъ на коняхъ за партіею. Если же во время похода больной придетъ въ совершенное разслабленіе, въ такомъ случаѣ дозволяется сложить его на подводу, которая необходимо мѣняется предъ каждымъ переходомъ, и къ коей привязывает-

ся лошадь казака. Между тѣмъ надо строго наблюдать, чтобы на этой подводѣ, кромѣ сѣна для подстилки, сабли, дротика, пистолета и шинели больнаго, ничего не находилось; не дозволяется даже класть на нее ни саквы, ни чемодана, которые должны быть оставлены при сѣдлѣ, какъ было до его болѣзни. Я въ послѣдствіи объясню, для чего принимаются эти мѣры, и сколь онѣ необходимы въ случаѣ пораженія партіи.

При умноженіи больныхъ, они кладутся по два на малыя подводы, по три и по четыре на большія (какъ то было въ Германіи). За исправность всего этого отвѣчаетъ старшій медицинскій чиновникъ. Всѣ больные и раненые слѣдуютъ за партіей, пока не предстанетъ случай отослать ихъ въ учрежденный начальникомъ партіи госпиталь, о коемъ я буду говорить въ статьѣ *о пунктѣ сношеній съ главною арміею.*

Каждый казакъ возитъ въ торокахъ на двое сутокъ хлѣба и на сутки овса, которыми пользуется только въ чрезвычайныхъ случаяхъ и не иначе, какъ съ особеннаго разрѣшенія начальника, перемѣняя однакожь хлѣбъ чрезъ каждые пять сутокъ (*). Для продовольствія партіи назначается одинъ изъ находящихся при ней регулярныхъ офицеровъ, который съ небольшою командою бываетъ всегда въ авангардѣ и, по прибытіи своемъ къ городу, мѣстечку или деревнѣ, гдѣ назначенъ отдыхъ или ночлегъ, требуетъ отъ жителей все необходимое соразмѣрно числу людей и лошадей отряда. По прибытіи туда партіи, онъ немедленно вызываетъ пріемщиковъ и раздаетъ имъ все, что̀ ему было доставлено. Впрочемъ этотъ чиновникъ имѣетъ право возить нѣкоторое количество овса на взимаемыхъ подводахъ, которыя необходимо надо перемѣнять предъ каждымъ переходомъ. Для скрытія силы отряда, онъ можетъ требовать провіанта и фуража вдвое противъ того,

(*) Въ семъ случаѣ сухари предпочитаются хлѣбу, потому что не требуютъ перемѣны; но врядъ ли партія имѣетъ время заниматься печеніемъ хлѣба и сушеніемъ сухарей.

сколько нужно было на наличное число людей и лошадей отряда: двойная порцiя хлѣба не отягощаетъ желудка на походѣ, а лишнiй овесъ кладется на подводы. Сей обозъ, кромѣ пяти или осьми подводчиковъ, никакого другаго прикрытiя не имѣетъ; во время дѣла онъ становится за кашами, и, въ случаѣ неудачи, уступается безъ малѣйшаго сопротивленiя непрiятелю, больные же заблаговременно сажаются на своихъ лошадей и они такимъ образомъ ожидаютъ послѣдствiя дѣла: въ случаѣ успѣха съ нашей стороны, они снова укладываются на подводы; въ случаѣ же неудачи, они, съ помощiю находящихся при транспортѣ казаковъ, уѣзжаютъ вмѣстѣ съ кашами въ назначенное до начала сраженiя *сборное мѣсто*.

Что касается до запаснаго хлѣба, то для перевозки его не опредѣляется подводъ, ибо его можно вездѣ найти въ достаточномъ количествѣ на 1500 человѣкъ; а если его нѣтъ, то казаки, съ особеннаго дозволенiя начальника партiи, употребляютъ свой двухдневный провiантъ, возимый въ торокахъ; съѣденное наполняется въ первомъ городѣ, или мѣстечкѣ. Всѣ казаки, находящiеся при транспортѣ овса и при чиновникѣ, назначенномъ для продовольствiя партiи, непремѣнно перемѣняются всякiя сутки.

Начальнику партiи необходимо опредѣлить при себѣ одного изъ командированыхъ къ нему регулярныхъ офицеровъ, который бы сочинялъ рапорты къ главнокомандующему, повелѣнiя, наряды и приказы по партiи, требованiя къ земскимъ начальникамъ той области, въ которой партiя дѣйствуетъ, и отношенiя къ ближайшимъ партизанамъ; онъ долженъ вести журналъ входящимъ и исходящимъ бумагамъ, счетъ плѣннымъ, трофеямъ и проч.

Обязанность офицера по квартирмейстерской части состоитъ въ рекогносцировкахъ, или обозрѣнiяхъ, въ избранiи выгоднѣйшихъ мѣстъ для кочеванья партiи, пикетовъ и заставъ, въ легкой глазомѣрной съемкѣ мѣста сраженiй и каждаго перехода. Онъ долженъ также вести свои записки и дѣлать собственныя замѣчанiя, дабы въ случаѣ, когда главная армiя, или

какой нибудь корпусъ прибудутъ на которое нибудь изъ сихъ мѣстъ, онъ могъ бы сообщить всѣ нужныя свѣдѣнія генераламъ или оберъ-квартирмейстеру арміи или корпуса.

Въ первомъ приказѣ своемъ начальникъ партіи излагаетъ ясно и кратко всѣ правила, которыя должны быть соблюдаемы полковыми командирами, офицерами и нижними чинами, касательно обхожденія ихъ съ жителями, перехода, ночлеговъ, дневокъ, пріема фуража и провіанта, раздѣла добычи, разъѣздовъ, содержанія заставъ, пикетовъ, и наконецъ порядка при нападеніяхъ, преслѣдованіяхъ и отступленіяхъ.

О партіи на маршѣ.

Приготовивъ предварительно все для похода, начальникъ партіи, отдѣлившись отъ арміи, скрытно направляется внѣ черты разъѣздовъ и партій, посылаемыхъ непріятелемъ изъ главной его арміи.

Обыкновенный порядокъ марша каждой партіи есть слѣдующій: за авангардомъ идетъ партія по полкамъ, *въ шесть коней*, дабы ея протяженіе не было слишкомъ велико; за партіею слѣдуютъ *кашѝ*, больные и транспорты съ овсомъ. Начальство надъ арріергардомъ ввѣряется обыкновенно одному изъ регулярныхъ офицеровъ, котораго главнѣйшая обязанность состоитъ въ томъ, чтобы не позволять никому и ни подъ какимъ видомъ отлучаться отъ партіи, а еще менѣе оставаться въ деревняхъ. Онъ отвѣчаетъ за малѣйшую жалобу жителей деревень, на пути лежащихъ. На привалахъ и ночлегахъ начальникъ арріергарда, рапортуя начальнику партіи обо всемъ, что̀ происходило, представляетъ виновныхъ для наказанія.

Авангардъ, прибывъ къ мѣсту ночлега, немедленно разставляетъ *временные пикеты*, которые не пропускаютъ жителей за *черту*, ими занимаемую, а людей, приходящихъ изъ окрестныхъ мѣстъ, представляютъ начальнику партіи; эти мѣры должны быть наблюдаемы и настоящими пикетами. Въ то же время посылаются ближніе разъѣзды по направленію радіусовъ

дорогъ, которыя сходятся въ мѣстечкѣ или деревнѣ, гдѣ должна остановиться партія, и во всѣ скрытыя мѣста, близъ него находящіяся. Соединившись съ авангардомъ, партія располагается по обѣимъ сторонамъ дороги, по которой предполагаетъ отступать, въ случаѣ нападенія на него превосходныхъ непріятельскихъ силъ; при этомъ надлежитъ имѣть всегда деревню или мѣстечко, близъ коего остановились, впереди фронта. Люди не должны отлучаться ни на шагъ и не снимать чемодановъ и саквъ до возвращенія первыхъ разъѣздовъ, посланныхъ отъ авангарда на небольшое разстояніе.

Между тѣмъ настоящіе пикеты разводятся самимъ начальникомъ партіи вмѣстѣ съ квартирмейстерскимъ офицеромъ. По прибытіи *ближнихъ разъѣздовъ,* высылаются пріемщики при одномъ офицерѣ въ мѣстечко. Если нужно нѣкоторымъ казакамъ идти туда для покупки чего нибудь необходимаго, то они отпускаются командами, при исправномъ урядникѣ, который, имѣя за ними строжайшій надзоръ, отвѣчаетъ за ихъ поведеніе (*). Такія команды, посылаемыя лишь днемъ, должны возвратиться до наступленія ночи къ своимъ *куренямъ.* По прибытіи ближнихъ, высылаются *дальніе разъѣзды* по всѣмъ дорогамъ, соединяющимся въ мѣстечкѣ. Начальникъ партіи назначаетъ деревни, до которыхъ они должны непремѣнно дойти, при чемъ онъ приказываетъ открывать и деревни, находящіяся въ небольшомъ разстояніи отъ дорогъ. Въ доказательство того, что разъѣзды точно доходили до пунктовъ, имъ назначенныхъ, всякій офицеръ или начальствующій урядникъ привозитъ либо записку отъ старшины той деревни,

(*) Пусть не удивятся, что я такъ часто упоминаю о способахъ пресѣченія грабительства, совершаемаго во время поисковъ. Это происходитъ отъ того, что я слишкомъ хорошо знаю какой проистекаетъ отъ этого ужасный вредъ. Грабежъ влечетъ за собою слѣдующее: ненависть жителей, развратъ партіи, безконечное умноженіе тягостей и уменьшеніе наличнаго войска, полный разбродъ партіи при малѣйшемъ привалѣ и наконецъ несомнѣнное и постыдное пораженіе: вотъ что̀ ожидаетъ тѣхъ, кои умѣютъ лишь потакать своевольству и грабежу своихъ подчиненныхъ.

которой долженъ былъ достигнуть, либо приводитъ съ собой одного жителя этой деревни.

Если *дальніе разъѣзды* возвратятся къ партіи за часъ или за два до разсвѣта, то за полчаса предъ этимъ высылаются снова *ближніе* разъѣзды.

За часъ передъ разсвѣтомъ казаки увязываютъ чемоданы и саквы и должны быть готовы къ отраженію непріятеля, къ нападенію на него или къ отступленію. Если же по какому нибудь обстоятельству начальникъ партіи не тронется съ мѣста и по наступленіи дня, то, по возвращеніи *ближнихъ разъѣздовъ* либо дневныхъ *дальнихъ разъѣздовъ*, онъ дозволяетъ людямъ спокойно отдыхать, отвязавъ саквы и чемоданы. Въ теченіи дня посылаются два *дальніе разъѣзда*, которые слѣдуютъ по возможности скрытно, ибо ихъ дѣло *открывать непріятеля, но не извѣщать его о прибытіи партіи.*

За ложныя тревоги пикетные и разъѣздные не наказываются: лучше быть двадцат разъ напрасно встревоженнымъ, нежели допустить непріятеля хотя одинъ разъ внезапно атаковать партію. Это нерѣдко случается, когда пикетные и разъѣздные опасаются наказанія за ошибочное извѣстіе о приближеніи непріятеля. Казакамъ, присылаемымъ съ извѣстіемъ о близости непріятеля, дозволяется ѣхать во всю прыть лишь тогда, когда онъ ихъ не видитъ; когда же онъ находится въ виду ихъ, то они слѣдуютъ лишь легкой рысью, и прямо къ куреню начальника партіи, которому доносятъ о происходящемъ. Сей послѣдній немедленно садится на коня и, приказавъ трубить либо къ *походу*, либо *тревогу*, ѣдетъ во всю прыть въ ту сторону, гдѣ былъ примѣченъ непріятель. Онъ также приказываетъ партіи строиться: днемъ на мѣстѣ, ею занимаемомъ, а ночью въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него, правѣе или лѣвѣе бивачныхъ огней, на которые непріятель обыкновенно направляетъ нападеніе, и которые, сверхъ того, увеличиваютъ темноту впереди фронта. Такое перемѣщеніе дозволяетъ партіи атаковать непріятеля во флангъ.

Каждый полкъ наряжаетъ на сутки по одной сотнѣ казаковъ, называемыхъ *готовыми*. Эта сотня, оставаясь при полку, мгновенно садится, въ случаѣ тревоги, на коней, и спѣшитъ съ начальникомъ партіи на помощь атакованнаго разъѣзда; почему люди и лошади этой сотни не облегчаются въ теченіи цѣлыхъ сутокъ (*).

Объ учрежденіи пункта сношенія съ главною арміею и въ немъ госпиталя партіи.

Подвижность, *неутомимость*, *смѣлость* и *быстрота* суть коренныя свойства всякаго отряда, которому поручается наносить непріятелю внезапные удары. Будучи убѣжденъ въ этой непреложной истинѣ, я въ предшествовавшихъ статьяхъ старался облегчить партію отъ всѣхъ тягостей, съ коими несовмѣстны вышесказанныя качества: я весьма ограничилъ количество возимаго при партіи овса и рѣшительно отвергъ транспорты съ провіантомъ. Но какъ отдѣлаться отъ бремени, нераздѣльнаго съ самымъ существованіемъ партіи? Какъ избѣгнуть слѣдованія зе ней раненыхъ, больныхъ и отбитой добычи, умножающихся послѣ каждаго удачнаго боя, послѣ каждаго усиленнаго перехода?

Многіе полагаютъ, что начальникъ партіи долженъ предпринимать поиски лишь послѣ предварительнаго учрежденія

(*) Имѣвъ счастіе состоять въ теченіи пяти лѣтъ сряду при знаменитомъ князѣ П. И. Багратіонѣ въ качествѣ его адъютанта, и бывъ близкимъ пріятелемъ покойнаго генерала Кульнева, въ школѣ котораго я, такъ сказать, прошелъ курсъ аванпостной службы въ 1808 году въ сѣверной Финляндіи, и въ 1810 году въ Турціи, я не могу понять безпечности нѣкоторыхъ отдѣльныхъ аванпостныхъ начальниковъ, изъ которыхъ многіе полагаютъ доказать свою храбрость пренебреженіемъ предосторожностей, необходимыхъ для сохраненія ввѣренныхъ имъ отрядовъ. Ни Багратіонъ, ни Кульневъ не уступали имъ въ смѣлости и находчивости; находясь въ авангардѣ или на аванпостахъ, они никогда не снимали мундира, не запрещали будить себя для выслушиванія даже самыхъ обыкновенныхъ рапортовъ разъѣздныхъ. Они никогда не поручали другимъ разставлять пикеты и всегда наблюдали за посылаемыми для развѣдыванія разъѣздами. Я помню, что первый говаривалъ: „Непріятель разбить меня можетъ, но соннаго не застанетъ.“ Слова другаго были слѣдующія: „Я не сплю, чтобы всѣ спали.“

въ безопасномъ отъ непріятеля городѣ или селѣ особенной *пристани*; она могла бы ему служить мѣстомъ склада всѣхъ съѣстныхъ и военныхъ запасовъ, добычи, всякаго рода тягостей, убѣжищемъ для больныхъ и раненыхъ казаковъ. Принявъ эту необходимую предосторожность, начальникъ партіи долженъ, быстро направившись къ пути непріятельскаго сообщенія, дѣйствовать здѣсь столько времени, сколько ему дозволятъ обстоятельства. Онъ возвращается къ своей *пристани* для раздѣла добычи, отправленія плѣнныхъ и отбитыхъ трофеевъ и для оставленія здѣсь раненыхъ; окончивъ все это, онъ возобновляетъ свои набѣги. Могутъ ли однако выгоды подобнаго образа дѣйствія равняться его неудобствамъ? Безъ сомнѣнія, партія эта, не будучи обременена тяжестями, и не имѣя повода быть озабоченною на счетъ своего продовольствія, можетъ съ быстротою дѣйствовать на разныхъ пунктахъ путей сообщенія и продовольствія непріятеля; но, угрожая источнику существованія непріятеля, она вмѣстѣ съ тѣмъ подвергаетъ свои собственные склады истребленію. Она тѣмъ болѣе должна опасаться этого, что, будучи малочисленною въ сравненіи съ непріятельскою арміею, не въ состояніи разорить всѣ его магазины, тогда какъ и слабый непріятельскій отрядъ, воспользовавшись ея отдаленіемъ отъ своей *пристани,* легко нанесетъ ей безъ малѣйшаго усилія чувствительнѣйшій ударъ. Къ тому же заботы о сохраненіи столь важнаго предмета могутъ имѣть огромное вліяніе на дѣятельность начальника, что̀ можетъ заставить его удвоить осторожность, что̀ не совмѣстно съ партизанскими дѣйствіями. Чѣмъ долѣе непріятель не подозрѣваетъ о существованіи подобной *пристани*, тѣмъ долѣе партія находится внѣ опасности. Если партія при самомъ началѣ своихъ дѣйствій вышесказаннымъ образомъ должна избавиться отъ неудобства влачить за собою тягости, то эта выгода исчезаетъ уже послѣ перваго удачнаго набѣга. Она тогда снова бываетъ вынуждена или обременять себя отбитыми тягостями, или отсылать ихъ съ большимъ конвоемъ въ учрежденную пристань. Этотъ конвой, не будучи часто

въ состояніи отразить непріятельское нападеніе, лишь обезсиливаетъ партію.

Другой способъ, совершенно противоположный первому, состоитъ въ движеніи всей партіи совокупно; при этомъ не учреждаютъ никакой особенной *пристани*, но дозволяютъ всему *обозу* слѣдовать за партіею. Таковый образъ дѣйствія, по моему мнѣнію, еще невыгоднѣе предъидущаго. Если при этомъ не надо заботиться о сохраненіи пристани, то значительно затрудняется движеніе партіи; въ случаѣ неудачи партія можетъ потерять всѣ свои запасы, потребности, пріобрѣтенную прежде добычу, больныхъ и раненыхъ. Сверхъ этого главнаго неудобства нижніе чины могутъ легко предаться грабительству; фуры или телѣги, назначенныя для возки провіанта, наполняются при этомъ ограбленными вещами. Вскорѣ, подъ предлогомъ увеличенія числа больныхъ, *за неимѣніемъ которыхъ*, для обмана начальника, *употребляются здоровые люди,* умножается число подводъ, и это злоупотребленіе можетъ принять большіе размѣры; мы часто видимъ лишь одного человѣка на подводѣ, готовой однако развалиться подъ бременемъ добычи. Если начальникъ партіи, опасаясь подобнаго умноженія тягостей, прикажетъ отправить въ госпиталь главной арміи тяжело страждущихъ, то это произведетъ безпорядокъ другаго рода. Для сопутствованія этому транспорту будутъ отправлены (тайно отъ него) надежнѣйшіе и расторопнѣйшіе люди, которые захватятъ съ собою наиболѣе цѣнныя вещи; сдавъ больныхъ въ госпиталь, прикрытіе нерѣдко отправится въ свою родину, и послѣ несчетныхъ грабежей, оно возвратится къ партіи лишь къ концу кампаніи, оправдывая себя незнаніемъ мѣста, гдѣ находилась партія. Тотъ ошибется, кто вообразитъ себѣ, что можетъ такимъ образомъ облегчить свою партію. По отправленіи одной части больныхъ, число вновь заболѣвающихъ возрастетъ также быстро и новый транспортъ, будучи такимъ же образомъ отосланъ въ главные госпитали, приводитъ наконецъ партію въ состояніе безсилія, отчего она будетъ принуждена либо усилиться но-

выми войсками, либо прекратить свои дѣйствія. Если даже партія будетъ находиться въ цвѣтущемъ состояніи, и тогда, завидя непріятеля, ея начальникъ долженъ будетъ отдѣлить большую часть своего отряда для прикрытія обоза, и тѣмъ обезсилить боевую массу. Въ случаѣ удачи, при ложномъ показаніи какого либо плѣннаго о близости новаго непріятельскаго отряда, онъ долженъ будетъ отказаться отъ преслѣдованія разбитаго непріятеля, изъ опасенія подвергнуть истребленію огромный *караванъ*. Я нахожу необходимымъ говорить объ этой статьѣ по возможности подробнѣе. Необходимость облегчить партію во время ея движенія тѣсно связана съ пользою, ожидаемою отъ партизанскаго дѣйствія, и потому должно употребить всѣ старанія для искорененія существующихъ предразсудковъ, относительно этого предмета. Но, опровергнувъ оба вышеприведенные способа, къ чему обратимся мы?

Изберемъ средину между двумя крайностями.

Представимъ себѣ, что партія достигла участка, по которому ей опредѣлено двинуться на сообщеніе непріятеля. Первый предметъ начальника состоитъ въ избраніи города (или села) на таковомъ разстояніи отъ непріятельскаго пути сообщенія, который, по возможности, не могъ бы подвергнуться непріятельскому нападенію. Онъ будетъ служить ему *мѣстомъ склада* больныхъ и раненыхъ и пунктомъ *передачи* трофеевъ, плѣнныхъ и извѣстій въ главную армію; но *здѣсь не надо учреждать никакого магазина и партія, въ случаѣ натиска сильнаго непріятеля, отступаетъ къ нему.*

Начальникомъ города назначается одинъ изъ регулярныхъ офицеровъ, при партіи находящихся. Его команда состоять будетъ изъ 50 казаковъ и урядника.

Обязанность его будетъ заключаться въ слѣдующемъ: въ сохраненіи порядка въ городѣ и его окрестностяхъ, на разстояніи 10-ти или 15-ти верстъ; въ наблюденіи за госпиталемъ, находящимся подъ вѣденіемъ младшаго медицинскаго чиновника; въ сосредоточеніи посреди города достаточнаго числа запряженныхъ подводъ, для немедленнаго перемѣщенія больныхъ и раненыхъ

на другой пунктъ, если бы непріятель вздумалъ ему угрожать; въ передачѣ трофеевъ и плѣнныхъ въ главную квартиру чрезъ обывателей и нѣсколькихъ казаковъ; въ выдачѣ квитанцій начальникамъ, приводящимъ плѣнныхъ и доставляющимъ трофеи; въ полученіи таковыхъ же при сдачѣ плѣнныхъ и трофеевъ въ главную квартиру; въ прегражденіи пути къ ней и въ запрещеніи казакамъ и чиновникамъ партій, безъ особой записки начальника, проживать въ городѣ и наконецъ, въ учрежденіи вокругъ города на разстояніи 10-ти или 15-ти верстъ сельской извѣщательной стражи, подобно той, которая должна быть устроена въ кругу дѣйствія партіи, и о которой почитаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ.

Если воюющія арміи стоятъ долго на одномъ мѣстѣ, одна противъ другой (какъ это было послѣ занятія Москвы и послѣ побѣды при Кульмѣ), то, дабы не изнурить себя далеко высылаемыми разъѣздами, которые, не взирая на всѣ принятыя мѣры предосторожности, нерѣдко бываютъ замѣчены непріятелемъ и тѣмъ заставляютъ ихъ быть въ свою очередь болѣе осторожными, я предлагаю образовать сельскіе извѣщательные посты, вдоль всего участка, опредѣленнаго для дѣйствія партизана. Для этого нужно:

1-е. Дружеское обхожденіе съ обывателями и наистрожайшая справедливость въ разборѣ возникающихъ между казаками и жителями несогласій.

2-е. Предварительное объявленіе чрезъ земскую полицію о вступленіи партіи въ опредѣленную ей область для защиты ея; приглашеніе обывателей помогать ей поспѣшными увѣдомленіями о слѣдованіи непріятельскихъ отрядовъ и транспортовъ.

Въ слѣдствіе этого требуется: быстрое распространеніе циркулярнаго повелѣнія мѣстнымъ властямъ о немедленномъ образованіи во всякомъ городѣ, мѣстечкѣ и деревнѣ сельскихъ конныхъ пикетовъ. Сіи пикеты составляются изъ трехъ или четырехъ обывателей, на ихъ собственныхъ лошадяхъ.

По полученіи извѣстія о непріятелѣ, ѣздовой скачетъ во всю

прыть отъ своего пикета къ ближайшему, и, передавъ ему извѣстіе, возвращается немедленно въ свою деревню.

Устроивъ это для обезпеченія партіи отъ нечаянныхъ нападеній, начальникъ ея весьма ошибается, если удовольствуется лишь этимъ для безопасности своего отряда; и онъ еще болѣе ошибется, если станетъ основывать лишь на сельскихъ извѣщеніяхъ свои набѣги на отряды или транспорты непріятельскіе. Свѣдѣнія, изустно передаваемыя обывателями не могутъ быть столь вѣрны и столь удовлетворительны, какъ свѣдѣнія получаемыя чрезъ разъѣзды.

Начальнику партіи остается здѣсь довольствоваться лишь тѣмъ, что, обращая мысли обывателей на одинъ и тотъ же предметъ, и непрестанно давая пищу ихъ безпокойной дѣятельности для содѣйствія своей партіи, онъ старается склонить ихъ на свою сторону. Онъ этимъ не только обезпечиваетъ себя относительно помощи, какую они могутъ оказать непріятелю, но также противъ внезапныхъ нападеній сего послѣдняго на партію.

О дѣйствіи партіи.

Всякая атака партіи производится явно или внезапно; къ первой прибѣгаютъ въ дѣйствіяхъ противъ войскъ, ко второй, когда они направлены противъ обозовъ.

Первый способъ имѣетъ оснoваніемъ тѣ же простыя истины общей тактики, что *десять человѣкъ сильнѣе одного,* и что *по естественному образованію всякаго человѣка, онъ слабѣе съ боку и сзади, нежели спереди.* Слѣдовательно главная цѣль партизана состоитъ въ томъ, чтобы направить наибольшее число людей на тотъ пунктъ, занятіе котораго для него выгоднѣе, и въ нанесеніи главныхъ ударовъ во флангъ и тылъ непріятеля, а не въ лицо или во фронтъ.

Хотя это значительно облегчитъ усилія атакующей партіи, надо однако полагать, что и непріятель приметъ съ своей стороны необходимыя мѣры къ отраженію атакующаго. Для

противудѣйствія непріятелю и избѣжанія замѣшательства въ этомъ случаѣ, надлежитъ избрать такой распорядокъ, который бы основывался не на одной физической, но и на нравственной силѣ. Всякое подкрѣпленіе атакующей или атакованной части теряетъ свое значеніе, когда оно направлено въ средину битвы. Въ семъ случаѣ физическая сила ограничена тѣмъ, что разбитыя войска, требующія подкрѣпленія, заслоняютъ еще мѣсто свѣжимъ войскамъ, прибывшимъ къ нимъ на помощь; нравственная сила слабѣетъ отъ того, что это подкрѣпленіе, проходя между разстроенными передовыми войсками, невольно заражается страхомъ и безпорядкомъ, въ нихъ господствующими. Тѣ, кои хотѣли согласить направленіе резервовъ въ средину битвы съ желаніемъ не преграждать ими отступленіе разбитыхъ войскъ, изобрѣли образъ дѣйствія, называемый *шахматнымъ порядкомъ;* это, разрушая единство въ натискѣ всей линіи, заманиваетъ, такъ сказать, дерзкаго непріятеля ворваться въ нее; при этомъ не можетъ быть сохраненъ тотъ порядокъ, въ какомъ онъ изображается на планахъ изобрѣтателей или на мирныхъ поляхъ экзерциціи. И въ самомъ дѣлѣ, какой можно ожидать правильности и точности въ направленіи, гдѣ дымъ, пыль, груды мертвыхъ тѣлъ, волненіе во фронтѣ — все можетъ произвести въ одномъ мѣстѣ стѣсненіе интерваловъ, а въ другомъ чрезмѣрное расширеніе ихъ? Чтобы это понять, недостаточно изучить войну по книгамъ, по планамъ и на маневрахъ, либо наблюдать за сраженіемъ съ высотъ, находящихся внѣ выстрѣловъ и сѣчи: надо, напротивъ, принять самому личное участіе въ битвѣ!

И такъ, почитая для партіи опасными всѣ боевые порядки, гдѣ линіи *разрывныя,* равно и тѣ, гдѣ располагаютъ подкрѣпленіе позади *неразрывной передовой* линіи, я предлагаю партіи боевой порядокъ въ три *уступа:* одинъ слабый и два усиленныхъ.

Образъ построенія каждаго уступа зависитъ отъ начальника партіи; но я почитаю выгоднѣйшимъ слѣдующее: 1-е.) чтобы

слабый *уступъ* строимъ былъ въ *лаву* (*), а усиленные въ полусотенныя колонны.

2-е.) Чтобы атака отнюдь не производилась колоннами, а отдѣльными полусотнями.

3-е.) Чтобы каждая часть войска, идущая за атакующею частью войскъ и служащая ей подкрѣпленіемъ, не слѣдовала бы *позади* ея, а немедленно устремлялась бы къ правому или лѣвому флангу атакующей части, дабы, въ случаѣ отраженія сей послѣдней, не затруднить ея отступленіе, но быть готовой ударить во флангъ непріятеля, рѣшившагося преслѣдовать разбитую часть.

4-е.) Чтобы разбитыя полусотни никогда не пристроивались къ колоннѣ спереди и по порядку нумеровъ своихъ, а, разсыпавшись, старались бы быстро пристроиться къ хвосту колонны.

5-е.) Чтобы казаки полусотенъ, пристроивающихся къ хвосту колонны, не наблюдали ранжира, по которому они были построены до атаки, а старались бы пристроиваться какъ можно скорѣе.

Партія никогда не должна атаковать непріятеля съ *обоихъ* фланговъ; это можетъ случиться лишь тогда, когда она втрое или вчетверо сильнѣе его.

Выборъ фланга, на который слѣдуетъ направить ударъ, опредѣляется по мѣстности: всякое поле битвы, будучи болѣе или менѣе разсѣчено *естественными преградами*, какъ то: рѣками, болотами, ярами и проч., заключаетъ въ себѣ два прямѣйшіе пути сообщенія: сообщеніе собственной партіи и непріятельской. Преграды обыкновенно встрѣчаются *впереди* или *позади* фронта, на *обоихъ флангахъ* или *на одномъ изъ фланговъ* линіи; если они, служа иногда пунктами, къ которымъ упираютъ фланги, часто бываютъ могилою партіи, припертой или опрокинутой къ нимъ непріятелемъ. Пути сообщенія падаютъ

(*) Казацкое построеніе въ одну шеренгу.

отвѣсно на средину тыла партіи, иногда косвенно, а иногда и на мысленное продолженіе фланга этой партіи.

Само собою разумѣется, что неудачный бой одной изъ сражающихся партій, имѣющей позади себя естественную преграду, влечетъ за собою самыя горестныя послѣдствія; особенно если атакующая партія встрѣчаетъ преграду впереди себя: ибо тутъ къ неудобству перваго обстоятельства прибавляется новое, а именно: переправа чрезъ преграду въ виду непріятеля (черт. 5, фиг. 1 и 2.).

Партіи, столкнувшіяся между двумя преградами, такъ что всѣ четыре фланга оныхъ примыкаютъ къ означеннымъ преградамъ, не могутъ имѣть превосходства одна надъ другою; она можетъ лишь быть при усиленномъ натискѣ на центръ линіи, или на тотъ флангъ, который ближе къ пути сообщенія непріятельской партіи (черт. 5, фиг. 3.). Оба эти натиска, представляя большія затрудненія, требуютъ рѣшительности и внезапности.

Враждебныя партіи, встрѣтившіяся вдоль преграды (обстоятельство, которое повторяется чаще другихъ) и примыкающія къ ней, одна правымъ, другая лѣвымъ флангомъ, имѣя на противныхъ флангахъ свободное поле для дѣйствія, должны усиленно атаковать флангъ непріятельской линіи, отходящій къ полю (черт. 5, фиг. 4.).

Причина тому слѣдущая: усиленное движеніе упирающагося къ преградѣ фланга нашего на непріятельскій флангъ, противъ него находящійся, влечетъ за собою то неудобство, что хотя и былъ бы одержанъ успѣхъ на этомъ пунктѣ, но рѣшительный натискъ со стороны поля во флангъ войскамъ, успѣшно дѣйствующимъ вдоль преграды, не только пріостановитъ ихъ стремленіе, но и отброситъ ихъ къ той преградѣ, вдоль которой онѣ дѣйствуютъ. Напротивъ того, при атакѣ главными силами противоположнаго фланга тому, который упирается къ преградѣ, всѣ выгоды обращаются на сторону атакующаго въ поле, гдѣ, устроившись, онъ можетъ возобновить нападеніе,

непріятель же каждымъ ударомъ атакующаго подавляется къ преградѣ.

Партія, встрѣтившись съ непріятелемъ въ полѣ, не имѣющемъ никакого препятствія, должна направить главное усиліе на тотъ изъ непріятельскихъ фланговъ, который ближе къ его пути сообщенія; этимъ противныя войска будутъ не только поражены, но и отдѣлены отъ мѣста, гдѣ находятся ихъ подкрѣпленія, обозъ и прочіе запасы (черт. 5, фиг. 5.).

Вотъ все, что̀ могу я сказать о *явномъ* боевомъ порядкѣ. Разберемъ *внезапный*.

Получивъ извѣстіе о слѣдованіи непріятельскаго транспорта или отряда, начальникъ партіи разсчитываетъ такъ, чтобы непремѣнно прибыть къ мѣсту засады или нападенія въ одинъ переходъ и до разсвѣта.

Если переходъ въ 30 и 40 верстъ, то онъ дѣлаетъ на половинѣ дороги привалъ, на одинъ часъ, но не болѣе, и не кормя лошадей; если же переходъ въ 50 или 60 верстъ, то, сдѣлавъ безъ привала половину дороги, онъ останавливается для того, чтобы кормить людей и лошадей безъ торопливости, и лишь потомъ слѣдуетъ далѣе. Во всякомъ случаѣ, на каждыхъ 10 верстахъ онъ останавливается на 5 минутъ, чтобы дать воловую льготу лошадямъ; онъ спѣшиваетъ свою партію за пять или шесть верстъ до мѣстъ, назначенныхъ для привала и ночлега, дабы лошади могли успѣть во время марша выгуляться и приготовиться къ немедленному принятію корма.

Если непріятель не проходитъ еще по большой дорогѣ, то начальникъ партіи, приближась къ ней, выбираетъ скрытое мѣсто, гдѣ и располагается со всею партіею или съ частью оной, строго запретивъ разводить огонь, шумѣть и облегчать себя и лошадей, которыхъ однако позволяется разнуздать и становить къ корму. Въ этомъ случаѣ нѣтъ пикетовъ, а два или три казака взбираются на колокольню, если партія расположена у деревни, или взлѣзаютъ на дерево, если она стоитъ у лѣса, и наблюдаютъ за непріятелемъ.

Надо стараться выбирать мѣсто для засады не у самой дороги, а въ нѣкоторомъ отъ нея разстояніи. Мѣра отдаленія опредѣляется глазомѣрно, такъ чтобы можно было удобно обозрѣвать наибольшее пространство и различать пѣхоту, конницу, артиллерію и обозы, по ней слѣдующіе. Самое выгодное мѣстоположеніе для засады избирается за обширною высотою, въ долинѣ, гдѣ вся партія могла бы скрытно помѣститься. Если эта высота покрыта лѣсомъ или строеніемъ, она еще удобнѣе для наблюдающихъ, которые, какъ я уже говорилъ, пользуясь деревомъ или колокольнею, могутъ все видѣть, не будучи сами замѣчены.

Прежде нежели предпринимать атаку, начальникъ партіи объявляетъ всѣмъ полкамъ лично и ясно объ избранномъ имъ *сборномъ мѣстѣ* для партіи, въ разстояніи четырехъ или пяти верстъ отъ поля сраженія. Сіе сборное мѣсто опредѣляется для того, чтобы представить казакамъ пунктъ соединенія, въ случаѣ, если партія потерпитъ сильное пораженіе и разсѣется, не будучи въ состояніи вновь устроиться на полѣ битвы. Казакамъ надлежитъ скакать туда поспѣшнѣе, но не толпою, а въ разсыпную, окружными и скрытыми дорогами.

Полки, при переходахъ и нападеніяхъ, наблюдаютъ между собою очередь, которому быть впереди (*).

Никогда не надо употреблять болѣе двухъ полковъ въ дѣло; одинъ атакуетъ, другой подкрѣпляетъ, третій, составляя резервъ, вступаетъ лишь весьма рѣдко въ бой.

При этомъ послѣднемъ полку находится другая часть барабанщиковъ, которые становятся въ закрытое мѣсто; при отступленіи боевой части бьютъ въ барабаны, кои употребляются иногда и при атакахъ, но въ закрытыхъ мѣстахъ, дабы увѣрить непріятеля, что партія имѣетъ при себѣ пѣхоту.

(*) Въ послѣднемъ случаѣ желательно, чтобы передовой полкъ имѣлъ при себѣ нѣсколько конгревовыхъ ракетъ, которыя надлежитъ употреблять лишь противъ сомкнутой и готовой отразить нападеніе его кавалеріи.

Если атакующій полкъ совершитъ свой натискъ съ успѣхомъ, не прибѣгая къ помощи подкрѣпляющаго, тогда добыча принадлежитъ первому.

Если полкъ атакующій отбитъ и подкрѣпляющій вынужденъ вступить въ дѣло, то хотя бы они вмѣстѣ ворвались въ непріятельскую колонну, слава и добыча принадлежитъ уже одному подкрѣпляющему полку (*).

(*) Многіе почитаютъ казаковъ неспособными на прямые удары противъ устремленнаго непріятеля; но я, будучи неоднократно свидѣтелемъ ихъ личной храбрости, совершенно убѣжденъ въ противномъ, не говоря уже о французской кавалеріи, которую мы успѣшно атаковали съ слабѣйшими казачьими полками. Никогда полкъ Иловайскаго 12-го, Сысоева 3-го и нѣкоторыхъ другихъ полковниковъ не затруднялись атаковать даже *пѣхоту*, и весьма часто разсѣевали сомкнутые ея ряды. Ротмистръ (нынѣ полковникъ) Чеченскій, въ глазахъ моихъ спѣшивъ 1-й Бугскій полкъ, атаковалъ въ лѣсу засѣвшія двѣ непріятельскія роты и положилъ ихъ на мѣстѣ. Въ альтенбургскомъ дѣлѣ принцъ Биронъ, спѣшивъ Черноморскихъ казаковъ, взялъ приступомъ замокъ города Цейца. Партизанъ Левенштернъ ворвался въ городъ Герцбергъ, защищенный баталіономъ пѣхоты, и принудилъ его положить оружіе. Скажу болѣе: не содѣйствовала ли сотня Донскихъ казаковъ въ лейпцигскомъ сраженіи къ одержанію побѣды, когда уже часть линейной нашей кавалеріи значительно потерпѣла; этотъ неудачный бой едва не причинилъ гибельный прорывъ въ срединѣ союзной арміи. Наконецъ, не наравнѣ ли съ храброю нашею пѣхотою казаки шли на приступъ Измаила въ 1790 году? Все зависитъ отъ начальника. Отчего быть казакамъ менѣе храбрыми, чѣмъ жители Малороссіи, изъ коихъ составлена вся наша кавалерія, и коихъ они расторопнѣе и превосходятъ въ верховой ѣздѣ? А кто не знаетъ, что хорошій всадникъ всегда смѣлѣе слабаго? Ежели по сіе время казаки рѣдко участвовали въ линейныхъ битвахъ, то тому причиною благоразуміе главнокомандующихъ, которые, уважая малолюдность Донской области, не позволяли употреблять въ пылъ огня часть войска, чрезвычайно полезнаго во время поисковъ и содержанія пикетовъ. Впрочемъ, я увѣренъ, что при хорошихъ полковыхъ командирахъ Донцы ищутъ славы, а не одной добычи, или награды. Будучи сомкнуты въ линію, или *лавою*, по сотнямъ въ колонны или въ шесть коней, они не отстанутъ ни въ какихъ атакахъ и не отступятъ предъ непріятельской канонадой или кавалеріей. Но, да не оскорбится благородная гордость линейной кавалеріи, ежели я скажу, что казачьи полки, исполняя уже половину обязанностей легкой регулярной конницы, неподражаемые при поискахъ и содержаніи пикетовъ, могутъ сверхъ того также брать батареи, прорываться сквозь пѣхоту и опрокидывать непріятельскую кавалерію.

По звуку трубы полки немедленно собираются и становятся въ прежній порядокъ; изъ этого исключаются двѣ очередныя сотни, предварительно назначенныя для преслѣдованія и окончательнаго пораженія.

Если изъ транспорта или изъ части непріятельскихъ войскъ, взятыхъ въ плѣнъ, нѣкоторые успѣютъ скрыться, и если въ то же время начальникъ партіи извѣстится отъ плѣнныхъ о близости свѣжаго непріятельскаго отряда, или транспорта, то онъ уже не ожидаетъ его на старомъ мѣстѣ, а идетъ къ нему на встрѣчу и, смотря по обстоятельствамъ, атакуетъ его либо скрытно, либо явно.

Иногда партизанъ вынужденъ оставлять на мѣстѣ орудія, отбитыя у непріятеля, отъ того что канонеры, спасаясь бѣгствомъ, увозятъ съ собою передки. Для предупрежденія этого препятствія нужно заблаговременно запасаться крѣпкими канатами, которыхъ длина полагается въ 3 или $3^1/_2$ сажени, и на ихъ концѣ привязывать съ одной стороны желѣзные крюки, а съ другой дѣлать петли, или шлейки. Сіи канаты возятся всегда съ партіею для вышесказаннаго случая предварительно для этого назначенными казаками, коихъ полагается по два человѣка въ каждой сотнѣ. Я полагаю излишнимъ объяснять уловку, какъ зацѣплять канатами за отбитыя орудія, но долженъ сказать, что этотъ способъ употребляется только посреди сѣчи, и когда торопятся увезти захваченное.

Послѣ каждаго успѣшнаго дѣла партія должна удаляться отъ непріятельскаго пути сообщенія по крайней мѣрѣ на 5 верстъ, и проводитъ ночь, соблюдая обыкновенную осторожность. На другой день надлежитъ отправлять трофеи и плѣнныхъ при помощи обывателей съ малымъ конвоемъ, но при надежномъ офицерѣ. При нихъ отсылаются также тяжело больные и раненые, сдающіеся въ городѣ, который опредѣленъ быть пунктомъ сообщенія партіи съ главною арміею. Командующій конвоемъ не слѣдуетъ далѣе этого мѣста; получивъ росписку отъ

градоначальника въ принятіи трофеевъ и плѣнныхъ, и отправивъ съ курьеромъ донесенія къ главнокомандующему, онъ немедленно возвращается къ партіи.

Отбитая добыча продается на томъ мѣстѣ, гдѣ партія провела ночь; въ случаѣ малолюдности села она отсылается при выборныхъ отъ полка (коему она принадлежитъ) казакахъ и офицерѣ въ первый городъ, мѣстечко или село, гдѣ она продается, и вырученныя деньги раздѣляются слѣдующимъ образомъ: начальнику партіи въ 10 разъ болѣе, нежели простому казаку. (Надо полагать, что для подданія примѣра въ безкорыстіи онъ раздаетъ приходящуюся на его долю денежную добычу казакамъ, наиболѣе отличившимся.).

Полковому командиру въ 8 разъ болѣе.

Штабъ-офицеру и сотнику въ 6 разъ.

Оберъ-офицеру въ 4 раза.

Урядинку въ 2 раза.

Раздѣлъ лошадей производится слѣдующимъ образомъ:

Ими надѣляются сперва тѣ, у коихъ были убиты или ранены лошади въ предъидущихъ дѣлахъ.

На примѣръ: положимъ, что предъидущія дѣла были—одно 13-го, другое 18-го, а послѣднее 23-го октября: первый раздѣлъ производится между тѣми, кои потеряли лошадей 13 октября. Получающіе раздѣляются на два разряда: одинъ составляется изъ тѣхъ, у коихъ убиты лошади, а другой изъ тѣхъ, у коихъ онѣ ранены. Первые имѣютъ преимущество предъ послѣдними.

При выборѣ лошадей обыкновенно очередуются по чинамъ до простыхъ казаковъ, а между сими послѣдними бросаютъ жребій.

Если бы лошадь начальника партіи была ранена 13-го числа, то и онъ не прежде приступаетъ къ раздѣлу, какъ по полученіи послѣднимъ казакомъ слѣдуемой ему лошади изъ того разряда казаковъ, которыхъ лошади были убиты того же числа; въ разрядѣ тѣхъ, у коихъ онѣ ранены, онъ имѣетъ первый шагъ.

Послѣ сего слѣдуетъ раздѣлъ за 18-е число.

Къ этому раздѣлу приступаютъ тѣ, у коихъ лошади были убиты или ранены въ послѣднемъ дѣлѣ. Раздѣлъ производится по тѣмъ же правиламъ.

Ежели бы случилось, что у начальника партіи была убита или ранена лошадь въ послѣднемъ дѣлѣ, то есть 23-го числа, то и онъ не прежде приступаетъ къ раздѣлу, какъ послѣ полученія лошади послѣднимъ изъ разряда казаковъ, у коихъ лошади были ранены въ предъидущемъ дѣлѣ, то есть 13-го числа.

Къ остаткамъ приступаютъ худоконные. Раздѣлъ производится по старшинству чиновъ между офицерами, а послѣ нихъ между казаками, но уже не по жребію, но по достоинству и способности каждаго изъ нихъ. Сей раздѣлъ вполнѣ зависитъ отъ начальника партіи.

Конвой, отправляющійся для продажи добычи, долженъ возвратиться къ партіи не позже сутокъ. Строго воспрещается полкамъ уже на другой день не только возить съ собою фуры съ отбитою добычею, но даже казакамъ оставлять при себѣ нѣкоторые предметы изъ числа похищенныхъ у непріятеля. Все должно быть обращено въ деньги или пепелъ.

Если начальникъ партіи предпринимаетъ поискъ на какое нибудь заведеніе, какъ-то: магазинъ, госпиталь, квартирующій паркъ, или преобразовывающуюся часть непріятельскаго войска, то онъ старается достигнуть этого мѣста сколько можно незамѣтнѣе, слѣдуя не большою дорогою, но проселочною, или закрытыми мѣстами, дабы миновать разъѣзды, обыкновенно располагаемые и высылаемые по дорогамъ, ведущимъ къ сему мѣсту. Партія, слѣдуя безъ привала, атакуетъ во время ночи, на разсвѣтѣ, или въ бурную и дождливую погоду (*). Чаще встрѣчаешь безпечнаго, нежели осторожнаго противника; большая часть отдѣльныхъ начальниковъ, отправивъ разъѣзды

(*) Вотъ одинъ изъ случаевъ, въ которыхъ трубы необходимы партіямъ; но затруднительное для нѣкоторыхъ изученіе сигналовъ требуетъ, чтобы число ихъ было по возможности ограничено. Я полагаю, что довольно будетъ сигнала для *приготовленія къ походу*, для *тревоги*, для *атаки* и *апель*.

по всѣмъ радіусамъ дорогъ, сосредоточенныхъ у мѣста, ими занимаемаго, остается въ полной увѣренности, что, по открытіи непріятеля означенными разъѣздами, они будутъ имѣть довольно времени устроиться въ боевой порядокъ и принять мѣры къ его отраженію. Подобные партизаны не заботятся обыкновенно о томъ, чтобы открывать дороги, находящіяся въ ихъ тылу, особенно ту, по коей они прибыли. Вотъ почему я совѣтую (хотя бы для этого нужно было совершить большой обходъ) атаковать непріятеля съ тыла.

Если же обстоятельства не дозволяютъ этого, то надлежитъ, при открытіи хотя съ боку и вдали перваго изъ сихъ разъѣздовъ, отрядить въ слѣдъ за нимъ передовой полкъ партіи, который обязанъ прибыть вмѣстѣ съ нимъ къ непріятельскому отряду и, воспользовавшись его разстройствомъ, атаковать, какъ говорилъ великій Суворовъ, *безъ тактики*. Прочіе же полки должны во всякомъ случаѣ подкрѣплять его.

Если открытое непріятельское заведеніе обороняется отрядомъ, превышающимъ въ численности партію, то ея начальникъ, рапортовавъ о томъ главнокомандующему арміи, не предпринимаетъ ничего въ его окрестностяхъ до прибытія на подкрѣпленіе того рода войскъ, въ которомъ онъ имѣетъ нужду, и которое, по совершеніи этого предпріятія, отправляется обратно въ армію. Повторяю: мѣры эти дозволяются только при нападеніи на какое нибудь непріятельское *заведеніе*, но если надлежитъ атаковать проходящій отрядъ, числомъ своимъ хотя и вдвое превышающій партію, то искусный и отважный партизанъ можетъ, не прося подкрѣпленія, всегда выбрать моментъ и мѣсто для выгоднаго нападенія.

Начальнику партіи не возбраняется дѣйствовать и малыми отрядами. На это онъ употребляетъ двѣ или три сотни, которыя, раздѣлясь на малыя части, стараются перехватывать курьеровъ, почту и непріятельскихъ офицеровъ, слѣдующихъ проселочными дорогами. Но какъ сіи малые отряды, выходя изъ-подъ надзора главнаго начальника партіи, могутъ неминуемо дозволить себѣ относительно жителей различныя оскорбле-

нія и даже жестокости; то, для избѣжанія несогласія съ обывателями той области, въ коей вся партія находится, сіе раздробительное дѣйствіе употребляется только на пути, наблюдаемомъ партію, а не на сторонѣ, занятой ею.

Дозволяется партизану, атакованному сильнымъ непріятельскимъ отрядомъ, перевести партію свою на участокъ ближайшаго къ нему товарища и дѣйствовать совокупно съ симъ послѣднимъ противъ непріятеля; по изгнаніи или *пораженіи* его, онъ снова занимаетъ свое мѣсто и обращается къ собственному своему предмету дѣйствій.

Дабы поставить преграду частымъ перемѣщеніямъ такого рода, и пресѣчь чрезъ это сосредоточиваніе партій, нужно поставить правиломъ, чтобы партизанъ, перешедшій на участокъ своего товарища, поступалъ подъ его начальство, хотя бы онъ былъ и старѣе его по службѣ.

Часто случается, что непріятельскій отрядъ, прикрывающій казну, курьера, или важнаго чиновника, заманиваетъ партизана въ противную сторону и, отвлекши его отъ большой дороги, приводитъ съ успѣхомъ свое намѣреніе въ исполненіе. Для предотвращенія этого партизанъ отдѣляетъ одинъ полкъ противъ отряда, его заманивающаго, а съ остальными располагается въ засадѣ вдоль большой дороги. Такое распоряженіе основывается на вѣроятности, что если непріятельскій отрядъ сильнѣе партіи, то онъ употребитъ къ ея отраженію средство простое, то есть силу оружія; напротивъ, если онъ ея слабѣе, то прибѣгнетъ къ маневрамъ, и этимъ только обнаружитъ намѣреніе свое отдалить ее отъ мѣста, имъ занимаемаго. Такъ какъ главное военное правило состоитъ въ томъ, чтобы наносить непріятелю наибольшій вредъ, то начальникъ партіи исполнитъ долгъ свой употребленіемъ способа, мною предлагаемаго.

О всеобщемъ отступленіи непріятельской арміи ко временному или коренному ея основанію прежде всего узнаютъ партизаны перваго отдѣленія. Они спѣшатъ увѣдомить о томъ ближайшаго къ нимъ партизана 2-го разряда. Посылаемый съ

увѣдомленіемъ имѣетъ при себѣ достаточный конвой, и передавъ бумаги свои означенному партизану, поспѣшно возвращается къ своей партіи. Такимъ образомъ извѣстіе передается отъ одного партизана къ другому быстро и безпрепятственно. Сколько бы отступленіе непріятеля ни было поспѣшно, но колонны его не будутъ въ состояніи предупредить вѣстниковъ его движенія; этого достаточно для начальниковъ партій, тѣмъ болѣе, что каждый изъ нихъ занимаетъ одинъ изъ тѣхъ путей, которые непріятель можетъ избрать для своего отступленія. Получивъ достовѣрное извѣстіе о избранномъ пути, они всѣ бросаются сюда и, устремивъ всѣ свои усилія противъ головы передовой непріятельской колонны, стараются затруднить ея движеніе.

Если же непріятель при отступленіи своемъ занимаетъ всѣ дороги, сосредоточенныя у мѣста, отъ котораго онъ идетъ, въ такомъ случаѣ каждый партизанъ старается препятствовать движенію каждой колонны, слѣдующей по избранной ею дорогѣ; а если невозможно привести сего въ дѣйствіе, то бросается къ тому мѣсту, гдѣ соединеніемъ разныхъ пунктовъ, составляется одинъ; такъ на примѣръ, отъ Лейпцига къ Эрфурту при Кезенѣ.

Все сіе вообще принадлежитъ партіямъ трехъ отдѣленій; партизанамъ же перваго разряда нужно отмѣнить нѣкоторыя изъ ихъ обязанностей и прибавить къ нимъ таковыя, которыя болѣе согласовались бы съ предметомъ ихъ дѣйствія. И потому отмѣняется:

Возка на подводахъ больныхъ и раненыхъ въ слѣдъ за партіями. По причинѣ ихъ близости съ арміею, каждый тяжко больной или раненый долженъ быть немедленно отсылаемъ въ главную квартиру на собственной лошади.

Партіи этого разряда не должны имѣть опредѣленной пристани.

Онѣ прибавляютъ къ сельской извѣщательной стражѣ лазутчиковъ.

Онѣ рѣдко прибѣгаютъ къ засадамъ, но болѣе употребляютъ скрытые переходы и внезапные набѣги.

Отбитая ими добыча отвозится для продажи въ армію, если не можетъ быть распродана жителямъ въ окрестностяхъ пункта, занимаемаго партіею.

При нерѣшительности обоихъ враждебныхъ отрядовъ, занятіе партизана будетъ состоять въ томъ, чтобы доставлять свѣдѣніе о сокровеннѣйшихъ частныхъ распоряженіяхъ непріятеля, и, при малѣйшей его оплошности, поражать части войскъ, отдѣляющіяся отъ главныхъ его силъ. Онъ можетъ достигнуть этого искуснымъ направленіемъ своихъ *розыскныхъ отрядовъ*, руководимыхъ вѣрными и способными лазутчиками. Слабые числомъ, но сильные внезапностью и неутомимою дѣятельностью, эти отряды должны быть ввѣрены начальникамъ и офицерамъ, говорящимъ языкомъ непріятеля, нижніе же чины должны наружнымъ своимъ видомъ имѣть сколь возможно болѣе сходства съ туземцами. Прорвавшись въ средину расположенія непріятельскихъ силъ, они будутъ особенно стараться перехватывать адъютантовъ и всякаго рода курьеровъ, отправляемыхъ съ повелѣніями или съ донесеніями; они должны распрашивать у проходящихъ и жителей объ общихъ и частныхъ слухахъ, которые распространены въ ихъ войскахъ и узнавать о мѣстопребываніи главной, корпусныхъ и дивизіонныхъ квартиръ.

Начальникъ партіи, получивъ извѣстія обо всемъ чрезъ *розыскные отряды*, отсылаетъ ихъ немедленно къ главнокомандующему; а самъ, съ свойственной ему прозорливостью и смѣтливостью, спѣшитъ привести въ исполненіе отважныя свои предначертанія. Время занятія кантониръ или зимнихъ квартиръ, почитаемое обыкновенно временемъ отдыха для прочихъ войскъ, будетъ для партизана временемъ его не малой дѣятельности. Здѣсь, съ расширеніемъ пространства, занимаемаго непріятелемъ, ослабится его бдительность, а предметы, подлежащіе поискамъ партизана, значительно умножатся. Разрывая сношеніе между частями противныхъ войскъ, наводя на нихъ

ужасъ неожиданнымп появленіями, смѣлый и искусный партизанъ, подобно привидѣнію, будетъ казаться повсемѣстнымъ и неотразимымъ. Дѣйствуя иногда совокупно съ другими партизанами сего разряда, иногда отдѣльно отъ нихъ, иногда даже въ розсыпную съ тѣмъ, чтобы сосредоточиться тамъ, гдѣ его наименѣе ожидаютъ, онъ долженъ стараться поразить непріятеля, скрыться послѣ того и появиться на точкѣ противуположной той, на которую онъ произвелъ нападеніе, — вотъ дѣло партизана. Самое желаніе ворваться въ главную квартиру, и даже въ ставку вождя, можетъ увлечь его пламенное воображеніе. Все удастся ему, лишь бы неусыпность, смѣтливость, рѣшительность и смѣлость, эти геніи хранители всякаго отдѣльнаго начальника, не оставляли его. Вотъ легкій очеркъ дѣйствія партизана перваго разряда! Разсмотримъ теперь дѣйствіе этой партіи во время сраженія и при отступательномъ и наступательномъ движеніи арміи.

Съ перваго взгляда покажется, что въ продолженіи самаго боя партизанъ не можетъ принести своей арміи рѣшительной пользы; и дѣйствительно, хотя появленіе полуторы тысячи всадниковъ во флангѣ или въ тылу сражающихся силъ можетъ на нѣкоторое время отвлечь готовящееся нападеніе нѣкоторой части войскъ, но, безъ сомнѣнія, за этою маловажною выгодою послѣдуетъ пораженіе или даже истребленіе партіи, потому что во время сраженія всѣ части непріятельской арміи бдительны и всегда готовы противоставить ме́ньшей силѣ бо́льшую. Партизанъ дѣйствуетъ болѣе искусствомъ, нежели силою; вѣрнѣйшій его союзникъ есть внезапность. Я потому думаю, что въ продолженіи сраженія партизанъ долженъ подойти къ боевому полю столь близко, чтобы имѣть возможность наблюдать розыскными отрядами въ точности за ходомъ боя и готовиться открыть свои дѣйствія лишь къ концу сраженія. Допустивъ сперва, что непріятель одержалъ верхъ надъ нашею арміею, и что сія послѣдняя, уступивъ поле сраженія, должна поспѣшно отступать. Въ это время безпорядокъ обнаруживается какъ въ рядахъ побѣжденныхъ, такъ и среди побѣдителей;

одна нравственная сила составляетъ лишь преимущество послѣднихъ. Вотъ блистательная минута для набѣга смѣлаго и рѣшительнаго партизана. Для него не можетъ быть неудачи: онъ вихремъ мчится по всей затыльной части непріятеля, освобождаетъ своихъ плѣнныхъ, губитъ раненыхъ непріятелей, рубитъ артиллерію, безпечно отдыхающую послѣ битвы, заклепываетъ орудія, разсѣеваетъ спѣшенную конницу и, можетъ быть, пѣхотныя толпы. Нанеся такимъ образомъ чувствительный вредъ побѣдителю, онъ прорывается сквозь фронтовую сторону, или на противное крыло непріятельскихъ войскъ и быстро спѣшитъ на присоединеніе къ арьергарду своей арміи.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что набѣгъ такого рода, удачно выполненный, нанесетъ не только вещественный вредъ непріятелю, но вмѣстѣ съ этимъ сильно поколеблетъ нравственную силу, пріобрѣтенную побѣдой, ослабитъ преслѣдованіе нашихъ и не мало ободритъ своихъ соратниковъ.

Предположимъ теперь, что непріятель уступилъ натиску нашихъ силъ, и, оставивъ поле сраженія, поспѣшно отступаетъ. Уже легкая конница нашего авангарда настигаетъ его тыльные отряды, тѣснитъ ихъ и придвигаетъ ихъ къ главнымъ массамъ его. За легкою конницею спѣшатъ наши тяжелыя войска.

Въ этомъ случаѣ, если бы можно было задержать на нѣкоторое время непріятеля, то бой возобновился бы вторично и, въ слѣдствіе верха, одержаннаго уже нашею армію, онъ могъ бы обратиться для непріятеля въ совершенное пораженіе. Начатки этой славы принадлежали бы партизанамъ *перваго* разряда, ибо они находятся ближе другихъ къ непріятельской арміи. Здѣсь представляются для нихъ два рода дѣйствія. Если страна пересѣчена тѣснинами, партизаны обязаны забѣжать на путь, по коему непріятель слѣдуетъ и, занявъ выгоднѣйшую и труднѣйшую изъ нихъ, должны рѣшиться принять на себя все бремя удара непріятельской силы; задержавъ ее здѣсь, они этимъ подвергнутъ ее натиску своей арміи. Если же два вышесказанныя условія невыполнимы, то партизанъ долженъ безпрерывными нападеніями пресѣкать путь сообщенія, задер-

живать и разсѣевать непріятельскіе отряды, коимъ поручено его охранять, портить мосты, затруднять переходы, перевозить суда или лодки на свою сторону; однимъ словомъ, истребляя всѣ представляющіяся на этомъ пути для непріягеля пособія и уничтожая средства, могущія служить къ ускоренію его отступленія, стараться всѣми способами доставить своей арміи удобный случай нанести вторичное пораженіе непріятелю.

Наконецъ, при появленіи партизановъ 2-го и 3-го разряда, сверхъ вышесказанныхъ обязанностей, общій долгъ ихъ будетъ состоять въ томъ, чтобы не позволять въ теченіи дня отрядамъ, обозамъ, фуражирамъ и усталымъ удаляться отъ пути, непріятельскою арміею избраннаго, а ночью тревожить войска, останавливающіяся на ночлегъ или для отдохновенія. Въ этомъ случаѣ ведется очередь полкамъ, которые должны каждую и цѣлую ночь атаковать биваки непріятеля и непрестанно его тревожить.

Можетъ быть случится, что партіи производятъ, въ теченіи нѣсколькихъ недѣль сряду, поиски и соблюдаютъ такую осторожность, что не имѣютъ времени облегчать своихъ лошадей: каждый день, по прибытіи на ночлегъ, каждая сотня должна разсѣдлывать по четыре лошади для просушиванія спинъ, или промытія и присыпки ссадинъ. Чрезъ часъ эти лошади снова сѣдлаются, а другія четыре смѣняютъ ихъ, и такъ далѣе. Такимъ образомъ, въ теченіи 24 часовъ, въ каждомъ полку 480 лошадей освѣжаются безъ малѣйшей опасности.

Описавъ этотъ способъ употребленія партій, и полагая его удобнѣйшимъ изъ всѣхъ, до сего времени намъ извѣстныхъ, я вполнѣ чувствую, что мое изложеніе весьма неудовлетворительно; но я въ то же время увѣренъ, что совершенно безполезно входить въ такія подробности, которыя въ ихъ примѣненіи болѣе подлежатъ смѣтливости каждаго командира, нежели общимъ опредѣленнымъ правиламъ. И подлинно, едва партія двинулась на поиски, какъ уже ея начальнику представляются обстоятельства, требующія рѣшительности, твер-

дости и быстроты, которыя, не находясь ни въ какихъ книгахъ, не могутъ преподаваться никакими наставниками.

Всѣ обстоятельства могутъ или содѣйствовать его предпріятію: лощинистое и открытое мѣстоположеніе, частые мосты, паромы, извѣстные броды, неприступныя убѣжища, робкія дѣйствія непріятельскихъ отрядовъ, магазины, учрежденные внѣ укрѣпленныхъ городовъ и мѣстечекъ, непріятельскіе парки, неосторожно и съ слабыми прикрытіями слѣдующіе къ своей арміи. Всѣ обстоятельства, затрудняя предпріятіе, могутъ причинить гибель партіи: сплошные лѣса, непроходимыя болота, сильные, предпріимчивые непріятельскіе отряды, осторожность, соблюдаемая многочисленными прикрытіями жизненнаго и военнаго его продовольствія, разъѣзды непріятеля, выставляющаго пикеты на всѣхъ дорогахъ и всѣхъ высотахъ, невѣденіе о мѣстопребываніи его отрядовъ, жители, устрашенные появленіемъ непріятеля, готовые извѣщать его обо всемъ, что̀ касается нашихъ партій, городовъ, деревень и т. д, Что̀, по мнѣнію многихъ, можетъ остановить казаковъ? Недостаточно какъ нибудь нападать и кое-какъ спасаться; начальникъ долженъ разсчитывать свое предпріятіе такимъ образомъ, чтобы выгода при успѣхѣ превышала бы проигрышъ въ случаѣ неудачи, и для этого нужно знать: когда надо слѣдовать явно или потаенно? гдѣ непріятель? въ движеніи или на мѣстѣ? дѣйствуетъ ли онъ совокупно или раздробленно? выжидаетъ ли нападенія или самъ ищетъ партію? каковы его силы? изъ какого рода войска состоитъ его отрядъ? Но какъ узнать обо всемъ, когда жители намъ не благопріятствуютъ? Партія наша, расположившись на ночлегъ, разводитъ пикеты и посылаетъ разъѣзды—кажется, этого довольно!.. Сколько и тутъ требуется смѣтливости! На какомъ мѣстоположеніи расположилась партія: лѣсистое или открытое? возвышенное или плоское? находятся ли вблизи глубокія лощины, широкія рытвины, деревни, господскіе дома, церкви и кладбища съ оградами? Все это должно служить основаніемъ при расположеніи пикетовъ; ибо малѣйшая оплошность въ этомъ случаѣ бываетъ причиной

весьма гибельныхъ послѣдствій: небрежно открытый бродъ, тропинка, проложенная по горѣ и извивающаяся между кустами, болотами и даже хлѣбомъ, загороды, крутой берегъ, сады, длинная цѣпь высотъ—всѣ эти обстоятельства могутъ способствовать непріятелю произвести на насъ нечаянное нападеніе, и также нашей партіи атаковать съ успѣхомъ непріятельскій отрядъ. Но ночныя экспедиціи весьма опасны. Велики затрудненія при близкомъ и вмѣстѣ тайномъ подступленіи, предшествующемъ атакѣ, безъ чего успѣхъ всегда сомнителенъ; малѣйшая ошибка при опредѣленіи разстоянія, или въ слѣдствіе какого либо неожиданнаго препятствія; ошибочное направленіе части партіи, посланной въ обходъ; незнаніе точнаго размѣщенія непріятельскихъ войскъ затрудняетъ дѣло, причиняя безполезную потерю людей и времени. Успѣхи облегчаютъ предпріятія, но при неудачахъ препятствія раждаютъ новыя препятствія. Тогда уже не за однимъ главнымъ непріятельскимъ отрядомъ должно наблюдать начальнику партіи; онъ обязанъ обезпечивать фланги и тылъ своей части и, соблюдая величайшую бдительность, быть ежечасно готовымъ отражать силу силою, противуставивъ дѣятельность дѣятельности и хитрость хитрости. Тогда, въ слѣдствіе обстоятельствъ, онъ видитъ себя въ мѣстахъ неизвѣстныхъ, знакомыя мѣстности представляются ему въ другомъ видѣ; тутъ необходимо надо вѣрно разсчитывать и, что весьма рѣдко, умѣть пользоваться случаемъ и мгновеніемъ.

Нерѣдко малѣйшее, по видимому, обстоятельство можетъ имѣть важныя послѣдствія: оно затрудняетъ или содѣйствуетъ отступленію партіи, понуждаетъ ее отражать непріятельскіе натиски; оно иногда вынуждаетъ ее предпринимать успѣшное нападеніе, и однимъ ударомъ избавиться отъ угрожающей ей гибели и тѣмъ склонить побѣду на свою сторону.

Существуютъ нѣкоторыя хитрости, которыми часто пренебрегаютъ по ихъ чрезвычайной простотѣ, но которыя почти всегда удаются. Самонадѣяннаго партизана можно легко вовлечь въ засаду, отступивъ предъ нимъ нѣсколько разъ, и разгласивъ, что съ нимъ опасаются входить въ дѣло. Пар-

тизана робкаго, такъ сказать, застѣнчиваго, но превосходнаго въ силахъ, можно пугать частыми ночными нападеніями, умноженіемъ бивачныхъ огней, размѣщеніемъ бивака по окружнымъ высотамъ, полускрытыми движеніями на флангахъ его партіи, и даже *передками телѣгъ,* которыя, будучи поставлены на высотахъ, съ положенными на каждой изъ нихъ бревнами, обороченными концомъ къ непріятелю, что̀ издали весьма похоже на орудія. Позади ихъ, какъ я уже говорилъ, становятся кашѝ, коихъ одинъ флангъ скрывается за лѣсомъ, пригоркомъ или деревнею. Искуснаго и неустрашимаго партизана нельзя иначе поразить, какъ внезапнымъ и, такъ сказать, отчаяннымъ нападеніемъ со стороны, которую онъ полагаетъ непроходимою. Часто мудрость бываетъ побѣждена другаго рода мудростью, которую глупцы называютъ сумасбродствомъ. Кто знаетъ, что̀ можетъ произойти, когда послѣ пораженія партіи часть отборныхъ казаковъ, пользуясь мракомъ ночи, смѣло и неожиданно ворвется въ средину партіи побѣдителя и (какъ то обыкновенно случается) разстроенной самой побѣдой? Каждое время года не представляетъ ли особенныя средства къ защитѣ и подобному предпріятію? Часто разлитіе водъ успокоиваетъ относительно нечаяннаго нападенія непріятеля, который можетъ отыскать бродъ и произвести набѣгъ. Онъ въ этомъ случаѣ воспользуется его оплошностью; лѣтомъ — густотою лѣсовъ, осушеніемъ рѣкъ, за которыми, по привычкѣ, еще всѣ европейскія войска располагаются на позиціи; осенью—мрачностью ночей, туманными днями; зимою—замерзаніемъ рѣкъ, болотъ, глубокихъ ручьевъ, слѣдами проходящихъ войскъ, обыкновеннымъ ихъ расположеніемъ около деревень, близостью биваковъ съ теплыми избами, привлекающими солдата въ деревню, что̀ причиняетъ разбродъ войскъ, которыя медленно сбираются во время тревоги; однимъ словомъ, здѣсь можетъ представиться безчисленное множество случаевъ, коихъ описать трудно, и для успѣшнаго пользованія ими самый навыкъ часто недостаточенъ.

Часть третья.

О прикрытіи собственнаго сообщенія и продовольствія.

Изложивъ способы для того, чтобы отрѣзать непріятельское сообщеніе, я почитаю необходимымъ говорить и о мѣрахъ, которыми мы можемъ предохранять собственное наше сообщеніе; иначе, выгоды наши въ партизанской войнѣ превосходили бы непріятельскія только относительно большой смѣлости и искусства нашихъ казаковъ; это превосходство было бы весьма недостаточно, если бы мы не были совершенно убѣждены въ безопасности источника силы и существованія нашей арміи.

И подлинно, къ чему послужатъ взятіе транспортовъ и разореніе магазиновъ противника, преграды, противуставляемыя ему при его отступленіи и на его сообщеніяхъ, когда мы сами можемъ подвергнуться той же участи? Долго ли можетъ продлиться дѣйствіе арміи, слѣдовательно и дѣйствіе нашихъ наступательныхъ партій (кои обязаны сообразовать свои движенія съ ея направленіями), если она лишится всего необходимаго для войны?

Воспользуемся же не только превосходствомъ нашихъ легкихъ войскъ, но и ихъ многочисленностью, что̀ дозволитъ намъ вести оборонительную партизанскую войну, не ослабляя

чрезъ то ни линейныхъ силъ нашихъ, ни наступательныхъ партій; напротивъ того, извлекая пользу изъ безполезнаго и часто вреднаго пребыванія всѣхъ башкирскихъ, калмыцкихъ и татарскихъ войскъ, которыя по сіе время лишь обременяли армію и опустошали окрестности мѣста ея расположенія.

Это побуждаетъ насъ предложить образованіе двухъ оборонительныхъ партій, для прикрытія обѣихъ сторонъ нашего пути сообщенія и путей продовольствія. Этого недостаточно: сохраненіе этой столь важной части театра войны требуетъ равномѣрно того, чтобы образъ прикрытія соотвѣтствовалъ устройству транспортовъ, дабы, въ случаѣ внезапнаго появленія непріятельской партіи на путь нашего сообщенія, каждый транспортъ могъ самъ собою отразить ея нападеніе безъ помощи, или, лучше сказать, безъ надежды на помощь посторонняго войска.

Хотя дѣятельный начальникъ оборонительной партіи, зорко наблюдая и неотступно преграждая путь непріятелю, долженъ воспретить ему прорваться ко всему протяженію пути нашего сообщенія, но нельзя не допустить и этого случая: множество обстоятельствъ могутъ задержать его партію въ отдаленіи, или увлечь ее въ сторону противуположную пункту непріятельскаго вторженія. Нѣтъ партизана, дарованія котораго могли бы произвести постоянный перевѣсъ въ пользу оборонительнаго дѣйствія противъ наступательнаго. Независимо отъ этого, мы знаемъ по опыту, сколько разсѣянные и своевольные переходы нашихъ транспортовъ причиняли опустошеній въ областяхъ, чрезъ которыя они проходили; четырехъ-суточный подвозъ истреблялъ двухъ-недѣльное продовольствіе поселянъ, находящихся въ тылу арміи. Не говоря уже объ ужасахъ, оскорбляющихъ человѣчество, эти опустошенія вредили и самой арміи, лишая ее продовольствія, которое могло бы ей служить во время отступленія; ибо всякое отступательное движеніе требуетъ пособія въ продовольствіи отъ придорожной части того пути, по коему двигаются войска. Это обстоятельство достаточно важно, чтобы принудить насъ изыскать способы,

посредствомъ которыхъ можно было бы прекратить безпорядокъ въ обозахъ измѣненіемъ ихъ устройства. Надо устроить ихъ такимъ образомъ, чтобы, не возстановляя противъ себя жителей, сохранить между тѣмъ на случай отступленія средства къ продовольствію арміи.

Въ слѣдствіе этого я раздѣляю необходимыя для того мѣры на *внѣшнія* и *внутреннія*. Первыя будутъ относиться къ оборонительнымъ партіямъ, а послѣднія къ транспортамъ и ихъ прикрытіямъ.

О магазинахъ и путяхъ продовольствія.

Эрцгерцогъ Карлъ въ глубокомысленномъ сочиненіи своемъ, подъ названіемъ *Правила стратегіи,* опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ расположеніе магазиновъ и путей продовольствія. Онъ говоритъ:

«Всякая армія близь тыла своей *боевой линіи* прикрываетъ такое пространство, которое равно протяженію мѣста, ею занимаемаго, но въ нѣкоторомъ отъ себя отдаленіи, она также прикрываетъ и пространство позади лежащее, такъ что непріятель не можетъ на него посягать, не подвергая опасности своего собственнаго пути сообщенія. И потому слѣдуетъ располагать лишь нѣсколько магазиновъ вблизи арміи, большая же ихъ часть должна быть устроена въ дальнемъ отъ нея разстояніи. Эти послѣдніе удобны для сбереженія значительныхъ запасовъ; первые же, напротивъ, способны только для сохраненія необходимаго продовольствія на нѣсколько дней.»

И подлинно, мы видѣли на опытѣ, что магазины располагаются въ три параллельныя линіи, одна короче другой. На первой закладываются *запасные*, на второй *развозные,* а на третьей *расходные магазины.* Всѣ сіи параллельныя линіи связываются между собою поперечными линіями, или путями, кои, сосредоточиваясь у арміи, образуютъ треугольникъ.

Разстояніе *запасныхъ* отъ *расходныхъ* магазиновъ не далѣе осьми переходовъ, полагая каждый переходъ въ 20 верстъ;

сумма этихъ переходовъ равна протяженію, которое оборонительныя партіи обязаны защищать.

Но кто можетъ надѣяться успѣшно оборонять бока треугольника, коихъ наклоненіе къ сторонѣ непріятеля представляетъ ему столько удобства для произведенія набѣговъ? Можно положительно сказать, что путь продовольствія, падающій не отвѣсно отъ центра тыла арміи на центръ линіи запасныхъ магазиновъ, болѣе или менѣе подвергается опасности по мѣрѣ отклоненія его отъ отвѣсной линіи; по системѣ продовольствія треугольникомъ, чѣмъ линіи запасныхъ магазиновъ пространнѣе, то есть чѣмъ они выгоднѣе, тѣмъ бока треугольника наклоннѣе къ непріятелю и слѣдовательно тѣмъ они опаснѣе (черт. 1. № 2.).

Если это разсужденіе достаточно для опредѣленія аксіомы, что отвѣсный путь продовольствія, который падаетъ изъ средины основанія на центръ дѣйствующей арміи, превосходнѣе всякаго пути, отклоняющагося отъ средины того же основанія, то согласимся, что, обладая отвѣснымъ путемъ, предосудительно обнимать подвозами неудобные пути *гипотенузъ*, и добровольно подвергать опасности источникъ существованія арміи.

Но неужели можно изъ этого заключить, что слѣдуетъ пользоваться однимъ отвѣснымъ путемъ, оставивъ не занятыми прочіе пути? Это по крайней мѣрѣ не моя мысль; я думаю, что, отдѣливъ необходимыя потребности отъ второстепенныхъ, и превративъ отвѣсный путь въ коренную линію продовольствія, снарядовъ и одежды, мы не станемъ пренебрегать *гипотенузами*, если направимъ по нихъ партіи плѣнныхъ и всякаго рода команды, войска и проѣзжающихъ въ армію или отъѣзжающихъ оттуда? (*) Изъ этого могутъ проистекать двѣ выгоды: во-первыхъ, удаливъ отъ этого пути толпы сволочи, всегда болѣе или менѣе затруд-

(*) Кромѣ важныхъ курьеровъ, которыхъ должно направить по отвѣсной линіи.

няющей движеніе транспортовъ, мы тѣмъ содѣйствуемъ своевременному прибытію ихъ на мѣста, имъ назначенныя; во-вторыхъ, независимо отъ оборонительныхъ партій, войска, слѣдующія по боковымъ дорогамъ, однимъ своимъ направленіемъ заслонятъ отъ набѣговъ непріятельскихъ партій тотъ путь, который есть, такъ сказать, *жизненная сила* арміи и для неприкосновенности котораго не надо щадить ни средствъ, ни стараній.

Такимъ образомъ, сливъ въ одну струю всѣ необходимыя потребности, направивъ ихъ въ магазины, расположенные на отвѣсной линіи, и оставивъ фланговые только для второстепенныхъ потребностей, мы размѣстимъ партіи сообразно съ расположеніемъ воюющихъ армій.

Армія дѣйствуетъ или параллельно непріятельской, какъ дѣйствовала армія наша въ 1812 году послѣ взятія непріятелемъ Смоленска, и силезская армія въ 1813 году на Кацбахѣ и Бобрѣ противъ Макдональда; или дѣйствуетъ на отвѣсной линіи прямоугольныхъ треугольниковъ противъ арміи, дѣйствующей на ихъ двухъ *гипотенузахъ*, какъ дѣйствовала во Франціи въ 1814 году французская армія противъ нашей главной и силезской армій. Она также можетъ дѣйствовать на флангѣ противной арміи, какъ дѣйствовала въ 1812 году наша армія по занятіи позиціи при Тарутинѣ, и въ 1813 году по прибытіи ея въ часть Богеміи, простирающейся отъ Эльбы до Баваріи.

Во всѣхъ этихъ трехъ родахъ дѣйствія обыкновенно располагаютъ оборонительныя партіи на флангахъ собственной арміи въ такомъ отъ нихъ разстояніи, чтобы разъѣзды партій касались фланговыхъ ея разъѣздовъ, дабы непріятельскіе отряды не могли прорваться между партіею и арміею; какъ скоро эти отряды минуютъ какимъ бы то ни было образомъ флангъ, близъ котораго находится одна изъ оборонительныхъ нашихъ партій, и направятся къ нашему пути продовольствія: тогда главная обязанность начальника этой партіи состоитъ

въ томъ, чтобы преградить это движеніе, и дѣятельно защищать порученный ему бокъ вышеопредѣленнаго протяженія.

Когда армія дѣйствуетъ на двухъ *гипотенузахъ* противъ арміи, дѣйствующей на отвѣсной линіи прямоугольныхъ треугольниковъ, какъ дѣйствовала въ 1814 году наша главная и силезская армія противъ французской арміи: тогда оборонительныя партіи обязаны находиться между обѣими *гипотенузами* и защищать внутренніе ихъ бока.

Вотъ примѣръ размѣщенія отрядовъ для первыхъ родовъ дѣйствія съ нѣкоторыми мѣстными измѣненіями:

Положимъ, что непріятель находится въ Москвѣ, армія наша занимаетъ позицію при Тарутинѣ, и что временное ея основаніе заключаетъ въ себѣ Жиздру, Бѣлевъ, Одоевъ и Богородскъ.

Отъ Жиздры путь продовольствія идетъ на Мещовскъ, Собуровщину, Роговищи и Калугу.

Отъ Бѣлева путь сообщенія и продовольствія идетъ на Лихвинъ, Перемышль и Калугу.

Отъ Богородска путь продовольствія идетъ на Тулу, Новопавшинскую слободу, Грезное, Ахлебино и Калугу.

Мы избираемъ средній путь, какъ самый отвѣсный относительно положенія арміи, главнымъ путемъ продовольствія; продолжая его до Тарутина, мы опредѣляемъ на немъ главный запасный магазинъ въ Бѣлевѣ, главный развозный магазинъ въ Калугѣ и расходный магазинъ близь Тарутина и самой арміи, потомъ раздѣляемъ этотъ путь на *этапы* или военныя станціи:

1-ю назначаемъ въ Бѣлевѣ.		
2-ю въ Николѣ Хотунскомъ	20	вер.
3-ю въ Лихвинѣ	20	—
4-ю въ Перемышлѣ	23	—
5-ю въ Калугѣ.	26	—
6-ю въ Осиповѣ	22	—

7-ю въ Казариновѣ		21	вер.
8-ю въ Черной Грязи		20	—
Отъ Черной Грязи до расходнаго магазина	. .	15	—
И того	. . .	167	вер.

Оборонительныя партіи размѣщаются:

Партія праваго крыла на Нарѣ противъ с. Темнаго. Эта партія должна имѣть сильный постъ на серпуховской дорогѣ при с. Телятьевѣ и наблюдать безпрерывными разъѣздами пространство между Нарою и рѣкою Лопаснею.

Партія лѣваго крыла въ Боровскѣ; разъѣзды ея должны слѣдовать на Верею и с. Егорьевское.

Не излишне, кажется, поставить третью оборонительную партію при Медынѣ, которая должна открывать дороги, ведущія на Шанскій заводъ и Юхновъ. О четвертомъ родѣ дѣйствія скажемъ только то, что когда, въ 1814 году, союзныя арміи дѣйствовали по *гипотенузамъ*, т. е. когда главная армія шла отъ Шомона на Труа, а силезская берегомъ Марны, тогда поле дѣйствія оборонительныхъ партій должно было находиться между Сеною и Марною, уступомъ назадъ отъ обѣихъ наступательныхъ армій, дабы одною партіею прикрывать путь, идущій на Шалонъ, Туль и Нанси, а другою на Шамонъ, Лангеръ и Базель.

О выгодѣ употребленія башкирскихъ, калмыцкихъ и татарскихъ полковъ для защиты путей сообщенія и продовольствія.

Употребленіе башкирскихъ, калмыцкихъ и татарскихъ полковъ въ наступательныхъ партіяхъ, на аванпостахъ, въ главныхъ и корпусныхъ квартирахъ и на посылкахъ, разрушая единство въ ихъ службѣ, приводитъ войско, могущее быть полезнымъ при совокупномъ направленіи его къ одной цѣли, въ состояніе ничтожества.

Принимая въ уваженіе меньшую ловкость означенныхъ полковъ въ сравненіи съ Донскими, Черноморскими и Уральскими полками, нужно, при составленіи каждой оборонительной партіи, стараться замѣнить качества количествомъ. Сверхъ того надо употребить въ ихъ составъ такого рода силу, которая бы, не взирая на пораженіе иррегулярныхъ войскъ, всегда служила средоточіемъ для всѣхъ частей отряда. Для этого я предлагаю образовать лишь двѣ партіи изъ равнаго числа калмыцкихъ, башкирскихъ и татарскихъ полковъ и одного регулярнаго легкоконнаго полка съ 4-мя орудіями конной артиллеріи. Къ каждой изъ нихъ прикомандировываю одного офицера квартирмейстерской части, нѣсколькихъ конныхъ барабанщиковъ и одного медицинскаго чиновника. Въ слѣдствіе присоединенія къ этимъ партіямъ двухъ регулярныхъ полковъ, ни одна изъ нихъ не имѣетъ особыхъ офицеровъ регулярной кавалеріи для чрезвычайныхъ порученій; почему ей возбраняется имѣть таковыхъ офицеровъ въ своемъ составѣ.

Обязанности начальника оборонительной партіи, или внѣшняя защита пути продовольствія.

Обязанности начальника оборонительной партіи состоятъ: 1) въ открытіи непріятельской партіи до приближенія ея къ чертѣ фланга нашей арміи; въ подробнѣйшемъ и вѣрнѣйшемъ распознаніи силы этой партіи, и въ прегражденіи движенія ея къ нашему пути продовольствія либо боемъ, либо истребленіемъ переправъ, засѣками и проч.; во всякомъ случаѣ онъ обязанъ не спускать съ глазъ отряда, который покушается прорваться между арміей нашей и магазинами. 2) Вступивъ въ командованіе партіей, каждый ея начальникъ отряжаетъ по одному полному полку на путь продовольствія. О размѣщеніи и обязанностяхъ этихъ полковъ мы будемъ говорить въ статьѣ *объ этапахъ*. 3) Какъ скоро непріятельская партія покажется на дистанціи оборонительной партіи, начальникъ ея даетъ немедленно знать

въ ближайшій магазинъ, или *этапъ*, какъ о появленіи, такъ и о силѣ и направленіи непріятельской партіи. О послѣднемъ онъ обязанъ извѣщать не только каждый день, но при малѣйшемъ измѣненіи обстоятельствъ. Эти записки пишутся просто по слѣдующей формѣ: «непріятельскій отрядъ (или транспортъ съ такимъ-то прикрытіемъ, или безъ прикрытія), такой-то силы, ночуетъ тамъ-то, или слѣдуетъ чрезъ такое-то селеніе къ своей арміи, или изъ оной, такого-то числа, такого-то часа.» Я говорю посланные, а не посланный, ибо немедленно послѣ перваго, или вмѣстѣ съ нимъ, отправляется второй съ *дубликатомъ*. 4) Каждый начальникъ оборонительной партіи долженъ держаться за чертой *гипотенузы* и защищать ее, сколько возможно; но ни подъ какимъ предлогомъ и ни въ какомъ случаѣ онъ не долженъ при отступленіи своемъ переходить за черту пути продовольствія на сторону своего товарища; иначе, онъ совершенно отклонится отъ истиннаго своего предмета, который состоитъ въ охраненіи подвозовъ во время ихъ кругообращенія. 5) Когда непріятельская армія начнетъ отступать, тогда свободныя оборонительныя партіи, дѣйствуя въ согласіи съ наступательными, предшествующими непріятельской арміи, слѣдуютъ по обѣимъ ея сторонамъ; они не позволяютъ обозамъ, фуражирамъ и усталымъ удаляться днемъ отъ дороги, избранной арміею, а ночью тревожатъ войска, останавливающіяся для отдохновенія. Въ этомъ случаѣ ведется очередь полкамъ, долженствующимъ каждую ночь нападать на непріятельскіе биваки и непрестанно тревожить ихъ. 6) Онъ долженъ заботиться о спокойствіи жителей той области, въ которой дѣйствуетъ, не касаясь ихъ собственности. Сверхъ того онъ долженъ руководствоваться правилами, изложенными мною въ статьѣ о наступательныхъ партіяхъ, касательно познанія расторопнѣйшихъ офицеровъ и казаковъ тѣхъ полковъ, изъ коихъ составлена партія; уменьшенія и устройства *кашей* во время дѣла; снабженія партіи здоровыми лошадьми въ замѣнъ убитыхъ и неспособныхъ; возки нѣкотораго количества овса и хлѣба въ торокахъ для

чрезвычайнаго случая и овса на подводахъ для дневнаго расхода; обязанности офицера квартирмейстерской части и обязанности правителя канцеляріи; онъ долженъ также руководствоваться тѣми правилами относительно объявленія перваго приказа по партіи; предосторожности во время маршей и ночлеговъ; построенія въ бой во время ночныхъ тревогъ; назначенія сборнаго мѣста передъ дѣломъ и очереди полковъ въ бою; образованія сельской извѣщательной стражи; мѣръ и способа усиленныхъ переходовъ; соблюденія передъ дѣломъ и во время дѣла необходимыхъ уловокъ; раздѣла добычи; словомъ, всего, что нужно соблюдать въ наступательныхъ партіяхъ, за исключеніемъ: a) подводъ для больныхъ, кои отсылаются въ ближній *этапъ*, а оттуда въ ближній госпиталь; b) *пристани*, вмѣсто которой служить можетъ ближній *этапъ*, или ближній магазинъ.

Объ этапахъ.

Этапы учреждаются по линіи продовольствія на разстояніи около двадцати верстъ одна отъ другой, простираясь отъ запаснаго магазина до арміи. (Я включаю въ *этапы* и магазины, учрежденные на пути продовольствія.) Два полка, отдѣленные отъ оборонительныхъ партій, размѣщаются по *этапамъ* въ равномъ количествѣ, и составляютъ связь между *внѣшнею* и *внутреннею* обороной подвозовъ арміи, посредствомъ передачи отъ этапы до этапы извѣстія о непріятелѣ, получаемаго отъ начальниковъ оборонительныхъ партій.

Этапный начальникъ обязанъ провіантскому коммиссаріатскому транспорту и паркамъ выставлять по двадцати пяти казаковъ для ихъ сопровожденія; сверхъ сего онъ долженъ имѣть въ готовности еще десять казаковъ для развоза извѣстій, о коихъ я уже говорилъ.

Долгъ казаковъ, конвоирующихъ транспорты, ограничивается тщательнымъ и скрытнымъ патрулированіемъ около фланговъ и впереди транспорта, на разстояніи четырехъ или пяти верстъ отъ него. Они обязаны развѣдывать у жителей о не-

пріятелѣ, и не довольствуясь ихъ показаніями, удостовѣряться въ томъ собственными глазами, дабы часто въ слѣдствіе ложнаго извѣстія, сообщеннаго поселянами, не причинить безполезной остановки транспорта, который долженъ построиться въ оборонительный порядокъ, или, почитая непріятеля малочисленнымъ, и пренебрегая имъ, не подвернуть внезапной атакѣ весь транспортъ.

Казакамъ, назначеннымъ для развоза извѣстій, ведется очередь; но всѣ они должны имѣть коней осѣдланными и быть вполнѣ готовыми для посылки. Этапный начальникъ, получивъ извѣстіе отъ оборонительнаго партизана о появленіи и направленіи непріятельской партіи, немедленно посылаетъ это извѣстіе съ очередными казаками въ находящіяся на право и на лѣво отъ него ближнія *этапы;* отсюда первая направляетъ его къ сторонѣ запаснаго магазина, а другая къ сторонѣ арміи. Посланные ѣдутъ какъ можно *быстрѣе*, и получивъ росписки, возвращаются къ своимъ этапамъ Нужно наблюдать, чтобы извѣстія были возимы безъ пакетовъ, или съ открытою печатью, дабы встрѣчаемые транспорты могли быть письменно увѣдомляемы о непріятелѣ для немедленнаго принятія необходимыхъ при этихъ случаяхъ мѣръ.

О внутренней защитѣ пути продовольствія.

Внутренняя защита пути продовольствія состоитъ не только въ порядкѣ шествія и оборонительномъ построеніи транспорта, какъ и въ достаточномъ количествѣ линейныхъ войскъ, охраняющихъ транспортъ; ибо сколько бы слѣдованіе его ни совершалось хорошо, сколько оборонительное построеніе его ни было бы прочно, никогда двадцать пять казаковъ съ подводчиками не будутъ въ состояніи сами собой противостоять нападенію самой слабой партіи; мало принесутъ пользы и мечтательныя, донынѣ употребляемыя прикрытія изъ солдатъ, закладывающихъ подъ кули заржавленныя свои ружья, и бродящихъ въ видахъ грабежа по придорожнымъ

деревнямъ. Желательно, чтобы военное управленіе, заботящееся объ усовершенствованіи всего того, что касается внутренняго образованія арміи, обратило свое вниманіе и на эту столь важную отрасль военнаго устройства.

Для этого представляются три способа:

1.) Составъ прикрытія долженъ состоять изъ двухъ полныхъ дѣйствующихъ пѣхотныхъ полковъ (*).

2.) Изъ излишнихъ людей отъ круглаго счета пѣхотныхъ полковъ, армію составляющихъ.

3.) Изъ полковъ, исключительно для этого рода службы образованныхъ.

Какой бы ни былъ избранъ главнокомандующимъ способъ, во всякомъ случаѣ, каждый полкъ долженъ состоять изъ трехъ комплектныхъ баталіоновъ, независимо отъ того прикрытія, которое должно быть учреждено для артиллерійскихъ парковъ и коммиссаріатскихъ подвозовъ, особо отъ провіантскихъ; ибо, хотя подвозы вышеозначенныхъ частей состоятъ также въ разрядѣ необходимыхъ потребностей, и ихъ прикрытія должны сообразоваться съ правилами прикрытій подвозовъ продовольствія во всемъ, что касается до движенія и до обороны; при всемъ томъ они не могутъ соблюдать одинаковую очередь съ прикрытіями послѣднихъ, потому что кругообращеніе подвозовъ съ продовольствіемъ непрерывно, тогда какъ срокъ движенія парковъ и коммиссаріатскихъ предметовъ рѣже и менѣе опредѣлительны; слѣдовательно, всѣ разсужденія наши будутъ относиться къ прикрытіямъ, къ порядку слѣдованія и къ оборонительному построенію подвозовъ продовольствія, какъ къ части, болѣе повторяющейся и потому болѣе способной представить правила кругообращенія и защиты всѣмъ другимъ

(*) Если непріятельскія партіи слишкомъ сильны, въ такомъ случаѣ можно вмѣсто двухъ, трехъ баталіонныхъ полковъ, опредѣлить двѣ бригады, раздѣливъ каждую изъ нихъ на три равныя части. Мы увидимъ далѣе, почему войско, назначенное для прикрытія, должно дѣлиться на тройныя, а не на двойныя очереди.

подвозамъ арміи. И такъ обратимся къ двумъ полкамъ, назначеннымъ для прикрытія продовольствія, и опредѣлимъ первому изъ нихъ мѣстопребываніе его въ главномъ *запасномъ*, а второму въ главномъ *развозномъ* магазинѣ.

Очередь баталіоновъ соблюдается наравнѣ съ очередью транспортовъ, поднимающихъ каждый четырехъ-дневное количество провіанта, и прикрывающихъ свое выступленіе такъ, чтобы прибыть къ *развозному* магазину въ день отбытія изъ него тогожъ количества провіанта въ *расходный* магазинъ; а транспорты развознаго магазина въ день израсходованія четырехъ-дневнаго количества провіанта въ арміи. На примѣръ, выступивъ 1-го числа мѣсяца, транспортъ приходитъ 4-го въ *развозный* магазинъ; 5-го поутру порожнія телѣги возвращаются, и 6-го вечеромъ прибываютъ въ запасный магазинъ.

Второй транспортъ выступаетъ 5-го, приходитъ въ *развозный* магазинъ 8-го; порожнія телѣги возвращаются 9-го поутру, и 10-го вечеромъ прибываютъ въ *запасный* магазинъ.

Третій транспортъ выступаетъ 9-го, приходитъ въ развозный магазинъ 12-го; порожнія телѣги возвращаются 13-го поутру, и 14-го вечеромъ прибываютъ въ запасный магазинъ, и такъ далѣе.

По тому же правилу производится движеніе транспортовъ изъ *развознаго* въ *расходный* магазинъ, или въ армію. Изъ этого можно видѣть, что не взирая на безпрерывное кругообращеніе транспортовъ, каждый баталіонъ послѣ 160 верстъ похода (*) имѣетъ шесть дней для отдохновенія; сверхъ того, онъ, на возвратномъ пути, можетъ помѣщаться на порожнія подводы, и тѣмъ облегчаются для него трудные переходы.

Транспортъ нагружается и баталіонъ прикрытія изготовляется къ походу наканунѣ дня выступленія.

(*) По примѣру, представленному на страницѣ 95 и 96, слѣдовало бы сказать: первому баталіону послѣ 156 верстъ, а второму послѣ 178 верстъ перехода. Это замѣчаніе для аккуратныхъ людей.

По нагруженіи провіанта, очередный баталіонъ и тридцать конвойныхъ казаковъ выступаютъ вмѣстѣ съ транспортомъ на сборное мѣсто, избранное при магазинѣ. Баталіонный начальникъ раздѣляетъ транспортъ на-двое или на-трое, сообразуясь съ дорогою, по коей слѣдуетъ идти: если дорога широка и гладка, весь транспортъ идетъ въ два отдѣленія, на разстояніи трехъ или четырехъ верстъ одно отъ другаго; если же дорога пересѣкается переправами и стѣснена дефилеями, тогда транспортъ можетъ раздѣлиться даже и на три отдѣленія; при этомъ надо однако строго наблюдать, чтобы прибытіе всего транспорта какъ въ *развозный*, такъ и въ расходный магазины, было принаровляемо точно въ опредѣленное число, и не опаздывало бы даже сутками.

Какъ скоро транспортъ, баталіонъ и казаки раздѣлились на отдѣленія, то каждый изъ ихъ начальниковъ кладетъ мѣломъ нумера на подводы, поступившія въ его вѣдѣніе, и раздѣляетъ отдѣленіе и полубаталіонъ, его прикрывающій, на четыре части, для удобнѣйшаго построенія обоза въ оборонительный порядокъ.

Положимъ, на примѣръ, что транспортъ состоитъ изъ 768 подводъ, то есть содержитъ въ себѣ то число подводъ, которое, *по учрежденію большой дѣйствующей арміи*, заключается въ бригадѣ подвижнаго магазина.

Въ такомъ случаѣ отдѣленіе располагается въ порядокъ марша по чертежу 6 № 2, и проводитъ ночь на сборномъ мѣстѣ.

На разсвѣтѣ 1-е отдѣленіе, а спустя часъ и 2-е отдѣленіе поднимаются съ мѣста и слѣдуютъ въ двѣ веревки по обоимъ краямъ дороги, имѣя между веревокъ полубаталіонъ, разочтенный на четыре взвода и построенный въ густую колонну.

Построеніе въ оборонительный порядокъ раздѣляется на *внезапное* и *предвидимое*.

Первое приводится въ дѣйствіе тогда, когда непріятель, разбивъ наши оборонительныя партіи, или скрытнымъ маршемъ внезапно явится на этапный путь и встрѣтитъ транспортъ во время похода.

Тутъ ничего не остается дѣлать, какъ, разочтя по глазомѣру, сколько установится телѣгъ отъ одного края дороги до другаго, загнуть съ переднихъ концовъ налѣво и направо столько подводъ, сколько по разсчету потребно; сомкнувъ отверстіе, поворотить сіи подводы оглоблями назадъ: что̀ составитъ передній фасъ. Въ одно время оба боковые фаса, слѣдующіе по обоимъ краямъ дороги, поспѣшно примыкаютъ къ переднему фасу, такъ, чтобы каждая телѣга праваго фаса зацѣпляла правымъ переднимъ колесомъ за лѣвое заднее предъидущей телѣги; задній же фасъ этого продолговатаго каре составляется изъ такого же числа подводъ, какъ и передній, съ тою разницею, что строится оглоблями не назадъ, а впередъ. Отъ невозможности совершенно сомкнуть углы означеннаго каре, скажемъ одинъ разъ навсегда, что во всѣхъ повозочныхъ каре, у каждаго ихъ угла становятъ, внѣ каре, двѣ распряженныя телѣги поперегъ отверстія, и тѣмъ заграждаютъ входъ **въ** него; дабы повозочныя лошади не могли двигаться отъ стрѣльбы, и чрезъ то разстроивать порядокъ построенія, для этого заранѣе снабжаютъ подводчиковъ треножниками, подобно тѣмъ, кои употребляются казаками, Черкесами и всѣми Азіятцами, для спутыванія лошадиныхъ ногъ въ табунахъ и коновязахъ. По построеніи каре, подводчики треножатъ лошадей и ложатся передъ ними, дабы прикрыть себя отъ непріятельскихъ выстрѣловъ.

Предвидимое оборонительное построеніе употребляется тогда только, когда транспортъ, или его отдѣленіе заблаговременно извѣщено о приближеніи непріятеля. Въ такомъ случаѣ весь обозъ обыкновенно сходитъ съ дороги и избираетъ просторнѣйшее мѣсто для построенія въ правильный четыреугольникъ, стараясь однимъ, а если можно и двумя фасами примкнуть къ какой-либо естественной преградѣ, какъ на примѣръ, къ рѣкѣ, къ болоту, къ лѣсу и проч., дабы солдатами той части, или тѣхъ частей каре, закрытыми этимъ препятствіемъ отъ непріятельскаго нападенія, усилить боевые фасы и пункты, угрожаемые болѣе другихъ. Оно отличается отъ внезапнаго

построенія правильностью четыреугольника и обращеніемъ всѣхъ телѣгъ оглоблями внутрь каре. Это послѣднее не есть однако необходимость для того фаса, который будетъ примыкать къ какой либо естественной преградѣ; ибо само собою разумѣется, что поворотъ оглоблей внутрь каре не для чего другаго употребляется, какъ для спасенія лошадей отъ непріятельскихъ и собственныхъ выстрѣловъ. Въ обоихъ построеніяхъ конвойные казаки въѣзжаютъ во внутрь каре, а пѣхотное прикрытіе разсыпаетъ стрѣлковъ вдоль фасовъ каре, также внутри его. Отъ расторопности начальника зависитъ, гдѣ усилить и гдѣ уменьшить число стрѣлковъ, и на который пунктъ каре ударить съ резервомъ, расположеннымъ всегда въ срединѣ его.

Во всякомъ случаѣ, священнѣйшій долгъ начальника транспорта, или отдѣленія, состоитъ въ его оборонѣ до послѣдняго издыханія; лучше отбиваться два и три дня, отсрочить на два и три дня доставленіе продовольствія, нежели вовсе лишить его армію. Къ тому же невозможно, чтобы оборонительная партія, у которой ускользнулъ непріятельскій отрядъ, оставалась въ невѣдѣніи объ его направленіи болѣе сутокъ; она должна прибыть по крайней мѣрѣ на другой день въ тылъ непріятеля и склонить побѣду на нашу сторону. Но если бы этого и не случилось, то пусть каждый транспортный начальникъ приведетъ на память себѣ подвигъ атамана, графа Матвея Ивановича Платова, въ 1774 году, при вершинѣ рѣки Калалахъ, и успѣхъ увѣнчаетъ его оружіе (*); фортуна, не всегда слѣпая, возведетъ, можетъ быть, твердаго воина на ту же степень славы, на которую возвысился сей маститый герой Дона.

(*) Дѣло графа Платова съ крымскимъ ханомъ Девлетъ-Гиреемъ происходило 1774 года апрѣля 3-го, при вершинѣ рѣки Калалахъ. Ханъ напалъ на него со всею своею ордою. Съ полковымъ начальникомъ Матвеемъ Ивановичемъ Платовымъ былъ одинъ только его полкъ, изъ коего выстроилъ онъ каре, окинувъ его, къ сторонѣ непріятеля, хлѣбными кулями; тылъ былъ прикрытъ болотомъ, а два боковые фаса телѣгами. Въ продолженіи дѣла, эти послѣдніе фасы завалились тѣлами убитыхъ людей и лошадей. Ханъ цѣлый день ломился въ средину этой ограды и ночью отступилъ безъ успѣха.

Излишне было бы говорить о защитѣ транспорта, слѣдующаго, по причинѣ тѣсноты дороги, въ одну веревку. Въ этомъ случаѣ командиру его ничего не остается дѣлать, какъ идти съ частію войскъ на встрѣчу непріятеля и стараться задержать его на одномъ мѣстѣ, пока весь транспортъ не построится въ оборонительный порядокъ, и пока оставленныя позади войска не войдутъ въ его средину; еще выгоднѣе не строить транспорта въ одно каре, а строить его въ небольшіе круги вдоль дороги, по коей онъ слѣдуетъ. Я не распространюсь описаніемъ, какъ удобнѣе перестроивать транспортъ изъ походнаго порядка въ оборонительный, а этотъ послѣдній вновь обращать въ походный: эти подробности принадлежатъ особому установленію; мнѣ же остается довольствоваться указаніемъ главныхъ пунктовъ защиты пути продовольствія и заключить эту статью критическимъ разсужденіемъ объ истребленіи осаднаго транспорта прусской арміи въ 1758 году. Это событіе яснѣе представитъ и направленія, и удары, коимъ надлежитъ подражать. Сверхъ того, мы увидимъ въ немъ, сколько одинъ успѣшный поискъ можетъ имѣть вліянія не только на осады крѣпостей, но и на всю кампанію. (Черт. 7).

Критическое разсужденіе объ истребленіи осаднаго транспорта прусской арміи въ 1758 году.

Послѣ лейтенскаго сраженія, австрійская армія отступила въ Богемію. Намѣреваясь преградить вторженіе Фридриха въ эту область, она расположилась при Скалицѣ, занявъ своими отрядами Траутенау, Левинъ и Гуличъ; но Фридрихъ имѣлъ другіе виды: онъ избралъ кратчайшій путь къ Вѣнѣ, вступивъ чрезъ Троппау въ Моравію и обложивъ Ольмюцъ. Главныя его силы, состоявшія изъ 21 баталіона и 63-хъ эскадроновъ, подошли къ Просницу. Принцъ Маврикій съ 15 баталіонами и 15 эскадронами расположился при Литтау; маркграфъ Карлъ съ 7 баталіонами и 19 эскадронами вступилъ въ Нейштадтъ, а Вернеръ съ 10-ю эскадронами занялъ Гибау.

Получивъ извѣстіе о семъ движеніи, Даунъ оставилъ Скалицъ и подошелъ къ Лейтомихелю, придвинувъ отряды Ланіуса къ Фридланду и Лобницу, Януса къ Муглицу, Горша къ Никельсу и Лаудона къ Коницу. Сей послѣдній посылалъ разъѣзды свои до отряда генерала Девилля, давно уже занимавшаго Предлицъ.

Около половины мая, король получилъ первый осадный транспортъ и тѣснѣе обложилъ крѣпость со стороны праваго берега Моравы, то есть со стороны Вѣны, оставивъ принца Маврикія, маркграфа Карла и Вернера на мѣстахъ, ими занимаемыхъ. Это принудило Дауна подвинуться къ Ольмюцу и расположиться лагеремъ при Гевичѣ.

Но, не разбирая этого далѣе, разсмотримъ расположеніе обѣихъ воюющихъ армій; мы увидимъ, что всѣ подвозы прусской арміи шли Троппаускою дорогою, чрезъ Горке къ Проснецу, то есть по линіи, падающей на правый флангъ означенной арміи (*); сія же линія была и единственнымъ путемъ ея сообщенія, тогда какъ путь сообщенія и путь продовольствія Австрійцевъ, слѣдующіе на Бризау и далѣе въ Богемію, падали отвѣсно на центръ ихъ боевой линіи при Гевичѣ.

Фридрихъ, какъ великій полководецъ, сознавалъ опасное направленіе единственнаго пути, по коему надлежало ему получить съѣстныя и боевыя потребности, равно и затрудненіе, въ которомъ онъ могъ быть поставленъ, въ случаѣ отступленія: это доказываютъ оставленные имъ 44 эскадрона и 22 баталіона на лѣвомъ берегу Моравы. Не взирая на то, Ланіусъ обошелъ, подошвою горъ, эти отряды, и простиралъ набѣги свои отъ Фридланда и Лобница къ Гофу; Янусъ былъ усиленъ Гаршемъ въ Муглицѣ, и непріятельская армія прикрывала счастливымъ своимъ положеніемъ путь, по которому слѣдовали къ ней подвозы, доставляемые ей изъ Богеміи. Она

(*) Повторяю, что армію должно полагать лицомъ къ непріятельской арміи, а не къ отдаленному предмету ея дѣйствія.

могла принудить Фридриха раскаяться во вторженіи своемъ въ Моравію мимо арміи противника, расположенной на отвѣсномъ пути въ отношеніи его пути дѣйствія, и находящейся въ нѣдрахъ ея кореннаго основанія.

Но Фридрихъ зналъ своего противника и, полагаясь на сильную кавалерію, прикрывавшую Троппаускую дорогу, спокойно ожидалъ со стороны Силезіи новый огромный транспортъ со снарядами и провіантомъ, безъ котораго онъ не могъ продолжать осады Ольмюца; по прибытіи этого транспорта, должна была рѣшиться судьба крѣпости.

Однако Даунъ, извѣстясь о движеніи сего транспорта изъ Козеля, рѣшился истребить его во время его слѣдованія. Для этого представились три способа:

Первый состоялъ въ томъ, чтобы направить большую часть кавалеріи чрезъ Муглицъ къ Гофу или Стернбергу; но эти войска встрѣтили бы отряды принца Маврикія, маркграфа Карла, Вернера, и могли не достичь своей цѣли.

Второй состоялъ въ присоединеніи къ этому частному движенію общаго наступленія на Коницъ и Драгоновичъ, или къ Намьесту, дабы, угрожая королю генеральнымъ сраженіемъ, принудить его притянуть къ себѣ отряды принца Маврикія, маркграфа Карла и Вернера. Сей способъ представлялъ Дауну тѣ выгоды, что, прикрывая свой собственный путь сообщенія, онъ пресѣкалъ путь сообщенія непріятеля, и вмѣстѣ съ нимъ сохранялъ связь съ своею кавалеріею, отдѣленною для сего предмета къ Гофу.

Третій способъ состоялъ въ томъ, чтобы пожертвовать превосходнымъ стратегическимъ положеніемъ Австрійцевъ, относительно Прусаковъ, то есть въ перемѣщеніи главныхъ австрійскихъ силъ къ сторонѣ Предлица, тыломъ къ Вишау. Это доказывало бы съ его стороны намѣреніе дать генеральное сраженіе на Вѣнской дорогѣ, но въ сущности это движеніе должно было притянуть къ правому берегу Моравы всѣ прусскія войска, оставленныя на лѣвомъ ея берегу, и облег-

чить чрезъ то набѣги партій отъ Муглица и Прерау на Троппаускую дорогу.

Хотя второй способъ соединялъ всѣ выгоды перваго и третьяго способовъ, но Даунъ избралъ послѣдній. Подошедъ къ Предлицу, онъ переправилъ чрезъ Мораву отрядъ Сент-Иньйона, состоявшій изъ пяти полковъ кавалеріи.

Едва Фридрихъ узналъ объ этомъ движеніи, какъ, полагая генеральное сраженіе неизбѣжнымъ, онъ рѣшился сосредоточить свои силы. Въ слѣдствіе этого, маркграфъ Карлъ, оставивъ Нейштадтъ, занялъ Бистрованъ. Отрядъ принца Мавриκія раздѣлился: 10 баталіоновъ поступили въ главную армію, а 5 баталіоновъ и 15 эскадроновъ перешли къ Коницу, противъ Лаудона; слѣдовательно, изъ 44 эскадроновь и 22 баталіоновъ, прикрывавшихъ Троппаускую дорогу, осталось только 10 эскадроновъ Вернера въ Гибау. Австрійскій полковникъ Ланіусъ, занявъ немедленно Стернбергъ, пресѣкъ тѣмъ главное сообщеніе прусской арміи съ Силезіею.

Между тѣмъ полковникъ Мозель съ транспортомъ, состоявшимъ изъ 4000 подводъ, подъ прикрытіемъ 12 баталіоновъ и 1,100 человѣкъ конницы, выступилъ изъ Троппау. Найдя Стернбергъ занятымъ отрядомъ Ланіуса, транспортъ былъ принужденъ избрать узкій проселочный путь на Кельнсдорфъ, Никлоновичъ, Мельчъ и Альтъ-Зегсдорфъ; это вынудило подводы слѣдовать въ одну веревку, и транспортъ очень растянулся.

Извѣстясь о выступленіи Мозеля изъ Троппау, Даунъ отрядилъ къ нему на встрѣчу Лаудона, приказавъ ему слѣдующее: сдѣлать большой обходъ выше Муглица и, достигнувъ горами Гофа, соединиться съ отрядомъ Ланіуса и истребить весь транспортъ. Это показалось ему еще недостаточнымъ; онъ приказалъ генералу Зисковичу, перейдя чрезъ Мораву, соединиться съ корпусомъ Сент-Иньйона въ Прерау; слѣдуя лѣсами на Альтъ-Либе, и занявъ въ окрестностяхъ этого селенія скрытыя мѣста, онъ долженъ былъ содѣйствовать Лаудону.

Однако, не взирая на трудность пути, Мозель продолжалъ слѣдовать къ Баучу, гдѣ былъ принужденъ съ двумя третями транспорта ожидать цѣлыя сутки послѣднюю его треть, растянутую до самаго Троппау.

Въ это время Лаудонъ, соединившись съ Ланіусомъ въ Стернбергѣ, и открывъ отрядъ Вернера въ Гибау, поспѣшилъ къ Альтъ-Либе, дабы атаковать транспортъ, до прибытія къ нему подкрѣпленія.

28-го мая войска его увѣнчали высоты, господствующія надъ тѣснинами Бачау и Альтъ-Либе; Кроаты и Венгры заняли лѣсъ, разсѣкаемый дорогою, по коей надлежало слѣдовать транспорту, а кавалерія построилась на равнинѣ для атаки справа и слѣва.

Мозель, продолжая свой путь, встрѣтилъ отрядъ Лаудона въ семъ устройствѣ и немедленно приступилъ къ атакѣ: 4 баталіона очистили дефиле, защищаемое Кроатами и Венграми. Развернувъ фронтъ у подошвы горъ, подъ жестокимъ пушечнымъ огнемъ, они, атаковавъ батарею, взяли одно орудіе и 200 человѣкъ плѣнными; полки Крейца и принца Фердинанда, не уступая въ храбрости своимъ товарищамъ, сбили непріятеля съ послѣднихъ высотъ, имъ занимаемыхъ, и принудили его отойти къ Бехрну, съ потерею 500 человѣкъ и одного орудія. Этотъ успѣхъ позволилъ Мозелю снова продолжать путь и достичь въ тотъ же день до Нейдорфеля, только не со всѣмъ транспортомъ, а съ головою онаго.

Въ этотъ самый день Цитенъ, выступивъ утромъ изъ окрестностей Ольмюца на встрѣчу къ Мозелю, соединился вечеромъ съ нимъ въ Нейдорфелѣ. Отрядъ его состоялъ изъ 10 эскадроновъ, 2 баталіоновъ гренадеръ и 10 эскадроновъ Вернера, находившихся прежде въ Гибау.

Такъ какъ половина транспорта тянулась еще по дорогѣ, то прусскіе начальники согласились провести 29-е число на мѣстѣ, дабы собрать отставшія подводы.

30-го поутру, весь обозъ и прикрытіе онаго двинулись къ Домштетелю, не имѣя ни малѣйшаго извѣстія о непріятелѣ;

но едва 120 подводъ (*) стали вытягиваться изъ дефиле, какъ Австрійцы показались на высотахъ съ лѣвой стороны и открыли по выходу изъ дефиле сильный пушечный огонь. Цитенъ приказалъ выстраивать въ каре подводы, по мѣрѣ ихъ выхода изъ дефиле, и атаковалъ непріятеля съ двумя баталіонами гренадеръ.

Сначала все шло удачно: нѣсколько австрійскихъ баталіоновъ было опрокинуто и нѣсколько орудій было отбито; но саксонскіе драгуны, ударивъ изъ засады во флангъ гренадеръ, разстроили ихъ и втоптали въ самое каре повозокъ. Въ сію минуту и Зисковичъ атаковалъ средину транспорта. Прусскія войска сражались геройски; но, бывъ растянуты по всему протяженію обоза, не могли нигдѣ противоставить достаточной силы сосредоточеннымъ непріятельскимъ войскамъ, которыя, ворвавшись въ транспортъ въ разныхъ пунктахъ, разсѣяли его такъ, что едва 250 подводъ, 6 баталіоновъ и 10 эскадроновъ могли достичь королевской арміи; прочіе были частью истреблены, а частью отошли съ Цитеномъ въ Троппау. Слѣдствіемъ сего пораженія было снятіе осады и отступленіе короля въ Богемію.

Теперь приступилъ къ разбору дѣйствій.

Король вступилъ въ Моравію съ тѣмъ, чтобы овладѣть Ольмюцомъ и идти къ Вѣнѣ.

Не мое дѣло разсуждать о стратегическихъ движеніяхъ главныхъ армій; я скажу только то, что какъ взятіе крѣпости требовало осадныхъ снарядовъ и продовольствія, слѣдовательно, главный предметъ короля состоялъ въ сохраненіи того огромнаго транспорта, который слѣдовалъ изъ Козеля на Троппау къ арміи, расположенной при Ольмюцѣ, и безъ котораго успѣхъ былъ не только сомнителенъ, но и невозможенъ.

(*) Король въ книгѣ: *„Исторія моего времени,“* говоритъ: 400 подводъ.

Пока австрійская армія находилась въ Гевичѣ, первоначальныя мѣры Фридриха для охраненія пути, идущаго, такъ сказать, подъ глазами непріятельской арміи, достойны похвалъ: 44 эскадрона и 22 баталіона были оставлены для сего предмета на лѣвомъ берегу верхней Моравы; но размѣщеніе этихъ эскадроновъ и баталіоновъ не соотвѣтствовало его видамъ. Вмѣсто того, чтобы всѣми 44 эскадронами и 22 баталіонами занять два только пункта, то есть Берштадтъ и Эленбергъ, поставивъ наблюдательные отряды въ Нейштадтѣ и Гогенштадтѣ; простирая разъѣзды съ одной стороны до части осадныхъ войскъ, занимавшихъ Клостеръ-Градишъ, а съ другой до подошвы горъ Силезіи, они расположились частью по большой Троппауской дорогѣ (которая должна быть покрытою однѣми этапными командами) и частью въ Литтау и Нейштадтѣ, онъ, вмѣсто того, оставилъ пространство отъ послѣдняго города до подошвы Силезскихъ горъ открытымъ, или, можно сказать, въ рукахъ Ланіуса, занимавшаго Фридландъ и Лобницъ со времени вступленія короля въ Моравію и до выступленія его изъ этой области.

Когда Даунъ перешелъ въ Предлицъ, и правая сторона Троппауской дороги сдѣлалась нѣсколько безопаснѣе, тогда надлежало бы, изгнавъ Ланіуса за Мораву, занять сильными отрядами съ одной стороны Литтау, а съ другой Прерау, не позволяя ни какому австрійскому отряду появляться за рѣку (*); но ничего подобнаго не было сдѣлано: напротивъ Фридрихъ, узнавъ о движеніи австрійской арміи къ Предлицу, оставилъ Литтау и Нейштадтъ и немедленно перевелъ всю армію свою на правый берегъ Моравы, дозволивъ пяти полкамъ непріятельской кавалеріи вступить въ Прерау. Онъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на занятіе Ланіусомъ Стерн-

(*) Я не говорю о войскахъ, долженствующихъ занимать Клостеръ-Градишъ; ибо занятіе сего пункта принадлежитъ блокадному размѣщенію, а не партизанской части.

берга, лежащаго на главномъ пути сообщенія прусской арміи съ Троппау, и въ слѣдствіе занятія его Австрійцами, Мозель обратился на проселочный путь, по которому онъ могъ идти не иначе, какъ въ одну линію, и то съ великимъ затрудненіемъ; не бывъ угрожаемъ Ланіусомъ въ Стернбергѣ, онъ могъ бы слѣдовать въ двѣ линіи не только совокупнѣе и быстрѣе, но даже безопаснѣе. Впрочемъ, здѣсь нельзя не упрекнуть Мозеля въ излишней осторожности. Мнѣ кажется, что Троппауской путь, при самомъ занятіи его непріятелемъ, представлялъ болѣе удобства, нежели путь на Баучъ и Альтъ-Либе, ни кѣмъ не прегражденный; если на первомъ Мозель опасался встрѣчи съ непріятелемъ, то мудрено было избѣгнуть той же участи на послѣднемъ, тѣмъ болѣе, что онъ проходилъ въ весьма близкомъ разстояніи отъ непріятеля, прибывшаго лишь для истребленія транспорта. Но различіе состояло бы въ томъ, что, слѣдуя въ двѣ линіи, онъ вдвое укоротилъ бы протяженіе транспорта, пѣхота его закрывалась бы съ обѣихъ сторонъ подводами и охраняла бы эти подводы ружейными изъ-за нихъ выстрѣлами; транспортная колонна состояла бы изъ трехъ рядовъ, то есть изъ двухъ линій и изъ пѣхоты, и наконецъ, стоило бы только заворотить переднія подводы оглоблями назадъ, а задними замкнуть отверстіе веревокъ, чтобы построить колонну въ продолговатое каре и продолжить оборону два дня и болѣе; тогда какъ на новоизбранномъ пути нельзя было иначе идти, какъ въ одну веревку и, по причинѣ тѣсноты дороги, растянуть транспортъ почти за Троппау; разсѣявъ прикрытіе по всему этому протяженію, онъ нигдѣ не могъ быть достаточно силенъ для отраженія нападеній непріятеля.

Цитенъ, съ своей стороны, не менѣе достоинъ порицанія за недовольно тщательное открытіе окрестностей пути, по коему проходилъ транспортъ: это было причиною нечаяннаго нападенія непріятеля 30-го числа. Къ тому же, долгъ всякой оборонительной партіи состоитъ не въ защитѣ подводъ, между коими должно находиться особенное войско для обороны

оныхъ, а въ дѣйствіи во флангъ или тылъ непріятельскаго отряда, атакующаго сіи подводы.

Наконецъ, главныя двѣ погрѣшности короля (сверхъ пренебреженія имъ пунктомъ Литтау и Прерау) состоятъ: 1.) въ пренебреженіи къ дѣйствію 20 тысячнаго непріятельскаго корпуса на единственномъ сообщеніи его арміи съ Силезіею; ибо когда уже было поздно для отраженія Лаудона и Зисковича при переправѣ чрезъ Мораву, то надо было по крайней мѣрѣ не довольствоваться отдѣленіемъ 20 эскадроновъ Цитена и Вернера на такое важное предпріятіе, какъ защита транспорта, коего прибытіемъ или истребленіемъ рѣшался жребій всей кампаніи.

2.) Способъ, избранный королемъ для снабженія арміи вышеозначенными съѣстными и осадными потребностями, былъ совершенно противуположенъ тому, который признанъ удобнѣйшимъ всѣми военными людьми. Если бы, по мѣрѣ израсходованія снарядовъ и провіанта, армія была снабжена посредствомъ кругообращенія малыхъ подвозовъ въ опредѣленные сроки, никогда таковые подвозы не обратили бы на себя исключительнаго вниманія Дауна. Безъ сомнѣнія, партизаны его и тогда не приминули бы явиться на линію продовольствія, но весь успѣхъ ихъ состоялъ бы въ истребленіи или порчѣ какого нибудь четырехъ-дневнаго транспорта, но не болѣе; доставленіемъ пособій посредствомъ огромныхъ водвозовъ, король поставилъ себя въ необходимость сосредоточить свое вниманіе не на одинъ уже, а на два предмета, бывшіе въ столь тѣсномъ между собою согласіи, что, чрезъ потерю одного, онъ лишался другаго.

Что же касается до Дауна, онъ заслуживаетъ величайшихъ похвалъ за намѣреніе достигнуть чрезъ партизанскій ударъ той цѣли, до которой, вѣроятно, онъ бы не достигъ болѣе рѣшительнымъ и блистательнымъ средствомъ, не соотвѣтствовавшимъ его духу и характеру. И подлинно, чѣмъ перемѣнять отвѣсное положеніе на параллельное и посылать двѣ партіи—одну выше и мимо Муглица къ Стернбергу, а другую

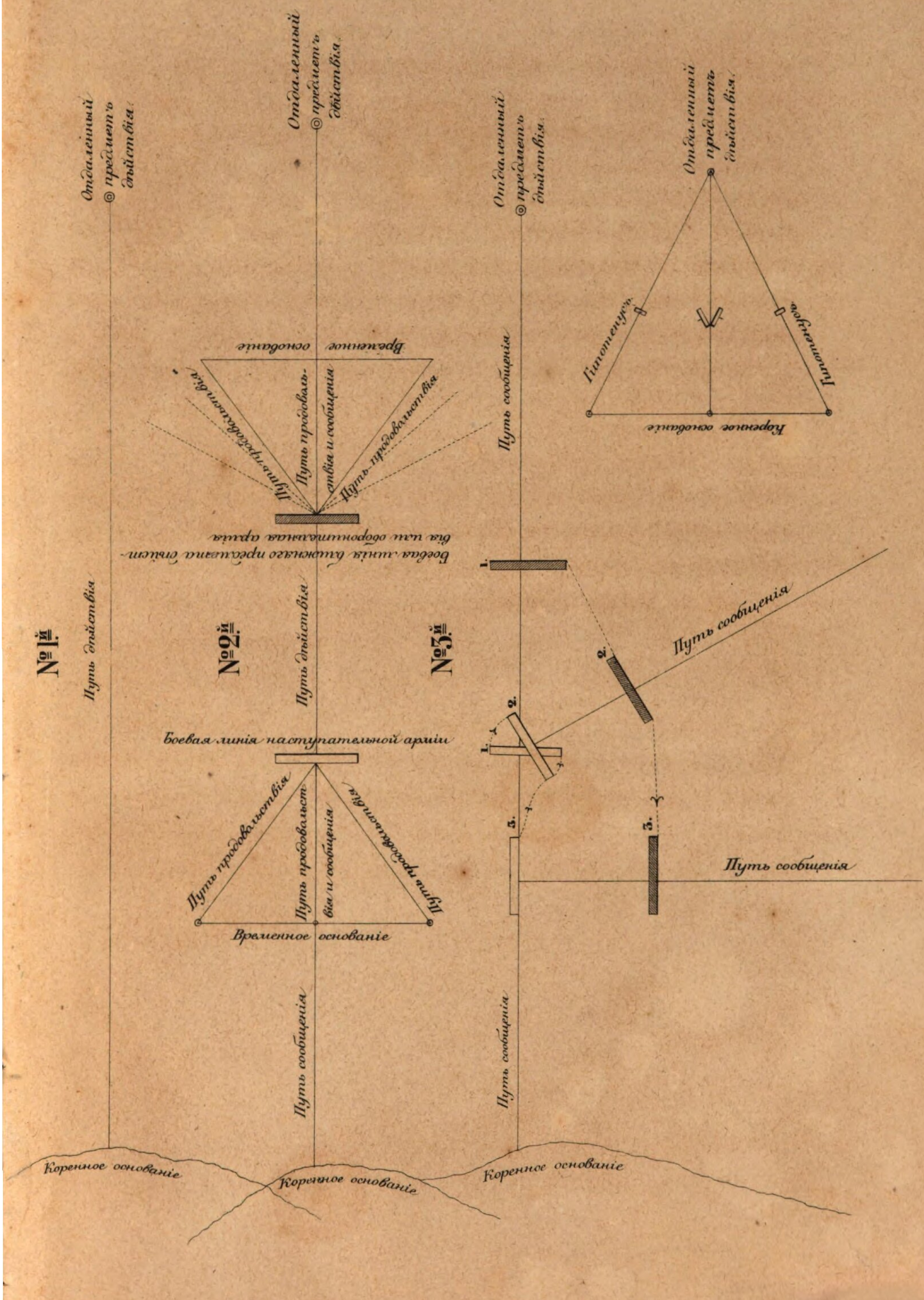
чрезъ Прерау и Альтъ-Либе, туда же, не выгоднѣе ли было, двинувшись къ Драгоновичу и къ Намьесту, и, пользуясь 25-ти верстнымъ разстояніемъ отъ Намьеста до Троппауской дороги, направить на нее большую часть своей кавалеріи? Хотя лѣвый берегъ Моравы и былъ занятъ прусскими оборонительными партіями, но никогда эти партіи не могли бы быть усилены войсками короля, удаленнаго къ Проснсцу, или Кейта, занятаго осадою. Прусаки не могли противодѣйствовать тому числу войскъ, которое австрійская армія была въ состояніи отдѣлить, по причинѣ близости своей съ мѣстомъ ихъ дѣйствія. Вотъ главная ошибка Дауна, не говоря уже о той, въ которую онъ былъ увлеченъ безпрерывнымъ стараніемъ избѣгать генеральныхъ сраженій! И дѣйствительно, какъ назвать ту премудрую неосмотрительность, которая, послѣ истребленія транспорта, обратила всю его армію къ переправѣ чрезъ Мораву и къ движенію чрезъ Прерау на Троппаускую дорогу? Этимъ движеніемъ онъ открылъ Богемію, съ ея огромными и многочисленными магазинами, и оставилъ неприкрытымъ путь къ Вѣнѣ.

Намъ неизвѣстны подробности распорядка Лаудона во время дѣйствія; но главныя черты сего подвига, скрытность и быстрота переходовъ, настойчивость въ возобновленіи нападенія и, что еще важнѣе, послѣ присоединенія къ транспорту 20-ти эскадроновъ Цитена, все это достойно величайшихъ похвалъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

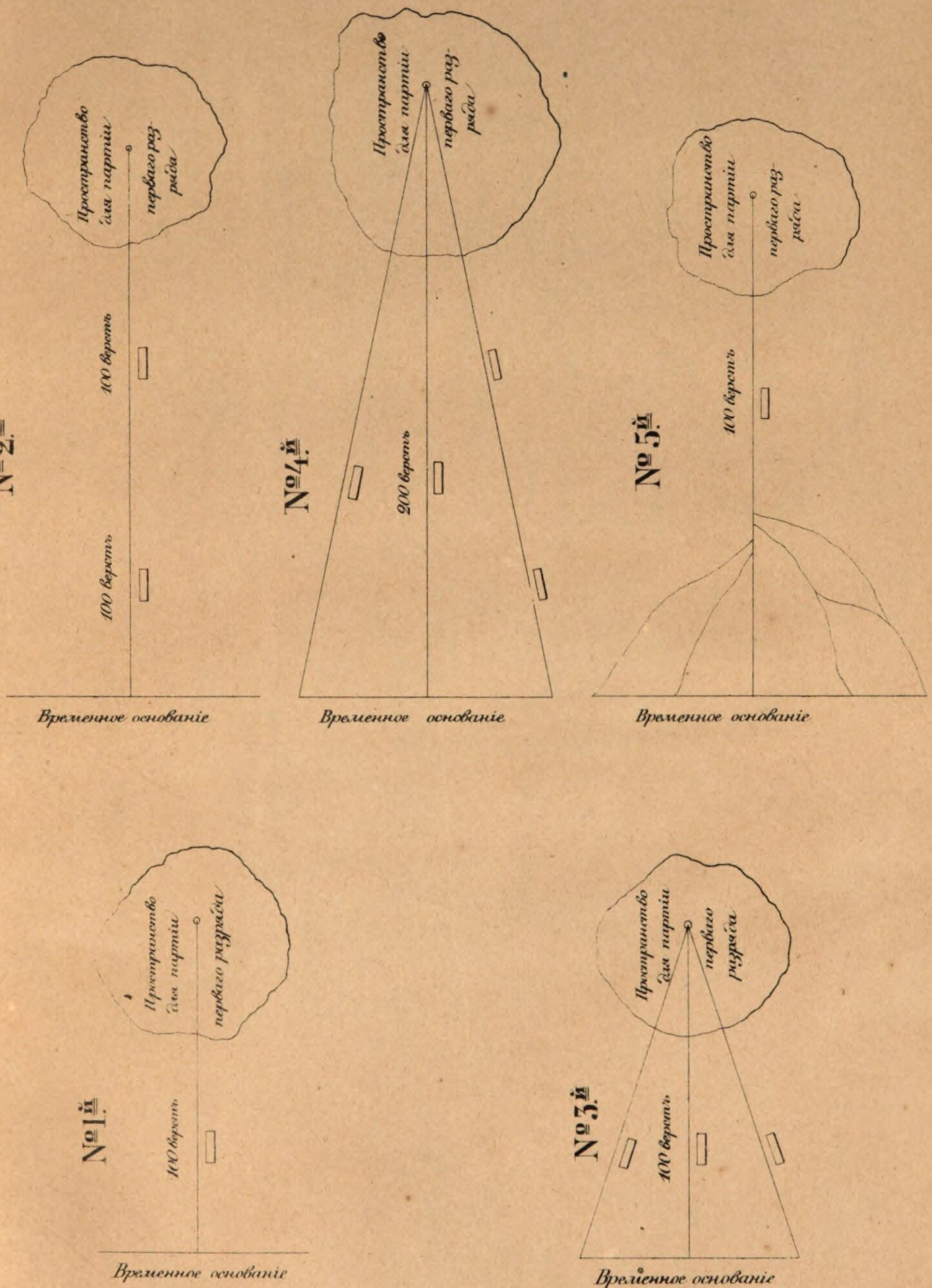
Если тягости нашей арміи не умножатся; если будутъ заботиться о порядкѣ и внутреннемъ управленіи линейныхъ войскъ; если усугубятъ строгость, чтобы иррегулярные полки представляли болѣе людей на лицо, нежели при *кашахъ* и дежурствахъ, что̀ почти удвоитъ число этого войска; если образуютъ изъ башкирскихъ, калмыцкихъ и татарскихъ полковъ оборонительныя партіи и устроятъ внутреннюю оборону пути продовольствія; если, оставя при арміи достаточное число донскихъ, черноморскихъ и уральскихъ полковъ для содержанія аванпостовъ, прочіе, раздѣливъ на партіи, употреблять на *сообщеніе* непріятеля, съ означеніемъ каждому партизану особой дистанціи по правиламъ вышеизложеннымъ: тогда смѣю сказать, что на сообщеніе наше никакія покушенія противныхъ партій не могутъ быть дѣйствительны; и мы, при многочисленной и подвижной нашей иррегулярной конницѣ, будемъ въ состояніи не только прикрывать тылъ и фронтъ своей собственной арміи, но наносить рѣшительнѣйшіе удары непріятелю, не прибѣгая къ генеральнымъ сраженіямъ.

Чертежъ 1й

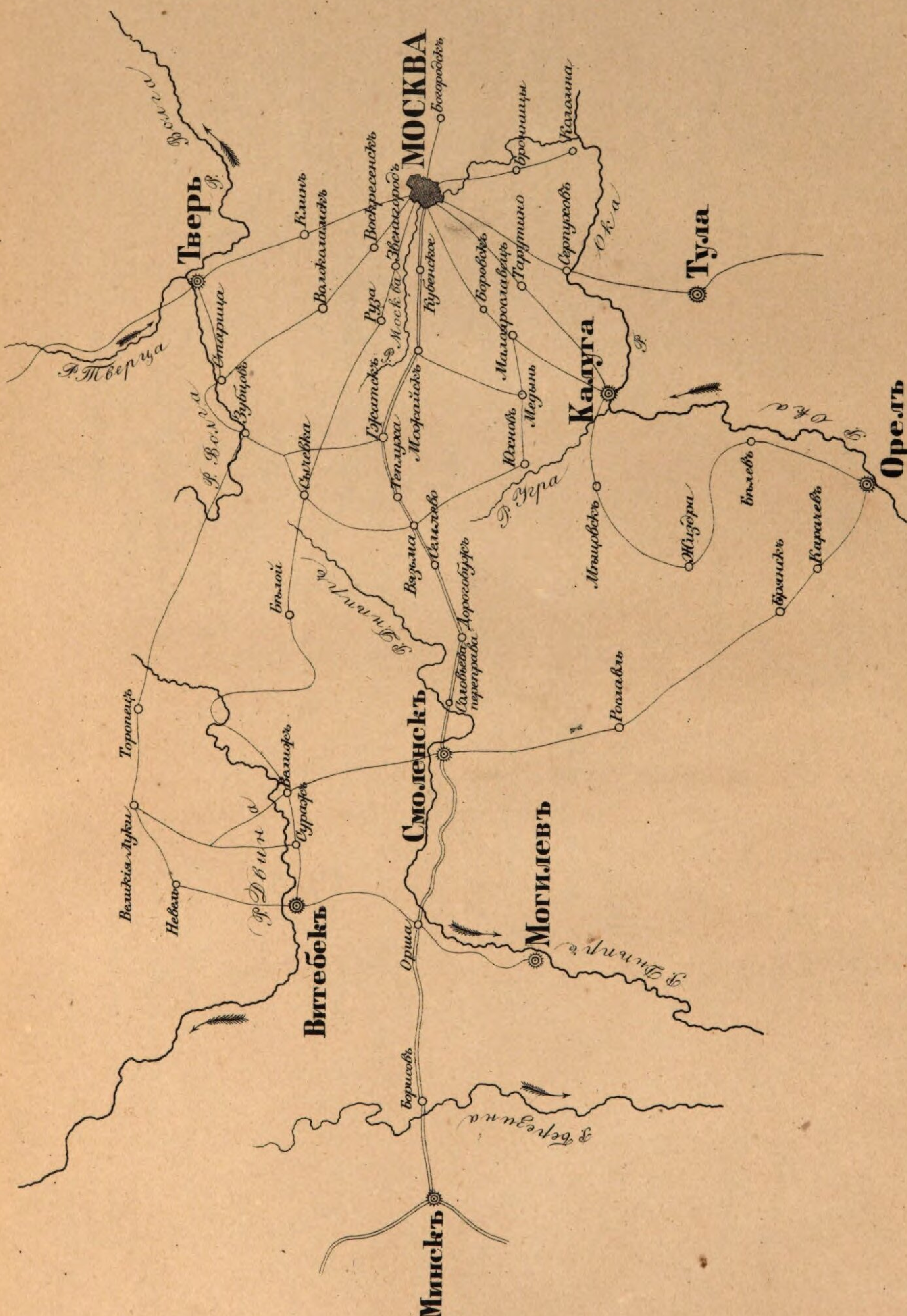

№ 1й.
Отдаленный предметъ дѣйствія.
Путь дѣйствія
Коренное основаніе
№ 2й.
Отдаленный предметъ дѣйствія.
Временное основаніе
Путь продовольствія
Путь продовольствія и сообщенія
Боевая линія ближняго предмета дѣйствія или оборонительная армія
Путь дѣйствія
Боевая линія наступательной арміи
Временное основаніе
Путь сообщенія
Коренное основаніе
№ 3й.
Отдаленный предметъ дѣйствія.
Путь сообщенія
Путь сообщенія
Путь сообщенія
Путь сообщенія
Коренное основаніе
Отдаленный предметъ дѣйствія.
Гипотенузъ
Гипотенузъ
Коренное основаніе

Чертежъ 2й

№ 2й
Пространство для партіи перваго разряда
100 верстъ
100 верстъ
Временное основаніе
№ 4й
Пространство для партіи перваго разряда
200 верстъ
Временное основаніе
№ 5й
Пространство для партіи перваго разряда
100 верстъ
Временное основаніе
№ 1й
Пространство для партіи перваго разряда
100 верстъ
Временное основаніе
№ 3й
Пространство для партіи перваго разряда
100 верстъ
Временное основаніе

Чертежъ 3й

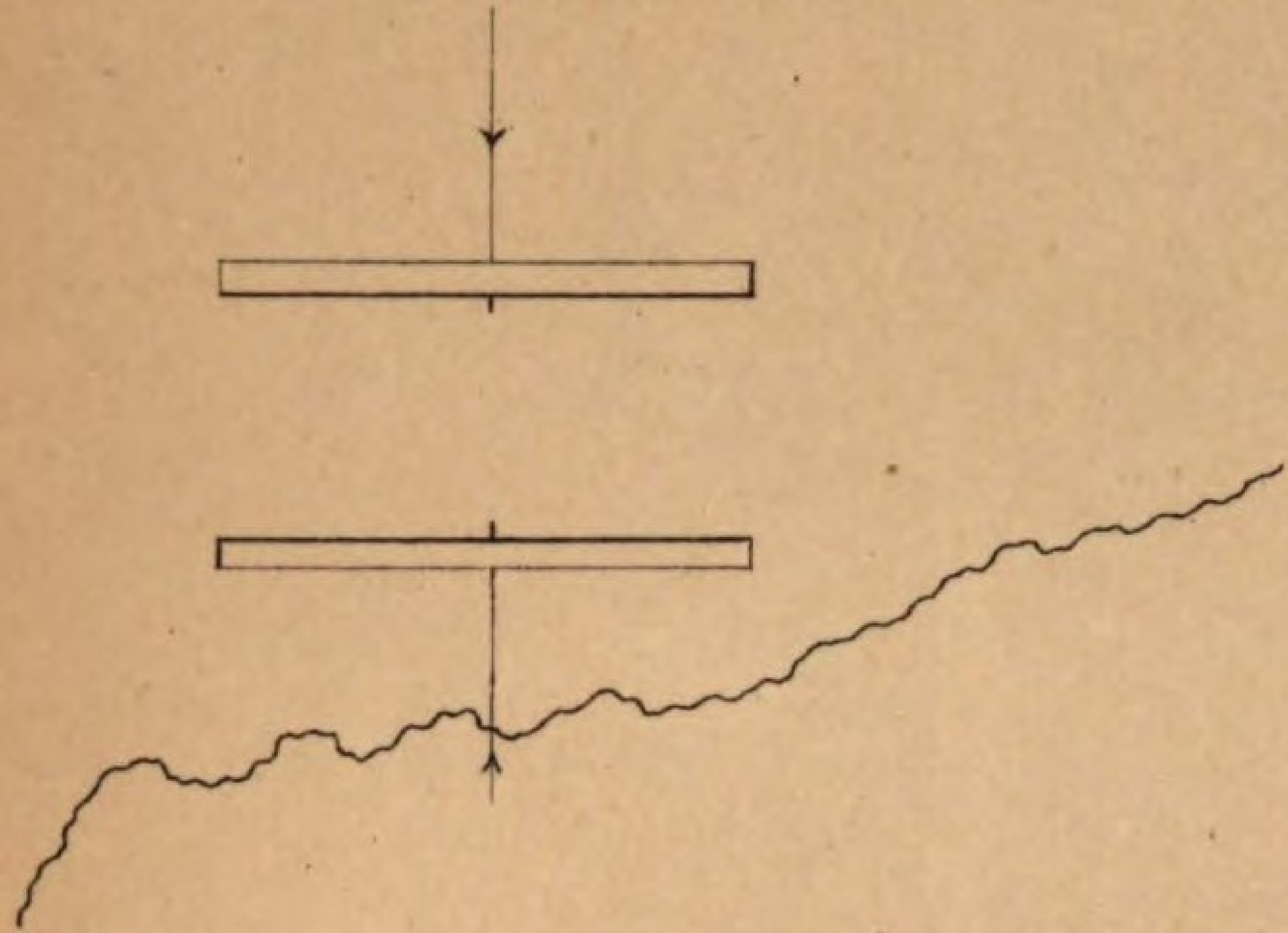

МОСКВА
Богородскъ
Коломна
Бронницы
Серпуховъ
Тарутино
Боровскъ
Малоярославецъ
Медынь
Юхновъ
Кубенское
Можайскъ
Звенигородъ
Воскресенскъ
Клинъ
Волоколамскъ
Руза
Р. Моск. ва
Тверь
Р. Волга
Р. Тверца
Старица
Зубцовъ
Р. Волга
Сычевка
Гжатскъ
Теплуха
Вязьма
Семлево
Дорогобужъ
Бѣлой
Р. Днѣпръ
Соловьева переправа
Смоленскъ
Рославль
Торопецъ
Великія Луки
Велижъ
Суражъ
Р. Двина
Невель
Витебскъ
Орша
Могилевъ
Р. Днѣпръ
Борисовъ
Р. Березина
Минскъ
Калуга
Р. Угра
Р. Ока
Тула
Мещовскъ
Жиздра
Бѣлевъ
Брянскъ
Карачевъ
Р. Ока
Орелъ

Чертежъ 4й

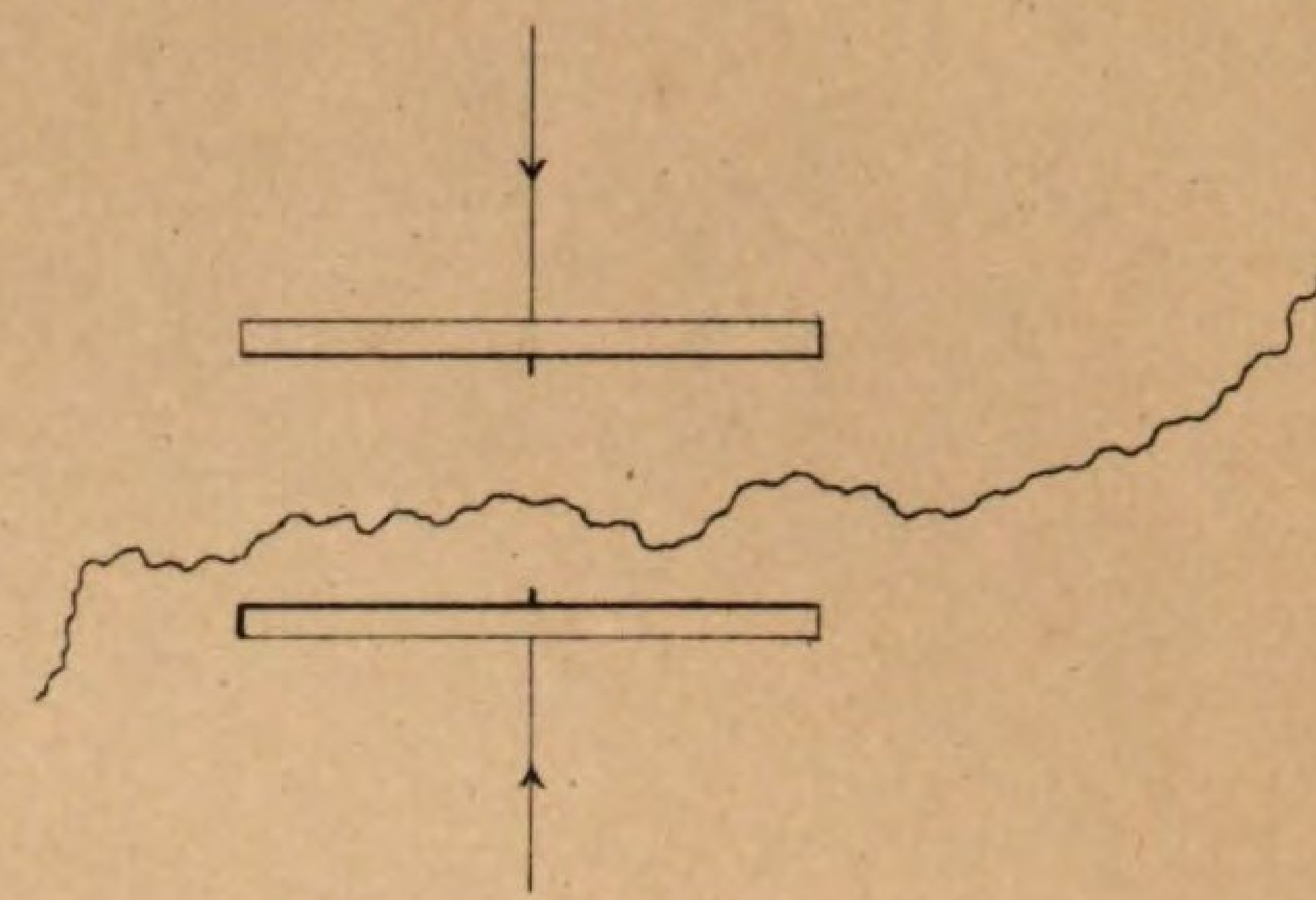

N.B.
Партія 2го разряда по первому предположенію.–
Партія 2го разряда по второму предположенію.–
Партія 3го разряда по первому предположенію.–
Партія 3го разряда по второму предположенію.–
Магдебургъ
Р. Эльба
Р. Сала
Гальберштадтъ
Торгау
Гроссенгайнъ
Бауценъ
ДРЕЗДЕНЪ
Румбургъ
Шандау
Пирна
Теплицъ
Прага
Лейпцигъ
Вурценъ
Мейсенъ
Носсенъ
Фрейбергъ
Хемницъ
Борна
Альтенбургъ
Гера
Плауенъ
Гофъ
Байрейтъ
Кобургъ
Бамбергъ
Вюрцбургъ
Франкфуртъ
Майнцъ
Рейнъ
Фульда
Герсфельдъ
Кассель
Гота
Эрфуртъ
Нордгаузенъ
Мерзебургъ
Кезенъ
Дудерштадтъ

Чертежъ 5й

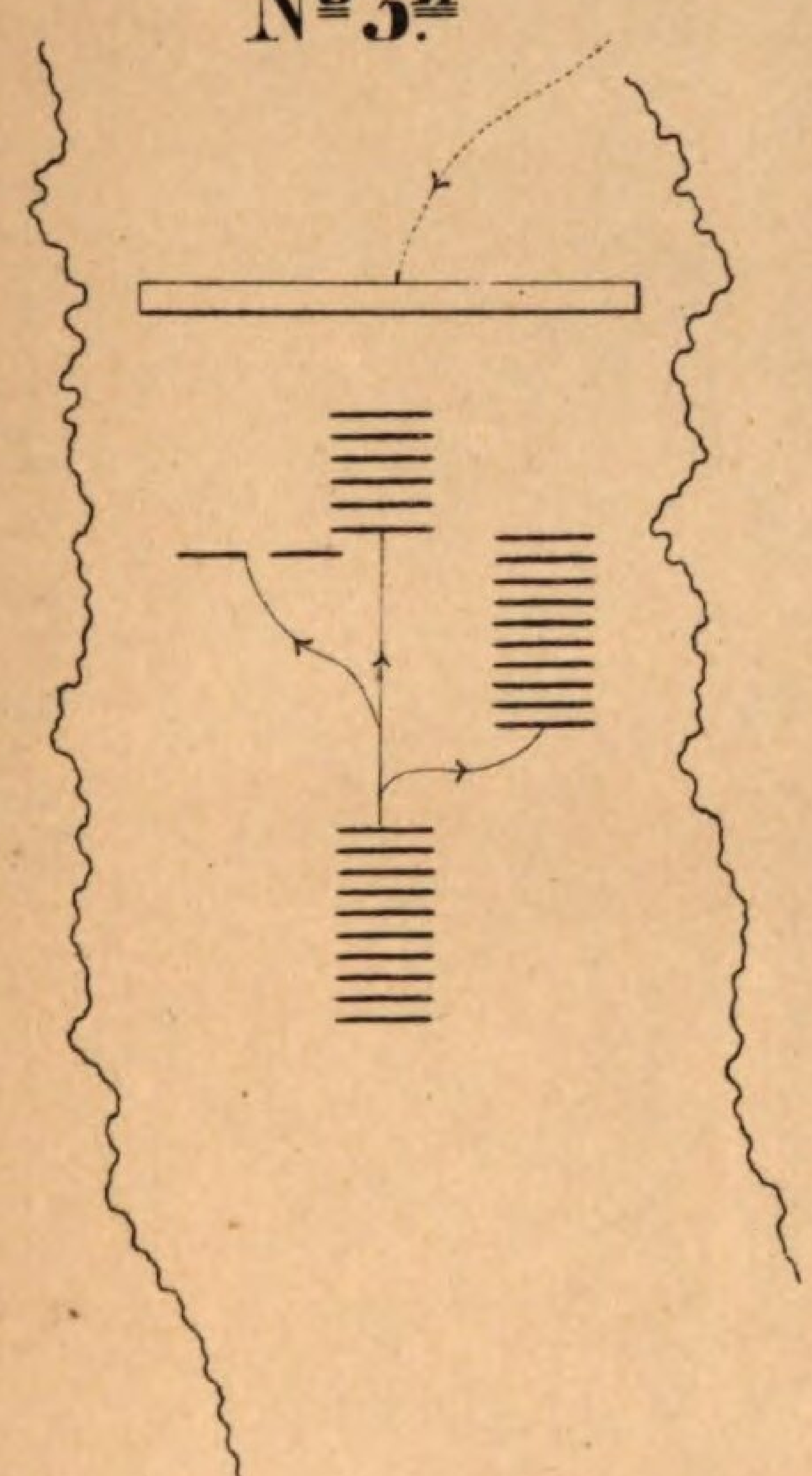
№ 1й

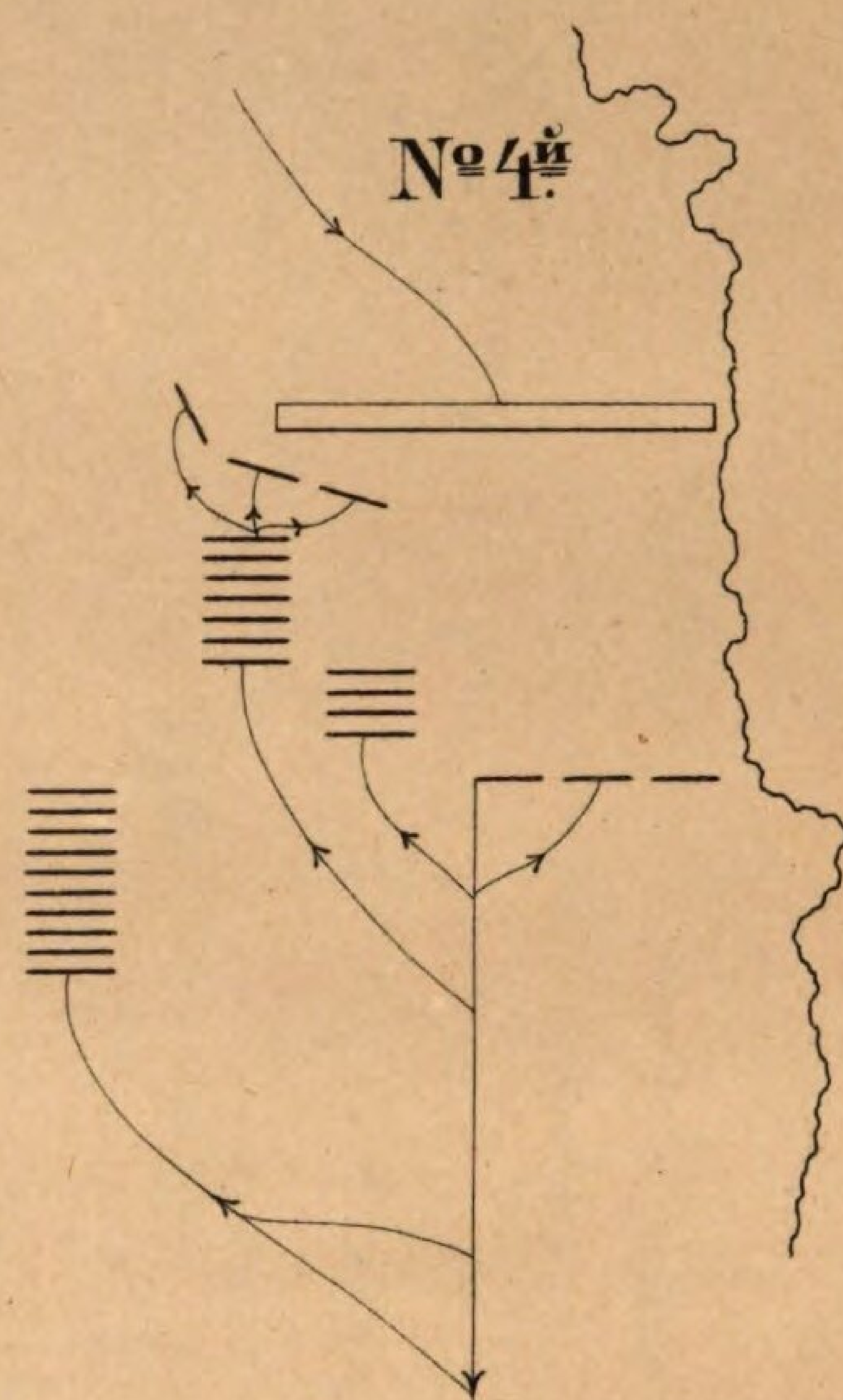
№ 2й

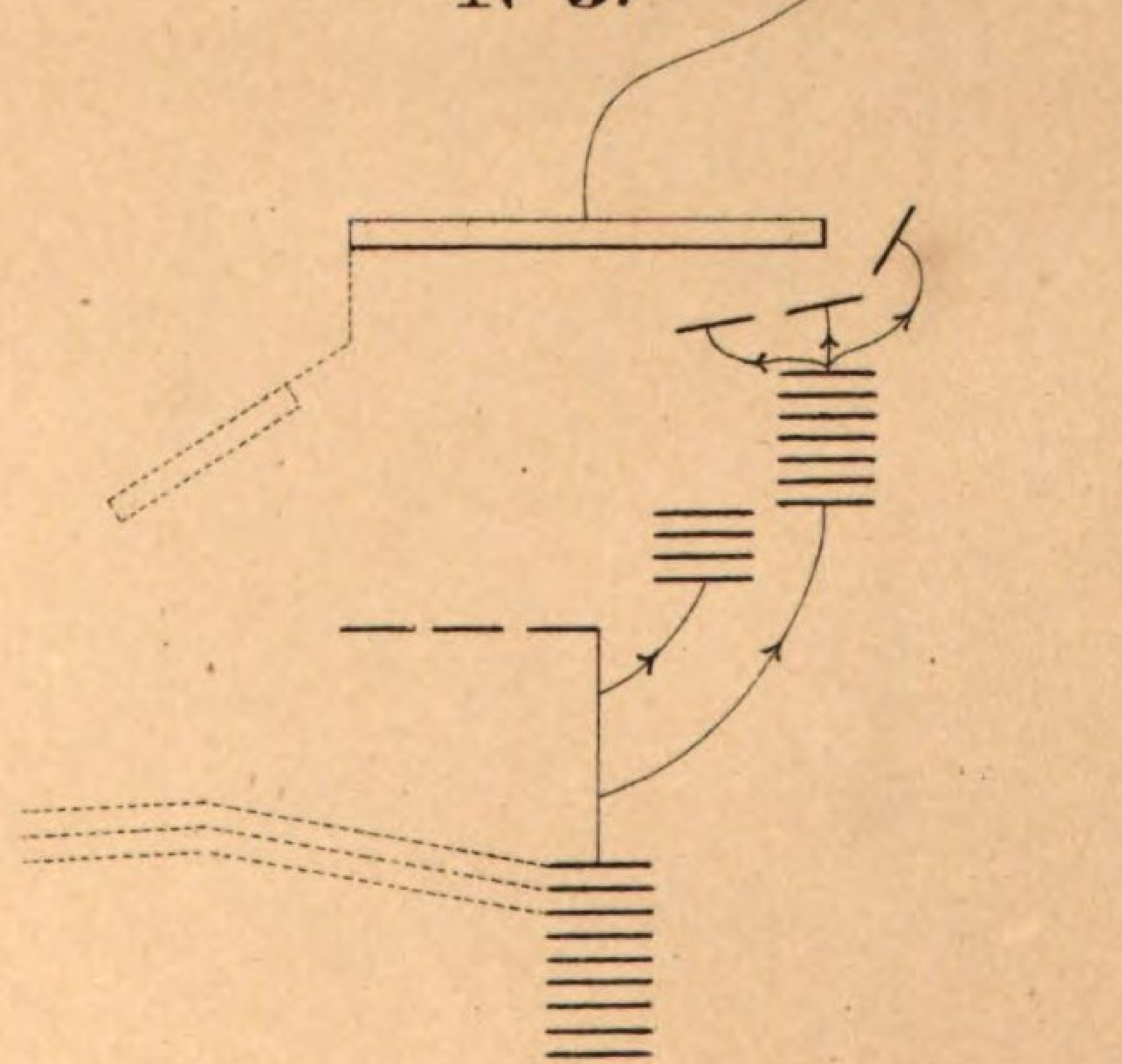
№ 3й

№ 4й

№ 5й

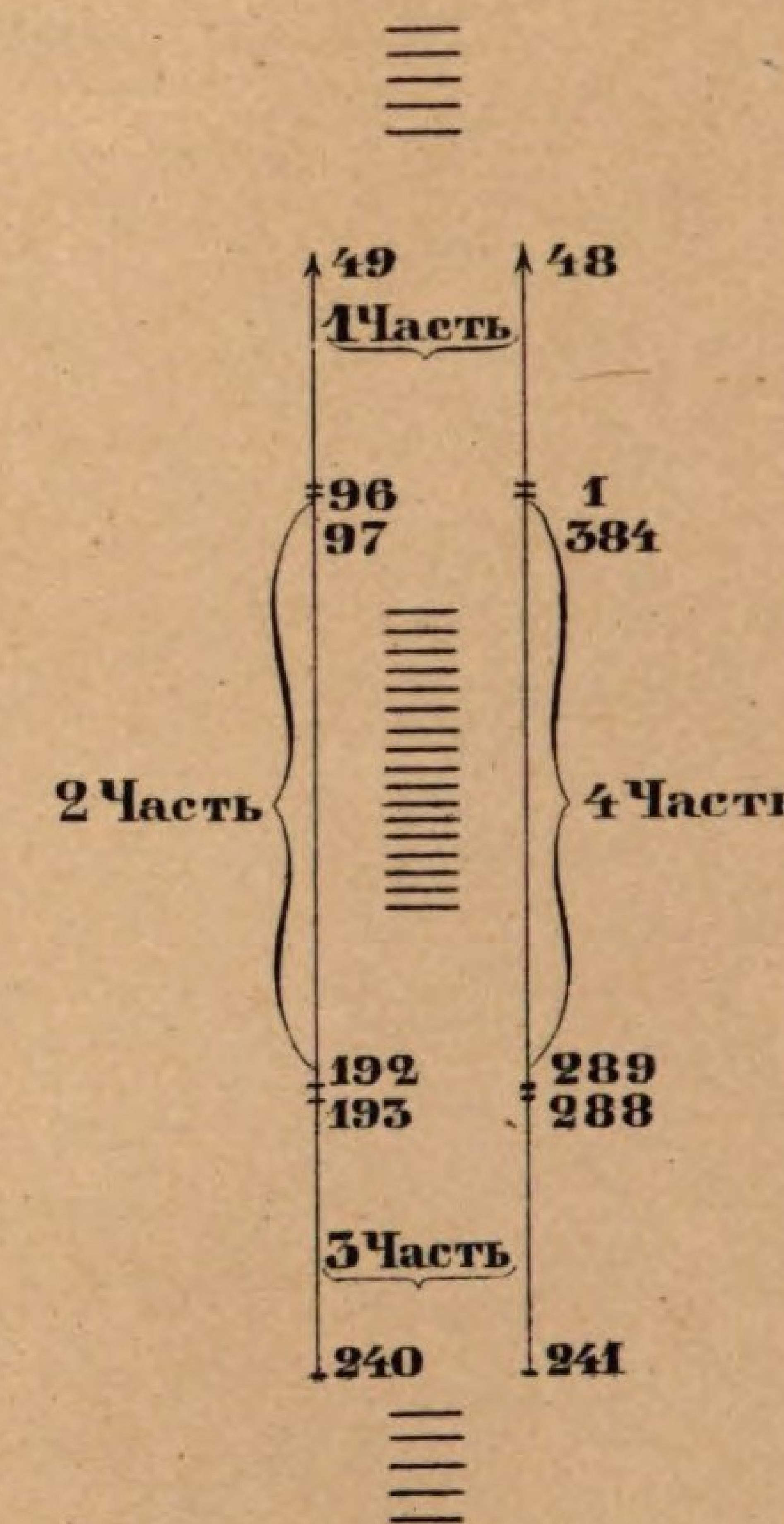

Чертежъ 6й

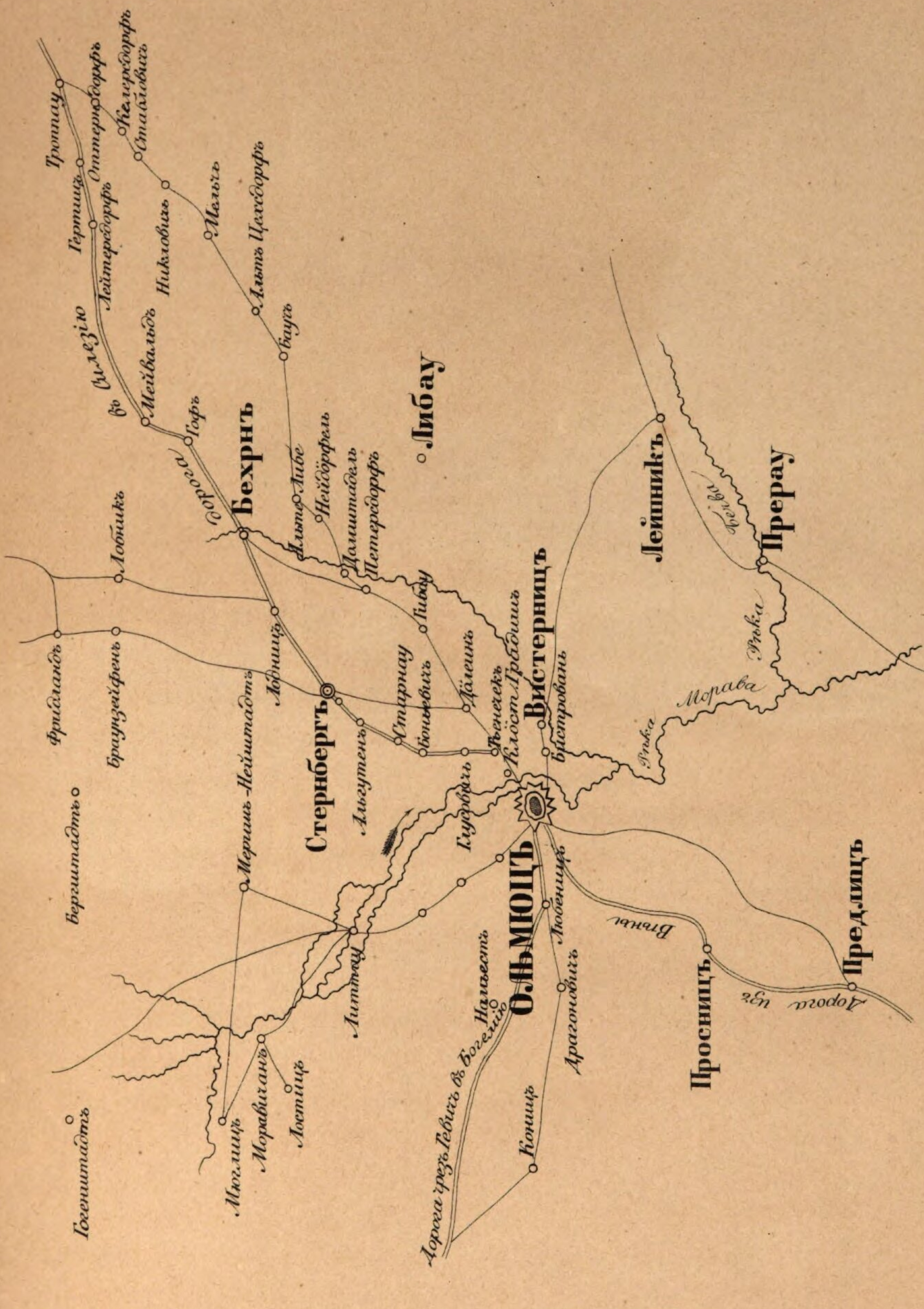
№ 1й

№ 2й

Чертежъ 7й

Троппау
Бехрнъ
Либау
Стернбергъ
Ольмюцъ
Вистерницъ
Лейпникъ
Прерау
Предлицъ
Просницъ
Литтау
Мюглицъ
Моравичанъ
Лостицъ
Гогенштадтъ
Бергштадтъ
Фридландъ
Браунзейфенъ
Лобникъ
Мериш-Нейштадтъ
Драгановицъ
Любеницъ
Гофъ
Мейвальдъ
Никловицъ
Рѣка Морава
Дорога чрезъ Левицъ въ Богемію

МОРОЗЪ ЛИ ИСТРЕБИЛЪ ФРАНЦУЗСКУЮ АРМІЮ

въ 1812 году?

МОРОЗЪ ЛИ ИСТРЕБИЛЪ ФРАНЦУЗСКУЮ АРМІЮ

въ 1812 году?

Два отшиба потрясли до основанія власть и господствованіе Наполеона, казавшіяся непоколебимыми. Отшибы эти были произведены двумя народами, обитающими на двухъ оконечностяхъ завоеванной и порабощенной имъ Европы: Испаніею и Россіею.

Первая—противуставшая Французамъ безъ союзниковъ и безъ Наполеона, потрясла налагаемое на нее иго при помощи огромныхъ денежныхъ капиталовъ и многочисленной арміи союзной съ нею Англіи. Послѣдняя, принявшая на свой щитъ удары того же французскаго ополченія, но усиленнаго возставшимъ на нее всѣмъ Западомъ, которымъ предводительствовалъ и управлялъ самъ Наполеонъ,—достигла того же предмета безъ всякихъ иныхъ союзниковъ, кромѣ оскорбленной народной гордости и пламенной любви къ отечеству. Однакожъ всѣ уста, всѣ журналы, всѣ историческія произведенія эпохи нашей, превознесли и не перестаютъ превозносить самоотверженіе и великодушныя усилія испанской націи, а о подобномъ самоотверженіи, о подобномъ же усиліи русскаго народа нисколько не упоминаютъ; они, въ добавокъ, уничтожаютъ ихъ разглашеніемъ, будто всѣ удачи произошли отъ одной суровости зимняго времени, неожиданно наступившаго въ необыкновенный срокъ года.

Двадцать два года продолжается это разглашеніе между современниками, и двадцать два года готовится передача его потомству посредствомъ книгопечатанія. Всѣ враги Россіи, всѣ союзники Франціи, въ послѣдствіи предательски на нее возставшіе, но въ неудачномъ вмѣстѣ съ нею покушеніи противъ насъ вмѣстѣ съ нею же раздѣлявшіе стыдъ неудачнаго покушенія, неутомимо хлопотали и хлопочутъ о распространеніи и укорененіи въ общемъ мнѣніи этой ложной причины торжества нашего.

Должно однако замѣтить, что не въ Германіи, а во Франціи возникъ первый зародышъ этого нелѣпаго разглашенія;— и не могло быть иначе. Надутая двадцатилѣтними побѣдами, завоеваніями и владычествомъ надъ европейскими государствами, могла ли Франція простить тому изъ нихъ, которое безъ малѣйшей посторонней помощи и въ такое короткое время отстояла независимость свою не только отраженіемъ отъ себя, но и поглощеніемъ въ нѣдрахъ своихъ всей европейской орды, ей принадлежавшей, ополчившейся съ нею подъ предводительствомъ величайшаго генія вѣковъ и міра? Этой ли націи, исполненной самолюбія и самохвальства, преслѣдуемой порицаніями и, что еще чувствительнѣе, каррикатурами и насмѣшками, болѣе всего для нея несносными, можно ли было ей признаться въ истинной причинѣ несостоятельности своей въ обѣщаніяхъ славы и добычи увлеченнымъ ею государствамъ? И когда! когда, обладая монополіею словесности, проникающей во всѣ четыре части свѣта, завоеванныя ея нарѣчіемъ, справедливо почитаемымъ общимъ нарѣчіемъ нашего вѣка, она болѣе другихъ народовъ могла ввести въ заблужденіе и современниковъ и потомство на счетъ событія, столь жестоко омрачившаго честь ея оружія, столь насильственно ниспровергнувшаго призрака ея непобѣдимости! Будемъ справедливы; какая нація рѣшилась бы на пожертвованіе такого преимущества? какая нація, напротивъ, не усиливалась бы поддержать свой кредитъ въ общемъ мнѣніи, и славы своего оружія, потрясенныхъ столь неожиданнымъ ударомъ?

Франція не пренебрегла этимъ преимуществомъ и поступила похвально; священнѣйшій долгъ всякаго народа состоитъ въ томъ, чтобы дорожить своимъ достоинствомъ, спасать и защищать всѣми мѣрами, всѣми средствами нравственное бытіе свое, неразрывно сопряженное съ его вещественнымъ существованіемъ. Но похвально ли для нѣкоторыхъ изъ насъ, еще болѣе для тѣхъ изъ насъ русскихъ, которые, бывъ свидѣтелями, даже дѣятелями въ этомъ великомъ подвигѣ, знаютъ истинную причину гибели нахлынувшихъ на насъ полчищъ,— похвально ли имъ повторять чужой вымыселъ, для того только, чтобъ не отстать отъ моднаго мнѣнія, какъ не отстаютъ они отъ покроя фраковъ, или повязки галстуковъ, изобрѣтенныхъ и носимыхъ въ Парижѣ? И пусть бы разглашали это городскіе господчики или маменькины сынки, которымъ извѣстенъ лишь огонь восковыхъ свѣчь и кенкетовъ, да запахъ пороху на фейерверкахъ. Словамъ, произносимымъ подобными устами, награда извѣстна. Но грустно слышать эти же слова отъ тѣхъ самыхъ людей, которымъ знакомы и чугунъ и свинецъ, и желѣзное остріе, какъ хлѣбъ насущный. Грустно слышать, что тѣ, которые въ моихъ глазахъ подвергали опасности покой, здоровье и жизнь свою на войнѣ отечественной, приписываютъ теперь блистательный исходъ ея одной лишь причинѣ, приводимой ея врагами, противъ которыхъ они такъ неустрашимо и ревностно тогда подвизались; они, въ угожденіе имъ, жертвуютъ собственными трудами, подвигами, ранами, торжествомъ и славою Россіи,—какъ будто ничего этого никогда не бывало!

Вооруженный неоспоримыми документами, я опровергъ въ изданной мною нѣкогда особой статьѣ (*) ложное показаніе Наполеона, будто *въ кампаніи 1812 года легкія войска наши не нанесли ни малѣйшаго вреда его арміи*. Теперь приступаю къ другому вопросу, къ опроверженію того, будто «*армія Наполеона погибла единственно отъ стужи, настигшей неожи-*

(*) Разборъ трехъ статей Наполеона. См. слѣдующую статью.

данно въ необыкновенное время года», а не отъ другихъ обстоятельствъ; будто она погибла:

I.) Не отъ искуснаго занятія нашей арміею Тарутинской позиціи, прикрывавшей хлѣбороднѣйшія губерніи, и въ то же время угрожавшей единственному пути непріятельскаго сообщенія; позиціи, на которой князь Кутузовъ, обѣщаніемъ мира, успѣлъ усыпить Наполеона на столько времени, сколько нужно было ему для возрожденія нашей арміи.

II.) Не отъ заслоненія Калужскаго пути при Малоярославцѣ; чѣмъ принудилъ онъ Наполеона обратиться на Смоленскій путь, опустошенный и безпріютный.

III.) Не отъ фланговаго марша арміи отъ Тарутина до Березины, прикрывавшаго, подобно Тарутинской позиціи, всѣ жизненные и боевые наши подвозы, которые шли къ намъ изъ хлѣбороднѣйшихъ губерній, и вмѣстѣ съ тѣмъ угрожавшаго заслонить единственную отступательную черту, невольно избранную непріятелемъ, при малѣйшемъ его замедленіи.

IV.) Не отъ усилій, трудовъ и храбрости нашихъ войскъ, разстроившихъ единство непріятельской арміи при Малоярославцѣ, Вязьмѣ и Красномъ.

V.) Не отъ чудеснаго соединенія, почти въ опредѣленный день у Борисова на Березинѣ, трехъ армій, пришедшихъ одна изъ-подъ Москвы, другая изъ Финляндіи и отъ Пскова, третья изъ Молдавіи и Волыни.

VI.) Не отъ истребленія подвозовъ и фуражировъ нашими партіями и не отъ изнуренія непріятельской арміи ежечасными, денными и ночными тревогами и наѣздами нашихъ партій, которыя тѣснили ее, какъ въ ящикѣ, отъ Москвы до Нѣмана, не позволяя ни одному солдату отлучаться на шагъ отъ большой дороги, для отысканія себѣ пищи или убѣжища отъ стужи.

VII.) И наконецъ, будто армія эта погибла не отъ неусыпнаго надзора надъ нею тѣхъ же партій, отъ чего каждое движеніе малѣйшей ея части было тотчасъ извѣстно нашему главнокомандующему и встрѣчало противодѣйствіе.

Я уже изложилъ въ *«Опытѣ партизанскаго дѣйствія»* мнѣ-

ніе мое на этотъ счетъ: здѣсь представлю мнѣніе иностранныхъ писателей, охлажденное временемъ и слѣдовательно нѣсколько очищенное отъ того отвратительнаго пристрастія, которымъ ознаменованы всѣ произведенія ихъ, касающіяся военныхъ подвиговъ французской арміи.

Начнемъ съ г. Коха (*). Онъ говоритъ:

«Вообще точность замѣчаній генерала Гурго достойна похвалъ; но пристрастіе къ Наполеону увлекаетъ его къ защитѣ мнѣній, совершенно ложныхъ. Таково, на примѣръ, увѣреніе его, что одна стужа причиною злополучія французской арміи. Во время похода отъ Смоленска до Орши, стужа во всѣ четыре дня была слабѣе, нежели въ 1795 году, когда сѣверная армія перешла по льду Вааль и овладѣла Голландскимъ флотомъ въ Зюйдерзе; слабѣе, нежели въ 1807 году, когда огромныя толпы конницы неоднократными наскоками сшибались на покрытыхъ льдомъ и снѣгомъ озерахъ. Слѣдственно, если, по собственному разсчету генерала Гурго, французская армія состояла только изъ сорока пяти тысячъ дѣйствовавшаго войска, по прибытіи ея на берега Березины, то должно искать иныхъ причинъ ея уменьшенію. Онѣ, какъ кажется, состоятъ въ недостаткѣ распорядительности относительно продовольствія».

Но тотъ самый Гурго, на котораго возстаетъ г. Кохъ за то, что онъ всѣ бѣдствія французской арміи приписываетъ одной стужѣ, самъ себѣ противорѣчитъ, говоря слѣдующее (**):

«Въ это время, 22-го октября (3-го ноября нов. ст.), то есть на обратномъ пути около Вязьмы, французская армія не была еще въ томъ безпорядкѣ и развратномъ положеніи, въ какомъ французскій историкъ старается показать ее... До 25-го октября, то есть на обратномъ пути около Дорогобужа, погода была хорошая и стужа гораздо умѣреннѣе той, которую мы пере-

(*) Examen critique de l'histoire de Napoléon et de la grande armée par le comte de Ségur et de la critique qu'en a faite le général Gourgaud.

(**) Examen critique de l'histoire de la campagne de 1812 du comte de Segur, par le général Gourgaud.

носили во время кампаніи въ Пруссіи и въ Польшѣ въ 1807 году и даже въ Испаніи среди Кастильскихъ горъ, въ теченіи зимней кампаніи 1808 года, подъ предводительствомъ самаго императора...... Октября 25-го, на обратномъ пути около Дорогобужа, корпуса арміи еще находились въ устройствѣ; они были составлены изъ дивизій, бригадъ и полковъ, хотя уронъ, понесенный ими въ походѣ, много убавилъ числительную силу ихъ....... Господинъ придворный чиновникъ (графъ Сегюръ) ошибается еще въ томъ, будто бы въ Оршѣ безпорядокъ въ арміи умножился: напротивъ, найденные въ Оршѣ запасы розданы были войскамъ, а оттепель, послѣ сильныхъ морозовъ, сдѣлала биваки сносными.... Что касается до сильной стужи, то мѣру ея опредѣлить можно тѣмъ, что Березина не была еще покрыта льдомъ, во время переправы чрезъ нее».

Г. Шамбре представляетъ намъ слѣдующія измѣненія термометра (*):

«Октября 15-го ст. ст. *четыре* градуса стужи». (Это было на обратномъ пути отъ Малоярославца.)

«Октября 23-го, снѣгъ, слѣдственно стужа умѣренная». (Это было на обратномъ пути изъ Вязьмы.)

«Октября 24-го, снѣгъ продолжается.» (Это на обратномъ пути между Вязьмою и Дорогобужемъ.)

«Октября 25-го, снѣгъ сильнѣе съ вѣтромъ, слѣдственно немного холоднѣе, чѣмъ наканунѣ». (Это было тамъ же и уже около Дорогобужа.)

«Октября 28-го, *двѣнадцать* градусовъ стужи». (Это было на обратномъ пути между Дорогобужемъ и Смоленскомъ.)

«Октября 31-го и ноября 1-го, *семнадцать* градусовъ стужи». (Это было на обратномъ пути въ Смоленскъ.)

«Ноября 2-го, стужа гораздо слабѣе». (Это было на обратномъ пути, по выступленіи изъ Смоленска къ Красному.)

(*) Histoire de l'expédition de Russie par M*** (Chambray). Tom. III.

«Ноября 6-го, *оттепель*». (Это было на обратномъ пути между Краснымъ и Оршею.)

«Ноября 12-го, *оттепель прекращается.*» (Это было на обратномъ пути между Оршею и Борисовымъ.)

«Не одна стужа разстроила и истребила французскую армію, потому что *второй* и *девятый* корпуса сохранили совершенный порядокъ, не взирая на то, что терпѣли такую же стужу, какъ и главная армія. Стужа сухая и умѣренная, сопровождавшая войска отъ Москвы до перваго снѣга, была болѣе полезна, нежели гибельна. Главныя причины злополучія, постигшаго нашу армію, были во первыхъ голодъ, потомъ безпрерывные переходы и кочевья, и наконецъ уже стужа, когда она была сопряжена со снѣгомъ. Что касается до лошадей, то, сытыя, онѣ весьма легко переносятъ стужу, сколь она ни жестока. Онѣ гибли не отъ нея, а отъ голоду и усталости...

«Я уже сказалъ, и еще повторяю: сытыя лошади переносятъ кочевья безъ затрудненія, какъ бы стужа ни была велика. И такъ, не стужа погубила лошадей французской арміи, и ихъ пало не до тридцати тысячъ въ одну ночь, какъ сказано въ одномъ изъ бюллетеней... Самая жестокая стужа, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, продолжалась отъ 28-го октября до 1-го ноября, ст. ст., то есть на обратномъ пути между Дорогобужемъ и Смоленскомъ.

Самъ Наполеонъ говоритъ (*): «Еще *три* дня хорошей погоды, и армія совершила бы въ устройствѣ отступленіе свое.»

Генералъ Жомини, въ послѣднемъ своемъ сочиненіи (**), заставляетъ говорить Наполеона: «Главныя причины неудачи предпріятія на Россію относили къ ранней и чрезмѣрной стужѣ; всѣ мои приверженцы повторяютъ эти слова до пресыщенія. Это совершенно ложно. Какъ подумать, чтобы я не зналъ о срокѣ этого ежегоднаго явленія въ Россіи!... Не толь-

(*) Mémoires pour servir à l'histoire de France, par Napoléon, publiés par Montholon. Tom. II. pag. 113.

(**) Vie politique et militaire de Napoléon. Tom. IV.

ко зима наступила, не ранѣе обыкновеннаго, но приходъ ея 26-го октября, ст. ст., былъ позже, нежели какъ это ежегодно случается. Стужа не была чрезмѣрна, потому что до Краснаго она измѣнялась отъ *трехъ* до *восьми* градусовъ, а 8-го ноября наступила *оттепель*, которая продолжалась до самаго прибытія нашего къ берегамъ Березины: одинъ только день пѣхота могла переходить по льду чрезъ Днѣпръ, и то до вечера; вечеромъ оттепель снова испортила переправу.

«Стужа эта не превышала стужи Эйлауской кампаніи: въ послѣдней громады конницы носились по озерамъ, покрытымъ льдомъ, и въ эту эпоху рѣка была такъ сильно имъ схвачена, что могла бы поднять цѣлую армію съ артиллеріею. Но при Эйлау армія моя не разстроилась, потому что была въ краѣ изобильномъ, и что я могъ удовлетворять всѣмъ ея нуждамъ. Совсѣмъ противное произошло въ 1812 году: недостатокъ въ пищѣ и во всемъ необходимомъ произвелъ разбродъ войска; многочисленныя колонны наши обратились въ буйную сволочь, въ которой солдаты разныхъ полковъ были чужды одинъ другому. Чтобы собраться и распутаться, намъ надлежало остановиться дней на восемь въ укрѣпленномъ лагерѣ, снабженномъ огромными магазинами.

«Въ Смоленскѣ этого нельзя было сдѣлать, и мы должны были погибнуть: потому что оттуда до Вислы не было уже мѣста, довольно безопаснаго для пристанища, а у Вислы армія уже не существовала... Я прибылъ въ Смоленскъ 28-го октября, ст. ст. Вся армія собралась 1-го ноября. Она во всемъ нуждалась. Спѣша къ Смоленску, какъ къ землѣ обѣтованной, какъ къ предѣлу своего злополучія, что̀ обрѣла она тамъ? Обрушенные домы, заваленные больными, умирающими, и пустые магазины! Двухмѣсячное пребываніе корпуса маршала Виктора вокругъ города, гарнизонъ, пятнадцать тысячъ больныхъ и раненыхъ и проходившія команды издерживали въ сутки по ^{60}/т. раціоновъ.

«Армія вступила въ Смоленскъ толпами и непохожая на

себя: трехдневная, вовсе не чрезвычайная стужа была достаточна, чтобы ее частью разстроить.»

Въ примѣчаніи сказано: «стужа во время кампаніи въ Голландіи въ 1795 году и въ Эйлаускую кампанію въ 1807 году была сильнѣе той, которая продолжалась отъ Москвы до Березины. Но въ этихъ двухъ кампаніяхъ войска получали пищу, вино и водку, и не каждыя сутки, какъ въ послѣдней кампаніи, кочевали голодными, съ увѣренностью, что завтра будетъ хуже.

«Такъ какъ уже извѣстно, что стужа до Березины была умѣреннѣе, а при всемъ томъ, по прибытіи къ берегамъ этой рѣки у насъ осталось не болѣе пятидесяти тысячъ изъ трехъ сотъ, которыя я привелъ на берега Двины и въ Москву, то должны быть другія причины столь ужасному злополучію.

«Не въ пользу мою дѣйствуютъ тѣ, которые порочатъ моихъ противниковъ и унижаютъ ихъ подвиги. Они вмѣстѣ съ тѣмъ унижаютъ и мою славу и славу французской арміи, состоящую въ преодолѣніи преградъ неожиданныхъ. Какъ бы то ни было, никто не похититъ у русскихъ, что, не взирая на разрывъ ихъ линіи, при первомъ шагѣ моего вторженія, они умѣли избѣгнуть пораженія и отступить тысячу двѣсти верстъ, сохранивъ всѣ тяжести и не оставивъ намъ ни одного трофея. Еслибъ мы творили одни чудеса, а непріятели наши однѣ ошибки: то какъ Барклай и Багратіонъ, выступившіе одинъ изъ Дриссы, другой изъ Слонима, и отдѣленные одинъ отъ другаго тремя стами тысячами моего войска,—какъ могли бы они соединиться на перекоръ моему старанію не давать имъ соединиться? Какъ Витгенштейнъ, начальствовавшій надъ корпусомъ, въ половину малочисленнѣе трехъ корпусовъ, дѣйствовавшихъ противъ него, могъ бы сохранить угрожательную осанку въ теченіи всей кампаніи? Не менѣе сверхъестественно было бы и то, чтобъ, при непрестанныхъ промахахъ, армія, разстроенная подъ Бородинымъ, могла явиться въ назначенный часъ подъ Краснымъ и схватиться грудь съ грудью съ нашей арміею, какъ это и случилось. Наконецъ, могъ ли непрія-

тель, если бы онъ не обладалъ ни военными качествами, ни дарованіями, и при началѣ кампаніи раздѣленный и раздробленный на части,—могъ ли бы онъ сообразить и исполнить наступательное соединеніе обоихъ крылъ и средины арміи своей при Березинѣ, и къ самой рѣшительной эпохѣ привести изъ Финляндіи и отъ береговъ Прута войска, долженствовавшія оспаривать намъ переправу?

«Безъ сомнѣнія, ему вспомоществовали обстоятелъства, а противъ меня возстало все то, что ему благопріятствовало; но надо быть чрезъ мѣру ненавистливымъ, чрезъ мѣру несправедливымъ, чтобы порицатъ то́, что достойно похвалъ и подражанія.

«Конечно, русскіе дѣйствовали не безъ ошибокъ. Главнѣйшія суть: начальное размѣщеніе силъ на границѣ, направленіе къ Дриссѣ и образъ отступленія отъ Смоленска; дознано также, что Кутузовъ могъ бы сдѣлать болѣе того, что онъ сдѣлалъ, и будь я на его мѣстѣ,—я бы вѣрно не упустилъ случая истребить армію, возвращавшуюся изъ Москвы; но не смотря на излишнюю его осторожность, должно признаться, что онъ далъ искусное направленіе движеніямъ своей арміи....

«Смѣшно увѣрять, будто Русскіе совершенно были чужды въ нашемъ злополучіи. Правда, этому злополучію причиною не генеральныя сраженія, выигранныя у насъ нашими противниками;—но какъ не согласиться въ томъ, что ему способствовало пламенное рвеніе арміи, правительства, народа и генераловъ, ознаменованное особенно во второй части кампаніи? Высокопарныя ругательства могутъ имѣть временное вліяніе на чернь и людей несмыслящихъ: истина господствуетъ надъ вѣками!»

Заключимъ выписки эти извлеченіемъ изъ извѣстнаго сочиненія Сэра Вальтера Скотта (*):

«Причины такого ужаснаго событія скрывались въ ложныхъ разсчетахъ, которые зародились при первыхъ мысляхъ объ

(*) Vie de Napoléon Bonaparte, par Sir Walter Scott. Tom. IV.

этомъ предпріятіи, и сдѣлались очевидными при первомъ шагѣ къ приведенію ихъ въ дѣйствіе. Мы знаемъ, что такой способъ смотрѣть на предметъ не во вкусѣ обожателей Наполеона. Вѣря безусловно словамъ, которыя онъ самъ распространилъ, они почитаютъ, что ихъ герой могъ быть побѣжденъ только стихіями. Объ этомъ объявлено и въ *двадцать девятомъ* бюллетенѣ: «до 25-го октября ст. ст., говорятъ тамъ, успѣхи его *были одинаковы, но выпавшій тогда снѣгъ, въ шесть «дней разстроилъ духъ его арміи,* отнялъ мужество у солдатъ «его и, ободривъ презрительныхъ казаковъ, лишилъ Французовъ артиллеріи, фуража и кавалеріи, и повергъ ихъ, хотя «русскіе мало тому способствовали, въ то жалкое положеніе, въ «какомъ они вступили въ Польшу!» Наполеонъ никогда не выходилъ изъ этого увѣренія, и это одинъ изъ тѣхъ пунктовъ, отъ которыхъ восторженные его обожатели отступаютъ съ крайнимъ нежеланіемъ. Но прежде, нежели согласиться съ ихъ мнѣніемъ, надобно рѣшить три вопроса: 1) обыкновенное паденіе снѣга, или походъ чрезъ страну, покрытую снѣгомъ, должны ли непремѣнно сами по себѣ причинить всѣ тѣ бѣдствія, которыя Французы имъ приписываютъ? 2) Возможность такого происшествія не должна ли была входить въ разсчеты Наполеона? 3) Паденіе ли снѣга, какъ бы впрочемъ оно чрезмѣрно не было, причиною разстройства арміи Бонапарте, или вліяніе климата, благопріятствовало скорѣйшему развитію многихъ другихъ причинъ ея гибели,—причинъ, неразлучныхъ съ этимъ походомъ при самомъ его зарожденіи и уже дѣйствовавшихъ до суровой зимы?

«Безполезно распространяться на счетъ перваго вопроса. Паденіе снѣга, сопровождаемое сильнымъ морозомъ, недостаточно само собою для того, чтобы разрушить до основанія отступающую армію; безъ сомнѣнія, въ этомъ случаѣ слабые солдаты должны погибнуть; но цѣлой арміи удобнѣе производить движенія зимою, нежели въ дождливую погоду.»

Тутъ знаменитый авторъ представляетъ нѣкоторыя удобства для военнаго дѣйствія зимою, вознаграждающія до нѣкоторой степени нужды, причиняемыя суровостію времени.

«Перейдемъ ко второму вопросу. Если морозъ и снѣгъ въ Россіи суть бѣдствія непреодолимыя, могущія уничтожать цѣлыя арміи: то какъ же эти обстоятельства не вошли въ разсчеты генерала, столь знаменитаго, предпринявшаго столь огромное дѣло? Развѣ въ Россіи никогда не идетъ снѣгъ? Развѣ морозы въ ноябрѣ мѣсяцѣ тамъ рѣдкое явленіе? Говорятъ, что морозы начались ранѣе обыкновеннаго: мы увѣрены, что это оправданіе не имѣетъ никакого основанія; но во всякомъ случаѣ, въ высшей степени безразсудно подвергать сохраненіе и цѣлость арміи, столь многочисленной и употребленной на такое важное предпріятіе, зависимости отъ мороза, могущаго появиться нѣсколькими днями ранѣе или позднѣе.

«Дѣло въ томъ, что Наполеонъ предвидѣлъ, что въ октябрѣ настанетъ стужа, такъ какъ онъ въ іюлѣ предвидѣлъ необходимость собрать съѣстные припасы, достаточные для продовольствія своей арміи; но, увлеченный нетерпѣніемъ, онъ ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не принялъ мѣръ, для преодолѣнія голода и стужи, которые предвидѣлъ.

«Въ двадцат второмъ бюллетенѣ сказано: «*можно ожидать,* «*что Москва-рѣка и прочія рѣки Россіи замерзнутъ въ по-* «*ловинѣ ноября*». Это должно было приготовить императора къ снѣгу и къ началу морозовъ пятью или шестью днями ранѣе.

«Въ двадцат пятомъ бюллетенѣ признана необходимость зимнихъ квартиръ и изображенъ императоръ, самодовольно осматривающій вокругъ себя, гдѣ бы ему избрать квартиры, на югѣ ли России или во владѣніяхъ преданной ему Польши. «*Время прекрасное*, говоритъ бюллетень; *но должно ожидать* «*холода въ первыхъ числахъ ноября, и слѣдственно должно за-* «*ботиться о зимнихъ квартирахъ: особенно кавалерія имѣетъ* «*въ нихъ нужду*». Не возможно, чтобы тотъ, предъ глазами котораго составлялись эти бюллетени, или тотъ, кто составлялъ ихъ, былъ бы самъ изумленъ паденіемъ снѣга 6-го ноября: это такое событіе, вѣроятность котораго была предвидима, но противъ котораго не было принято мѣръ предосторожности....»

Далѣе авторъ говоритъ о томъ, что начальство забыло перековать лошадей и запастись подковами.

«Въ третьихъ, хотя, безъ сомнѣнія, суровость погоды значительно умножала бѣдствія и потери арміи, имѣвшей недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, въ одеждѣ и подвергавшейся всякаго рода нуждамъ; однакожъ она не была первою и ни съ какой точки зрѣнія главнѣйшею причиною этихъ бѣдствій. Читатель долженъ припомнить походъ чрезъ Литву: Наполеонъ, не бывъ разбитъ ни разу, потерялъ десять тысячъ лошадей и около ста тысячъ людей уже тогда, когда онъ проходилъ страною дружелюбною. Развѣ эта потеря въ іюнѣ и въ іюлѣ причинена раннимъ снѣгомъ, какимъ называютъ снѣгъ, выпавшій 6-го ноября? Совсѣмъ нѣтъ: причину этому находятъ, какъ говоритъ бюллетень, въ неизвѣстности, томленіи, маршахъ и контръ-маршахъ войскъ, ихъ усталости, нуждахъ, кои они терпѣли, словомъ, въ той системѣ усиленныхъ переходовъ, которая впрочемъ не доставила Наполеону никакой существенной выгоды; она всегда стоила ему около четвертой части арміи, прежде нежели она достигала до поля сраженія (*). Если предположить, что онъ оставилъ на обоихъ флангахъ и позади себя силу во сто двадцать тысячъ человѣкъ, подъ командою Макдональда, Шварценберга, Удино и другихъ военачальниковъ, и началъ настоящее вторженіе въ Россію съ двумя стами тысячами, то половина этой значительной силы погибла до прибытія его въ Москву, въ которую онъ вступилъ лишь съ сотнею тысячъ человѣкъ. Усталость погубила множество людей, битвы и госпитали поглотили остальныхъ. Наконецъ Наполеонъ покидаетъ Москву 7-го октября (ст. ст.), какъ городъ, гдѣ ему нельзя уже было оставаться, хотя выступленіе оттуда, какъ онъ самъ предвидѣлъ, было сопряжено съ значительными затрудненіями. Тогда находилось подъ его начальствомъ около ста двадцати тысячъ человѣкъ.

(*) Мнѣніе совершенно ложное. Замѣч. сочин. стат.

Армія его была усилена до этого числа присоединеніемъ къ ней оправившихся послѣ болѣзни бродягъ и командъ, прибывшихъ изъ резервовъ. Онъ вступилъ въ сраженіе безполезное, хотя и съ честію выдержанное, при Малоярославцѣ; но, не успѣвъ проложить себѣ дороги къ Калугѣ и Тулѣ, онъ былъ принужденъ бѣжать чрезъ Бородино по разграбленной и опустошенной Смоленской дорогѣ. На этомъ пути онъ далъ сраженіе подъ Вязьмою, въ которомъ потеря французовъ была весьма значительна; его колонны были безпрестанно тревожимы казаками, и онъ лишился плѣнными многихъ тысячъ. Два сраженія столь кровопролитныя, не считая притомъ пораженія Мюрата и безпрестанно возобновляемыя стычки, стоили французамъ убитыми и ранеными (ибо каждый раненый былъ уже безполезнымъ для Наполеона) по крайней мѣрѣ $^{25}/_{т.}$ человѣкъ. Наконецъ, наступило 25-е октября. До этого дня еще не видали клока снѣгу, который въ самомъ дѣлѣ пошелъ лишь тогда, когда Наполеонъ испыталъ большую часть бѣдствій, потому что въ то время фланги его и резервъ уже выдерживали жестокія сраженія и понесли большіе уроны, не получивъ никакой существенной выгоды. Такимъ образомъ почти три четверти арміи, которую онъ привелъ въ Россію, были сокрушены, а остальная четвертая часть была приведена въ жалкій безпорядокъ еще до снѣга, которому онъ потомъ приписалъ неудачу свою.

«Конечно, когда наступила чрезмѣрная стужа, тогда нужды и потери французской арміи еще болѣе умножились; но зима была только *союзницею Русскихъ*, а не такъ какъ тогда думали —*единственною ихъ защитницею:* отступленіе наполеоновой арміи совершилось подъ остріями казачьихъ пикъ, прежде нежели морозы сѣвера понудили ее къ отступленію».

Изъ всѣхъ этихъ выписокъ можно заключить слѣдующее:

Непріятельская армія, выступивъ изъ Москвы 7-го октября ст. ст., двигалась при хорошей погодѣ, по словамъ г. Шамбре и г. Жомини, до 28-го октября, т. е. *двадцать однѣ* сутки, а по словамъ Гурго до 25-го октября, т. е. *восемнадцать* су-

токъ. Но съ этого времени армія въ теченіи *трехъ* сутокъ, по словамъ Шамбре, Жомини и самого Наполеона, или въ теченіи *пяти* сутокъ по словамъ Гурго, терпѣла стужу, которая, по наблюденію Шамбре, простиралась отъ *двѣнадцати* до *семнадцати* градусовъ, а по словамъ Жомини, отъ *трехъ* до *восьми* градусовъ. Далѣе, всѣ писатели соглашаются уже въ томъ, что во время переходовъ французской арміи отъ Смоленска до Орши, стужа весьма уменьшилась, и если позволено мнѣ прибѣгнуть къ моей собственной памяти, то смѣло могу увѣрить, что тогда морозы простирались отъ двухъ до четырехъ градусовъ. Наконецъ Шамбре, Гурго и Жомини соглашаются въ томъ, что отъ Орши до Березины продолжалась оттепель. Послѣдній упоминаетъ даже объ опасности, коей подвергались при переправѣ чрезъ Днѣпръ подъ Оршею восьмаго ноября; а мы помнимъ, что, при переходѣ чрезъ эту рѣку корпуса Нея, при Гусиновѣ, большая часть его тяжестей и нѣкоторая часть войска этого отряда провалилась и погибла.

И такъ во все время слѣдованія французской арміи отъ Москвы до Березины, т. е. въ теченіи *двадцати шести* дней, стужа, хотя и не чрезвычайная (отъ 12 до 17 градусовъ) продолжалась не болѣе *трехъ* сутокъ, по словамъ Шамбре, Жомини и Наполеона, или *пяти* сутокъ, по словамъ Гурго.

Между тѣмъ французская армія, при выступленіи своемъ изъ Москвы, состояла, по списку французскаго главнаго штаба, отбитому нами во время преслѣдованія, изъ $^{110}/$т. человѣкъ свѣжаго войска, а по словамъ всѣхъ историковъ кампаніи, представляла только $^{45}/$т. по прибытіи своемъ къ берегамъ Березины. Какъ же подумать, чтобы *стодесятитысячная* армія могла лишиться *шестидесяти пяти тысячъ* человѣкъ въ слѣдствіе *трехъ* или *пяти* суточныхъ морозовъ, тогда какъ гораздо сильнѣйшіе морозы въ 1795 году въ Голландіи, въ 1807 году во время Эйлауской кампаніи, продолжавшіеся около двухъ мѣсяцевъ сряду, и въ 1808 въ Испаніи

среди Кастильскихъ горъ, въ теченіи всей зимней кампаніи, не разрушали единства и устройства ея?

Все это приводитъ насъ къ тому убѣжденію, что не стужа, а другое обстоятельство было причиною гибели сего гигантскаго ополченія.

Читая представленныя мною выписки, можно ясно видѣть, что всѣ историки кампаніи согласны въ отысканіи истинныхъ причинъ событія. Они полагаютъ, что эти причины состоятъ, во *первыхъ*, въ голодѣ, который терпѣла Французская армія; во *вторыхъ*, въ безпрерывныхъ, усиленныхъ переходахъ и въ *третьихъ*, въ кочевьѣ подъ открытымъ небомъ.

Соглашаясь отчасти съ ними, я предлагаю вопросъ: что обыкновенно производитъ голодъ въ арміи по безлюдному или опустошенному краю, безъ обозовъ, наполненныхъ съѣстными припасами, или, какъ технически ихъ называютъ, безъ подвижныхъ магазиновъ?

Казалось, что это двойное несчастіе не должно было угрожать Французской арміи, потому что, при выступленіи ея изъ Москвы, она, по словамъ самаго Наполеона, несла на себѣ и везла съ собою на двадцать дней провіанта (*). Сверхъ того, какъ всѣмъ извѣстно, она имѣла намѣреніе и напрягала всѣ усилія, чтобы, прибывъ прежде насъ чрезъ Малоярославецъ въ Калугу, двигаться оттуда на Юхновъ и Рославль къ Днѣпру, по краю, изобилующему съѣстными припасами, и быть преслѣдуемой нашею арміею съ тылу, *а не съ боку*, какъ это случилось.

Такимъ образомъ Французская армія не имѣла бы никогда недостатка въ пищѣ; переходы ея могли бы быть совершаемы безъ поспѣшности, потому что никто не угрожалъ бы пресѣченіемъ ея пути отступленія, и подъ прикрытіемъ сильнаго арріергарда, котораго войска смѣнялись бы чрезъ нѣсколько дней свѣжими войсками; она была бы въ возможности безпре-

(*) Mémoires pour servir à l'histoire de France, par Napoléon, publiés par Montholon. Tom. II. pag. 113.

пятственно располагать на квартиры, если не всѣ свои корпуса, то по крайней мѣрѣ большую часть ихъ, что̀ доставило бы покой ея войскамъ на ночлегахъ и укрыло бы ихъ отъ непогоды. Уже снабженная, какъ я выше сказалъ, на *двадцать дней* провіантомъ, скрытно обогнувшая оконечность лѣваго фланга нашихъ войскъ, занимавшихъ Тарутинскую позицію, Французская армія достигла почти той точки, отъ которой можно было ей отступать, не будучи ни кѣмъ тревожима и имѣя все въ изобиліи. Вдругъ партизанъ Сеславинъ выхватываетъ солдата изъ колоннъ главной Французской арміи, даетъ о томъ знать Ермолову, находившемуся съ корпусомъ Докторова въ Аристовѣ; тотъ немедленно извѣщаетъ Кутузова и самъ спѣшитъ занять Малоярославецъ до его прибытія; Кутузовъ со всею арміею летитъ отъ Тарутина туда же и заслоняетъ Наполеону Калужскій путь, и такимъ образомъ, не допустивъ его до изобильнаго края, по которому онъ намѣревался слѣдовать, принуждаетъ его предпринять отступленіе по пути, уже опустошенному. Хотя при Французской арміи находилось еще на *двадцать дней* пищи, но и это вспомогательное средство вскорѣ исчезло. Кутузовъ бросаетъ вслѣдъ за нею всю свою легкую конницу, и въ трое сутокъ не остается у непріятеля ни одной подводы съ провіантомъ. Наконецъ представляется послѣдній способъ къ прокормленію арміи: въ нѣкоторомъ разстояніи отъ опустошеннаго пути, по которому прошла она лѣтомъ, находились еще деревни, не совершенно ограбленныя; онѣ могли бы снабдить ее хотя малымъ количествомъ пищи. Но и на Фуражированіе въ этихъ деревняхъ нельзя было ей отважиться съ тѣхъ поръ, какъ многочисленная легкая конница наша окружила ее своими толпами, истребляя все, что осмѣливалось отдѣляться на одинъ шагъ отъ большой дороги. И вотъ Французская армія слѣдуетъ по пути опустошенному, безъ обозовъ, наполненныхъ пищею, и не смѣетъ посылать Фуражировъ въ придорожныя деревни. Чтожъ этому причиною? Точка, избранная для лагеря при Тарутинѣ, заслоненіе Калужской дороги при Малоярославцѣ, отстраненіе

непріятельской арміи отъ края, изобилующаго съѣстными припасами, необходимость идти по разоренному Смоленскому пути, овладѣніе непріятельскихъ обозовъ съ пищею нашей легкой конницей, которая, окруживъ французскія колонны отъ Малоярославца до Нѣмана, не дозволяла ни одному солдату отлучиться отъ большой дороги для отыскиванія себѣ пищи и пріюта.

Въ такомъ положеніи Наполеону необходимо было спѣшить къ магазинамъ своимъ, въ Литвѣ расположеннымъ; но к`къ спѣшить съ войскомъ, которое не могло подкрѣпить себя послѣ каждаго перехода и потому съ каждымъ днемъ становилось неспособнѣе къ перенесенію физическихъ трудовъ? Какъ было, между тѣмъ, и медлить для отдохновенія, или дѣлать короткіе переходы? Отдохновенія, сколько бы они ни были продолжительны, переходы, сколько бы коротки они ни были, не могли безъ пищи подкрѣплять человѣка голоднаго! Къ тому жь и здѣсь выказывается превосходство фланговаго марша Кутузова: чѣмъ продолжительнѣе были бы привалы и стоянки непріятеля, чѣмъ переходы его были бы короче, и словомъ, чѣмъ медленнѣе происходило бы движеніе до Литвы, тѣмъ Кутузовъ, слѣдуя съ своею арміею параллельно французской по краю изобильному и еще неприкосновенному, по которому въ началѣ намѣревался слѣдовать Наполеонъ, могъ бы, опередивъ его болѣе и болѣе, угрожать заслоненіемъ единственнаго пути отступленія по Смоленской дорогѣ. И такъ безпрерывные переходы, которые, по словамъ иностранныхъ писателей, были причиною гибели французовъ не менѣе голода, произошли отъ той же причины, отъ которой и голодъ, съ прибавленіемъ къ тому еще фланговаго марша Кутузова, грозившаго отрѣзать имъ путь отступленія. Что касается до кочевья подъ открытымъ небомъ, то и оно было слѣдствіемъ общей причины, произведшей и голодъ и безпрерывные переходы: путь, по которому, противъ воли своей, должна была слѣдовать французская армія, разоренный отчасти русскими войсками, во время нашего отступленія лѣтомъ

и окончательно опустошенный непріятелемъ, насъ преслѣдовавшимъ, не представлялъ ни избы, ни сарая для пріюта; а безпрерывный надзоръ и набѣги легкой конницы нашей и поспѣшность, необходимая для достиженія края, болѣе изобилующаго съѣстными припасами, не позволяли Французамъ ни отдѣлять малыя части войскъ за черту большой дороги для отысканія себѣ пріюта, ни большой громады войскъ отъ прямой дороги, чтобъ не увеличить окружными путями разстоянія, отдѣляющаго армію отъ избранной ею цѣли.

Словомъ, подводя къ одному знаменателю всѣ три причины гибели Французской арміи, мы видимъ, что гибель произошла, какъ я выше сказалъ, отъ отстраненія непріятельскихъ силъ отъ изобильнаго края, по которому хотѣли онѣ слѣдовать; обращенія ихъ на путь опустошенный; успѣшнаго дѣйствія легкой нашей конницы, лишившей ее обозовъ съ пищею и не позволявшей ни одному солдату отдаляться отъ большой дороги, для отысканія пищи и убѣжища; наконецъ отъ Фланговаго марша нашей арміи, который угрожалъ Наполеону пресѣченіемъ единственнаго пути отступленія.

Но неужели при отысканіи причинъ гибели Французской арміи, можно удовлетвориться только тѣми, которыя мы привели сейчасъ? Еслибъ было такъ, то ни одно ружье, ни одна пушка въ русской арміи не закоптились бы отъ пороха; ни одинъ штыкъ, ни одна сабля, ни одна пика, не облилились бы кровью непріятельской, а мы помнимъ кровопролитныя битвы подъ Тарутинымъ 6-го октября, подъ Малоярославцомъ 12-го октября и подъ Краснымъ 5-го и 6-го ноября; я не говорю уже о ежедневныхъ сшибкахъ непріятеля съ отдѣльными отрядами и даже корпусами нашими.

Присоединивъ три приведенныя причины ко всѣмъ битвамъ, мы можемъ, подведя приблизительный *итогъ* урону Французской арміи, согласить наши исчисленія съ показаніями историковъ кампаніи о количествѣ непріятельскихъ силъ, погибшихъ во время отступленія отъ Москвы до Березины, также

и насчетъ числа войскъ его, которое прибыло къ берегамъ этой рѣки; мы этимъ и заключимъ наше разсужденіе.

Вальтеръ-Скоттъ полагаетъ, что уронъ Французской арміи въ сраженіяхъ при Малоярославцѣ и при Вязьмѣ простирался до 25 т. человѣкъ: это чрезмѣрно! Я почитаю, что это число тогда только будетъ вѣрно, когда мы къ двумъ сраженіямъ, при Вязьмѣ и Малоярославцѣ, присоединимъ сраженіе при Тарутинѣ, сшибку Платова при Колоцкомъ монастырѣ и другія частныя битвы до Смоленска.

Потомъ, по оффиціальнымъ спискамъ плѣнныхъ, взятымъ подъ Краснымъ и составленнымъ при отправленіи ихъ въ нѣдра Россіи, вѣрность которыхъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, мы видимъ, что число ихъ доходило до 21,170 нижнихъ чиновъ при 300 офицерахъ.

Наконецъ, полагая слишкомъ $^{18}/$т. человѣкъ, что̀ весьма умѣренно, число взятыхъ и убитыхъ легкою конницею, крестьянами, замерзшихъ и погибшихъ на поляхъ сраженій отъ Смоленска до Березины,—мы удостовѣримся, что главная французская армія дѣйствительно подошла къ Березинѣ, въ числѣ $^{45}/$т. человѣкъ, и что изъ $^{110}/$т., выступившихъ изъ Москвы, пропало $^{65}/$т. человѣкъ *не отъ одной стужи*, какъ стараются въ томъ увѣрить насъ пристрастные приверженцы Наполеона, или вѣчные хулители славы Россійскаго оружія, *а глубокими соображеніями Кутузова и его ближайшихъ помощниковъ, мужествомъ и трудами войскъ нашихъ и неусыпностью и отвагой легкой нашей конницы*. Вотъ истинная причина гибели непріятельской арміи; всё прочее есть выдумка, соображенная не безъ искусства, потому что ея изобрѣтатели знали, что̀ дѣлаютъ, смѣшивая двѣ эпохи отступленія, столь рѣзко отличавшіяся между собою. И подлинно, общее выраженіе: «армія Наполеона погибла отъ стужи и мороза», сливаетъ, такъ сказать, въ одну эпоху отступленія ея отъ Москвы до Березины и отъ Березины до Нѣмана; этимъ смѣшеніемъ двухъ эпохъ скрываютъ истину, облекая ее неоспоримымъ фактомъ: стужею и морозомъ, въ нѣкоторомъ отношеніи не

чуждымъ истребленію французской арміи. Вниманіе слушателей и читателей, легко приковывается къ этому факту, по видимому наиболѣе вѣроятному, который слѣдовательно можно легче постигнуть, чѣмъ фактъ отвлеченный, состоящій изъ соображеній и разбора движеній, доступныхъ лишь лицамъ, изучившимъ военное ремесло.

Но чтобы извлечь истину изъ этого ложнаго показанія, надлежитъ, отдѣливъ одну эпоху отъ другой, прибѣгнуть къ вопросу о времени появленія губительнаго феномена природы:—наступило ли оно въ *первую* или во *вторую* эпоху отступленія непріятеля, или оно свирѣпствовало въ обѣ эпохи?

Доказано уже, что въ теченіи *двадцати шести дней,* составляющихъ первую эпоху, морозъ отъ 12 до 17 градусовъ продолжался не болѣе *трехъ* или *пяти* сутокъ, а во второй морозъ, достигнувъ отъ 20 до 25 градусовъ, почти непрерывно продолжался 22 дня.

Въ теченіи первой эпохи вліяніе холода на непріятеля было весьма слабо; во второй оно было для него истинно губительно.

Но дѣло въ томъ, что уже въ концѣ первой эпохи, то есть уже у береговъ Березины, арміи не существовало: я говорю объ арміи въ смыслѣ военномъ, вооруженной, устроенной, твердой чинопослушаніемъ и слѣдственно способной къ стройнымъ движеніямъ и битвамъ. Единая часть ея, еще находившаяся въ этомъ положеніи, состояла изъ корпусовъ Удино и Виктора, пришедшихъ отъ Полоцка, и совершившихъ свой переходъ въ то самое время, какъ главная армія бѣжала отъ Москвы къ Березинѣ; они потому, подобно ей, перенесли *трехъ* или *пяти* суточный морозъ и ни мало не потеряли отъ этого ни относительно своего устройства ни относительно числительной силы своей; потому что причины, которыя ниспровергли устройство и уменьшили числительную силу главной арміи, не существовали при отступленіи корпусовъ Удино и Виктора. Когда подошла вторая эпоха, то есть когда всѣ эти войска перешли за Березину и наступила *смертоносная стужа*,

тогда арміи, въ смыслѣ военномъ, уже не существовало, и ужасное явленіе прироры губило уже не армію, спюсобную маневрировать и сражаться, а одну сволочь, толпы людей, скитавшихся безъ начальства, устройства, и даже безъ оружія; оно губило армію, приведенную въ такое положеніе, не столько въ слѣдствіе стужи, сколько причинъ, мною выше приведенныхъ.

Я на всё сказанное не только не опасаюсь возраженій, но вызываю ихъ; бросаю перчатку подымай кто хочетъ.

—

ПРИБАВЛЕНІЕ.

По поводу это статьи, напечатанной уже въ журналѣ «Библіотека для Чтенія,» г-нъ редакторъ этого журнала пригласилъ любителей отечественной исторіи прибѣгнуть къ архиву бывшаго Виленскаго университета, для отысканія точныхъ свѣденій о состояніи воздуха во второй половинѣ 1812 года, изъ вѣдомостей, представленныхъ гимназіями тѣхъ губерній, чрезъ которыя Наполеонъ совершалъ свое отступленіе. Виленская астрономическая обсерваторія доставила ему изъ метеорологическихъ книгъ все, что касается до состоянія Реомюрова термометра въ Вильнѣ съ 1-го августа по 31-е декабря того года; но ни въ архивѣ университета, ни на обсерваторіи не отыскалось ничего о термометрическихъ наблюденіяхъ, сдѣланныхъ въ другихъ губерніяхъ, по причинѣ разстройства учебныхъ заведеній въ слѣдствіе грозы военной. Какъ ни мало удовлетворительны доставленныя въ *Библіотеку для Чтенія* документы, представляющіе состояніе температуры въ одной только Вильнѣ, которой географическая широта южнѣе Смоленской 6-ю, а Оршинской 11-ю минутами, и которой долгота простирается отъ 6 до 7 градусовъ къ востоку (*);

	Широта				Долгота отъ Ферро.		
(*) Вильно	54°	41'	2"	. . .	42°	57'	23"
Смоленскъ	54	47	15	. . .	49	45	5
Орша	54	30	22	. . .	48	5	21.

при всемъ томъ можно ясно видѣть, что до 23-го ноября какъ въ Вильнѣ, такъ въ Вязьмѣ и въ Смоленскѣ, положеніе воздуха не доходило до той смертоносной стужи, о какой чужеземцы стараются разглашать по всему свѣту.

Чтобы дополнить возраженія мои на молву, болѣе и болѣе отъ времени укореняющуюся, я представляю здѣсь выписку изъ Виленской вѣдомости; въ этой выпискѣ означены измѣненія высотъ Реомюрова термометра въ Вильнѣ, со дня отступленія французской арміи изъ Малоярославца до совершенія переправы ея черезъ Березину. Я далѣе не выписываю потому, что, какъ уже сказалъ, за Березиной французская армія, въ смыслѣ военномъ, уже не существовала.

—

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТАБ

Виленской астрономической обсерваторіи.		Показаніе Гурго.	Показаніе
Числ. град.			
Октября 15 + 5°	тепла.		4° стужи
——— 15 + 3°. 7			
——— 17 + 3. 5			
——— 18 — 0. 5	мороза.		
——— 19 — 0. 5			
——— 20 — 2° 5			
——— 21 — 4.			
——— 22 — 5° 2			
——— 23 — 0 —			23-го числа снѣгъ, умѣренная.
——— 24 + 2° тепла.			24-го числа снѣгъ
		до 25-го числа погода хорошая	
——— 25 + 1°. 5	тепла.		25-го числа снѣгъ ромъ, слѣдственно
——— 26 + 1°			
——— 27 + 1			
——— 28 — 2° мороза.			28-го числа 12° стужи.
——— 29 + 1°	теп.		
——— 30 + 1			
——— 31 + 3° 5	мороза.	 , ...	31 ч. } 17° сту-
Ноября 1 — 8°			1 ч. Н. } жи.
——— 2 — 9. 2			Со 2-го числа стужа
——— 3 — 6. 5			
——— 4 — 3			
——— 5 — 2			
——— 6 + 1°. 5	теп.		6-го ч. началась от-
——— 7 + 1. 5			7-го ч. оттепель ум-
——— 8 — 0. 5	мороза.	8-го числа оттепель въ полной силѣ.	Съ 7-го на 8-е чис-
——— 9 — 2°. 2			пилъ въ Днѣпръ,
——— 10 — 6. 2			на берегу орудія
——— 11 — 5. 5			чинѣ тонкости льда
——— 12 — 2°			12-го числа отте-
——— 13 — 2°			
——— 14 — 4°			
——— 15 — 4°			
——— 16 — 1°. 5			

ЛИЦА ПОКАЗАНІЙ.

Шамбре.	Показаніе Наполеона.	Показаніе Жомини и Коха.
слѣдственно, стужа продолжается.		
сильный съ вѣт- холоднѣе.		
Самая сильная стужа до Берез.		Самая жестокая стужа продолжалась отъ 28-го октября до 1-го ноября. *Кохъ.*
уменьшилась.	Еще три дня хорошей погоды—и армія совершила бы въ устройствѣ свое отступленіе.	1-го ноября армія вступила въ Смоленскъ толпами и непохожая на себя: трехдневная, вовсе не чрезвычайная стужа ее разстроила. До Краснаго стужа измѣнилась отъ 3° до 8°. *Жомини.*
тепель. ножилась.		
до Ней частію пото- а частію оставилъ и тяжести по при- пель прекращается.		8-го числа наступила оттепель. *Жомини.*

РАЗБОРЪ ТРЕХЪ СТАТЕЙ, ПОМѢЩЕННЫХЪ

ВЪ

ЗАПИСКАХЪ НАПОЛЕОНА.

РАЗБОРЪ ТРЕХЪ СТАТЕЙ, ПОМѢЩЕННЫХЪ

ВЪ

ЗАПИСКАХЪ НАПОЛЕОНА.

ПОСВЯЩАЕТСЯ МОИМЪ ДРУЗЬЯМЪ И СОТРУДНИКАМЪ, СЛУЖИВШИМЪ ВЪ МОЕЙ ПАРТІИ 1812 ГОДА.

Я давно читаю и не перестаю читать записки Наполеона, сочиненныя имъ на островѣ св. Елены и изданныя послѣ смерти его генералами Гурго и Монтолономъ.

Широкіе очерки, живыя картины, неожиданныя мысли и выраженія, и вообще какая-то воинственная оригинальность слога, отличаютъ произведеніе это отъ всѣхъ другихъ подобнаго рода, произведеній. Смѣло можно сказать, что Наполеонъ явился на этомъ новомъ для него поприщѣ, каковымъ бывалъ онъ на полѣ брани, въ государственномъ совѣтѣ и въ частныхъ бесѣдахъ: вездѣ исполинъ мысли, вездѣ со своимъ собственнымъ, цѣльнымъ характеромъ, но увы! всегда и всюду, играя легковѣріемъ людей, онъ представляетъ имъ обстоятельства и событія въ томъ свѣтѣ, въ какомъ желаетъ, чтобы ихъ видѣли, а не въ томъ, въ какомъ они дѣйствительно были. Можетъ быть, въ началѣ онъ почиталъ это средство самымъ дѣйствительнымъ, для увлеченія умовъ за колесницею побѣдителя; но поэтъ въ душѣ, увлеченный симъ полетомъ своего воображенія, онъ мало по малу самъ убѣдился въ истинѣ всѣхъ ложныхъ

сказаній, имъ же самимъ вымышленныхъ и обнародованныхъ лишь для введенія въ заблужденіе другихъ. Такимъ образомъ Руссо любилъ идеальную Юлію, какъ существо живое, его любившее; такимъ же образомъ пламенный Тассъ былъ убѣжденъ, что битвы подъ стѣнами Іерусалима происходили не иначе, какъ онѣ изображались въ безсмертномъ его твореніи.

Я могу ошибаться, но при всемъ томъ мое мнѣніе правдоподобнѣе: смотрите, съ какою рѣшительностію, съ какимъ нетерпѣніемъ и даже, если только можно сказать, съ какою досадою Наполеонъ опровергаетъ въ запискахъ своихъ великія дѣянія, всему свѣту извѣстныя!.... Притворство не имѣетъ подобныхъ порывовъ, впрочемъ, какая бы ни была причина неосновательныхъ описаній, разбросанныхъ по сей сокровищницѣ военныхъ и политическихъ наблюденій, причина не оправдываетъ слѣдствія, и мы не безъ удивленія видимъ, какъ этотъ новый историкъ, опровергая и уничтожая описанія подвиговъ тѣхъ войскъ и военачальниковъ, которые противъ него сражались, касается и службы русскихъ партизановъ.

«Ни одинъ больной», говоритъ онъ, «ни одинъ отдалившійся, ни одна эстафета, ни одинъ подвозъ не были захвачены въ теченіи этой кампаніи отъ Майнца до Москвы. Не проходило дня безъ полученія извѣстія изъ Франціи, не проходило дня безъ того, чтобы Парижъ не получалъ писемъ изъ арміи» (*).

Потомъ четырнадцать страницъ далѣе, онъ говоритъ:

«Во время движенія на Москву, онъ никогда не имѣлъ въ тылу своемъ непріятеля. Во время двадцатидневнаго пребыванія его въ этой столицѣ, ни одна эстафета, ни одинъ подвозъ съ зарядами не были перехвачены, ни одинъ почтовой укрѣпленный домъ (таковый находился на каждомъ посту) не былъ атакованъ; артиллерійскіе подвозы и военные экипажи безпрепятственно доходили» (**).

(*) Mémoires pour servir à l'histoire de France, par Napoléon publiés par Montholon. Tom. I, pag. 98.

(**) Mémoires pour servir à l'histoire de France par Napoléon, publiés par Montholon. Tom. II, pag. 112.

И наконецъ, семь страницъ далѣе, опять обращаясь къ тому же предмету, онъ повторяетъ:

«Во время Аустерлицкой, Іенской, Фридландской и Московской кампаній ни одна эстафета не была перехвачена, ни одинъ обозъ съ больными не былъ взятъ; не проходило дня, чтобы главная квартира не получала извѣстія изъ Парижа (*)».

Слова, падшія съ такой высоты, не суть уже шипѣніе раздраженной посредственности, столь давно преслѣдующей нашихъ партизановъ. Это удары Юпитера; звукъ ихъ можетъ увѣковѣчиться въ общемъ мнѣніи, какъ увѣковѣчились въ немъ всѣ тѣ ложныя преданія, которыя не были изслѣдованы, въ слѣдствіе равнодушія и лѣности людей, безпечно повторявшихъ то, что уже было сказано другими.

Я одинъ изъ обвиняемыхъ. Честь вооружаетъ меня противъ нареканій ужасныхъ, сокрушительныхъ, можетъ быть, неотразимыхъ. Но что дѣлать? Новый Леонидъ, иду на громады Ксеркса! Мнѣніе мое о партизанской моей службѣ не равняется съ тѣмъ вниманіемъ, коимъ почтили ее мои соотчичи, однако оно не упадаетъ и до презрѣнія. Я скажу болѣе: я считаю себя рожденнымъ единственно для роковаго 1812 года, но рожденнымъ подобно тому рядовому солдату, который въ дыму и сумятицѣ Бородинской битвы, стрѣляя на удачу, убилъ съ десятокъ французовъ.—Какъ мало не употребилъ онъ на то и знанія и дарованія, при всемъ томъ ему выпалъ жребій уменьшить непріятельскую армію десятью человѣками и этимъ содѣйствовать своимъ товарищамъ въ общемъ ея истребленіи.

Такъ думаю я о себѣ; я ослабилъ непріятельскую армію по мѣрѣ способовъ, предоставленныхъ мнѣ начальствомъ, и способностей, данныхъ мнѣ природою.

Въ волѣ Наполеона налагать, въ числѣ прочихъ, и на меня проклятіе за пролитую кровь его воиновъ; но не отнимай онъ у меня дѣлъ моихъ, не стирай съ сабли моей кровавыхъ

(*) Les memes. Tom. II, pag. 119.

брызговъ, этихъ отпечатковъ чести, купленныхъ трудами и ежеминутною жертвою жизни..... Это моя собственность, это мой участокъ, въ славѣ земляковъ моихъ тѣмъ для меня драгоцѣннѣйшій, что онъ одинъ возвышается на моей жизни, безплодной въ своей юности и до самой старости никакимъ полезнымъ и славнымъ дѣяніемъ не ознаменованной! Но какой избрать способъ къ защитѣ этой собственности? Обнародовать эѳирныя строки моихъ собственныхъ записокъ, въ надеждѣ, что онѣ затмятъ во мнѣніи людей неизгладимый приговоръ чрезвычайнаго человѣка, было бы верхъ смѣшной и безполезной дерзости, да и кто возметъ на себя трудъ читать описаніе, поступившее въ область вымысловъ съ тѣхъ поръ, какъ клеймо отверженія горитъ на каждомъ его листѣ.

Опровергнуть взводимыя на нашихъ партизановъ нареканія убѣдительными и неопровержимыми доказательствами! Но гдѣ для этого найти документы?

Постараемся отыскать ихъ въ бюллетеняхъ французской арміи, сочиненныхъ какъ извѣстно самимъ Наполеономъ.

Въ Монитерѣ, въ этомъ единственномъ оффиціальномъ журналѣ французскаго правительства.

Въ письмахъ маршала Бертье къ начальникамъ корпусовъ большой арміи.

Въ отбитыхъ у непріятеля бумагахъ, хранящихся въ главномъ штабѣ Государя Императора.

И въ тѣхъ описаніяхъ кампаній 1812, авторовъ которыхъ нельзя упрекнуть въ пристрастіи къ нашему войску.

Такъ на примѣръ:

Наполеонъ говоритъ: «Во время Аустерлицкой и Французской (*) кампаній ни одна эстафета не была перехвачена, ни одинъ обозъ съ больными не былъ взятъ; не проходило дня, чтобъ армія не получала извѣстія изъ Парижа!»

(*) Я съ намѣреніемъ выпускаю слово *и Московской*; о ней сказано будетъ особо.

Правда, что въ кампаніяхъ Аустерлицкой и Іенской мы не слыхали ни объ одномъ партизанскомъ покушеніи. Я полагаю, что причиною этого бездѣйствія было оцѣпенѣніе австрійскихъ и прусскихъ военачальниковъ, въ слѣдствіе понесенныхъ ими рѣшительныхъ пораженій, при самомъ открытіи обѣихъ кампаній, Страхъ и изумленіе такъ сильно овладѣли самыми твердыми душами, что самъ Блюхеръ, подобно прочимъ прусскимъ генераламъ, имѣя сверхъ 33 баталіоновъ, 54 эскадрона, положилъ оружіе въ Ратковѣ; видя опасность неминуемую, онъ могъ съ этимъ средствомъ двинуться къ Гамбургу или Науенбургу и, перейдя Эльбу, долго наносить партизанской войной чувствительные удары непріятельской арміи. Я увѣренъ, что еслибъ Іенское сраженіе не воспослѣдовало при самомъ началѣ войны, и если бы прусское войско успѣло бы нѣсколько привыкнуть къ разнообразію военныхъ случайностей, то не только Блюхеръ, но и генералы, менѣе его одаренные мужествомъ и духомъ предпріимчивости, прибѣгли бы къ этому послѣднему средству погибающей храбрости, и извлекли бы изъ него великую пользу для своего отечества. Какъ бы то ни было, но слова Наполеона на счетъ кампаній Аустерлицкой и Іенской, относительно партизанскаго дѣйствія, совершенно справедливы и не допускаютъ ни малѣйшаго возраженія.

Нельзя того же сказать о такъ называемой имъ Фридландской кампаніи (что̀ мы называемъ кампаніею 1807 года въ восточной Пруссіи).

Съ самаго начала этой кампаніи, русская армія твердо и мужественно встрѣтила непріятеля. Подъ Пултускомъ она отразила часть Наполеоновой арміи и отступила лишь потому, что съ нашей стороны бой происходилъ не на томъ пунктѣ, гдѣ бы слѣдовало его принять. Главныя силы французской арміи были обращены тогда не на Пултускъ, а двигались изъ Плоцка и Торна, онѣ угрожали правому флангу нашей арміи, находившемуся у Голомина и Макова; слѣдовательно, въ случаѣ успѣха и неудачи, намъ нельзя было оставаться у Пул-

туска, и еще менѣе преслѣдовать къ Варшавѣ французскія войска, надъ которыми мы подъ Пултускомъ одержали верхъ. Малѣйшее замедленіе наше, малѣйшій шагъ впередъ вдоль границы восточной Галиціи, тогда принадлежавшей Австріи, дали бы Наполеону возможность пресѣчь наше сообщеніе съ Россіею или вынудили бы насъ вступить въ нейтральное государство. Это побудило Бенингсена немедленно отступить и перенести театръ войны въ старую Пруссію. Мы избрали направленіе ошибочное, но обязаны спасеніемъ лишь тому обстоятельству, что перехватили курьера, посланнаго Бертье къ Бернадоту, преслѣдуемому нами по направленію къ Торну. Мы быстро сосредоточили нашу армію при Янковѣ и сразились съ непріятелемъ при Прейсишъ-Эйлау; послѣ этого кровопролитнаго, но нерѣшительнаго сраженія, каждая сторона хвалилась побѣдой. И такъ, побѣда Французовъ при Фридландѣ есть единственный рѣшительный успѣхъ, одержанный надъ непріятелемъ въ этомъ походѣ; но до этого несчастнаго для насъ событія мы имѣли время пріучить наши легкія войска къ частнымъ сшибкамъ съ непріятелемъ, и эта школа продолжалась около полугода. Нечаянныя удачи привели къ успѣхамъ обдуманнымъ и зрѣлымъ. Наконецъ, въ слѣдствіе наблюденія, опытности, отваги, наши предпріятія стали принимать характеръ партизанской войны. Но, будучи плодомъ частныхъ вдохновеній и порывовъ, а не соображенія главнаго начальства, эти дѣйствія не имѣли связи между собою. Невозможно было еще составить нѣчто *цѣлое* и дружно направить натискъ къ одной общей цѣли, которую въ то время еще не сознавали ни начальники, ни наѣздники. Спустя долгое время послѣ нашего отступленія въ нѣдра Россіи, когда гибель отечества принудила всѣхъ напрягать умственныя и существенныя силы наши къ его спасенію, только тогда убѣдились мы въ большей или меньшей пользѣ, какую могли принести легкіе отряды, дѣйствующіе въ согласіи между собой на сообщеніяхъ наступательной непріятельской арміи, по мѣрѣ ея отдаленія отъ источника средствъ и запасовъ. И такъ, соглашаясь съ тѣмъ,

что партизанскіе набѣги въ кампаніи 1807 года были произведены независимо отъ вліянія высшаго начальства и слѣдовательно безъ взаимной между собою связи, я не могу сказать, что подобныхъ набѣговъ вовсе не было. Бюллетени и Монитёръ, эти архивы истины, въ которыхъ Французы признаются въ своихъ неудачахъ, возопіютъ противъ меня! Записки Наполеона, оцѣняя важность одной изъ перехваченныхъ въ этой кампаніи депешей, весьма справедливо изображаютъ бѣдственное положеніе нашей арміи, если бъ эта депеша достигла своею назначенія. Онѣ между тѣмъ окажутъ намъ и другую услугу: въ нихъ мы встрѣчаемъ явное противорѣчіе удостовѣренію мною опровергаемому и въ той же книгѣ изложенному. Начнемъ съ записокъ, а потомъ приведемъ въ свидѣтели Монитёръ и Бюллетени. «Послѣ сраженія при Пултускѣ въ декабрѣ 1806 командовавшій россійскою арміею генералъ Бенингсенъ выступилъ къ нижней Вислѣ съ тѣмъ, чтобы напасть на маршала принца Понте-Корво (Бернадота), занимавшаго Эльбингъ. Наполеонъ, оставивъ Варшаву $\frac{13}{25}$ января 1807, сосредоточилъ армію въ Билленбергѣ и двинулся на лѣвый флангъ Русскихъ въ намѣреніи опрокинуть ихъ къ Фришъ-Гафу. Снѣгъ и ледъ покрывали землю. Русская армія находилась въ крайней опасности; уже французская армія достигла тыла ея, какъ вдругъ казаки схватили офицера главнаго штаба принца Невшательскаго (Бертье). Взятыя на немъ депеши извѣстили о движеніи. Бенингсенъ, устрашенный, поспѣшно стянулся къ Аленштейну, и проч.» (*).

Вотъ что объявлено о томъ же въ Монитёрѣ:

«Французская армія еще не трогалась съ мѣста. Всѣ другіе корпуса покойно оставались въ своихъ квартирахъ. Она медлила за тѣмъ, чтобы дѣйствіе непріятеля болѣе обрисовывалось, и боялась своимъ движеніемъ обратить его вниманіе на бѣдствія, которымъ онъ подвергался.

(*) Mémoires pour servir à l'histoire de France, par Napoléon, publiés par Montholon. Tom. II, pag. 55.

«Между тѣмъ движеніе Русскихъ все болѣе и болѣе съ каждымъ днемъ обозначалось. Они прошли Остероде и вступили въ Лебау. Тогда по сигналу, данному во Французской главной квартирѣ, войска тронулись и всѣ устремились на лѣвый флангъ непріятеля, съ намѣреніемъ зайти ему въ тылъ. Но на войнѣ встрѣчаются обстоятельства, не подвластныя разсчетамъ. Офицеръ, принадлежавшій главному штабу, былъ посланъ къ принцу Понте-Корво съ описаніемъ движенія войскъ Французской арміи. Начальникъ главнаго штаба, извѣщая принца о намѣреніи императора, предписывалъ ему отступить до самаго Торна, дабы тѣмъ заманить далѣе непріятеля. Офицеръ этотъ былъ схваченъ казаками и не успѣлъ разорвать своей депеши. И такъ россійскій генералъ узналъ заблаговременно объ опасности, которая бы неминуемо постигла его 48-ю часами позже. Это способствовало ему прибыть (22 января) 3 февраля со всею арміею въ Аленштейнъ и встрѣтить въ боевомъ порядкѣ шедшую по сему пути французскую армію. Таковое обстоятельство показалось не изъяснимымъ. Тайна открылась на другой лишь день, когда узнали, что посланный офицеръ былъ взятъ непріятелемъ, не успѣвъ сжечь депеши.» (*).

Монитёръ заключаетъ статью эту повтореніемъ: «Онъ (непріятель) былъ бы истребленъ, если бы офицеръ, посланный съ депешами къ принцу Понте-Корво, сжегъ ихъ, ибо все было такъ разочтено, чтобы непріятель не прежде 48-ми часовъ могъ извѣститься о томъ, о чемъ узналъ изъ депеши. Россійская армія избѣгла гибели въ слѣдствіе одного изъ происшествій, которыя предоставлены случаю, для напоминанія людямъ, что онъ участвуетъ во всѣхъ человѣческихъ соображеніяхъ и событіяхъ, и что если рѣшительные удары, истребляющіе армію и измѣняющіе ходъ кампаніи, суть плоды опытности генія, то они не менѣе того нуждаются въ его содѣйст-

(*) Moniteur de 1807.

віи.» (*) Такой курьеръ стоитъ ста эстафетъ, часто привозящихъ извѣстія лишь о сплетняхъ парижскихъ актеровъ, или о пустословіи Брутовъ, болтуновъ Пале-Рояля.

Въ теченіи этой кампаніи были взяты и другіе курьеры, между которыми находился извѣстный императорскій ординарецъ Монтескью; но такъ какъ о нихъ не было упомянуто въ официальныхъ бумагахъ, то и я умолчу о нихъ.

Относительно больныхъ, извѣстно, что при нападеніи на корпусъ маршала Нея, 24 мая (5 іюня) при Гутштадтѣ и $^{25}/_{6}$ при Анкендорфѣ, не только больные этого корпуса, но и обозы, паркъ, канцелярія и собственные экипажи маршала сдѣлались добычей казаковъ Платова, переплывшаго черезъ Алле и черезъ Пасаргу. Въ доказательство того, что они дѣйствовали въ тылу непріятеля, служитъ 78-й бюллетень французской арміи, въ коемъ сказано о дѣлѣ при Анкендорфѣ. «Нашъ уронъ состоялъ въ 160 человѣкахъ убитыми, 200 ранеными и 250 взятыми въ плѣнъ. Большая часть послѣднихъ были схвачены казаками, которые по утру до атаки, появились въ тылу арміи.» 78 бюллетень, 31 мая (12 іюня) 1807 года, Гейльсбергъ (**).

Изъ этого видно, что отрядъ Платова, составленный изъ десяти казачьихъ полковъ, Павлоградскаго гусарскаго, 1-го егерскаго и двѣнадцати орудій конной артиллеріи, былъ уже въ тылу 14-ти тысячнаго корпуса, когда поведена была на него 80-ти тысячной арміи атака съ трехъ сторонъ. Спрашиваю всякаго истинно военнаго человѣка: могъ ли Платовъ не похитить всего того, что находилось на этомъ удобномъ для похищенія пунктѣ. Если уже тамъ взяты всѣ находившіяся при корпусѣ важнѣйшія бумаги, которыя донынѣ хранились у генерала Бенингсена, если, по увѣренію самаго бюллетеня, тамъ

(*) Moniteur de 1807.

(**) Ложное показаніе. Въ сей день было взято 60 офицеровъ, 1,500 рядовыхъ и 2 орудія. Одни казаки взяли 55 офицеровъ и 705 рядовыхъ.

взяты были и 250 здоровыхъ солдатъ, то какимъ же способомъ могъ избѣжать подобной же участи транспортъ больныхъ? Перемѣщеніе ихъ было столь же затруднительно, какъ передвиженіе артиллерійскихъ парковъ, провіантскихъ фуръ, которыя, не имѣвъ времени при внезапной атакѣ удалиться въ безопасное мѣсто, также попались въ руки летучему корпусу атамана.

Впрочемъ, зачѣмъ привязываться къ словамъ? Намѣреніе Наполеона очевидно: говоря о безпрепятственномъ доставленіи эстафетъ и о неприкосновенности своихъ больныхъ, онъ не столько имѣлъ въ виду эстафеты, и больныхъ, какъ убѣдить, что въ теченіе этой кампаніи тылъ его арміи былъ недоступенъ, и что войска наши ничего здѣсь не отбили. Вотъ сущность обвиненія, и такъ прибавимъ къ этому слѣдующее:

Въ одномъ изъ бюллетеней сказано: «Генералъ Викторъ (въ послѣдствіи маршалъ и герцогъ Бюлленскій; онъ командовалъ тогда вторымъ корпусомъ большой арміи), былъ, во время проѣзда своего въ Штетинѣ, схваченъ съ адъютантомъ своимъ партіею, производившею въ той странѣ поиски и состоявшею изъ 25 гусаръ.» 53-й бюллетень 10 января (22 февраля) 1807, Варшава.

Въ другомъ:

«Въ сторонѣ Вилленберга три тысячи русскихъ плѣнныхъ были освобождены партіею, состоявшею изъ 1000 казаковъ.» 60-й биллютень $^{5}/_{17}$ февраля 1807. Эйлау. Тутъ нужно замѣтить слѣдующее: что плѣнные были освобождены не казаками, а кіевскимъ драгунскимъ полкомъ, подъ командою генералъ-майора Львова; этотъ генералъ былъ посланъ на поискъ изъ отряда Седморацкаго, занимавшаго Іоганисбургъ. Явившись въ тылу французской арміи, во время ея движенія къ Прейсишъ-Эйлау, онъ отбилъ въ окрестностяхъ Вилленберга не 3,000 русскихъ, а до 5,000 русскихъ и прусскихъ плѣнныхъ, слѣдовавшихъ въ Варшаву, и благополучно возвратился съ ними въ Іоганисбургъ.

Если этого не довольно, то вотъ еще случай, который можетъ мнѣ служить сильнѣйшею подпорою:

$^{13}/_{25}$ января Бернадотъ опрокинулъ авангардъ нашъ подъ Морунгеномъ и до глубокой ночи преслѣдовалъ его къ Либштадту, не заботясь о первомъ мѣстечкѣ, оставшемся въ тылу его и, по видимому, совершенно безопасномъ въ слѣдствіе наступательнаго его движенія. Къ его несчастію, прибыли того же числа къ вечеру въ село Лоокенъ полки, Сумскій гусарскій и Курляндскій драгунскій, находившіеся тогда подъ начальствомъ—первый графа Петра Петровича Палена, а послѣдній — флигель адьютанта князя Михаила Долгорукаго. Примѣтивъ, что пушечный гулъ болѣе и болѣе отдаляется по направленію къ Либштадту, благородный и неустрашимый Паленъ почелъ за стыдъ оставаться въ бездѣйствіи въ то время, какъ другіе сражаются, и рѣшился самовольно двинуться въ тылъ французскаго корпуса. Между тѣмъ, не желая совершенно очистить занятый имъ пунктъ, который могъ быть весьма важенъ въ предначертаніяхъ главнаго начальства, онъ умѣлъ сочетать отважность съ благоразуміемъ. Онъ лишь съ тремя эскадронами драгунъ и двумя эскадронами гусаръ, двинувшись на Экерсдорфъ и Гимельфортъ, прибылъ въ глубокую ночь къ Морунгену, занятому лишь непріятельскими обозами; Паленъ и Долгорукій, ворвавшись въ улицы, разбудили оружіемъ и выстрѣлами спокойно отдыхавшее прикрытіе. Все находящееся въ Морунгенѣ попалось въ руки нашимъ эскадронамъ, такъ что $^{15}/_{27}$ числа, когда Бернадотъ, въ слѣдствіе наступательнаго на него движенія всей нашей арміи, возвратился съ корпусомъ въ Морунгенъ, онъ нашелъ въ немъ лишь мертвыя тѣла, изрубленныя повозки и разносимыя вѣтромъ бумаги его канцеляріи; все имущество Бернадота, вскорѣ ему возвращенное, сдѣлалось добычей предпріимчивыхъ генераловъ нашихъ. (*)

(*) Сущность дѣла взята изъ донесенія главнокомандующаго Государю Императору; нѣкоторыя подробности его собраны мною на мѣстѣ сраженія.

Я бы этимъ могъ заключить возраженія свои на кампанію 1807 года; но справедливость требуетъ, чтобы я не умолчалъ и о собственномъ неумѣньи нашемъ извлечь всю пользу, которую могли доставить намъ огромныя полчища легкихъ войскъ, прибывшія въ армію съ береговъ Дона, Кубани и Урала. И подлинно, за исключеніемъ вышеупомянутыхъ дѣйствій, изъ которыхъ лишь два принадлежатъ казакамъ, вся служба ихъ ограничивалась лишь содержаніемъ передовой стражи и дѣйствіемъ наравнѣ съ линейными войсками; эти дѣйствія не соотвѣтствовали разнороднымъ ихъ наклонностямъ, подвижности, хитрости и вообще качествамъ воинственнаго народа, котораго методическіе уставы не привели еще къ европейскому однообразію.

Отрядъ атамана Платова состоялъ, какъ уже я выше сказалъ, изъ слѣдующихъ полковъ: десяти казачьихъ, одного гусарскаго, одного егерскаго и 12 орудій конной артиллеріи. Какое было назначеніе этому отряду?

До марта мѣсяца онъ находился въ авангардѣ главной арміи. Отъ 1 (13) марта до 24 мая (5 іюня) онъ составлялъ при Пассенгеймѣ связь главной арміи съ корпусомъ, дѣйствовавшимъ на Наревѣ, а потомъ до Тильзитскаго мира онъ не выходилъ изъ состава боевой линіи главной арміи. Какую извлекли изъ этого пользу? Никакую, или весьма скудную! Казаки били, были биты, нападали, отступали и наконецъ отступили до Тильзита вмѣстѣ съ прочими войсками арміи.... Но, Боже мой! какое представлялось ему обширное поле для приложенія къ дѣлу его природной удали!

Если бы, во время движенія французской арміи отъ Вилленберга чрезъ Алленштейнъ и Ландсбергъ къ Прейсишъ-Эйлау, бо̀льшая часть казачьихъ полковъ была оставлена на правомъ берегу Алле, между Зебургомъ и Гейльсбергомъ для дѣйствія партіями въ тылу непріятеля, какъ то сдѣлалъ генералъ Львовъ съ однимъ лишь драгунскилъ полкомъ....

Если бы вмѣсто того, чтобы заниматься въ окрестностяхъ Пассенгейма около трехъ мѣсяцевъ сшибками и перестрѣлками съ новонабранными польскими войсками, параллельно противъ нихъ стоявшими въ окрестностяхъ Инденбурга, казаки наши, раздѣлясь на партіи, предприняли бы поиски, съ одной стороны между Гогенштейномъ и Гилленбургомъ на сообщеніе главной французской арміи съ Торномъ, а съ другой чрезъ Хорцеленъ и Присницъ на сообщеніе корпуса Массены съ Варшавою...

Если бы во время наступательнаго движенія французской арміи на Гейльсбергъ, казачьи полки были двинуты отъ Гейльсберга чрезъ Гутштадтъ вдоль лѣваго берега Пассарги на Морунгенъ, Прейсишъ-Голландъ и Мюльгаузенъ, и наконецъ если бы во время отдѣленія нашей арміи отъ Фридланда къ Тильзиту, означенные полки, отойдя къ Гердауену, вдругъ ринулись бы оттуда чрезъ Фридландъ къ Кенигсбергу....

Тогда только они принесли бы истинную пользу общему дѣлу. Дѣйствуя совершенно въ смыслѣ партизанской войны, въ землѣ, съ нами союзной и противъ конницы утомленной и неспособной къ отраженію внезапныхъ партизанскихъ натисковъ, они неминуемо распространили бы ужасъ въ тылу французской арміи. Безъ сомнѣнія, имъ было бы невозможно задержать вполнѣ арміи великаго полководца; но, отвлекши по крайней мѣрѣ большую часть его конницы, они чрезъ то, лишивъ Наполеона того орудія, которымъ предпріятія его быстро достигали цѣли и узелъ битвы разсѣкался внезапно, значительно замедлили бы его наступленіе.

До сихъ поръ возраженія мои относились къ кампаніи, въ которой партизанскіе набѣги играли второстепенную роль; я теперь обращусь къ войнѣ, въ которой набѣги вступили въ составъ общаго предначертанія главнаго начальства, и, своими славными успѣхами не могли не обратить на себя особеннаго вниманія Наполеона.

Станемъ отвѣчать по статьямъ.

«Во время движенія на Москву, онъ (Наполеонъ) нигдѣ не имѣлъ въ тылу своемъ непріятеля.»

Тутъ представляется нѣкоторое затрудненіе. Какъ разумѣть слова: Dans sa marche sur Moscou? *Во время Московскаго похода*, то есть: *во время Московской кампаніи* или *во время движенія на Москву?* По послѣднему смыслу, Наполеонъ правъ: ибо до вступленія его въ столицу легкая конница наша содержала лишь передовую стражу, и о партизанской войнѣ не было слуха. Первый набѣгъ былъ сдѣланъ при Царевѣ-Займищѣ $^{2}/_{14}$ сентября, въ самый день занятія Москвы, а второй $^{9}/_{21}$ сентября при селѣ Перхушковѣ. Я придерживался бы послѣдняго смысла, и, слѣдовательно не приступилъ бы къ возраженію, если бы самъ историкъ, продолжая говорить о томъ же предметѣ, не уничтожилъ этого смысла слѣдующими словами: *ни одинъ подвозъ не былъ взятъ въ теченіи этой кампаніи, ни одна эстафета не была перехвачена*, и проч.; это доказываетъ то, что онъ имѣлъ въ виду *всю кампанію*, то есть, дѣйствіе отъ Нѣмана до Москвы, пребываніе въ Москвѣ и отступленіе изъ Москвы до Нѣмана.

Для рѣшенія этой задачи, намъ надлежитъ объяснить слѣдующее: *онъ не имѣлъ въ тылу своемъ непріятеля.* Какъ разумѣть эти слова? въ тактическомъ или стратегическомъ смыслѣ? Если въ тактическомъ, то Наполеонъ опять правъ: ибо армія его, расположенная по московскимъ предмѣстьямъ лицомъ въ поле, имѣла въ тылу своемъ только Бѣлый-городъ, Китай-городъ и Кремль (*), занятые главною и корпусными квартирами, ей принадлежащими. Но этого нельзя предположить; Наполеонъ былъ не комендантомъ или не начальникомъ полиціи, чтобы ограничить свой кругъ дѣйствія завѣдываніемъ лишь войсками, не выходившими за шлагбаумы. Начальствуя несмѣтными силами, одаренный всеобъемлющимъ, дальновиднѣйшимъ геніемъ, онъ, ко-

(*) Имена частей города, составляющихъ средину Москвы.

нечно, видѣлъ далѣе камеръ-коллежскаго Вала (*), и потому нельзя предполагать, чтобы онъ хотѣлъ увѣрить насъ въ томъ, что тылъ всякой арміи граничитъ только съ лазаретными фурами, хлебопеками и дежурствами. Изъ этого ясно видно, что онъ разумѣлъ не тактическій, но стратегическій тылъ свой, то есть не Бѣлый-городъ, Китай-городъ и Кремль, а пространство, по которому армія его прибыла и получила съѣстные и боевые подвозы; она должна была имѣть сношеніе съ фланговыми своими корпусами, союзными государствами и Франціею и съ путемъ, по которому надлежало ей отступать въ случаѣ неудачи. Разумѣя такимъ образомъ слово Наполеона, я рѣшаюсь доказать ихъ неосновательность; не прошло пяти дней по занятіи французскою арміею Москвы, какъ уже сообщеніе ея не могло не подвергнуться опасности въ слѣдствіе искуснаго движенія Кутузова съ Рязанской дороги на Калужскую. Это движеніе возбудило восторгъ и удивленіе во всей нашей арміи, и о превосходствѣ его по сіе время умалчиваютъ иностранные писатели, либо по низкому чувству зависти, либо просто по невѣжеству. И такъ одна Тарутинская позиція, столько же наступательная въ стратегическомъ отношеніи, сколько оборонительная по мѣстности и своимъ укрѣпленіямъ, одно уже занятіе этой позиціи, сами собою опровергаютъ все сказанное Наполеономъ. Если прибавимъ къ тому, что отрядъ Дорохова и партія Сеславина производили поиски между Смоленской и Боровской дорогами, по направленію къ Вязьмѣ; если скажемъ, что отдѣльныя команды князя Вадбольскаго находились между Вереей и Можайскомъ, Бенкендорфа между Можайскомъ и Волоколамскомъ, Чернозубова между Можайскомъ и Сычевкой, Фиглева (**) въ окрестностяхъ Звенигорода, и моя партія между Гжатью и Дорогобу-

(*) Насыпь, окружающая Москву.

(**) Не надо принимать Фиглева за Фигнера. Первый служилъ въ Бѣлорусскомъ гусарскомъ полку, а послѣдній въ артиллеріи. Первый находился въ отрядѣ генерала Винценгероде, а послѣдній былъ партизаномъ и дѣйствовалъ въ то время около Москвы, между дорогами Тульскою и Калужскою.

жемъ: тогда смѣло можно сказать, что слова Наполеона сказаны весьма опромѣтчиво и недостойны сего великаго человѣка.

«Во время двадцатидневнаго пребыванія въ Москвѣ.»

Наполеоново пребываніе въ Москвѣ продолжалось не 20, а 34 дня. Онъ вступилъ въ Москву $^2/_{14}$ сентября, а выступилъ изъ нея $^7/_{19}$ октября. Замѣчаніе это весьма важно, ибо эти 14 дней суть главнѣйшіе союзники превосходной тарутинской позиціи, имѣвшей такое непосредственное вліяніе на судьбу непріятельской арміи. И подлинно, выступи армія эта 14-ю днями ранѣе, ни одинъ замыселъ фельдмаршала не достигъ бы полной зрѣлости! Армія наша не успѣла бы усилиться частію войскъ, формированныхъ княземъ Лобановымъ; въ самомъ лагерѣ обученіе рекрутъ и поступившихъ въ линейные полки ратниковъ не пришло бы къ окончанію, съ Дону не успѣли бы прибыть 24 полка казаковъ что̀ съ находившимися при арміи полками составило болѣе 20 тысячъ превосходной легкой конницы, нанесшей непріятелю столь чувствительные удары во время его отступленія; духъ арміи не успѣлъ бы еще возвыситься въ слѣдствіе побѣды, одержанной надъ непріятельскимъ авангардомъ $^6/_{18}$ октября, и наконецъ доставленіе продовольствія не успѣло бы еще вступить въ колею навыка такъ, чтобы, во время преслѣдованія непріятеля, подводы могли постоянно кругообращаться изъ арміи въ хлѣброднѣйшія губерніи, а изъ нихъ въ армію всюду, гдѣ она ни находилась. Все это совершилось между 23 сентябремъ (5 октябремъ) и 7 (19) октябремъ.

Напротивъ, послѣдніе 14 дней довершили разстройство непріятельской арміи. Недостатокъ въ продовольствіи оказался уже по истеченіи 20 дневнаго срока; ибо все, что еще оставалось подъ рукою, все окончательно израсходовалось, а по израсходованіи всего число бродягъ неимовѣрно возрасло, и духъ разврата овладѣлъ всѣми частями арміи. Если бы эта ар-

мія выступила 14-ю днями ранѣе, то она не только избѣгла бы голода, но и прошла бы все разстояніе отъ Москвы до Смоленска путемъ сухимъ и при ясной погодѣ, по той причинѣ, что осень была необыкновенно теплая, а стужи и вьюги поднялись только 28 октября (9 ноября) между Дорогобужемъ и Смоленскомъ, то есть въ то время, когда непріятель могъ уже быть далеко за Смоленскомъ. Я не упрекаю и не критикую, а повѣствую, предоставляя самому читателю дѣлать заключеніе о важности тѣхъ 14-ти дней, о которыхъ Наполеонъ умалчиваетъ.

«*Ни одинъ почтовой укрѣпленный домъ (таковой находился на каждомъ посту) не былъ атакованъ.*»

Партизаны не должны были этого предпринимать; таковыя предпріятія не въ духѣ партизанскаго дѣйствія. Что можетъ принудить партизана къ приступу? Два предмета: или овладѣніе какимъ либо подвозомъ, курьеромъ и чиновникомъ, остановившимися въ укрѣпленномъ почтовомъ домѣ для кратковременнаго отдыха, или упроченіе себя на пути сообщенія непріятеля.

Но до перваго всякій партизанъ можетъ достичь, не прибѣгая къ тѣмъ усиліямъ, которыхъ требуетъ приступъ: ему стоитъ только расположиться въ какомъ либо открытомъ мѣстѣ, смежномъ съ большою дорогою, между двумя почтовыми станціями (étapes) и добыча, къ которой онъ стремится, вскорѣ предстанетъ передъ нимъ на чистомъ полѣ. Что же касается до послѣдняго, онъ никогда его не можетъ достигнуть, ибо при первомъ появленіи передъ нимъ самой малочисленной пѣхотной команды, казаки его должны непремѣнно оставить мѣсто, имъ дорого стоившее; защищая его, они погибнутъ въ немъ для предмета, совершенно противнаго ихъ назначенію.

Но положимъ, что партія удержитъ за собою этотъ укрѣпленный постъ, и тутъ самый успѣхъ будетъ болѣе вреденъ, чѣмъ полезенъ; онъ прикуетъ партію къ одному мѣсту, и принудитъ чрезъ это подвозы миновать это мѣсто окружными до-

рогами, тогда какъ непрестанною подвижностію и появленіемъ партіи на нѣсколькихъ пунктахъ въ одни сутки весьма немного можетъ отъ нея ускользнуть. Если же штурмовать укрѣпленія для того только, чтобы по овладѣніи ими немедленно оставлять ихъ, то это дѣло не столько отважное, сколько безумное, и подобный партизанъ немного напартизанитъ какъ бы ни была огромна его партія.

Но когда это было необходимо, то не только укрѣпленный домъ, но и городъ Верея, обнесенный валомъ и палисадами, былъ взятъ отрядомъ генерала Дорохова; и да не подумаютъ, что городокъ этотъ былъ защищаемъ лишь малымъ числомъ войскъ: въ немъ взято одними плѣнными 377 рядовыхъ, 15 штабъ и оберъ-офицеровъ и одно знамя (*).

«*Ни одинъ больной, ни одинъ отдалившійся не были взяты.*»

Справедливѣе было бы сказать: во время движенія къ Москвѣ и пребыванія ея тамъ ни одинъ госпиталь не былъ взятъ, и вотъ почему: когда армія шла къ Москвѣ, то, какъ я уже замѣтилъ, партизановъ еще не было, а непріятельскіе больные были оставляемы на пути въ городахъ и въ обнесенныхъ оградами монастыряхъ, гдѣ, вмѣстѣ съ ними, оставлялись и войска, какъ для ихъ охраненія, такъ и для прикрытія слѣдовавшихъ къ арміи съѣстныхъ и боевыхъ подвозовъ.

Когда же эта армія вступила въ Москву, то больные не отсылались уже назадъ, а помѣщались въ самой столицѣ; и такъ нашимъ партизанамъ было бы не легко врываться въ улицы городовъ и перелѣзать чрезъ ограды монастырей для подвига, хотя оправдываемаго пользою отечества, но въ сущности всегда ненавистнаго для всякаго истинно православнаго воина! Къ тому же надлежало бы брать ихъ приступомъ, но эти приступы были чужды всего того, что̀ составляетъ пре-

(*) Изъ Histoire de l'expédition en Russie, par M*** (Chambray). Mémoires pour servir à l'histoire de la guerre entre la Russie et la France par Vaudoncourt. Донесеніе Дорохова фельдмаршалу к. Кутузову отъ 29 сентября и 2 октября.

лесть отважнаго предпріятія: великодушной и возвышенной цѣли, той поэзіи нашего кроваваго ремесла, безъ которой мы ничто иное, какъ привиллегированные душегубцы!

Впрочемъ отсрочка продолжалась не долго; всякій знаетъ, что при общемъ отступленіи непріятельской арміи, ни одинъ госпиталь не успѣлъ быть упраздненъ, и всѣ они безъ малѣйшаго усилія попались въ руки побѣдителей.

Что же касается до безопаснаго перемѣщенія больныхъ изъ одного госпиталя въ другой, по случаю накопленія ихъ въ одномъ и уменьшенія въ другомъ госпиталѣ; что касается до благополучнаго проживанія въ тылу непріятельской арміи отдалившихся отъ нея, коихъ принято называть бродягами или мародерами, то это нареканіе уничтожается однимъ уже пребываніемъ нашихъ партій на пространствѣ, гдѣ были разсѣяны непріятельскіе больные и мародеры. Кого увѣрить можно, чтобы наши многочисленныя партіи, рыскавшія вдоль большой Смоленской дороги отъ Москвы до Дорогобужа, смотря хладнокровно на всѣ эти необузданныя шайки разбойниковъ, слѣдовавшія мимо ихъ и грабившія окрестныя села и города, не старались бы истреблять ихъ? Если бы партіи и рѣшились на то, то возможно ли, чтобы поселяне допустили ихъ предавать безпрепятственно огню и мечу ихъ самихъ, равно и имущества! Въ доказательство того, что движеніе взадъ и впередъ людей и подвозовъ по непріятельскому пути сообщенія было не такъ безопасно, какъ о томъ сказано въ разсматриваемомъ мною сочиненіи, служитъ слѣдующее предложеніе, сдѣланное Лористономъ 23 сентября (5 октября); онъ просилъ прекратить народную войну, которая, будучи возбуждаема и поддерживаема партизанами, наносила непріятелю столь страшный вредъ. Фельдмаршалъ отвѣчалъ: «Народъ разумѣетъ войну эту нашествіемъ татаръ, и слѣдовательно считаетъ всякое средство къ избавленію себя отъ враговъ не только не предосудительнымъ, но похвальнымъ и священнымъ.» Этого мало: встревоженный умноженіемъ числа партизанскихъ партій, Наполеонъ, побѣдивъ

въ себѣ чувство гордости, возобновляетъ изъ села Троицкаго $^{8}/_{20}$ октября предложеніе Лористона. Маршалъ Бертье, въ письмѣ своемъ къ князю Кутузову, говоритъ между прочимъ: «Генералу Лористону предложено было предложить вашей Свѣтлости мѣры, чтобы сообразовать военныя дѣйствія съ правилами, установленными во всѣхъ войнахъ, дабы государство терпѣло лишь то зло, которое проистекаетъ изъ самой сущности войны (*).» На это фельдмаршалъ отвѣчалъ: «Весьма трудно обуздать народъ, оскорбленный всѣмъ тѣмъ, что̀ передъ нимъ происходитъ, народъ, не видавшій непріятеля въ нѣдрахъ своего отечества уже 200 лѣтъ и потому готовый погибнуть за него; онъ не умѣетъ различать принятые обычаи отъ тѣхъ, кои не допускаются въ обыкновенныхъ войнахъ. $^{9}/_{21}$ октября, 1812. Тарутино (*).»

Впрочемъ, не одни мародеры, но и самые фуражиры погибали въ этой борьбѣ войскъ съ цѣлою націею. Взглянемъ, что о томъ говорятъ Ларрей, генералъ штаба, докторъ главной французской арміи, господинъ Шамбре, сочинитель «Исторіи нашествія на Россію», и наконецъ самъ Наполеонъ.

«Начальники непріятельской арміи поддерживали нашихъ въ надеждѣ на миръ, увѣряя, что прелиминарные пункты будутъ на дняхъ подписаны. А между тѣмъ тучи казаковъ окружали мѣсто, на коемъ были расположены войска наши, ежедневно похищая у насъ великое число фуражировъ. (**)»

«Къ изнуренію фуражировъ присоединялись пораженія, наносимыя имъ казаками, подъѣзжавшими даже къ заставамъ Москвы (***).»

Повелѣніе Наполеона къ Бертье.

Гжатскъ. 22 августа (3 сентября) 1812 г.

«Напишите генераламъ, командующимъ корпусами, что мы

(*) Lettre du M. Berthier au M. P. Koutousoff $^{8}/_{20}$ Octobre. Troitdzkoé.

(**) Larrey, Mémoires de la Chirurgie militaire.

(***) Chambray, Histoire de l'expédition en Russie. Tom. III.

ежедневно теряемъ много людей отъ безпорядка, господствующаго въ образѣ, принятомъ войскомъ для отысканія пищи; что нужно безъ отлагательства, чтобы они условились между собою на счетъ мѣръ, которыя должны быть соблюдаемы для прекращенія *случаевъ*, *угрожающихъ арміи разрушеніемъ, что число людей, захватываемое непріятелемъ*, *простирается ежедневно до нѣсколькихъ сотенъ*; и потому непремѣнно надлежитъ, подъ опасеніемъ жесточайшаго наказанія, запретить солдатамъ отлучаться по одиначкѣ, а посылать за пищею войска (руководствуясь учрежденіемъ для фуражировъ) командами, наряженными отъ каждаго корпуса, если армія стоитъ совокупно, или отъ каждой дивизіи, если армія раздѣлена на части; надо поручить начальство надъ ними генералу или штабъ-офицеру, придать имъ достаточное число войскъ, для прикрытія ихъ отъ казаковъ и поселянъ во время фуражированія; надо, чтобы они старались тамъ, гдѣ найдутъ жителей, получать провіантъ и фуражъ посредствомъ требованія, не причиняя имъ большаго вреда насильствомъ и похищеніемъ другихъ предметовъ. Наконецъ, исполненіе этого предписанія весьма важно, и безъ сомнѣнія, ревностью къ моей службѣ генералы и корпусные начальники изыщутъ всѣ средства къ прекращенію неустройствъ, о которыхъ идетъ дѣло. Вы не преминете написать также Неаполитанскому королю (Мюрату), командующему конницею, о томъ, что необходимо нужно, чтобы конница его, прикрывая фуражирующихъ, охраняла бы ихъ отъ казаковъ и непріятельской конницы, посылаемыхъ для этого предмета изъ лагеря. Вы предложите принцу Экмюльскому (Даву) не подходить къ авангарду ближе двухъ льё (10 верстъ). Вы ему внушите необходимость сей мѣры, дабы фуражиры, искавъ фуража и провіанта, всегда находились въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ непріятеля. Наконецъ, вы замѣтите герцогу Эльхингенскому (Нею), что онъ теряетъ ежедневно болѣе людей во время фуражированія, чѣмъ на полѣ сраженія, и потому необходимо, чтобы первое производилось съ боль-

шимъ устройствомъ, при чемъ не слѣдуетъ далеко высылать фуражировъ» (*).

И такъ если фуражиры, отправлявшіеся всегда на добычу въ большихъ массахъ чѣмъ мародеры, и наблюдавшіе нѣкоторыя правила и устройства, не могли, не взирая на упреки Наполеона, избѣжать плѣна или смерти, то какимъ же образомъ могли мародеры, скитавшіеся въ землѣ, имъ неизвѣстной, безъ опредѣленной цѣли, безъ начальниковъ, иногда безъ патроновъ и всегда безъ прикрытія пребывать невредимо среди народа, озлобленнаго, вооруженнаго и жаждавшаго мщенія? Если бы дѣйствительно партизаны и поселяне, сложа руки, хладнокровно глядѣли на неистовства, производимыя этою безопасною для нихъ сволочью, то зачѣмъ было Бертье и Лористону предлагать князю Кутузову принятіе мѣръ, для сообразованія военныхъ дѣйствій съ установленными во всѣхъ войнахъ правилами? Зачѣмъ было Наполеону хлопотать о правильномъ устройствѣ во время фуражированія, ибо, какъ видно, онъ смотрѣлъ на мародеровъ своихъ, какъ на *фуражировъ безъ начальства* и связи? Не многозначительны ли эти слова: 1.) «Мы ежедневно теряемъ много людей отъ безпорядка во время отыскиванія пищи; 2.) Нужно безотлагательно условиться на счетъ мѣръ, которыя должны быть приняты къ прекращенію случаевъ, угрожающихъ арміи разрушеніемъ; 3.) Число людей, забираемыхъ непріятелемъ, ежедневно простирается до нѣсколькихъ сотенъ и 4.) Ней ежедневно теряетъ болѣе людей на фуражированіи, нежели въ сраженіи?» Но, довольно говорить о бродягахъ и мародерахъ, истребленіе которыхъ было впрочемъ болѣе дѣломъ поселянъ, нежели партій устроенныхъ и направившихся на сообщеніе непріятеля съ гораздо важнѣйшею цѣлью.

«Ни одна эстафета не была перехвачена....»

(*) Chambray, Histoire de l'expédition en Russie. Lettre de Napoléon au Major-général. 3 Sept. 1812. Gjatsk. T. III.

Не говоря уже о тѣхъ, которыя попались мнѣ въ руки, я упомяну только о нѣкоторыхъ курьерахъ, перехваченныхъ другими партизанами.

Мнѣ, можетъ быть, скажутъ, что донесенія начальству не суть документы вѣрные и неоспоримые; я согласенъ, когда они упоминаютъ лишь о числѣ убитыхъ и раненыхъ; это число бываетъ часто преувеличено относительно непріятеля и уменьшено относительно своихъ войскъ. Что же касается до донесеній о плѣнныхъ или о перехваченныхъ курьерахъ съ депешами, то большой ошибки сюда допустить нельзя, ибо плѣнный или курьеръ лично представляется въ главную квартиру, гдѣ, послѣ допроса, онъ поступаетъ въ списокъ тѣхъ плѣнныхъ, которые были взяты прежде него; отобранныя отъ нихъ депеши хранятся подъ нумерами, что̀ можно и теперь видѣть въ главномъ штабѣ Государя Императора.

И такъ, вотъ мои доказательства:

Въ рапортѣ фельдмаршала къ Государю Императору, отъ 22 сентября (4 октября), сказано:

«Сентября $^{11}/_{23}$ генералъ-маіоръ Дороховъ, продолжая дѣйствія съ своимъ отрядомъ, доставилъ перехваченную имъ у непріятеля почту въ двухъ запечатанныхъ ящикахъ, а третій ящикъ съ ограбленными церковными вещами; $^{12}/_{24}$ сентября поймано его же отрядомъ на Можайской дорогѣ два курьера съ депешами» и проч.

Въ рапортѣ генерала Винценгероде къ Государю Императору изъ города Клина, отъ $^{3}/_{15}$ октября, сказано:

......«На сихъ дняхъ симъ послѣднимъ полковникомъ (Черновубовымъ) взяты два французскіе курьера, ѣхавшіе изъ Москвы съ депешами...»

Фельдмаршалъ доноситъ также Государю Императору, отъ $^{1}/_{13}$ октября, о взятіи 24 сентября (6 октября) курьера близь Вереи подполковникомъ княземъ Вадбольскимъ.

Генералъ Винценгероде доноситъ Государю Императору, отъ $^{8}/_{20}$ октября, изъ села Чашникова, о взятіи курьера въ слѣдующихъ словахъ:

«Я получилъ рапортъ отъ подполковника Чернозубова, находящагося со ввѣреннымъ ему полкомъ на Можайской дорогѣ между городами Гжатскомъ и Вязьмою».

Вотъ этотъ рапортъ:

«Прибывъ съ полкомъ, мнѣ ввѣреннымъ, къ деревнѣ Теплухѣ, на большой Московской дорогѣ находящейся, гдѣ учреждена французская почта (étape), я успѣлъ схватить непріятельскаго почталіона (estafette), предъ моимъ прибытіемъ выѣхавшаго изъ сей деревни. Всѣ бумаги, при немъ найденныя, при семъ къ вашему превосходительству представляю, вмѣстѣ съ однимъ офицеромъ французскихъ войскъ, взятымъ на самой большой дорогѣ.

«Послѣ сего я пошелъ прямо по той же самой дорогѣ къ Цареву-Займищу, и на пути взялъ въ плѣнъ одного офицера и 38 рядовыхъ, которыхъ, для поставленія въ Тверь, препроводилъ къ Сычевскому исправнику. До упомянутаго Царева-Займища я не могъ дойти, по причинѣ встрѣтившейся въ большомъ числѣ пѣхоты, препровождавшей обозъ, котораго часть отбивъ, я поворотилъ назадъ, и имѣю ночлегъ сего числа въ деревнѣ Холмѣ, въ 15 верстахъ отъ большой дороги. Вашему превосходительству о семъ донести честь имѣю, равно и о томъ, что въ сихъ предпріятіяхъ содѣйствовали мнѣ города Сычевокъ дворянскій предводитель Нахимовъ и исправникъ Богуславскій.»

Господинъ Шамбре, въ «Исторіи нашествія на Россію», опровергаетъ съ успѣхомъ слова Наполеона, мною здѣсь оспариваемыя; онъ говоритъ:

«Наполеонъ въ этомъ случаѣ самъ себѣ противорѣчитъ въ письмахъ своихъ отъ 3-го, 23-го, 24-го и 27 сентября (н. м.), такъ какъ и отъ 6-го, 10-го, 2-го и 24-го октября, 9-го ноября, 2-го декабря (н. м.) и въ другихъ еще письмахъ, мною не объявленныхъ оттого, что я не нашелъ въ нихъ ничего достойнаго замѣчанія. Сверхъ этихъ писемъ, донесеніе генерала Бараге-д'Ильера, приложенныя къ сему второму изданію, достаточно удостовѣряютъ не въ собственномъ заблужденіи На-

полеона, а въ умышленномъ стараніи его ввести другихъ въ заблужденіе, дабы чрезъ то прикрыть славу и самолюбіе свое отъ нападокъ. Безъ сомнѣнія, онъ не рѣшился бы сказать все мною оспариваемое, если бы зналъ, что часть его писемъ, записки Бертье и другихъ генераловъ, вѣдомости о движеніяхъ войскъ и другіе драгоцѣнные документы, необходимые для описанія нашествія на Россію, будутъ нѣкогда обнародованы; обстоятельство, которое по видимому должно было быть вовсе никому неизвѣстнымъ, становится напротивъ однимъ изъ извѣстнѣйшихъ событій нашего времени.» (*)

Вотъ нѣкоторыя выписки изъ сихъ писемъ:

«Мы не получали эстафетъ послѣ прибывшей $^7/_{19}$ октября. Недостаетъ тѣхъ, которыя должны были прибыть $^8/_{20}$, $^9/_{21}$ и $^{10}/_{22}$» (**). «Доведите до его (маршала Виктора) свѣдѣнія, что не получая эстафетъ по сіе время, я не знаю, что̀ происходитъ въ его сторонѣ.» (***). «Императоръ не получилъ двухъ эстафетъ; быть можетъ, что это есть слѣдствіе нашего отступленія къ Сенно, и чрезъ это стало доступнымъ непріятелю большое пространство земли.» (****).

И наконецъ господинъ Шамбре заключаетъ: «Во время отступленія, Наполеонъ получилъ отъ Смоленска до Молодечно лишь двѣ депеши изъ Франціи, и то чрезъ Марета (герцога Бассано). На доставленіе первой изъ этихъ депешей отважился польскій дворянинъ, объ имени котораго я умолчу, дабы не подвергнуть его подозрѣнію; вторую доставилъ ему еврей за деньги; онъ встрѣтилъ Наполеона въ Каменѣ, послѣ перехода чрезъ Березину.» (*****).

Теперь мы подошли къ главному предмету партизанскаго дѣйствія, а именно, къ истребленію непріятельскихъ подво-

(*) Histoire de l'expédition en Russie, par M*** (Chambray). Tom. III, pag. 249.

(**) Lettre du M. Berthier à Junot 23 Octob. Fominskoé.

(***) Lettre de Napoléon au major-général.

(****) Lettre du M. Berthier à Victor 9 Nov. Smolensk.

(*****) Histoire de l'expédition en Russie, par M.*** (Chambray).

зовъ съ боевыми и съѣстными припасами, отрядовъ, командъ и войскъ, проходящихъ въ армію, или изъ оной. Достигли ли наши партизаны этого предмета, или нѣтъ, мы увидимъ изъ достовѣрныхъ документовъ, которыми я вооруженъ. Прежде всего представимъ легкій очеркъ того положенія, въ которомъ находились пути сообщенія французской арміи; очеркъ этотъ принадлежитъ не мнѣ, а господину Шамбре. «Невѣдѣніе его (Наполеона) о движеніяхъ этого генерала (Кутузова), умножаясь въ слѣдствіе рыскавшихъ около Москвы русскихъ партій, ввергло его въ совершенное недоумѣніе на счетъ намѣренія непріятеля. Партіи эти, безпокоя съ неутомимою дѣятельностію фуражировъ, пресѣкли всѣ прямыя сообщенія между Мюратомъ, Бесьеромъ и Понятовскимъ. Ихъ предпріятіямъ содѣйствовали тѣ изъ поселянъ, которые оставались еще въ селеніяхъ, увѣдомленіемъ о движеніяхъ французскихъ войскъ. Наконецъ взятіемъ нѣсколькихъ артиллерійскихъ палубъ и нѣсколькихъ командъ между Москвою и Можайскомъ, Дороховъ преградилъ путь подвозамъ, принудивъ ихъ измѣнить свое направленіе. Для возстановленія этого сообщенія, Наполеонъ отрядилъ, $^{11}/_{23}$ сентября, гвардейскихъ драгунъ, двѣ роты гвардейской конной артиллеріи и одинъ линейный полкъ. Этому отряду было предписано остановиться въ селѣ Вязёмѣ, находящемся на столбовой дорогѣ въ 7 льё (35 вертахъ) отъ Москвы. Спустя нѣсколько дней, $^{14}/_{26}$ сентября, онъ еще отрядилъ на половину пути отъ этого села къ Москвѣ дивизію Брусьера, принадлежавшую корпусу принца Евгенія, легкую кавалерію того же корпуса и гвардейскихъ конныхъ егерей съ артиллерійскою конною ротою. Такъ какъ и сама дорога отъ Можайска къ Смоленску много подвергалась нападеніямъ партій, то было приказано Наполеономъ отправлять войска изъ этого города не иначе какъ вмѣстѣ, и не менѣе какъ въ числѣ 1.500 человѣкъ.» Томъ III. стр. 151-я.

Теперь перейдемъ къ документамъ:

Донесеніе Бертье генерала Бараге д'Ильера, военнаго губернатора Смоленской губерніи, квартировавшаго въ Вязьмѣ.

Вязьма. $^8/_{20}$ сентября.

«Число и отвага вооруженныхъ поселянъ, по видимому, увеличивается; въ глубинѣ области $^3/_{15}$ сентября крестьяне деревни Клушина, что̀ возлѣ Гжатска, перехватили транспортъ съ понтонами, слѣдовавшій подъ командою капитана Мишеля. Поселяне повсюду отбиваются отъ войскъ нашихъ, рѣжутъ отряды, которые мы вынуждены посылать для отысканія пищи. Эти неистовства, чаще происходящія между Дорогобужемъ и Можайскомъ, достойны, по моему мнѣнію, вниманія вашей свѣтлости. Необходимо тотчасъ взять мѣры къ прекращенію новыхъ безпокойствъ, возбуждаемыхъ крестьянами, или примѣрно наказать ихъ наглость за прошедшія преступленія (*)».

«Казаки рыщутъ на флангахъ нашихъ. Разъѣздъ, состоявшій изъ 150 гвардейскихъ драгунъ, подъ командою генерала Мартода, попался въ засаду казаковъ между дорогами Московской и Калужской; изрубивъ 300 человѣкъ, они хотя и пробились, но оставили 20 человѣкъ на полѣ сраженія. Они были взяты, а вмѣстѣ съ ними и тяжело раненый маіоръ». 23 бюллетень, $^9/_{21}$ октября, Москва (**).

..... «Казаки показались на смоленской дорогѣ, въ 24 или въ 28 верстахъ отсюда. Они въ числѣ 30 человѣкъ внезапно атаковали подвозъ артиллерійскихъ снарядовъ, состоявшій изъ 15 ящиковъ, и сожгли его». Бертье къ Мюрату, отъ $^{10}/_{22}$ сентября, Москва (***).

(*) Lettre du gén. Baraguay-d'Hilliers au M. Berthier.

(**) 23-me bulletin, 9 Oct. Moscou.

(***) Lettre du M. Berthier à Murat. 22 Sept. Moscou. Этотъ набѣгъ, встревожившій маршала Бертье, былъ произведенъ 40 казаками, но потеря непріятеля состояла не въ 15, а въ 36 палубахъ, 2 капитанахъ, 5 офицерахъ и 92 рядовыхъ. Это можно видѣть въ рапортѣ Дорохова, хранящемся въ главномъ

«Вы, конечно, уже извѣщены о томъ, что произошло на Можайской дорогѣ; казаки, въ числѣ около 40 человѣкъ, напали нечаянно въ одной деревнѣ на 15-ть артиллерійскихъ палубъ и подорвали ихъ. Императоръ послалъ маіора Летора съ 250 драгунами на Можайскую дорогу, въ самое то мѣсто, гдѣ мы ночевали. Маіоръ Леторъ имѣетъ повелѣніе остановить всѣ кавалерійскія команды, которыя слѣдуютъ въ армію, отчего отрядъ его достигнетъ до полуторы тысячи или до двухъ тысячъ человѣкъ. Съ этимъ отрядомъ онъ назначенъ прикрывать дорогу, и проч.» Изъ письма Бертье къ Бессьеру, $^{10}/_{22}$ сентября, Москва.

.... «Пять сотъ, или шесть сотъ казаковъ, пресѣкшихъ Можайскую дорогу, намъ нанесли много вреда. Они подорвали 15 артиллерійскихъ палубъ и взяли два резервные эскадрона, шедшіе въ армію, т. е. около двухъ сотъ конныхъ солдатъ. Эти эскадроны принадлежали резервной командѣ генерала Ланюса, который неосторожно расположилъ ихъ вправо отъ себя; послѣ того казаки хотѣли атаковать большой обозъ съ артиллерійскими снарядами, но были отражены ружейной пальбой прикрытія. Такъ какъ я уже извѣщалъ васъ, маіоръ Леторъ прибылъ вчера въ домъ князя Голицына, что̀ на Можайской дорогѣ, съ двумя стами конныхъ солдатъ. По извѣстіямъ, даннымъ вами, и также по извѣстіямъ, полученнымъ отъ короля (Мюрата), Его В. приказалъ генералу Сентъ-Сюльпису выступить со всѣми своими драгунами на подкрѣпленіе маіора Летора, если только это будетъ необходимо. Я полагаю, что не нужно будетъ прибѣгать къ этому, ибо движеніе войскъ, посланныхъ вами къ Подольску и къ Деснѣ, должно вовсе удалить казаковъ отъ Можайской дороги.» Изъ письма Бертье къ Бессьеру, $^{11}/_{23}$ сентября. Москва (*).

штабѣ Его Величества. Это нападеніе было произведено на село Перхушково сотникомъ Юдинымъ.

(*) Lettre du M. Berthier à Bessieres. 23 Sept. Moscou. Я не почитаю нуж-

Наполеонъ къ Бертье.

Москва, $^{11}/_{23}$ сентября.

«Увѣдомьте генерала Бараге-д'Ильера и герцога Абрантесскаго (Жюно), что кавалерія и артиллерія, которыя должны прикрывать транспорты, должны слѣдовать совокупно, ночевать въ кареѣ близь транспорта и ни подъ какимъ предлогомъ не раздробляться; начальникъ транспорта долженъ ночевать среди его; всякій начальникъ, который не будетъ соблюдать этихъ повелѣній, будетъ наказанъ за нерадѣніе и будетъ виновенъ въ случаѣ взятія транспорта.

«Подтвердите это повелѣніе въ Смоленскъ, чтобы каждый транспортъ былъ посылаемъ подъ командою штабъ-офицера и подъ прикрытіемъ 1.500 человѣкъ пѣхоты и кавалеріи, не считая артиллерійскихъ, инженерныхъ и обозныхъ погонщиковъ. Дайте знать, что я съ прискорбіемъ вижу, что транспорты отправляются съ слабыми прикрытіями. Въ слѣдствіе этого повелѣнія, напишите приказъ на счетъ образа ночеванья транспортовъ, и пошлите оный къ начальникамъ транспортовъ 5-го и 6-го. Независимо отъ этого приказа, представьте предъ глаза мои уложенія на счетъ транспортовъ и прикрытій оныхъ. Мнѣ помнится, что въ нихъ весьма ясно изложены средства, какъ транспорты должны быть охраняемы.

нымъ оспоривать странное мнѣніе маршала Бертье, будто бы движеніемъ кавалеріи Бессьера къ Подольску и къ Деснѣ можно было остановить покушенія партій нашихъ на Смоленскую дорогу; нелѣпость такого мнѣнія недостойна опроверженія. Надо объяснить положеніе дѣлъ, о которыхъ упоминаетъ этотъ маршалъ: дѣло, означенное въ выпискѣ этого письма, принадлежитъ полковнику Сиверсу, который взялъ въ плѣнъ ѣхавшаго съ повелѣніями адъютанта маршала Нея, съ однимъ капитаномъ и тремя рядовыми. Въ 23-емъ бюллетенѣ и въ выпискѣ письма Бертье къ Бессьеру отъ 26 сентября, о которой я упомяну, говорится о другомъ дѣлѣ, происходившемъ у села Бурцова, что̀ на Боровской дорогѣ; въ этомъ дѣлѣ взяты маіоръ Мартодъ, 4 офицера и 186 рядовыхъ; съ нашей стороны уронъ былъ значительный: убитъ полковникъ Сиверсъ, тяжело ранены полковникъ князь Хилковъ и маіоръ графъ Гудовичъ, нижнихъ чиновъ ранено и убито 25.

Если такъ, то надо будетъ перепечатать эти уложенія и разослать ихъ по всѣмъ комендантамъ укрѣпленій отсюда до Ковно (*).»

От того же къ тому же.

Москва. $^{12}/_{24}$ сентября.

«Увѣдомьте генерала Сентъ-Сюльписа, что я получилъ его письмо. Объявите ему, что на безопасный проѣздъ отъ Можайска до Москвы *я гляжу*, *какъ на весьма важное дѣло,* и что я полагаюсь на него въ охраненіи этого пути. Ему надлежитъ расположиться на томъ пунктѣ, на которомъ онъ теперь находится и который есть центральный; онъ долженъ открыть сообщеніе съ герцогомъ Абрантесскимъ (Жюно), находящимся въ Можайскѣ, и рекомендую ему прикрывать эстафеты, при проѣздѣ ихъ мимо его отряда. Полковникъ Леторъ поступаетъ подъ его команду, и я предоставляю ему расположить Летора уступомъ тамъ, гдѣ заблагоразсудитъ.

«Предпишите ему и настаивайте, чтобы онъ имѣлъ патрули для прикрытія курьеровъ, Нужно было бы узнать: *отозваны или нѣтъ казачьи отряды, назначенные для того*, *чтобы перехватывать ихъ*? Я полагаю, что онъ уже послалъ двѣсти или триста человѣкъ на то мѣсто, гдѣ *отрядъ генерала Ланюса былъ взятъ* тому нѣсколько дней. Генералъ Леторъ выступаетъ нынче или завтра; этимъ все-таки прибавится лишняя патруль на дорогѣ (**).»

Выписка изъ письма Бертье къ Бессьеру отъ $^{14}/_{26}$ сентяб.

. « Канонада, которую вы вчера утромъ слыша-

(*) Lettre de Napoléon au M. Berthier. Moscou. 23 Sept.

(**) Lettre de Napoléon au M. Berthier. 24 Sept. Moscou.

ли вправо отъ васъ, была предпринята по наблюдательному отряду гвардейскихъ драгунъ, слѣдовавшихъ противъ правилъ подъ начальствомъ маіора Мартодота, который взятъ или убитъ. Мы потеряли въ этой безразсудной схваткѣ нѣсколько гвардейскихъ драгунъ, взятыми или убитыми, маіора, капитана, старшаго адъютанта. Мы также потеряли нѣсколько человѣкъ пѣхоты. Безразсудный начальникъ отряда былъ нечаянно атакованъ тремя тысячами человѣкъ войска при нѣсколькихъ орудіяхъ (*).»

Наполеонъ къ Бертье.

Москва, $^{15}/_{17}$ сентября.

«Я позволяю генералу Бараге-д'Ильеру располагать польскимъ полкомъ, по его усмотрѣнію. Такъ много отрядовъ идетъ къ намъ сзади, что ему легко будетъ проучить поселянъ (**).»

Генералъ Бараге-д'Ильеръ къ Бертье.

Вязьма, $^{18}/_{30}$ сентября.

«Я получилъ письмо вашей свѣтлости. Огорченный его содержаніемъ, и видя, что императоръ, хотя и не явно, обвиняетъ меня въ нерадѣніи относительно образованія губерніи, мнѣ ввѣренной, отчего, по его мнѣнію, происходятъ безпорядки на пространствѣ отъ Смоленска до Можайска, я спѣшу отвѣчать какъ можно откровеннѣе и короче. Прежде всего скажу: я образовалъ военное и гражданское управленіе Смоленской губерніи, въ чемъ удостовѣряетъ прилагаемое при семъ уложеніе; но для извлеченія всѣхъ средствъ изъ непріятельской области, въ которой жители воооружены противъ насъ, надо: 1) достаточное число войскъ для занятія важнѣй-

(*) Lettre du M. Berthier à Bessieres. 26 Sept. Moscou.
(**) Lettre de Napoléon au M. Berthier. 27 Sept.

шихъ пунктовъ, и этимъ устрашить жителей, и для *изгнанія тѣхъ, которые руководятъ вооруженными жителями.* 2) Когда не существуетъ никакого сходства въ языкѣ завоевательной арміи съ языкомъ завоеваннаго народа (*), тогда нужно имѣть людей, говорящихъ обоими языками, дабы повелѣнія и требованія наши могли быть имъ понимаемы. До сего же времени, я во всей губерніи нигдѣ не имѣю ни того ни другаго пособія. Если исключимъ укрѣпленныя станціи, на дорогѣ расположенныя, то останется дѣйствующихъ войскъ: въ Дорогобужѣ около 200 человѣкъ пѣхоты и 40 гусаровъ; въ Гжатскѣ 170 человѣкъ. Ваша свѣтлость можете повѣрить это по ежедневнымъ вѣдомостямъ.

«На другой день по прибытіи моемъ сюда, я, въ слѣдствіе вашего повелѣнія, послалъ три колонны, составленныя каждая изъ 50 человѣкъ, для обозрѣнія области, и для собранія съѣстныхъ припасовъ. *Двѣ изъ нихъ были взяты и не возвратились*, о чемъ я имѣлъ честь донести вашей свѣтлости. *Нѣсколько подобныхъ происшествій случилось послѣ того* (**).»

Наполеонъ къ Бертье. Москва. 24 сентября (6 октября).

«Напишите герцогу Беллюнскому (Виктору), чтобы полки, сформированные къ Кенигсбергѣ и въ Витебскѣ, изъ отставшихъ отъ своихъ полковъ людей, не прикрывали артиллерійскихъ транспортовъ.

«Эти транспорты должны быть прикрываемы полными баталіонами, или частями баталіоновъ полнаго состава (***).»

От того же къ тому же.

Москва, 24 сентября (6 октября).

«Увѣдомьте генерала Бараге д'Ильера о всѣхъ принятыхъ

(*) Каковъ завоеванный народъ, о которомъ нѣсколько выше сказано, что онъ однако еще вооруженъ противъ завоевателей.

(**) Lettre du général Baragay-d'Hilliers au M. Berthier. 30 Sept. Viasma.

(***) Lettre de Napoléon à Berthier. 6 Oct. Moscou.

распоряженіяхъ для образованія 9 корпуса, и о мѣстѣ, гдѣ ему слѣдуетъ находиться. Дайте знать ему, что я совершенно согласенъ на его требованіе, чтобы занять сильными отрядами Вязьму, Гжатскъ и Дорогобужъ. Въ слѣдствіе этого я приказываю вамъ предписать Гжатскому коменданту, чтобы онъ не пропускалъ далѣе Гжатска, и герцогу Абрантесскому (Жюно), чтобы онъ не пропускалъ далѣе Можайска команды, сюда идущія, разумѣется, если войска эти не перешли уже вышесказанныхъ пунктовъ (*).»

«Непріятель выставилъ много казаковъ, которые безпокоятъ кавалерію.» 25 бюллетень, $^{8}/_{20}$ октября (**).

Бертье къ Даву.

Вязьма, 21 октября (2 ноября).

«Необходимо нужно, князь, перемѣнить образъ построенія, употребляемый на переходахъ противъ непріятеля, обладающаго такимъ множествомъ казаковъ. Надобно дѣлать переходы такъ, какъ мы дѣлали ихъ въ Египтѣ: обозы въ срединѣ и въ столькихъ рядахъ, сколько позволитъ дорога. Полубаталіонъ въ замкѣ и нѣсколько баталіоновъ въ одну шеренгу по бокамъ обоза, такъ, чтобы при поворотѣ во фронтъ огонь былъ отовсюду. Можно дозволить, чтобы баталіоны эти находились одинъ отъ другаго въ нѣкоторомъ разстояніи, которое тогда должно быть занято нѣкоторымъ числомъ орудій. Наблюдайте, чтобы ни подъ какимъ предлогомъ не было отдаляющихся по одиначкѣ и безъ оружія солдатъ (***).»

Отъ того же къ Нею.

Вязьма. 21 октября 2 (ноября).

«Надо круто обуздать предпріятіе этой канальи казаковъ, и

(*) Lettre de Napoléon au M. Berthier. 6 Oct. Moscou.
(**) 25-me bulletin 28 Oct. Noilskoé.
(***) Lettre du M. Berthier à Davoust. 2 Nov. Viasma.

обходиться съ ними, какъ мы обходились съ Аравитянами въ Египтѣ (*).»

«Отъ самаго Малоярославскаго дѣла авангардъ не видалъ непріятеля, развѣ одних казаковъ, которые, подобно Аравитянамъ, рыщутъ на флангахъ и гарцуютъ, безпокоя насъ.»

. «Съ тѣхъ поръ не видали уже русской пѣхоты, а однихъ казаковъ.» 28 бюллетень. 30 октября (11 ноября (**).

«Непріятель, видѣвшій на дорогѣ слѣды ужаснаго злополучія, поражающаго французскую армію, старался этимъ воспользоваться. Онъ окружилъ всѣ колонны казаками, которые отхватывали, подобно Аравитянамъ въ пустынѣ, отстававшія фуры и повозки.» 29 бюллетень. 21 ноября (3 декабря) (***).

«Офицеры и солдаты много потерпѣли отъ усталости и голода. Многіе лишились всего своего имущества, въ слѣдствіе потери повозочныхъ лошадей; нѣкоторые въ слѣдствіе казачьихъ засадъ. Казаки захватили великое число разсѣянныхъ и бродящихъ солдатъ, офицеровъ инженерныхъ, генеральнаго штаба, снимавшихъ планы съ мѣстоположеній, и раненыхъ офицеровъ, неосторожно путешествовавшихъ.» 29 бюллетень большой арміи.

«Генералъ Бараге д'Ильеръ командовалъ дивизіею, формировавшеюся въ Смоленскѣ. Онъ расположилъ свои войска на дорогѣ, идущей изъ Смоленска въ Ельню. Приближеніе россійской арміи должно было бы заставить его сосредоточить его дивизію, Онъ этого не сдѣлалъ; 28 октября (9 ноября) трое русскихъ партизановъ атаковали одну изъ его бригадъ, которая, не взирая на свою числительность, простиравшуюся до 1.100 человѣкъ пѣхоты и 500 конницы, положила оружіе. Остальная часть дивизіи едва успѣла скрыться въ Смоленскѣ. Партизаны взяли также многія французскія депо, изъ коихъ

(*) Lettre du même à Ney. 2 Nov. Viasma.
(**) Bulletin 28-me. 11 Nov. Smolensk.
(***) Bulletin 29-me. 3 Dec. Molodetchno.

главнѣйшее было въ Клементьевѣ (*). Большая часть лошадей, употребленныхъ для возки фуръ и расположенныхъ на квартирахъ въ окрестностяхъ Смоленска, но въ дальнемъ разстояніи отъ этого города, попались также въ руки казаковъ.

«Императоръ объявилъ неудовольствіе свое генералу Бараге д'Ильеру за то̀, что, будучи извѣщенъ о движеніи непріятеля, онъ не собралъ войска свои. Императоръ лишилъ его команды и сослалъ въ Берлинъ. Тамъ было назначено судить его.

«Независимо отъ невозвратной потери людей и лошадей, причиненной непредусмотрительностью генерала Бараге-д'Ильера, императору было чрезмѣрно прискорбно видѣть, что французскій корпусъ, состоявшій изъ 1.100 человѣкъ и 500 конницы, могъ положить оружіе передъ партизанскими отрядами!

«Генералъ Ожеро съ бригадою своею былъ взятъ русскими партизанами: Денисовымъ, Давыдовымъ и Сеславинымъ (**), соединившимися для этого предпріятія.» Гурго, критическій разборъ Исторіи 1812 года господина Сегюра (***).

Я могъ бы не удовольствоваться этими документами, у меня хранившимися, но я опасаюсь представить слишкомъ длинную статью; между тѣмъ, поставивъ себѣ въ обязанность не представлять иныхъ документовъ, кромѣ тѣхъ, кои были обнародованы самимъ непріятелямъ, я, къ сожалѣнію моему, не могу уже упомянуть о тѣхъ партизанскихъ набѣгахъ, которые, бывъ извѣстны обѣимъ сражавшимся арміямъ, были по-

(*) Главное депо находилось не въ Клементьевѣ, а въ Горкахъ: это депо, состоявшее подъ начальствомъ маіора Бланкарда, было на голову разбито и частію взято 21 ноября (3 декабря) въ Копысѣ моею партіею.

(**) Генералъ Гурго умолчалъ о партизанѣ Фигнерѣ и, вмѣсто Денисова, долженъ былъ бы сказать: графомъ Орловымъ-Денисовымъ, ибо фамилія Денисовыхъ весьма многочисленна на Дону, и потому нельзя узнать, по словамъ господина Гурго, который изъ Денисовыхъ былъ въ этомъ дѣлѣ.

(***) Examen critique de l'ouvrage de M. Segur par le gén. Gourgaud.

мѣщены въ однихъ донесеніяхъ и объявленіяхъ князя Кутузова. Я, потому, не распространяюсь о поискѣ $^{8}/_{20}$ октября, при Каменномъ и Плесковѣ въ тылъ авангарда французской арміи, въ которомъ партизанъ Фигнеръ взялъ 5 офицеровъ и 360 рядовыхъ, и отбилъ огромный транспортъ со съѣстными припасами, собранными изъ окрестныхъ деревень.

Я умолчу также о поискѣ Сеславина, $^{10}/_{22}$ октября, въ которомъ онъ сорвалъ завѣсу, скрывавшую гибельное для насъ движеніе французской арміи, о которомъ впрочемъ я упоминаю въ запискахъ моихъ, какъ объ одномъ изъ самыхъ рѣшительныхъ событій этой кампаніи.

О поискѣ у села Шалымова, $^{12}/_{24}$ октября, въ которомъ партизанъ князь Кудашевъ взялъ въ плѣнъ двухъ коммиссаровъ и 400 рядовыхъ.

О поискѣ близь Медыни, $^{13}/_{25}$ октября, въ которомъ полковникъ Иловайскій, разбивъ авангардъ князя Понятовскаго, взялъ 5 орудій, генерала Тышкевича, одного полковника и множество офицеровъ и рядовыхъ.

О вторичномъ поискѣ при Боровской дорогѣ, $^{14}/_{26}$ октября, въ которомъ партизанъ князь Кудашевъ отбилъ 100 фургоновъ съ провіантомъ и снарядами, и взялъ въ плѣнъ около 400 человѣкъ.

О поискѣ при Молодечно, 21 октября (2 ноября), въ которомъ полковникъ Чернышевъ взялъ три эстафеты и отбилъ изъ плѣна генерала Винценгероде и Свѣчина, а съ ними вмѣстѣ маіора Нарышкина и провіантскаго чиновника Полотова.

О поискѣ при Борисовѣ, $^{16}/_{28}$ ноября, въ которомъ партизанъ Сеславинъ открылъ сообщеніе съ адмираломъ Чичаговымъ и взялъ въ плѣнъ 3.000 рядовыхъ и множество офицеровъ.

Всѣ эти предпріятія и набѣги, увѣнчанные бо̀льшими или мѐньшими успѣхами во время пребыванія французовъ въ Москвѣ, преградили путь слѣдовавшимъ къ нимъ подвозамъ съ

пищею, зарядами, и значительно затруднили для нихъ самое фуражированіе; самый проѣздъ курьеровъ и чиновниковъ, посылаемыхъ въ отдѣльные корпуса, въ средину Европы и во Францію, или слѣдовавшихъ оттуда въ непріятельскую армію, сдѣлался почти невозможнымъ. Это не дозволило частямъ арміи оказывать взаимнаго содѣйствія; самыя общія передвиженія непріятельской арміи, успѣхъ которыхъ преимущественно зависѣлъ отъ сохраненія ихъ въ тайнѣ, были заблаговременно открываемы партизанами, а потому Французы всюду встрѣчали сильное противодѣйствіе. Примѣры этому видимъ при Малоярославцѣ, при Славковѣ и при Смоленскѣ, о которыхъ я упоминаю въ своихъ Запискахъ.

Означенные набѣги и поиски должны были неминуемо обнаружить все свое вредное вліяніе, когда непріятельская армія, оставивъ Москву, сопутствуемая голодомъ и холодомъ, двинулась обратно по пути опустошенному и безпріютному; будучи денно и ночно тревожима партизанскими партіями, она была принуждена противопоставить неутомимости этихъ смѣльчаковъ излишнюю осторожность, что изнуряло ихъ войска во время приваловъ и ночлеговъ; ибо невозможно было знать, особенно въ ночное время, что за толпами казаковъ нѣтъ пѣхоты и артиллеріи, а потому ничтожная перестрѣлка могла обратиться въ рѣшительный бой. Сверхъ того непрестанный надзоръ партизановъ, непрерывныя покушенія ихъ, внезапные набѣги на команды, отдалявшіяся отъ колоннъ, крайне устрашили и изнурили непріятеля; онъ опасался отлучаться отъ главной массы своихъ войскъ, хотя бы для отысканія себѣ пищи и пріюта противъ стужи. Основываясь на смѣтѣ, сдѣланной главнымъ штабомъ россійской арміи, мы видимъ, что число плѣнныхъ, взятыхъ различными партіями, простиралось до 15 тысячъ рядовыхъ и чиновниковъ. Къ этому надо прибавить огромное количество фуръ съ провіантомъ и одеждою, палубъ съ зарядами, тысячи воловъ и строевыхъ и повозочныхъ лошадей, и проч.

Послѣ всего того я спрашиваю всякаго безпристрастнаго человѣка: какое можетъ вселить довѣріе та часть Наполеоновыхъ Записокъ, въ которой раздраженный, какъ кажется, горестнымъ воспоминаніемъ о прошедшемъ и тяжкимъ гнетомъ настоящаго, онъ рѣшился обнародывать все мною выше опровергнутое. Онъ утверждаетъ, что въ теченіи Московской кампаніи въ тылу французской арміи не было непріятеля, и что она не лишилась ни одного транспорта провіантскаго и артиллерійскаго, ни одной команды, ни одной эстафеты, ни одного курьера и даже (что̀ свыше всякаго вѣроятія) ни одного бродяги? И кто тому не вѣритъ? Самъ Наполеонъ едва не попался два раза въ плѣнъ казакамъ; а извѣстно, что мѣсто полководца не впереди своихъ войскъ, но въ срединѣ и тылу ихъ.

Вотъ первый случай; не я, а неустрашимый и прямодушный генералъ Раппъ, находившійся тогда близь стремени Наполеона, разсказываетъ объ этомъ:

«Наполеонъ кочевалъ въ полумили отъ этого мѣста (отъ Малоярославца). На другой день мы сѣли на коней въ $7^1/_2$ часовъ, чтобы осмотрѣть мѣсто, на которомъ наканунѣ сражались. Императоръ находился между герцогомъ Виченскимъ (Коленкуромъ), принцемъ Невшательскимъ (Бертье) и мною. Едва успѣли мы оставить шалаши, гдѣ провели ночь, какъ прилетѣли тучи казаковъ. Они выѣзжали изъ лѣса, находившагося впереди насъ на лѣвой сторонѣ. Такъ какъ они были построены довольно правильно, то мы приняли ихъ за французскую кавалерію.

«Герцогъ Виченскій первый догадался. «Государь! это казаки!»—Не можетъ быть—отвѣчалъ Наполеонъ.—Они уже скакали на насъ, оглашая воздухъ ужаснымъ крикомъ. Я схватилъ лошадь его за узду и быстро поворотилъ ее. «Да это наши!»—Это казаки, не медлите!—«Точно они» сказалъ Бертье.—«Тутъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія,» прибавилъ Мутонъ. Наполеонъ далъ нѣсколько повелѣній и отъѣхалъ. Я двинулся впередъ съ конвойнымъ эскадрономъ; насъ опрокинули; ло-

шадь моя, получивъ ударъ пикою въ шесть пальцовъ глубины, повалилась на меня; мы были затоптаны этими варварами. Къ счастію, примѣтивъ артиллерійскій паркъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ насъ, они бросились на него. Маршалъ Бессьеръ успѣлъ между тѣмъ прибыть съ конногвардейскими гренадерами....» (*).

О томъ же дѣлѣ сказано въ бюллетенѣ такъ:

«Императоръ перенесъ главную квартиру свою въ деревню Городню. Въ семь часовъ утра шесть тысячъ казаковъ, прокравшись лѣсомъ, произвели общій набѣгъ при крикахъ ура въ тылъ позиціи, при чемъ взяли шесть орудій, въ паркѣ; герцогъ Истрійскій (Бессьеръ) быстро двинулся со всею гвардейскою кавалеріею. Онъ осыпалъ сабельными ударами эту орду, опрокинулъ ее, втопталъ въ рѣку, возвратилъ взятую артиллерію и отбилъ нѣсколько фуръ, принадлежащихъ непріятелю; 600 казаковъ убито, ранено и взято въ плѣнъ, 30 гвардейцевъ ранено и три убито. Подъ дивизіоннымъ генераломъ Раппомъ убита лошадь. Неустрашимость, столько разъ оказанная этимъ генераломъ, обнаруживается во всѣхъ случаяхъ»...

«Драгунскій маіоръ Леторъ отличился. Въ 8 часовъ все пришло въ прежній порядокъ» (**).

Это дѣло, называемое во французской арміи le hourra de l'empereur (императорское ура), случилось на другой день послѣ Малоярославскаго сраженія. До разсвѣта Платовъ отрядилъ часть своего летучаго корпуса съ генераломъ Иловайскимъ за рѣку Лужу нѣсколькими верстами выше Малоярославца, съ тѣмъ, чтобы дѣйствовать въ тылъ непріятельскимъ войскамъ, сражавшимся наканунѣ предъ этимъ городомъ и стоявшимъ еще на полѣ сраженія. Иловайскій ударилъ на артиллерійскій паркъ, который состоялъ изъ 40 орудій и кочевалъ на Боровской дорогѣ во время проѣзда Наполеона изъ

(*) Mémoires du général Rapp; pag. 226 et 227.
(**) 27-me bulletin. 27 Oct. Vereia.

Городни въ Малоярославецъ, гдѣ находились войска вице-короля Италіанскаго. Казаки бросились частію на паркъ, а частію на Наполеона и его конвой. Если бы они знали, за кого они, такъ сказать, рукой хватались, то конечно не промѣняли бы этой добычи на 11 орудій, отбитыхъ ими изъ парка и которые, не взирая на слова Раппа и 27 бюллетеня, остались въ ихъ власти и никогда не были обратно взяты французскою кавалеріею. По истинѣ эта кавалерія преслѣдовала казаковъ, но уже въ то время, какъ казаки сами сочли нужнымъ возвратиться къ главнымъ своимъ силамъ. Преслѣдованіе за ними продолжалось до рѣки, которую они перешли въ бродъ, вмѣстѣ съ отбитыми пушками, и огонь изъ двѣнадцати орудій Донской конной артиллеріи, открытый Платовымъ съ праваго берега Лужи, разомъ остановилъ напоръ непріятельской кавалеріи. Она отступила безъ преслѣдованія.

Не менѣе ложно показаніе бюллетеня, относительно числа людей, у насъ убитыхъ, раненыхъ и взятыхъ въ плѣнъ, такъ и отбитія казачьихъ обозовъ. У партизановъ и казаковъ нѣтъ другихъ повозокъ, кромѣ тѣхъ, которыя они отхватываютъ у непріятеля, да и они этими повозками пользуются лишь для дальнихъ предпріятій, а не для набѣговъ, продолжающихся нѣсколько часовъ. Ихъ обозы состоятъ обыкновенно изъ вьючныхъ лошадей, которыя въ совокупности называются *кашами*.

Вотъ другой случай:

Партизанъ Сеславинъ занялъ съ боя мѣстечко Забрежъ, въ которомъ взялъ генерала Доржанса и 11 штабъ и оберъ-офицеровъ. «23 октября (4 ноября) Наполеонъ, оставивъ Молодечно въ 9 часовъ утра, перенесъ главную квартиру въ Бьеницу. Луазонъ долженъ былъ прибыть въ Ошмяны на другой день; а такъ какъ Сморгоны и Молодечно были заняты французскими войсками, то, воспользовавшись безопасностью пути сообщенія, Наполеонъ рѣшился оставить армію; онъ тайно приступилъ къ исполненію своего намѣренія. 24 октября (5 ноября) въ 8 часовъ утра, онъ оставилъ Бьеницу

и пріѣхалъ къ Сморгони въ часъ по полудни. Тамъ, приготовившись окончательно къ отъѣзду, онъ собралъ генераловъ: Мюрата, принца Евгенія, Бертье, Нея, Даву, Лефебра, Мортье и Бессьера, объявилъ имъ, что оставляетъ армію и ѣдетъ въ Парижъ, гдѣ его присутствіе необходимо. Сдавъ начальство Мюрату, онъ въ 7 часовъ вечера отправился въ путь въ обыкновенной своей каретѣ, за которой ѣхали сани. Онъ взялъ съ собою только генераловъ: Коленкура, Дюрока и Мутона. Первый сидѣлъ съ нимъ въ каретѣ, два послѣдніе въ саняхъ; на козлахъ сидѣли мамелюкъ и ротмистръ польскихъ гвардейскихъ уланъ, который долженъ былъ служить переводчикомъ (*). Онъ ѣхалъ тайно подъ именемъ герцога Виченскаго, и, полагая путь совершенно безопаснымъ, взялъ съ собою лишь одинъ слабый конвой Неаполитанской кавалеріи.

«Луазонъ прибылъ послѣ полудня въ Ошмяны, гдѣ по причинѣ жестокой стужи поспѣшилъ размѣстить войска по домамъ. Русскій партизанъ Сеславинъ, шедшій также на Ошмяны, но боковыми путями влѣво отъ большой дороги, прибылъ къ тому же мѣстечку въ сумерки съ гусарскимъ полкомъ, казаками и артиллеріей. Не зная, что мѣстечко занято пѣхотною дивизіею, онъ ворвался въ него съ кавалеріею, но былъ немедленно принужденъ оставить его. Сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ изъ орудій, онъ расположился на бивуакахъ, въ маломъ разстояніи отъ дороги. Наполеонъ благополучно доѣхалъ до Ошмянъ, но могъ весьма легко попасть, что̀ случилось бы навѣрно, еслибъ этотъ партизанъ зналъ объ его проѣздѣ (**).»

Дѣло это происходило такъ:

За часъ предъ въѣздомъ въ Ошмяны Наполеона, Сеславинъ, не зная и бывъ въ невозможности знать объ этомъ обстоятельствѣ, но искавшій лишь случая сразиться съ непріятелемъ, ворвался въ Ошмяны съ Ахтырскими гусарами и каза-

(*) Духинъ-Вонсовичъ.

(**) Chambray. Histoire de l'expédition en Russie. Tom. III.

ками; въ то же время, орудія его открыли огонь по магазину, находившемуся въ мѣстечкѣ; главный караулъ, стоявшій у квартиры, приготовленной для Наполеона, былъ изрубленъ и магазинъ охваченъ пламенемъ. Французскія войска, разсѣянныя по домамъ, стали въ безпорядкѣ выбѣгать къ ружью; темнота ночи много увеличила происшедшую отъ того сумятицу. Нѣкоторыя войска, оробѣвъ, побѣжали по дорогѣ къ Табаришкамъ, но другія, находившіяся внѣ мѣстечка, бросились къ нему и открыли со всѣхъ сторонъ сильный огонь по Сеславину. Не имѣя пѣхоты, онъ отвѣчалъ имъ саблями и дротиками; видя однако, что борьба не подъ силу, онъ былъ вынужденъ оставить мѣстечко. Въ эту минуту Наполеонъ въѣхалъ въ Ошмяны, и, перемѣнивъ лошадей, отправился чрезъ Мѣдники въ Вильно, а отсюда во Францію.

Будь атака однимъ часомъ позже, Наполеонъ не избѣгъ бы плѣна. Конечно подобная развязка была бы противъ правилъ драматическаго искусства, выгодъ парижскихъ рестораторовъ и красавицъ Пале-Ройяля и нашихъ вооруженныхъ путешественниковъ, совершившихъ на чужой счетъ столь неожиданное путешествіе; за то какая военная слава озарила бы Русскихъ! мы кончили бы все дома... безъ чужеземцевъ!

Сеславинъ не виноватъ, ибо успѣхъ въ подобномъ случаѣ зависитъ отъ судьбы, а не отъ разсчетовъ человѣческихъ.

Меня нельзя упрекнуть, чтобы я уступилъ кому либо во враждѣ къ посягателю на независимость и честь моей родины; но моя вражда не шипитъ и не прячется, но молча хватаетъ за горло. Товарищи мои помнятъ, если не слабые успѣхи мои, то по крайней мѣрѣ мои усилія, клонившіяся ко вреду непріятеля въ теченіи отечественной и заграничной войнъ; они также помнятъ мое удивленіе, мои восторги, возбужденные подвигами Наполеона и уваженіе къ его войскамъ, которое я питалъ въ душѣ моей въ пылу борьбы. Солдатъ, я и съ оружіемъ въ рукахъ, не переставалъ отдавать справедли-

вость первому солдату вѣковъ и міра; я любовался, я былъ обвороженъ храбростію, въ какую бы она одежду не облекалась, въ какихъ бы краяхъ она не проявлялась. Хота Багратіоново *браво*, вырвавшееся въ похвалу непріятеля, среди самаго пыла Бородинской битвы, отозвалось въ душѣ моей, но оно ее не удивило (*). Такъ чувствовалъ я, когда сердце мое билось еще подъ гусарскимъ ментикомъ, такъ я чувствую нынѣ за плугомъ и въ мирномъ кабинетѣ своемъ, Нѣтъ, не ненависть, не презрѣнная лесть или пристрастіе, но любовь къ истинѣ постоянно руководили перомъ моимъ; впрочемъ я ничего самостоятельнаго не сочинялъ, а сводилъ лишь статьи, противурѣчащія нѣкоторымъ статьямъ, помѣщеннымъ въ запискахъ Наполеона, писанныхъ на память, на̀скоро и безъ документовъ. Читатель рѣшитъ, на чьей сторонѣ правда; но онъ конечно во всякомъ случаѣ оцѣнитъ то, что Русскій, я соблюдалъ въ своихъ выраженіяхъ чувство приличія и вѣжливости. Я опровергаю нѣкоторыя сказанія того, чья великая память вызвала безстыдныя нареканія и малодушныя оскорбленія нѣкоторыхъ соотечественниковъ моихъ, сослуживцевъ его и даже людей, осыпанныхъ его благодѣяніями.

(*) Извѣстно, что у князя Багратіона за нѣсколько минутъ до полученія имъ смертельной раны, вырвалось, такъ сказать, отъ души громкое *браво* 57-му линейному Французскому полку, первому изъ полковъ корпуса Даву, который вскочилъ на флеши, расположенныя предъ Семеновскимъ, и обороняемыя самимъ княземъ Багратіономъ.

вести передъ [illegible] и міромъ, я добивался, и былъ одушевленъ храбростію, въ какую бы они одежду ни облека-лись, я [illegible] бы, правда, что не [illegible]. Хотя Барк-лаю [illegible] врагомъ вырвавшееся въ походѣ непріятеля, кромѣ са-мого дня Бородинской битвы, отозвалось въ душѣ моей, но она же и [illegible] (*). Такъ чувствовалъ я [illegible] философъ подъ русскимъ [illegible], такъ я чувствую нынѣ, за [illegible], и въ [illegible] кабинетѣ [illegible]. Нѣтъ, не меня [illegible] прекрасная лесть или пристрастіе, но любовь къ правдѣ [illegible] руководили перомъ моимъ: впрочемъ я ничего односторонняго не сравнивалъ, а сводилъ лишь статьи, противорѣчащія нѣкоторымъ статьямъ, помѣщеннымъ въ за-пискахъ Наполеона, писанныхъ на память, наскоро и безъ документовъ. Читатель рѣшитъ, на чьей сторонѣ правда; но онъ должно [illegible] случаѣ оцѣнить то, что Русскій, а особенно [illegible] чувство приличія и вѣж-ливости, [illegible] нѣкоторыя сказано того, чѣмъ [illegible] безотрадными выраженіями и [illegible] оскорб-ленія [illegible] отечественныхъ [illegible], сосредоточивъ его и [illegible] посланныхъ его [illegible].

(*) Извѣстно, что у князя Багратіона [illegible] [illegible], такъ сказать, [illegible] французскому войску, первому [illegible] корпуса Даву, который [illegible] Семеновскимъ [illegible] и [illegible] Барклаемъ.

ПЕРЕПИСКА

СЪ

ВАЛЬТЕРЪ-СКОТТОМЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ чтобы по отпечатаніи было представлено въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 20 Ноября 1858 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ.*

Письмо Вальтеръ-Скотта ко мнѣ.

Sir!

It is no small honour for a retired individual like myself to be distinguished in such flattering terms by a person so much admired for the patriotic gallantry with which he served his country in he hour of extreme need and whose name will beread for ages in the prowdest though most melancholy page of Russian history. You can hardly conceine howmany hearts and none with warmer devotion than his who now writes to you were twined towards all your bivouac of snow with hope and anxiety which nothing but that critical period could hare inspired, or with what a burst of enth usiasm your final course of victory was hailed in this country.

Your extreme kindness preposes me to expect pardon for a request which I am about to make and the complyiecy with which I will hold an unspeakable favour. I am extremely desirons to know a little in detail the caracter of the partisan war conducted with so much adventure, spirit and indefatigable activity in the compaign of Moscow. I know that I would be most unreasonable in asking an y thing of that sort which could occupy your timuor occasion you trouble but a few sketches or anecdotes homever slight from the hand of the Black Captain would be estemed by me an unestimable favour.

My young friend M-r Wladimir Davidow has been unwell during this spring which circumstance joined to illness in my own

family has preveated my seeing so much of him as I should have prefered had Lady Scott health permitted us to receire our friends in the usual way. He is a young gentleman of most amiable tem per and much accomplishment and I am happy of having made his acguaintance and that of his friend.

It is very true I have been able to procure a drawing of captain Davidow which hangs a bone one of the things I hold most' precions namely a good rownd sword which mas handed down to me by my ancectors, and which in its day was not bloodless though we have been a peaceful race for three generations. The mititary spirit has revined in my son who is a captain of Hussars and reckoned a heart officer.

I am with much respect, sir,

Yours honoured and obliged humble servant

Walter Scott.

Abbosford, 17 April.

Переводъ письма (*).

Милостивый Государь!

Я почитаю немаловажною для себя честью получить въ своемъ уединеніи письмо ваше, исполненное столь лестными для меня выраженіями. Я тѣмъ болѣе цѣню это, что авторъ письма—человѣкъ знаменитый, котораго подвиги, въ минуты величайшей опасности его отечества, вполнѣ достойны удивленія; имя его, украшая самую блестящую и вмѣстѣ печальнѣйшую страницу исторіи Россіи, передастся въ позднѣйшіе вѣка. Вы себѣ не можете представить какъ сердца Англичанъ, и въ особенности мое, сильно сочувствовало вамъ; мы всѣ съ надеждой и страхомъ, въ слѣдствіе событій рѣшительныхъ, мысленно переносились на ваши биваки, покрытые снѣгомъ, и радовались отъ полноты сердца славному исходу вашего побѣдоноснаго поприща.

(*) Это письмо переведено редакторомъ, который, по незнанію англійскаго языка, руководствовался французскимъ переводомъ.

Надѣясь на вашу великую снисходительность, я обращаюсь къ вамъ съ просьбой, исполненіе которой я почту неоцѣненнымъ знакомъ вашего добраго ко мнѣ расположенія. Я весьма желалъ бы обстоятельнѣе ознакомиться съ партизанской войной, столь богатой приключеніями, и которая была ведена вами въ теченіи Московской кампаніи съ такою ревностью и неутомимою дѣятельностью. Почитая однако съ своей стороны весьма нескромнымъ желать столь обширнаго описанія, которое, потребовавъ много времени, оторвало бы васъ отъ вашихъ занятій, я ограничиваюсь убѣдительнѣйшею просьбой сообщить мнѣ, въ знакъ особеннаго вашего ко мнѣ расположенія, нѣкоторые очерки и разсказы, написанные рукою самаго Чернаго Капитана (*).

Нездоровье молодаго пріятеля моего, Владиміра Давыдова (**), и болѣзни, постигшія мое семейство, не дозволили мнѣ видѣть его столь часто, какъ бы мнѣ того хотѣлось; къ сожалѣнію, болѣзнь леди Скоттъ не дозволила намъ принимать нашихъ пріятелей, какъ мы это обыкновенно дѣлали. Я душевно радуюсь знакомству моему съ этимъ прекраснымъ и любезнымъ молодымъ человѣкомъ, равно какъ и съ его другомъ.

Я, дѣйствительно, успѣлъ пріобрѣсти портретъ капитана Давыдова, который у меня виситъ надъ предметомъ весьма для меня драгоцѣннымъ: это—мечъ, завѣщанный мнѣ предками, и который въ свое время не оставался въ праздности, хотя три послѣднія миролюбивыя поколѣнія нашего племени вели жизнь спокойную. Сынъ мой, служащій капитаномъ въ гусарскомъ полку и, какъ кажется, ловкій офицеръ, отличается воинственными наклонностями.

Съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и пр.

Вальтеръ Скоттъ.

Аботфуртъ. 1827 года 17 Апрѣля.

(*) Такъ называли меня Англичане.

(**) Нынѣ дѣйствительный статскій совѣтникъ, каммергеръ графъ Орловъ Давыдовъ.

Я велъ нѣкоторое время переписку съ Сиръ Вальтеръ Скоттомъ. Письмо, мною ниже помѣщенное, было написано за нѣсколько часовъ до полученія извѣстія объ его кончинѣ, и потому оно осталось въ моемъ портфелѣ. Я не имѣлъ намѣренія переводить его на русскій языкъ и издавать его въ свѣтъ, еслибъ не узналъ о переводѣ на русскій языкъ книги, на погрѣшности которой я здѣсь указываю. Такъ какъ замѣчанія мои не могутъ уже быть полезными сочинителю, то да охранятъ онѣ, по крайней мѣрѣ, моихъ соотечественниковъ отъ заблужденія, въ которое былъ невольно введенъ этотъ знаменитый писатель ложными документами, доставленными ему пристрастными и недобросовѣстными людьми.

Милостивый государь!

Послѣднее письмо ваше я имѣлъ честь получить вскорѣ послѣ безцѣннаго подарка, вами присланнаго (*), за который я не успѣлъ еще благодарить васъ, по случаю независящихъ отъ меня обстоятельствъ (**).

Я давно желалъ имѣть портретъ человѣка, такъ много мною уважаемаго, и такъ побѣдительно увлекающаго вниманіе и удивленіе свѣта. Желаніе мое удовлетворено особенною вашею ко мнѣ благосклонностію, простирающеюся до сочетанія моего безславнаго имени съ вашимъ знаменитымъ именемъ (***).

Горжусь весьма, милостивый государь, что гравированный портретъ мой давно уже находится въ вашемъ кабинетѣ оружій, столь тщательно вами собираемыхъ. Это спасаетъ меня отъ неприличія отдарить васъ изображеніемъ чертъ моей малозначущей особы и вмѣстѣ съ тѣмъ доставляетъ мнѣ случай

(*) Портретъ его.

(**) Пребываніе мое въ дѣйствующихъ войскахъ во время войны съ Персіею въ 1826 году.

(***) Подпись собственной рукой подъ портретомъ: Walter Scott for Denis Dawidoff.

просить васъ принять курдскую пику и персидскій кинжалъ, отбитые отрядомъ, бывшимъ подъ моей командою въ легкой сшибкѣ съ персидскимъ корпусомъ войскъ близь Эривани, и черкесскій лукъ съ колчаномъ, полнымъ стрѣлъ, который удалось мнѣ пріобрѣсти въ проѣздъ мой чрезъ кавказскую линію. Все это отправлено къ вамъ чрезъ англійское посольство.

Вы желаете имѣть замѣчанія мои на войну 1812 года, описанную вами, милостивый государь, въ Исторіи жизни Наполеона. Я не безъ робости повинуюсь вашей волѣ, ибо долженъ заблаговременно признаться вамъ, что ихъ будетъ не малое число, потому что документы, коими вы руководствовались при составленіи описанія этой войны, были, повидимому, доставлены вамъ людьми малосвѣдущими и подвластными пристрастію, которое неминуемо должно было, не взирая на любовь вашу къ истинѣ, отозваться и въ той части сочиненія вашего, гдѣ идетъ рѣчь о Россіи. Простите моей солдатской откровенности, но я не былъ бы достоинъ благосклоннаго вниманія вашего, еслибъ осмѣлился платить вамъ за него лицемѣріемъ, мнѣ вовсе не свойственнымъ, и преступнымъ молчаніемъ; прочитавъ описаніе ваше о нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ нашихъ армій и о полководцѣ, глубокими соображеніями котораго было спасено мое отечество, и чье имя для насъ Русскихъ и драгоцѣнно и священно, я не могу оставить безъ возраженій нѣкоторыхъ ошибочныхъ показаній вашихъ.

Приступаю къ замѣчаніямъ:

Вы говорите, глава VII, стр. 246: (*)

«Турки защищались лучше, чѣмъ отъ нихъ этого ожидали, и хотя въ началѣ кампаніи судьба не благопріятствовала ихъ оружію, однако великій визирь одержалъ наконецъ побѣду подъ Рущукомъ или, по крайней мѣрѣ, разстроилъ до того армію россійскаго генерала, что принудилъ его снять осаду этой крѣпости. Но побѣда не долго озаряла знамена побѣди-

(*) Vie de Napoléon Buonaparte, par Sir Walter Scott. Paris. Imprimerie de Casson. 1827.

телей; вскорѣ Россіяне атаковали турецкій укрѣпленный лагерь, взяли его приступомъ и истребили до основанія армію, его защищавшую».

Вотъ какъ происходило дѣло по истинѣ:

Армія наша, подъ предводительствомъ Кутузова, занимала позицію предъ рущукской крѣпостью, которая еще 15-го сентября предъидущаго года сдалась предмѣстнику его, графу Каменскому, и уже съ того времени принадлежала намъ.

Великій визирь, прибывшій изъ Турлака въ укрѣпленный лагерь между Пизанцами и Кадькію, рѣшился воспользоваться превосходствомъ числительныхъ силъ своей арміи и атаковать Кутузова. 22-го іюня (ст. ст.), рано по утру, вся армія его двинулась на нашу, и бой завязался. Турецкая армія состояла изъ 60 тысячъ, число русскихъ войскъ не превышало 20-ти тысячъ, включая сюда и казаковъ. Кутузовъ, раздѣливъ пѣхоту свою на девять каре, построилъ ихъ въ двѣ линіи шахматнымъ порядкомъ; третью же составляла кавалерія.

Великій визирь, желая отвлечь вниманіе наше отъ главныхъ пунктовъ атаки, устрéмилъ пѣхотныя толпы и артиллерію свою противъ центра русской арміи; въ то же время вся конница его яростно атаковала оба фланга наши. Нападенія конницы лѣваго его фланга были постоянно отражены; но конница, составлявшая его правый флангъ, прорвавшись между кареями, опрокинула лѣвую оконечность нашей кавалеріи и, обскакавъ весь лѣвый флангъ нашъ, бурно разлилась по всему пространству виноградныхъ садовъ, находившихся между нашею арміею и крѣпостію. Минута была критическая. Кутузовъ приказалъ всей кавалеріи праваго своего фланга обратиться влѣво и, выдвинувъ ей на помощь одно изъ пѣхотныхъ каре второй линіи, устремилъ *эту громаду* на турецкую конницу, уже гарцующую подъ стѣнами крѣпости. Натискъ былъ дружный, *очертя голову* и, слѣдовательно удачный, Турки не устояли и отхлынули къ главнымъ силамъ своей арміи, которая послѣ тщетныхъ усилій, продолжавшихся сряду пять часовъ, была принуждена начать отступленіе. Кутузовъ пре-

слѣдовалъ ее всею своею арміею десять верстъ за поле битвы. Великій визирь вступилъ въ свой укрѣпленный лагерь при Кадькію и Пизанцами. Кутузовъ привелъ къ вечеру обратно войска свои въ лагерь, занимаемый имъ прежде. Гдѣ же тутъ побѣда турецкой арміи надъ русскою?

Продолжаю.

Армія наша не снимала осады Рущука, ибо Рущукъ былъ уже въ нашихъ рукахъ съ 15-го сентября предъидущаго года. При всемъ томъ Кутузовъ, не взирая на отпоръ, сдѣланный имъ визирю, находился въ крайне затруднительномъ положеніи, по случаю выступленія въ Россію *пяти* дивизій изъ *девяти*, составлявшихъ его армію. Уже наступилъ 1811 годъ. Дѣло шло не о завоеваніяхъ, а о собственномъ существованіи. Войска были нужны для защиты самой Россіи, угрожаемой Наполеономъ, съ которымъ сношенія Двора нашего становились болѣе и болѣе непріязненными. Свѣжій опытъ доказалъ безопасность арміи нашей при схваткѣ грудь съ грудью съ турецкою арміею,—но великій визирь, опираясь на значительное превосходство силъ своихъ, могъ бы безъ сраженія принудить Кутузова оставить правый берегъ Дуная. Ему стоило только, занимая ежедневно армію нашу нѣкоторою частью своихъ войскъ, двинуться съ главными силами или къ сторонѣ Туртукая, или Силистріи, и, перейдя Дунай, явиться въ Валахіи на пути сообщеній Кутузова съ Россіею. Тогда было бы поздно прибѣгать къ предупрежденію турецкихъ войскъ въ занятіи Валахіи. Но при переходѣ въ эту область всей нашей арміи, надлежало рѣшить вопросъ весьма важный: оставить ли за собой крѣпость или пожертвовать ею? Соображаясь съ чрезвычайною обширностію этой крѣпости, Кутузову слѣдовало бы неминуемо снабдить ее, по крайней мѣрѣ, двадцатью баталіонами пѣхоты и артиллеріею. Таковой огромный отрядъ, послѣ выступленія въ Россію пяти дивизій, ослабилъ бы совершенно армію и лишилъ бы ее послѣдней надежды на успѣхъ въ борьбѣ съ сильнымъ непріятелемъ на самой важнѣйшей части театра военныхъ дѣйствій. Это побудило Кутузова,

пожертвовавъ Рущукомъ, и переселивъ жителей въ Валахію, подорвать важнѣйшія части крѣпости и предать пламени строенія, служащія для складки запасовъ; перейдя потомъ на лѣвый берегъ Дуная и снявъ мостъ, соединяющій оба берега рѣки, ограничиться лишь защитою Валахіи.

Спустя пять дней послѣ сраженія (т. е. въ ночь съ 27-го на 28-е іюня), армія наша, состоявшая изъ 26 баталіоновъ пѣхоты и 35 эскадроновъ кавалеріи, перейдя Дунай, расположилась противъ Кашорскаго острова между крѣпостью Журжею, занятою нашимъ гарнизономъ, и селеніемъ Слободзеею, отстоящимъ отъ нея въ нѣсколькихъ верстахъ. 28-го утромъ Турки, занявъ покинутый нами Рущукъ, расположились лагеремъ на высотахъ у самаго города.

Въ ночь съ 27-го на 28-е іюня великій визирь предпринялъ переправу чрезъ Дунай въ 5-ти верстахъ выше Рущука съ намѣреніемъ занять низменность подъ защитою выстрѣловъ батарей, устроенныхъ имъ на возвышенностяхъ праваго берега. Войска наши противились сначала высадкѣ непріятеля на берегъ, но вскорѣ они, по приказанію Кутузова, прекратили свои дѣйствія. Тогда Кутузовъ рѣшился обложить турецкія силы, перешедшія на лѣвый берегъ Дуная, и приступившія уже къ укрѣпленію своего лагеря. Остановивъ двѣ дивизіи, 9-ю и 15-ю, слѣдовавшія въ Россію, онъ притянулъ часть ихъ къ главнымъ силамъ; присоединивъ также и нѣкоторые отряды, наблюдавшіе непріятеля вдоль Дуная, онъ возвысилъ чрезъ это числительную силу главной массы арміи до 50 баталіоновъ и 40 эскадроновъ.

Великій визирь, пользуясь удачею и удостовѣрясь въ твердой осѣдлости переправившихся за рѣку войскъ, усилилъ ихъ мало по малу всею почти арміею, оставя на противуположномъ берегу только нѣсколько батарей и малосильный отрядъ войскъ. Наконецъ, прибывъ лично на лѣвый берегъ, визирь намѣревался постепенно расширять кругъ наступательныхъ своихъ дѣйствій.

Съ своей стороны Кутузовъ спѣшилъ предупредить покушеніе визиря устроеніемъ блокадной линіи, которую онъ образовалъ изъ десяти редутовъ, построенныхъ полукружіемъ, примкнувъ оба ея фланга къ Дунаю, выше и ниже турецкаго лагеря.

Я сказалъ уже, что великій визирь, переправившись лично съ главными силами своими за Дунай, оставилъ лишь малозначительный отрядъ на лѣвомъ берегу рѣки.

Въ глаза бросилась польза разбитія этого корпуса и упроченія побѣды твердою осѣдлостію войскъ нашихъ на самомъ томъ мѣстѣ, которое прежде занималъ этотъ корпусъ. Тогда турецкая армія должна была вовсе лишиться сообщенія своего не только съ внутренностію имперіи, но даже съ лѣвымъ берегомъ Дуная и слѣдственно со всѣми источниками ея средствъ. Сверхъ того она подвергалась губительнымъ выстрѣламъ артиллеріи нашей съ высотъ, господствующихъ надъ пологостію берега, занимаемаго визиремъ. Кутузовъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ съ чудесною и геніальною ловкостію.

30-го октября генералъ Марковъ съ 18 баталіонами, 10 эскадронами и 2 казачьими полками (всего 9000 человѣкъ) двинулся къ селенію Петрушанамъ и 1-го октября подошелъ къ мѣсту, назначенному ему Кутузовымъ для переправы въ двадцати верстахъ выше Рущука. Къ вечеру весь его корпусъ находился уже на правомъ берегу, а къ полуночи въ 5-ти верстахъ отъ непріятельскаго корпуса; 2-го октября Марковъ атаковалъ и разбилъ его, при чемъ онъ взялъ 8 орудій и 400 человѣкъ въ плѣнъ. Онъ расположился противъ самаго тыла арміи визиря, занявъ артиллеріею своею всѣ окопы, подъ прикрытіемъ которыхъ совершалась переправа турецкой арміи 28-го іюля. Для довершенія ея гибели, Кутузовъ, единовременно съ нападеніемъ Маркова, подвинулъ оба отдѣленія флотиліи нашей, плававшей по Дунаю; 1-е отдѣленіе отъ Турнова приблизилось къ турецкому лагерю, 2-е отъ

Силистріи двинулось по этой рѣкѣ къ Журжи, намъ принадлежавшей.

Безнадежное положеніе турецкой арміи было слѣдствіемъ глубокихъ соображеній Кутузова. Лишенная подвозовъ съ пищею, армія эта подвергалась всѣмъ родамъ недостатковъ; сильный голодъ сталъ свирѣпствовать, и войска гибли ежедневно сотнями.

Угрожаемый неминуемою личною гибелью, великій визирь въ ночи отъ 2-го на 3-е ноября отправился лично въ Рущукъ на рыбачьей лодкѣ (*). Тайно приказано было не препятствовать его бѣгству, ибо Кутузовъ зналъ, что, по обычаю Турецкой имперіи, всѣ сношенія, переговоры и обѣщанія великаго визиря, окруженнаго непріятелемъ, не имѣютъ силы и значенія; къ тому же этотъ великій визирь былъ весьма расположенъ къ миру и присутствіемъ своимъ въ диванѣ могъ ускорить прекращеніе войны, въ то время для насъ вполнѣ несвоевременной.

Наконецъ 26-го ноября турецкое войско, состоявшее изъ 6000 человѣкъ, способныхъ къ бою, и 2000 больныхъ,— жалкій остатокъ столь огромной арміи!—положило оружіе; 56 орудій достались побѣдителямъ и были немедленно перевезены въ Журжу. Тѣмъ заключились покушенія великаго визиря на Кутузова и война съ Турецкою имперіею, продолжавшаяся шесть лѣтъ сряду.

Изъ этого краткаго изложенія борьбы нашей съ Турками въ 1811 году,—изложенія, основаннаго на сущей истинѣ, вы легко усмотрите, милостивый государь, какъ мало описанное вами происшествіе похоже на самое происшествіе; бросивъ на него взглядъ съ настоящей точки зрѣнія, вы конечно отдадите

(*) *Чрезъ годъ и нѣсколько дней* послѣ бѣгства визиря отъ Кутузова въ *рыбачьей лодкѣ*, другой полководецъ — и какой полководецъ! — бѣжалъ отъ того же Кутузова въ *саняхъ*, оставя армію свою въ положеніи не менѣе бѣдственномъ, чѣмъ турецкая.

справедливость подвигу, не уступающему ни единому изъ подвиговъ величайшихъ полководцевъ, прославленныхъ извѣстными намъ военными лѣтописями. Безъ сомнѣнія, въ немъ нѣтъ отпечатка тѣхъ мгновенныхъ и бурныхъ порывовъ генія, болѣе блистательныхъ и потому болѣе поражающихъ воображеніе людей, чѣмъ подвиги, хладнокровно обдуманные и съ меньшимъ шумомъ приведенные въ исполненіе; но и таковые подвиги кажутся мнѣ не безъ высокаго достоинства. Сверхъ того это событіе замѣчательно и въ другомъ отношеніи: не видимъ ли уже мы въ немъ того новаго Фабія, который ровно годъ спустя и почти тѣми же мѣрами отстоялъ новый Римъ противъ новаго Аннибала?

Глава VIII, стр. 268.

«Барклай-де-Толли (*), возведенный Александромъ на степень генералиссимуса, родомъ Германецъ и Шотландецъ по происхожденію, начерталъ и представилъ царю планъ военныхъ дѣйствій и средство обмануть Бонапарта, употребленіемъ противъ него его собственнаго образа дѣйствій. По мнѣнію Барклая, усилія къ отраженію напоровъ Бонапарта должны были ограничиваться однимъ принужденіемъ его умѣрить стремленіе свое и идти съ осторожностію,—но съ тѣмъ вмѣстѣ ни чѣмъ не пренебрегать съ россійской стороны въ пресѣченіи его сообщеній, въ поврежденіи его *основанія дѣйствій* (base) и въ избѣжаніи малѣйшей битвы съ нимъ общими силами. Въ слѣдствіе чего, главный предметъ дѣйствія состоялъ въ отступленіи отъ непріятеля, въ устраненіи отъ себя сра-

(*) Ермоловъ предложилъ Барклаю, переправившись чрезъ Двину у Будиловой переправы на лѣвый берегъ рѣки, который выше и равнѣе праваго, слѣдовать чрезъ Сенно, Оршу на Смоленскъ, куда мы могли прибыть по крайней мѣрѣ 2-мя сутками ранѣе; мы могли встрѣтить у Сенно головныя французскія войска и, легко разбивъ ихъ (что не мало возвысило бы нравственный духъ войскъ), двинуться далѣе. Барклай согласился; уже были наведены понтоны, но вдругъ онъ по неизвѣстнымъ причинамъ отмѣнилъ переправу. Ермоловъ упомянулъ объ этомъ въ письмѣ своемъ къ государю отъ 16-го іюля.

женій, кромѣ сшибокъ передовой стражи, или передовыхъ отрядовъ съ его передовыми войсками и въ приступленіи къ генеральному дѣлу съ нимъ тогда только, когда на сторонѣ Русскихъ ознаменуется несомнительное превосходство въ числительной силѣ. Когда пути сообщенія непріятеля отъ чрезмѣрнаго протяженія подвергнутся пресѣченію не только посредствомъ войскъ, но даже и посредствомъ жителей, и отъ того окажется въ непріятельской арміи недостатокъ въ пропитаніи, затрудненіе въ полученіи зарядовъ, въ замѣнъ выстрѣленныхъ, и рекрутовъ, для замѣщенія солдатъ, погибшихъ отъ битвъ и трудовъ военныхъ; когда въ россійской арміи, отъ приближенія ея къ источникамъ своихъ средствъ и пособій, ознаменуется избытокъ во всѣхъ военныхъ потребностяхъ и усилится она резервами и общимъ ополченіемъ,—словомъ: цѣль всѣхъ соображеній состояла въ томъ, чтобы тогда только приступить къ истинной борьбѣ съ непріятелемъ, когда поврежденіе путей отъ позднято времени года, недостатокъ въ продовольствіи и зарядахъ, утомительные переходы, болѣзни и потеря, понесенная въ частныхъ сшибкахъ, похитятъ у Наполеоновой арміи всѣ тѣ преимущества, которыми обладала она при вступленіи въ Россію: числительную силу, рвеніе къ боямъ и строго наблюдаемую его дисциплину.»

Во первыхъ: Барклай-де-Толли не имѣлъ званія генералиссимуса, которое почитается у насъ выше фельдмаршальскаго. Онъ былъ генераломъ отъ инфантеріи и притомъ военнымъ министромъ, что давало ему преимущество надъ прочими генералами отъ инфантеріи по праву, соединенному съ этимъ званіемъ, объявлять Высочайшія именныя повелѣнія.

Во вторыхъ: у насъ такъ мало постигали возможность отрѣзать сообщенія непріятеля, что, когда я, за нѣсколько переходовъ до Москвы, первый предложилъ это предпріятіе, оно было принято съ большею недовѣрчивостію. Подъ предлогомъ неминуемой гибели, сопряженной съ подобными предпріятіями, мнѣ было дано лишь 50 гусаръ и 80 казаковъ. Я съ этой горстью казаковъ провелъ 10 сутокъ сряду въ тылу и по-

среди непріятельской арміи; небольшіе успѣхи мои, при столь ничтожныхъ средствахъ, убѣдили высшее начальство въ пользѣ подобнаго рода дѣйствій. Придавъ мнѣ еще казаковъ, что возвысило силу моей партіи до 800 человѣкъ, они отрядили многія другія партіи, давъ имъ различное направленіе.

Въ третьихъ: планъ кампаніи, приписываемый вами, по общему мнѣнію, Барклаю, почитается у насъ сочиненнымъ послѣ событія, и вотъ почему: 1) если бы этотъ планъ, составленный до начатія войны Барклаемъ, былъ представленъ императору Александру и утвержденъ Его Величествомъ, то не для чего было бы разсуждать въ военномъ совѣтѣ, собранномъ въ Дриссѣ (т. е. немедленно послѣ начатія военныхъ дѣйствій) о принятіи сраженія въ укрѣпленномъ лагерѣ подъ Дриссою. 2) Не для чего было бы предписывать кн. Багратіону въ Волковискѣ спѣшить къ Дрисскому укрѣпленію, для соединенія съ первою арміею, чтобы, сосредоточивъ всѣ силы на этомъ пунктѣ, *принять означенное сраженіе*. Барклай, имѣя въ виду задержать непріятеля, дабы дать тѣмъ время князю Багратіону спѣшить чрезъ Могилевъ на соединеніе съ 1-ою арміею, рѣшился напротивъ принять сраженіе сперва впереди города, а потомъ позади его. Оно было отмѣнено по слѣдующимъ причинамъ: обѣ позиціи, весьма пересѣченныя, были крайне невыгодны для принятія сраженія съ превосходнымъ въ силахъ непріятелемъ, а потому гибельный исходъ битвы не могъ быть сомнителенъ, тѣмъ болѣе, что части арміи были разобщены между собою оврагами и лѣсами. Рѣзкія возраженія начальника главнаго штаба 1-й арміи Ермолова, настойчиво требовавшаго дальнѣйшаго отступленія арміи, спасли ее отъ гибели и значительной потери людей, тѣмъ болѣе безполезной, что прибывшій на первомъ переходѣ изъ города Витебска адъютантъ князя Багратіона князь Менщиковъ привезъ извѣстіе о занятіи Могилева войсками маршала Даву (*). 3) Никогда

(*) Вотъ нѣкоторыя подробности, относящіяся къ этому и сообщенныя мнѣ

Барклай и Багратіонъ не подвинулись бы наступательно изъ Смоленска къ Руднѣ для разрыва на двое французской арміи, тогда какъ не было еще малѣйшей надежды на скорое прибытіе резервовъ и подкрѣпленій, находившихся около Москвы и за Москвою; къ пресѣченію путей сообщенія непріятеля съ

очевидцами этого событія. Ермоловъ, которому уже удалось убѣдить главнокомандующаго не принимать сраженія впереди города, гдѣ по причинѣ пересѣченной и лѣсистой мѣстности наши полки, не видя одинъ другаго, могли лишь перекликаться, отправился изъ Витебска въ Островно, гдѣ мы потерпѣли пораженіе; возвратясь поздно въ городъ, онъ не засталъ уже здѣсь Барклая, который находился въ лагерѣ и возъимѣлъ вновь намѣреніе сразиться съ непріятелемъ. Ермоловъ, выѣхавъ на разсвѣтѣ изъ города, прибылъ къ правому флангу арміи, состоявшему изъ войскъ 2 корпуса и упиравшемуся въ Двину; онъ былъ отдѣленъ отъ прочихъ частей арміи глубокимъ оврагомъ. Полковнику Никитину стоило величайшихъ трудовъ, чтобы перевести свою конную роту чрезъ этотъ оврагъ; позиціи прочихъ частей арміи были столь же невыгодны для принятія боя. Ермоловъ, знавшій эту мѣстность съ первыхъ лѣтъ своего служебнаго поприща, поспѣшилъ къ Барклаю и въ сильныхъ выраженіяхъ предсказывалъ ему бѣдственный исходъ сраженія, которое намѣревались здѣсь принять. „Насъ спасаетъ одно обстоятельство,“ говорилъ онъ: „фронтъ позиціи нашей прикрытъ рѣчкой Лучесой, которую трудно перейти въ бродъ, но можно отыскать его гораздо выше; пока непріятель будетъ занятъ отыскиваніемъ удобныхъ бродовъ, мы должны поспѣшно начать отступленіе; иначе наша армія подвергнется разбитію по частямъ.“ Между тѣмъ графъ Паленъ уже вступилъ въ ожесточенный бой съ непріятелемъ. На собранномъ военномъ совѣтѣ, всѣ единогласно согласились съ мнѣніемъ Ермолова; когда старшій изъ генералъ-лейтенантовъ арміи Николай Алексѣевичъ Тучковъ предложилъ удержать позицію до вечера, Ермоловъ съ величайшею запальчивостію возразилъ ему: „Кто же вамъ поручится въ томъ, что наша армія будетъ существовать до вечера? Можетъ быть вашимъ превосходительствомъ заключено условіе, по которому Наполеонъ обязывается не тревожить насъ до ночи?“ Результатомъ этого было тò, что Барклай приказалъ войскамъ начать отступленіе. Барклай, предполагая, что Могилевъ занятъ войсками 1-ой арміи, думалъ принять сраженіе близь Витебска за тѣмъ, чтобы, задержавъ здѣсь Наполеона, облегчить тѣмъ соединеніе свое съ кн. Багратіономъ. Но на 1-мъ переходѣ отъ Витебска прибылъ адьютантъ кн. Багратіона, кн. Меньщиковъ, съ извѣстіемъ о занятіи Могилева маршаломъ Даву, а потому сраженіе близь Витебска на крайне невыгодной мѣстности съ превосходнымъ въ числѣ непріятелемъ, предводимымъ самимъ Наполеономъ, неминуемо подвергало 1-ую армію жестокому и безполезному пораженію, которое могло имѣть для нашего отечества самыя бѣдственныя послѣдствія.

его основаніемъ не было еще приступлено, что̀ при приведеніи въ исполненіе плана кампаніи, приписываемаго Барклаю, было необходимо; и наконецъ 4) неужели правительство, при устройствѣ на Нѣманѣ и въ Литовскихъ губерніяхъ такого огромнаго количества магазиновъ и складовъ разнаго рода, стоившихъ несмѣтныхъ суммъ, имѣло въ виду пожертвовать всѣми этими запасами въ пользу Наполеона для весьма гадательной и сомнительной приманки къ дальнѣйшему наступленію его въ нѣдра имперіи? Но, положимъ, что этотъ планъ кампаніи дѣйствительно существовалъ, что̀ произошло бы, еслибъ Наполеонъ вмѣсто того, чтобы увлечься этой приманкой и продолжать дальнѣйшее движеніе свое къ Москвѣ, остановившись въ Смоленскѣ, обратился бы къ упрочиванію своего владычества въ Польшѣ и Литвѣ и не прежде устремился бы къ Москвѣ, какъ отдохнувъ и приведя въ порядокъ утомленныя и разстроенныя продолжительнымъ походомъ войска свои; онъ бы усилился здѣсь новою стотысячною польскою арміею и многочисленными резервами, слѣдовавшими къ нему изъ Франціи и Германіи; устроивъ магазины и всякаго рода склады на Двинѣ и Днѣпрѣ, онъ могъ возвести здѣсь прочныя укрѣпленія, которыя могли бы служить мѣстомъ склада запасовъ и въ крайности убѣжищемъ для его войскъ! Куда дѣвалось бы это чрезмѣрное протяженіе путей сообщенія непріятельской арміи при движеніи ея уже не отъ Нѣмана къ Москвѣ, а только отъ Днѣпра къ этой столицѣ, т. е. по протяженію, заключающему въ себѣ уже не 1,200, а только 380 верстъ?

Нѣтъ, милостивый государь, отступленіе наше отъ Нѣмана до Москвы не есть слѣдствіе заранѣ обдуманнаго предначертанія; оно есть слѣдствіе разобщеннаго положенія обѣихъ нашихъ армій предъ начатіемъ военныхъ дѣйствій и движенія Наполеона главной массою силъ своихъ между ними къ верховьямъ Двины и Днѣпра. Намѣренія его были такъ мало намъ извѣстны, что направленіе главныхъ силъ его изъ Вильно на Глубокое и Дакшицы намъ казалось невѣроятнымъ. Мы

опасались болѣе направленія ихъ къ нижней Двинѣ, т. е. на Курляндію и Лифляндію, къ Петербургу (*), чѣмъ на Смоленскъ и Москву; (я имѣлъ въ рукахъ достовѣрнѣйшіе документы на счетъ этого опасенія). Тогда только, когда обрисовалось это грандіозное развитіе несмѣтныхъ ополченій между Двиной и Березиной, въ губерніяхъ Виленской и Минской, тогда только мы приступили къ сосредоточенію обѣихъ армій, но уже не въ Минской и не въ Виленской губерніяхъ, затопленныхъ приливомъ наполеоновыхъ полчищъ. Мы старались усиленными переходами по обширному полукружію, опередить головы непріятельскихъ колоннъ и собрать въ одну массу всѣ свои силы тамъ, гдѣ Богъ приведетъ, въ Оршѣ, въ Смоленскѣ или въ самой Москвѣ. Богъ привелъ совершиться сосредоточенію нашему въ Смоленскѣ, и слава Ему! похвала и обоимъ главнокомандующимъ, въ особенности Багратіону, заслужившему безсмертную благодарность Россіи преодолѣніемъ неисчислимыхъ препятствій и преградъ, встрѣченныхъ имъ на каждомъ шагу; онъ обнаружилъ въ этомъ случаѣ весь объемъ, всю проницательность и всю рѣшительность превосходнаго полководца! Что же касается до отступленія нашего отъ Смоленска къ Москвѣ,—оно было послѣдствіемъ несоразмѣрности силъ нашихъ съ непріятельскими, которыхъ нельзя было намъ атаковать, но слѣдовало избѣгать встрѣчи съ ними до соединенія нашего съ войсками, образовавшимися въ срединѣ имперіи: мы спѣшили къ нимъ, чтобы быть многочисленнѣе и, слѣдовательно, сильнѣе. Вотъ вся тайна отступленія нашего отъ Нѣмана до Смоленска и отъ

(*) Движеніе корпуса Виктора по направленію къ Петербургу сильно всѣхъ встревожило; великій князь Константинъ Павловичъ сказалъ Ермолову: „сестра моя Екатерина Павловна не знаетъ куда ѣхать, чтобы родить; она, какъ многіе, боится остаться въ Петербургѣ.“—„Не безпокойтесь, Ваше Высочество,“ отвѣчалъ Ермоловъ, „Французы не сдѣлаютъ, конечно, подобной глупости и не пойдутъ на Петербургъ; если бы они и предприняли это безполезное движеніе, то встрѣтятъ неодолимыя препятствія въ Новгородскихъ болотахъ и лѣсахъ.“

Смоленска до Москвы. Тотъ, кто осмѣлился увѣрять васъ, милостивый государь, что оно было предварительно обдумано кѣмъ либо изъ главныхъ дѣйствовавшихъ лицъ, тотъ намѣревается ввести или васъ въ заблужденіе, или самъ заблуждается.

Глава VIII, стр. 280.

«Этотъ систематически выжидательный образъ дѣйствія былъ необходимъ для Россіи по той причинѣ, что приготовленіе ея къ оборонительной войнѣ не получило еще окончательной осѣдлости. Ей нужна была отсрочка въ рѣшительныхъ дѣйствіяхъ, до прибытія изъ Англіи ружей и другихъ необходимостей и для заключенія мира съ Турціею, для перемѣщенія на важнѣйшій театръ событій той арміи, которая находилась тогда на Дунаѣ».

Что касается до ружей и другихъ военныхъ необходимостей, будто бы нами изъ Англіи ожидаемыхъ, мы въ нихъ не нуждались и не могли въ нихъ нуждаться, обладая такимъ великимъ количествомъ арсеналовъ, литейныхъ, ружейныхъ и пороховыхъ заводовъ, и высылая ежегодно избытокъ хлѣбныхъ припасовъ нашихъ за границу на пропитаніе Европы, а часто и самой Англіи. Справедливость замѣчанія моего подкрѣпляется неоспоримымъ фактомъ: во весь 1812 годъ мы питались своимъ собственнымъ хлѣбомъ, жгли свой собственный порохъ и не прежде получили изъ Англіи весьма малое количество ружей (на нѣсколько пѣхотныхъ полковъ), какъ въ началѣ 1813 года, т. е. тогда, когда были собраны уже всѣ ружья пятисотъ-тысячной непріятельской арміи, брошенныя ею во время бѣгства; въ одномъ Ковно взяли мы шестьдесятъ тысячъ новыхъ ружей, присланныхъ для нея изъ Франціи. Въ заключеніе я долженъ замѣтить, что россійская армія уклонялась отъ рѣшительныхъ битвъ по причинамъ, выше мною изложеннымъ, а не въ слѣдствіе ожиданія мира съ Турціею. Миръ этотъ былъ заключенъ и подписанъ 16-го Мая, ровно за два мѣсяца до вторженія непріятеля въ наши предѣлы, и если дунайская армія не успѣла прибыть

на театръ рѣшительныхъ событій въ началѣ кампаніи, или по крайней мѣрѣ къ сентябрю мѣсяцу, то этому причиною не военныя дѣйствія противъ Турокъ, съ которыми мы были уже тогда въ дружественныхъ сношеніяхъ, а вслѣдствіе оригинальной мысли Чичагова, который вздумалъ угрожать Наполеону движеніемъ чрезъ Сербію, Боснію и Кроацію въ Италію, въ то время, какъ участь Россіи рѣшалась на поляхъ Бородина, Тарутина и Малоярославца.

Глава VIII, стр. 284.

«Платовъ. слѣдовалъ за нею (за второю арміею) съ двѣнадцатью тысячами дѣтищъ пустыней. . . .»

Платовъ занималъ Гродно и принадлежалъ первой, а не второй арміи. Онъ присталъ къ послѣдней, по случаю быстраго отступленія первой изъ окрестностей Вильно къ Свенціанамъ и къ Дриссѣ и движенія французской арміи вслѣдъ за нею. Отдѣленный по этому случаю отъ арміи, къ которой принадлежалъ отрядъ легкихъ войскъ, имъ командуемыхъ, Платовъ рѣшился обратиться ко второй арміи и примкнулъ къ ней не съ 12-ю тысячами, а только съ 9-ю тысячами всадниковъ, т. е. съ четырнадцатью казачьими полками и двумя ротами донской конной артиллеріи. Вотъ все, что состояло подъ начальствомъ Платова при началѣ военныхъ дѣйствій.

Тамъ же:

«Багратіонова армія простиралась до 80 тысячъ человѣкъ.»

Я находился въ этой арміи и имѣю вѣрное свѣдѣніе, что числительная сила ея заключалась въ 47 тысячахъ человѣкъ регулярнаго войска и 4.000 казаковъ, не считая отряда Платова и отряда Дорохова, приставшаго въ послѣдствіи къ этой же арміи, и который состоялъ лишь изъ 3.000 человѣкъ.

Тамъ же:

«И такъ сила россійской арміи при открытіи военныхъ дѣйствій состояла изъ 260 тысячъ человѣкъ.»

Можетъ быть и изъ гораздо большаго числа, если примемъ въ соображеніе резервы, общее ополченіе, финляндскій, кав-

казскій и закавказскій корпуса и армію, находившуюся въ Молдавіи; но можно положительно сказать, что три западныя арміи, принявшія на свой щитъ удары пятисотъ-тысячной наполеоной арміи, состояли только изъ 218 тысячъ пѣхоты и кавалеріи, включая въ это число и казачье войско, которое рѣдко участвовало въ генеральныхъ сраженіяхъ.

Глава VIII, стр. 292.

«Пока проходила она (непріятельская армія) чрезъ Польшу, изобиліе всякаго рода ей сопутствовало. Но въ Литвѣ обстоятельства измѣнились; Русскіе вывезли все то, что̀ могло служить ей пропитаніемъ.»

Русскіе, при отступленіи своемъ, вывезли съ собою однихъ должностныхъ людей съ ихъ движимымъ имуществомъ, казначейства и всѣ суммы, принадлежащія правительству. Что же касается до вывоза магазиновъ съ съѣстными запасами, изготовленными для нашей арміи, вывозъ этого былъ невозможенъ въ слѣдствіе сумятицы, возникшей во всемъ народонаселеніи. До вывоза ли было огромныхъ и, можно сказать, необъятныхъ и неисчислимыхъ запасовъ, которыми были завалены литовскія губерніи, тогда какъ каждый житель думалъ лишь о спасеніи или своей личности или своей собственности? И возможно ли было принуждать ихъ къ тому силою, когда все вниманіе было лишь устремлено на военныя дѣйствія? Все, что Русскіе могли сдѣлать съ этими магазинами, ограничилось лишь преданіемъ ихъ огню; но и эта мѣра была почти недѣйствительна. Обязанность предавать огню магазины была возложена на малочисленныя команды войскъ, или, лучше сказать, на передовую цѣпь, ежедневно остававшуюся послѣднею при отступленіи арміи и ея арріергарда, слѣдственно войску ближайшему къ непріятелю. Цѣпь эта никогда не могла имѣть достаточнаго времени для приведенія въ исполненіе даннаго ей наставленія, ибо должна была приступать къ нему лишь тогда, какъ было уже поздно, когда непріятельскія массы были уже тутъ и быстрымъ своимъ напоромъ не дозволяли ей не только зажигать магазины, но и оставаться

близъ нихъ ни единой минуты, а потому строенія съ съѣстными запасами, если они были иногда зажигаемы, то не на долго: непріятель самъ ихъ тушилъ и получалъ добычу, едва поврежденную.

Глава VIII, стр. 323.

«Числительная сила его арміи (Багратіона) умножилась не только войсками атамана Платова . . . но и дивизіею генерала Дохтурова.»

Дохтуровъ командовалъ не дивизіею, а корпусомъ, находившимся въ составѣ первой арміи. Вы, можетъ быть, принимаете Дорохова за Дохтурова? но Дороховъ не командовалъ дивизіею, онъ командовалъ авангардомъ 4-го пѣхотнаго корпуса (генерала Шувалова), составленнаго изъ Изюмскаго гусарскаго и двухъ егерскихъ полковъ. Не успѣвъ, подобно Платову, примкнуть къ первой арміи при внезапномъ отступленіи ея къ Свенціянамъ, онъ, подобно Платову, примкнулъ ко второй арміи.

Глава IX, стр. 323.

«Не одинъ знаменитый успѣхъ увѣнчалъ усилія и труды Платова и казаковъ его надъ польскою конницею, исполненной стремительной храбрости, но чуждой партизанской войны, знаніе которой исключительно принадлежитъ этимъ новымъ Скиѳамъ.»

Платовъ два раза разбилъ авангардъ короля Вестфальскаго во время отступленія второй арміи. Первый разъ подъ Миромъ, 28 іюня, второй подъ Романовымъ, 2 іюля; но эти дѣла не принадлежатъ къ роду партизанскихъ дѣлъ; ибо Платовъ командовалъ арріергардомъ второй арміи, составленнымъ изъ всѣхъ казачьихъ полковъ, съ ними пришедшихъ, и другихъ, принадлежавшихъ этой арміи. Сверхъ того арріергардъ этотъ заключалъ въ себѣ Ахтырскій гусарскій полкъ, Кіевскій драгунскій и два егерскихъ полка, съ приличнымъ числомъ артиллеріи. Сраженія его съ непріятелемъ были сраженія арріергарда отступающей арміи съ авангардомъ наступающаго непріятеля, и не выходили изъ круга обыкновенныхъ сообра-

женій; слѣдственно онѣ не могли имѣть и не имѣли ни малѣйшаго сходства съ партизанскимъ дѣйствіемъ, по существу своему вдохновеннымъ, своенравнымъ и залетнымъ.

Глава IX, стр. 339.

« Онъ (Барклай) отрядилъ въ Ельню армію своего товарища.»

Багратіонъ не былъ отряженъ въ Ельню; онъ былъ отодвинутъ по большой московской дорогѣ къ селу Соловьеву. Ему было предписано перейти тамъ Днѣпръ прежде первой арміи для прикрытія переправы ея, въ случаѣ движенія французской арміи отъ Смоленска лѣвымъ берегомъ Днѣпра, въ намѣреніи пресѣчь путь нашего отступленія къ Москвѣ. По направленію къ Ельнѣ посланъ былъ Багратіономъ полковникъ Донскаго войска Сысоевъ, для наблюденія за непріятельскимъ движеніемъ.

Глава X, стр. 359.

«Природная рьяность солдатъ (русскихъ), недавно поступившихъ въ ряды арміи, ихъ довѣренность въ собственныя силы, ихъ алчность къ битвамъ за право, на защиту котораго они ополчились, все возбудило въ нихъ ропотъ на столь продолжительное отступленіе; они громогласно требовали битвы подъ начальствомъ русскаго генерала.»

Чинопослушаніе и строгая дисциплина, соблюдаемая войскомъ нашимъ, такъ извѣстна, что вошла въ пословицу. Кто видалъ солдатъ нашихъ, а еще болѣе кто служилъ съ ними, тотъ удостовѣритъ васъ, милостивый государь, что никогда ни одинъ изъ нихъ не возвыситъ голоса для требованія чего либо. Они ждутъ велѣнія начальства и исполняютъ его не только безъ ропота и съ ревностію, но съ какимъ-то особеннымъ неподражаемымъ удальствомъ, даже и тогда, когда они ясно видятъ безполезность усилій и вѣрную гибель, которой они подвергаются,—вотъ солдатъ русскій! По истинѣ, негодованіе на Барклая за такое долговременное отступленіе существовало, и довѣренность къ нему исчезла; но чувства эти изъявлялись между собою тихо и скромно, никогда въ слухъ

и въ многолюдствѣ, тѣмъ менѣе предъ всѣмъ войскомъ, явно и громогласно.

Глава X, стр. 360.

«Генералъ Кутузовъ, пользовавшійся высокою репутаціею между Русскими, былъ вызванъ изъ арміи, дѣйствовавшей на Дунаѣ противъ Турокъ, и принялъ начальство надъ главною арміею.»

Если только между нами Русскими Кутузовъ пользовался высокою репутаціею, то остается намъ сожалѣть о маломъ вниманіи иностранцевъ къ военачальникамъ государства, котораго воинственный духъ и, по словамъ ихъ, алчность къ завоеваніямъ такъ явно угрожаютъ спокойствію Европы. Если бы господа иностранцы, при принятіи Кутузовымъ начальства надъ россійскими арміями, взяли бы на себя трудъ раскрыть книгу жизни этого полководца, то они увидѣли бы, что служба его отечеству продолжалась 53 года непрерывно, что двѣ пули, прошедшія въ разныя времена сквозь могучую голову его, ни мало не ослабили высокихъ его умственныхъ способностей; что онъ, независимо отъ многихъ блистательныхъ подвиговъ, совершенныхъ имъ въ разныхъ случаяхъ и въ разныхъ чинахъ, командовалъ крайнею колонною лѣваго фланга на Измаильскомъ приступѣ, гдѣ заслужилъ извѣстный отзывъ Суворова: «Кутузовъ былъ на моемъ лѣвомъ крылѣ, но былъ моею правою рукою.» При разбитіи великаго визиря 1791-го года подъ Мачиномъ, вынудившемъ Оттоманскую порту просить мира, онъ начальствовалъ лѣвымъ крыломъ арміи, одержавшимъ бо̀льшій успѣхъ, чѣмъ средина и правое крыло. Они узнали бы, что въ царствованіе Великой Екатерины, обладавшей необыкновеннымъ даромъ при избраніи на важныя должности людей необыкновенныхъ, онъ еще въ генералъ-лейтенантскомъ чинѣ находился въ 1793 и 1794 годахъ чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ при Оттоманской портѣ и, по исполненіи этого порученія, онъ долго начальствовалъ сухопутными кадетскими корпусами, почитавшимися, и въ самый вѣкъ военныхъ чудесъ, разсадниками россійскихъ гене-

раловъ и офицеровъ; этотъ самый Кутузовъ совершилъ въ 1805 году затруднительное и знаменитое отступленіе, сражаясь на каждомъ шагу съ побѣдоносными громадами Наполеона отъ Баваріи до Моравіи. Онъ сохранилъ во всемъ блескѣ честь русскаго оружія, тогда какъ честь оружія союзниковъ нашихъ сокрушалась о гранитныя колонны, предводительствуемыя Наполеономъ, и ихъ арміи были разсѣяны геніемъ величайшаго изъ полководцевъ вѣковъ и міра. И наконецъ, ровно за годъ до вызова его на защиту отечества, которому угрожалъ этотъ же полководецъ, предводительствовавшій войсками всей ополченной Европы, онъ истребилъ на Дунаѣ турецкую армію, въ слѣдствіе чего былъ заключенъ побѣдителемъ славный и неожиданый при тогдашнихъ обстоятельствахъ миръ; этотъ миръ много способствовалъ изгнанію изъ нѣдръ нашего отечества всей ополченной Европы съ ея, до того времени, непобѣдимымъ полководцемъ.

Не могу также пропустить безъ замѣчанія показанія вашего на счетъ прибытія Кутузова къ арміямъ, дѣйствовавшимъ противъ Наполеона, изъ арміи, находившейся въ то время на Дунаѣ. Онъ прибылъ оттуда прямо въ Петербургъ тотчасъ по заключеніи имъ мира, т. е. въ концѣ мая, или въ началѣ іюня; будучи избранъ дворянствомъ начальникомъ Санктпетербургскаго и Московскаго ополченій, онъ спустя два мѣсяца, облеченный властію главнокомандующаго всѣхъ россійскихъ армій, отправился въ первую и вторую западныя арміи, подходившія тогда къ Вязьмѣ.

Глава X, стр. 361.

«Первое дѣйствіе его (Наполеона) состояло въ нападеніи на редутъ, построенный впереди россійской арміи; но, по непростительной ошибкѣ, слишкомъ удаленный отъ главнаго боеваго порядка.»

Этотъ редутъ не входилъ въ составъ главной боевой черты арміи. Онъ построенъ былъ отдѣльно отъ нея съ тою цѣлью, чтобы умножить непріятелю препятствія прежде достиженія имъ избранной нами главной позиціи. Кутузовъ имѣлъ въ

виду, чтобы упорной защитой этого редута нѣкоторою частію нашихъ войскъ отсрочить генеральное сраженіе на столько, на сколько намъ нужно было, чтобы окончательно укрѣпиться на холмахъ и равнинахъ Бородинскихъ, что и случилось. Слѣдственно редутъ этотъ, выполнивъ вполнѣ виды Кутузова, былъ построенъ на выгодномъ мѣстѣ и не ошибочно.

Глава X, стр. 362.

«Россійская армія, тогда равная въ числительности силѣ французской арміи; ибо каждая изъ нихъ состояла изъ 120.000 подъ ружьемъ.»

По всѣмъ вѣрнѣйшимъ документамъ, россійская армія состояла изъ 112 тысячъ, кромѣ 10 тысячъ ополченія, которое не было и не могло быть употреблено въ битвѣ по причинѣ неопытности своей въ военномъ дѣлѣ (они только за нѣсколько дней были призваны отъ сохи). Французская армія заключала въ себѣ болѣе 160.000 человѣкъ.

Глава X, стр. 367.

«Ней началъ битву въ 7 часовъ утра нападеніемъ на редутъ, построенный съ бастіонами и находившійся на центрѣ россійской арміи.»

Не было ни однаго редута съ бастіонами; люнетъ, который вы, милостивый государь, принимаете за редутъ, былъ едва оконченъ изъ палисадъ и рогатокъ; въ такомъ же положеніи находились и три флеши, построенныя впереди села Семеновскаго. Битва началась не въ 7 часовъ, а въ 6 часовъ утра, не атакою Неемъ редута, а почти единовременною атакою села Бородина вице-королемъ италійскимъ Евгеніемъ и канонадою батарей праваго фланга французской арміи по нашимъ флешамъ. Тогда началась атака этихъ флешей корпусами Нея и Даву, а потомъ уже, и гораздо позже, атака люнета, защищаемаго корпусомъ Раевскаго. Послѣдняя была произведена частію войскъ вице-короля Евгенія (именно дивизіями Морана, Жерара и Брусье), перешедшаго по занятіи Бородина съ лѣваго берега Колочи на правый берегъ ея.

Тамъ же:

«Въ самое то время принцъ Евгеній употреблялъ такія же усилія къ изгнанію непріятеля изъ села Семеновскаго и укрѣпленій, окружавшихъ его.»

Я сей часъ сказалъ, что Евгеній начальствовалъ войсками, атаковавшими Бородино, слѣдственно, онъ находился совершенно на противуположной сторонѣ того крыла арміи, атаковавшаго Семеновское и флеши, построенныя предъ Семеновскимъ. Повторяю, что какъ Семеновское, такъ и флеши эти находились на лѣвомъ, а не на правомъ крылѣ нашей арміи, и были атакованы корпусами Даву и Нея, а не Евгеніемъ, расположеннымъ противъ нашего праваго крыла.

Тамъ же:

«Полки поселянъ, никогда до этого дня не видавшіе сраженія, и вмѣсто мундировъ одѣтые въ сѣрыхъ полукафтаньяхъ, построились съ твердостію обстрѣленныхъ уже ветерановъ. бросились въ средину самыхъ жестокихъ сѣчъ.»

Васъ, конечно, увѣрили, милостивый государь, что въ Бородинскомъ сраженіи ополченіе сражалось съ войсками, и вотъ причина, почему вы такъ увеличили числительную силу арміи. Этого не было. Кутузовъ, не надѣясь на стойкость ополченія, оставленнаго въ первоначальномъ своемъ составѣ, по причинѣ недостатка времени на размѣщеніе его по полкамъ, приказалъ ему заняться перенесеніемъ раненыхъ изъ средины битвы и доставленіемъ ихъ въ подвижныя больницы, помѣщенныя въ тылу сражавшихся войскъ. Этою благоразумной мѣрою онъ усилилъ армію нашу всѣми тѣми солдатами, которые безъ того непремѣнно ослабили бы боевыя силы ея. Вотъ употребленіе ополченія! Оно неоспоримо принесло много пользы,—но не въ отношеніи боевыхъ трудовъ.

Глава X, стр. 368.

«Дѣло въ томъ, что послѣднее пособіе его (Наполеона) состояло въ 10-ти тысячной его гвардіи.»

Войско, не участвовавшее въ сраженіи, состояло не изъ 10 тысячъ человѣкъ, а изо всей старой и молодой гвардіи, т. е. изъ 35 или 40 тысячъ. Изъ этихъ войскъ лишь 36 орудій были въ дѣлѣ и дивизія Клапареда (легіонъ Вислы), подвинутая въ концѣ сраженія на помощь вице-королю Евгенію; всѣ прочія не были въ огнѣ, и потому не понесли ни малѣйшаго урона.

Глава XI, стр. 383.

«Наполеонъ прибылъ на высоту, называемую *Поклонною горою*, по той причинѣ, что на ней, при видѣ Москвы, Русскіе становятся на колѣни, крестятся и молятся этому святому граду.»

Русскіе крестятся при видѣ всякой церкви, всякой часовни и всякаго святаго мѣста. Съ Поклонной горы Москва представляется взору со всѣми своими церквами и колокольнями. Легко можетъ статься, что иностранцы приняли поклоненіе народа симъ церквамъ за поклоненіе Москвѣ. Это напрасно. Москва никогда не слыла и нынѣ не слыветъ святымъ градомъ. Черный народъ называетъ ее *кормилицею*, *матушкой* или *бѣлокаменной*, но не святою. Этимъ наименованіемъ пользуется одинъ Кіевъ, заключающій въ своихъ пещерахъ мощи святыхъ угодниковъ.

Глава XI, стр. 384.

«Наполеонъ ожидалъ прибытія къ нему депутаціи бородатыхъ бояръ.»

Русскіе бояре не носятъ бородъ со времени императора Петра Великаго. Продолжаютъ носить бороды одни купцы, мѣщане и крестьяне, хотя впрочемъ число носящихъ бороды весьма уменьшилось въ званіи купеческомъ и даже мѣщанскомъ. Изъ всѣхъ дворянъ военныхъ и гражданскихъ я одинъ носилъ бороду со времени вступленія моего на партизанское поприще до занятія мною города Дрездена. Много было толковъ на этотъ счетъ между тунеядцами, и всякій изъ нихъ понималъ поступокъ мой по своему. Дѣло въ томъ, что въ началѣ я отпустилъ бороду отъ недостатка времени занимать-

ся этой условною обязанностію свѣта: не до бритья горла и челюстей было мнѣ, когда непріятельская сабля такъ близко ходила въ слѣдъ за бритвою. Брошенный со 130-ю всадниками за 200 верстъ отъ арміи на сообщеніяхъ непріятеля, въ срединѣ подвижныхъ колоннъ его и отрядовъ, жадно меня ищущихъ, проводя ночь въ отыскиваніи добычи, днемъ—въ лѣсахъ и вертепахъ, чутко и зорко, всегда въ тревогахъ, всегда съ кровавыми помыслами, мнѣ некогда было заниматься бритьемъ и холеньемъ.

Въ послѣдствіи я продолжалъ носить бороду, потому что она какъ будто бы роднила меня съ поселянами, съ которыми я долженъ былъ имѣть ежечасныя сношенія, и которые, при видѣ моего гусарскаго ментика, могли принимать меня съ перваго взгляда за непріятеля; а въ то время первый взглядъ и первый выстрѣлъ, или ударъ топоромъ или вилою слѣдовали другъ за другомъ. Наконецъ, вступивъ въ Германію, и командуя передовыми войсками авангарда главной арміи, находившагося тогда подъ начальствомъ генерала Винценгероде, я не перемѣнилъ моего варварскаго наряда, какъ называли его тогда, по другой причинѣ: Нѣмцы, видя мой казачій нарядъ и слыша, что я говорю по французски, получили выгодное понятіе о русскомъ образованіи, которое проникло даже въ народы, почитаемые ими до встрѣчи со мною людоѣдами. Это мнѣніе я старался поддерживать всѣми средствами, особенно строжайшимъ соблюденіемъ дисциплины въ моемъ отрядѣ. Они говорили: если казакъ не касается имущества нашего, если онъ обходительнѣе и ласковѣе французскаго маршала, то что же должны быть начальники регулярныхъ русскихъ войскъ, вслѣдъ за нимъ идущихъ? Они потому ожидали ихъ съ восторгомъ, нетерпѣніемъ и радушіемъ, какъ друзей и избавителей.

Глава XI, стр. 387.

«Письмо это было послано съ извѣстнымъ службою своею офицеромъ, оставшимся въ Москвѣ отъ болѣзни, которая воспретила ему слѣдовать за арміею.»

Вы, конечно, имѣли въ виду Я , о коемъ упомянулъ и Фенъ въ рукописи 1812 года, и который былъ одинъ изъ малаго числа (5-ти или 6-ти человѣкъ) дворянъ, оставшихся въ Москвѣ подъ разными предлогами. Что же касается до офицеровъ, то въ защиту чести товарищей моихъ, я почитаю необходимымъ увѣрить васъ, милостивый государь, что, кромѣ тяжело раненыхъ и больныхъ, въ Москвѣ никого изъ офицеровъ не оставалось.

Глава XI, стр. 405.

«Рѣка Нава протекала предъ фронтомъ позиціи, занятой россійскою арміею.»

Нара, а не Нава.

Глава XI, стр. 408.

«Они (крестьяне) отъ рожденія презираютъ чужеземцевъ, называя ихъ глухонѣмыми и полагая выразить тѣмъ незнаніе ихъ русскаго языка.»

Слово *нѣмецъ* можетъ происходить отъ слова *нѣмой*, т. е. лишенный природою средства изъясняться словомъ, или отъ *не мой*, т. е. мнѣ не принадлежащій ни по духу, ни по характеру, ни по сочувствію; чуждый мнѣ человѣкъ.

Глава XI, стр. 412.

«Это перемиріе (заключенное на аванпостахъ обѣихъ воюющихъ армій) должно было прекратиться предувѣдомленіемъ съ той или съ другой стороны за три часа до начатія дѣйствія.»

Мы никогда не слыхали о подобномъ перемиріи: оно не существовало.

Глава XII, стр. 4.

«Лагерь, или позиція, занимаемая Мюратомъ въ Вородоновѣ.»

Въ Вороновѣ, а не въ Вородоновѣ. Но позиція Мюрата находилась не въ Вороновѣ, а близь Винкова. Правое крыло войскъ его упиралось къ рѣкѣ Нарѣ; центръ, расположенный на старой Калужской дорогѣ, былъ прикрытъ рѣчкою Чернишнею, которая, поворачивая при деревнѣ Быковѣ къ сѣверу,

отдѣляла чрезъ то центръ отъ лѣваго крыла, протянутаго по направленію къ селу Дмитріевскому. Это самое крыло было атаковано и поражено нашею арміею 6-го октября. Позиція же при Вороновѣ была занята Мюратомъ въ слѣдствіе этого пораженія, на весьма короткое время, и только для прикрытія направленія непріятельской арміи съ старой Калужской дороги на новую.

Глава XII, стр. 9.

«Но Кутузовъ едва проникъ опасность, угрожавшую устраненіемъ арміи его отъ Калуги (движеніемъ Наполеона изъ Москвы на Ѳоминское, Боровскъ и Малоярославецъ), немедленно прибѣгнулъ къ возмездію, приведеніемъ въ дѣйствіе маневра, употребляемаго Наполеономъ. Онъ отрядилъ къ югу генераловъ Дохтурова и Раевскаго, съ сильнымъ отрядомъ.»

Кутузовъ не зналъ и не могъ знать о выступленіи всей непріятельской арміи изъ Москвы 7-го числа октября, т. е. на другой день по разбитіи имъ Мюрата на рѣчкѣ Чернишнѣ, а слѣдственно, и о направленіи этой арміи на Ѳоминское. Генералъ Дороховъ, занимавшій легкимъ отрядомъ село Катово на новой Калужской дорогѣ, открылъ въ Ѳоминскомъ передовыя войска непріятеля (кавалерію Орнано и пѣхотную дивидію Брусье, принадлежавшія корпусу Евгенія); не подозрѣвая, что за ними слѣдуетъ вся непріятельская армія, онъ увѣдомилъ о томъ Кутузова съ изложеніемъ мнѣнія своего на счетъ цѣли ихъ прибытія. Онъ полагалъ, что они явились на этомъ пунктѣ, или для связи непріятельскаго авангарда съ большою Смоленской дорогою, или это доказываетъ, что вся Наполеоновская армія двигается къ Калугѣ. Кутузовъ немедленно послалъ по направленію къ Катову, гдѣ находился Дороховъ, сильный отрядъ, подъ начальствомъ Дохтурова, составленный изъ одного пѣхотнаго корпуса и гвардейской легкой кавалерійской дивизіи; при этомъ отрядѣ находился начальникъ главнаго штаба 1-й арміи Ермоловъ. Ермоловъ, предъ самымъ выступленіемъ изъ тарутинскаго лагеря, послалъ пар-

тизана Сеславина къ Ѳоминскому для вѣрнѣйшаго осмотра прибывшихъ туда непріятельскихъ войскъ; корпусъ же двинулся къ Катову и остановился на половинѣ дороги въ деревнѣ Аристовѣ; Сеславину удалось захватить унтеръ-офицера старой гвардіи Наполеона и доставить его Ермолову. Завѣса спала. Узнали, что въ Ѳоминскомъ не одни войска Орнано и Брусье, а вся непріятельская армія, и что самъ Наполеонъ находился въ Боровскѣ. Ермоловъ и начальникъ отряда дали о томъ знать въ главную квартиру; но столь же строгій исполнитель приказаній начальства, сколь храбрый генералъ, Дохтуровъ не могъ рѣшиться принять на свою отвѣтственность измѣненіе въ направленіи тѣмъ болѣе, что было строго приказано главнокомандующимъ идти противъ войскъ Орнано и Брусье къ Катову. Ермоловъ, пользуясь правомъ начальника главнаго штаба, принявъ на себя всю отвѣтственность за самовольное измѣненіе въ направленіи войскъ, именемъ Кутузова предписалъ (*) Дохтурову слѣдовать съ пѣхотой къ Малоярославцу; желая лично удостовѣриться въ истинномъ направленіи непріятельской арміи, онъ съ кавалеріей направился къ Боровску; открывъ здѣсь многочисленнаго непріятеля, онъ также быстро обратился къ Малоярославцу. Такимъ образомъ таинственное выступленіе Наполеона изъ Москвы было обнаружено. Вскорѣ горизонтъ, по направленію къ Боровску, зачернѣлъ непріятельскими войсками. Ермоловъ съ головными войсками бросился въ городъ Малоярославецъ, гдѣ вступилъ въ ожесточенный бой съ дивизіею Дельзона, но онъ былъ два раза выбитъ изъ него арміею вице-короля. Хотя князь Кутузовъ прибылъ съ арміею въ село Спасское (находящееся въ весьма близкомъ разстояніи отъ Малоярославца), но, приказавъ войскамъ отдыхать, онъ не трогался съ мѣста. Ермоловъ, сражаясь съ многочисленнымъ непріятелемъ, не переставалъ посылать за-

(*) Сеславинъ и Болховской сообщили мнѣ всѣ подробности, относящіяся къ этому великому событію.

писки за записками фельдмаршалу, съ убѣдительнѣйшей просьбой спѣшить на защиту города. Наконецъ, послѣ довольно продолжительнаго колебанія, Кутузовъ подкрѣпилъ сражающихся корпусами Раевскаго и Бороздина; хотя городъ остался за непріятелемъ, но путь на Юхновъ и Калугу былъ прегражденъ непріятелю. Еслибъ Наполеонъ, по выступленіи изъ Москвы, быстро направился на Малоярославецъ, онъ овладѣлъ бы имъ весьма скоро и безъ всякой потери. Не встрѣтивъ здѣсь нашей арміи, онъ бы направился на Юхновъ, а оттуда далѣе къ Польшѣ, двигаясь по хлѣбороднымъ и богатымъ губерніямъ нашимъ. Я распространился въ описаніи малоизвѣстныхъ подробностей этого важнѣйшаго изъ всѣхъ событій, потому что это есть зародышъ всѣхъ злополучій Наполеона и переворота въ судьбѣ государствъ и народовъ. Будь Сеславинъ менѣе предпріимчивъ и рѣшителенъ, будь Ермоловъ одаренъ не столь замѣчательною прозорливостью и высокой рѣшительностью, и Кутузовъ меньшею проницательностію, указавшей ему на Тарутино, какъ на точку спасенія отечества; замедли онъ нѣсколькими часами въ прибытіи къ Малоярославцу,—весь плодъ превосходнаго движенія изъ Москвы по Рязанской дорогѣ, переходъ на Калужскую для занятія Тарутина и всѣ выгоды въ слѣдствіе боковаго направленія нашего до Березины, которыя сами по себѣ были лишь слѣдствіемъ или лучше сказать продолженіемъ направленія отъ Тарутинскаго лагеря къ Малоярославцу, все рушилось бы, все исчезло бы безвозвратно!

Въ главѣ XII, на страницѣ 13, вы упоминаете, милостивый государь, о нападеніи казаковъ на самаго Наполеона, проѣзжавшаго изъ села Городни къ Малоярославцу, на другой день послѣ кровавой битвы въ этомъ городѣ; вамъ угодно было назвать войско, на него напавшее, *мародерами*, т. е. бродягами. Обстоятельство это представлено было вамъ не въ настоящемъ свѣтѣ. Это нападеніе было произведено нѣсколькими полками казаковъ атамана Платова, имѣвшаго въ виду пресѣчь часть новой Калужской дороги, лежащей между Малоярославцемъ и Городнею.

Глава XII, стр. 30.

«Древніе доспѣхи и крестъ Ивана Великаго брошены были въ озеро Семелинское.»

Семелинскаго озера нѣтъ, а если вы назвали такъ Семлевское озеро, то возлѣ с. Семлева нѣтъ озера.

Тамъ же:

«Тогда принуждены были оставить часть артиллеріи. . . . что скрыли отъ Наполеона. Воспитанный для артиллерійской службы, онъ, подобно многимъ артиллерійскимъ офицерамъ, питалъ какое-то суевѣрное чувство къ сохраненію пушекъ, ему принадлежащихъ.»

Наполеонъ старался сохранять пушки свои не отъ первоначальнаго служенія своего въ артиллеріи и не отъ суевѣрнаго чувства къ сохраненію пушекъ, ему принадлежащихъ, а отъ того, что взятіе пушекъ непріятелемъ почитается всюду и всегда безчестьемъ арміи, корпусу, или отряду, которому принадлежатъ онѣ.

Глава XII, стр. 34.

«Кутузовъ, не внявъ представленіямъ и даже угрозамъ людей, противныхъ его мнѣнію.»

За какого рода чучелу принималъ Кутузова и за какую разбойничью шайку принималъ русскую армію тотъ, который рѣшился выдавать вамъ, милостивый государь, за быль такую нелѣпую басню?

Смѣю увѣрить васъ, что тотъ, кто знаетъ армію нашу, тотъ удостовѣритъ васъ, что въ ней ближайшій человѣкъ по чину своему къ главнокомандующему никогда не осмѣлится безъ позволенія его предложить ему совѣтъ. Я уже не говорю объ угрозахъ, будучи увѣренъ, что онѣ не были терпимы и считались преступленіемъ въ самой французской арміи во время анархическаго бѣшенства Франціи, ибо безъ того не отстояли бы Французы своего отечества знаменитыми побѣдами и завоеваніями своими. Угрозы Кутузову! и въ какое время! когда онъ былъ облеченъ почти въ диктаторскую власть, когда онъ, благословляемый и называемый народами и вой-

скомъ спасителемъ отечества, преслѣдовалъ Наполеоновскую армію!

Глава XII, стр. 46.

«Продолжавшаяся въ продолженіи двухъ мѣсяцовъ партизанская война противъ Сенсира, много нанесла ему вреда.»

Партизанская война не существовала въ арміи графа Витгенштейна; Изюмскаго гусарскаго полка полковникъ Бедряга одинъ произвелъ нѣсколько удачныхъ поисковъ. Корпусъ Сенсира понесъ потерю не отъ партизанской войны, но въ слѣдствіе нѣкоторыхъ стычекъ и въ особенности по причинѣ частыхъ регулярныхъ битвъ.

Тамъ же:

«Крѣпость (Бобруйскъ) была защищена россійскимъ корпусомъ, подъ начальствомъ генерала Эртеля.»

Эртель командовалъ корпусомъ, состоящимъ изъ 11 тысячъ человѣкъ, и находился не въ Бобруйской крѣпости, а въ Волынской губерніи, въ окрестностяхъ Мозыря; польскій генералъ Домбровскій съ 12 тысячами войска обложилъ Бобруйскъ, защищаемый пятитысячнымъ гарнизономъ, подъ командою артиллерійскаго генерала Игнатьева.

Глава XII, стр. 53.

«Князь Чернышевъ.»

Чернышевъ не былъ и не есть князь. Онъ графъ; это достоинство получено имъ четырнадцать лѣтъ послѣ войны, вами описываемой, т. е. во время коронованія императора Николая.

Глава XIII, стр. 64.

«Она (армія Наполеона) до 40 тысячъ человѣкъ» (при выступленіи изъ Смоленска).

Этому мудрено повѣрить; ибо по оффиціальнымъ спискамъ, хранившимся у насъ, видно, что въ дѣлахъ подъ Краснымъ, отъ 3-го до 7-го числа ноября, взято въ плѣнъ нашею арміею 26 тысячъ нижнихъ чиновъ, 300 офицеровъ, и, вѣроятно, было положено на мѣстѣ болѣе 12 тысячъ непріятельскихъ войскъ,

что̀ составитъ 38, или около 40 тысячъ человѣкъ. Неужели Наполеонъ съ однимъ только штабомъ соединился съ корпусами Виктора и Удино на пути къ Борисову? Всѣмъ извѣстно, что онъ выступилъ изъ Орши съ арміею, простиравшеюся за 40 тысячъ человѣкъ, слѣдственно онъ вступилъ въ Смоленскъ съ 80 тысячною арміею.

Глава XIII, стр. 71.

«Но, ни увѣщанія подкомандующихъ его, ни упреки сиръ Роберта Вильсона, коммиссара англійскаго правительства, не могли его. . . . (т. е. Кутузова).»

Повторяю: горе тому, кто осмѣлился бы въ эту эпоху увѣщевать Кутузова, еще менѣе упрекать его за дѣло, на которое онъ однажды рѣшился; былъ ли онъ русскій или чужеземецъ, или коммиссаръ какой бы то ни было націи и правительства! Зная лично сиръ Роберта Вильсона, съ которымъ я раздѣлялъ военную кочевую жизнь и опасности битвъ въ нѣсколькихъ войнахъ, я всегда любовался его холодною храбростію и благороднымъ образомъ мыслей; я потому не могу не удивиться его молчанію, видя клевету человѣка, увѣрившаго васъ, милостивый государь, въ происшествіи, никогда небываломъ и столь много омрачающемъ честь арміи, всегда, какъ казалось, г-мъ Вильсономъ уважаемой. Ибо, что̀ ни говори, а войско, позволяющее иностранцу упрекать вождя своего (не только Кутузова среди самаго торжества его оружія), но какого бы то ни было начальника, при самыхъ гибельныхъ обстоятельствахъ, хотя бы въ слѣдствіе собственной вины его, не есть войско, а сволочь, чернь, чуждая чувству чести и достоинства, свойственному благородному званію.

Глава XIII, стр. 72.

«Не такъ много стоило усилій престарѣлому россійскому генералу, при пораженіи, нанесенномъ имъ непріятельской арміи подъ Вязьмою, Краснымъ и другихъ мѣстахъ, сколь то воображаютъ. Онъ всюду былъ сильнѣе Наполеона, по случаю раздѣленія симъ послѣднимъ арміи своей на 4 колонны, слѣдовавшія одна отъ другой на односуточное разстояніе.»

Но, Боже мой! Не въ умѣніи ли пользоваться ошибками противника своего состоитъ вся тайна военнаго искусства? Верхъ совершенства его не заключается ли въ направленіи движеній своихъ такъ, чтобы на всѣхъ важнѣйшихъ точкахъ театра дѣйствія и на полѣ сраженія, числительная сила своихъ войскъ превышала бы числительную силу непріятеля? Не то ли дѣлалъ Фридрихъ въ теченіе семилѣтней войны, не то ли дѣлалъ Наполеонъ въ 1796 году въ Италіи и въ 1809 году подъ Регенсбургомъ?

Глава XIII, стр. 86.

«Они (Викторъ и Удино) подвигались въ надеждѣ спасти Борисовъ, но узнали, что Домбровскій разбитъ Витгенштейномъ.»

Домбровскій защищалъ предмѣстное Борисовское укрѣпленіе, построенное для защиты Борисовскаго моста на правомъ берегу Березины и лицемъ къ Минской дорогѣ. Онъ былъ разбитъ генераломъ графомъ Ламбертомъ, командовавшимъ авангардомъ арміи Чичагова, шедшей отъ Минска, тогда какъ Витгенштейнъ шелъ по слѣдамъ войскъ Виктора, отступившихъ отъ Полоцка на Сенно, Черею и Бараны къ Борисову.

Тамъ же:

«Въ слѣдствіе этой неудачи (разбитіе авангарда Чичагова арміи, находившагося подъ командою графа П. П. Палена, по случаю раны графа Ламберта, полученной имъ при взятіи приступомъ Борисовскаго предмостнаго укрѣпленія) Витгенштейнъ принужденъ былъ оставить Борисовъ и снова оградиться Березиной отъ Французовъ.»

Въ обоихъ сихъ случаяхъ видно, что Витгенштейнъ принимается вами, милостивый государь, за Чичагова, ибо Витгенштейнъ никогда не оставлялъ Борисова и не прикрывалъ Березины противъ Французовъ по той причинѣ, что онъ, какъ я уже имѣлъ честь выше сказать, не находился на лѣвомъ берегу Березины, а преслѣдовалъ Виктора и Удино отъ Полоцка на Сенно, Черею и Бараны къ Борисову.

Глава XIII, стр. 98.

«Такимъ образомъ Французы успѣли выбраться на дорогу, ведущую къ деревнѣ, называемой Бриловой (Брили), или лучше сказать на длинныя плотины и мосты, построенные изъ сосновыхъ бревенъ между непроходимыхъ болотъ. Стоило только Русскимъ произвести дружный натискъ и подавить непріятеля къ симъ мостамъ и плотинамъ, чтобы довершить его гибель.»

Эти плотины и мосты, простирающіеся на нѣсколько десятковъ верстъ съ нѣкоторыми промежутками, находятся между Брилями и Зембиномъ, а не между селеніемъ Студянки и Брили, отстоящими одно отъ другаго не менѣе полверсты; хотя онѣ и раздѣлены Березиной и низменнымъ, довольно болотистымъ берегомъ, но чрезъ нихъ вездѣ можно перейти, и потому онѣ не покрыты ни плотинами, ни мостами.

Глава XIV, стр. 131.

«Баварскій корпусъ подъ командою Вреде. остался на границѣ Волыни.»

Баварская дивизія находилась въ составѣ арміи Сенъ-Сира, на Двинѣ, около Полоцка. Она не оставалась на границѣ Волыни, а при отступленіи Виктора и Удино отъ этого города къ Борисову, она двигалась на Глубокое къ Вильно.

Кончаю письмо мое, милостивый государь, съ покорнѣйшею просьбою не принимать съ дурной стороны откровенности моей. и проч. и проч.

Вашъ покорнѣйшій слуга

Денисъ Давыдовъ.

ЗАМѢЧАНІЯ НА НЕКРОЛОГІЮ

Н. Н. РАЕВСКАГО.

Изъ книгъ
А.В. Кокорева

ЗАМѢЧАНІЯ НА НЕКРОЛОГІЮ

Н. Н. РАЕВСКАГО.

Неизвѣстный (*) сочинитель некрологіи Н. Н. Раевскаго (**) обозрѣлъ жизнь этого знаменитаго мужа въ одномъ лишь военномъ отношеніи, коснувшись слегка и какъ бы мимоходомъ его гражданской и частной дѣятельности.

Отдавая должную справедливость этому прекраснѣйшему произведенію, я думаю, что оно не совсѣмъ удовлетворяетъ читателей, вникнувшихъ во всю красоту характера Раевскаго. Онъ представленъ намъ только на конѣ, въ дыму битвъ и съ гласомъ повелительнымъ. Мы ищемъ благочестивую душу его, хранилища всего возвышеннаго, отголоска всему благородному. Мы ищемъ вѣрнаго друга, тайнаго благотворителя сира и нища, мужа твердаго въ бѣдствіяхъ жизни, равнодушнаго къ почестямъ и высокому сану, имъ заслуженнымъ, и довольствующагося единымъ миромъ своей совѣсти, словомъ, мы ищемъ человѣка, и видимъ въ некрологіи одного храбраго и искуснаго генерала.

(*) Эти замѣчанія писаны были въ то время, когда имя автора некрологіи мнѣ было неизвѣстно.

(**) Имя Н. Н. Раевскаго тѣсно связано съ самыми славными событіями отечественной войны, въ особенности съ знаменитою обороной Смоленска, преждевременное занятіе котораго Французами могло имѣть самое гибельное вліяніе на судьбу Россіи. Раевскій, слѣдуя къ этому городу, былъ задержанъ

Не упрекаю въ томъ сочинителя; какъ военный, онъ, можетъ быть, желалъ отдать справедливость полководцу, предоставляя другимъ описаніе его частной жизни. Но мы не можемъ довольствоваться однимъ этимъ очеркомъ; мы желали бы имѣть некрологію Раевскаго не одностороннюю, хотя бы она заключалась и въ тѣсной рамѣ, подобно той, въ коей заключается описаніе его военныхъ дѣяній. Раевскій представляется не однимъ полководцемъ тѣмъ, кои имѣли счастіе созерцать вблизи его душевныя качества. Военная служба его, принесшая столько пользы и славы отечеству, есть, безъ сомнѣнія, блистательнѣйшая, но не превосходнѣйшая изъ пѣсней благозвучной его жизни.

Вообще нельзя довольно надивиться жалкому обыкновенію почти всѣхъ некрологовъ и біографовъ нашего времени, пред-

дивизіею принца мекленбургскаго, приказавшаго своимъ войскамъ отдыхать. Я и Ш...... не разъ для забавы заводили между собою ссоры въ присутствіи принца, который почиталъ своею обязанностью насъ мирить; но посредничество стоило ему не дешево. Раевскій занялъ Смоленскъ и удержался въ немъ по собственному побужденію, но не въ слѣдствіе приказанія князя Багратіона; онъ, вопреки увѣреній нѣкоторыхъ лицъ, никогда не имѣлъ намѣренія принимать сраженія впереди Смоленска. Этотъ городъ и его окрестности были въ началѣ отечественной войны свидѣтелями великихъ, но доселѣ мало извѣстныхъ событій, о которыхъ я здѣсь не могу не сказать нѣсколькихъ словъ. Здѣсь несогласія, существовавшія между Барклаемъ и кн. Багратіономъ, достигли наибольшихъ размѣровъ; благодаря посредничеству Ермолова, воспользовавшагося болѣзнью храбраго, благороднаго, но не дальновиднаго графа Сенпри, сношенія между главнокомандующими, изъ которыхъ князь Багратіонъ былъ гораздо старѣе въ чинѣ и, какъ питомецъ Суворова, заклятой врагъ всякаго отступленія, сдѣлались гораздо дружелюбнѣе. Ермоловъ, передавая приказанія Барклая князю, и донесенія его Барклаю, смягчалъ по возможности ихъ выраженія; онъ писалъ рядъ писемъ князю Багратіону, убѣждая его *именемъ Бога и отечества* не подавать новыхъ поводовъ къ несогласіямъ, не отказываться отъ командованія арміей и исполнять приказанія Барклая, ожидая терпѣливо назначенія новаго главнокомандующаго, какого требовали современныя обстоятельства. Я случайно пріобрѣлъ копіи съ трехъ замѣчательныхъ писемъ Ермолова, которыя, будучи проникнуты высокимъ патріотизмомъ, драгоцѣнны для историка. Эти письма, оставшіяся въ числѣ немногихъ бумагъ князя Багратіона, помѣщены мною въ прибавленіяхъ къ Дневнику партизанскихъ дѣйствій. Чрезвычайныя обстоятельства, въ которыхъ была въ то время поставлена Россія, несогласія между главнокомандующими,

ставляющихъ знаменитыхъ вождей не иначе, какъ въ мундирахъ, застегнутыхъ на всѣ крючки и пуговицы.

Неужели военное званіе, впрочемъ столь почтенное и благородное, до того превышаетъ званіе добродѣтельнаго человѣка, что, говоря о первомъ, можно пренебречь послѣднимъ? Если бы было такъ, то мы невольно руководились бы одною несправедливостію, помѣщая въ одинъ и тотъ же разрядъ и на ту же степень и славныхъ воиновъ, соединяющихъ воинскія достоинства съ высокою нравственностію, и воиновъ, заслужившихъ подобную же славу, но заклейменныхъ во всеобщемъ мнѣніи, или ремесломъ, или пороками, ни воину, ни гражданину не свойственными.

Но пусть представятъ вполнѣ жизнь каждаго, и тогда всякій займетъ мѣсто, ему принадлежащее; тому, коего потерю

вынуждали Государя имѣть подробныя и по возможности частыя извѣстія о всемъ томъ, что происходило въ арміи. Уѣзжая изъ Полоцка, Государь приказалъ Ермолову извѣщать его письмами о важнѣйшихъ происшествіяхъ арміи. Ермоловъ отправлялъ свои письма съ отъѣзжающими изъ арміи генералъ-адъютантами; Кутузову, графу Шувалову, и другимъ были переданы письма на имя Его Величества. Между тѣмъ Барклай, выслушивая донесенія кн. Багратіона, передаваемыя ему Ермоловымъ, и гладя по своему обыкновенію раненую руку свою, говорилъ ему: „съ вашимъ княземъ можно еще служить вмѣстѣ“, князь Багратіонъ говорилъ ему въ свою очередь: „съ твоимъ методикомъ Давустомъ можно еще ладить“. Къ несчастію, выздоровленіе графа Сенпри, послѣдовавшее чрезъ двѣ недѣли, совершенно измѣнило весь ходъ дѣлъ. Графъ Сенпри, по наущенію интригана Jean-Bare, но безъ всякаго съ своей стороны дурнаго умысла, значительно способствовалъ усиленію вражды между двумя военачальниками, которыхъ взаимныя отношенія начинали принимать миролюбивый характеръ; ему стоило лишь буквально передавать вулканическому и нетерпѣливому князю Багратіону приказанія, отдаваемыя Барклаемъ, весьма дурно изъяснявшимся на русскомъ языкѣ. Безстрашному, искусному, но злополучному Барклаю, которому, по свойствамъ его характера и незнанію русскаго языка, невозможно было привязать къ себѣ войскъ, было непріятно видѣть всеобщую любовь и преданность солдатъ къ князю, умѣвшему воодушевить свою армію, гдѣ, не смотря на понесенные труды, ежедневно раздавались музыка и пѣсни. Въ 1-й арміи, не понесшей еще чувствительныхъ потерь, все наводило тоску и уныніе; самое присутствіе Барклая, холоднаго, хотя всегда величаваго и рѣдко слѣзавшаго съ коня, но вмѣстѣ съ тѣмъ вѣчно угрюмаго, молчаливаго, неумѣвшаго сказать ласковаго и привѣтливаго слова, не могло

долго не престанутъ оплакивать всѣ истинные сыны отечества, мало останется соперниковъ, соединявшихъ въ себѣ доблести воина съ добродѣтелями гражданина.

Не подъ силу мнѣ предпринимать это дополненіе; я желалъ бы только возбудить къ этому предпріятію людей, которые, владѣя перомъ искуснѣе меня, имѣли случай короче знать этого достойнаго мужа. На нихъ лежитъ обязанность изобразить Раевскаго таковымъ, каковъ онъ былъ дѣйствительно, и если изображеніе это требуетъ пера военнаго, то еще болѣе, можетъ быть, ожидаетъ оно оцѣнки философа. Изображеніе Раевскаго будетъ столь же полезно послѣ кончины его, сколько и при его жизни: описаніе это будетъ какъ бы отрывкомъ изъ Плутарха, а не пролетнымъ листомъ, брошеннымъ публикѣ, утомленной уже чтеніемъ некрологій

ободрить командуемыхъ имъ войскъ. Нашъ солдатъ весьма охотно извиняетъ военачальника русскаго происхожденія, ласковаго, внимательнаго и умѣющаго говорить съ нимъ языкомъ для него доступнымъ; если бы даже онъ въ продолженіи довольно долгаго времени слѣдовалъ ненавистной для всѣхъ системѣ отступленій и понесъ бы сильную неудачу, солдаты, почитая его злополучнымъ, видѣли бы во всемъ этомъ лишь кару Божію. На военачальника чужеземца, не одареннаго этими великими качествами, но постоянно отступающаго предъ непріятелемъ, хотя бы онъ еще не потерпѣлъ пораженія, нашъ солдатъ начинаетъ смотрѣть недовѣрчиво, даже враждебно, почитая его лишь измѣнникомъ. Вотъ основаніе характера русскаго солдата, котораго свойства надлежитъ всякому главнокомандующему предварительно изучить. Близь Смоленска Барклай возымѣлъ мысль идти съ 1-ю арміею къ городу Бѣлому, направивъ 2-ю по Московской дорогѣ, гдѣ она, будучи предоставлена самой себѣ, не могла избѣжать полнаго пораженія. Ермоловъ, который по своему пылкому и рѣшительному характеру, не могъ сочувствовать осторожному и методическому Барклаю, рѣзко возразилъ ему: „вы не осмѣлитесь, ваше высокопревосходительство, этого сдѣлать и тѣмъ отказаться отъ выгодъ, пріобрѣтенныхъ нами чудеснымъ соединеніемъ армій". Барклай, убѣдившись въ гибельныхъ послѣдствіяхъ этого движенія, отказался отъ своего намѣренія. Оба главнокомандующіе, съѣхавшись вскорѣ послѣ того въ одной избѣ села Гаврикова, и сидя на одномъ бревнѣ, изливали другъ на друга накопившуюся желчь. Во время пребыванія армій близь Смоленска, Толь предложилъ, воспользовавшись соединеніемъ ихъ, атаковать непріятеля, при чемъ намъ бы пришлось дебушировать лишь чрезъ двое воротъ, обращенныхъ къ сторонѣ непріятеля; этотъ странный планъ, не мало всѣхъ изумившій, былъ единодушно отвергнутъ.

всѣхъ военныхъ людей безъ разбора. Отрывокъ этотъ, изучаемый юношествомъ, будетъ въ нравственномъ отношеніи полезнѣе всѣхъ дидактическихъ наставленій и разсужденій моралистовъ; счастливъ отецъ, замѣтившій слезу восторга на глазахъ своего сына при чтеніи жизни Раевскаго!

Съ моей стороны, чѣмъ ближе я вникалъ въ образъ мыслей, чувства и дѣяній его, тѣмъ болѣе открывалъ въ немъ сочетаніе древнихъ, едва ли въ нашемъ вѣкѣ въ одномъ человѣкѣ сочетающихся добродѣтелей: сильнаго характера съ отмѣнною чувствительностію, ума проницательнаго, точнаго, съ кротостію неподдѣльною, естественною; снисходительности къ слабостямъ другихъ съ строгостію къ своимъ собственнымъ. «По исполненіи обязанностей начальника, никто не узнавалъ уже въ немъ человѣка, облеченнаго властью. Надменность, своенравіе были ему неизвѣстны, и — что весьма рѣдко — любовь и уваженіе къ нему другихъ не уменьшались ни въ слѣдствіе добродушнаго съ ними обхожденія, ни въ слѣдствіе строгости, къ которой онъ впрочемъ прибѣгалъ въ важныхъ преступленіяхъ, но никогда въ мелочныхъ. Исчисленіе примѣровъ безкорыстія и честности столь великаго мужа было бы оскорбленіемъ его добродѣтели. Относительно добраго или худаго о немъ мнѣнія свѣта онъ былъ совершенно равнодушенъ, чѣмъ не могутъ похвалиться многіе достойные люди. Онъ ни явно, ни тайно не домогался того. Чуждый всякаго рода совмѣстничества съ равными, онъ былъ чуждъ и личныхъ распрей съ своими подчиненными, полагая безславіемъ одержать въ таковыхъ случаяхъ надъ ними верхъ и униженіемъ не имѣть его. Онъ никогда не старался присвоивать себѣ заслугъ другихъ; онъ былъ добръ съ добрыми и сухъ съ людьми злонамѣренными. Простота въ одеждѣ, скромность въ разговорахъ, пренебреженіе пышности были причиною того, что толпа народная, цѣнящая великихъ мужей по одному наружному блеску, ихъ окружающему, не постигала, что̀ въ немъ такъ много славнаго; истолкователей тому было немного.»

Кто не подумаетъ, что эта статья, столь вѣрно изображаю-

щая Раевскаго, не есть произведеніе какого либо современнаго ему писателя, глубоко вникнувшаго въ его качества?.... Это отрывокъ Тацита изъ жизни Агриколы!

И подлинно, часто благоговѣя передъ симъ, какъ будто остаткомъ блистательныхъ вѣковъ Рима и Греціи, передъ симъ живымъ явленіемъ одного изъ великихъ мужей временъ, почти уже для насъ баснословныхъ, я готовъ былъ вѣрить переселенію душъ и видѣть въ Раевскомъ продолженіе или Агриколы, или Эпаминонда, или Сципіона, столь сродныхъ съ нимъ простотою нравовъ и кротостью душевной. Онъ совсѣмъ не принадлежалъ къ нашей эпохѣ, исключительно коснѣющей въ тѣсной, себялюбивой разсчетливости и дерзающей осмѣивать сатанинскимъ хохотомъ все то, что̀ выше ея смрадныхъ предѣловъ!

Естественнымъ послѣдствіемъ этого кроткаго и вмѣстѣ съ тѣмъ важнаго характера Раевскаго было равное и одинаковое обхожденіе его съ лицами какъ высшихъ, такъ и низшихъ степеней общественной іерархіи. Онъ былъ всегда одинаковъ со старшими и равными себѣ, въ кругу друзей, знакомыхъ и незнакомыхъ, предъ войсками въ пылу битвъ и среди мира. Онъ былъ всегда спокоенъ, скроменъ, привѣтливъ, но всегда сознавалъ силу свою, которая невольно обнаруживалась въ его физіономіи и взорѣ, при самомъ спокойномъ его положеніи.

Но сколько казался онъ намъ величественнымъ, когда послѣ каждой войны (оставивъ на каждой изъ нихъ безсмертную печать какого либо геройскаго подвига, или искуснаго дѣянія) вопреки обыкновенію людей, стяжавшихъ всеобщіе плески и хвалы, онъ оставался при своемъ корпусѣ въ какой либо удаленной губерніи Россіи, или скрывался въ сельскомъ убѣжищѣ среди своего семейства! Тамъ съ ежедневнымъ восхожденіемъ солнца, мы видѣли его въ простой одеждѣ поселянина, копающаго гряды и сажающаго цвѣты, равнодушнаго къ заслуженной имъ славѣ, гремящей за предѣлами его мирнаго пріюта, и наслаждающагося восторгами младенца и успѣхами невинныхъ трудовъ своихъ. Тамъ занимался онъ мелочными

для его ума хозяйственными заведеніями, заботливо вникая въ судьбу своихъ подданныхъ, которыхъ благосостояніе онъ упрочивалъ. Обладая умомъ просвѣщеннымъ и страстью къ испытанію природы во всѣхъ ея отрасляхъ, онъ пользовалъ и исцѣлялъ страдавшихъ тѣлесными недугами. Та рука, которая мановеніемъ своимъ обливала кровію враговъ отечества на поляхъ сраженій, та самая рука пользовала своихъ и чужеземныхъ страдальцевъ, спасенныхъ ею въ тѣхъ же самыхъ битвахъ. Но при первомъ вызовѣ на службу отечеству, Раевскій, вырываясь

. . . . отъ сохи опять послушно,

изъ объятій семейства, изъ любимаго имъ уединенія, является на знакомыя ему битвы съ тѣмъ же спокойствіемъ духа, какъ бы изъ огорода на пашню, или съ пашни за семейную трапезу. Озаренный славою искуснаго полководца, достигшій высокихъ званій и почестей, обожаемый и благословляемый какъ отецъ, чтимый войсками какъ герой, онъ по окончаніи войны вновь возвращался въ сельское свое убѣжище, къ своей семьѣ, своимъ цвѣтамъ и огородамъ, съ тою же ясною душею, не омраченною тщеславіемъ, съ тою же скромностью философа, какъ будто не ему, а другому принадлежали совершенные имъ подвиги. Какъ будто не онъ, а другой, въ сопровожденіи двухъ отроковъ сыновъ, впереди колоннъ своихъ ударилъ въ штыки по Салтановской плотинѣ (*), не взирая на смертоносный огонь непріятеля; или спасъ подъ Смоленскомъ обѣ наши арміи, задержавъ горстью храбрыхъ всѣ силы Наполеона; или удерживалъ, сколь было возможно, соименный ему редутъ на Бородинскомъ полѣ, который Ермоловъ въ послѣдствіи столь блистательно исторгнулъ изъ рукъ непріятеля (**);

(*) Дѣло это называется *дѣломъ подъ Дашковкой*, но истинная свалка была на Салтановской плотинѣ.

(**) Не желая заслужить упрека въ пристрастіи, я долженъ сказать, что этотъ знаменитый подвигъ Ермолова на Бородинскомъ полѣ не былъ оцѣненъ Николаемъ Николаевичемъ, какъ онъ того вполнѣ заслуживалъ. По причи-

или своимъ появленіемъ къ вечеру въ первый день безсмертной Кульмской битвы (*), упрочившей побѣду за Ермоловымъ и русскою гвардіею; онъ сражался на равнинахъ Лейпцига, орошенныхъ благородною его кровью, побѣждалъ на высотахъ Роменвиля и Бельвиля, отъ взятія которыхъ затрепеталъ и покорился Парижъ. Наконецъ, когда Раевскій прошелъ сквозь весь пылъ долголѣтней вражды государствъ и народовъ, пожравшей цѣлыя поколѣнія, сквозь преграды, ковы и гоненія, воздвигаемыя явною и тайною злобою всякому человѣку съ чистой совѣстью,—другой родъ славы ожидалъ его:

намъ, для меня непонятнымъ, Раевскій, упоминая о немъ слегка, приписываетъ всю славу этого подвига Паскевичу и Васильчикову; онъ по видимому желаетъ убѣдить всѣхъ, что честь защиты этого редута и изгнанія изъ него непріятеля принадлежитъ лишь подчиненнымъ ему генераламъ и войскамъ. Изложивъ уже весь этотъ эпизодъ Бородинскаго побоища, я почитаю обязанностью сказать, что все мною сказанное объ этомъ основано на словахъ очевидцевъ и участниковъ этого дѣла, изъ которыхъ многіе доселѣ живы, такъ на примѣръ мужественный А. П. Никитинъ. Самъ фельдмаршалъ князь Барклай де-Толли, весьма не благоволившій въ послѣдствіи къ Ермолову, относилъ весь успѣхъ этого дѣла его рѣшительности и мужеству. Это же самое подтвердилъ почтенный и благородный графъ Иларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ, сказавшій не одному мнѣ слѣдующія замѣчательныя слова о Ермоловѣ: „quoique je n'aie jamais été l'ami de coeur du général Ermoloff, je ne puis ne pas convenir, que notre armée lui doit son salut à Witebsk, Borodino et Culm; dans une foule d'autres occasions ce général a fait preuve de beaucoup de talent, de courage, de présence d'esprit et d'un rare désintéressement.“ Высокое мужество и самоотверженіе Раевскаго и его сподвижниковъ, какъ въ этомъ, такъ и во всѣхъ другихъ сраженіяхъ, не могутъ не быть оцѣнены всякимъ Россіяниномъ, который дорожитъ славою своего отечества. Они потому не нуждаются въ присвоеніи чужихъ заслугъ, нисколько не уменьшающихъ ихъ собственныя.

(*) Знаменитая Кульмская побѣда, въ первый день этого великаго по своимъ послѣдствіямъ боя, принадлежа преимущественно Ермолову, служитъ однимъ изъ украшеній военнаго поприща сего генерала. Здѣсь, какъ подъ Витебскомъ въ 1812 году, гдѣ, лишь въ слѣдствіе настойчивыхъ и рѣзкихъ его представленій, Барклай не принялъ сраженія сперва предъ городомъ, а потомъ позади него, такъ и при Малоярославцѣ суждено было Ермолову, ниспровергнувъ замыслы враговъ нашихъ, спасти наши арміи отъ пораженій, послѣдствія которыхъ могли бы быть неисчислимы. Хотя не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что побѣдой при Кульмѣ Европа въ особенности обя-

борьба съ самою судьбою. Провидѣніе, испытующее высокіе характеры для поученія человѣчества, готовило намъ это тягостное, но великое и торжественное зрѣлище! Неожиданная гроза разразилась надъ главою посѣдѣвшей, но еще не остылой отъ вдохновеній воинственныхъ и еще курившейся дымомъ сраженій.... Раевскій былъ пораженъ во всемъ миломъ, во всемъ драгоцѣнномъ для его сердца, созданнаго любить безъ мѣры все то, что однажды оно полюбило. Мы видали мужей твердыхъ въ опасностяхъ, видали самого Раевскаго въ весьма критическихъ обстоятельствахъ; онъ никогда,

зана Ермолову, но многочисленные и сильные враги его силились и силятся доказать противное; по мнѣнію нѣкоторыхъ главнымъ героемъ дѣла былъ графъ Остерманъ, по мнѣнію другихъ — принцъ Евгеній виртембергскій, по мнѣнію Барклая, весьма неблаговолившаго къ Ермолову, квартирмейстерскій офицеръ Діестъ, мужеству и совѣтамъ котораго наша гвардія была будто бы обязана своей блестящей побѣдой. Таковое разнорѣчіе во мнѣніяхъ относительно одного изъ кажнѣйшихъ событій войны 1813 г. проистекаетъ, во 1-хъ, изъ весьма естественнаго желанія иностранныхъ писателей выставить принца виртембергскаго главнымъ героемъ подвига, въ коемъ этотъ мужественный и достойный генералъ принималъ дѣятельное участіе, а во 2-хъ, изъ недоброжелательства многихъ нашихъ соотечественниковъ къ Ермолову, блестящія достоинства котораго возбуждали въ нихъ лишь чувство зависти. Цѣня высоко заслуги графа Остермана и принца виртембергскаго во всю эпоху наполеоновскихъ войнъ и въ Кульмскомъ сраженіи въ особенности, я, основываясь на свидѣтельствѣ всѣхъ безпристрастныхъ очевидцевъ и участниковъ этого боя, и не опасаясь возраженій, положительно признаю Ермолова главнымъ виновникомъ побѣды, стяжавшей русской гвардіи столь справедливую признательность и удивленіе Европы. Не входя въ подробное описаніе этого сраженія, я упомяну лишь о нѣкоторыхъ малоизвѣстныхъ подробностяхъ, изъ которыхъ читатели мои ясно усмотрятъ, кому принадлежитъ главная честь одержанной побѣды. Во время слѣдованія изъ Богеміи въ Саксонію русской гвардіи, коею временно командовалъ Ермоловъ, вмѣсто заболѣвшаго Лаврова, 2-я дивизія была впереди, а 1-я, при которой находился самъ Алексѣй Петровичъ, остановилась въ Донѣ; графъ Остерманъ, имѣвшій пребываніе въ Пирнѣ, получилъ изъ главной квартиры съ офицеромъ Новосильцовымъ предписаніе, на основаніи котораго ему надлежало со 2-мъ корпусомъ и русскою гвардіею двинуться на Максенъ. Мужественный и хладнокровный графъ Остерманъ никогда не отличался большими умственными способностями; совѣтъ, поданный имъ въ 1812 г. въ Филяхъ о необходимости оставить Москву безъ боя, былъ причиною того, что онъ нѣсколько разъ сходилъ съ ума; ему казалось, что

нигдѣ и ни отъ чего не измѣнялся,—но тутъ онъ превзошелъ наше ожиданіе, или лучше самого себя! Новый Лаокоонъ, обвитый, тѣснимый змѣями, онъ не докучалъ воплями Небу, не унижалъ себя мольбами о состраданіи. Ни единаго ропота, ни единаго злобнаго слова не вырвалось изъ устъ его, ни единымъ вздохомъ, ни единымъ стенаніемъ не порадовалъ онъ честолюбивую посредственность, всегда готовую наслаждаться страданіями человѣка, далеко превосходящаго ее своими достоинствами. Испытаніе ужасное! Нѣсколько лѣтъ продолжалось оно неослабно, и намъ можно было судить только по

армія его почитаетъ послѣ того первѣйшимъ трусомъ. Но, къ счастію, здѣсь душею всѣхъ дѣйствій вновь является Ермоловъ, соединяющій въ себѣ рѣдкую проницательность и энергію съ необыкновеннымъ присутствіемъ духа въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ. Получивъ вышесказанное предписаніе, Остерманъ поспѣшилъ извѣстить о томъ Ермолова чрезъ того же Новосильцова, бывшаго въ пріятельскихъ сношеніяхъ съ благороднымъ П. Н. Ермоловымъ, состоявшимъ въ то время въ должности адъютанта при двоюродномъ братѣ своемъ Алексѣѣ Петровичѣ. Хотя въ предписаніи не было положительно упомянуто объ отступленіи союзниковъ отъ Дрездена въ Богемію, но онымъ извѣщали Остермана, что они отходятъ отъ этой столицы съ намѣреніемъ расположиться на окрестныхъ высотахъ; въ случаѣ атаки Наполеона на ихъ правый флангъ (чего они напрасно ожидали отъ столь прозорливаго полководца), они, какъ было сказано, не замедлятъ, перейдя тотчасъ въ наступленіе, опрокинуть его въ Эльбу. Новосильцовъ объявилъ конфиденціально П. Н. Ермолову, что ему положительно извѣстно, что вся союзная армія въ полномъ отступленіи на Богемію. Съѣхавшись съ Остерманомъ среди дороги между Доной и Пирной, и объявивъ ему о истинномъ движеніи союзниковъ, поспѣшно отступающихъ въ Богемію, Ермоловъ настоятельно требовалъ немедленнаго движенія всего отряда на Петерсвальде. Какъ бы предчувствуя, что гвардіи придется отступать въ Богемію, Ермоловъ послалъ заблаговременно адъютанта своего Фонъ-Визина и состоявшаго при немъ лейбъ-гусара Мамонова для осмотра дорогъ; эти офицеры донесли ему, что дорога отъ Кричвица на Кенигштейнъ крайне неудобна, во 1-хъ, по причинѣ пересѣченной мѣстности, а во 2-хъ, потому что близкое сосѣдство съ неприступною Кенигштейнскою крѣпостью могло быть для насъ весьма опасно. Ермоловъ, основательно изучившій классическія страны: Саксонію и Богемію, и имѣвшій при себѣ всегда карту Бакенбергера, объяснилъ по ней Остерману всю необходимость движенія на Петерсвальде; „прибывъ лишь наканунѣ изъ Гигсгюбеля, гдѣ я обѣдалъ у Цесаревича, я еще короче ознакомился съ этою мѣстностью, которую уже хорошо знаю изъ походовъ Великаго Фридриха. Если

ослабѣвавшему его здоровью, измѣнявшимся взору и физіономіи, омраченнымъ уже глубокою тоской и неотразимою горестью. Съ тѣмъ же безмолвіемъ о своихъ страданіяхъ душевныхъ, тогда сопряженныхъ уже съ недугами тѣлесными, онъ благословилъ семейство свое—увы! неполное—и скончался, какъ справедливо говоритъ некрологъ его, не оставя ни единаго человѣка, который имѣлъ бы право возставать противъ его памяти.

вы направитесь на Максенъ, продолжалъ онъ, то весь отрядъ нашъ будетъ неминуемо окруженъ непріятелемъ, и не избѣгнетъ совершеннаго пораженія; въ доказательство того я предлагаю отправить по этому пути обозъ съ инструментами, который насъ такъ много затрудняетъ, и я вамъ ручаюсь, что вы его болѣе не увидите.“ Въ самомъ дѣлѣ этотъ обозъ и денежный ящикъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, двинувшіеся на Максенъ, сдѣлались добычею Французовъ; во время этого совѣщанія, на которомъ не присутствовалъ принцъ виртембергскій, рѣшено было слѣдовать на Петерсвальде. Храбрыя войска наши, предводимыя Ермоловымъ и принцемъ виртембергскимъ, опрокинули непріятеля у Кричвица, Котты и Кольберга; безстрашные лейбъ-егеря, коими командовалъ достойный Карлъ Ивановичъ Бистромъ, выбили по приказанію Ермолова Французовъ съ высотъ близъ Цегиста. Кавалерія наша, предводимая принцемъ Леопольдомъ Саксенъ-Кобургскимъ, нынѣ королемъ Бельгійцевъ, Кноррингомъ и другими неустрашимыми генералами, совершила блестящія атаки на французскую пѣхоту, которая была ею опрокинута и вогнана въ лѣсъ. Принцъ Леопольдъ, командовавшій кирасирскимъ ея величества полкомъ и называвшій одного Ермолова mon commandant, получилъ за этотъ подвигъ по ходатайству Алексѣя Петровича знаки св. Георгія 3-го класса; послѣ этого ряда славныхъ дѣлъ, отрядъ двинулся къ Гигсгюбелю. Когда храбрый генералъ Кноррингъ, особенно отличившійся въ послѣдствіи, прибылъ къ Остерману съ донесеніемъ объ одержанныхъ успѣхахъ, Ермоловъ, приказавъ ему въ присутствіи графа тотчасъ возвратиться къ своимъ войскамъ, сказалъ: „вы сперва додѣлайте, а потомъ уже пріѣзжайте досказывать.“ Такъ какъ Петерсвальдскій путь былъ въ двухъ мѣстахъ перерѣзанъ Французами у Гигсгюбеля и Геллендорфа, то Остерманъ, видя, что весь отрядъ, имѣвшій при себѣ до 30 легкихъ орудій, значительно растянулся по извилистой дорогѣ, начиналъ уже раскаяваться въ томъ, что послѣдовалъ совѣту Ермолова. Приказавъ войскамъ идти тише, и запретивъ имъ заряжать ружья, Ермоловъ сказалъ графу: „je vous reponds, Mr. le comte, que nous passerons facilement par là; я беру на себя предъ Его Величествомъ всю отвѣтственность за все то, что можетъ приключиться съ гвардіей.“ Широкоплечіе и усастые ветераны Преображенскіе выбили Французовъ изъ Гигсгюбельской позиціи, а неустрашимые Семеновцы штыками проложили себѣ дорогу у Геллендорфа; сюда почти перпендикулярно къ Петерсвальдской дорогѣ

Вотъ легкій очеркъ Раевскаго какъ человѣка, какъ гражданина, о чемъ ни слова не было упомянуто въ его некрологіи. Замѣтимъ теперь нѣкоторыя погрѣшности. требующія опроверженія:

На 1-й страницѣ сказано, что Раевскій былъ внукомъ князя Потемкина; а на послѣдней, что онъ безъ покровительства и связей достигъ чина генерала отъ кавалеріи.

сходится другая, идущая чрезъ селеніе Макербахъ на Кенигштейнъ по ущелью, образуемому рѣчкою Баръ; по этой дорогѣ могла даже удобно слѣдовать непріятельская тяжелая артиллерія. Оцѣнивъ всю важность этаго пункта, занятіе котораго Французами могло имѣть для насъ самыя гибельныя послѣдствія, Ермоловъ, съ свойственными ему рѣшительностью и проницательностью, остановивъ слѣдовавшую къ Петерсвальде гвардейскую артиллерійскую роту Ладыгина, и лично расположивъ пушки этой роты на важнѣйшихъ пунктахъ, приказалъ тотчасъ открыть изъ нихъ огонь. Непріятель, двигавшійся по ущелью съ тяжелой артиллеріей, приведенный въ замѣшательство этимъ неожиданнымъ огнемъ, остановился. Французы, введенные въ заблужденіе фальшивыми донесеніями лазутчиковъ на счетъ числительности нашихъ войскъ, еще болѣе убѣдились послѣ того, что мы ихъ значительно превосходимъ въ пѣхотѣ и артиллеріи. Такъ какъ надлежало, спустившись съ горъ, занять позицію у выхода ихъ, то Ермоловъ приказалъ оберъ-квартирмейстеру 2-го корпуса Гейеру, расположить стрѣлковъ и пѣхоту въ садахъ и виноградникахъ, находившихся на Ноллендорфскихъ высотахъ, и удерживать ихъ по возможности долѣе, дабы дать остальнымъ войскамъ время и возможность избрать позицію и удобно расположиться на ней. Но такъ какъ это приказаніе не было приведено въ исполненіе, а напротивъ Французы, овладѣвъ высотами, и расположивъ на ней свою артиллерію, открыли сильный огонь по отступавшимъ войскамъ, то Ермоловъ сказалъ Гейеру въ присутствіи Остермана: „Благодарите Бога, что я нѣсколько моложе графа, а то бы я васъ разстрѣлялъ здѣсь на мѣстѣ". Остерманъ, будучи раненъ въ 10-мъ часу утра 17-го августа, сдалъ начальство надъ всѣми войсками Ермолову, принявшему на свой щитъ всѣ удары превосходнаго въ числѣ непріятеля. Когда прибылъ съ кавалеріей князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ, Ермоловъ поспѣшилъ явиться къ нему, но этотъ отлично благородный человѣкъ сказалъ ему: „Побѣда за вами, довершайте ее; если вамъ нужна будетъ кавалерія, я охотно и немедленно вышлю ее, по первому вашему требованію." Къ вечеру прибылъ корпусъ Раевскаго; Ермоловъ, которому удалось уже отстоять поле сраженія, просилъ его не высылать къ нему на помощь никакихъ войскъ. Такимъ образомъ слава этого блистательнаго подвига, имѣвшаго столь огромное вліяніе на войну, есть исключительно достояніе гвардіи и ея предводителя. Императоръ Александръ, узнавъ объ этомъ, сказалъ: „Ермоловъ укрѣпилъ за собою

Къ первому надлежало бы прибавить: двоюроднымъ внукомъ, что̀ было бы основательнѣе; а допустивъ первое, послѣднее становится невѣроятнымъ: ибо въ началѣ своей службы могъ ли Раевскій не имѣть сильной подпоры въ родствѣ съ княземъ Потемкинымъ, знаменитѣйшимъ и всемогущимъ въ то время вельможею въ Россіи? Если бы Раевскій не находился подъ покровительствомъ Потемкина, едва ли бы онъ на

гвардію.“ Реляція объ этомъ сраженіи была написана самимъ Ермоловымъ; относя весь успѣхъ дѣла непоколебимому мужеству войскъ, и распоряженіямъ графа Остермана, онъ почти умолчалъ о себѣ. Остерманъ прочитавъ ее, не взирая на жестокія страданія, написалъ весьма неразборчиво слѣдующую записку, которая хранится у генерала Ермолова:

„Довольно возблагодарить не могу ваше превосходительство, находя лишь „только, что вы мало упомянули объ генералѣ Ермоловѣ, которому я всю „истинную справедливость отдавать привыченъ; впрочемъ

„Съ должнымъ имѣю честь быть...“.

Когда флигель-адъютантъ князь Голицынъ привезъ графу Остерману знаки св. Георгія 2-го класса, этотъ мужественный генералъ сказалъ ему: „этотъ „орденъ долженъ бы принадлежать не мнѣ, а Ермолову, который принималъ „важное участіе въ битвѣ, и окончилъ ее съ такой славой“.

Прибывъ въ 7-мъ часу по полудни къ Кульму въ 1-й день знаменитой битвы, главнокомандующій Барклай приказалъ собрать военную думу для награжденія отличившихся. Имѣя въ особенности въ виду дать георгіевскій крестъ покровительствуемому имъ офицеру квартирмейстерской части Діесту, называемому Ермоловымъ деистомъ, онъ далъ предписаніе, въ коемъ этотъ офицеръ былъ выставленъ какъ руководитель и наставникъ графа Остермана во время боя. Одинъ изъ старшихъ членовъ думы Ермоловъ вошелъ по этому случаю къ ближайшему своему начальнику Милорадовичу съ рапортомъ, въ коемъ, заступившись за честь графа Остермана, онъ опровергъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ показанія Барклая; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ представилъ ему мнѣнія членовъ думы, весьма неблагопріятныя для Діеста. Милорадовичъ, имѣя въ виду сдѣлать удовольствіе Барклаю, затерялъ съ намѣреніемъ этотъ рапортъ; увидавъ Ермолова, и объявивъ ему эту утрату, онъ приказалъ войти съ новымъ рапортомъ, прося измѣнить содержаніе и смягчить выраженія. Ермоловъ представилъ ему новый рапортъ, который былъ лишь копіей перваго. Узнавъ о томъ, Барклай сдѣлалъ строгое замѣчаніе Милорадовичу за допущеніе Ермолова входить съ подобными рапортами; онъ при этомъ повторилъ свое требованіе относительно Діеста, подтвердивъ еще разъ, что подвиги этого офицера съ самаго начала битвы и отличные совѣты, данные имъ графу Остерману, будто бы значительно содѣйствовали къ отраженію непріятеля. Ермоловъ на-

двадцатомъ году своей жизни могъ бы командовать коннымъ полкомъ булавы великаго гетмана (ошибочно названнаго въ некрологіи гетманскимъ легкоконнымъ полкомъ золотой булавы) въ такое время, когда полки ввѣрялись однимъ только весьма заслуженнымъ полковникамъ? Я полагаю, что было бы справедливѣе сказать такъ: Раевскій, начиная съ чина полковника, достигъ безъ покровительства и связей чина генерала отъ кавалеріи.

шелся вынужденнымъ войти къ Милорадовичу съ новымъ рапортомъ, въ коемъ между прочимъ было сказано слѣдующее: „мнѣ извѣстно, что на основаніи законовъ, ни одному главнокомандующему не предоставлено права наклонять по своему желанію рѣшеніе военной думы; это тѣмъ болѣе удивительно, что главнокомандующій, описывая подробно подвиги, совершенные будто бы Діестомъ съ самаго начала битвы, прибылъ самъ на поле сраженія лишь въ 7-мъ часу по полудни. Мнѣ, какъ главному начальнику сражавшихся войскъ, и прочимъ подкомандуемымъ генераламъ совершенно неизвѣстны подвиги, оказанные Діестомъ, который, имѣю честь донести, никогда не подавалъ никакого совѣта графу Остерману, запечатлѣвшему кровью своею славную побѣду свою подъ Кульмомъ". Въ слѣдствіе этого рапорта, Діестъ не получилъ за это сраженіе знаковъ св. Георгія 4-го класса, которые были ему позднѣе пожалованы государемъ по ходатайству Барклая. Послѣ Кульмскаго сраженія великій князь Константинъ Павловичъ, услыхавъ, что повозка Ермолова пропала, и зная его скудное состояніе, предложилъ ему свой новый, шитый золотомъ, генеральскій мундиръ: „Я тебя хорошо знаю", сказалъ ему е. в., „ты не станешь просить вспомоществованія, хотя ты на то имѣешь полное право, тѣмъ болѣе, что многія лица, ничего не потерявшія, выхлопотали себѣ денежное вознагражденіе; я теперь безъ денегъ, и не могу предложить тебѣ ихъ но возьми въ знакъ дружбы мой мундиръ". Ермоловъ, благодаривъ великаго князя за его вниманіе, не принялъ предлагаемаго мундира.

Реляція генерала Ермолова о Кульмской битвѣ помѣщена въ запискахъ графа Толя.

Подробности о Кульмскомъ сраженіи были мнѣ переданы гр. Остерманомъ, Милорадовичемъ, К. И. Бистромомъ, флигель-адъютантомъ кн. Голицынымъ, Ладыгинымъ и подполковникомъ Бистромомъ. Этотъ послѣдній, будучи сильно раненъ, едва не истекъ кровью; слабость его была причиной того, что онъ послѣ рюмки вина, которую ему дали для подкрѣпленія силъ, совершенно опьянѣлъ. Императоръ Александръ, подъѣхавъ къ нему, замѣтилъ это; къ счастью Ермоловъ находившійся вблизи, оправдалъ Бистрома въ глазахъ государя.

Примѣчанія Издателя.

На 2-й страницѣ находимъ: Раевскій слѣдуетъ за осадою въ траншеяхъ Очакова....

Раевскій прибылъ къ арміи не подъ Очаковымъ, а подъ Бендерами, на другой годъ послѣ взятія Очакова. Онъ только подъ Бендерами услыхалъ свистъ первой пули, и тамъ же, замѣченный княземъ Потемкинымъ, онъ былъ имъ прикомандированъ къ казачьимъ полкамъ, для изученія аванпостной и партизанской службы. Потемкинъ предписалъ бригадиру Войска Донскаго Орлову употреблять Раевскаго на службу сперва рядовымъ казакомъ, а потомъ по чину поручика гвардіи; при концѣ этой войны, онъ былъ выпущенъ въ армію подполковникомъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, неоднократно разсказывалъ о томъ самъ Раевскій.

На 3-й страницѣ некрологъ Раевскаго говоритъ о дѣйствіи его подъ Ломиттеномъ въ кампаніи 1807 года. Но подъ Ломиттеномъ сражался генералъ Дохтуровъ, а не князь Багратіонъ, начальствовавшій тогда авангардомъ арміи, въ коемъ Раевскій командовалъ 5-мъ, 20-мъ и 25-мъ егерскими полками, а на другой день былъ усиленъ 26-мъ полкомъ. Авангардъ Багратіона атаковалъ Альткирхъ, деревню отстоящую въ двухъ или трехъ верстахъ отъ Гутштата, почти въ одинъ и тотъ же день и часъ съ атакою Ломиттена Дохтуровымъ; слѣдственно Раевскому нельзя было быть въ одно время и въ томъ и другомъ мѣстѣ, между которыми болѣе двадцати верстъ разстоянія; притомъ у него была опредѣленная команда.

О Дашковскомъ дѣлѣ сказано: «въ семъ отчаянномъ положеніи (второй арміи) Раевскій *беретъ на себя обязанность сразиться съ Даву и остановить его движеніе*. Цѣлый день атака слѣдуетъ за атакою, и бой продолжается съ перемѣною успѣха. Между тѣмъ вторая армія переправляется черезъ Днѣпръ въ Старомъ Быховѣ, и скорымъ движеніемъ къ сѣверу занимаетъ Смоленскую дорогу. Тогда только Раевскій начинаетъ отступательное свое движеніе,» и проч.

Этого нельзя допустить безъ нѣсколькихъ возраженій. Во первыхъ: кто зналъ князя Багратіона, тотъ зналъ и то̀, что

подъ начальствомъ его никто не осмѣливался брать на себя какое либо предпріятіе и какую либо обязанность: князь приказывалъ, подчиненные исполняли его предписанія; такой порядокъ существовалъ во всѣхъ когда либо ввѣряемыхъ ему частяхъ, начиная съ егерской роты до арміи. Но положимъ, что Раевскій, пользуясь тѣснѣйшею дружбою съ Багратіономъ, предложилъ ему *сразиться* съ Даву; во всякомъ случаѣ онъ, безъ сомнѣнія, не предлагалъ ему *остановить* его движеніе. Такое предложеніе могло бы быть названо самохвальствомъ, что̀ свойственно молодости и легкомыслію, но было совершенно чуждо важному и основательному характеру Раевскаго, убѣжденнаго опытомъ въ своенравіи случайности при всякомъ военномъ предпріятіи. Во-вторыхъ: Раевскій не тогда отступилъ, когда вся уже вторая армія переправилась черезъ Днѣпръ въ Старомъ Быховѣ, но Дашковское дѣло началось поутру 11-го іюля и продолжалось до вечера; а 12-го, въ восемь часовъ утра, Раевскій, получивъ повелѣніе слѣдовать за арміею, направлявшеюся къ Старому Быхову для переправы черезъ Днѣпръ, немедленно выступилъ туда съ своимъ корпусомъ, оставя дивизію соединенныхъ гренадеръ графа Воронцова для прикрытія своего движенія. Эта дивизія, не будучи атакована непріятелемъ въ продолженіи цѣлаго дня, спокойно отошла ночью за корпусомъ Раевскаго. Многихъ изъ насъ тревожило то, что Даву воздержался отъ преслѣдованія Раевскаго и Воронцова. Мы полагали, что Даву, проникнувъ превосходную мысль Багратіона, и, оставивъ въ покоѣ Раевскаго и Воронцова, двинулся черезъ Днѣпръ къ Мстиславлю, дабы преградить намъ путь къ Смоленску. Къ счастію, опасенія наши оказались напрасными; Даву, введенный въ заблужденіе усиленнымъ и кровопролитнымъ боемъ съ Раевскимъ и движеніемъ Платова съ казаками мимо Могилева, откуда имъ было все вывезено, принялъ это за твердое намѣреніе Багратіона пробиться къ этому городу правымъ берегомъ Днѣпра. Сосредоточивъ вокругъ этого города всѣ свои силы, онъ тщетно ожидалъ новой по тому же направленію

атаки; Даву тогда только увѣрился въ своемъ заблужденіи, когда князь Багратіонъ находился уже около Мстиславля, и когда соединеніе обѣихъ армій подъ Смоленскомъ не подлежало уже ни малѣйшему сомнѣнію.

На 5-й страницѣ упомянуто объ отступленіи изъ Краснаго Невѣровскаго, и оно названо только *славнымъ*. Я могу ошибаться, но съ того времени, какъ это прилагательное отъ частаго употребленія при описаніи ничтожныхъ перестрѣлокъ въ ничтожныхъ войнахъ потеряло свою цѣну и значеніе, мнѣ кажется, что слѣдовало бы пріискать выраженіе, болѣе соотвѣтствующее блистательнѣйшему отступленію дивизіи, едва только составленной изъ рекрутъ; она, отражая на разстояніи сорока верстъ главныя силы Наполеона, достигла Смоленска непобѣжденною и въ устройствѣ, и хотя она понесла значительный уронъ, но не была приведена въ смѣшеніе, какъ говоритъ о томъ некрологъ. Я помню, какими глазами мы увидѣли эту дивизію, подходившую къ намъ въ облакахъ пыли и дыма, покрытую пòтомъ трудовъ и кровью чести! Каждый штыкъ ея горѣлъ лучемъ безсмертія! Такъ нѣкогда глядѣли мы на Багратіона, возвращавшагося къ намъ изъ-подъ Голлабрюна, въ 1805 году.

По истинѣ, слѣдующій день озарилъ бой, столько же знаменитый по великодушію, сколько превышающій битву, выдержанную Невѣровскимъ, по вліянію, которое онъ имѣлъ на судьбу отечества. Гибель Невѣровскаго лишила бы арміи наши нѣсколькихъ тысячъ воиновъ — и только; тогда какъ гибель Раевскаго имѣла бы послѣдствіемъ взятіе Смоленска и пагубное для нашихъ армій, двигавшихся къ Руднѣ, нападеніе съ тыла. Но обстоятельство это ни мало не уничтожаетъ геройскаго подвига Невѣровскаго. Находясь въ тѣсной связи съ Смоленскимъ боемъ Раевскаго, онъ представляется намъ краснорѣчивымъ предисловіемъ того великаго дня, безъ котораго не было бы ни Бородинскаго сраженія, ни Тарутинской позиціи, ни спасенія Россіи.

На 8-й страницѣ сказано: «подъ Лейпцигомъ онъ своими

гренадерами занимаетъ часть центра въ нашей линіи. Въ этомъ ужасномъ сраженіи было одно роковое мгновеніе, въ которомъ судьба Европы и всего міра зависѣла отъ твердости одного человѣка: Наполеонъ, собравъ всю свою кавалерію подъ прикрытіемъ сильной батареи, устремилъ ее на нашъ центръ. Часть онаго поколебалась и временно уступила отчаянному нападенію. Но корпусъ гренадеръ подъ командою Раевскаго, свернувшись въ каре, стоялъ непоколебимо, и, окруженный со всѣхъ сторонъ непріятелемъ, онъ отражалъ всѣ его усилія. Сія твердость дала нашимъ время выстроиться и вскорѣ опрокинуть французскую кавалерію, которая принуждена была ретироваться подъ огнемъ непоколебимыхъ гренадеръ, разстроилась и обратилась въ бѣгство. Въ сію рѣшительную минуту Раевскій, тяжело раненый картечью въ правое плечо, и проч.... Поэтъ Батюшковъ, служившій при немъ адъютантомъ, замѣтя сіе происшествіе, прискакалъ къ нему на помощь,» и проч.

Замѣчаніе 1-е: Во время атаки французской кавалеріи, Раевскій не имѣлъ при себѣ всего гренадерскаго корпуса, а только одну дивизію; другая дивизія была отдѣлена вправо, внѣ выстрѣла.

2-е. Слово: *окруженный со всѣхъ сторонъ*, не выражаетъ положенія, въ которомъ находился тогда Раевскій. Можно сказать, что онъ былъ поглощенъ приливомъ большей части французской конницы, нахлынувшей на средину союзныхъ армій, и, отражая ея усилія, онъ не уступилъ ни пяди земли, пока эти громады, обращенныя вспять нашими резервами, дозволили всей нашей линіи вновь занять покинутое ею мѣсто, примкнуть къ каре Раевскаго, какъ къ гранитнымъ редутамъ.

Въ этомъ случаѣ Раевскій былъ раненъ не картечью, а ружейною пулею французскаго стрѣлка; ихъ стрѣлки были высланы изъ пѣхотныхъ непріятельскихъ колоннъ, подвигавшихся на помощь своей конницы, насъ стремительно атаковавшей, Пуля попала не въ плечо, а въ верхнюю часть груди, ниже ключицы, между правымъ плечомъ и шеей.

3-е. Поэтъ Батюшковъ нисколько не подскакалъ къ нему на помощь. Онъ и гвардіи егерскаго полка поручикъ Левъ Давыдовъ стояли почти рядомъ съ Раевскимъ. Они даже замѣтили тотъ моментъ, въ который французскій стрѣлокъ, находившійся весьма близко отъ нихъ, прицѣлился и своимъ выстрѣломъ ранилъ Раевскаго. Тогда Раевскій, полагая, что онъ получилъ лишь контузію, продѣвъ руку подъ сюртукъ, ощупалъ мѣсто удара; вынувъ ее окровавленною, онъ съ улыбкою сказалъ Батюшкову тотъ французскій стихъ, о коемъ упоминаетъ его некрологъ. Наконецъ 4-е, оба, какъ Батюшковъ, такъ и Давыдовъ, нося званіе адъютантовъ не Раевскаго, а генерала Бахметева, лишившагося ноги подъ Бородинымъ, служили въ этой должности при Николаѣ Николаевичѣ по собственному ихъ желанію и въ слѣдствіе рекомендаціи Бахметева.

ЗАНЯТІЕ ДРЕЗДЕНА

1813 года 10-го марта.

ЗАНЯТІЕ ДРЕЗДЕНА

1813 года 10-го марта.

По окончаніи отечественной войны и при вступленіи арміи нашей въ непріятельскіе предѣлы, нѣкоторыя войска получили новыя размѣщенія и назначенія. Партизанскій отрядъ мой, занявъ передовое мѣсто въ общей массѣ, обратился въ одинъ изъ авангардовъ передоваго корпуса главной арміи.

Казалось, что положеніе это, мало уступая первому, заключало въ себѣ еще достаточно средствъ для удовлетворенія безпокойнаго моего честолюбія;—вышло иначе. Крутой поворотъ отъ независимыхъ, вдохновенныхъ перелетовъ на пропалую къ размѣреннымъ переходамъ по маршрутамъ, доставляемымъ мнѣ изъ корпуснаго дежурства, запретъ покушаться атаковать непріятеля безъ особаго разрѣшенія, кипучая молодость, какая-то безотчетная, удалая и своевольная отвага и наконецъ соблазнительное сосѣдство съ непріятелемъ—были причиною того, что я произвелъ тотъ послѣдній наѣздъ, отъ котораго пострадала вся моя заграничная служба и рушилась вся та будущность, которой (не для чего уже теперь жеманиться) я имѣлъ полное право не опасаться.

Передовой корпусъ, въ составъ котораго поступилъ партизанскій отрядъ мой, состоялъ изъ 8,460 человѣкъ пѣхоты, 3,109 человѣкъ регулярной конницы, 3,535 казаковъ и 69 орудій баттарейныхъ, легкихъ и конныхъ, всего, считая съ

артиллеристами, до 16-ти тысячъ человѣкъ. Корпусомъ этимъ командовалъ генералъ-лейтенантъ, генералъ-адъютантъ баронъ Винценгероде (*); частные начальники онаго были: генералъ-адъютантъ князь Трубецкой; генералъ-маіоры: Никитинъ, Бахметевъ, графъ Виттъ, Талызинъ, Кнорингъ и, столь же красивый наружностію, сколько блистательный мужествомъ, Ланской (**).

Всѣмъ извѣстно, въ какомъ положеніи бѣжали остатки гигантскаго ополченія, нахлынувшаго на Россію, и потому легко себѣ вообразить ничтожность сопротивленія, противопоставляемаго непріятелемъ главнымъ силамъ нашимъ во время шествія ихъ отъ Нѣмана до Эльбы; одни передовыя войска наши встрѣчали нѣкоторый отпоръ.

Главныя силы эти были раздѣлены на два потока. Первый, управляемый графомъ Витгенштейномъ, шелъ чрезъ сѣверную Пруссію къ Берлину. Ему предшествовали три легкіе отряда генералъ-маіоровъ: Чернышева, Бенкендорфа и полковника

(*) Генералъ Винценгероде служилъ въ Гессенъ-Кассельскомъ войскѣ маіоромъ. Въ 1797 году іюня 8 дня онъ былъ принятъ тѣмъ же чиномъ въ Россійскую службу съ назначеніемъ въ адъютанты къ Его Высочеству Великому Князю Константину Павловичу; 1798 года мая 5 дня онъ произведенъ изъ маіоровъ въ полковники; будучи 1799 года февраля 3 дня исключенъ изъ службы, онъ выѣхалъ за границу, гдѣ немедленно вступилъ въ Австрійскую службу, а въ 1801 году, возвратясь въ Петербургъ, онъ снова принятъ въ Россійскую службу генералъ-маіоромъ, съ назначеніемъ генералъ-адъютантомъ. Послѣ Аустерлицкаго сраженія, очерненный въ общемъ мнѣніи, онъ былъ принужденъ оставить Россійскую службу и опять вступилъ въ Австрійскую. Но въ началѣ 1812 года онъ обратно перешелъ въ Россійскую службу въ чинѣ генералъ-лейтенанта; онъ командовалъ отрядомъ войскъ, прежде около Смоленска, потомъ въ Духовщинѣ и наконецъ около Клина; онъ былъ взятъ въ плѣнъ въ Москвѣ, куда онъ въѣхалъ одинъ, безъ конвоя, въ средину непріятельскихъ войскъ, которыхъ онъ полагалъ внѣ столицы; онъ былъ отосланъ во Францію, но на пути, въ окрестностяхъ Молодечно, былъ выручeнъ изъ плѣна полковникомъ Чернышевымъ (нынѣ военнымъ министромъ), во время отважнаго перехода его съ партіею казаковъ изъ арміи Чичагова къ корпусу графа Витгенштейна, на перерѣзъ всѣхъ сообщеній непріятеля. Винценгероде умеръ скоропостижно, нѣсколько лѣтъ послѣ заключенія мира съ Франціею.

(**) Умершій отъ раны, полученной имъ въ сраженіи подъ Краономъ, во Франціи, 1814 года.

Теттенборна, съ полнымъ правомъ дѣйствовать по усмотрѣнію. Другой, или главная армія, при коей находилась императорская квартира, направлялся чрезъ Варшавское герцогство и Силезію къ Дрездену. Ему предшествовалъ корпусъ Винценгероде, впереди котораго шли два легкіе отряда подполковника Пренделя и мой. Оба эти отряда находились въ полной зависимости отъ Винценгероде, строго воспретившаго имъ, — по крайней мѣрѣ мнѣ,—сшибки съ непріятелемъ и переходы съ одного мѣста на другое, безъ вѣдома его или другаго генерала, коему я буду подчиненъ.

Около половины февраля былъ заключенъ союзъ Россіи съ Пруссіею, и прусскія войска двинулись на соединеніе съ нами.

Армія графа Витгенштейна усилилась корпусами Іорка и Бюлова; корпусъ Блюхера, выступивъ изъ Бреславля, составлялъ авангардъ главной арміи; ему былъ подчиненъ Винценгероде, коему было велѣно слѣдовать въ главѣ этого корпуса.

20-го февраля Чернышевъ овладѣлъ Берлиномъ. Непріятель, оставивъ городъ, направился двумя колоннами къ Эльбѣ: одною на Магдебургъ, другою на Виттенбергъ. За первою пошли Чернышевъ и Теттенборнъ, за второю Бенкендорфъ.

Въ концѣ февраля Теттенборнъ былъ отряженъ къ Гамбургу; Бенкендорфъ и Чернышевъ остались на Эльбѣ—первый за Виттенбергомъ, послѣдній за Магдебургомъ.

Особый и независимый отрядъ флигель-адъютанта ротмистра Орлова шелъ изъ Гоэрсверда къ Гроссенгайну.

Главная квартира графа Витгенштейна занимала Берлинъ; императорская и главная квартира князя Кутузова-Смоленскаго, главнокомандующаго всѣми союзными войсками,—Калишъ.

Съ своей стороны вице-король Евгеній, предводительствовавшій 60-ти тысячною французскою арміею, составленною изъ остатковъ главной арміи, нѣкоторыхъ войскъ, остававшихся въ крѣпостяхъ, и резервовъ, прибывшихъ изъ-за Рейна, размѣстилъ ее слѣдующимъ образомъ:

Маршалъ Даву съ 17-ю тысячами защищалъ Эльбу, отъ

Дрездена до Торгау. Въ командѣ его состояли: 7-й корпусъ Ренье, 31-я дивизія Жерара, баварскій корпусъ Рехберга и саксонскія войска Лекока и Либенау.

Виттенбергъ, Магдебургъ и все разстояніе между ними было ввѣрено защитѣ Гренье и Лористона, у которыхъ было 34 тысячи человѣкъ, находившихся подъ личнымъ начальствомъ самого вице-короля.

Корпусъ маршала Виктора, командовавшаго на Нижней Эльбѣ, заключалъ въ себѣ не болѣе 6-ти тысячъ человѣкъ.

Остальныя войска находились въ Лейпцигѣ при главной квартирѣ вице-короля и корпусной—маршала Даву.

Тутъ необходимо надо сказать о двухъ обстоятельствахъ, имѣвшихъ непосредственное вліяніе на описываемое мною событіе.

Эта эпоха,—я говорю о времени движенія нашего отъ Вислы къ Эльбѣ,—была краткою эпохою какого-то мишурнаго блеска оружія, впрочемъ необходимаго для увлеченія еще колебавшихся умовъ въ Германіи. Французы продолжали поспѣшно отступать; мнѣніе о непобѣдимости ихъ исчезало; нѣкоторые союзники ихъ присоединились къ побѣдителямъ; другіе же, ошеломленные внезапностью событія, не смѣя еще свергнуть съ себя непостижимаго и могучаго генія Наполеона, — ожидали. Намъ надлежало, пользуясь успѣхами нашими, до прибытія Наполеона и свѣжихъ силъ изъ Франціи, наводнить нашими войсками сколь возможно болѣе пространства, никѣмъ почти уже незащищеннаго. Это представляло двойную выгоду: чрезъ это увеличивался просторъ для дѣйствія въ случаѣ обратнаго появленія Наполеона изъ-за Рейна, и мы могли легко дѣйствовать на воображеніе нерѣшительныхъ людей пышными и частыми обнародованіями о занятіи новыхъ областей, новыхъ столицъ, новыхъ значительныхъ городовъ.

Какая богатая жатва для всѣхъ, жаждавшихъ извѣстности, въ то время легко пріобрѣтаемой! За то какъ они воспрянули! Все въ союзныхъ арміяхъ начало мечтать о столицахъ, торжественныхъ въѣздахъ въ столицы, поверженіи ключей ихъ

къ стопамъ Императора. Начиная съ Блюхера, тогда еще безъ ореола Кацбаха, Бріенна и Ватерлоо, алкавшаго славы безъ разбора, какъ бы она ни досталась, — всякій начальникъ отдѣльнаго, многочисленнаго корпуса требовалъ для удовлетворенія своего честолюбія столицъ, которыя были доступны для огромныхъ ихъ силъ; малые городки были предоставлены нашей голодной братьѣ. *Къ несчастію моему*, подручныхъ столицъ было въ это время только двѣ, изъ коихъ одну захватилъ уже Чернышевъ, другая — Дрезденъ, которая оставалась на удалаго, и Блюхеръ и Винценгероде двинулись къ этому доброму Дрездену; они не постигали, что слава подвига оцѣняется большимъ или меньшимъ количествомъ средствъ, употребленныхъ на предпріятіе, и что взятіе Берлина всею арміею или сильнымъ корпусомъ войскъ не обратило бы на нихъ ничьего вниманія, тогда какъ взятіе того же Берлина легкимъ отрядомъ Чернышева справедливо его прославило.

Къ этому надо прибавить, что послѣ разгрома несмѣтныхъ полчищъ Наполеона въ Россіи никто уже не предвидѣлъ войны, по крайней мѣрѣ такой, какая вновь разгорѣлась. Я скажу болѣе: общее мнѣніе клонилось къ миру, тѣмъ болѣе, что съ одной стороны начался уже напоръ нѣсколькихъ сотенъ тысячъ войскъ къ Рейну; съ другой — едва было приступлено къ сбору, или, вѣрнѣе, къ возрожденію силъ. Въ этомъ предположеніи каждый отдѣльный начальникъ многочисленной арміи нашей бросался стремглавъ, чтобы сочетать память о себѣ съ послѣднимъ выстрѣломъ столь необычайной войны—стремленіе достохвальное и благородное, въ которомъ начальники мои не уступали никому. Вотъ почему Блюхеръ, желая лично захватить Дрезденъ, направилъ Винценгероде къ Гоэрсверду; Винценгероде же, имѣя ту же мысль, двинулъ Ланскаго и меня (находившагося тогда подъ командою Ланскаго) къ Мейссену. Но Винценгероде медлилъ подъ разными предлогами исполнить предписаніе Блюхера и, такъ сказать, желалъ украдкою достигнуть соблазнительнаго предмета. Я тогда не понималъ

этого особаго рода квинтича, еще менѣе могъ предвидѣть, чтобы взаимныя тонкости начальниковъ моихъ остались тщетны, и что мнѣ было опредѣлено судьбою, поддѣвъ ихъ обоихъ, — сломить себѣ голову.

Другое обстоятельство.

Многіе и до нынѣ увѣряютъ меня въ существованіи приказа по арміи, обнародованнаго еще въ предѣлахъ Россіи, которымъ строго воспрещались всякаго рода сношенія съ непріятелемъ и тѣмъ болѣе заключеніе съ нимъ какихъ бы то ни было договоровъ и условій. Вѣрю, но никакіе приказы и распоряженія по арміи, даже никакія извѣстія о производствахъ, словомъ, ничего того, что̀ обыкновенно обнародывается по арміямъ, не посылалось въ партіи наши въ теченіи всей отечественной войны. Доказательствомъ тому служитъ невѣдѣніе мое, продолжавшееся два мѣсяца сряду о производствѣ меня въ полковники, и обнародованіе о занятіи мною Гродно *въ слѣдствіе переговоровъ моихъ* и перемирія, заключеннаго мною съ австрійскимъ генераломъ Фрейлихомъ, за что̀ я былъ награжденъ самымъ лестнымъ отзывомъ фельдмаршала князя Кутузова и удостоенъ ордена св. Владиміра 3 степени отъ императора Александра, прибывшаго въ то время въ Вильну.

Итакъ домогательство моихъ начальниковъ овладѣть Дрезденомъ и вышеупомянутый приказъ, отданный по арміи, мнѣ совершенно неизвѣстный, но тѣмъ не менѣе послужившій къ моему обвиненію,—вотъ два подводные камня, о которые ударилось, въ беззаботномъ и отважномъ полетѣ своемъ на всѣхъ парусахъ, мое корсарское судно.

Между тѣмъ войска наши подвигались. Партія моя, будучи подчинена Ланскому, командовавшему авангардомъ Винценгероде, и слѣдуя правѣе его на Мускау, Шпрембергъ, Гоэрсверда, вступила 7-го марта въ дер. Бернсдорфъ, гдѣ застала партію флигель-адъютанта Орлова, готовую уже къ выступленію въ Гроссенгайнъ; Орловъ объявилъ мнѣ о намѣреніи своемъ немедленно перейти Эльбу, для того, чтобы угрожать Дрездену со стороны лѣваго берега.

Надо замѣтить, что въ этотъ самый день (7 марта) корпусъ Блюхера находился еще въ Силезіи, въ трехъ переходахъ отъ Бунцлау; корпусъ Винценгероде на пути къ Гёрлицу, а Ланской вступилъ въ Бауценъ.

По прибытіи въ Бернсдорфъ, я, въ слѣдствіе даннаго мнѣ повелѣнія, отрядилъ ротмистра Чеченскаго съ командуемымъ имъ 1-мъ Бугскимъ казачьимъ полкомъ, какъ для обозрѣнія путей и окрестностей Дрездена, такъ и для собранія свѣдѣній о самомъ городѣ.

Теперь обратимся къ Дрездену, и взглянемъ, что̀ происходило тамъ до прибытія моего въ Бернсдорфъ и присоединенія къ Чеченскому. Я для сего прибѣгну къ сочиненію саксонскаго генерала Оделебена, очевидца-повѣствователя (*).

12 февраля король выѣхалъ изъ столицы въ Плауенъ, что̀ въ Войтгландѣ, передавъ управленіе королевствомъ комитету государственныхъ чиновниковъ, именованному Непосредственною Коммиссіею. Половина гвардейскаго полка слѣдовала за королемъ, другая же половина перешла въ Кёнигштейнъ, куда были предварительно перенесены государственная казна и картины знаменитой дрезденской галлереи. Гусары, часть гвардейскаго кирасирскаго полка и полка Застрова, находившіеся подъ командою генерала Либенау, были размѣщены по кантониръ—квартирамъ, въ окрестностяхъ стараго города и въ новомъ городѣ.

23 февраля, генералъ Ренье, пріостановившійся на время въ Бауценѣ, вступилъ въ Дрезденъ съ 7-мъ корпусомъ и размѣстилъ его, частію по селеніямъ, лежащимъ на лѣвомъ берегу Эльбы, частію въ новомъ городѣ, вмѣсто авангарда. Корпусъ этотъ состоялъ лишь изъ 5 тысячъ человѣкъ, считая и 1400 Баварцевъ генерала Рехберга, отправленныхъ въ Мейсcенъ по вступленіи этихъ войскъ въ Дрезденъ. Саксонская кавалерійская дивизія Либенау примкнула къ Ренье, коему

(*) Relation circonstanciée de la campagne de 1813 en Saxe, par M-r le baron d'Odeleben, l'un des officiers généraux de l'armée. Paris, 1817.

было предписано защищать переправу Эльбы подъ Дрезденомъ и Мейсеномъ; въ слѣдствіе этого, онъ перевезъ на лѣвый берегъ всѣ суда, которыя могли служить для переправы нашихъ войскъ, положилъ значительное количество пороха подъ двумя сводами великолѣпнаго моста, соединяющаго обѣ половины Дрездена, перевелъ госпитали и военные запасы изъ новаго города въ старый и приказалъ вокругъ новаго устроить нѣсколько бастіоновъ съ куртинами, обнесенными палисадомъ. Это возбудило въ городѣ волненіе: народъ не допускалъ долго войскъ къ минированію моста; но Ренье восторжествовалъ, и подъ двумя сводами моста былъ положенъ порохъ.

Между тѣмъ, 28 февраля, маршалъ Даву, вступивъ въ Мейсенъ съ 12-ти тысячнымъ корпусомъ, сжегъ красивый деревянный мостъ, принадлежащій городу, и прибылъ 1-го марта въ Дрезденъ. Съ его прибытіемъ закипѣла дѣятельность къ защитѣ переправы; но строгость и притѣсненіе всѣхъ сословій достигли невѣроятныхъ размѣровъ. Ренье, сдавъ команду надъ 7-мъ корпусомъ генералу Дюрюту, выѣхалъ изъ города.

7-го и ночь на 8-е число марта были употреблены на вывозъ орудій изъ вновь воздвигнутаго укрѣпленія, парка, фургоновъ и всякаго рода тяжестей въ старый Дрезденъ.

8-го въ десятомъ часу утра, не принимая во вниманіе письменныхъ просьбъ короля, и пренебрегая мольбами обывателей, Даву приказалъ зажечь мину, и два свода съ трескомъ и громомъ взлетѣли на воздухъ. Даву этого только и ожидалъ; онъ немедленно выступилъ въ Мейсенъ, оставя въ городѣ Дюрюта съ 7-мъ корпусомъ, силою въ 3000 Французовъ, усиленныхъ нѣсколькими баталіонами и эскадронами Саксонцевъ, подъ начальствомъ генерала Лекока.

Дюрютъ приступилъ къ исполненію возложенныхъ на него обязанностей. Онъ поставилъ одну баттарею на мосту у самаго провала, образовавшагося взрывомъ, для обстрѣливанія всего протяженія моста и главной улицы новаго города; дру-

гую у Брюлева за̀мка на Валлергартенѣ, и третью у Фридрихштадта, гдѣ онъ всего болѣе опасался покушеній на лѣвый берегъ, по причинѣ изгиба рѣки, способствующаго переправѣ.

Укрѣпленіе новаго города было занято двумя ротами пѣхоты, впереди которыхъ, за палисадами, помѣстились саксонскіе стрѣлки; саксонскій маіоръ Ешки былъ назначенъ комендантомъ этой половины города.

Въ такомъ положеніи находился Дрезденъ при появленіи Чеченскаго съ 1-мъ Бугскимъ полкомъ, заключавшимъ въ себѣ не болѣе 150 казаковъ.

8-го по утру, на походѣ изъ Берисдорфа къ Кёнигсбрюку, услыхавъ сильный гулъ по направленію къ Дрездену, я узналъ отъ обывателей селеній, на пути моемъ лежащихъ, что гулъ происходитъ отъ взрыва дрезденскаго моста, въ которомъ, говорили они, давно уже роются французскіе піонеры; для приведенія въ исполненіе этого ожидали только прибытія Даву.

Этотъ проклятый гулъ былъ виновникомъ всѣхъ непріятностей, постигшихъ меня въ послѣдствіи. Онъ оживилъ мое честолюбіе, заглушенное педантическою акуратностію Винценгероде.

Я сообразилъ, что половина города, находящаяся на правомъ берегу Эльбы, или вовсе оставлена непріятелемъ, или занята гарнизономъ, съ которымъ я могу состязаться, и что слѣдовательно можно было съ надеждою на успѣхъ постучаться въ ворота. Если,—думалъ я,—удастся мнѣ вступить въ одинъ новый городъ, то уже многое сдѣлано; кусокъ будетъ початъ, и слава овладѣнія всею столицею будетъ принадлежать мнѣ, а не другому; — этотъ другой былъ въ мысляхъ моихъ или Орловъ, или Прендель, или какой либо отрядный начальникъ прусскаго корпуса, — но никакъ не Блюхеръ, или Винценгероде, по отдаленію ихъ отъ Дрездена. Хоть и закипѣла кровь молодецкая, но чинопослушаніе ухватило меня за воротъ. Будучи подъ командою Ланскаго, съ

которымъ я былъ большой пріятель,—я и страшился и совѣстился отважиться на это предпріятіе совершенно безъ его вѣдома. Курьеръ поскакалъ къ нему въ Бауценъ съ слѣдующей запискою:

«Я не такъ далеко отъ Дрездена. Позвольте попытаться. Можетъ быть, успѣхъ увѣнчаетъ попытку. Я у васъ подъ командою: моя слава—ваша слава.»

По случаю тихой ѣзды саксонскихъ почтальоновъ, я не прежде какъ чрезъ семь часовъ получилъ отвѣтъ отъ Ланскаго.

Онъ писалъ мнѣ:

«Я давно уже просилъ позволенія послать васъ попартизанить; но отказъ былъ отвѣтомъ на мою просьбу, полагая, что вы нужны будете здѣсь въ 24 часа,—а я, полагая эти мѣры слишкомъ робкими, разрѣшаю вамъ попытку на Дрезденъ. Ступайте съ Богомъ.»

«Ланской.»

Получивъ разрѣшеніе, я въ тотъ же мигъ послалъ приглашеніе къ Орлову на пиръ, мною предпринимаемый; въ случаѣ же невозможности, просилъ у него подкрѣпленія, придерживаясь французской пословицы: Dieu est toujours pour les gros bataillons. Отправивъ приглашеніе къ Орлову, то есть въ 4 часа по полудни, я выступилъ изъ Кёнигсбрюка.

Едва начали мы вытягиваться на дорогу, какъ явился ко мнѣ казакъ съ рапортомъ отъ Чеченскаго.

«Рапортъ.»

«До самыхъ стѣнъ города я ничего не могъ узнать отъ жителей, кромѣ того, что нѣтъ никого въ городѣ; почему я поскакалъ съ 50 казаками ближе; но только что подъѣхалъ къ воротамъ, какъ былъ встрѣченъ сильнымъ перекрестнымъ огнемъ изъ палисадовъ. Слава Богу, кромѣ трехъ лошадей,

урону нѣтъ, и все благополучно. Я передъ городомъ, разставя пикеты, ожидаю вашего приказанія.»

«Ротмистръ Чеченскій.»

«8 марта.»

Отвѣтъ мой Чеченскому:

«Держись;—я спѣшу къ тебѣ со всею партіею.»

«Денисъ Давыдовъ».

«8 марта, въ 5 часу по полудни».

На половинѣ пути моего новый посланный съ новымъ рапортомъ является ко мнѣ отъ Чеченскаго; онъ писалъ:

«Рапортъ.»

«Цѣлый день непріятель сбивалъ занятые мною пикеты около города. Я, исполняя вашего высокоблагородія приказанія, ни шагу не отступилъ, хотя ясно видѣлъ, что въ упрямствѣ моемъ прока не будетъ. Вдругъ выѣзжаетъ бургомистръ съ просьбою о пощадѣ города! Я не показалъ никакого наружнаго удивленія, но въ умѣ моемъ не могъ разгадать, что̀ это значитъ. Однако я объявилъ ему, что если въ эту же ночь обыватели выгонятъ на ту сторону рѣки Французовъ, занимающихъ новый городъ, то городъ не пострадаетъ; въ противномъ же случаѣ не будетъ никому и ничему пощады. Бургомистръ выпросилъ сроку на два часа, и возвратился въ городъ. Я съ полкомъ остаюсь, до возвращенія его, на дневныхъ мѣстахъ, и по полученіи отзыва, немедленно объ ономъ донесу вамъ. Сего числа, во время перестрѣлки, хорунжій Рамодановъ смертельно раненъ; рядовыхъ казаковъ ранено четыре; лошадей убито девять.»

«Ротмистръ Чеченскій.»

«8 марта.»

Въ отвѣтъ на этотъ рапортъ я прибавилъ шагу.

Уже партія моя была въ трехъ или четырехъ верстахъ отъ Чеченскаго, то есть на высотахъ, покрытыхъ сосновымъ лѣ-

сомъ, откуда дорога спускается къ Дрездену, какъ новый посланный является ко мнѣ съ запиской:

«Батюшка Денисъ Васильевичъ!»

«Изъ города явился бургомистръ, который сказалъ мнѣ, что комендантъ города желаетъ говорить съ офицеромъ нашимъ; почему Левенштернъ (*) ѣздилъ въ городъ, но комендантъ сказалъ ему, что ежели бы у насъ была самая бездѣлица пѣхоты, то въ ту же минуту онъ оставилъ бы городъ; но что однимъ казакамъ онъ сдать города не можетъ.»

«Александръ Чеченскій.»

Что было дѣлать? Обстоятельства представлялись не въ томъ уже видѣ, какъ прежде. Надо было прибѣгнуть къ хитрости, къ которой хотя уже часто прибѣгали, но которая всегда удавалась. Я оставилъ сотню казаковъ на мѣстѣ полученія мною записки Чеченскаго, съ приказаніемъ заниматься лишь раскладкою бивачныхъ огней по горѣ въ четырехъ мѣстахъ, и чтобы въ каждомъ мѣстѣ было костровъ по 20-ти, но чѣмъ болѣе, тѣмъ лучше. Назначивъ начальникомъ команды одного изъ расторопнѣйшихъ казачьихъ офицеровъ, и дозволивъ ему набрать для своей помощи нѣсколько поселянъ изъ ближнихъ селеній, я самъ поспѣшилъ съ остальными четырьмя сотнями и 50 Ахтырскими гусарами къ Чеченскому, съ коимъ вскорѣ соединился.

Первою заботою моею было, воспользовавшись мѣстностію, расположить войска мои такимъ образомъ, чтобы выказать непріятелю гораздо большее число войскъ, чѣмъ ихъ у меня было въ дѣйствительности. Я занялъ биваками всѣ тѣ улицы форштадта, коихъ выходы были обращены къ городу, выставилъ изъ нихъ головы колоннъ, скрывъ хвосты ихъ за строеніями. Въ такомъ положеніи, любуясь бивачными огнями, разложенными казаками на высотахъ и весьма ярко горѣвшими,

(*) Штабсъ-капитанъ Левенштернъ, прикомандированный къ партіи моей въ Гродно. Онъ нынѣ полковникомъ въ отставкѣ.

я ожидалъ наступленія дня. Въ эту минуту я получилъ убійственное письмо отъ Ланскаго, которое разразилось какъ бомба! Онъ писалъ:

«Любезный мой полковникъ!»

«Не взирая на позволеніе, мною вамъ данное, я принужденнымъ нахожусь измѣнить ваше направленіе, въ слѣдствіе повелѣнія, сейчасъ полученнаго мною отъ корпуснаго командира. И такъ, любезный другъ, вмѣсто Дрездена, прошу васъ обратиться уже изъ Кёнигсбрюка въ Радебургъ; но пошлите разъѣзды по всѣмъ путямъ, ведущимъ къ Дрездену, и откройте всѣ его окрестности. Расположите войска ваши вправо отъ Радебурга къ Мейссену, котораго окрестности также откройте какъ можно тщательнѣе. Прикажите забрать всѣ суда, находящіяся на этомъ берегѣ Эльбы, и пошлите разъѣзды по направленію къ Торгау для сего же предмета. Поставьте постъ въ Пульзницѣ, который оставьте тамъ до прибытія туда Мадатова. Мадатовъ помѣстится между вами и почтовымъ трактомъ, идущимъ изъ Бишофсверды къ Дрездену, дабы закрыть движеніе нашего корпуса, который рѣшительно сходитъ съ Калишскаго пути, и котораго корпусная квартира переносится въ Гоэрсверда *для очистки мѣста Пруссакамъ*. Въ Торгау находятся казаки Бенкендорфа; прикажите разъѣздамъ вашимъ до нихъ доходить. Независимо отъ всего этого, прикажите мѣстнымъ начальствамъ заготовлять какъ можно болѣе провіанта и фуража для корпуса, который, безъ сомнѣнія, простоитъ нѣкоторое время на этой сторонѣ Эльбы, по случаю затрудненія въ переправѣ.»

«Ланской.»

«Я иду на Каменцъ.»

Признаюсь, эти строки жестоко поразили меня; но очнувшись скоро, я, основываясь на слѣдующемъ разсужденіи, рѣшился продолжать разъ уже начатое предпріятіе:

Чего хочетъ Ланской, думалъ я, посылая меня въ Радебургъ и къ Мейссену? 1-е) сбора судовъ и сбора продовольствія для корпуса, 2-е) заслоненія моею партіею и отрядомъ Мадатова движенія корпуса нашего съ Калишской дороги къ Гоэрсверде? Но заготовить продовольствіе можно было гораздо удобнѣе чрезъ городскихъ властей, имѣвшихъ непосредственное вліяніе на земскую полицію, и потому я думалъ вѣрнѣе выполнить предписаніе Ланскаго взятіемъ города, чѣмъ движеніемъ въ Радебургъ и Мейссенъ. Сборъ судовъ? но ихъ нѣтъ, я это знаю,—но ихъ и быть не можетъ: въ этомъ и разсудокъ и опытность моя мнѣ порукою, въ чемъ я вскорѣ дѣйствительно убѣдился; ибо какой начальникъ войска, отступающаго за обширную рѣку съ намѣреніемъ прикрыть себя отъ нападенія побѣдителя, оставитъ суда на берегу, откуда могъ появиться непріятель? Слѣдовательно, мнѣ нечего было хлопотать о пріобрѣтеніи предметовъ для насъ несуществовавшихъ и находившихся въ рукахъ непріятеля. Наконецъ, мнѣ велѣно было прикрывать движеніе корпуса Винценгероде? Но не удобнѣе ли я выполню приказанія Ланскаго и Винценгероде помѣщеніемъ партіи моей на точкѣ соединенія радіусовъ, по которымъ двигаются непріятельскіе разъѣзды для развѣдыванія о движеніяхъ войскъ нашихъ, чѣмъ раздробленіемъ ея по радіусамъ, между коими всегда найдутся тропинки если не для разъѣздовъ, то для лазутчиковъ. Сверхъ всего этого не видно ли изъ самаго смысла повелѣнія Ланскаго, что оно было имъ писано во время пребыванія моего въ Кёнигсбрюкѣ, а не подъ Дрезденомъ? Чтожь касается лично до моей особы, то жребій мой брошенъ: я стою у воротъ Дрездена. Первая попытка была неудачна, потому что переговоры происходили съ Чеченскимъ, предводительствовавшимъ только 150 казаками, но теперь я самъ тутъ съ пятисотенною партіею, о чемъ, вѣроятно, непріятель уже извѣщенъ, или ему вскорѣ будетъ это извѣстно; къ тому же яркіе огни, мною разложенные и поддерживаемые, могли ввести всякаго въ заблужденіе. Я въ теченіи дня поджидалъ Орлова, или, по крайней мѣрѣ, помощь

съ его стороны; Прендель также былъ не далеко; къ тому же какой самый исполнительный фельдфебель, находясь въ моемъ положенiи, рѣшится на буквальное исполненiе предписанiя Ланскаго и на постыдное отступленiе въ глазахъ и изъ подъ выстрѣловъ непрiятеля! Если бы это повелѣнiе пришло прежде начатiя переговоровъ,—дѣло другое: набѣгъ Чеченскаго кончился бы обыкновеннымъ казачьимъ обозрѣнiемъ, и тѣмъ бы окончилось все дѣло. Но уже требованiе о сдачѣ города было сдѣлано; угрозы, въ случаѣ медленной его сдачи, были объявлены. Отрядъ мой, стоявшiй у воротъ города, уже былъ ясно виденъ непрiятелемъ; бивачные огни, горѣвшiе на высотахъ, достаточно убѣждали его, что онъ имѣлъ уже дѣло не съ 150-ю казаками; такъ разсуждалъ я самъ съ собою; это разсужденiе было безспорно нѣсколько основательно, но оно обличало съ моей стороны мало проницательности. Какъ было мнѣ не понять, что дѣло шло не о сборѣ судовъ, не о запасахъ провiанта, не о прикрытiи своею партiею движенiя корпуса, во время слѣдованiя его къ Гоэрсверде, а объ отдаленiи меня и Ланскаго отъ пути, по коему Винценгероде намѣревался явиться къ Дрездену? Вотъ чего отъ меня требовалъ этотъ генералъ чрезъ Ланскаго, который, какъ и я, не постигъ смысла этого требованiя и, добродушно передавъ его мнѣ, перешелъ изъ Бауцена въ Каменцъ; тогда какъ я, не предвидя отъ того опасныхъ для себя послѣдствiй, рѣшился довершить начатое.

Едва ободняло, я послалъ снова Левенштерна парламентеромъ съ требованiемъ сдачи города и извѣстiемъ о прибытiи моемъ съ конницею и пѣхотою, которой огни были видны на сосѣднихъ горахъ, и о скоромъ начатiи приступа въ случаѣ отказа. Отвѣтомъ мнѣ было желанiе генерала Дюрюта, квартировавшаго въ старомъ городѣ, говорить съ уполномоченнымъ мною штабъ-офицеромъ. Я послалъ къ нему Волынскаго уланскаго полка подполковника Храповицкаго, и, чтобы придать ему болѣе важности, я присоединилъ ко множеству орденовъ, имъ носимыхъ, и нѣкоторые мои. При переправѣ

на лодкѣ чрезъ Эльбу, Храповицкому—какъ водится—завязали глаза платкомъ (печатное изображеніе этого путешествія Храповицкаго продавалось въ Дрезденѣ какимъ-то дрезденскимъ спекуляторомъ), повели его подъ руки на квартиру французскаго генерала, и переговоры начались. Къ нимъ были допущены саксонскій генералъ Лекокъ и члены Непосредственной Коммиссіи. Уполномоченнымъ со стороны Дюрюта былъ первый адъютантъ его капитанъ Франкъ.

Между тѣмъ то̀, чего я ожидалъ, случилось. Орловъ, занятый приготовленіями переправы чрезъ Эльбу, не могъ прибыть ко мнѣ со всѣмъ своимъ отрядомъ, но прислалъ лишь Донской казачій полкъ Мелентьева,—а отрядъ Пренделя показался на Бауценской дорогѣ.

Однако, не взирая на прибытіе свѣжаго войска, переговоры, неразлучные съ преніями, иногда довольно воинственными съ обѣихъ сторонъ, продолжались цѣлый день, и только въ 9 часовъ вечера уполномоченные подписали договоръ,—Дюрютъ и я ратификовали условія.

Возникли затрудненія отъ намѣренія моего вымарать нѣкоторыя статьи, почитаемыя мною вовсе излишними, какъ на примѣръ: 1-е) все, что̀ касалось продовольствія и размѣщенія по квартирамъ моего отряда, къ чему, по условію, я обязывался допустить гражданскихъ чиновниковъ, назначенныхъ отъ города, вмѣстѣ съ чиновникомъ, на этотъ предметъ отъ меня назначеннымъ; 2-е) статья, въ которой требовали безобиднаго обхожденія съ жителями, и 3-е) статья, по которой я обязывался оберегать имущество королевскихъ и частныхъ лицъ и занять охранными караулами кадетскій корпусъ, королевскую библіотеку и японскій дворецъ и вообще всѣ обязанности, исполняемыя безъ требованія и всякимъ благонамѣреннымъ начальникомъ при вступленіи въ какой либо городокъ.

Съ своей стороны Дюрютъ, соглашаясь на сдачу новаго города, не хотѣлъ уважить моего требованія, чтобы до пере-

хода Французовъ въ старый, войска ихъ, занимавшія еще укрѣпленіе, *отдали бы честь Русскимъ, стоя, во всемъ парадѣ, во фронтѣ, и сдѣлавъ на караулъ при барабанномъ боѣ.* Затрудненія эти были улажены лишь къ вечеру. Я оставилъ въ капитуляціи статьи, почитаемыя мною излишними, подписавъ только подъ ними «articles inutiles» (статьи ненужныя), и Дюрютъ согласился, чтобы войска его отдали честь моимъ съ тѣмъ только, чтобы эта статья не была помѣщена въ капитуляціи. Я былъ этимъ доволенъ, ибо желалъ этого не для газетъ, но для жителей Дрездена; мнѣ хотѣлось сдѣлать ихъ очевидными свидѣтелями униженія Французовъ предъ Русскими.

Но была статья, возбудившая противъ меня всю пернатую и плотоядную тварь, взрывающую, подобно гіенамъ, кладбище происшествій. Меня упрекали въ изъявленіи согласія на статью, въ коей требовалось *прекращеніе военныхъ дѣйствій въ самомъ новомъ городѣ и на разстояніи одной мили выше и ниже его.*

По истинѣ, это согласіе съ моей стороны было бы непростительно, еслибъ тутъ не было сказано: *каждый изъ договаривающихся обязуется объявить противнику своему о начатіи военныхъ дѣйствій на этомъ пространствѣ за 48 часовъ до ихъ начатія*, и вотъ мой разсчетъ при утвержденіи означенной статьи:

Не имѣя перевозныхъ средствъ, находившихся на противномъ берегу въ рукахъ непріятеля, а также зная слабость и составъ моей партіи, я самъ собою ничего не могъ предпринять противъ Дюрюта, занимавшаго пѣхотою и артиллеріею старый Дрезденъ. Дюрютъ же, имѣя пѣхоту и артиллерію и сверхъ того всѣ суда, принадлежащія городу и окрестностямъ, могъ всегда напасть на меня въ новомъ городѣ и заставить раскаяться за дерзость, съ которою я торчалъ у него подъ глазами съ одной лишь казачьей командою. Слѣдовательно, что̀ касается лично меня и моей партіи,—эта статья, охраняя насъ отъ внезапнаго нападенія Дюрюта, была намъ не только полезна, но необходима, и я по сіе время не могу по-

нять безумія Дюрюта, который имѣлъ въ виду обезпечить себя лишь противъ нечаяннаго нападенія нашего со стороны новаго города, а между тѣмъ легко было переправиться въ 8-ми, 15-ти и 20-ти верстахъ выше или ниже этого города!

Имѣлъ ли я право заключить конвенцію эту только потому, что она была полезна моей партіи? Одинъ ли я велъ войну съ Наполеономъ? Я былъ, можно сказать, атомомъ въ общей громадѣ силъ; какъ смѣлъ я обязать всю эту громаду въ соблюденіи договора полезнаго для одного меня и вреднаго, можетъ быть, предначертаніямъ высшаго начальства и общимъ выгодамъ?

Но вотъ въ чемъ состоялъ мой разсчетъ:

Корпуса Блюхера и Винценгероде были ближайшими изъ всей этой громады силъ къ Дрездену; я оффиціально и положительно зналъ, что въ это время первый находился въ Бунцлау, на границѣ Силезіи и Саксоніи, внѣ боевыхъ происшествій, а послѣдній—въ Гёрлицѣ. Будь Винценгероде не такъ удаленъ отъ меня, я не долженъ былъ бы и не осмѣлился бы согласиться на эту статью, или вмѣсто 48-ми часоваго срока, я назначилъ бы срокъ сообразный съ тѣмъ временемъ, которое было ему необходимо для перехода отъ мѣста, имъ занимаемаго, до Дрездена. Но, съ одной стороны, я видѣлъ Винценгероде въ Гёрлицѣ въ девяноста верстахъ, то есть въ трехъ переходахъ, или, что̀ одно и то же, въ 72-хъ часахъ разстоянія отъ Дрездена, съ другой—мнѣ бросалась въ глаза важность означенной статьи предъ всѣми прочими. Я видѣлъ, что несогласіемъ своимъ я лишу себя плодовъ начатаго, и что Дюрютъ не сдастъ мнѣ безъ этого города. Что̀ было дѣлать? Надлежало, принявъ статью, освободить вмѣстѣ съ тѣмъ Винценгероде отъ обязанности, мною принятой. Надо было устроить такъ, чтобы срокъ прибытія его къ Дрездену совпадалъ со срокомъ окончанія перемирія, ибо, при малѣйшемъ его замедленія, я могъ подвергнуться неминуемому пораже-

нію. И такъ, принимая въ соображеніе трехсуточный переходъ Винценгероде изъ Гёрлица до Дрездена, я считалъ, что, при выступленіи его изъ Гёрлица даже 11-го поутру, онъ непремѣнно прибудетъ къ Дрездену 13-го къ вечеру. Въ этомъ предположеніи я, занявъ новый городъ, рапортовалъ генералу Ланскому о прекращеніи перемирія 13-го вечеромъ, прося его вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстить о томъ генерала Винценгероде; 11-го вечеромъ я послалъ письменное объявленіе Дюрюту о начатіи мною военныхъ дѣйствій въ городѣ и окрестностяхъ его чрезъ 48 часовъ, какъ о томъ было условлено въ капитуляціи. Такимъ образомъ, ничѣмъ не стѣснивъ генерала Винценгероде, я оградилъ лишь себя отъ нечаяннаго нападенія Дюрюта до его прибытія.

Къ удивленію моему, одна передовая пѣхота Винценгероде подошла къ Дрездену не прежде 14-го вечеромъ, что̀ подвергало партію мою на цѣлыя сутки большой опасности; хитрость съ моей стороны понятная, и разсчетъ мой, какъ оказалось, былъ вѣренъ! Уже 14-го числа *меня не было* въ новомъ городѣ, и срамъ изгнанія нашего изъ города былъ бы отнесенъ не ко мнѣ.

Гдѣ же съ моей стороны опрометчивость и неосмотрительность при утвержденіи этой статьи? Чѣмъ оковалъ я дѣйствія Винценгероде въ городѣ и окрестностяхъ его, и слѣдовательно на чемъ основывался упрекъ въ принятіи статьи, не касавшейся главныхъ операцій арміи, безвредной для моего начальника, даровавшей мнѣ часть Дрездена и отвратившей отъ меня великую опасность?

По ратификаціи условій, я немедленно послалъ копію съ нихъ при рапортѣ генералу Ланскому:

«Вчерашняго числа я предпринялъ усиленное обозрѣніе Дрездена. Ротмистръ Чеченскій, командующій 1-мъ Бугскимъ казачьимъ полкомъ, отличился; это его обыкновеніе. Убито: оберъ-офицеръ 1, ранено казаковъ 4, убито и ранено лошадей 9. Испуганный непріятель вступилъ въ переговоры, въ

слѣдствіе коихъ я завтрашняго числа занимаю половину города Дрездена, и копію съ условій, мною ратификованныхъ, имѣю честь представить вашему превосходительству.»

«Полковникъ Давыдовъ.»

«1813 года марта 9 дня».

«У палисадъ Дрездена.»

Однако, когда все улеглось и затихло, пришло и раздумье.

Черныя мысли заклубились въ головѣ моей, и самый подвигъ мой представился мнѣ не съ одной, а ужь съ двухъ точекъ зрѣнія. Съ одной стороны, я видѣлъ во вторженіи слабой казачьей партіи въ столицу, защищенную вдесятеро сильнѣйшимъ непріятелемъ, имѣвшимъ пѣхоту и артиллерію—славу русскаго оружія и моего имени; съ другой: Винценгероде, стремящагося занять столицу Саксоніи лично, а не отрядомъ своего корпуса, Винценгероде, заранѣе уже сочиняющаго пышную реляцію о побѣдѣ своей надъ непріятелемъ, о торжественномъ вступленіи въ городъ, и уже упоеннаго надеждами на великія и богатыя монаршія щедроты, но, вдругъ обманувшись въ своихъ лучшихъ мечтахъ, онъ сраженъ этой неожиданной удачей моей! Если, думалъ я, Винценгероде дѣйствительно имѣетъ предметомъ Дрезденъ, то какова должна была быть злоба его на меня и какъ много онъ могъ мнѣ вредить! Впрочемъ, «что будетъ, то̀ будетъ, а то̀ будетъ, что Богъ дастъ», говорилъ гетманъ Хмѣльницкій; сказавъ себѣ это въ полголоса, я уснулъ сномъ невинности предъ пылающимъ костромъ....

До разсвѣта я велѣлъ партіи моей готовиться къ парадному вступленію въ городъ, то есть чиститься и холиться; надо было блеснуть, чѣмъ Богъ послалъ; мы сами нарядились въ самыя новыя одежды. Я тогда носилъ курчавую, черную, какъ крыло во̀рона, окладистую бороду; одежда моя состояла изъ черенаго чекменя, красныхъ шароваръ и красной шапки съ чернымъ

околышемъ; я имѣлъ на бедрѣ черкесскую шашку, и ордена: на шеѣ Владиміра, Анну, алмазами украшенную, и прусскій «за достоинство»,—въ петлицѣ Георгія. Храповицкій и Чеченскій были въ подобной же одеждѣ, но Левенштернъ въ пѣхотномъ мундирѣ, Бекетовъ съ Макаровымъ въ ментикахъ ихъ полка, а Алябьевъ въ мундирѣ казачьяго графа Мамонова полка. Порядокъ вступленія войскъ въ городъ назначенъ былъ слѣдующій:

Я—впереди, окруженный Храповицкимъ, Левенштерномъ, Бекетовымъ, Макаровымъ и Алябьевымъ, Ахтырскіе гусары позади насъ, въ родѣ конвоя.

За ними 1-й Бугскій казачій полкъ, предшествуемый пѣсельниками.

Потомъ Донской Попова 13-го полкъ, а за нимъ Донской Мелентьева полкъ.

Въ десять часовъ утра явились ко мнѣ гражданскіе чиновники и депутаты города.

Они спѣшили къ казачьему начальнику, по ихъ мнѣнію, грубому, необразованному, и не вѣрили своимъ ушамъ и глазамъ, услыхавъ меня, бородоча, отвѣтствовавшаго на привѣтствіе ихъ благодарностію, облеченною въ французскія фразы, впрочемъ довольно пошлыя.

Послѣ этого я долго говорилъ имъ о высокой судьбѣ, ожидающей Германію, если она не измѣнитъ призыву чести и достоинству своего имени, о благодарности, коей она обязана императору Александру, о средствахъ, кои у ней подъ рукою, для изъявленія этой благодарности; я лишь казакъ, наѣздникъ, ничего не понимающій въ политикѣ, но увѣренъ, что если Саксонцы первые возстанутъ за дѣло, столь справедливое и священное,—они тѣмъ много угодятъ великодушному монарху россійскому, вступившему въ Германію для ея освобожденія, а не для себя: ибо его дѣло уже сдѣлано. Словомъ, Богъ знаетъ, что я тутъ нагородилъ безъ малѣйшаго затрудненія. Все, сказанное мною, невольно черпалось изъ

прокламацій, распространяемыхъ тогда въ Германіи. Ежедневное чтеніе ихъ снабжало готовыми фразами безтолковѣйшихъ людей; съ моей стороны я былъ имъ много обязанъ. Цѣлыя груды ихъ лежали въ памяти моей, какъ запасъ сосисекъ для угощенія Нѣмцевъ. Пользуясь ими, я такъ ихъ себѣ усвоилъ, что едва не заговорилъ съ казаками моими и даже съ своимъ деньщикомъ отрывками изъ прокламацій.

Того же числа съ самаго утра Дюрютъ дозволилъ переѣздъ жителямъ изъ стараго въ новый городъ и пребываніе въ немъ до полудни, то-есть до выступленія гарнизона (*), что произвело въ этой половинѣ Дрездена чрезвычайное стеченіе народа. Многіе даже, предвидя скорое освобожденіе стараго города, не возвратились туда, а остались въ новомъ, въ ожиданіи скораго отступленія Дюрюта къ Лейпцигу.

Въ полдень вся моя партія сѣла на коней, и по предписанному мною порядку, вступила въ ворота укрѣпленія. Тутъ стоялъ гарнизонъ, который *отдалъ честь, сдѣлавъ на караулъ при барабанномъ боѣ*. У караула стоялъ тотъ самый капитанъ Франкъ, первый адъютантъ Дюрюта, который былъ имъ уполномоченъ при заключеніи договора. Я, благодаривъ гарнизонъ легкимъ приподнятіемъ шапки, подозвалъ къ себѣ капитана Франка и пригласилъ его на завтракъ. Тогда мы подвинулись впередъ, и пѣсельники, ѣхавшіе впереди Бугскаго полка, залились:

„Растоскуйся, моя сударушка!“

Погода была прелестная. Число любопытныхъ было невѣроятно; на большой улицѣ не оставалось пустаго мѣста. Во всѣхъ окнахъ двухъ и трехъ-этажныхъ домовъ торчали головы; самыя крыши были усѣяны народомъ. Иные махали платками, другіе бросали шляпы на воздухъ, и все кричало, ревѣло и вопило: «Ура! Александръ! ура! Россія!» И въ этомъ

(*) Изъ Оделебена.

многогласномъ хорѣ, прославлявшемъ два столь огромныя имени,—недостойное мое извивалось подобно звуку флейточки среди оглушительнаго гула трубъ и литавръ.

Мнѣ отвели квартиру у банкира Прейлинга, на большой улицѣ, гдѣ ожидали меня всѣ почетные чиновники города; но я проѣхалъ мимо, прямо къ берегу, для размѣщенія пикетовъ, вдоль Эльбы. Партія моя располагалась между тѣмъ бивакaми по большой улицѣ, дабы быть всегда подъ рукою.

Окончивъ обязанности службы, я слѣзъ съ коня и вошелъ на квартиру, гдѣ принялъ городскихъ чиновниковъ. Изъ нихъ я помню директора кадетскаго корпуса, толстоватаго, рыжаго генерала, въ красномъ военномъ мундирѣ съ желтыми отворотами, и начальника Японскаго дворца, кажется, г. Липіуса, старичка въ пудрѣ; я забылъ наружность и имена прочихъ. Я употребилъ въ разговорѣ съ ними тотъ же чужой умъ и заимствованныя фразы, какъ и съ депутатами, съ нѣкоторыми, однако, измѣненіями. Всѣ они остались довольны и я не менѣе ихъ, когда, взаимно раскланявшись, мы разстались.

Немедленно поскакалъ отъ меня курьеръ къ Ланскому, съ рапортомъ моимъ.

«Рапортъ.»

«Въ полдень я вступилъ съ войсками въ новый Дрезденъ. Завтра, 11-го марта, вечеромъ я уничтожаю перемиріе, заключенное мною съ Дюрютомъ; слѣдственно 13-го вечеромъ можно будетъ свободно дѣйствовать, какъ внутри города, такъ и въ окрестностяхъ онаго. Покорнѣйше прошу вашего превосходительства довести до свѣдѣнія господина корпуснаго командира обстоятельство это. Замедленіе въ прибытіи пѣхоты и артиллеріи въ новый городъ легко можетъ лишить насъ пріобрѣтеннаго.»

«Полковникъ Давыдовъ.»

«1813 года 10-го марта.»

«Н. г. Дрезденъ.»

Въ этотъ самый день саксонскій генералъ Лекокъ съ саксонскою пѣхотою и Либенау съ саксонскою кавалеріею выступили изъ стараго Дрездена, первый къ Торгау, а послѣдній къ королю въ Плауенъ, что̀ въ Войтгландѣ; ихъ замѣнили Баварцы Рехберга, пришедшіе изъ Мейссена.

На другой день, осмотрѣвъ пикеты, я съ конвоемъ Ахтырскихъ гусаръ ѣздилъ въ кадетскій корпусъ и японскій дворецъ. Осматривая чертежи кадетъ, я, въ качествѣ казака, не мало удивилъ памятью своею директора корпуса, показавъ ему на планѣ плауенской долины и ея окрестностей всѣ подробности позиціи Дауна, во время семилѣтней войны въ 1758 году; я ему напомнилъ, что австрійская конница была расположена на равнинѣ между Дрезденомъ и Плауеномъ, что самъ Даунъ съ пѣхотою занималъ высоты отъ Плауена до Виндберга, Сенсеръ стоялъ на высотахъ Геншена, для защиты тыла арміи и Посендорфскаго дефиле, а Брентано прежде въ Стреленѣ, а потомъ въ Никернѣ; измѣривъ наконецъ циркулемъ ширину долины между Плауеномъ и Подчапелемъ, я позволилъ себѣ замѣтить, что на планѣ она шире, чѣмъ въ натурѣ, ибо извѣстно, что въ этомъ мѣстѣ ширина ея не простирается болѣе 400 шаговъ. Рыжій генералъ мой выпучилъ глаза подобно депутатамъ, коимъ я наканунѣ говорилъ рѣчь на французскомъ языкѣ, и вмѣсто разсужденія со мною о позиціи Дауна и о семилѣтней войнѣ, поднялъ руки къ верху и съ громогласнымъ восклицаніемъ спросилъ, неужели я принадлежу къ *казацкой націи?* Я весьма серьёзно увѣрилъ его въ этомъ, и мы разстались.

Не то было въ японскомъ дворцѣ. Увы! въ этой сокровищницѣ искусствъ и художествъ, я самъ наскочилъ на плауенскую, неприступную для меня позицію! Тутъ не было воспоминаній ни о семилѣтней войнѣ, ни о сраженіяхъ, ни о наѣздахъ,—тутъ были статуи, треножники и прочія древности, мнѣ невѣжѣ вовсе чуждыя. Я ходилъ по заламъ, всему дивился, не осмѣливаясь судить и рядить какъ въ кадетскомъ корпусѣ; тутъ я былъ истиннымъ башкирцемъ. Въ

этотъ день пріѣзжали ко мнѣ, не болѣе какъ на одинъ часъ времени, кн. Мадатовъ и Орловъ. Оба они, какъ пріятели, поздравляли меня съ удачею, не предвидя бѣдствій, уже готовыхъ разразиться надо мною; послѣ ихъ отъѣзда я получилъ отъ Ланскаго слѣдующее письмо:

«Очень поздравляю васъ, любезный полковникъ, съ занятіемъ новаго города Дрездена. Я отослалъ къ генералу Винценгероде рапортъ вашъ, присланный ко мнѣ вмѣстѣ съ копіею капитуляціи, заключенной вами съ французскимъ генераломъ Дюрютомъ. Вы напрасно, однакожь, заключили перемиріе, безъ позволенія вашихъ начальниковъ, тѣмъ болѣе, что ни я, ни даже генералъ Винценгероде не имѣли на это права. Я вѣрю, что занятіе Дрездена причинитъ большое удовольствіе высшимъ властямъ, и что, въ пылу радости, онѣ забудутъ о статьѣ, касающейся до перемирія; но что вы забыли,—не менѣе важно: это лодки, плоты и паромы, о сборѣ коихъ я просилъ васъ. Они не собраны, и если собраны, то я о томъ не знаю. Не лишнее, однакожь, было бы захватить тѣ суда, на коихъ непріятель переправлялся; ибо безъ того всѣ выгоды перемирія на его сторонѣ, а не на нашей.»

«Ланской».

«Сейчасъ получилъ рапортъ вашъ о вступленіи вашемъ въ городъ, и этотъ рапортъ посылаю также къ корпусному командиру.»

Я отвѣчалъ ему:

«Милостивый государь»

«Сергѣй Николаевичъ!

«Позвольте васъ спросить: гдѣ и кѣмъ было запрещено заключать условія и перемирія съ непріятелемъ, когда они, находясь внѣ сферы общихъ предначертаній, не только не причиняютъ имъ ни малѣйшаго вреда, но даже полезны, необходимы и спасительны для того, кто ихъ заключаетъ? Впрочемъ, если запрещеніе такого рода дѣйствительно существуетъ, то

я о томъ не былъ никогда извѣщенъ; всѣхъ насъ, партизановъ, во все время отечественной войны не увѣдомляли о приказахъ, постановленіяхъ и прочихъ распоряженіяхъ начальства по арміи. Что̀ же касается лично до меня, то я получилъ лишь одну бумагу, заключавшую въ себѣ благоволеніе свѣтлѣйшаго князя Кутузова и извѣщеніе о Высочайшемъ пожалованіи мнѣ ордена св. Владиміра 3-ей степени, за взятіе мною Гродно, *по условію и съ перемиріемъ*.

«Условія, заключенныя мною съ Дюрютомъ, потому мнѣ полезны, что съ помощію ихъ я овладѣлъ Дрезденомъ; перемиріе было и не перестаетъ быть мнѣ спасительнымъ потому, что, благодаря его, я съ одними казаками безопасно стою предъ пѣхотою и артиллеріею Дюрюта, который, безъ этого перемирія, Богъ знаетъ для чего имъ заключеннаго, могъ бы прогнать меня изъ новаго города, когда бы онъ того захотѣлъ. Не возразятъ ли мнѣ, что я этимъ перемиріемъ связалъ руки корпусному командиру? Но гдѣ его превосходительство? Въ трехъ переходахъ отсюда. Слѣдовательно, если допустить выступленіе его изъ Гёрлица въ нынѣшнее утро, онъ сюда можетъ быть не ранѣе 13-го. Къ этому времени и срокъ перемирія кончится, ибо я имѣлъ уже честь донести вамъ, что, въ силу заключеннаго мною условія, я посылаю сего дня вечеромъ письменное объявленіе Дюрюту объ открытіи съ моей стороны военныхъ дѣйствій чрезъ 48 часовъ, то есть ко времени прибытія корпуса нашего. Такимъ образомъ, не стѣсняя дѣйствія генерала Винценгероде, я, до прибытія его, избавляю мою партію отъ неминуемой опасности.

«Что̀жь касается до конницы, то она не принесетъ здѣсь никакой позьзы. Прибытіе сюда всего вашего отряда, всей конницы нашего корпуса было бы безполезно, ибо мы, безъ пѣхоты и артиллеріи, дѣйствуя изъ новаго города на старый, ничего не сдѣлаемъ.

«Теперь скажу вамъ еще о собраніи судовъ для переправы. Непріятель переправился чрезъ Эльбу не на судахъ; онъ перешелъ ее по существовавшимъ тогда мостамъ дрезден-

скому и мейсенскому, изъ коихъ первый имъ взорванъ на воздухѣ, а послѣднiй сожженъ; но, съ переходомъ на лѣвый берегъ рѣки, онъ перевезъ на этотъ берегъ всѣ лодки, плававшiя между богемскою границею и Торгау, и этого должно было ожидать. Какой безумецъ, оградясь рѣкой отъ непрiятельскаго покушенiя, и истребивъ мосты, на ней существовавшiе, не довершитъ принятыхъ имъ оборонительныхъ мѣръ, перевозомъ на свою сторону судовъ, могущихъ служить для переправы противника? Орловъ, не найдя также ихъ на Эльбѣ, воспользовался находившимися на Эльстервердовскомъ каналѣ, который отъ меня Богъ знаетъ гдѣ, и о коемъ мнѣ ничего не было предписано.»

«Вашего превосходительства

покорнѣйшiй слуга

«Денисъ Давыдовъ.»

«1813 года, марта 11 дня.»

«Н. г. Дрезденъ.»

Уже съ утра этого дня я предписалъ городскому правленiю принять мѣры къ заготовленiю въ городѣ и окрестностяхъ его провiанта и фуража на 40-ка тысячную армiю, по крайней мѣрѣ, на мѣсяцъ времени, и вмѣстѣ съ тѣмъ о свозѣ къ берегу Эльбы матерiаловъ для постройки плотовъ и пором овъ; я имѣлъ въ виду болѣе попугать Дюрюта, чѣмъ предпринимать переправу. Я полагалъ эту хитрость не излишнею въ случаѣ перехода Эльбы Орловымъ, который обѣщался мнѣ обратиться въ тылъ старому Дрездену.

12-го большая часть тяжестей и довольно большое число французскихъ войскъ двинулись изъ города къ Лейпцигу, а баварскiя войска Рехберга выступили въ Мейссенъ (*). Въ теченiи этого дня партiя подполковника Пренделя вступила въ новый городъ. Вечеромъ пикетные мои дали мнѣ знать о зву-

(*) Изъ Обелебена.

кѣ пушечныхъ колесъ и о движеніи войскъ за рѣкою; полагая, что это происходитъ отъ рѣшительнаго выступленія непріятеля изъ стараго города, и желая лично въ томъ удостовѣриться, я скрытно пробрался къ обвалу, образовавшемуся послѣ взорванія сводовъ моста насупротивъ непріятельской баттареи, устроенной по другой сторонѣ его. Долго прислушивался я, но кромѣ разговора французскихъ канонировъ, на баттареи находившихся, я ничего не могъ услыхать. Я узналъ послѣ, что шумъ этотъ точно происходилъ отъ начатаго уже отступленія нѣкоторой части войскъ Дюрюта, испугавшагося перехода на лѣвый берегъ передовыхъ войскъ Орлова и начавшаго опасаться нападенія съ моей стороны. Онъ принялъ начатое мною приготовленіе къ постройкѣ паромовъ и плотовъ за истинное намѣреніе переправляться въ старый Дрезденъ; онъ въ то же самое время получилъ извѣстіе о переправѣ Орлова, коего старанія на этотъ счетъ были ему уже извѣстны. Казалось, что судьба, улыбаясь, призывала меня къ овладѣнію послѣднею половиною столицы Саксоніи... какъ вдругъ, 13-го на разсвѣтѣ, нагрянулъ на меня Винценгероде, который, вмѣсто движенія на Гоэрсверда, прискакалъ на почтовыхъ изъ Бауцена въ Дрезденъ.

Я избавляю читателя отъ подробностей свиданія нашего, тѣмъ болѣе, что оно состояло въ одномъ монологѣ, какъ бываетъ и какъ должно быть между начальникомъ и подчиненнымъ (*). Осужденіе мое заключалось въ трехъ пунктахъ:

1-й. Какъ я осмѣлился безъ дозволенія подойти къ Дрездену, не взирая на полученное уже мною другое направленіе и назначеніе?

2-й. Какъ осмѣлился я входить въ переговоры съ непріятелемъ, что̀ было строго запрещено еще въ предѣлахъ Россіи?

(*) Генералъ Винценгероде разругалъ при этомъ случаѣ всѣхъ партизановъ вообще, и своего пріятеля, генерала Чернышева, въ особенности.

3-й. Какъ осмѣлился я заключать перемиріе съ непріятелемъ, на что̀, говорилъ онъ,—ни онъ, ни самъ Блюхеръ не имѣли права? Послѣдній поступокъ называлъ онъ государственнымъ преступленіемъ, достойнымъ примѣрнаго наказанія.

На первый вопросъ я объявилъ ему, что я подошелъ къ Дрездену не своевольно, но въ слѣдствіе повелѣнія генерала Ланскаго; но, опасаясь, чтобы Винценгероде не потребовалъ отъ меня предписанія Ланскаго, я поспѣшилъ прибавить: «генералъ Ланской сейчасъ пріѣхалъ; я его видѣлъ. Ваше превосходительство можете удостовѣриться въ томъ отъ него изустно.»

На счетъ запрещенія вступать въ переговоры съ непріятелемъ, а еще болѣе заключать съ нимъ перемиріе, я представилъ ему возраженіе, находящееся въ письмѣ моемъ къ Ланскому.

Но все это ни къ чему не послужило.

«Какъ бы то ни было»,—сказалъ онъ,—«а ваша вина въ томъ, что вы дѣйствовали на перекоръ запрещенію вступать въ переговоры и заключать перемирія съ непріятелемъ. Нѣтъ отговорокъ въ незнаніи приказовъ, отдаваемыхъ по арміи, и потому я не могу избавить васъ отъ военнаго суда. Сдайте вашу команду подполковнику Пренделю и извольте отправиться въ императорскую и главную квартиры. Можетъ быть, тамъ будутъ съ вами снисходительнѣе; я не люблю, я никогда не употребляю снисходительности въ военномъ дѣлѣ. Прощайте »

Тѣмъ заключился подвигъ, предпринятый не безъ отваги. Я сдалъ партію свою г. Пренделю.

Кто когда нибудь былъ отрываемъ отъ своихъ подчиненныхъ, съ которыми такъ долго раздѣлялъ голодъ, холодъ, радость, горе, труды и опасности, тотъ легко пойметъ, какъ глубоко это огорчило меня. Отъ Бородинскаго сраженія до

вступленія въ Дрезденъ я сочеталъ свою судьбу съ ея судьбою, мое существованіе съ ея существованіемъ. Я разставался уже не съ подчиненными; я оставлялъ въ каждомъ гусарѣ сына, въ каждомъ казакѣ—друга. Въ числѣ особенно близкихъ къ моему сердцу были: Храповицкій и Бекетовъ, съ коими я, можно сказать, заключилъ союзъ кровнаго братства, послѣ долгаго товарищества, взаимныхъ пожертвованій жизни и сочувствія; я не перестаю воспоминать о святыхъ и чудесныхъ событіяхъ, съ коими слилось наше братское чувство. О! какъ черствый сухарь на бивакѣ, запахъ жженаго пороха и кровавая купель сближаютъ людей между собою! При разставаніи со мною, пятьсотъ человѣкъ рыдало.

Алябьевъ поѣхалъ со мною; не имѣя команды, онъ потому былъ свободенъ, но служба при партіи могла доставить ему случаи къ отличію и награжденіямъ, а поѣздка со мною одну душевную благодарность мою; но онъ предпочелъ послѣднее.

Я еще не успѣлъ оставить квартиры своей, какъ явились ко мнѣ депутаты сословія Мейссенскаго округа съ депутатами градской думы. Узнавъ о непріятности, меня постигшей, они поспѣшили изъявить мнѣ изустно свою благодарность за содержаніе въ порядкѣ команды моей, отъ чего, по словамъ ихъ, городъ наслаждался полнымъ спокойствіемъ и безопасностью. При семъ они поднесли мнѣ листъ, который и по нынѣ хранится у меня:

«Когда, 20-го числа сего мѣсяца, Россійско-Императорскія войска приблизились къ городу Дрездену, то нижепоименованные депутаты съ депутатами градской думы отправились въ находящуюся предъ новымъ городомъ Дрезденомъ главную квартиру начальника Россійско-Императорскаго войска, господина полковника Давыдова, дабы поручить его покровительству городъ, жителей, королевскую собственность и, въ особенности, содержимые на счетъ общества магазины, и просить, чтобы, въ силу заключенной конвенціи, все это оставалось бы въ сохранности.

«Послѣ того какъ конвенція была утверждена, королевскія зданія и магазины были заняты охранительными караулами; вступившія въ городъ войска размѣщены надлежащимъ порядкомъ по квартирамъ и обезпечены фуражемъ, потребнымъ для многочисленной кавалеріи; вездѣ была соблюдаема совершенная дисциплина, и повсюду господствовали спокойствіе и безопасность. Нижеименовавшіеся не могли упустить сего случая, чтобы не засвидѣтельствовать подлинности сего дѣла и не присовокупить къ тому увѣренія въ искренней своей благодарности. Новый городъ Дрезденъ, 24 марта, 1813 года.»

«Д. Фонъ Мильтицъ, коммиссаръ.
Д. Христіанъ Фридрихъ Кретцемаръ, градскій судья.
Д. Готлибъ-Гейнрихъ Шульцъ, градскій судья.»

Я уже садился въ почтовую коляску, какъ получилъ извѣстіе о переправѣ Орлова. Еще нѣсколько часовъ, и старый Дрезденъ былъ бы также въ рукахъ моихъ; судьба предоставила эту добычу другому. Я выѣхалъ въ тѣ самыя ворота новаго города, въ которыя, за два дня предъ тѣмъ, я, радостный и съ торжествомъ, входилъ въ главѣ моей партіи.

Въ Калишѣ я явился прямо къ начальнику главнаго штаба обѣихъ союзныхъ армій, князю Петру Михайловичу Волконскому. Князь съ бумагами, мною привезенными отъ Винценгероде, пошелъ къ свѣтлѣйшему князю Кутузову, который неотлагательно представилъ ихъ покойному императору, напомнивъ ему мою службу во времена бѣдственныя и о занятіи мною Гродно.... Государь сказалъ: «Какъ бы то ни было,— побѣдителей не судятъ.» Вотъ слова его.

Винценгероде справедливо предрекъ мнѣ снисходительность высшихъ властей; — сердца, въ коихъ звенитъ струна Русская, струна отечественная, мнѣ не опасны.

Чрезъ нѣсколько дней служили благодарное молебствіе, сопровождаемое пушечными выстрѣлами, за взятіе Дрездена. Я

слушалъ ихъ, скитаясь по улицамъ Калиша; однако на другой день свѣтлѣйшій, приславъ за мною, осыпалъ меня извиненіями и ласками. Онъ отправилъ меня обратно къ Винценгероде, съ предписаніемъ возвратить мнѣ *ту самую* партію, которая находилась у меня въ командѣ, за что я ему душевно и глубоко благодаренъ. Онъ не могъ сдѣлать болѣе, ибо его власть была уже весьма ограничена.

Я нашелъ корпусъ нашъ въ Лейпцигѣ, партія не была однако мнѣ возвращена генераломъ Винценгероде, подъ предлогомъ разсѣянія ея по обширному пространству; но обѣщанія его на составленіе мнѣ другой команды не прекращались до того времени, когда я самъ сталъ просить позволенія возвратиться въ Ахтырскій гусарскій полкъ, къ коему я принадлежалъ. Наполеонъ между тѣмъ подвигался; союзныя арміи шли къ нему на встрѣчу: надлежало ожидать сильной сшибки. Я хотѣлъ участвовать съ саблею въ рукѣ, а не въ свитѣ кого бы то ни было.

О взятіи мною Дрездена обнародовано было такъ:

«Генералъ Винценгероде доноситъ изъ Бауцена, что Нейштадтъ или часть Дрездена, по правую сторону Эльбы, занятъ его войсками.»

Ничего болѣе.

Въ послѣдствіи я служилъ то въ линейныхъ войскахъ, то командовалъ отрядами, но временно, и былъ лишь подчиненъ другимъ. Самая огромная команда (два полка Донскихъ казаковъ) была поручена мнѣ осенью, послѣ перемирія; но и тутъ не отдѣльно, а подъ начальствомъ австрійской службы полковника графа Менсдорфа, подъ начальствомъ котораго я пріобрѣлъ много: уваженіе его ко мнѣ и неограниченную преданность къ нему благодарнаго моего сердца за его благородное обхожденіе, образованіе, геройскій духъ, дарованія и высокую нравственность.

Онъ теперь, какъ я слышу, фельдмаршаломъ-лейтенантомъ и военнымъ генералъ-губернаторомъ Богеміи.

ВОСПОМИНАНІЯ

о

1826-мъ годѣ.

ВОСПОМИНАНІЯ

о

1826-мъ годѣ.

—

(Статья неоконченная.)

—

Съ 19-го ноября 1823 года и по 23-е марта 1826 года я былъ въ отставкѣ.

При восшествіи на престолъ Государя Императора Николая Павловича, я снова вступилъ въ службу и назначенъ состоять по кавалеріи.

Живя съ семействомъ моимъ, то въ Москвѣ, то въ подмосковной, я ожидалъ коронаціи, ни мало не думая о дѣйствительной службѣ, то есть о службѣ во фронтѣ или на войнѣ; къ первой я совершенно неспособенъ и признанъ таковымъ высшимъ начальствомъ, а о войнѣ и слуху не было.

Въ первыхъ числахъ августа я поѣхалъ во дворецъ для представленія Государю Императору, прибывшему въ Москву.

Насъ было до шестидесяти человѣкъ разныхъ чиновъ. Начальникъ главнаго штаба Его Величества генералъ Дибичъ полагалъ, что представленіе будетъ въ проходной залѣ грановитой палаты, почему всѣхъ насъ въ ней поставили въ рядъ; я стоялъ между генералъ-маіорами Болховскимъ и Петромъ Ермоловымъ. Пока мы ожидали Государя, Дибичъ, ходя по заламъ, подходилъ ко многимъ и разговаривалъ; я слыщалъ, что онъ сказалъ генералъ-маіору Василью Иловай-

скому: «Государь желаетъ, чтобы вы скорѣе возвратились къ вашему мѣсту и до коронаціи Его Величества.» Онъ принадлежалъ къ отдѣльному кавказскому корпусу. То же сказано было и генералъ-маіору Королькову, недавно въ тотъ же корпусъ переведенному. Наконецъ Дибичъ подошелъ ко мнѣ и, поговоря со мной, спросилъ Ермолова: «Давно ли вы получали письма отъ Алексѣя Петровича?» Ермоловъ отвѣчалъ ему: «Давно уже;»—и Дибичъ отошелъ прочь. Услыхавъ это, я сказалъ Ермолову: «Видно, братъ, въ кавказскомъ корпусѣ что-то нездорово!» Я полагалъ, что черкесы, сдѣлавъ какой нибудь набѣгъ, разграбили какое нибудь селеніе и увели въ плѣнъ жителей, какъ иногда случалось. Многочисленные и сильные недоброжелатели Ермолова, извѣстные своими посредственными способностями и весьма сомнительнымъ безкорыстіемъ, силились, вѣроятно, придать этому обстоятельству наибольшее значеніе.

Ничего не зная о вторженіи Персіянъ въ Грузію, я спокойно ожидалъ прибытія Государя, какъ вдругъ генералъ Дибичъ объявилъ, что Государь желаетъ принять насъ въ своемъ дворцѣ, куда мы и отправились. Всѣхъ насъ поставили по тому же порядку, какъ и въ грановитой палатѣ, и вскорѣ Государь вошелъ въ залу. Онъ говорилъ почти со всѣми весьма ласково и милостиво; наконецъ, подошедъ ко мнѣ, онъ изволилъ сказать мнѣ, что радъ меня видѣть, благодарилъ за то, что я снова надѣлъ эполеты въ его царствованіе, замѣтилъ, что я ни мало не постарѣлъ, и спросилъ меня, здоровъ ли я? На отвѣтъ мой, что здоровъ, онъ спросилъ еще: «Можешь ли служить въ дѣйствительной службѣ?» Я отвѣчалъ ему: «Могу, Государь,» и онъ, улыбаясь весьма милостиво, отошелъ далѣе.

На другой день я, находясь все еще въ невѣдѣніи о военныхъ происшествіяхъ въ Грузіи, пріѣхалъ въ Кремль къ разводу. Ходя по площади, встрѣтился я съ Бутурлинымъ, генералъ-квартирмейстеромъ 1-й арміи. Взявъ меня въ сторону, онъ сказалъ: «Знаете ли, что я сей часъ говорилъ объ васъ съ генераломъ Дибичемъ?»—«Помилуй,» отвѣчалъ я, «что до

меня Дибичу?»—«Онъ спрашивалъ,» продолжалъ Бутурлинъ, «согласитесь ли вы ѣхать въ Грузію, гдѣ теперь война и куда Государь хочетъ послать васъ?» — «Что̀ же ты сказалъ?»— «Я не зналъ вашего намѣренія и, желая дать вамъ средства отказаться, буде вамъ не захочется принять это предложеніе, сказалъ ему, что врядъ ли вы согласитесь на сіе, имѣя такое огромное семейство и сверхъ того имѣніе въ разстроенномъ положеніи. Теперь ваше дѣло рѣшиться ѣхать въ Грузію или нѣтъ; по крайней мѣрѣ, я приготовилъ вамъ отверстіе, чрезъ которое вы можете избавиться отъ этой поѣздки, если ее предпринять вамъ не можно.»

Пока Бутурлинъ говорилъ, я уже рѣшился,—и рѣшился ѣхать. Нельзя было поступить иначе; я самъ просился вступить обратно въ службу, былъ неспособенъ къ фронтовому служенію и ни зачто не согласился бы принять въ командованіе дивизію въ мирное время; мнѣ предлагали военныя дѣйствія, какъ же мнѣ было отъ того отказаться? Неужели я надѣлъ эполеты для того только, чтобы таскаться съ ними по гуляньямъ и баламъ подобно тунеядцу или важничать ими въ деревнѣ передъ старостою и исправникомъ? Къ тому же слово *война* по сію пору (къ несчастію моему!) имѣетъ для души моей звукъ магической, да и выборъ меня *перваго* на путь опасностей и чести могъ ли не льстить моему самолюбію, столь мало избалованному въ теченіи всей моей 27-ми лѣтней службы? Вотъ причины, которыя понудили меня снова явиться на боевое поприще. Но я однако солгалъ бы, еслибъ сталъ увѣрять, что я это сдѣлалъ безъ борьбы съ моимъ сердцемъ. Нѣжнѣйшая привязанность моя къ женѣ, тогда беременной, съ которою я въ теченіи осьми лѣтъ ни разу не разставался, увѣренность какъ много огорчитъ ее поѣздка моя на неопредѣленное время въ столь отдаленный край, сдѣлавшійся театромъ военныхъ дѣйствій и гдѣ сверхъ того свирѣпствовали жестокія болѣзни, разлука съ дѣтьми, кои хотя еще были малы, но уже меня утѣшали, словомъ, разлука со всѣмъ милымъ для моего сердца,—все терзало душу мою, и нужна

была вся сила разума и всегда увлекавшее меня славолюбіе, чтобы преодолѣть желаніе мое остаться въ кругу семейства.

Такъ какъ по причинѣ сильнаго вѣтра и пыли парадъ былъ отказанъ на площади и войска переведены въ экзерциргаузъ, то и мы всѣ послѣдовали за ними. Во время развода генералъ Дибичъ, подойдя къ генералу Королькову, спросилъ его, когда онъ ѣдетъ? а отъ него подошелъ ко мнѣ и, поздоровавшись, сказалъ, что имѣетъ нужду говорить со мною; онъ назначилъ для свиданія слѣдующій день въ 12 часовъ.

Я, возвратясь съ развода, послалъ нарочнаго къ женѣ въ подмосковную, гдѣ она оставалась съ дѣтьми, и звалъ ее немедленно въ Москву, но она пріѣхала уже на другой день, т. е. тогда какъ я уже возвратился отъ Дибича. Я не успѣлъ прибыть къ нему, какъ дверь кабинета отворилась, и генералъ Дибичъ позвалъ меня къ себѣ.

Эта маленькая, толстенькая, рыжая, криволицая, умная, пылкая и храбрая фигурка была въ сюртукѣ на распашку; взявъ меня по пріятельски за руку и, по обыкновенію своему, не глядя влицо, а потупивъ глаза внизъ или обращая ихъ потупленными въ сторону, онъ сказалъ мнѣ:

«Мнѣ весьма прискорбно, что имѣю препорученіе отъ Государя Императора предложить вамъ тò, что можетъ быть вамъ непріятно будетъ принять.»

Я будто ничего не зная, спросилъ, что такое?

«Государю угодно, чтобы вы ѣхали въ Грузію; тамъ война; ему нужны отличные офицеры, онъ избираетъ васъ, но желаетъ сперва знать, согласитесь ли вы на это назначеніе?»

Я, рѣшась уже на отъѣздъ въ Грузію, не находилъ нужнымъ жеманиться; принявъ это прелложеніе и прямо приступивъ къ дѣлу, я отвѣчалъ ему: «Мнѣ весьма прискорбно ви-
«дѣть сомнѣніе Государя въ томъ, что я могу отказаться
«отъ столь лестнаго для меня предложенія. Прошу ваше
«высокопревосходительство доложить Его Величеству, что я
«не колеблюсь ни минуты, и что благодарное сердце мое ни-
«когда не забудетъ этого знака его ко мнѣ вниманія; я съ

«радостью готовъ всегда вступить на всякой прямой и опас-«ный путь.» Дибичъ обнялъ меня и расцѣловалъ съ восторгомъ. Тогда я спросилъ его: «Когда прикажете ѣхать?» Онъ отвѣчалъ мнѣ: «Подождите перваго курьера изъ Грузіи.» И мы разстались.

Въ продолженіи шести дней не было извѣстія изъ Грузіи; въ шестой день вечеромъ пріѣхалъ ко мнѣ Сергѣй Бутурлинъ, братъ генералъ-квартирмейстера 1-й арміи, и объявилъ мнѣ, что знаетъ положительно о пріѣздѣ фельдъегеря изъ Грузіи.

На другой день, 11-го августа, я поѣхалъ къ разводу на Кремлевскую площадь, дабы узнать о своей участи; глаза мои не сходили съ Дибича, который бродилъ отъ генерала къ генералу и вдругъ, увидя меня, взялъ самое прямое ко мнѣ направленіе. Онъ отвелъ меня въ сторону и сказалъ: «Госуда-«рю угодно, чтобы вы какъ можно скорѣе ѣхали.»—«Слушаю,» былъ отвѣтъ мой,—а постскриптумъ: «Неужели я поѣду, не видавъ лично Государя?»—«Непремѣнно: я вамъ дамъ знать о часѣ, когда Его Величеству можно будетъ васъ принять;» сказавъ это, онъ отошелъ въ сторону.

Я забылъ сказать, что, въ теченіи шестидневнаго ожиданія курьера изъ Грузіи, я посѣщалъ общество и балы, даваемые посланниками, гдѣ множество знакомыхъ моихъ интересовались знать о моемъ отъѣздѣ,—но я ничего опредѣлительно не говорилъ на этотъ счетъ, ибо и самъ не зналъ не только о времени отъѣзда, но и о возможности его. Между тѣмъ всѣ вообще говорили, что все это уладится безъ войны, а другіе, что если и откроется война, то она не можетъ быть продолжительна, по той причинѣ, что Персіянамъ нельзя выдержать натиска Русскихъ, и что кампанія не можетъ продолжаться болѣе 3-хъ мѣсяцевъ; я былъ того же мнѣнія не по разсудку, но невольно вѣрилъ тому, чего желало мое сердце. Прослужа двѣ кампаніи противъ Турокъ, мнѣ надобно было знать, что въ войнѣ съ азіятцами главное дѣло состоитъ не въ дракѣ, ибо ихъ бить всегда легко, а въ умѣньи *вести войну*, то есть въ умѣньи распоряжаться

такимъ образомъ, чтобы войска наши всегда имѣли сытый желудокъ, суму съ патронами, а артиллерія—полные парки, что̀ весьма затруднительно какъ въ Турціи, такъ и въ Персіи. Я прощаю Г. Н., который на балѣ герцога Девонширскаго сказалъ мнѣ, что я ѣду не надолго, по той причинѣ, что война немедленно послѣ перваго удара окончится,—но непростительно было генералу П*, прослужившему пять кампаній противъ Турокъ, говорить мнѣ то же самое. Я долженъ замѣтить, что онъ былъ назначенъ туда же послѣ меня, ибо, когда онъ говорилъ со мною у Девоншира о моемъ отъѣздѣ, онъ еще и не помышлялъ о своемъ собственномъ.

Къ вечеру я получилъ отъ Дибича бумагу, въ которой мнѣ велѣно было явиться къ Государю Императору на другой день въ 12 часовъ.

12-го августа, поутру, Государь былъ на маневрахъ, и я дожидался Его Величества цѣлый часъ во дворцѣ, гдѣ никого не было; около 12-го часа я увидѣлъ его, приближающагося въ коляскѣ, а за нимъ въ другой коляскѣ генерала Дибича. Но вскорѣ начали наѣзжать генералъ-адъютанты, потомъ пріѣхали графъ Петръ Александровичъ Толстой, князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ, и прочіе придворные генералы.

Вскорѣ князь Д. В. Голицынъ былъ позванъ къ Государю; когда онъ вышелъ изъ кабинета, позвали графа П. А. Толстаго, а потомъ генералъ-адъютанта Бенкендорфа—шефа жандармовъ; я, боясь быть забытымъ, сказалъ послѣднему: «Не забыли ли меня? Пожалуйста, напомни!» просилъ я его. Немедленно послѣ Бенкендорфа я былъ позванъ; проходя чрезъ залу, а потомъ поперегъ узенькаго корридора, я нашелъ его въ предкабинетной, еще не вошедшимъ въ кабинетъ Государя и ожидающимъ, какъ кажется, зова Его Величества. Я, отворивъ дверь кабитета, вошелъ въ него. Я увидѣлъ Государя, ходившаго по комнатѣ; я поклонился; Государь подошелъ ко мнѣ и изволилъ сказать: «Прости меня, Давыдовъ, что я по-«сылаю тебя туда, гдѣ, можетъ статься, тебѣ быть не хочет-«ся.» — «Не только прощать, Государь, но я пришелъ благо-

«дарить Ваше Величество за выборъ столь лестный для моего «самолюбія; я такъ мало избалованъ, Государь, судьбою въ те-«ченіи моей службы, что отъ милостиваго Вашего воззрѣнія «я внѣ себя отъ восторга и счастія; сдѣлайте милость, Госу-«дарь, коль скоро предстанетъ прямая, честная и опасная «дорога, не спрашивайте Вы меня, хочу ли я или нѣтъ из-«бирать ее, бросайте меня прямо на нее. Вѣрьте, что я это «почту за особое благодѣяніе!»—«Я тебя бросать не буду, а «употреблять буду,»—отвѣчалъ милостиво Государь.—«Теперь, «Ваше Величество, позвольте мнѣ изложить Вамъ просьбу «мою?»—«Что такое?»—«Когда война кончится, позвольте, не «просясь ни у кого, возвратиться въ Москву;—я здѣсь остав-«ляю хвостъ, жену и дѣтей.» — «Какъ! я не зналъ что ты «женатъ, много ли у тебя дѣтей?»—«Три сына.»—«Славно! «Какъ была фамилія твоей жены?»—«Чиркова.»—«Кажется, «есть родня ей въ гвардіи?»—«Есть, Государь, двоюродный «братъ.» — «Послушай, я тебя не опредѣляю въ кавказскій «корпусъ, а посылаю туда для войны съ оставленіемъ все *по «кавалеріи*, слѣдственно, ты къ этому корпусу не принадле-«жишь; когда война кончится, то ты скажи Алексѣю Петро-«вичу, что я желаю твоего возвращенія, онъ тебя отпуститъ «и дѣло кончено.» Потомъ Государь подошелъ къ бюро, сто-явшему на лѣвой сторонѣ при входѣ въ кабинетъ Его и, продолжая говорить, изволилъ разсказать мнѣ съ очевиднымъ неудовольствіемъ о вторженіи Персіянъ, о взятіи у насъ двухъ орудій (*) и разбитіи нѣсколькихъ ротъ; Его Вели-чество, передавъ мнѣ нѣкоторыя приказанія Алексѣю Петро-

(*) Ермоловъ, доносившій покойному Государю тотчасъ по возвращеніи своемъ изъ Тегерана о враждебныхъ противу насъ намѣреніяхъ Персіянъ, извѣщалъ ежегодно по нѣскольку разъ Его Величество о приготовленіяхъ къ войнѣ Аббаса-Мирзы, находившагося подъ вліяніемъ окружавшихъ его Англичанъ. Присылка новыхъ войскъ и заготовленіе провіанта въ Астрахани и Баку, о чемъ Ермоловъ не разъ тщетно ходатайствовалъ, становились вполнѣ необходимыми. Выѣхавшій изъ С.-Петербурга въ срединѣ декабря 1825 года Англійскій полковникъ Шиль, встрѣтившій въ проѣздъ свой чрезъ Грузію лишь слабые отряды наши, убѣдилъ Принца, полнымъ довѣріемъ котораго

вичу, милостиво обнялъ меня и заключилъ слѣдующимъ: «Ну «прощай, любезный Давыдовъ, желаю тебя счатья, и первое «о тебѣ извѣстіе имѣть вмѣстѣ съ твоими успѣхами.» Я обѣщалъ служить, сколько умственныя, душевныя и тѣлесныя силы позволятъ, поклонился, вышелъ изъ кабинета и *возвратился въ домъ свой*.

По мѣрѣ того, какъ время отъѣзда приближалось, я все болѣе и болѣе огорчался при мысли о разлукѣ съ семействомъ. Домъ былъ, къ несчастью, полонъ знакомыми и пріятелями, что̀ не дозволяло мнѣ посвятить моему семейству послѣднія минуты до отъѣзда; я долженъ былъ казаться веселымъ, когда на душѣ было тяжело. Между-тѣмъ, желая знать истинное положеніе дѣлъ въ Грузіи, я наканунѣ моего отъѣзда пригласилъ къ себѣ прибывшаго изъ Грузіи съ депутатами адъютанта А. П. Ермолова Талызина и маіора Мирза-Джана Мадатова. Такъ какъ путешествіе ихъ продолжалось долго, то, во время ихъ пребыванія въ Тифлисѣ, еще ничего не было извѣстно о намѣреніи Персіянъ; они узнали уже о вторженіи ихъ въ Москвѣ вмѣстѣ со всѣми нами. Однако Талызину удалось узнать, что Аббасъ-Мирза, наслѣдникъ персидскаго престола, вступилъ со сто тысячами войска въ Карабахъ, обложилъ крѣпость *Шушу*, въ коей заперся полковникъ Реутъ съ частью своего полка, ибо нѣсколько ротъ, стоявшія на границѣ, погибли уже при ихъ вторженіи; Персіяне идутъ усиленными маршами къ Тифлису, отъ котораго, по послѣднему извѣстію, они лишь въ 150 верстахъ. Со стороны Эриванской крѣпости сардарь Эриванскій съ братомъ своимъ Гассанъ-

онъ пользовался, не откладывать болѣе своего наступленія; по мнѣнію Шиля, невозможно было открыть непріязненныя дѣйствія при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ. Князь Меншиковъ, отправленный посломъ въ Тегеранъ, встрѣтилъ уже близь самой границы наступавшія полчища Аббаса-Мирзы, вѣроломно нарушившаго миръ. Полковникъ Назимокъ, находившійся на границѣ и коему надлежало поспѣшно отступать для присоединенія къ главнымъ силамъ, не оправдалъ полученнаго имъ въ прежней войнѣ съ Персіянами Георгіевскаго креста; непріятель, воспользовавшись огромнымъ превосходствомъ своимъ вь силахъ, истребилъ двѣ роты и овладѣлъ двумя пушками.

Ханомъ, овладѣвъ Бамбакской и Шурагельской провинціями, простерли наѣзды свои до Квеша за 50 верстъ отъ Тифлиса, гдѣ, разграбивъ нѣмецкую колонію, увели жителей въ Персію. Съ нашей стороны Алексѣй Петровичъ, располагающій самыми ничтожными средствами, собираетъ войска и даже послалъ повелѣнія нѣкоторымъ баталіонамъ, находящимся на линіи, спѣшить къ Тифлису, гдѣ, при всемъ томъ, ему нельзя собрать болѣе 8000 человѣкъ, не обнаживъ другихъ пунктовъ, занятіемъ которыхъ обезпечивается спокойствіе въ горахъ и повиновеніе дикихъ и воинственныхъ народовъ, обитающихъ на единственномъ сообщеніи его съ Россіею.

Дѣла представлялись не въ розовомъ цвѣтѣ; я, могу сказать, погружался въ самый пылъ, но жребій былъ брошенъ.

15-го августа, въ два часа по полудни, я съ стѣсненнымъ сердцемъ, выѣхавъ изъ столицы, отправился въ путь; жена моя провожала меня до заставы, гдѣ, простившись съ ней, я сѣлъ въ коляску и поѣхалъ далѣе. Находясь въ уединеніи, я далъ горю излиться горячими слезами. Какъ тяжело было исполнить волю Государя, какъ проклиналъ я то непреоборимое честолюбіе и страсть къ приключеніямъ, увлекавшія меня отъ истиннаго благополучія къ непостоянному, безразсудному одобренію людскому; но между тѣмъ я торопилъ своего ямщика.

18-го августа, поутру, я пріѣхалъ въ Елецъ прямо на квартиру къ старинному и много уважаемому генералу Осипу Даниловичу Ольшевскому. 19-го числа, въ 5 часовъ утра, я пріѣхалъ въ Воронежъ и остановился въ трактирѣ.

24-го августа, въ 3 часа по полудни, я пріѣхалъ въ Ставрополь и остановился у генералъ-маіора князя Петра Горчакова. Онъ былъ областнымъ начальникомъ всей линіи, и назначенъ въ то время генералъ-квартирмейстеромъ 2-ой арміи. На мѣсто его опредѣленъ генералъ-лейтенантъ Эммануель, который еще въ то время не прибылъ. Горчаковъ ожидалъ его, чтобъ сдать команду линіи и отправиться къ своему мѣсту.

Я не зналъ ничего о томъ, что̀ происходитъ въ Грузіи,

кромѣ того, что мнѣ говорили въ Москвѣ и что было весьма неутѣшительно. Одно извѣстіе сообщилъ мнѣ Горчаковъ, которое состояло въ томъ, что гвардейскій сводный полкъ, подъ командою полковника Шипова, и баталіонъ Ширванскаго полка находились на походѣ къ Тифлису, куда имъ велѣно было идти усиленными переходами. День былъ прекрасный, я потому ходилъ вечеромъ по городу, дабы увидѣть Эльбрусъ, но не видалъ его. Я на Ставрополь смотрѣлъ любопытными глазами, ибо прежде думалъ жить въ немъ со всѣмъ моимъ семействомъ: два раза А. П. Ермоловъ представлялъ покойному Императору о назначеніи меня областнымъ начальникомъ линіи и два раза получилъ отказъ; мнѣ предпочли Лисаневича и князя Горчакова.

Хотя генералъ Ермоловъ, во время командованія своего въ семъ краѣ, перенесеніемъ съ лѣваго крыла линіи на рѣку Сунжу и построеніемъ крѣпости *Грозной* на ея берегу, обуздалъ Чеченцевъ, но, не взирая на то, одинокіе наѣздники изрѣдка пробираются сквозь войска наши, и являются небольшими толпами на дорогу между Екатеринградомъ и Владикавказомъ.

Служба Кавказцевъ—этихъ, такъ сказать, *мучениковъ долга*,—ради пользы общественной, а можетъ быть и необходимости, весьма тягостна.

28-го рано по утру, я, оставивъ пѣхоту съ 30-ю казаками, поѣхалъ рысью впередъ. Хотя я много рисковалъ, но мнѣ хотѣлось нагнать почту и большой караванъ, впереди меня шедшій и ночевавшій верстахъ въ 9 отъ меня на Урухскомъ редутѣ. Пріѣхавъ сюда, я, къ сожалѣнію моему, не засталъ уже каравана и былъ принужденъ продолжать путь до привольнаго редута, называемаго *Мечетьской*. Тамъ настигъ я почту, караванъ и Грибоѣдова, выѣхавшаго гораздо позже меня изъ Москвы.

Въ Владикавказѣ отвели мнѣ квартиру въ крѣпости, гдѣ отданы были мнѣ всѣ почести, но я тотчасъ отпустилъ по-

четный караулъ; я спрашивалъ у коменданта и плацъ-маіора о дѣлахъ Грузіи, но они обѣщали мнѣ прислать недавно пріѣхавшаго изъ Тифлиса полковника Путей Сообщенія Гозіуса, прибывшаго оттуда для исправленія дороги и мостовъ, испорченныхъ въ Дарьяльскомъ ущельѣ въ слѣдствіе заваловъ Казбека ночью съ 15-го на 16-е число августа, т. е. въ тотъ самый день, какъ я выѣхалъ изъ Москвы. Какое предсказаніе для меня! Паскевичъ, ѣхавшій нѣсколькими сутками впереди меня, былъ принужденъ жить около недѣли въ Владикавказѣ. Гозіусъ меня первый извѣстилъ о томъ, что̀ происходитъ въ Грузіи. Онъ мнѣ сказалъ, что Ермоловъ собираетъ войска въ Тифлисѣ и еще лично тамъ; что Аббасъ-Мирза съ 100,000-ою его арміею въ Елисаветполѣ, авангардъ его въ Шамхорѣ; что Шуша блокирована и въ ней полковникъ Реутъ съ полкомъ своимъ; сардарь Эриванскій занялъ Бамбакскую и Шурагельскую провинціи и простираетъ набѣги свои до Квеша, въ 50 верстахъ отъ Тифлиса, гдѣ разграбилъ нѣмецкую колонію, что противъ Аббасъ-Мирзы князь Мадатовъ съ 3-мя тысячами, а противъ сардаря полковникъ князь Севардземидзевъ съ Тифлисскимъ пѣхотнымъ полкомъ на Каменной рѣчкѣ въ урочищѣ Джелалъ-Оглу близь Лори. Въ Тифлисѣ все покойно и нимало не опасаются непріятеля, полагаясь во всемъ на Ермолова, обнаруживающаго невозмутимое хладнокровіе.

Я изъ окна видѣлъ Казбекъ, величественно возвышающійся двуглавою вершиной своею надъ всѣмъ снѣговымъ хребтомъ по темноголубому безоблачному небу. Въ ночное время онъ былъ еще поразительнѣе по своей красотѣ: полная луна осыпала блѣдными своими лучами снѣговое темя его.

Въ Владикавказѣ я оставилъ свою коляску и 30-го числа выѣхалъ съ Грибоѣдовымъ въ двумѣстныхъ дрожкахъ, коими одолжилъ насъ до первой станціи маіоръ Николай Ѳедоровичъ Огаревъ.

По мѣрѣ того, какъ мы подвигались впередъ, ущелье становилось тѣснѣе и тѣснѣе. Уже въ Ларсѣ, въ 25-ти верстахъ

отъ Владикавказа, вершины горъ по обѣимъ сторонамъ дороги, казалось, готовы были упасть намъ на голову.

Въ Коби къ намъ вошелъ добрый и благородный Ш*, служившій въ то время при Ермоловѣ; онъ наканунѣ выѣхалъ изъ Тифлиса и отправлялся въ отпускъ на четыре мѣсяца въ Москву, а потомъ во Владимірскую губернію. Счастливый человѣкъ! врядъ ли кто былъ другой въ мірѣ, коему въ душѣ моей я болѣе завидовалъ!

Мы распрашивали его о пріѣздѣ въ Тифлисъ П*(*), котораго Ермоловъ принялъ ласково. Грибоѣдовъ сказалъ намъ при этомъ случаѣ: «Каковъ мой-то..., какъ вы хотите, чтобы этотъ «человѣкъ, котораго я коротко знаю, торжествовалъ бы надъ «однимъ изъ самыхъ умнѣйшихъ и благонамѣреннѣйшихъ лю«дей въ Россіи; вѣрьте, что *нашъ* его проведетъ, и этотъ, «пріѣхавъ въ попыхахъ, уѣдетъ отсюда со срамомъ.» Грибоѣдовъ столько же обманулся въ своемъ пророчествѣ, сколько

(*) Не принадлежа никогда къ числу почитателей этого хитраго баловня судьбы, оказавшаго однако своему отечеству немаловажныя заслуги, я всегда отдавалъ полную справедливость его примѣрному безстрашію, высокому хладнокровію въ минуты опасности, рѣшительности, выказанной во многихъ случаяхъ, и вполнѣ замѣчательной заботливости его о нижнихъ чинахъ; къ сожалѣнію, отсутствіе обширнаго и просвѣщеннаго ума, недостатокъ возвышеннаго и твердаго характера, стараніе окружать себя ничтожными льстецами и лицами, хотя и одаренными нѣкоторыми способностями и со свѣдѣніями, но лишенными всякой самостоятельности, коихъ онъ преимущественно выдвигалъ и выдвигаетъ впередъ,—все это содѣлываетъ его, по моему мнѣнію, совершенно неспособнымъ стоять въ главѣ школы, въ которой могли бы образоваться полезные военные люди. Ко всему этому надо присовокупить самонадѣянность и заносчивость, достигшія невѣроятныхъ размѣровъ, примѣрное попеченіе приписывать себѣ все, совершенное подчиненными, умалчивая, либо искажая заслуги ихъ и удаляя вскорѣ по одержаніи успѣха тѣхъ изъ нихъ, коимъ онъ, по общему мнѣнію, былъ тѣмъ обязанъ, страсть, столь сильно нынѣ распространенная, прибѣгать въ донесеніяхъ къ вымысламъ тысячи одной ночи, и нѣкоторые другіе большіе пороки,—все это вынудило не одного благомыслящаго, болѣе или менѣе образованнаго и самостоятельнаго человѣка, уважающаго свое собственное достоинство, удалиться съ поприща, на коемъ возможны служебныя съ нимъ столкновенія.

мы обманулись въ немъ самомъ. Этотъ даровитый писатель долженъ былъ бы довольствоваться славой, столь справедливо заслуженной имъ въ литературномъ мірѣ. Онъ довольно долго служилъ при А. П. Ермоловѣ и числился одно время совѣтникомъ при нашемъ посланникѣ въ Тегеранѣ Мазаровичѣ, человѣкѣ весьма полезномъ и способномъ. По представленію Ермолова, оцѣнившаго рѣдкія способности Мазаровича, который былъ медикомъ, онъ былъ назначенъ первымъ постояннымъ посланникомъ при персидскомъ дворѣ. Грибоѣдову, незнакомому ни съ какими формами, приходилось иногда, за отсутствіемъ Мазаровича, писать бумаги въ Тифлисъ, гдѣ онѣ возбуждали въ канцеляріи Ермолова лишь смѣхъ. Ермоловъ, разумѣвшій Грибоѣдова человѣкомъ, одареннымъ блестящими способностями, вполнѣ пріятнымъ и любезнымъ собесѣдникомъ, почиталъ его однако совершенно безполезнымъ для службы. Алексѣй Петровичъ, неохотно увольнявшій въ отпускъ людей полезныхъ и усердныхъ, дозволялъ Грибоѣдову отлучаться часто и на продолжительное время. Онъ однако очень любилъ Грибоѣдова и былъ въ полномъ смыслѣ слова его благодѣтелемъ; не говоря уже о всевозможномъ его вниманіи къ знаменитому автору: «Горе отъ ума», онъ оказалъ ему такую услугу, какую Грибоѣдовъ былъ въ правѣ ожидать лишь отъ роднаго отца. Онъ спасъ его отъ послѣдствій одного весьма важнаго дѣла, которыя могли бы быть для Грибоѣдова крайне непріятны(*). Память обо всемъ этомъ должна была бы оставаться неизгладимою въ сердцѣ Грибоѣдова, но, къ сожалѣнію, онъ, какъ казалось, принадлежалъ къ числу людей, для коихъ было незнакомо чувство признательности. Увлекшись честолюбивыми побужденіями, Грибоѣдовъ, подобно многимъ лицамъ, нѣкогда облагодѣтельствованнымъ Ермоловымъ, но тѣмъ не менѣе принявшимъ на себя постыдныя обязанности, отплатилъ ему также за все прошлое

(*) Все, мною здѣсь сказанное, сообщено мнѣ лицами, заслуживающими довѣрія, которыя были не только очевидцами этого событія, но принимали въ немъ весьма дѣятельное участіе.

неблагодарностью. Гытребованный въ С. Петербургъ, онъ былъ вскорѣ награжденъ чиномъ надворнаго совѣтника, получилъ довольно значительную сумму денегъ и вновь присланъ на Кавказъ, гдѣ его поведеніе не могло не возбудить во всѣхъ благомыслящихъ людяхъ истиннаго удивленія и сожалѣнія; онъ сталъ писать приказы по корпусу и сочинять частныя письма для своихъ новыхъ благодѣтелей. Будучи отправленъ во второй разъ въ С. Петербургъ для поднесенія Государю Туркманчайскаго договора, онъ сказалъ пріятелю своему С. Н. Бѣгичеву: «Я вѣчный злодѣй Ермолова.»(*) Онъ говорилъ около того же времени не одному мнѣ слѣдующее: «П* несносенъ, и я на сей разъ не иначе возвращусь въ Грузію, какъ въ качествѣ посланника при тегеранскомъ дворѣ.» Онъ былъ произведенъ въ статскіе совѣтники и, благодаря покровительству гр. Паскевича, получилъ желаемое назначеніе въ Тегеранъ, гдѣ сдѣлался жертвою своей ошибки. Дѣйствія (**) этого пылкаго, неосмотрительнаго и черезчуръ

(*) Мнѣ это сообщилъ братъ его, добрый и благородный зять мой Д. Н. Бѣгичевъ.

(**) Такъ какъ я въ то время не находился уже болѣе въ Грузіи, то я привожу здѣсь подробности, которыя мнѣ были сообщены многими лицами, заслуживающими довѣрія. Причину этихъ дѣйствій Грибоѣдова должно, сколько мнѣ извѣстно, искать въ слѣдующемъ: Грибоѣдовъ, не взирая на блистательныя дарованія свои, никогда не принадлежалъ къ числу такъ называемыхъ дѣловыхъ людей; онъ провелъ довольно долго въ Персіи, гдѣ убѣдился лишь въ томъ, что слабость и уступчивость съ нашей стороны могли внушить Персіянамъ много смѣлости и дерзости, а потому онъ хотѣлъ озадачить ихъ, такъ сказать, съ перваго раза. Къ сожалѣнію, отъ уступчивости до настоятельныхъ требованій относительно гаремскихъ прислужницъ, нѣкогда взятыхъ въ плѣнъ во время вторженія Персіянъ въ Грузію,—что заключало въ себѣ, какъ оказалось, много оскорбительнаго для самолюбія этого народа,—было далеко. Настойчивость Грибоѣдова была необходима во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ надлежало ему наблюдать за точнымъ исполненіемъ важнѣйшихъ пунктовъ Туркманчайскаго трактата; въ прочихъ случаяхъ надо было обнаружить много ловкости, проницательности и осторожности, дабы не оскорбить понапрасну народной гордости Персіянъ. Грибоѣдову, назначенному посланникомъ въ Персію, послѣ нашихъ счастливыхъ военныхъ дѣйствій, было легче пріобрѣсть вліяніе, чѣмъ Ермолову, отправленному туда въ 1817 году. Не взирая на то, что этотъ послѣдній прибылъ въ Тегеранъ послѣ обѣщанія, даннаго Госуда-

самолюбиваго посланника возбудили негодованіе шаха и Персіянъ. Онъ въ лицѣ шахскаго зятя Аллаяръ-Хана нанесъ глубокое оскорбленіе особѣ самого шаха. Грибоѣдовъ, вопреки совѣтамъ и предостереженіямъ одного умнаго и весьма способнаго Армянина, служившаго при немъ въ качествѣ переводчика, потребовалъ выдачи нѣсколькихъ русскихъ подданныхъ — женщинъ, находившихся въ гаремѣ Аллаяръ-Хана въ

ремъ Персидскимъ посламъ, возвратить нѣкоторыя присоединенныя къ намъ области, онъ выказалъ при этомъ случаѣ такъ много искусства и энергіи, что шахъ отказался отъ своихъ требованій. Въ случаѣ несогласія шаха, Ермоловъ, не могшій поддержать своихъ представленій войскомъ, котораго въ то время не было подъ рукой, что было не безъизвѣстно Персіянамъ, нашелся бы вынужденнымъ уступить. Не взирая на то, что всемогущій въ то время Аббасъ-Мирза нисколько не скрывалъ своихъ къ намъ непріязненныхъ чувствъ, Ермоловъ успѣлъ склонить шаха къ уступкамъ. Ермоловъ, всегда выказывавшій большое уваженіе къ обычаямъ народовъ, съ коими ему приходилось дѣйствовать, внушилъ Персіянамъ высокое къ Русскимъ уваженіе, какимъ они даже не пользовались въ послѣдствіи, послѣ нашихъ успѣховъ надъ ними. Мнѣ говорилъ одинъ значительный персидскій сановникъ, что своевременная присылка войскъ въ Грузію предупредила бы войну съ Персіянами, коихъ самонадѣянность постоянно возрастала въ слѣдствіе убѣжденія, что мы къ ней не готовы, и что мы можемъ противоставить ихъ полчищамъ лишь ничтожныя силы. Наконецъ, самыя дѣйствія умнаго и энергическаго Мазаровича, никогда не раздражавшаго народной гордости Персіянъ, были весьма поучительны для Грибоѣдова, который пренебрегъ, къ сожалѣнію, уроками своихъ предмѣстниковъ. Извѣстно, что къ Мазаровичу явился однажды Армянинъ, нѣкогда захваченный Персіянами въ плѣнъ; хотя этотъ евнухъ былъ помощникомъ Манучаръ-Хана, хранителя сокровищъ и любимца шаха, но онъ обратился къ Мазаровичу съ просьбой исходатайствовать ему позволеніе возвратиться къ намъ въ Грузію. Такъ какъ это могло дать поводъ къ различнымъ обвиненіямъ, потому что въ случаѣ пропажи чего либо наше посольство и Армянинъ были бы подозрѣваемы въ похищеніи шахскихъ сокровищъ, Ермоловъ совѣтовалъ Мазаровичу убѣдить Армянина отказаться отъ своего намѣренія; такимъ образомъ удалось предупредить большія непріятности. Подобнымъ образомъ долженъ былъ дѣйствовать и Грибоѣдовъ. Я полагаю, что, вѣроятно, существовала возможность выручить плѣнницъ безъ предъявленія несвоевременныхъ и оскорбительныхъ для Персіянъ требованій; во всякомъ случаѣ надо было пріискать средства къ ихъ выдачѣ, не жертвуя для того столь многими полезными и славными людьми. Еслибъ, по причинѣ существующихъ обычаевъ, невозможно было этого сдѣлать тотчасъ, то не слѣдовало явно нарушать ихъ, и тѣмъ возбуждать противу себя жителей, но предоставить все дѣло времени.

должности прислужницъ. Это требованіе было, вѣроятно, предъявлено имъ въ слѣдствіе ложнаго пониманія вещей, а можетъ быть, и съ явнымъ намѣреніемъ доказать свое вліяніе и могущество при персидскомъ дворѣ. Хотя шахъ видѣлъ въ этомъ нарушеніе персидскихъ обычаевъ, но, не желая отвѣчать на требованіе Грибоѣдова продолжительнымъ отказомъ, онъ дозволилъ ему взять этихъ женщинъ самому; посланные въ гаремъ конвойные привели ихъ въ посольскій домъ. Персіяне, видѣвшіе въ этомъ явное неуваженіе Русскихъ къ особѣ шахскаго зятя, къ самому шаху и къ существующимъ народнымъ обычаямъ, взволновались. Вскорѣ вспыхнуло возмущеніе, вѣроятно не безъ одобренія шаха; около 40 человѣкъ нашихъ было убито, въ томъ числѣ весьма много полезныхъ лицъ; спасся одинъ М* съ двумя слугами, въ слѣдствіе особеннаго къ нему расположенія какихъ-то Персіянъ, которые спрятали его гдѣ-то на чердакѣ. Персидскій караулъ, не желая сражаться противу своихъ, заперся (*). Такъ окончилъ жизнь нашъ знаменитый писатель, который могъ бы еще долго и съ большею пользою подвизаться на литературномъ поприщѣ; находясь съ нимъ долго въ весьма близкихъ отношеніяхъ, я, болѣе чѣмъ кто нибудь, былъ глубоко огорченъ его дѣйствіями въ теченіи 1826 и 1827 годовъ. Грибоѣдовъ, терзаемый подъ конецъ своей жизни бѣсомъ честолюбія, заглушилъ въ сердцѣ своемъ чувство признательности къ лицамъ, не могшимъ быть ему болѣе полезными; но за то онъ не пренебрегъ никакими средствами для пріобрѣтенія полнаго благоволенія особъ, кои получили возможность доставить ему средства къ удовлетворенію его

(*) Однако шахъ, испугавшись послѣдствій этого событія, рѣшился послать въ С. Петербургъ значительное лице для принесенія извиненій. Такъ какъ въ Персіи всѣ были убѣждены, что наше правительство не замедлитъ предать въ свою очередь смерти высланнаго сановника и его свиты, то рѣшено было избрать для этого предмета Хозрева-Мирзу, который былъ ничто иное, какъ *чанка* или побочный сынъ шаха. Хозреву-Мирзѣ, въ послѣдствіи ослѣпленному, сдѣланъ былъ напротивъ у насъ въ Россіи блестящій пріемъ, на который онъ по своему рожденію не имѣлъ никакого права, и который явно доказывалъ, сколь мало у насъ были извѣстны обычаи востока.

честолюбія; это не мѣшало ему, посѣщая нашъ кругъ, строго судить о своихъ новыхъ благодѣтеляхъ. Тяжело разочароваться на счетъ кого бы то ни было, но еще болѣе относительно личностей, столь щедро одаренныхъ природой! Видя поведеніе Грибоѣдова, котораго я такъ любилъ, я душевно скорбѣлъ. Я сожалѣлъ, что не могъ быть въ это время вдали отъ театра его дѣятельности, потому что имѣлъ бы утѣшеніе думать, что многое преувеличено завистью и клеветой; но я, къ сожалѣнію, долженъ былъ лично удостовѣриться въ томъ, что душевныя свойства Грибоѣдова далеко не соотвѣтствовали его блистательнымъ умственнымъ способностямъ.

Крестовая гора, самая возвышенная точка высотъ, по коимъ ѣдешь отъ Коби до Тифлиса, есть истинный пунктъ перевала чрезъ Кавказъ. Вокругъ нея находятся горы гораздо выше ея. Она получила сіе названіе отъ креста, который былъ водруженъ на ней первыми Русскими, перешедшими за Кавказъ въ Грузію во время Екатерины, но такъ какъ крестъ деревянный сгнилъ, то Ермоловъ замѣнилъ его огромнымъ крестомъ, высѣченнымъ изъ гранита съ такимъ же подножіемъ.

Из книг
А.В. К[illegible]рева

МЫСЛИ

ПРИ

ИЗВѢСТІИ О НЕУДАЧНОМЪ ПРЕДПРІЯТІИ НА КОНСТАНТИНУ ФРАНЦУЗСКИХЪ ВОЙСКЪ, 1836.

МЫСЛИ

при

извѣстіи о неудачномъ предпріятіи на Константину французскихъ войскъ, 1836.

(Статья неоконченная.)

Можно смѣло сказать, что нѣтъ народа менѣе завистливаго нашего; въ немъ, по крайней мѣрѣ, не было до нынѣ замѣтно той несправедливости, которая, въ слѣдствіе тайной ненависти и зависти, увлекаетъ нѣкоторыя націи къ преувеличенію недостатковъ своихъ враговъ и къ прославленію своихъ собственныхъ добродѣтелей. Напротивъ того, Русскіе не только не унижаютъ знаменитыхъ подвиговъ, совершенныхъ ихъ непріятелями, но они первые разглашаютъ и превозносятъ ихъ, восхищаясь малѣйшимъ предпріятіемъ, выходящимъ изъ разряда посредственности; они даже съ какимъ-то дѣтскимъ простодушіемъ и предъ лицемъ свѣта признаютъ превосходство ихъ надъ собою, хотя бы оно и было нѣсколько сомнительно. Такъ поступила Россія въ войнѣ съ Карломъ XII, изъ которой она извлекла много полезныхъ для себя уроковъ. Такъ поступила она въ войнѣ съ Наполеономъ, поучительными дѣйствіями котораго она также воспользовалась. Такимъ же образомъ великій предшественникъ Россіи, относительно обширности завоеваній и пріобрѣтенной военной славы—Римъ усвоивалъ себѣ оружіе и военныя учрежденія побѣжденныхъ имъ народовъ, превосходившихъ ихъ въ этомъ отношеніи.

И подлинно, пусть укажутъ намъ изъ всѣхъ сражавшихся съ Наполеономъ народовъ хотя на одинъ, который бы болѣе Русскаго благоговѣлъ предъ величіемъ его дѣяній, даже въ такое время, когда земля наша стонала подъ бременемъ полчищъ вооруженной Европы. Съ какимъ восторгомъ глядѣли мы на знаменитую фалангу Наполеона—его старую гвардію! Съ какими похвалами отзывались мы всегда о всей французской арміи въ пылу кровопролитнѣйшихъ съ нею битвъ! Кто изъ насъ оспаривалъ у Французовъ носимое ими названіе великой націи въ минуты упорнѣйшей съ ними борьбы? Какое правительство приступало съ такою достохвальною ревностью къ усвоенію себѣ великихъ преобразованій, совершенныхъ Наполеономъ въ тактикѣ и стратегіи? Одно наше правительство, оцѣнивъ высокія усовершенствованія сего необычайнаго генія и сочетавъ ихъ съ душевною мощью Русскаго войска, могло возвести его на ту высокую степень, которая возбуждаетъ лишь смѣшные возгласы и безсильныя ругательства нашихъ противниковъ.

Этотъ недостатокъ зависти и злобы въ нашемъ народѣ и войскѣ, восторгъ, который мы ощущали при встрѣчѣ съ Французами, даже при вступленіи въ Германію, возбуждали негодованіе нашихъ союзниковъ. Одно мужество, стойкость нашихъ войскъ и ревность къ общему дѣлу изглаживали первое неблагопріятное для насъ впечатлѣніе.

Но чѣмъ восторженнѣе были похвалы наши, тѣмъ горестнѣе было для насъ сознаваться въ нашемъ заблужденіи на счетъ этой самой Франціи. Видя геніяльныя предначертанія Наполеона, выполняемыя Французами, могли ли мы сомнѣваться въ превосходствѣ ихъ надъ другими войсками и въ томъ, что онъ съ одной лишь французскою націей былъ въ состояніи творить тѣ чудеса, которымъ свѣтъ удивлялся и предъ которыми трепеталъ? Какъ можно было допустить, что Франція сама по себѣ не сознаетъ своего достоинства, что она не одарена непоколебимымъ мужествомъ, силою воли, чтобы и безъ помощи Наполеона сохранить то первенствую-

щее положеніе, на которое она была имъ возведена вопреки всему міру.

Мы начали разочаровываться, увидя внезапный упадокъ духа, обнаружившійся въ французскихъ войскахъ и во французской націи при первомъ неблагопріятномъ оборотѣ войны: послѣ первой неудачи Наполеона въ Россіи и на поляхъ Лейпцига. Наше разочарованіе достигло наибольшихъ размѣровъ при вступленіи нашемъ во Францію. Для насъ Русскихъ, еще такъ недавно испытавшихъ вторженіе многочисленнаго непріятеля въ самыя нѣдра государства, воспрянувшаго на защиту свою, малодушіе Французовъ было непостижимо. Инстинктъ грубѣйшихъ животныхъ, которымъ грозитъ гибель, влечетъ ихъ къ сосредоточенію всѣхъ частныхъ силъ въ одно общее усиліе; человѣческій же разсудокъ научаетъ сверхъ того слѣпо повиноваться въ то время одной волѣ, направляющей это общее усиліе. Самые Римляне, столь высоко цѣнившіе свою свободу, жертвовали ею въ подобныхъ случаяхъ для спасенія независимости отечества, избирая диктатора, котораго волѣ всѣ безусловно подчинялись. Напротивъ того, Французы, имѣя лишь въ виду сохраненіе тряпья, рухляди и спокойствія, что̀ въ ихъ понятіяхъ имѣло большую цѣнность, чѣмъ честь и независимость отчизны, предали своего диктатора на произволъ судьбы. Ни одинъ гражданинъ не возсталъ и не вооружился для защиты генія, создавшаго все изъ развалинъ, успокоившаго страну послѣ кровавыхъ смутъ и возвысившаго Францію на верхъ славы и могущества, и тогда еще отстаивавшаго ея честь, независимость и существованіе ежеминутными пожертвованіями жизни.

Но возникли тайные заговоры въ Парижѣ, городахъ и провинціяхъ, все стало помышлять лишь о измѣнѣ монарху-полководцу, котораго лезвее сабли еще грозно сверкало на берегахъ Оби и Марны и обороняло Францію съ такою дѣятельностью и самопожертвованіемъ. Что̀ же произошло однако? Измѣна восторжествовала, частныя имущества спасены, спокойствіе государства не нарушено, союзники въ Парижѣ, а Наполеонъ на островѣ Эльбѣ. Франція спокойна, но она

лишилась областей, пріобрѣтенныхъ потоками крови своей. Гдѣ же честь, общее уваженіе, слава націи, всегда снѣдаемой честолюбіемъ и потому болѣе другихъ дорожащей мнѣніемъ свѣта? Гдѣ же поприще, на которомъ ей возможно возвратить себѣ если не все утраченное, то, по крайней мѣрѣ, извѣстность и вниманіе къ себѣ міра. Не оставалось ничего другаго, кромѣ многоглаголанія, высокомѣрнаго пустословія въ типографіяхъ и на каѳедрахъ, запрещенныхъ Наполеономъ, требовавшимъ дѣла, но не словъ. Она отлично воспользовалась своимъ положеніемъ; не будучи облачена уже въ бранные доспѣхи, она въ рубищахъ славы, ухватясь за представительное начало, наводнила Европу своимъ неистощимымъ велерѣчіемъ. Когда Наполеонъ съ сердцемъ, обагреннымъ кровью, бросился снова въ ея объятія, призывая ее не на каѳедры, а на битвы, не на подмостки фиглярства, болтовни и мишурныхъ зрѣлищъ, а къ дѣлу великому, она, безстыдная, не внявъ его призыву, вторично выдала его союзникамъ. Она осыпала своего великаго преобразователя печатными и словесными ругательствами, недостойными великой націи, уважающей самую себя; она этимъ имѣла лишь въ виду снискать благорасположеніе союзниковъ и своего новаго правительства.

Съ этого времени мы ясно увидѣли, что Франція не заслуживаетъ громкаго названія великой націи; успѣхи, побѣды, торжества принадлежали не ей, а лично Наполеону; съ паденіемъ этого исполина мысли и слова, пала и сама Франція. Провидѣніе, лишивъ ее славы воинской, оставило ей, какъ будто въ наказаніе или насмѣшку, одно самохвальство, которымъ она запятнала эпическіе подвиги великаго генія. Такъ была громко представлена свѣту военно-мирная прогулка по Испаніи, гдѣ Французы, въ союзѣ со всѣмъ народонаселеніемъ, гнались за шайкой полунагихъ своевольцевъ, не осмѣлившихся оказать имъ малѣйшаго сопротивленія. Такъ было пышно обнародовано взятіе приступомъ Трокадеро, лишь наканунѣ укрѣпленнаго инсургентами и съ котораго, за недостаткомъ

защитниковъ, едва было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ. Такимъ же образомъ были мы оглушены описаніями осады Антверпенской крѣпости, какъ будто дѣло шло объ Аустерлицкомъ и Фридланскомъ сраженіяхъ, а не о крѣпости, не приведенной еще окончательно въ оборонительное положеніе и защищенной лишь слабымъ голландскимъ гарнизономъ противъ 80,000-й арміи французской, снабженной большимъ количестозмъ артиллеріи. Такъ было торжественно объявлено о занятіи Анконской крѣпости, защищенной лишь святыми молитвами Папы. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ сряду намъ не престаютъ прославлять подвиги 30,000-ой регулярной арміи надъ безпорядочною толпой своевольныхъ Кабиловъ, какъ будто бы наѣздники, лишенные единства и связи, могли и могутъ оказать Французамъ большое сопротивленіе. Наконецъ, обнародованы пышныя описанія экспедицій на Константину; первая, по словамъ ихъ, неудалась лишь въ слѣдствіе вреднаго вліянія климата и излишняго употребленія недозрѣлыхъ фруктовъ, вторая же—вслѣдствіе сильнаго дождя и тропическихъ жаровъ. Вообще же это была лишь жалкая пародія вторженія Наполеона въ Россію и гибели его армады въ нѣдрахъ нашего отечества. Какъ же было изображено Французами истребленіе турецкаго флота подъ Навариномъ, причемъ они умалчиваютъ о участіи англійскаго и русскаго флотовъ.

Повторяю, при описаніи славныхъ подвиговъ чужеземцевъ, перомъ нашихъ писателей никогда не управляетъ одна слѣпая любовь къ отечественной славѣ или оскорбленное самолюбіе; изображенія ихъ въ превратномъ свѣтѣ обличали бы насъ не побѣдителей, а побѣжденныхъ. Сверхъ того, мы, Русскіе, по природѣ нашей, чужды тайной ненависти къ кому либо; самыя обстоятельства, среди которыхъ мы находимся, не допускаютъ въ насъ этого низкаго и недостойнаго чувства.

Кому и чему намъ завидовать относительно военной славы? Владѣя очевидными и неоспоримыми фактами, мы не нуждаемся въ панегирикахъ. Гдѣ были границы Россіи при вступленіи на престолъ Петра I-го, гдѣ были онѣ при восшествіи

на престолъ Екатерины II-й, и гдѣ настоящіе предѣлы Россіи? Мы, безъ помощи союзниковъ, по неизреченной благости Творца, отразили 500,000-ю армію, предводимую величайшимъ полководцемъ всѣхъ вѣковъ. Проникнувъ въ нѣдра Европы съ горстью войскъ, не превышавшихъ 50,000 человѣкъ, мы силою одной воли увлекли за собою тѣ же ополченія, на оружіи которыхъ не остыла еще кровь наша.

Кто изъ насъ не замѣтитъ явной и всеобщей ненависти къ Россіи чужеземныхъ историковъ, журналистовъ и большей части писателей? Вездѣ, гдѣ коснутся они Россіи, ея государей, вождей, народа и войска, вездѣ возводятъ на нихъ клеветы. Не благоразумнѣе ли поступили бы враги наши, еслибъ къ общему ополченію гортаней и перьевъ присоединили бы и логику. Пусть твердятъ они, что народы воинственные, движимые духомъ завоеванія, монархи, посягающіе на сосѣдственные престолы и земли, и даровитые полководцы, суть бичи рода человѣческаго. Кто осмѣлится опровергать эту истину? Пусть продолжаютъ они: Александръ Великій, Аннибалъ, Юлій Цезарь и всѣ позднѣйшіе вожди, совершившіе великіе военные подвиги, ознаменовавшіе себя благородными порывами къ военной славѣ, вся эта поэзія жизни народовъ, все то, чѣмъ книги и наставники воспламеняли наше молодое воображеніе и возвышали нашъ духъ, все предается анаѳемѣ, потому что все это, потрясая благосостояніе народовъ, причиняетъ гибель роду человѣческому. Согласившись съ первымъ, нельзя отрицать и втораго.

Но восхвалять и превозносить Римъ, Александра Великаго, Аннибала, Юлія Цезаря и вмѣстѣ Францію и Англію, первую—за завоеваніе почти всей Европы, а вторую—за основаніе колоній во всѣхъ 5-ти частяхъ свѣта и самодержавіе владычества ея на всѣхъ моряхъ; прославлять Наполеона и его маршаловъ за ихъ военные подвиги, а за подобные же подвиги злословить Русскій народъ, Русскую армію, Петра, Екатерину, Александра, Суворова, Кутузова. Въ настоящее время Французы, въ слѣдствіе удара опахаломъ по носу ихъ консула, покорив-

шіе почти всю сѣверную часть Австраліи, возстаютъ на насъ за покореніе Варшавы, Крыма, нѣкогда кровныхъ враговъ нашихъ. Они, можно сказать, бѣснуются за усмиреніе возставшей Польши, признанной нашею собственностью на основаніи трактатовъ.

Каждое государство пріобрѣло въ этотъ промежутокъ времени участки, выгоднѣйшіе того, что̀ получила Россія; такимъ образомъ Англія, продолжая прибѣгать къ инквизиціоннымъ мѣрамъ, въ своихъ сношеніяхъ съ Ирландіею, напрягаетъ всѣ свои усилія, чтобы смирить мятежную Канаду; она отторгла Бельгію отъ Нидерландовъ, въ замѣнъ колоній, которыхъ она не помышляетъ возвращать Нидерландамъ.

Успѣхи Россіи на пути просвѣщенія и всемірнаго владычества слишкомъ замѣтны, и потому, не будучи въ состояніи отрицать ихъ, они довольствуются описаніемъ неудачъ и невѣжественныхъ проступковъ, въ эпоху юношескаго возраста Россіи. Не имѣя намѣренія опровергать нелѣпыя ихъ сказанія и сужденія, на счетъ политическаго и гражданскаго устройства Россіи, я укажу лишь на искаженіе нѣкоторыхъ славныхъ подвиговъ нашего войска.

Предъ глазами современниковъ совершилось неимовѣрное чудо: Россія, долго коснѣвшая въ невѣжествѣ, внезапно преобразилась и, въ теченіе одного столѣтія, перешла въ состояніе возмужалости; этимъ она обязана Петру I и Екатеринѣ II. Конечно, совершись этотъ переломъ въ жизни Русскаго народа съ большею постепенностью,—наше отечество извлекло бы изъ него несравненно бо̀льшую пользу. Хотя мнѣ 51 годъ отъ роду, но я видѣлъ Екатерину, Румянцева, Потемкина, Безбородко, имѣлъ счастіе говорить съ Суворовымъ и служить подъ начальствомъ Кутузова. При жизни моей перенесена наша граница отъ Буга до Днѣпра и Дуная, образована Кавказская линія и покорена Польша. Я находился въ сѣверной Россіи, смежной съ сѣвернымъ мысомъ, близь Арарата, нынѣ намъ принадлежащаго, и, вмѣстѣ съ войсками нашими,

торжествовалъ избавленіе Европы отъ Наполеона въ столицѣ побѣжденнаго завоевателя.

Неужели Русскіе государи и народъ достигли въ столь короткое время могущества безпечностью и недостатками силъ душевныхъ и умственныхъ? Неужели во все это время не было приведено нами въ исполненіе ни одного обширнаго труда, не было совершено блистательныхъ военныхъ предпріятій, не было обнародовано ни одного благотворнаго постановленія, не была одержана ни одна блестящая побѣда на сушѣ и морѣ, не былъ заключенъ ни одинъ славный мирный договоръ? Всего было довольно. Но въ какомъ свѣтѣ все это было изображено иностранными писателями? Какой геройскій подвигъ, совершенный Русскими, переданъ въ истинномъ видѣ? За то, съ какою алчностью хватаются за всѣ воспоминанія о малѣйшихъ неудачахъ нашихъ! Съ какою тайною радостью повѣствуютъ они о пораженіи нашей неопытной арміи подъ Нарвой. Забавно то, что мы, школьники-воины, были предводительствуемы ихъ единокровными: герцогомъ де-Кроа и Аллартомъ, перебѣжавшимъ къ непріятелю при началѣ сраженія. Какъ торжественно передаютъ они описаніе малѣйшихъ частныхъ неудачъ нашихъ! Нѣтъ историческаго и дамскаго альманаха, нѣтъ той дѣтской книжки, гдѣ бы не были изображены эти событія на чужеземный ладъ, то есть въ искаженномъ видѣ, съ примѣсью къ тому достойныхъ и нелѣпыхъ клеветъ на Петра I, котораго занятія въ свободное отъ дѣлъ время (если только бывало у этого великаго человѣка таковое), конечно, не могли стать въ уровень съ достохвальными занятіями Лудовика XV. Я помню, сколько въ дѣтствѣ моемъ чтеніе Левека, Француза—писателя вѣка этого Короля, испортило мнѣ крови. Этотъ Левекъ измѣрялъ обычаи и дѣйствія Петра на аршинъ обычаевъ и нравовъ дряхлѣющаго и гнилаго французскаго общества того времени. Самъ Вольтеръ, не устоявшій противъ обворожительной любезности Екатерины, восхваляя Карла XII, не имѣлъ духа предпринять самъ собою исторію его побѣдителя и, вѣроятно, не приступилъ бы къ ней,

если бы великая Монархиня не побѣдила въ немъ, драгоцѣнною собольею шубой и значительною суммою денегъ, врожденнаго въ каждомъ иностранцѣ чувства ненависти ко всему Русскому. При всемъ томъ, и тутъ, въ краснорѣчивомъ описаніи высокихъ качествъ Петра, онъ не могъ не преувеличить недостатковъ его, къ прискорбію, свойственныхъ всему человѣчеству. Въ одно время съ Левекомъ и Вольтеромъ, описывалъ дѣянія Петра нашъ славный Голиковъ. Не взирая на тяжелый слогъ его, вниманіе читателя не можетъ оторваться отъ тучныхъ 10 томовъ, наполненныхъ, бо̀льшею частію, лишь оффиціальными документами о его путешествіяхъ, битвахъ, законахъ, трудахъ при созданіи флота, образованіи войска, фабрикъ, заводовъ, поощреніи наукъ, художествъ и промышленности, и великихъ дѣяній, предъ которыми невольно благовѣетъ всякій даже чужестранецъ, не лишенный разума и души, способной сочувствовать всему возвышенному, славному и полезному.

Сама Екатерина служила и служитъ предметомъ недостойныхъ пасквилей чужеземцевъ; блистательное царствованіе ея немногимъ уступаетъ въ пользѣ царствованію Петра I. За исключеніемъ графа Сегюра и принца де-Линя, очевидныхъ свидѣтелей ея безсмертныхъ подвиговъ, прочіе писатели взводили лишь клеветы на сію великую Государыню, много превышавшую бо̀льшую часть монарховъ, коихъ потомство удостоило наименованіемъ великихъ.

Эта великая Монархиня, столь много возвеличившая Россію, не назначала ни одного губернатора или другаго важнаго чиновника и не утверждала выборовъ дворянъ, не поговоривъ предварительно съ этими лицами; убѣдившись въ ихъ способности и умѣньи понимать обязанности свои, она лишь тогда утверждала ихъ въ этихъ званіяхъ (*).

(*) Вотъ два случая, мало извѣстные, но превосходно обрисовывающіе великія свойства Екатерины II.

Во время путешествія своего въ Крымъ, Императрица, окруженная блестящею свитой, остановилась въ одномъ городѣ, гдѣ провела трое сутокъ. Бу-

Нравственныя качества или пороки первенствующихъ лицъ государства служатъ вѣрнѣйшимъ мѣриломъ достоинства царствующихъ и царствованій (*); это вѣрнѣйшая аксіома вѣковъ. Кто были сподвижники Петра? Шереметьевы, Менщиковы, Головины, Долгорукіе. Екатерина же создала Румянцовыхъ, Потемкиныхъ, Репниныхъ, Суворовыхъ, Безбородко, Пани-

дучи недовольна дѣйствіями одного губернатора, она, потребовавъ его къ себѣ въ кабинетъ, сдѣлала ему весьма сильный выговоръ. Выходя изъ кабинета, губернаторъ казался растеряннымъ, что̀ было замѣчено всѣми и въ особенности Львомъ Александровичемъ Нарышкинымъ (отцемъ остроумнаго Александра Львовича). Чрезъ нѣсколько времени, извѣстившись о хорошихъ распоряженіяхъ этого губернатора, она пригласила его къ себѣ и весьма милостиво и долго съ нимъ бесѣдовала. Нарышкинъ, увидя это, сказалъ ей: „Матушка, слыхали мы, что ты его журила въ кабинетѣ, а нынѣ удивляемся твоимъ къ нему ласкамъ.“ На это Императрица сказала: „Я удивляюсь тому, что вы меня такъ мало разумѣете; я журю келейно, но хвалю публично.“

Нѣкто Кологривовъ, братъ князя А. Н. Голицына по матери, служившій хорошо въ царствованіе Императрицы и достигшій маіорскаго чина, получилъ наслѣдство въ Костромской губерніи, въ слѣдствіе чего сталъ искать въ этой губерніи мѣста вице-губернатора; онъ рѣшился написать письмо о томъ Императрицѣ, которая, между тѣмъ, обѣщала это мѣсто племяннику Безбородко. Получивъ письмо Кологривова, она сказала: „Пусть Безбородко пріищетъ другое мѣсто своему племяннику, Кологривова же вызвать сюда“. Когда Кологривовъ представился Императрицѣ, она спросила его—знакомъ ли онъ съ обязанностями вице-губернатора? Когда онъ отозвался незнаніемъ, присовокупивъ, что онъ однако надѣется быть со временемъ полезнымъ губерніи, Императрица, объяснивъ ему эти обязанности, присовокупила: „Я даю вамъ это мѣсто, но съ однимъ условіемъ: чрезъ годъ вы должны извѣстить меня письмомъ и сказать съ полною откровенностію, приносите ли вы пользу, или нѣтъ. Я наведу справки и если окажется, что вы скрыли истину отъ меня, вы никогда болѣе никакого мѣста не получите.“ Чрезъ годъ Кологривовъ писалъ Императрицѣ, что, ознакомившись съ своею должностью, онъ чувствуетъ себя не безполезнымъ и надѣется принести еще бо̀льшую пользу. Когда Императрица, послѣ наведенныхъ справокъ, удостовѣрилась, что Кологривовъ не обманулъ ея она, написала ему: „Отнынѣ вы мнѣ другъ.“

(*) Во время пребыванія въ Берлинѣ Даламберта, Фридрихъ спросилъ его однажды, бывалъ ли онъ у Лудовика XV; онъ отвѣчалъ, что былъ однажды у короля, которому подносилъ рѣчь, читанную въ академіи. На вопросъ Фридриха, о чемъ съ нимъ говорилъ Лудовикъ, онъ отвѣчалъ, что король не сказалъ ему ни слова. „Съ кѣмъ же говорилъ онъ?“ возразилъ Фридрихъ, не понимая, чтобы можно было избѣгать разговора съ даровитыми людьми и довольствоваться лишь сплетнями и льстивыми рѣчами придворныхъ.

ныхъ; «эти лица размѣра героическаго, исполинскаго,» какъ выражается одинъ изъ нашихъ извѣстнѣйшихъ писателей, «рисуются предъ глазами нашими озаренныя лучами какой-то чудесности, баснословности, напоминающія намъ дѣйствующія лица временъ древнихъ.» Но какъ изображены эти славные помощники великой Монархини чужеземными историками? Левекъ приписываетъ всю славу Чесменскаго боя не Орлову, Спиридову и Ильину, а Эльфинстону (бывшему въ послѣдствіи контръ-адмираломъ) и какому-то Догделю (о которомъ ни одинъ историкъ не упоминаетъ), не уступавшимъ, можетъ быть, въ мужествѣ и искусствѣ нашимъ морякамъ. Объ Орловѣ, главномъ начальникѣ флота, Спиридовѣ, начальникѣ авангарда, и Ильинѣ, начальникѣ брандеровъ и единственномъ истребителѣ турецкаго флота, не сказано ничего.

Побѣда Румянцова при Кагулѣ внушила, къ удивленію, даже неострое слово Фридриху, владѣвшему превосходнѣе всѣхъ своихъ современниковъ двойнымъ остріемъ: шпаги и пера. Этотъ великій государь, которому нѣкому было завидовать, относительно всякаго рода славы, особенно военной, сказалъ по этому случаю даже непристойное слово. Извѣстясь о сей побѣдѣ, въ которой 17,000 Русскихъ разбили на голову 150,000 Турокъ (*), онъ сказалъ, что *кривые* по-

(*) Императрица не будучи довольна въ слѣдующемъ году дѣйствіями Румянцова, упрекала его въ томъ, что онъ еще мало сдѣлалъ, говоря, что у непріятеля еще много артиллеріи. Отвѣтъ героя замѣчателенъ: „Государыня, „всѣ пушки, взятыя мною въ настоящей кампаніи—литья текущаго года, всѣ „же, отлитыя въ предшествующихъ годахъ, взяты мною въ прошедшей кам„паніи.“ Это убѣдительное возраженіе осталось безъ отвѣта. Нельзя забыть того, что графъ Румянцовъ рекомендовалъ Императрицѣ двухъ чиновниковъ своихъ, знаменитыхъ въ послѣдствіи графовъ, Завадовскаго и Безбородко. Отецъ мой и многіе другіе современники графа Петра Александровича Румянцова-Задунайскаго разсказывали мнѣ, что сей послѣдній, отличаясь высокими военными дарованіями, былъ, къ сожалѣнію, замѣчателенъ своимъ чрезмѣрно-завистливымъ характеромъ и вполнѣ нестерпимымъ педантизмомъ. Румянцевъ, будучи весьма мало доступенъ для своихъ подчиненныхъ, превосходилъ, по мнѣнію ихъ, Потемкина, какъ военачальникъ, но въ отношеніи прочихъ умственныхъ свойствъ онъ стоялъ далеко ниже князя Таврическаго.

били *слѣпыхъ*; онъ упустилъ изъ виду, что эти *кривые* доказали подъ Кунерсдорфомъ, что они умѣли бить не однихъ слѣпыхъ, но и тѣхъ, кои, по русской поговоркѣ, *глядятъ въ оба* глаза, голубые, большие и полные генія! Чтобы еще болѣе убѣдиться сколь шутка эта была неумѣстна, достаточно вспомнить, что побѣдитель при Кагулѣ, названный Фридрихомъ кривымъ, былъ виновникомъ Кунерсдорфскаго пораженія, стоившаго Фридриху 20,000 чел. и 172 орудій. Въ описаніи этого сраженія иностранными писателями, сіи послѣдніе, упоминая лишь о томъ, что Лаудонъ съ австрійскою кавалеріей исторгъ побѣду у Фридриха, умалчиваютъ о Румянцовѣ, который съ русскою кавалеріей единовременно съ Лаудономъ смялъ и опрокинулъ Пруссаковъ!

Потемкина(*) не щадятъ иностранные писатели; нелѣпостямъ, клеветамъ оскорбительнымъ на счетъ этого замѣчательнаго го-

(*) Бывшій генералъ прокуроръ гр. А. Н. Самойловъ разсказывалъ брату моему А. М. Каховскому многія обстоятельства, относящіяся до жизни князя Потемкина. Такъ на примѣръ: извѣстно, что Потемкинъ въ видахъ пріобрѣтенія полной любви и довѣрія Запорожцевъ, которые лишь въ слѣдствіе его убѣжденій согласились переселиться въ Черноморье, записался простымъ казакомъ въ одномъ изъ ихъ куреней; его называли Грицкой Нечесой по причинѣ безпорядка, въ коемъ часто находились его волосы. Однажды Потемкинъ сталъ звать къ себѣ одного изъ своихъ адъютантовъ; такъ какъ не оставалось ни одного адъютанта на лицѣ, то на зовъ его прибѣжалъ въ кабинетъ чиновникъ А. Ф. Крыжановскій, котораго Потемкинъ два раза прогонялъ съ словами „ступай вонъ, не тебя спрашиваютъ.“ Такъ какъ послѣ третьяго зова ни одинъ изъ адъютантовъ не явился къ князю, Крыжановскій вновь предсталъ предъ нимъ; веселое расположеніе духа Потемкина придало не мало смѣлости Крыжановскому, который сказалъ ему: „Хотя Ваша Свѣтлость слывете за весьма умнаго человѣка, а какую вы сегодня бумагу подписали? Вами несправедливо утвержденъ приговоръ по одному судному дѣлу.“—„Ты ничего, дуракъ, не понимаешь,“ отвѣчалъ, смѣясь, Потемкинъ, „я долженъ былъ утвердить приговоръ генералъ-аншефа кн. Репнина.“—„А если этотъ приговоръ былъ несправедливъ, Ваша Свѣтлость?“—„А почему, спросилъ князь?“ Когда Крыжановскій объяснилъ ему весь ходъ дѣла, Потемкинъ, внимательно выслушавъ его, сказалъ: „Жаль, что я ничего о томъ не зналъ ранѣе, но бумага уже должна быть отправлена, впрочемъ пошли мнѣ скорѣй Попова.“ Крыжановскій, бросившись послѣ этихъ словъ на колѣни предъ княземъ, воскликнулъ: „Не погубите меня, Ваша Свѣтлость, я во многомъ виноватъ, вѣдь бумага еще не отправлена, я ее задержалъ.“ Потемкинъ, не обнаруживъ ни малѣйшаго гнѣва, повторилъ ему приказаніе о присылкѣ Попова. Когда прибылъ В. С. Поповъ, По-

сударственнаго человѣка нѣтъ числа! Я недавно имѣлъ случай прочесть въ Исторіи возрожденія Греціи Пуквиля слѣдующее: будто бы Потемкинъ приказалъ въ Азовской губерніи вдругъ устроить 240 городовъ; вотъ также описаніе одежды Потемкина того же самаго автора: «въ шелковомъ кафтанѣ «сѣраго цвѣта, въ свѣтлозеленомъ нижнемъ платьѣ, въ желтыхъ «сафьянныхъ сапогахъ, съ волосами, небрежно повязанными «бантомъ и покрытыми соломенной шляпой, обвязанною широ-«кою лентой свѣтло-голубаго цвѣта, концы которой падали ему «и на плеча; все это давало ему видъ селадона.» Этотъ селадонъ былъ роста необыкновеннаго (въ немъ было не менѣе 3-хъ аршинъ), хотя и косой на одинъ глазъ, но онъ былъ не лишенъ красивыхъ чертъ, соотвѣтствовшихъ его исполинскому росту; поступь и осанка его были истинно величественныя. Тому, кто когда либо видалъ Потемкина, можно ли узнать его, въ платьѣ маскараднаго покроя г-на Пуквиля.

Но всѣ эти выдумки не могутъ сравняться съ гнусными клеветами на счетъ Суворова, этого представителя нашей военной славы, этого единственнаго военнаго соперника Фридриха и Наполеона.

Къ крайнему прискорбію, мы почти безъ возраженій выслушиваемъ пасквили чужеземныхъ писателей; литература наша доселѣ скудна описаніями жизни людей, коими Россія вправѣ гордиться.

темкинъ сказалъ ему: „Если приговоръ, мною сегодня утвержденный, еще не „отправленъ, принеси его мнѣ сюда для просмотра.“ Прочитавъ еще разъ дѣло, Потемкинъ совершенно измѣнилъ свою резолюцію. Впрочемъ Потемкинъ, крайне избалованный счастіемъ, дозволялъ себѣ нерѣдко весьма много. Князь, узнавъ однажды, что одинъ штабъ-офицеръ арміи, находившійся съ своею частью въ 300 верстахъ отъ квартиры, имъ занимаемой, отлично играетъ въ шахматы, вытребовалъ его къ себѣ съ фельдъегеремъ; когда этотъ офицеръ, предполагавшій, что ему готовится какое-либо прекрасное мѣсто, прибылъ, Потемкинъ, указавъ ему на одного извѣстнаго игрока, сказалъ: „Я хочу узнать, „кто изъ васъ останется побѣдителемъ.“ По окончаніи игры, этотъ офицеръ былъ немедленно отправленъ съ тѣмъ же фельдъегеремъ въ мѣсто своего расположенія.

Конецъ первой части.

ОГЛАВЛЕНІЕ
ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

—

Стр.
Дневникъ партизанскихъ дѣйствій, 1812 года. 3
Приложенія къ партизанскому дневнику:
Оправдательныя статьи. 141
Прибавленія. 161

ОПЫТЪ ТЕОРІИ ПАРТИЗАНСКИХЪ ДѢЙСТВІЙ ДЛЯ РУССКИХЪ ВОЙСКЪ.

Вступленіе. 5
Часть первая: *Постепенное усовершенствованіе партизанства въ Германіи, Венгріи, Испаніи и Россіи.*
Партизаны 1618 года. 9
Партизаны 1742 года. 12
Партизаны 1809 года. 21
Партизаны 1812 года. 27
Часть вторая: *Изложеніе системы партизанскаго дѣйствія.*
Превосходство Россіи надъ европейскими государствами относительно легкихъ войскъ и соразмѣрности широты съ глубиною ея пространства. 32
Изложеніе сущности всякаго вообще военнаго дѣйствія. . 39
Изложеніе направленія партій согласно съ направленіями арміи. 43
О выборѣ начальника партіи. 54
О силѣ и составѣ партіи. 55
Обязанности начальниковъ партій. 57
Распоряженія прежде выступленія въ походъ. 58
О партіи на маршѣ. 62
Объ учрежденіи пункта сношенія съ главною арміею и въ немъ госпиталя партіи. 65
О дѣйствіи партіи. 70

Стр.

Часть третья: *О прикрытіи собственнаго сообщенія и продовольствія* . 90
О магазинахъ и о путяхъ продовольствія 92
О выгодѣ употребленія башкирскихъ, калмыцкихъ и татарскихъ полковъ, для защиты путей сообщенія и продовольствія . 96
Обязанности начальника оборонительной партіи, или внѣшняя защита пути продовольствія 97
Объ этапахъ . 99
О внутренней защитѣ пути продовольствія 100
Критическое разсужденіе объ истребленіи осаднаго транспорта прусской арміи въ 1758 году 106
Заключеніе . 116

Морозъ ли истребилъ французскую армію въ 1812 году? . . 1
Разборъ трехъ статей, помѣщенныхъ въ Запискахъ Наполеона. 1
Переписка съ Вальтеръ-Скоттомъ 1
Замѣчанія на некрологію Н. Н. Раевскаго 1
Занятіе Дрездена 1813 года 10 марта 1
Воспоминанія о 1826 годѣ. (Статья неоконченная) 1
Мысли при извѣстіи о неудачномъ предпріятіи на Константину французскихъ войскъ, 1836. (Статья неоконченная) . . . 1

Изъ книгъ
А.В. Кокорева

ВАЖНЫЯ ПОПРАВКИ

въ I-й ЧАСТИ.

Въ статьѣ: „Дневникъ партизанскихъ дѣйствій“, въ выноскахъ, вкрались слѣдующія ошибки:

Стр.	*Строк.*		*Напечатано:*	*Слѣд. читать:*
13	1	снизу	стр. 2, N. 2	стр. 141, N. 2
36	—	—	стр. 3, N. 3	стр. 142, N. 3
38	—	—	стр. 5, N. 4	стр. 143, N. 4
42	—	—	стр. 7, N. 5	стр. 143, N. 5
63	5	—	стр. 7 по 16, N. 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14 и 15	стр. 144 по 149, NN. 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14 и 15
—	4	—	стр. 16, N. 16	стр. 150, N. 16
70	2	—	стр. 18, N. 18	стр. 151, N. 18
—	1	—	стр. 21, N. 19	стр. 153, N. 19
93	1	—	стр. 22, N. 21	стр. 154, N. 21
94	—	—	стр. 24, N. 22 и 23	стр. 155, N. 22 и 23
97	—	—	стр. 25, N. 24	стр. 156, N. 24
117	2	—	N. 25	стр. 156, N. 25
—	1	—	N. 26, 27 и 28	стр. 156 и 157, N 26, 27 и 28
119	—	—	стр. 30, N. 29	стр. 158, N. 29
120	—	—	N. 30	стр. 158, N. 30
125	—	—	N. 31	стр. 159, N. 31

Въ статьѣ: „Опытъ теоріи партизанскихъ дѣйствій для Русскихъ войскъ“, на стр. 32, на 4-й строкѣ сверху, вмѣсто напечатаннаго: „*и соразмѣрность*“ слѣдуетъ читать: „*и соразмѣрности.*“

Въ статьѣ: „Замѣчанія на некрологію Н. Н. Раевскаго,“ въ концѣ выноски (стр. 16), содержащей описаніе Кульмскаго сраженія, слова: „*Примѣчанія Издателя*“ — напечатаны ошибкою.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

0160504/1

1-3

ДП 240.

495045/1

Магазин 25
75 р.

9239/584

BSB Bayerische StaatsBibliothek

MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Davydov, Denis Vasilʹevič,

Sočinenija Denisa Vasil'eviča Davydova

Bd.: 1

Moskva 1860

Mil.g. 370 i-1
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10595494-6